70 ЛЕТ ПОБЕДЫ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

ВКЛАД УЧЕНЫХ-ИСТОРИКОВ В СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВОЙНЕ

ВКЛАД УЧЕНЫХ-ИСТОРИКОВ В СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВОЙНЕ

ЦЕЛЕВОЙ КОНКУРС

70 ЛЕТ ПОБЕДЫ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Институт российской истории
Российской академии наук

ВКЛАД УЧЕНЫХ-ИСТОРИКОВ В СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВОЙНЕ

На материалах Комиссии
по истории Великой Отечественной войны АН СССР,
1941—1945 гг.

Центр гуманитарных инициатив
Москва—Санкт-Петербург
2015

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6
В56

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 14-31-12065

Отв. редактор С.В. Журавлев

Авторы текста и комментариев:
А.Г. Гуськов, К.С. Дроздов, С.В. Журавлев, В.Н. Круглов,
Д.Д. Лотарева, В.В. Тихонов

В56 Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941—1945 гг. / А.Г. Гуськов, К.С. Дроздов, С.В. Журавлев, В.Н. Круглов, Д.Д. Лотарева, В.В. Тихонов; отв. ред. С.В. Журавлев; Институт российской истории РАН. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. — 383, [1] с.

ISBN 978-5-98712-530-4

Данная книга — первое в историографии исследование о вкладе ученых-историков и других гуманитариев в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. Причем не в мирное время, а непосредственно в ходе войны и по горячим следам боевых действий. В центре внимания – история создания, основные направления и результаты деятельности. руководимой известным историком И.И. Минцем Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР в 1941–1945 гг. Собранные ее сотрудниками документы, включая уникальный комплекс стенограмм бесед и интервью военных лет, долгое время оставались не востребованными. Одна из главных задач книги — дать представление об информационном богатстве этих источников и продемонстрировать их возможности для выяснения спорных моментов и развенчания современных мифов о войне.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-98712-530-4

© Коллектив авторов, 2015
© Институт российской истории РАН, 2015
© Центр гуманитарных инициатив, 2015

Содержание

Введение 7

РАЗДЕЛ I. Историческая наука военных лет и вклад ученых в документирование событий 1941—1945 гг.

Глава 1. Новые задачи исторической науки. Ученые на фронтах и в тылу Великой Отечественной войны 21
Глава 2. Создание и деятельность Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР в 1941—1945 гг. 50
Глава 3. Живые голоса войны. Стенограммы бесед с участниками событий и особенности их источниковедческого анализа 131

РАЗДЕЛ II. Информационный потенциал документов Комиссии по истории Великой Отечественной войны и их значение для развенчания современных мифов о войне

История 1. «Раз Матевосян вышел из строя, дальше нет смысла держаться...»: интервью С.М. Матевосяна об обороне Брестской крепости 143
История 2. Свидетельство подвига: интервью с сослуживцами летчика Н.Ф. Гастелло 163
История 3. «Там была драма целая»: рассказ Н.М. Губарева об эвакуации Донбасса 177
История 4. «А кругом все горит»: стенограмма интервью с секретарем Смоленского обкома партии Д.М. Поповым о первом периоде войны и организации сопротивления агрессору 191
История 5. «...Его везде и всюду можно было видеть сияющим»: стенограмма воспоминаний полковника Ф.Е. Двойнова о кавалеристе генерале Л.М. Доваторе 219
История 6. Сколько было героев? Воины дивизии И.В. Панфилова в боях 1941 г. под Москвой 235
История 7. Так воевал летчик В.И. Попков — прототип героев фильма «В бой идут одни “старики”» 278
История 8. 2-й танковый корпус на Курской дуге: к дискуссиям о танковом сражении под Прохоровкой 289

Приложение I. Инструктивно-методические материалы Комиссии по истории Великой Отечественной войны 351
Приложение II. Каталог описей и материалов фонда Комиссии по истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Академии наук СССР, поступивших в Научный архив Института российской истории РАН 364

Введение

Эта книга — первое в историографии исследование о вкладе ученых-историков и других гуманитариев в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. Причем не в мирное время, спустя десятилетия после ее окончания, а непосредственно в ходе войны и по горячим следам боевых действий.

В центре нашего внимания — история создания, основные направления и результаты деятельности в 1941—1945 гг. Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР (далее — Комиссия). До сих пор в комплексном, монографическом ключе она не изучалась. Собранные ее сотрудниками документы, включая уникальный комплекс стенограмм бесед и интервью военных лет, долгое время оставались не востребованными учеными и общественностью. В настоящее время, особенно в связи с празднованием 70-летия Победы, к ним проявлен огромный интерес, что делает нашу публикацию особенно актуальной. Материалы Комиссии хранятся в виде отдельного фонда в Научном архиве Института российской истории РАН. Одна из задач этой книги — дать представление об информационном богатстве этих источников и тем самым способствовать их более активному введению в научный оборот.

В удивительной истории, о которой рассказывается в этой книге, поражает несколько моментов. Во-первых, деятельность по документальной фиксации событий войны была инициирована не «сверху» — властью, которой в самый тяжелый начальный период войны по большому счету было не до исторических начинаний, а «снизу» — самими историками, которые воспринимали эту работу как исполнение своего патриотического и профессионального долга, как важный вклад в Победу. По этой причине это была лишь отчасти работа, но в значительной степени — общественное начинание. Давно замечено, что в критические моменты, когда создается реальная угроза существованию нации или общества, происходит мобилизация исторической памяти. В такое время на профессиональное сообщество историков ложится особая ответственность.

Во-вторых, как видно из публикуемых ниже источников, идея собирания материалов и фиксации событий начавшейся войны спонтанно и независимо друг от друга возникла сразу у многих людей, имевших отношение к исторической профессии. Они делали подробные дневниковые записи и собирали документы, листовки и обращения, вырезки из газет. Некоторые ученые, такие как, например, известный москвовед, научный сотрудник Института истории АН СССР П.Н. Миллер, приступили к этой работе по собственной инициативе, не дожидаясь официальных решений и формальных заданий от руководства. Было это в конце лета — осенью 1941 г., когда судьба страны

буквально висела на волоске, когда распространялись слухи о непобедимости германской военной машины и исход войны не был ясен. Немцы, оккупировав западные регионы страны, подступали к Москве, в которой была объявлена эвакуация и кое-где началась паника.

Согласимся, что в этой критической ситуации, инициируя историческое начинание такого рода, нужно было обладать абсолютной убежденностью в том, что враг будет разбит и что собранные документальные свидетельства войны будут востребованы потомками. Именно такой убежденностью обладал главный инициатор создания Комиссии по истории Великой Отечественной войны, член-корреспондент АН СССР И.И. Минц и его ближайшие соратники по «историческому фронту», ставшие затем сотрудниками Комиссии. Обратим также внимание на тот факт, что некоторое время вопрос о создании Комиссии высшими «инстанциями» не решался, формальное одобрение своей инициативы И.И. Минц получил лишь после того, как в начале декабря 1941 г. советские войска перешли в успешное контрнаступление под Москвой. Комиссия Минца (так ее для простоты называли по имени руководителя) была официально создана 10 декабря 1941 г., и это совпадение не может быть случайным. Комиссия просуществовала до декабря 1945 г., влившись в структуру Института истории АН СССР.

«Историк и война» — тема до сих пор малоизученная. Несмотря на ряд исследований[1], в том числе и монографического характера[2], многие вопросы остаются не освещенными. Между тем война до предела обостряет у людей историческое сознание, чувство сопричастности с героическими традициями отцов и дедов. В этой ситуации миссия историка заключается в том, чтобы помочь гражданам осмыслить исторический контекст проходящих событий. Во-вторых, в условиях военного противоборства исторические образы и факты превращаются в мощное оружие пропаганды, поэтому историк неминуемо становится пропагандистом. Наконец, специфическая черта человека, профессионально занимающегося изучением прошлого, — это стремление вписать современные ему события в исторический контекст, выявить их связь с общими историческими процессами, оценить историческую значимость событий, свидетелем которых он оказался.

В 1941—1945 гг. история стала мощным орудием пропаганды. Образы прошлого были актуализированы в массовом сознании через различные каналы

---

[1] Например: *Корзун В.П., Колеватов Д.М.* Социальный заказ и историческая память (научное сообщество сибирских историков в годы Великой Отечественной войны) // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 1. Омск, 2005. С. 75—95; *Шмидт С.О.* Тема «История Великой Отечественной войны» и «Историки в Великой Отечественной войне» на страницах Археографических ежегодников // Археографический ежегодник за 2005 год. М., 2007. С. 3—8; *Гордина Е.Д.* Историко-патриотическое воспитание в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2011. № 12. С. 58—71; и др.

[2] Например: *Гракина Э.И.* Ученые — фронту. 1941—1945. М., 1989; *Бурдей Г.Д.* Историк и война. Саратов, 1991; *Кондакова Н.И., Куманев Г.А.* Ученые-гуманитарии в годы Великой Отечественной войны. Документы. Материалы. Комментарии. М., 2004.

передачи информации — публичные лекции и беседы, политзанятия, школьные учебники, фильмы, радиопередачи, книги и брошюры. Особую роль, как показано в этой книге, сыграли во время войны политработники, среди которых было немало профессиональных историков и других призванных в армию гуманитариев. Они активно использовали исторические знания в пропагандистской работе на фронте и в тылу. Такая пропаганда оказалась действенной не только для поднятия боевого духа солдат, патриотизма, формирования непримиримого отношения к врагу, но и для стимулирования интереса граждан к своей истории в целом, что пробуждало в них стремление найти в прошлом ответы на насущные вопросы современности. Советское общество военных лет прониклось интересом к прошлому и пониманием важности труда историка. Уже в ходе войны люди начинали осознавать ее исключительное историческое значение. Они охотно шли на интервью, рассказывая о том, как воевали, чему во время войны они стали свидетелями и очевидцами. С учетом вышесказанного не кажется случайным, что в послевоенном СССР резко возросла популярность среди абитуриентов исторических факультетов университетов и педагогических институтов[3].

* * *

Деятельность Комиссии по истории Великой Отечественной войны не может быть в полной мере оценена в отрыве от богатейшего опыта предшествовавших исторических начинаний 1920—1930-х гг. — Истпарта, «Истории фабрик и заводов», «Истории Гражданской войны в СССР», краеведческого движения и др. Все они были тесно связаны с использованием истории как пропагандистского оружия. Все сочетали широкую общественную инициативу с организационной, финансовой и идеологической поддержкой со стороны партии и государства.

Вопросом принципиальной важности было участие в исторических начинаниях тех лет рядовых людей — участников революции и Гражданской войны, которые помнили, как «делали историю», а также других ее творцов — рабочих предприятий, военнослужащих воинских частей, книги по истории которых предполагалось написать. После революции простые люди почувствовали себя частью исторического процесса, что стимулировало их интерес к прошлому. Отнюдь не случайно, что именно на послереволюционные годы приходится и расцвет краеведческого движения в Советской России.

С 1920-х гг. происходило смещение ракурса исторического исследования — с традиционных макрообъектов (государства, нации, классы) к социальным микрообъектам (партячейки, коллективы предприятий, воинских подразделений и др.) и к признанию исторической значимости «маленького человека». Его влияние на историю после революции 1917 г. уже не вызывало сомнений, однако при ближайшем рассмотрении оказалось, что история тру-

[3] *Барсенков А.С.* Советская историческая наука в послевоенные годы: 1945—1955. М., 1988. С. 32.

довых коллективов или воинских подразделений ранее не считалась приоритетом в исторической науке и, соответственно, не документировалась.

Для того чтобы сделать исторический материал более ярким и доступным, он подвергался литературной обработке. Таким образом, «в одной упряжке» оказывались активисты-общественники, профессиональные историки, литераторы и журналисты.

Другой общей особенностью исторических начинаний 1920—1930-х гг., последним из которых стала деятельность Комиссии Минца 1941—1945 гг., было то, что все они основывались на собирании широкой источниковой базы. Во всех проектах особое внимание обращалось на формирование корпуса источников личного происхождения как важного дополнения, порой — альтернативы официальным документам царского режима, а иногда и единственного источника информации (особенно по тематике быта и повседневности или в случаях, если делопроизводственные документы не сохранились). Такой прием, когда в процессе исторической работы информационные лакуны заполняются с помощью инициирования интервью с определенными респондентами, компетентными именно по данному вопросу, ныне называется инициативным документированием. В 1920—1940-е годы этого термина еще не существовало, что не меняет сути дела.

Поскольку в процессе работы местных комиссий оказывалось, что многим «старикам» — участникам революции и Гражданской войны, старым рабочим, недостаточно хорошо владевшим пером, легче рассказать о прошлом и своей жизни, чем написать, в 1920—1930-е годы были разработаны соответствующие методики, и накоплен богатый опыт опроса и стенографирования бесед и интервью. Таким образом, уже в 1920—1930-е гг. в Советской России — раньше, чем на Западе, — начался процесс антропологизации истории и формирования такого признанного ныне направления, как «устная история» (oral-history). В исторической науке до сих пор существует стереотип, согласно которому «устная история» возникла на Западе в середине XX в., а в России это направление вообще получило развитие только в последнее десятилетие[4]. Многие исследователи, занимавшиеся указанными выше историческими проектами в Советской России 1920—1940-х гг., обосновано указывают, что это не так[5].

Первым по времени примером формирования источниковой базы преимущественно за счет сбора устных свидетельств стала работа Истпарта — Комиссии по истории партии и Октябрьской революции (ее активная деятельность в центре и на местах приходится на период с 1920 по 1928 гг.)[6].

[4] Например: *Мазур Л.Н.* Методы исторического исследования. Екатеринбург, 2010. С. 205.

[5] *Шмидт С.О.* «Устная история» в системе источниковедения исторических знаний // *Шмидт С.О.* Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 98—108; *Орлов И.Б.* Устная история: генезис и перспективы развития // Отечественная история. 2006. № 2. С. 136—148; и др.

[6] *Алексеева Г.Д.* Истпарт: основные направления и этапы деятельности // Вопросы истории. 1982. № 9. С. 17—29.

Руководитель Истпарта М.С. Ольминский отмечал по этому поводу, что сами участники могли бы лучше, чем фрагментарно сохранившиеся архивы, осветить события. «Каждый видел один какой-нибудь уголок, одно какое-нибудь дело. Если человек стоял в центре, он знал, что делает центр, но не знал, как и что делают так называемые низы. Историю Октябрьской революции и историю трехлетнего советского строительства можно будет написать только тогда, когда за это дело возьмутся сотни тысяч рядовых работников»[7], — отмечал Ольминский.

Не менее масштабным историко-документальным проектом явилось предпринятое в 1931—1937 гг. по инициативе М. Горького создание «Истории фабрик и заводов»[8]. «Рабочие создали завод, они же и должны написать историю его создания, — историю своей работы», — отмечал Горький. Выдвигая участие рабочих в написании истории предприятий в качестве обязательного условия, он подчеркивал, что задача привлекаемых к начинанию литераторов и историков не менее ответственна: «на материале, который даст нам рабочий, усилить, заострить его идеологическое вооружение». Коллективы более 100 промышленных предприятий в разных регионах страны вызвались писать свою историю за весь период существования заводов — от создания производства до начала 1930-х гг. Среди них были и новостройки первых пятилеток, которые фактически не имели еще своей документальной истории. Например, история коллектива Метростроя создавалась параллельно со строительством первой очереди московского метро. Это сделало приоритетным стенографирование бесед с метростроевцами. На их основе в 1935 г. были изданы два объемных сборника — «Рассказы строителей метро» и «Как мы строили метро».

«Изучение истории предприятия требует ознакомления с письменными и устными материалами, вещественными памятниками...», — отмечалось в составленном в конце 1931 — начале 1932 г. плане-конспекте «Источники по истории фабрик и заводов». В число письменных источников включались материалы государственных, партийных, заводских архивов, делопроизводственная документация предприятий, мемуары, периодика. Под вещественными памятниками понимались старые здания, машины, а также фотоснимки. Характерно выделение «устных» источников в отдельную группу воспоминаний, «со слов записываемых исследователем». Еще в 1930 г. анкетно-биографическая комиссия Комакадемии приступила к составлению вопросников в связи с монографическим изучением «Трехгорки» и «Серпа и Молота». Появились методички для опроса участников революций 1905 и 1917 гг., Гражданской войны, ударников и др. В феврале-марте 1931 г. под ру-

[7] *Городецкий Е.Н.* Из истории первых шагов деятельности Комиссии по истории партии и Октябрьской революции (Истпарт) // История и историки: историографический ежегодник. 1973. М., 1975. С. 359.

[8] *Журавлев С.В.* Феномен «Истории фабрик и заводов»: горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов. М., 1997. О горьковских исторических начинаниях см. также: *Хамов К.Н.* А.М. Горький и историческая наука. Горький, 1958.

ководством историка О.Н. Чаадаевой была подготовлена типовая схема — вопросник по основным проблемам и периодам истории предприятий, а также специальная «Инструкция по организации и проведению опросов рабочих и собиранию воспоминаний» с указанием основных этапов подготовки и проведения опросов, их методики в зависимости от поставленных задач и контингента опрашиваемых, методов проверки достоверности данных и т.д. Осенью 1931 г. указанная разработка была опубликована в сборнике «История пролетариата СССР».

Основываясь на этой методической базе, в начале 1930-х гг. редакция московского «Электрозавода» намечала опросить и застенографировать воспоминания около 500 человек. На «Серпе и Молоте» было выявлено для последующих бесед со стенографированием свыше 220 ветеранов 1-й русской революции, а на «Трехгорке» — 76 дружинников декабря 1905 г., 58 участников революции 1917 г. На ленинградском заводе им. Ленина (б. Семянникова) к марту 1934 г. было проведено 27 вечеров воспоминаний, в которых участвовало около 700 человек.[9]

В этом же ряду исторических начинаний 1930-х гг. стоит и написание «Истории Гражданской войны в СССР», в котором в 1930-е гг. активное участие принимали И.И. Минц и многие будущие сотрудники Комиссии по истории Великой Отечественной войны. Исторические проекты ИФЗ и ИГВ были тесно связаны между собой не только идеологически, но и организационно. Приказом по Объединению государственных издательств (ОГИЗ) от 25 января 1933 г. в его структуре было создано единое Государственное издательство «История гражданской войны» и «История фабрик и заводов». Его задачей являлось издание литературы по истории фабрик и заводов и Гражданской войны. В течение всего периода существования объединенного издательства «Историй» (1933—1937 гг.) его заведующим являлся И.И. Минц. В условиях массовых политических репрессий многие сотрудники ОГИЗа были арестованы. 10 ноября 1937 г. на собрании коллектива новый руководитель ОГИЗа П.Ф. Юдин сделал категоричный вывод: у вас в издательствах «сволочь на сволочи сидит и сволочью погоняет». Тучи сгустились и над Минцем, который чудом избежал ареста. «Я считаю, т. Минц, что Вам и сейчас нужно обратить внимание на кадры [издательства ИГВ]. Это неспроста, что у Вас 14 человек арестованных»[10], — отмечала на этом собрании заведующая отделом кадров ОГИЗа Каргина.

История Гражданской войны писалась на основе архивных документов, собранных Истпартами коллекций, а также при помощи целенаправленного сбора воспоминаний участников революционного движения и Гражданской войны.

Главным инициатором исторических проектов 1930-х гг. был М. Горький. Он отмечал: «Нужно, чтобы все люди, которые помнят события тех лет, те,

[9] Подробнее об этом см.: *Журавлев С.В.* Феномен «Истории фабрик и заводов»... С. 78—113.
[10] Цит. по: Там же. С. 75.

которые создавали события, записывали и присылали в редакцию «Истории» свои записки...»[11]. В результате в 1930-е годы было собрано огромное количество материалов, в том числе свыше 5 тыс. мемуаров и интервью с участниками Гражданской войны[12].

Богатый опыт исторических начинаний 1920—1930-х гг., в том числе организация работы с обязательным привлечением общественности и партийных структур, наработанные методики интервьюирования и т.д., — все это было использовано в деятельности Комиссии Минца. Работа в исторических начинаниях 1920—1930-х гг. учила, в частности, тому, как важно документировать события по горячим следам, чтобы впоследствии не тратить время и усилия на поиск ценной информации. Это урок, как будет видно из содержания нашей книги, был хорошо усвоен.

Четкие аналогии напрашиваются в связи с начальным периодом работы Комиссии, когда одним из ее приоритетов была история обороны Москвы. В связи с этим, как и в рамках «Истории фабрик и заводов» 1930-х гг., изучалась история предприятий, на них создавались инициативные группы, шел сбор документов и проч.

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что большинство штатных и прикомандированных сотрудников Комиссии Минца военных лет не только имели историческую или иную гуманитарную подготовку, но и — что еще более важно — ранее приобрели практический опыт работы в указанных выше исторических проектах 1920—1930-х годов, в том числе владели методикой опросов и интервьюирования. В этом видится один из секретов эффективности деятельности Комиссии, которой удалось сравнительно малыми силами поднять и зафиксировать для потомков гигантский материал по истории войны.

Важно отметить, что работа созданной в конце 1941 г. Комиссии Минца осуществлялась параллельно с продолжающимся проектом «История Гражданской войны» (ИГВ). Штат Комиссии и ее архив во время войны располагались в помещении Главной редакции ИГВ. Сам Минц и ряд сотрудников Комиссии работали одновременно в двух этих военно-исторических проектах. Известные аналогии между ними тоже прослеживаются. Например, еще в 1939 г. Минц, полагая, что эта проблема должна быть поставлена на постоянную основу, выступил с идеей организации под его руководством научного Института истории Гражданской войны[13]. Во время войны он пытался добить-

[11] Цит. по: *Голиков Г.Н.* Великая Октябрьская Социалистическая революция в советской исторической литературе // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. IV. М., 1966. С. 453.

[12] Минц И.И. Изучение истории Великой Пролетарской революции и Гражданской войны // Двадцать пять лет исторической науке в СССР. М.—Л., 1942. С. 158.

[13] Об этом свидетельствует письмо И.И. Минца академику, в то время вице-президенту АН СССР О.Ю. Шмидту от 18 декабря 1941 г.: «Помню, когда создавалась редакция «Истории Гражданской войны», то Главная редакция предложила тогда создать Институт, а современная Великая Отечественная война по своему значению и размаху не идет в сравнение с войной 1918—20 гг.» — см. Архив РАН. Ф. 475. Оп. 1. Д. 19. Л. 4. Благодарим за указание на этот документ В.Г. Бухерта.

ся преобразования Комиссии в Институт истории Великой Отечественной войны, что в итоге тоже не удалось[14]. По аналогии с многотомной ИГВ Минц хотел в будущем создать на базе собранных Комиссией и иных материалов многотомную «Историю Великой Отечественной войны».

* * *

Отдельные стороны деятельности Комиссии военных лет отражены в исторической литературе. Показательно, что современники, особенно историки — участники войны, понимали значимость собранных сотрудниками Минца материалов. В опубликованной в 1981 г. статье «Вклад историков АН СССР в изучение проблем Великой Отечественной войны» академик А.А. Самсонов утверждал, что именно с деятельности Комиссии фактически уже в военные годы началось изучение войны, были заложены основы ее историографии[15]. М.М. Альтман в 1991 г. защитила кандидатскую диссертацию, в которой проанализировала методику Комиссии по сбору источников личного происхождения[16].

Оставили свидетельства деятельности Комиссии и некоторые ее бывшие сотрудники. В совместной статье учеников Минца Л.М. Зак[17] и Е.Н. Городецкого «Академик И.И. Минц как археограф (к 90-летию со дня рождения)»[18] отмечена преемственность принципов работы редакции ИГВ и Комиссии в области собирания документов, а также объединения сил историков, литераторов, художников для создания книг, доступных широким кругам читателей. Зак и Городецкий также отмечали, что в работе Комиссии был использован опыт секретариата ИГВ по созданию фактографических картотек на основе документальных свидетельств, данных прессы и различных изданий. На самом деле подобные картотеки и хроники широко использовались еще при создании ИФЗ в начале 1930-х гг.

Зак и Городецкий также подчеркнули в статье, что Минц в ходе работы Комиссии настаивал на том, что не только факты и цифры, но и мысли, чувства и переживания человека на войне представляют ценность для историка. Их фиксация стала визитной карточкой в деятельности Комиссии — задолго

---

[14] Подробнее см.: *Лотарева Д.Д.* Комиссия по истории Великой Отечественной войны и ее архив: реконструкция деятельности и методов работы // Археографический ежегодник за 2011 г. М., 2014. С. 132—134.

[15] На основных направлениях науки. 1981. № 9. С. 85.

[16] *Альтман М.М.* Организация собирания и использования документов личного происхождения о Великой Отечественной войне: Из опыта работы ЦГА СССР и государственных архивов РФ. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. На правах рукописи. М., 1991. С. 73.

[17] *Зак Людмила Марковна* (1917—2001) — известный советский историк, специалист по истории культуры. В начале войны — студентка исторического факультета МИФЛИ, пошла добровольно в народное ополчение. После окружения и спецпроверки И.И. Минц добился ее прикомандирования к комиссии. С 1943 г. — на фронте, гвардии капитан, служила на Северо-Западном, Брянском и Белорусском фронтах в должности лектора политотдела. Демобилизована в мае 1945 г. Кавалер двух орденов Красной Звезды // www.netschools.ru/sch518/live/knpam/zak.html.

[18] АЕ за 1986 год. М., 1987. С. 131—142.

до того, как в современной исторической науке появилось исследовательское направление «история чувств и эмоций». В итоге многие собранные сотрудниками Минца источники, в особенности записи бесед и интервью, представляли собой сгусток разнообразных человеческих чувств и эмоций, показывая войну в непривычном, неофициальном свете.

Долгое время отечественные и зарубежные исследователи не имели свободного доступа к материалам Комиссии Минца. Собранные ею документы и интервью, а также материалы о ее деятельности, хранившиеся в ведомственном архиве Института истории АН СССР (с 1968 г. — Институт истории СССР АН СССР, с 1991 г. по настоящее время — Институт российской истории РАН), формально не были секретными. Однако информация о существовании данной коллекции была ограничена. К тому же в советской историографии господствовало представление о «второстепенности» и чрезмерной субъективности источников личного происхождения. Приоритетный доступ к работе с этими не простыми для восприятия материалами, требующими к тому же «правильной интерпретации», получили в 1950—1980-е годы сотрудники Академии наук, изучавшие историю войны. В большей мере вызвала их интерес работа самой Комиссии, в значительно меньшей — собранная ею источниковая база.

Уникальные документы и свидетельства оставались малоизвестными. К ним в советское время если и обращались, то в основном сотрудники Института истории для наведения биографических и иных справок[19]. Сотрудник института академик А.М. Самсонов[20] — ветеран войны, ставший крупнейшим специалистом по ее истории, одним из первых использовал в своих работах фрагменты нескольких стенограмм Комиссии, в частности, при создании своей фундаментальной монографии «Сталинградская битва»[21]. Однако это было, скорее, исключением из правил.

Главным историографом Комиссии Минца стал сотрудник Археографической комиссии АН СССР А.А. Курносов, который в начале 1970-х гг. опубликовал статью «Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР: Организация и методика собирания»[22]. В дальнейшем он в соавторстве с заведующей архивом Института истории Н.С. Архангородской издал ряд работ о деятельности Комиссии, включая исследования: «О создании Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР и ее архива: (К 40-летию со дня образования)»[23] и «Истории воинских частей» в фонде Комиссии по истории Отечественной войны АН

[19] См. отчеты о работе Отдела рукописных фондов (ОРФ затем преобразован в Научный архив — НА) Института истории АН СССР за 1949—1956 гг., а также отчет Н.С. Трусовой о работе в качестве заведующей ОРФ // НА ИРИ РАН. Ф. 10. Оп. 5. Д. 29. Л. 138.

[20] *Курносов А.А.* Академик А.М. Самсонов — археограф и источниковед истории Второй мировой войны (К 75-летию со дня рождения) // АЕ за 1983 год. М., 1985. С. 189—191.

[21] См.: *Самсонов А.М.* Сталинградская битва. От обороны и отступлений к великой победе на Волге. Исторический очерк. М.: Наука, 1960.

[22] АЕ за 1973 год. М., 1974. С. 118—132.

[23] АЕ за 1981 год. М., 1982. С. 219—229.

СССР»[24]. В этих статьях освещались история создания и деятельность Комиссии, особенности ее работы, принципы собирания и систематизации материалов. Тогда же впервые стало известно о деятельности республиканских комиссий. В статье Е.В. Васневской «Воспоминания-интервью о битве под Москвой» давался обзор стенограмм бесед с участниками Московской битвы, собранных Комиссией в 1942—1947 гг.[25]

В 1970-х — начале 1980-х годов вышли и другие исследования отечественных историков и архивистов, вводившие в научный оборот новые информацию и материалы о деятельности Комиссии и ее отдельных сотрудников[26]. Особая роль здесь принадлежит Археографической комиссии АН СССР, которую в 1966—1967 гг. возглавлял бывший сотрудник Комиссии В.И. Шунков, а также изданию «Археографический ежегодник», не оставлявшему данную тему без внимания. Благодаря этому научное сообщество впервые узнало о масштабах деятельности Комиссии в 1941—1945 гг. и о собранных ею уникальных материалах. Однако эта информация не выходила за рамки узкого круга специалистов, а документальные богатства по истории войны так и не стали достоянием общественности.

Начиная с периода «перестройки» и особенно в 1990-е годы, казалось, что на волне разоблачения советского прошлого проблематика Великой Отечественной войны перестала быть актуальной. В этих условиях вплоть до начала XXI века к материалам Комиссии историки почти не обращались. Ситуация изменилась в последние годы, когда фонд Комиссии Минца вновь оказался крайне востребованным, причем на этот раз — в равной мере как учеными, так и журналистами. После длительного перерыва на эту тему появились новые научные работы[27], а также вышло большое количество популярных газетных, журнальных публикаций и телевизионных передач, основанных на материалах Комиссии Минца.

Интерес к этой коллекции был обусловлен несколькими факторами. Во-первых, усиление патриотических настроений в российском обществе

---

[24] АЕ за 1985 год. М., 1986. С. 174—181.

[25] АЕ за 1983 год. М., 1985. С. 272—277.

[26] См., в частности: *Крууе Х.Х.* История — спутница народа в Великой Отечественной войне // ВИ. 1971. № 5. С. 123—129; *Левшин Б.В.* Деятельность Комиссии по истории Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг. // История и историки: Историографический ежегодник, 1974. М., 1976. С. 312—317; *Михайлова Е.П.* О деятельности Комиссии по истории Великой Отечественной войны советского народа против фашистских захватчиков в период 1941—1945 гг. // Вопросы историографии в высшей школе. Смоленск, 1975. С. 352—359.

[27] *Батурина С.С.* Памяти Федора Павловича Шевченко // АЕ за 2004 год. М., 2005. С. 534—541; *Она же.* Археографическая деятельность Ф.П. Шевченко в Комиссии по истории Отечественной войны при АН УССР // АЕ за 2005 год. М., 2007. С. 121—123; *Кондратенко О.* Наукова діяльність Комісії по історії Вітчизняної війни на Україні АН УРСР (1945—1950 рр.) // Український історичний збірник. 2010. Вип. 13. С. 29—38; *Тихонов В.В.* Материалы Комиссии по истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. академика И.И. Минца как исторический источник // Российское государство: истоки, современность, перспективы. Материалы Межрегиональной историко-патриотической научной конференции. Липецк, 8 июня 2012 г. Липецк, 2012. Ч. II. С. 32—40 и др.

и пересмотр негативного отношения к советскому прошлому вызвали повышенный интерес к истории Великой Отечественной войны. Война стала справедливо рассматриваться как главное событие XX века, как выдающийся пример героизма и самопожертвования, единения общества и власти в борьбе с врагом, а победа в войне — как бесспорный предмет нашей национальной гордости. Все это стимулировало искренний интерес современников к изучению военного поколения. Во-вторых, в мировой историографии на фоне «антропологического поворота» стала активно пробивать себе дорогу проблематика «истории эмоций». Для этого молодого исследовательского направления материалы Комиссии Минца кажутся настоящей находкой. В результате последний период связан с появлением новых важных публикаций[28].

Большой резонанс вызвала опубликованная в 2012 г. статья К.С. Дроздова «Героев было не только двадцать восемь»[29]. На основе интервью, взятых сотрудниками Комиссии Минца у бойцов и командиров Панфиловской дивизии, автор оспаривает некоторые выводы военной прокуратуры, которая в 1948 г. расследовала обстоятельства подвига 28 героев в связи с делом И.Е. Добробабина — одного из оставшихся в живых панфиловцев, обвинявшегося после войны в измене. Бой 16 ноября 1941 г. у разъезда Дубосеково, остающийся в центре современных дискуссий, подробно освещается в данной книге. В ней мы приводим новые документальные свидетельства этого события.

В 2014 г. вышла книга А.В. Марчукова «Герои-покрышкинцы о себе и своем командире»[30], в основном построенная на материалах Комиссии. В ней впервые публикуется комплекс бесед с соратниками трижды Героя Советского Союза А.И. Покрышкина.

Особо следует выделить вышедшую в 2015 г. книгу «Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев», созданную при участии Института российской истории РАН[31]. В ней впервые опубликованы стенограммы интервью участников битвы за Сталинград (часть из них была собрана сотрудниками Комиссии в январе-феврале 1943 г., т.е. практически на поле боя).

В общем и целом, несмотря на имеющиеся отдельные работы, деятельность Комиссии и собранный ею богатейший документальный материал

[28] В качестве успешного примера такого международного исследовательского проекта при участии Института российской истории РАН можно отметить вышедшие в последние годы в Германии, США и России документальные книги о Сталинградской битве под редакцией профессора Йохена Хелльбека (США): *Hellbeck J.* Die Stalingrad-Protokolle. Sowjetische Augenzeugen berichten aus der Schlacht. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main, 2012; Stalingrad. The City That Defeated the Third Reich. Jochen Hellbeck, ed. New York: Public Affairs, 2015; Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев. По материалам Комиссии по истории Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг. / Отв. ред. Й. Хелльбек. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

[29] Родина. 2012. № 5. С. 6—11; № 7. С. 9—16.

[30] *Марчуков А.В.* Герои-покрышкинцы о себе и своем командире. Правда из прошлого. 1941—1945. М.: Центрполиграф, 2014.

[31] Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев. По материалам Комиссии по истории Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг. / Отв. ред. Й. Хелльбек. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

остаются недостаточно изученными. Данная книга, подготовленная коллективом сотрудников Института российской истории РАН по проекту РГНФ, нацелена на то, чтобы восполнить этот пробел.

Особенность книги заключается в том, что авторы намеренно выбрали жанр документального повествования. Обильное цитирование источников, многие из которых приводятся полностью, порой оставляет авторский комментарий на втором плане и дает возможность читателю самому, а не в пересказе, погрузиться в условия работы Комиссии военных лет. Такой подход позволяет вжиться в эпоху и максимально подробно, не игнорируя в том числе важных деталей, оценить успехи и проблемные места работы Комиссии. Благодаря тому, что в документах встречается немало имен сотрудников Комиссии, повествование приобретает более персонифицированный характер.

Книга состоит из двух разделов. В первом дается характеристика состояния исторической науки и деятельности историков в условиях военного времени. Специальная глава посвящена созданию и деятельности Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР. С точки зрения источниковедения характеризуются собранные историками стенограммы-интервью со свидетелями и очевидцами событий войны.

Второй раздел документальной монографии нацелен на то, чтобы на конкретных примерах продемонстрировать информационное богатство собранных Комиссией документов, в том числе для развенчания современных мифов о войне. Сознательно выбранные нами восемь сюжетных линий (историй) имеют не только научную, но и общественную значимость. Вокруг них в последнее время развернулись острые дискуссии. Речь идет, в частности, об обороне Брестской крепости, о наиболее сложном начальном периоде войны, о подвигах летчика Н.Ф. Гастелло и 28 панфиловцев, о танковом сражении под Прохоровкой и др.

В качестве приложений к книге впервые публикуются инструктивно-методические материалы Комиссии, а также каталог ее описей и материалов, поступивших в Научный архив Института российской истории РАН.

Раздел I.
Историческая наука военных лет и вклад ученых в документирование событий 1941—1945 гг.

Глава 1
Новые задачи исторической науки. Ученые на фронтах и в тылу Великой Отечественной войны

Сражающаяся наука

В годы войны часть историков оказалась на фронте, а другие — преимущественно представители старшего поколения — в эвакуации в Уфе, Ташкенте, Алма-Ате и других восточных регионах. Тем не менее, научная жизнь в стране не затихала[1]. Напротив, интерес к прошлому в обществе заметно усилился. Историческая наука была во время войны на подъеме, а историки и их знания оказались востребованы, как никогда прежде. Это порождало в их среде рост патриотических настроений, осознание своей значимости для Родины, искреннее стремление внести посильный вклад в победу.

На развитие исторической науки в те годы оказали влияние тенденции, нараставшие в течение 1930-х годов. Вместо идей интернационализма и задач мировой революции главным приоритетом стало строительство социализма в Советском Союзе и воспитание у граждан советского патриотизма, соединявшего традиционное понимание национального патриотизма (гордость за свое Отечество, его историю и культуру, сопричастность с его героями и героическими страницами прошлого, любовь к «малой родине» и др.)[2] с идеологической — коммунистической составляющей патриотизма, предполагающей гордость за социалистические завоевания СССР и готовность защищать Страну Советов от внешних врагов. Новая доктрина предусматривала, во-первых, пересмотр прежних исторических установок, в частности, бытовавшего вплоть до середины 1930-

[1] *Гракина Э.И.* Ученые — фронту. 1941—1945. М., 1989; *Бурдей Г.Д.* Историк и война. Саратов, 1991; *Бурдей Г.Д., Бородкин Л.И.* Защита диссертаций по гражданской истории в 1941—1945 гг. (Источники, проблематика, динамика) // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XXIV. СПб., 1993. С. 106—126; *Кондакова Н.И., Куманев Г.А.* Ученые-гуманитарии в годы Великой Отечественной войны. Документы. Материалы. Комментарии. М., 2004.

[2] Подробнее об этом см.: *Синицын Ф.Л.* Формирование концепции «советского патриотизма» в 1938—1941 гг. // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 6. М., 2014. С. 234—263; *Орлов И.Б., Лившин А.Я.* Предисловие // Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны / Сост. Орлов И.Б., Лившин А.Я. М., 2007. С. 15; *Журавлев С.В.* «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920—1930-х годов. М., 2000; Epic revisionism: Russian history and literature as Stalinist propaganda / Ed. by Kevin M.F. Platt and David Brandenberger. Wisconsin, 2006; *Бранденбергер Д.Л.* Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931—1956). СПб., 2009; *Дубровский А.М.* Историк и власть. Брянск, 2005. С. 19—28.

х годов крайне негативного отношения к дореволюционному прошлому России, за исключением истории революционного движения и сопротивления царскому режиму, и, во-вторых, поиск героев, достойных подражания, не только среди революционеров, советских летчиков и полярников, но и, например, русских полководцев разных исторических эпох. В результате пантеон выдающихся с точки зрения советской власти личностей уже накануне войны дополнили Александр Невский, Дмитрий Донской, Александр Суворов, Михаил Кутузов и др.

В мае 1941 г. И.В. Сталин опубликовал статью (на самом деле работа была им написана еще летом 1934 г., но некоторое время не предавалась огласке[3]), в которой он фактически выступил против оценки Ф. Энгельсом царской России в XIX веке как реакционного «жандарма Европы»[4]. В конце 1930-х гг. в связи с эскалацией международной напряженности в СССР наблюдался рост интереса к событиям Первой мировой войны. Советские военные теоретики стали призывать к изучению опыта русской императорской армии и деятельности ее генералов[5]. В условиях разразившейся в 1939 г. в Европе Второй мировой войны многие пропагандистские метафоры Первой мировой вновь обрели актуальность. Например, определение Германии как «Чингисхана с телеграфом» — тем самым подчеркивался сохранявшийся и к началу 1940-х годов диссонанс между высоким техническим оснащением немцев и их варварским отношением к другим народам[6]. Для многих представителей старшего и среднего поколений советской интеллигенции, воспитанных и начавших свою карьеру в досоветское время, такие образы, пробуждавшие знакомые нотки имперского патриотизма, оказались более чем актуальными. Академик, специалист по агрохимии Д.Н. Прянишников (1865—1948) в первые дни Великой Отечественной войны написал статью, в которой назвал гитлеровские войска «моторизованным Тамерланом»[7].

После прихода Гитлера к власти в Германии в 1933 г. и начала милитаризации страны нацизм стал рассматриваться советским руководством как главная угроза СССР и миру[8]. Сталинская дипломатия выдвинула так и не реализованную по вине западных демократий идею создания системы коллективной безо-

---

[3] *Зеленов М.В.* 1934—1941. Энгельс, Маркс и внешняя политика России глазами Сталина // И.В. Сталин. Историческая идеология в СССР в 1920—1950-е годы: переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений. Сборник документов и материалов. Ч. I. 1920—1930-е годы. СПб., 2006. С. 218—220.

[4] Подробнее см.: *Юрганов А.Л.* Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011. С. 222—226.

[5] *Невежин В.А.* «Если завтра в поход...». Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х—40-х годах. М., 2007. С. 220, 224 и др.

[6] См.: *Тихонов В.В.* Пропаганда прошлым: российские историки в годы Первой мировой войны // История: электронный научно-образовательный журнал. 2012. Вып. 3 (11): Знания о прошлом в политико-правовых практиках переходных периодов всемирной истории. [Электронный ресурс]. — Доступ для зарегистрированных пользователей. — URL: http://mes.igh.ru/magazine/content/propaganda-proshlim.html (дата обращения — 10.05.2015).

[7] «Опять война, опять Германия является агрессором!»: Статья академика Д.Н. Прянишникова. 1941 г. / Публикация М.Ю. Киселева // Исторический архив. 2015. № 2. С. 147.

[8] *Невежин В.А.* «Если завтра в поход...»: Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х—40-х годах. М., 2007. С. 132.

пасности в Европе против заявивших о своих агрессивных планах стран «оси» (Германия — Италия — Япония). Начавшаяся в 1936 г. Гражданская война в Испании (фашистская Германия помогала режиму Франко, а СССР — республиканскому правительству Испании) еще больше усилила антифашистские настроения в советском обществе[9]. В антифашистской пропаганде активно использовались исторические сюжеты, связанные с разоблачением «традиционного германского экспансионизма» в отношении русских земель. Знаковым событием стал выход в конце 1938 г. на экраны фильма С.М. Эйзенштейна «Александр Невский»[10]. В его создании приняли участие не только мастера культуры, но и профессиональные историки. В 1936 г. был издан сборник «Против фашистского мракобесия и демагогии», а в 1939 г. из печати вышла книга «Против фашистской фальсификации истории» (М.; Л., 1939). Основной акцент в ней был сделан на опровержение нацистской концепции истории Средних веков и Нового времени, используемой геббельсовской пропагандой для «исторического обоснования» планов завоевания новых территорий.

Вынужденное заключение в августе 1939 г. в условиях нарастания международной напряженности Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом (пакт Молотова — Риббентропа) и нескольких последующих советско-германских соглашений, формально означавших установление «партнерских отношений»» с нацистской Германией, вызвало замешательство у многих советских граждан. Студент исторического факультета МГУ Г.В. Раевский так описал случайную встречу в 1941 г. первомайской колоны московских студентов с машиной германского посольства: «Среди нас, студентов, собравшихся на Никитском бульваре, целую сенсацию произвело появление двух роскошных машин с флагом германским. Это посольские. Отношение студентов видно из нескольких реплик. «Гранату бы сейчас!» — кричат наши ребята у самой машины. Заглядывают в окошки машин, которые едут очень медленно, видят немцев и удивленно: «Совсем как люди!». Надо сказать, что немцы не имеют никаких симпатий в среде студентов. Их вообще не считают людьми»[11].

Начавшаяся Великая Отечественная война многократно усилила апелляцию к героическому прошлому, идею преемственности прошлого и настоящего. Тенденция к «историзации» идеологии стала еще более отчетливой. Тон задавали первые лица страны. 7 ноября 1941 г. И.В. Сталин, обращаясь к красноармейцам, призывал: «Пусть вдохновляет нас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Ку-

[9] *Мухаматулин Т.А.* «Мадрид 1936 года — это Петроград 1919 года» // Родина. 2011. № 12. С. 117—118.

[10] Подробнее см.: Brandenberger D. The Popular Reception of S.M. Eisenstein's Aleksandr Nevskii // Epic revisionism: Russian history and literature as Stalinist propaganda. P. 233—252; *Шенк Ф.Б.* Александр Невский в русской культурной памяти. М., 2007. С. 279—430.

[11] «Мы шли навстречу ветру и судьбе...»: Воспоминания, стихи и письма историков МГУ — участников Великой Отечественной войны. М., 2009. С. 35.

тузова!»[12]. Во время Великой Отечественной войны были учреждены высокие воинские награды — ордена Суворова, Кутузова, Александра Невского, Богдана Хмельницкого, Ушакова, Нахимова. Эти полководцы сформировали своеобразный новый пантеон исторических героев страны. В литературе и патриотических речах военных лет Великую Отечественную войну сравнивали с Отечественной войной 1812 года, многие сражения — с Невской битвой или борьбой с немецкой оккупацией Украины в 1918 г.[13]

В некоторых речах советских лидеров в начале войны прозвучало сравнение вторжения Гитлера с нашествием Наполеона на Россию в 1812 г. Не всем оно пришлось по душе. Известный историк М.В. Нечкина была категорически не согласна с такой аналогией: «Я решительно против сравнения с Наполеоном. Глубочайшая и всесторонняя его неправильность по существу. Кроме того, воспринимается как неполное знание истории. Особенно неприятно то, что в самом факте сравнения — в эмбрионе — план отступления. Я не хочу и говорить про Москву. Неудачное, опасное, ошибочное сравнение. Я, конечно, понимаю его политический смысл (отечественная война), особенно для заграницы. Но это недопустимо — особенно в первый день войны»[14]. Знала ли тогда М.В. Нечкина, что ее недобрые предчувствия об отступлении окажутся реальностью? Немцы дойдут до самой Москвы, а официальная пропаганда будет это преподносить как гениальный план, однажды уже принесший успех в 1812 году[15].

Есть свидетельства, что далеко не все ученые накануне и во время войны одобряли отказ от огульного «разоблачения царского режима» и возвеличивание его героев (к примеру, вряд ли специалисты забыли о том, что А.В. Суворов прославился подавлением восстания Е. Пугачева). Некоторые историки-марксисты видели в этом временный политический маневр, а кто-то — отход от революционных принципов. В советской идеологии в первые месяцы войны тоже не всегда присутствовала четкая позиция в отношении прошлого. Так, И.В. Сталин в своих речах 3, 4 июля и 7 ноября 1941 г. сравнивал фашистов с «царским прошлым»[16]. В дальнейшем, когда история стала рассматриваться как мощное пропагандистское оружие, противоречивость исчезла.

Во время войны большое внимание уделялось усилению политико-воспитательной работы в войсках, для чего активно использовались исторические сюжеты. Для работы лекторами и политработниками было мобилизовано большое количество профессиональных историков. Осенью 1941 г. был создан Антифашистский комитет советских ученых, который возглавил уче-

[12] *Сталин И.В.* Речь на Красной площади 7 ноября 1941 года // Правда. 1941. 8 ноября.
[13] *Синицын Ф.Л.* Национальная политика СССР в Великой Отечественной войне. Пермь, 2009. С. 33.
[14] «...И мучилась, и работала невероятно»: Дневники М.В. Нечкиной / Подг. Е.Р. Кураповой. М., 2013. С. 346.
[15] *Сидорова Л.А.* Великая Отечественная война в работах советских историков в первые послевоенные годы (1945—1956 гг.) // История и историки: историографический вестник. 2008. М., 2010. С. 6—8.
[16] *Синицын Ф.Л.* Национальная политика СССР в Великой Отечественной войне. С. 36—37.

ный-славист Н.С. Державин. Его задачей была организация антифашистского просвещения[17]. Уже 23 сентября 1941 г. Отделение истории и философии АН СССР провело специальную сессию, посвященную истории борьбы славянских народов против германской агрессии и вопросам общности культуры славян. В ней приняли участие представители многих славянских народов[18].

В канун Великой Отечественной войны в 1941 г. в Академии наук было создано Бюро научной пропаганды. 14 апреля 1941 г. в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) состоялось совещание, посвященное задачам исторической науки в условиях военной опасности. На нем в качестве главной задачи историков было выдвинуто разоблачение фашизма, развенчание мифа о силе немцев и формирование образа непобедимой советской армии[19]. Уже после начала войны, в июле 1941 г., ЦК ВКП(б) перед историками была поставлена задача разъяснять населению, что «гитлеризм стремится истребить и поработить наш народ, уничтожить наше государство, нашу культуру»[20]. Человеконенавистническая идеология Третьего рейха в значительной степени строилась на мифологизированном историческом фундаменте. Поэтому ее разоблачение было наиболее эффективным с помощью научного инструментария, а также путем противопоставления ей собственной версии прошлого. Первостепенную роль в этой работе были призваны сыграть ученые Академии наук и ведущих вузов страны. Объяснимо и то, что ключевое внимание в военные годы было уделено военно-исторической тематике. Новые приоритеты нашли отражение в изменении планов научной деятельности учреждений. В план АН наряду с другими была включена тема «Военные древности народов СССР»[21]. Что касается головной организации в области изучения истории — Института истории АН СССР, то в 1941 г. он выполнял две главные задачи: концентрация усилий на разгроме врага и воспитание советского патриотизма[22]. Более конкретно — его исследования велись в следующих направлениях: «1. Проблемы, связанные с разоблачением фашизма. 2. Проблемы, посвященные героическому прошлому нашей страны. 3. Проблемы, посвященные истории русской культуры. 4. Проблемы, посвященные истории славянских стран. 5. Проблемы, связанные с разъяснением роли антигитлеровской коалиции и отдельных ее участников как наших союзников и друзей по осуществлению исторической задачи разгрома гитлеровской Германии»[23]. Эта проблематика отражала приоритеты текущего момента.

---

[17] *Гракина Э.И.* Ученые — фронту. С. 181—182; Петрова Н.К. Антифашистские комитеты в СССР: 1941—1945 гг.; *Синицын Ф.Л.* Национальная политика СССР в Великой Отечественной войне. С. 67—70.

[18] Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Ед. хр. 53.

[19] *Бурдей Г.Д.* Указ. соч. С. 16.

[20] Цит. по: *Синицын Ф.Л.* Национальная политика СССР в Великой Отечественной войне. С. 33.

[21] Из «Отчета Академии наук СССР за 1944 год» // Кондакова Н.И., Куманев Г.А. Ученые-гуманитарии России в годы Великой Отечественной войны... С. 202.

[22] Научный архив ИРИ РАН (далее — НА ИРИ РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 134. Л. 1.

[23] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 134. Л. 1.

В отчете Института истории АН СССР за 1944 г. указывалось, что центральное место в его работе продолжают занимать проблемы, поставленные войной: «...Военная история нашей Родины, история русской культуры, история славянских народов и их связей с русским народом, история Советского Союза, в частности, коллективизации сельского хозяйства»[24]. В контексте значения битвы под Москвой и грядущего в 1947 г. 800-летия столицы активно велось написание «Истории Москвы».

Как и в научно-исследовательской работе, в значительно более активной, чем в мирное время, лекционной деятельности историков военных лет центральное место занимала военно-патриотическая тематика. Лекционная работа была направлена на то, чтобы на конкретных примерах и фактах из героического прошлого Отечества воспитывать в гражданах — военнослужащих и гражданском населении — патриотизм, готовность к трудностям и самопожертвованию, поднимать боевой дух войск на передовой. На первые два года войны — 1941 и 1942-й, самые тяжелые в военном, материальном и психологическом плане, приходится пик лекторской работы историков. Только в 1943 г. ими было прочитано 6100 лекций.

Кроме лекционной работы, важнейшим направлением деятельности по пропаганде исторических знаний среди населения была подготовка и публикация популярных брошюр. По подсчетам Г.Д. Алексеевой, Институт истории АН СССР только за первые 16 месяцев с начала войны выпустил более 50 таких брошюр исторической тематики. Часто они имели подзаголовок «В помощь политруку»[25]. В этих изданиях давалась необходимая для историко-патриотической пропаганды информация, что делало их незаменимыми пособиями для агитаторов. По словам А.М. Дубровского, «карманная книжечка, брошюра с очерками о выдающихся русских полководцах, умещавшаяся в полевой сумке политрука, была самым массовым жанром исторических работ тех лет»[26]. По наблюдению Дубровского, на лето 1942 г. (период наступления фашистских войск на юге страны и канун Сталинградской битвы) «пришелся пик военно-исторической пропаганды»[27]. По мере того, как ситуация на фронте менялась к лучшему, исторический аспект в пропаганде сменялся прославлением текущих побед и современных героев. 4 августа 1943 г., в условиях коренного перелома в войне, прошло заседание Лекционного бюро при Комитете по делам высшей школы, посвященное научной пропаганде[28]. На нем ведущие историки Б.Д. Греков, В.И. Пичета, С.Г. Стумилин и др.

---

[24] Из «Отчета Академии наук СССР за 1944 год» // Кондакова Н.И., Куманев Г.А. Ученые-гуманитарии России в годы Великой Отечественной войны... С. 195.

[25] *Корзун В.П.* Историческая наука СССР в период Великой Отечественной войны // Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Омск, 2005. С. 503.

[26] *Дубровский А.М.* С.В. Бахрушин и его время. М., 1992. С. 119.

[27] *Дубровский А.М.* Историк и власть. С. 411.

[28] Стенограмма заседания Лекционного бюро при Комитете по делам высшей школы // Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникации убеждения» и мобилизационные механизмы / Авторы-составители А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М., 2007. С. 463—470.

предложили уточнить исторические темы, соответствующие, с их точки зрения, новым задачам исторической пропаганды: история славянства, становление русского государства, история развития русской промышленности и т.д.

В условиях войны важную пропагандистскую роль играли специализированные научные издания, в том числе «Исторический журнал», издававшийся с 1937 г. и считавшийся главным периодическим изданием для историков. В нем публиковались как научные, так и научно-популярные статьи и материалы. С началом войны на страницах «Исторического журнала» стало публиковаться много работ военной и антинемецкой тематики. В августовском номере 1941 г. выделялась серия статей по истории Красной армии, о борьбе с немцами в годы Первой мировой и Гражданской войн[29]. Помимо недавнего прошлого, журнал уделял внимание победам русского оружия более ранних времен[30]. В нем стал публиковаться аннотированный указатель литературы по истории борьбы с немецкими захватчиками[31]. Несколько статей было посвящено разоблачению нацистской историографии[32].

Публикуемые в выходившем большим тиражом «Историческом журнале» материалы использовались политработниками, многие из которых были историками, при подготовке политзанятий и бесед. Некоторые из них даже переписывались с редколлегией журнала. В частности, политработник В.И. Шунков — после войны известный историк, член-корреспондент АН и председатель ее Археографической комиссии, рассуждая о содержании журнала, писал 18 декабря 1944 г. одному из его редакторов А.Л. Сидорову: «Какие удары нанес «Исторический журнал» по фальсифицирующей историю гитлеровской псевдонауке? ... Почему я, сидя на фронте, напрягаю свою память и силы, чтобы напомнить людям факты совместной борьбы русских и чехов против немцев, вековые традиции русско-чешской дружбы, антинемецкой борьбы чехословацкого народа, блеск его культуры и т.д.? Почему не может помочь мне в этом «Исторический журнал»? Быть может, там что-нибудь и готовится? Из Румынии мы ушли, не получив ничего, так же уходим из Венгрии и так же уйдем из Чехословакии. Война требует оперативности от всех, в том числе и от «Исторического журнала»[33].

---

[29] *Кляцкин С.* Рождение Рабоче-крестьянской красной армии // Исторический журнал. 1941. № 7—8. С. 16—33; Волин Б. Пролетарская Москва в феврале 1918 г. // Там же. С. 34—41; *Нотович Ф.* Разгром Четверного союза в 1918 г. // Там же. С. 42—60.

[30] *Предтеченский А.* Отечественная война 1812 года // Там же. С. 81—101; *Коробков Н.* Русские солдаты // Там же. С. 102—111; К капитуляции Берлина 9 октября 1760 года // Там же. С. 120—122 и др.

[31] Борьба русского народа против германских захватчиков (аннотированный указатель литературы) // Там же. С. 131—136.

[32] *Неедлы З.* Каннибальская расистская теория в фашистской историографии // Там же. С. 61—74; *Мишулин А.* Историческая фантазия о «военных доблестях нордической расы» // Там же. С. 27—35.

[33] «Я ведь действительно историк...». Письма с фронта В.И. Шункова из Отдела рукописей РГБ. 14 декабря 1943 г. — 9 июня 1945 г. / Публ. В.В. Тихонова // Отечественные архивы. 2012. № 1. С. 97—98.

Крупнейшие специалисты-историки отправлялись на фронт для чтения лекций по исторической тематике, вели занятия в тылу, писали историко-патриотические книги и статьи. Работа была трудной. Приходилось читать лекции на разные темы, причем нередко несколько раз в день. Например, упоминавшийся выше В.И. Шунков, служивший лектором политотдела 40-й армии 2-го Украинского фронта, писал: «Сам я последнее время много читал: на партийных собраниях и активах о годовщине со дня смерти Владимира Ильича, о X сессии Верховного совета, о 26-й годовщине Кр[асной] армии, о приказе т. Сталина № 16; на офицерских собраниях о Суворове, Кутузове, Хмельницком. Сегодня закончил статью о Хмельницком. Последние полтора месяца целиком выполнял лекторскую работу и был все время в разъездах»[34]. Любопытно отметить, что лектор на партийных собраниях делал акцент на политических вопросах, а для офицерского состава — на военной истории.

Не менее напряженным, чем у военного политработника В.И. Шункова, был график гражданского историка М.В. Нечкиной. Вот только некоторые темы ее выступлений: «Разгром Наполеона», «Разгром Наполеона и Михаил Кутузов», «Отечественная война», «1812 год», «Крах замыслов мирового господства в истории человечества», «Дмитрий Донской и Куликовская битва», «Минин и Пожарский» и т.д.[35]

Нечкина читала лекции для самой разнообразной аудитории в разных условиях: на фронте и в госпиталях, на пограничных заставах и флотских кораблях, на предприятиях и в детских лагерях. Везде нужно было найти свой подход. По ее воспоминаниям: «В годы войны огромный интерес вызывала военно-патриотическая тематика. Читались лекции и о знаменитых битвах в давние эпохи — Ледовом побоище, Куликовской битве, Бородинском сражении, и о великих полководцах — Суворове, Кутузове, и на обобщающие темы, например «Мужественный образ наших великих предков». Привлекала большое внимание и лекция «Крах замыслов мирового господства в истории человечества». Я часто ее читала»[36]. Всего, по приблизительным подсчетам самой М.В. Нечкиной, во время войны она прочитала только для солдатской аудитории свыше 300 докладов и лекций[37]. Находясь в начале войны в эвакуации в Средней Азии, М.В. Нечкина вынашивала планы написания монографии на актуальную тему «Русский солдат в художественной литературе»[38]. Спустя много лет, вспоминая о военных годах, М.В. Нечкина будет утверждать: «Лекции тоже воюют»[39].

Известный историк и великолепный оратор Е.В. Тарле во время войны получил в свое распоряжение специальный вагон, на котором он исколесил

[34] «Я ведь действительно историк...». С. 97—98.
[35] «...И мучилась, и работала невероятно»: Дневники М.В. Нечкиной... С. 348—355.
[36] *Нечкина М.В.* Лекции в дни войны // В годы войны. Статьи и очерки. М., 1985. С. 35.
[37] Письмо М.В. Нечкиной И.И. Минцу. 8 мая 1943 г. // «История в человеке» — академик М.В. Нечкина / Под ред. Е.Л. Рудницкой и С.В. Мироненко. М., 2011. С. 597.
[38] *Нечкина М.В.* Русский солдат в художественной литературе. План книги // Там же. С. 250—253.
[39] *Нечкина М.В.* Лекции в дни войны // В годы войны. Статьи и очерки. М., 1945. С. 31.

с лекциями и докладами многие регионы страны, побывал на передовой и в глубоком тылу. Историк читал лекции перед военными, нефтяниками, металлургами, учеными и т.д.[40] Кроме того, Е.В. Тарле выступал и в роли консультанта советского правительства по вопросам внешней политики и культуры. Известна его записка «О «завещании» Петра I» от декабря 1941 г., написанная в ответ на запрос вице-президента АН СССР О.Ю. Шмидта. В ней историк Тарле с фактами в руках доказывал, что «завещание» Петра было пропагандистской фальшивкой[41].

Е.В. Тарле являлся членом Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, которая подготовила обвинительные материалы для Нюрнбергского процесса над нацистскими преступниками. Он работал также в Комиссии по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства при Наркомате иностранных дел СССР. Выступая в качестве эксперта, он написал аналитические записки о послевоенном устройстве мира, дававшие историческое обоснование необходимости укрепления статуса СССР как ведущей мировой державы[42].

В пропаганде военных лет заметное место приобрели лекции и работы по истории славянства. В них опровергались утверждения нацистских ученых о «неполноценности» славянских народов и подчеркивалась идея исторического единства славянского мира перед немецкой угрозой. Мысль о славянской солидарности оказалась чрезвычайно востребованной в пропагандистской работе, на эту тему много писали центральные газеты[43].

Особенно активно на ниве пропаганды общекультурных и исторических ценностей славянства выступал историк В.И. Пичета. Только за несколько первых месяцев войны он опубликовал в центральных газетах следующие очерки: «Гитлеру не покорить свободолюбивые славянские народы», «Гитлер — лютый враг русского народа», «Славяне никогда не будут рабами», «Исторические судьбы славянства» и т.д. Не менее деятельным был академик Н.С. Державин[44]. Известный историк-юрист Б.И. Сыромятников разработал амбициозную программу по изучению истории славянского права в сравнительно-историческом контексте[45]. Славяноведение вскоре станет одной из магистральных направлений советской историографии. Сразу после войны

---

[40] *Чапкевич Е.И.* Евгений Викторович Тарле // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. М., Иерусалим, 2000. С. 330.

[41] Записка Е.В. Тарле «О «завещании» Петра I» / Публ. В.Г. Бурхерта // Археографический ежегодник за 2005 год. М., 2007. С. 513—515.

[42] *Каганович Б.С.* Евгений Викторович Тарле: историк и время. СПб., 2014. С. 233—237.

[43] План подготовки статей газеты «Правда» // Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны... С. 312—313.

[44] Подробнее см.: *Досталь М.Ю.* Как феникс из пепла... (Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы). М., 2009. С. 54—55.

[45] *Тихонов В.В.* Историк «старой школы»: научная биография Б.И. Сыромятникова. Pisa, 2008. С. 36; *Он же.* Жизнь и труды историка Б.И. Сыромятникова // История и историки. 2007. Историографический вестник. М., 2009. С. 304.

откроется специализированный Институт славяноведения АН СССР, который возглавит В.И. Пичета.

В целях пропаганды от историков требовался и показ позитивного опыта сотрудничества союзников по Антигитлеровской коалиции. Так, в «Историческом журнале» неоднократно печатались статьи, посвященные историческим связям России, Англии, Франции и США[46]. Это потребовало отойти от жесткой антианглийской и антиамериканской риторики предвоенных лет. Тем не менее, по мнению партийных пропагандистов, советские ученые нередко слишком «усердствовали» в прославлении западных союзников. Так, в начале 1943 г. работники Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) выказали свое недовольство работой Института мировой политики и мирового хозяйства АН СССР, посчитав, что в трудах его сотрудников В.М. Лана и М.Л. Бокшицкого содержится «идеализация» Англии и США[47].

В агитационной работе военных лет активно участвовали и известные историки, ученики В.О. Ключевского — А.И. Яковлев и С.В. Бахрушин. Яковлев несколько раз выступал с циклами исторических передач на радио, посвященных героическим фактам русской истории[48]. Кроме того, Яковлев организовал выставки, посвященные русским полководцам А. Невскому[49], Кутузову[50], Суворову[51] и др. Им было подготовлено «Пособие к изучению боевых приказов и речей товарища И.В. Сталина»[52]. В предисловии к пособию историк выражал большие надежды на Антигитлеровскую коалицию — союз СССР со «свободолюбивыми демократическими странами»[53].

С.В. Бахрушин во время войны публиковал историко-патриотические произведения. Среди его работ — «Дмитрий Донской», «Москва в 1812 и 1941 годах», «Минин и Пожарский», «Разгром Ливонского ордена в Прибалтике», «Героическое прошлое русского народа»[54] и т.д.

Не забывались в целях пропаганды патриотизма и героические страницы революции, Гражданской войны и советской истории 1920—1930-х гг. Тем более что образцы для подражания были хорошо известны и пользовались огромной популярностью. В числе тех, с кого молодежи предлагалось брать пример, — легендарный герой Гражданской войны В.И. Чапаев, о котором в 1934 г. был снят культовый фильм братьев Васильевых, собравший десятки

[46] Например: *Готье Ю., Бахрушин С.* Культурные и политические связи России и Англии в XVI—XVII веках // Исторический журнал. 1941. № 12. С. 64—70; *Семенов В.* Англо-русские отношения в царствование Петра I // Там же. 1943. № 10. С. 43—50; *Эггерт З.* Отмена рабства в США и отклики в России // Там же. 1943. № 8—9. С. 69—75.

[47] *Голубев А.В., Поршнева О.С.* Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2012. С. 265.

[48] *Бурдей Г.Д.* Историк и война... С. 78.

[49] Архив РАН (далее — АРАН). Ф. 665 (А.И. Яковлев). Оп. 1. Ед. хр. 60.

[50] Там же. Ед. хр. 71.

[51] Там же. Ед. хр. 70.

[52] АРАН. Ф. 574 (В.П. Потемкин). Оп. 5. Ед. хр. 25.

[53] Там же. Л. 32.

[54] *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. I. М., 1952. С. 14—15.

миллионов зрителей. Показательно, что в интервью, взятых сотрудниками Комиссии по истории Великой Отечественной войны у солдат после Сталинградской битвы в 1943 г., имя Чапаева как пример для подражания упоминается неоднократно[55]. Советский ас, трижды Герой Советского Союза А.И. Покрышкин тоже назвал Чапаева среди своих любимых героев[56].

Во время Сталинградской эпопеи особое значение имело сравнение обороны Сталинграда 1942—1943 гг. с обороной города (тогда он назывался Царицын) от Белой армии в 1918 г. Причем советская пропаганда была построена таким образом, что возникало ощущение, что вместо белых армий город в 1918 г. пытались взять немцы. Самое активное участие в руководстве обороной Царицына принимал Сталин, в честь которого город и был назван Сталинградом. Это обстоятельство значительно усиливало символический эффект связи времен. В октябре 1942 г. даже было опубликовано письмо бывших защитников Царицына 1918 г. к бойцам, воевавшим в Сталинграде теперь[57].

В годы войны силами историков оказались переосмыслены и даже в известном смысле «реабилитированы» многие сюжеты и образы героического прошлого России, в том числе война 1812 года[58]. Именно в военное время ей вернули эпитет «Отечественная», который отсутствовал в научных работах после 1917 г.[59] 9 декабря 1941 г. по радио передавалась симфония П.И. Чайковского «1812 год»[60]. Борьба с Наполеоном стала одной из самых популярных исторических тем в пропаганде патриотических традиций. В этом сюжете привлекали аналогии с Великой Отечественной войной — всенародное единение в борьбе с захватчиками, жертвенность, кровопролитные битвы, наличие ярких личностей, масштабность событий, приведших к победе над величайшей на тот момент военной машиной. Все это должно было вдохновить советских солдат — потомков героев Бородинской битвы.

Немаловажно и то, что благодаря роману Л.Н. Толстого «Война и мир» патриотическая героика войны 1812 г. стала хорошо известна за границей. Поэ-

---

[55] Сталинградская битва: Свидетельства участников и очевидцев (по материалам Комиссии по истории Великой Отечественной войны). М., 2015. С. 50.

[56] *Марчуков А.В.* Герои-покрышкинцы о себе и своем командире. Правда из прошлого. 1941—1945. М., 2014. С. 69.

[57] Сталинградская битва. С. 279.

[58] Подробнее см.: *Будницкий О.В.* Изобретая Отечество: история войны с Наполеоном в советской пропаганде 1941—1945 годов // Российская история. 2012. № 6. С. 157—169; *Дацишина М.В.* Тема Наполеона и войны 1812 г. в советской и нацистской пропаганде в ходе Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2011. № 6. С. 149—156; *Сидорова Л.А.* Советская и современная российская историография войны 1812 года (1917—2012 гг.) // Историческая память русского народа об Отечественной войне 1812 года / Отв. ред. А.В. Буганов. Тула, 2012. С. 131—189; *Юдин М.В.* Образ М.И. Кутузов в советской пропаганде // Преподавание истории в школе. 2012. № 6. С. 68—73; *Мельникова Л.В., Секиринский С.С., Подмазо А.А., Голубев А.В., Аурова Н.Н.* Отечественная война 1812 года в культурной памяти России. М., 2012. С. 295—312; *Шеин И.А.* Война 1812 года в отечественной историографии. М., 2013. С. 210—215; и др.

[59] *Бранденбергер Д.Л.* «Выдвинуть на первый план мотив русского национализма»: Споры в сталинских идеологических кругах, 1941—1945 гг. С. 355. Ссылка 6.

[60] *Синицын Ф.Л.* Национальная политика СССР в Великой Отечественной войне. С. 34.

тому, сравнивая войну с Германией с наполеоновским нашествием, советская пропаганда давала понять зарубежным врагам и союзникам, что русский и советский народ, как и во все времена, един перед лицом захватчиков и готов на любые жертвы ради победы.

5 сентября 1942 г. на стол начальника Главного политического управления РККА А.С. Щербакова легла записка историка П.Н. Федосеева, который предлагал в связи со 130-летним юбилеем Бородинского сражения (7 сентября 1942 г.) широко отметить эту дату и использовать исторические аналогии в пропагандистской работе. Предполагалось осветить в печати, в лекциях целый ряд тем, имеющих отношение к войне 1812 г. Вот их список: «Героические подвиги русского народа в Отечественной войне 1812 г.; великий русский полководец Кутузов и Бородинское сражение; полководцы Отечественной войны 1812 г. (Багратион, Раевский и др.); партизаны Отечественной войны 1812 г. (Денис Давыдов, Фигнер, Сеславин, Василиса Кожина и др.); Бородинское сражение — начало разгрома «непобедимой» армии Наполеона; крушение наполеоновских планов мирового господства в результате самоотверженной борьбы русского народа»[61].

В 1943 г. на киноэкраны страны вышел фильм «Кутузов». Историческим консультантом картины был Е.В. Тарле. Кутузов, которого блестяще сыграл актер А. Дикий, предстал мудрым, по-народному хитрым стратегом. Героически представлен в фильме и князь грузинских кровей Багратион. Генерал русской службы иностранного происхождения Барклай де Толли показан, однако, как противоречивая личность. Знающий свое дело военачальник с представлениями об офицерской чести (он отказывается интриговать против Кутузова), Барклай де Толли представлен в фильме меланхоличным, чопорным и угрюмым человеком. Главный его порок заключается в том, что он не понимает русскую душу, оставаясь чужим для простых солдат. В этой характеристике иностранного генерала русской службы, несомненно, отразился патриотический дух военного времени.

Важной чертой пропаганды военных лет стали параллели между двумя отечественными войнами. На плакатах времен Великой Отечественной можно обнаружить стремление к своеобразной синхронизации войн. На одном были изображены Кутузов и памятник героям Бородинского сражения, которые как бы направляли советских воинов в бой. На другом —уже упомянутый памятник и бегущие врассыпную шакалы с нацистской свастикой. Сверху была надпись «Недаром помнит вся Россия про день Бородина...». Плакат Кукрыниксов еще очевиднее обыгрывал сходство между Наполеоном и Гитлером. На переднем плане карикатурного Гитлера били прикладом ружья, а его тень, в которой легко узнавался профиль Наполеона, били рогатиной с цифрами «1812». Сверху была надпись: «Наполеон потерпел поражение. То же будет и с зазнавшимся Гитлером!».

[61] Записка Н.П. Федосеева А.С. Щербакову // Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны. М., 2007. С. 368.

Образ войны 1812 года оказался актуальным и для историка И.И. Минца и возглавляемой им Комиссии по истории Великой Отечественной войны, о которой подробнее речь пойдет ниже. По наблюдениям американского ученого Йохена Хелльбека, Минц с самого начала держал в голове необходимость сохранить память об Отечественной войне, зафиксировать свидетельства ее непосредственных участников. «...Насколько богаче были бы наши представления об Отечественной войне 1812 г., если бы ее участники оставили свои рассказы. Сейчас мы не должны терять времени, необходимо запечатлеть нынешнее событие»[62], — отмечал Минц.

Возникает естественный вопрос: оказалась ли пропаганда военных лет эффективной в актуализации образов прошлого? Интервью, взятые сотрудниками Комиссии И.И. Минца, дают положительный ответ на данный вопрос. Так, среди самых читаемых книг в войсках значилась «Война и мир» Л.Н. Толстого. Любопытно, что этот роман упоминают в своих интервью такие разные люди, как генерал А.И. Родимцев[63], знаменитый снайпер В.Г. Зайцев[64], капитан П.А. Зайончковский.

* * *

Главную роль в донесении образов прошлого, влиявших на исторические представления военнослужащих, играли сотрудники политорганов РККА разного уровня[65]. Наряду с военной подготовкой политическое воспитание рассматривалось как важный элемент подготовки солдат и командиров. Материалы Комиссии И.И. Минца наглядно демонстрируют, как политработники вовлекали бойцов в процесс политического воспитания. Например, из стенограмм бесед с воинами 9-й гвардейской истребительной авиадивизии, где воевал летчик А.И. Покрышкин, видно, что поначалу прохладно относившийся к политзанятиям прославленный ас постепенно начинает принимать в них самое активное участие, читать рекомендованную ему политическую, историческую и художественную литературу[66]. Перед нами пример целенаправленного и настойчивого формирования партийного мышления, воспитания советского героя, убежденного в своей правоте, грамотного не только в бою, но и на трибуне.

В распространении исторической пропаганды, несомненно, сыграли свою роль выпускники исторических факультетов, которых часто привлекали как лекторов или работников политических органов. М.В. Нечкина вспоминала, что защитники Сталинграда использовали лозунги из ее брошюры «Исторические традиции русского военного героизма» и вывешивали их в землянках[67].

---

[62] Цит. по: *Хелльбек Й.* Сталинградская битва: Свидетельства участников и очевидцев (по материалам Комиссии по истории Великой Отечественной войны). М., 2015. С. 123.
[63] Там же. С. 419.
[64] Там же. С. 514.
[65] Сталинградская битва. С. 45—47.
[66] *Марчуков А.В.* Герои-покрышкинцы о себе и своем командире. Правда из прошлого. 1941—1945. М., 2014. С. 66, 67, 276, 277, 300, 305, 306 и др.
[67] *Гракина Э.И.* Ученые — фронту... С. 187.

Ясно, что это сделали ознакомившиеся с ее брошюрой работники политорганов. Они выполняли роль «посредников» между пропагандистскими идеями ученых и рядовыми солдатами.

* * *

Любопытно, что, помимо профессиональных ученых и агитаторов, на «историческом фронте» трудились и их «младшие коллеги». Задача воспитания и пропаганды патриотизма ложилась и на школьников. Одним из примеров такой работы можно назвать деятельность московских кружков историков в годы войны. 30 июня 1941 г. было проведено общее собрание школьников, состоявших в городских кружках любителей истории, которые получили «от Московского Городского Дома пионеров задачу наряду со всеми общими делами всех школьников юные историки должны послужить великой отчизне, ее защите от врагов также и своими особыми знаниями»[68]. Основной задачей было объявлено «изучение героического прошлого своего народа, славных предков, защищавших родную землю от иноземных захватчиков»[69].

Таким образом, кружки стали формой патриотического воспитания подрастающего поколения. Кружки были развернуты в ряде районов: Кировском (Библиотека им. Некрасова), Фрунзенском (детский клуб Дома ученых), Бауманском (Дом культуры), Куйбышевском (городской Дом пионеров) и др.[70] В них проводились заседания, посвященные героическим страницам отечественной истории, заслушивались доклады.

Помимо изучения прошлого, в задачи кружков входил сбор документов об истории Великой Отечественной войны. Так, исторический кружок Бауманского района организовал сбор дневников школьников — свидетелей обороны Москвы. Наконец, члены исторических кружков выступали в госпиталях. Историческую информацию нужно было донести до раненых бойцов в популярной форме. Для этого проводились концерты, открытые заседания кружков, на которых зрители задавали вопросы.

Таким образом, историческая пропаганда в годы войны пронизывала все уровни и возрастные сегменты советского общества.

Война и преподавание истории в школе

Одной из насущных проблем являлась перестройка преподавания истории в школе в соответствии с условиями военного времени. Школьный курс истории являлся ключевым в воспитании подрастающего поколения и формировании советской идентичности. «Исторический журнал» разместил на своих страницах серию статей ведущих советских историков на эту тему. «От пре-

[68] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел VII. Д. 2. Л. 146.
[69] Там же.
[70] Там же. Л. 147.

подавателя требуется вооружить учащихся пониманием происходящих событий, раскрыть перед ними звериное лицо современных варваров — фашистов, воспитать учащихся на примерах героического прошлого своего и других народов в духе патриотизма, любви к родине, ненависти к поработителям и угнетателям»[71], — отмечалось в журнале. Одной из основных идей, которые должны были пронизывать преподавание истории, стала теория справедливых и несправедливых войн.

Историк В.И. Авдиев обратился в журнале к вопросу о преподавании истории Древнего мира. Он полагал, что больше внимания следует обратить на примеры из военной истории, особенно греко-персидских войн, дающие школьникам яркий пример патриотизма и национальной сплоченности. Он также призвал осудить несправедливые и захватнические войны Александра Македонского и Римской империи. «Кровавые людоеды — фашисты, возрождая кошмар мирового рабовладения, во многом подражают древним захватчикам, залившим кровью плодородные страны Европы»[72], — писал Авдиев. В истории Древнего мира он призывал больше рассказывать о вкладе разных народов в мировую культуру, разоблачая утверждения нацистов об «избранности» арийской расы.

Об особенностях преподавания средневекового периода истории писал в журнале историк-медиевист Е.А. Косминский. Он подчеркивал: «Учитель должен помнить, что средневековье представляет излюбленный фашистами период истории»[73]. Ученые рассматривают этот период как прогрессивный этап в развитии человечества, но нацисты берут в средневековье все «темное, застойное, мракобесное, жестокое». Задача учителя — разоблачать измышления фашистов о «неравноценности» славян и германцев, поскольку, отмечал Косминский, те и другие сыграли важную роль в падении рабовладения. По его мнению, необходимо также демонстрировать вклад в мировую историю древних цивилизаций китайцев, арабов и т.д. для опровержения исключительной роли арийцев в развитии человечества. Крестовые походы, которые нацисты использовали как аналогию «крестового похода на СССР», Косминский предлагал трактовать как агрессию против более высокой восточной культуры.

О том, как освещать историю Нового времени, писал в «Историческом журнале» историк А.В. Ефимов. Он тоже призвал выделять войны справедливые и несправедливые, а Новую историю преподнести как череду агрессивных действий, главным образом со стороны Германии.

Вопросам освещения истории СССР была посвящена опубликованная в журнале статья А.М. Панкратовой. Публикация начиналась с призыва воспитывать подрастающие поколения в духе боевых традиций народов СССР. В условиях военного времени патриотическое воспитание тесно увязывалось

[71] Преподавание всеобщей истории в средней школе в дни Великой Отечественной войны против германского фашизма // Исторический журнал. 1942. № 3—4. С. 122.
[72] Там же. С. 123.
[73] Там же. С. 124.

с формированием ненависти к врагу. Панкратова рекомендовала учителю не углубляться в изложение «фашистских бредней», но разоблачать фальсификации объективными историческими фактами[74]. Повышенное внимание надлежало уделить истории борьбы русского народа и народов СССР с иноземными захватчиками[75]. По мнению Панкратовой, не следовало забывать и о пропаганде героизма революционеров и участников Гражданской войны.

Выше уже говорилось о том, что в годы войны от историков потребовали воздерживаться от свойственной для 1930-х гг. резко критической риторики в отношении союзников по Антигитлеровской коалиции. Это проявилось в истории создания школьного учебника по Новой истории, авторами которого были историки В.М. Хвостов, И.С. Галкин, Л.И. Зубок, Ф.И. Нотович. Школьный учебник писался довольно долго и был в основном закончен еще до войны. Каждая оценка или характеристика в нем тщательно выверялась. Однако с началом войны авторскому коллективу пришлось менять акценты в отношении колониальной политики «империалистических стран», в первую очередь Англии[76]. В результате этот учебник вышел только в 1946 г.[77]

Историки на фронте: деятельность В.И. Шункова, П.А. Зайончковского и Н.Н. Аксенова в период Великой Отечественной войны

Пока в тылу гремели идеологические споры о новых трактовках исторических событий и использовании прошлого в целях пропаганды, историки, призванные в армию, оказались на передовой и участвовали в боях. Многие геройски погибли, почти никому не удалось избежать ранений[78]. Историческая подготовка ценилась, поэтому те, кто выжил в самый трудный начальный период войны, как правило, продолжали армейскую службу в качестве политработников.

В личном фонде Аркадия Лавровича Сидорова в рукописном отделе Российской государственной библиотеки (РГБ) сохранились письма другого историка — Виктора Ивановича Шункова (1900—1967), написанные им во

[74] *Панкратова А.М.* Преподавание истории СССР в средней школе в дни Отечественной войны против германского фашизма // Исторический журнал. 1942. № 5. С. 147.

[75] Там же. С. 148.

[76] АРАН Ф. 1667. Оп. 1. Ед. хр. 512. Л. 4.

[77] *Тихонов В.В.* Идеологические кампании «позднего сталинизма» и школьный учебник по новой истории // История: электронный научно-образовательный журнал. 2012. Вып. 7 (13): История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды [Электронный ресурс]. — Доступ для зарегистрированных пользователей. — URL: http://mes.igh.ru/magazine/content/ideologicheskie-kampanii.html.

[78] Например, судьбы студентов и преподавателей исторических факультетов МГУ и МИФЛИ: «Мы шли навстречу ветру и судьбе...»: Воспоминания, стихи и письма историков МГУ — участников Великой Отечественной войны. М., 2009.

время его участия в освободительном походе РККА в Европе в 1944—1945 гг.[79] Недавно они были введены в научный оборот[80]. Кроме того, опубликованы письма Шункова военного времени историкам Н.В. Устюгову и С.В. Бахрушину[81]. В результате исследователи получили комплекс документов, позволяющих изучить деятельность историка В.И. Шункова во время войны. Помимо того, что Шунков являлся фронтовым офицером-политработником, он одновременно был сотрудником Комиссии по истории Великой Отечественной войны, о которой подробнее речь пойдет ниже.

В.И. Шунков родился в г. Кузнецке Томской области в семье учителя. Начавшаяся Гражданская война не позволила ему завершить образование на историко-филологическом факультете Томского университета. Только в 1925 г. Шунков окончил факультет общественных наук МГУ, а затем обучался в РАНИИОН у С.В. Бахрушина, где начал специализироваться на истории Сибири. В 1920-е гг. Шунков преподавал в школе и вузах, в 1936 г. он был принят на работу в Институт истории АН СССР. В 1940 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «К истории крестьян Западной Сибири в XVII и начале XVIII в.»[82].

В сентябре 1941 г. Шунков добровольцем ушел на фронт. С.В. Журавлев, исследовавший его боевой путь по материалам Центрального архива Министерства обороны, выделил следующие этапы военной биографии историка: 1) октябрь 1941 г. — май 1942 г. — служба в 3-й Московской дивизии (позднее 130-й стрелковой) Калининского и Северо-Западного фронтов (с октября 1941 г. по январь 1942 г. — боец 151-й отдельной стрелковой моторазведывательной роты, с января по май 1942 г. — младший политрук, начальник дивизионной библиотеки и одновременно внештатный лектор политотдела 130-й стрелковой дивизии; с марта 1942 г. член ВКП(б)); 2) май 1942 г. — ноябрь 1943 г. — старший научный сотрудник отдела истории воинских частей Комиссии по истории Великой Отечественной войны в Москве; 3) декабрь 1943 г. — июнь 1945 г. — лектор политотдела 40-й армии 2-го Украинского фронта[83].

Конечно, война занимает в письмах Шункова с фронта доминирующее место, но нередко рядом проходят и другие сюжеты — в первую очередь размышления об исторической науке и жизни научного сообщества. Особенно подробно историк описывал свои впечатления от похода в Восточную Европу. Внимательное отношение к окружающей действительности было обусловлено не только наблю-

[79] Научно-исследовательский отдел Российской государственной библиотеки Ф. 632 (А.Л. Сидоров). К. 91. Ед. хр. 22.

[80] «Я ведь действительно историк...». Письма с фронта В.И. Шункова из Отдела рукописей РГБ. 14 декабря 1943 г. — 9 июня 1945 г. / Публ. В.В. Тихонова // Отечественные архивы. 2012. № 1. С. 93—116.

[81] Письма В.И. Шункова к Н.В. Устюгову и С.В. Бахрушину. 1942—1945 гг. / Публ. подг. В.Г. Бурхерт // Археографический ежегодник за 2011. М., 2014. С. 455.

[82] Преображенский А.А. Виктор Иванович Шунков // Преображенский А.А. Историк об историках России XX века. М., 2000. С. 268—273.

[83] *Журавлев С.В.* Материалы ЦАМО о деятельности В.И. Шункова в годы Великой Отечественной войны // Археографический ежегодник за 1985 год. М., 1987. С. 196.

дательностью историка, но и тем, что политработник В.И. Шунков старался на лекциях приводить бойцам примеры из жизни. В это время он уже не участвовал непосредственно в боях, поэтому война в его письмах не показана напрямую. Зато его письма заполнены подробными описаниями походной жизни, бытовыми зарисовками, в них много любопытных деталей и мыслей.

Описывая стремительный бросок через Восточную Европу, В.И. Шунков так писал о героизме советского солдата: «И он не грабит и не мстит. В нем есть месть, но нет мстительности. Он хочет вернуть награбленное родине, но не себе, нет. Он замечательно воюет потому, что страстно хочет справедливости и конца войны»[84].

Письма показывают, что интерес к лекциям по исторической тематике был чрезвычайно высок. Находясь в Румынии, он писал: «Мы долго стояли и провели огромную работу. Университет за университетом — семинары для самых различных категорий наших работников от парторгов батальонов до начподивов и начпокоров, от командиров батальонов до командиров дивизий и корпусов. Ни одного семинара не прошло без моего доклада или лекции. А я ведь не умею выступать не готовясь. Кроме того, большой спрос на мои лекции со стороны частей»[85]. Темы лекций были самые разнообразные: «...а) военно-исторические темы от Александра Невского до лет гражданской войны, б) темы приказа тов. Сталина № 55, в) вопросы международных отношений»[86]. Наблюдая за происходящими событиями, он гордо пишет: «Колесо истории работает в нашу пользу[87]».

Ни на миг В.И. Шунков не забывает, что он историк. Он регулярно спрашивает в письмах о ситуации в научных кругах, следит за новинками научно-исторической литературы, старается читать историческую периодику. Редкие поездки в Москву и соприкосновение с научной жизнью доставляют ему самые приятные впечатления. Впрочем, в письме к Н.В. Устюгову от 30 сентября 1942 г. можно найти, как он сетует, что от былой активной научной жизни родного для него Института истории мало что осталось: «Бывая в институте, вижу людей, но Института не чувствую. Не то я разучился улавливать биение его жизни, не то это биение слабо. Каждый в отдельности работает много, но общей жизни не видишь»[88].

Соприкосновение с историей стран Восточной Европы напоминало В.И. Шункову, что его призвание — быть историком: «Посещение старого замка венгерских королей, замка графа Андраши.., просмотр их библиотек и взгляд на связки архивов и т.п. — напоминают мне, что я историк и будят желание остаться им»[89]. В усадьбе Иштвана Бетлена, бывшего венгерского премьер-министра, он обнаружил великолепную коллекцию книг, в том числе и средневековых.

[84] «Я ведь действительно историк...». Письма с фронта В.И. Шункова из Отдела рукописей РГБ. 14 декабря 1943 г. — 9 июня 1945 г. С. 102.
[85] «Я ведь действительно историк...». Письма с фронта В.И. Шункова... С. 101—102.
[86] Письма В.И. Шункова к Н.В. Устюгову и С.В. Бахрушину. 1942—1945 гг. С. 459.
[87] «Я ведь действительно историк...». С. 106.
[88] Письма В.И. Шункова к Н.В. Устюгову и С.В. Бахрушину. 1942—1945 гг. С. 461.
[89] Там же. С. 476.

В письме он сетует на то, что Академия наук СССР не занимается разбором книжных богатств бывших фашистских деятелей: «Они же должны вернуть нам то, что сожгли у нас. Помните харьковские библиотеки? Сенокосилки возвращать, конечно, нужно, но и о культурных ценностях забывать также не стоит»[90].

Когда закончилась война, автор писем сожалел лишь об одном: «Привык я к своим слушателям, завоевал их (разве не приятно получать телеграммы с просьбой приехать или узнать о решениях парторганизаций о приглашении меня к ним на лекцию) и мне жаль с ними расстаться»[91].

* * *

Жизненный путь Петра Андреевича Зайончковского (1904—1983) простым назвать нельзя[92]. Он родился в городе Уральске в семье военного врача дворянского происхождения. Его предком был адмирал П.С. Нахимов, а прадед имел Георгиевский крест за Бородино. Мальчиком Зайончковский обучался в кадетском корпусе, но затем грянула революция[93]. «Традиции, честь русской армии, честь русского офицера оставили у меня большой след... Я считал, что если бы большевики оставили погоны, то можно было с ними помириться. Причем я помню, когда в ноябре 1917 г. однажды отец ругался, сказал, что нужно снять погоны, я заплакал, и мой маленький брат 11 лет тоже заплакал»[94], — писал впоследствии историк Зайончковский. Советскую власть в семье встретили в штыки. Тем интереснее было вхождение будущего историка в советское общество. Сначала он в соответствии с дворянским происхождением попадает в категорию «бывших людей». В 1920-е гг. он трудился пожарным, служащим на железной дороге, рабочим на машиностроительном заводе. «Поварившийся» в пролетарском котле молодой человек многое в жизни переоценил и теперь мог на полном основании написать в графе о своем социальном положении «рабочий». Это открывало двери к высшему образованию и карьере. Племенник П.А. Зайончковского Б.С. Гудков вспоминал: «А в конце 1920-х гг., в дни знакомства с моими родителями, дядя Петя предстал перед ними уже искренним строителем социализма, убежденным атеистом, да не просто атеистом, а неистовым безбожником, участником начинавшейся кампании коллективизации и искоренения кулачества как класса»[95]. В 1931 г. он вступил в партию. По мнение Й. Хелльбека, Зайончковский мог утаить свое дворянское происхождение[96]. В 1937 г. он окончил экстерном исторический факультет Московско-

[90] «Я ведь действительно историк...». Письма с фронта В.И. Шункова... С. 107.
[91] Там же. С. 113.
[92] См.: *Захарова Л.Г.* Петр Андреевич Зайончковский // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 750—757.
[93] Сталинградская битва: Свидетельства участников и очевидцев (по материалам Комиссии по истории Великой Отечественной войны). М., 2015. С. 531.
[94] Там же. С. 531—532.
[95] *Гудков Б.С.* Дядя Петя // Петр Андреевич Зайончковский: Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 141.
[96] Сталинградская битва... С. 528—529.

го института философии, литературы и истории (МИФЛИ). В 1940 г. защитил кандидатскую диссертацию под руководством академика Ю.В. Готье на тему «Кирилло-Мефодиевское общество (1846—1847)».

После начала войны П.А. Зайончковский добровольцем ушел в армию. Первое время работал лектором в Новосибирске, затем настоял на переводе на фронт и в составе 66-й армии принимал участие в Сталинградской битве (в должности инструктора по работе среди войск противника). Мотивируя свой поступок, историк проводит параллель с войной 1812 года: «Буквально с детских лет я воспитывался на героике войны 1812 года, и теперь, когда 1812 г. повторился, я считаю необходимым быть там»[97]. Зайончковский стремился «драться, как говорили в старину, «за русский народ, за землю русскую». Историк подготовил брошюру про войну с Наполеоном. В письме от 21 апреля 1942 г. он описывает, как читал лекцию, посвященную Отечественной войне 1812 года: «Сегодня в одном из воинских подразделений читал лекцию на тему «Отечеств[енная] война 1812 г.» Несмотря на то, что эту лекцию я читал не менее десятков раз, я все же испытываю всегда радостное чувство. Это — героическая эпопея великого русского народа, оказавшая огромное влияние на весь дальнейший ход историч[еского] развития. Особенно актуальна она сейчас, когда снова идет борьба за русскую землю, за существование русского народа»[98].

Параллели с 1812 г. обнаруживаются и в интервью П.А. Зайончковского, данном им сотрудникам Комиссии И.И. Минца, стенографировавшим по горячим следам детали Сталинградской битвы. В этом интервью историк сравнивает немецкого генерала Эрнста Макса фон Ленски, при капитуляции прощавшегося со своими солдатами, с Наполеоном, прощавшимся со старой гвардией[99].

Представляется, что такое личностное отношение к войне 1812 г. имело под собой и глубокие социально-психологические основания. Образ 1812 г. для Зайончковского — выходца из семьи потомственных военных — имел особое значение. Героика войны с Наполеоном являлась одним из важнейших элементов корпоративной памяти дореволюционной императорской армии. Возрождение культа героев 1812 г. в определенной степени являлось своеобразной реабилитацией дореволюционной армии. Война, таким образом, становилась условием, которое позволяло историку и воину не стыдиться своего прошлого. Теперь Зайончковский мог признаться в своем военно-дворянском происхождении и с удовлетворением заявить в интервью Комиссии Минца: правильно, что в 1943 г. в РККА вернули погоны — символ дореволюционной армии[100].

Биография Зайончковского наглядно показывает особенности «присвоения» (можно даже сказать, «переживания») исторических образов в годы войны.

[97] Гудков Б.С. Дядя Петя. С. 143.
[98] Там же. С. 145.
[99] Сталинградская битва. С. 548—549.
[100] Там же. С. 532.

* * *

Схожий пример «присвоения истории» демонстрирует и судьба историка Николая Никитича Аксенова. Он родился в 1908 г. в крестьянской семье. Окончил в 1938 г. истфак Томского педагогического института, а в конце 1941 г. был призван в армию. Как и Зайончковский, Аксенов оказался под Сталинградом и был проинтервьюирован сотрудниками Комиссии Минца. Как следует из интервью, важнейшим историческим образом, актуализировавшемся для Аксенова в Сталинградскую битву, становится оборона Царицына от белых в 1918 г. Как историк он пытался «нащупать» историческую перспективу событий: «Я, как историк, пытался делать сравнения с известными мне в истории сражениями: Бородино, Верден, во время империалистической войны, но все это было не то...»[101]. Но значительно меньшие в масштабе по сравнению с упомянутыми битвами события 1918 г. приобретают для молодого историка исключительную значимость из-за связи со Сталиным. «Когда я видел перед собой весь город, я почувствовал весь Сталинград и вспомнил про Царицын, про то, как совсем недавно рассказывал с кафедры пединститута об обороне Царицына. А тут мне пришлось защищать Сталинград самому. Я рассказал свои воспоминания товарищам и сказал о том, что в 1918 году Мамаев курган был и командным, и наблюдательным пунктом товарища Сталина. Об этом мало знали еще. Считали, что Сталин был в Царицыне и отстоял Царицын, но деталей не знали»[102]. Аксенов сделал серию выступлений перед бойцами 62-й армии. По его уверениям, «после этого бойцы еще больше почувствовали символическое значение обороны Сталинграда»[103]. Более того, Мамаев курган, откуда Сталин якобы руководил обороной в 1918 г., пусть и в «шутку» (как сказал Аксенов), но стали называть «святым местом, местом, где был Сталин»[104]. Кстати, культ Сталина пронизывает все интервью Аксенова.

Примеры историков В.И. Шункова, П.А. Зайончковского и Н.Н. Аксенова наглядно демонстрируют, что спецификой восприятия ими текущих событий было выстраивание связи современности с прошлым. Являясь политработниками, они транслировали свои исторические знания солдатской массе.

Историческая наука и власть в условиях войны

После Великой российской революции отношения власти и интеллигенции складывались непросто. Многие интеллектуалы, в том числе историки, покинули большевистскую Россию и оказались в эмиграции. Другие сознательно перешли на сторону советской власти и стали служить коммунистической идее. Для третьих, особенно историков «старой школы», адаптация к советской дей-

[101] Сталинградская битва. С. 469.
[102] Там же. С. 476—477.
[103] Там же. С. 477.
[104] Там же.

ствительности проходила непросто и заняла не одно десятилетие. Ситуация усугублялась тем, что в 1930-е годы многие представители дореволюционной науки и историки-марксисты подверглись политическим репрессиям. Характерный пример такого рода — судьба известного москвоведа П.Н. Миллера, в 1941—1943 гг. сотрудника Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, которого арестовывали по политическим мотивам в 1920, 1933 и 1935 гг. Тем не менее, бесспорные достижения Советского Союза 1930-х годов, возрождение государственного патриотизма и особенно осознание необходимости сплотиться вокруг власти перед лицом гитлеровского нашествия способствовали тому, что даже те, кто в свое время пострадал и имел основания не доверять власти, не только примирились с нею, но и приняли ее. Например, по свидетельству А.А. Формозова, известный историк С.В. Бахрушин, прошедший через «Академическое дело» и ссылку в 1930-е гг., после войны начал считать Сталина, приведшего страну к победе во Второй мировой войне, по масштабу исторической личности деятелем, равным Петру I.[105] Историк В.М. Хвостов — выходец из русской дореволюционной интеллигенции, воспитанный в семье, где сильны были антибольшевистские настроения, в переломном для воюющей страны 1942 г. совершил знаковый поступок: вступил в партию, став таким образом частью советской системы. Дочь К.В. Хвостова вспоминала: «Его [отца] восхищала мощь государства, достигнутая особенно в послевоенные годы. Он не раз говорил мне, что никогда ранее Россия не обладала таким военным и политическим влиянием и авторитетом»[106]. Историк С.О. Шмидт — в 1940-е годы студент истфака МГУ и начинающий преподаватель — много лет спустя писал о своем поколении: «Нам была присуща, особенно по окончании войны, также государственно-патриотическая гордость»[107]. Молодые историки — выпускники советских вузов — были призваны в армию и, выполняя свой гражданский долг, мужественно сражались с врагом. Подавляющее большинство историков «старой школы», даже если они и были в глубине души настроены критически к существующему строю, прекрасно понимали, что в военных условиях речь идет о сохранении не только советского строя, но и самого Отечества и его народа. Ярко проявился феномен национального единения перед внешним смертельным врагом[108]. В решающую минуту патриотизм оказался выше идеологических предпочтений и личных обид. Даже подавляющая часть русской эмиграции заняла (с существенными оговорками) просоветскую позицию[109].

---

[105] *Дубровский А.М.* Сергей Владимирович Бахрушин // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 1. М. Иерусалим, 2000. С. 202.

[106] *Хвостова К.В.* Владимир Михайлович Хвостов // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 5. Средние века. Новая и новейшая история. М., 2010. С. 576.

[107] *Шмидт С.О.* Самый талантливый с нашего курса // Мир Александра Каждана. К 80-летию со дня рождения. СПб., 2001. С. 36.

[108] *Верт Н.* История советского государства. 1990—1991. М., 1998. С. 317—322. Это не отменяло распространение коллаборационизма и антикоммунистических настроений. См.: *Орлов И.Б.* Политическая культура России XX века. М., 2008. С. 157—166.

[109] *Вандалковская М.Г.* Вторая мировая война и эмиграция // История и историки: историографический вестник. 2008. М., 2010. С. 16—49.

В военных условиях роль исторической науки как инструмента идеологии и пропаганды значительно усилилась. Историки старших возрастов, не призванные в армию, с одной стороны, по зову сердца — чтобы внести посильный вклад в разгром врага — активно участвовали в развернувшихся пропагандистских кампаниях. С другой, они во многом сами оказались заложниками неизбежных для военного времени агитационных установок, поскольку задачи воинствующей пропаганды нередко выходили за рамки собственно научной деятельности и требовали от них утрирования одних сторон исторических событий и затушевывания других.

Особенно большое воздействие на историческую науку военных лет оказала кампания по борьбе с «немецким засильем» в прошлом и настоящем. Под «немецким засильем» понималась рецепция советской историографией идей и трудов немецких ученых разных исторических эпох. В определенной мере эта кампания стала продолжением антифашистской пропагандистской кампании, развернутой в предвоенное время, но прекратившейся по указке сверху после заключения пакта Молотова — Риббентропа[110]. Во время войны объектом атаки стали идущие от приглашенных в свое время на русскую службу немецких ученых «норманистские» трактовки российской истории. Соответственно, происходил пересмотр фактов и событий в сторону их более «патриотической» интерпретации и в целом доказательства самобытности и самодостаточности отечественной истории и культуры.

Важным событием в научной жизни стало обсуждение вышедшего во время войны третьего тома «Истории философии», где речь шла о немецкой классической философии Канта, Фихте и Гегеля. Авторов тома обвинили в том, что они не сумели показать противоречие между прогрессивным методом Гегеля и его реакционным мировоззрением. В специально изданном по этому вопросу партийном постановлении делались далеко идущие выводы политического характера: «Эти ошибки свидетельствуют о серьезном неблагополучии в Институте философии АН СССР. Институт не освещал актуальных вопросов марксистско-ленинской философии, не разрабатывал философского наследия В.И. Ленина, не создал работ, разоблачающих разбойничью фашистскую идеологию. Институт не объединял, не готовил и не выдвигал молодые кадры теоретических работников, оторвался от научной общественности и научных учреждений...»[111]. Это партийное постановление 1944 года фактически ставило знак равенства между передовой для своего времени немецкой наукой предшествующих столетий и германским нацизмом образца 1930—1940-х гг. Учитывая тесную связь русской гуманитарной мысли с немецкой научной и обра-

[110] См.: *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939—1941 гг. М., 1997; *Свешников А.В.* Советская медиевистика в идеологической борьбе конца 1930—1940-х годов // Новое литературное обозрение. 2008. № 90 // http://www.polit.ru/article/2008/07/09/medievistika/.

[111] О марксистско-ленинском воспитании кадров советской интеллигенции // Большевик. 1944. № 6. С. 7.

зовательной традицией XVIII—XIX веков, приходится признать, что борьба с «немецким засильем», усугубленная чрезвычайными условиями военного времени, не способствовала развитию отечественной исторической науки и могла стать основанием для нового витка репрессий.

Ситуация осложнялась тем, что «норманская теория» действительно активно использовалась во время войны геббельсовской пропагандой для оболванивания немецких солдат и доказательства «превосходства» арийской расы. Так, в агитационной брошюре «Политические задачи немецкого солдата в России в условиях тотальной войны» утверждалось, что варяги были германцами и древнерусское государство следует называть «Германским государством варягов»[112]. Задачи советской контрпропаганды по разоблачению подобных измышлений, которые распространялись немцами также на оккупированной территории СССР, среди военнопленных, с помощью газет, листовок и радиопередач, не допускали сомнений и полутонов. В связи с этим любые утверждения историков, хоть как-то напоминавшие немецкие расовые теории, без колебаний признавались идеологически вредными.

Одной из жертв борьбы с «немецким засильем» стал видный историк, профессор МГУ М.Н. Тихомиров, книга которого «Ледовое побоище и Раковорская битва» подверглась жесткой критике. В аналитической записке о недостатках в идеологической работе, представленной в ЦК партии А.С. Щербакову, указывалось, что Тихомиров «впадает в серьезную политическую ошибку, утверждая вслед за немцами, что... отношения русских князей с народами Прибалтики якобы преследовали грабительские цели, что русские грабили и разоряли западные области ливонов и эстов. Профессор на протяжении многих страниц своей книги охотно цитирует высказывания немецких историков, по существу направленные на утверждение фашистской легенды о превосходстве германской нации...»[113].

31 марта 1944 г. в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) состоялось совещание, посвященное положению на идеологическом фронте. Оно было признано неблагополучным. В качестве одной из мер Г.Ф. Александров предложил открыть Академию общественных наук для подготовки квалифицированных кадров историков и других специалистов в социально-политических науках[114]. В тот же день по итогам совещания Г.Ф. Александров направил А.С. Щербакову докладную записку с подробным изложением мер, направленных на улучшение пропагандистской работы. Заметное место в ней уделялось вопросам исторической науки и преподаванию истории в вузах. Признавалось, что студенты получают недостаточно информации о героиче-

[112] Текст немецкой брошюры «Политические задачи немецкого солдата в России в условиях тотальной войны» // Вестник Архива Президента РФ. Война: 1941—1945. М., 2010. С. 468—469.

[113] Справка о недостатках идеологической работы на имя А.С. Щербакова // Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны. С. 684—685.

[114] Из стенограммы совещания работников Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) 31 марта 1944 г. (выступление Г.Ф. Александрова) // Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны. С. 247.

ском прошлом своей Родины, что среди некоторых преподавателей «появилась в последнее время тенденция поменьше говорить о классовой борьбе в Истории СССР и рассматривать деятельность всех царей как деятельность прогрессивную»[115]. Отмечалось, что некоторые преподаватели чрезмерно увлеклись буржуазной историографией и игнорируют марксистскую.

В русле кампании против «немецкого засилья» в документе отмечалось, что «в советской исторической науке не преодолено еще влияние реакционных историков-немцев, фальсифицировавших русскую историю, доказывавших, что именно немцы принесли русским начала государственности и т.д.»[116]. В докладной записке Г.Ф. Александрова в качестве примера «подыгрывания» немецким историкам приводилась книга А.И. Яковлева «Холопство и холопы в Московском государстве в XVII в.», в которой было высказано предположение, что этноним «славяне» происходит якобы от английского слова slave (раб), что, конечно, не соответствует действительности[117].

Борьбу с «немецким засильем» в науке подхлестывали и партийные издания. Так, в 1945 г. в журнале «Большевик» появилась статья М. Баскина, призывавшая усилить борьбу против «реакционной немецкой историографии». В ней, в частности, содержалась критика главного научного издания советских историков — «Исторического журнала» — за то, что он якобы недостаточно разоблачает «реакционную немецкую историографию»[118]. Другой особенностью военного времени по сравнению с предшествующим периодом стало возрастание общественного интереса к событиям и деятелям русской истории. Это было связано, во-первых, с тенденциями роста интереса к своим историческим корням и в известной мере даже эксплуатации властью национального самосознания во имя народного единения перед лицом врага (до этого в 1920—1930-е гг. основой идеологического воспитания считался интернационализм, который во время войны не был забыт, но перестал быть определяющим элементом пропаганды, как ранее). Во-вторых, причина заключалась в активной деятельности самих историков и политработников в войсках по пропаганде исторических знаний.

По мнению американского ученого Л. Тиллетта, акцент на русской истории во время войны, несмотря на пропагандируемую «дружбу народов», фактически задвинул в тень прошлое нерусских этносов[119]. Более того, появились призывы выдвинуть на первый план именно «русский патриотизм и национализм»[120], причем самыми активными «русофилами» выступали люди не-

[115] Докладная записка Г.Ф. Александрова А.С. Щербакову с планом мероприятий по улучшению пропагандистско-агитационной работы // Там же. С. 500.
[116] Там же. С. 523.
[117] Докладная записка Г.Ф. Александрова А.С. Щербакову. С. 523.
[118] *Баскин М.* Реакционная немецкая историография // Большевик. 1945. № 9. С. 26—39.
[119] *Tillett L.* The Great Friendship: Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. Chapel-Hill, 1969. P. 61.
[120] *Бранденбергер Д.Л.* «Выдвинуть на первый план мотив русского национализма»: Споры в сталинских идеологических кругах, 1941—1945 гг. С. 342—343.

русского происхождения. Армянский философ и историк Хорен Григорьевич Аджемян, к примеру, требовал исключить из советской историографии непатриотические и антирусские элементы[121].

Серьезная дискуссия возникла вокруг книги «История Казахской ССР», вышедшей в 1943 г. Издание было подготовлено при активном участии ряда столичных историков, оказавшихся в начале войны в эвакуации в Алма-Ате и обнаруживших, что история Казахстана еще не написана. Книга была выдвинута на Сталинскую премию, но рецензировавший ее А.И. Яковлев, давший в целом положительный отзыв, обнаружил в издании «антирусские мотивы», связанные с возвеличиванием казахских восстаний против русского владычества[122]. В ходе дискуссии Е.В. Тарле придерживался мнения, что нельзя рассматривать завоевания Российской империи с негативной точки зрения, поскольку именно большая территория страны теперь позволяет Советскому государству успешно справляться с фашистскими захватчиками[123]. Такая позиция вызвала протест А.М. Панкратовой, которая усмотрела в ней отход от марксизма-ленинизма — от характеристики царской России как «тюрьмы народов» и безусловной поддержки национально-освободительного движения против царизма.

Апогея дискуссия достигла во время совещания историков 1944 г. в ЦК ВКП(б). Инициатором совещания выступила А.М. Панкратова, направившая письмо в ЦК с просьбой дать принципиальную партийную оценку возмутительным, по ее мнению, случаям апологетики царской России и неверных трактовок отдельных событий прошлого, а также роста «великорусского шовинизма». Она писала, что в исторической науке все громче звучат требования о пересмотре марксистского понимания истории, что эти требования главным образом исходят от представителей «школы Ключевского», которые «теперь открыто гордятся своей принадлежностью к этой школе»[124].

Для изучения ситуации в ЦК партии была сформирована комиссия в составе председателя — А.С. Щербакова и секретарей ЦК ВКП(б) А.А. Андреева и Г.М. Маленкова. Совещание, в котором участвовали ведущие историки СССР, проходило с перерывами с 29 мая по 8 июля 1944 г. Ход этого совещания и мнения его участников из числа ученых и партийных работников уже подробно изучены.

---

[121] См.: *Тихонов В.В.* Как «маленькие люди» творили большую историю: феномен «маленького человека» и его роль в послевоенных идеологических кампаниях в советской исторической науке // История и историки: историографический вестник. 2011—2012. М., 2013. С. 110—117.

[122] *Tillett L.* Op. cit. P. 70—76; Письма Анны Михайловны Панкратовой / Публ. и комм. Ю.Ф. Иванов // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 54; *Константинов С.В.* Несостоявшаяся расправа (О совещании историков в ЦК ВКП (б) в мае-июле 1944 года) // Власть и общественные организации России в первом трети XX столетия. М., 1994. С. 254—255; *Гордон А.В.* Революционная традиция и имперские модели: Историческая наука последнего сталинского десятилетия // Историк и власть: советские историки сталинской эпохи. Саратов, 2006. С. 111—112; *Юрганов А.Л.* Указ. соч. С. 229 и др.

[123] *Тарле Е.В.* О роли территориального расширения России в XIX и XX веках. Доклад на Ученом совете Ленинградского университета / Публикация Ю.Н. Амиантова // Вопросы истории. 2002. № 6. С. 3—13.

[124] Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 48.

Отметим лишь то, что представляется важным для данной книги. В ходе дискуссии выявились три группы историков: 1) историки-марксисты, в основном ученики М.Н. Покровского, которые отстаивали принципы классового подхода к оценке русской истории, включая критику царизма и «великодержавного шовинизма»; 2) их главные оппоненты — историки «старой школы» и примкнувшие к ним ученые, используя патриотические настроения и конъюнктуру военного времени, обосновывали необходимость оценки дореволюционного прошлого России и политики империи на «национальных окраинах» преимущественно в позитивном ключе и 3) историки во главе с И.И. Минцем придерживались «компромиссной» позиции, более соответствовавшей исторической истине и официальной позиции власти военных лет. Они призывали не искать в истории только негативные моменты, но подчеркивать в прошлом России и положительные стороны[125].

Итогом совещания стало «закрепление» на официальном уровне поворота в исторической науке в сторону отказа от однозначно негативной, исходившей из классового подхода оценки дореволюционной российской истории. Это был, бесспорно, результат распространения патриотических настроений военного времени. Вместе с тем на совещании было четко заявлено, что патриотические элементы в советской идеологии должны сочетаться с традиционным интернационализмом.

На совещании историков 1944 г. в ЦК партии вновь дала о себе знать борьба с «немецким засильем» в науке. В особенности досталось труду Н.Л. Рубинштейна «Русская историография». Выступивший первым по этому поводу Бушуев возмущался тем, что в книге не показана непримиримая борьба русских и немецких историографов. Что слишком выпячивается фигура работавшего в России немца А.Л. Шлёцера, который, по описанию Рубинштейна, находился на уровне мировой науки. «Как немец — так на уровне, как русский — так ученик»[126], — гневно восклицал выступавший. По мнению Бушуева, немцы издавна были главными врагами России и продолжали зариться на русские земли с древности и до современности[127].

Рубинштейн вынужден был защищаться, тоже используя антинемецкую риторику. Он, в частности, указал, что в своей книге опроверг представления об определяющем влиянии немецких ученых на становление отечественной исторической науки[128].

О «немецком засилье» говорил и ученик И.И. Минца историк Е.Н. Городецкий. Он отметил, что немецкие ученые в давние времена приезжали в Россию с

[125] См. подробнее: *Гордон А.В.* Великая Французская революция в советской историографии. М., 2009. С. 130—152; *Дубровский А.М.* Историк и власть... С. 467—470; *Корзун В.П.* Совещание историков в ЦК ВКП (б) 1944 года // Очерки истории отечественной исторической науки XX века... С. 507—516; *Сидорова Л.А.* Борьба мнений по проблеме патриотизма на Совещании историков в ЦК ВКП(б) 1944 г. // Российская государственность в лицах и судьбах ее созидателей: IX—XXI вв. Липецк, 2009. С. 269—275; *Юрганов А.Л.* Русское национальное государство... С. 227—484.

[126] Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году. № 2. С. 57.

[127] Там же. С. 60—61.

[128] Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году. № 3. С. 95—96.

намерениями «иногда довольно темными». Называл их «хищниками, которые проникали в Россию для того, чтобы на легком поприще заработать, схватить, что можно, из исторических документов, опубликовать, превратить в деньги, в славу»[129]. По его мнению, роль этих историков реакционна. Идеализацию немецких историков Городецкий обнаружил даже у Нечкиной и Бахрушина.

Исторические труды военных лет, удостоенные Сталинских премий

Сталинская премия (премия имени Сталина нескольких степеней) была учреждена в конце 1939 г. к 60-летию вождя и стала высшей государственной наградой в области науки и искусства в СССР. Определение произведений — лауреатов премии в те годы осуществлялось специальным комитетом экспертов исходя не только из их научной или художественной значимости, но и из идеологической «выверенности» и актуальности содержания. Военное время не стало исключением из этого правила.

До войны Сталинскую премию ученым-историкам не присуждали. Ситуация изменилась после того, как в условиях вражеского вторжения история превратилась в грозное идеологическое оружие. Первыми в 1942 г. Сталинской премии были удостоены историки — члены авторского коллектива изданной в 1941 г. «Истории дипломатии», т. 1 (В.П. Потемкин, С.В. Бахрушин, А.В. Ефимов, Е.А. Косминский, А.Л. Нарочницкий, В.С. Сергеев, С.Д. Сказкин, Е.В. Тарле, В.М. Хвостов). Фундаментальное издание, подготовленное Институтом истории АН СССР, охватывало огромный период от Древнего мира до Франкфуртского мирного договора 1871 г. В предисловии к первому тому указывалось, что это исследование по истории дипломатии «представляет собой первый опыт марксистской работы в данной области и в указанном масштабе»[130]. Авторы преследовали целью представить советскую версию истории дипломатических отношений, противопоставив ее уже имеющимся западным многотомным изданиям. Учитывая непростую международную обстановку, руководство СССР рассчитывало на то, что это издание принесет не только научную, но и практическую пользу, вооружив советских дипломатов основными знаниями о становлении и развитии истории дипломатии.

Еще одной Сталинской премии (второй степени) за 1942 г. удостоился известный этнолог и археолог Б.А. Куфтин за книгу «Археологические раскопки в Триалети. Опыт периодизации памятников» (Тбилиси, 1941). Б.А. Куфтин был человеком с непростой судьбой. Он подвергся репрессиям в начале 1930-х гг. по «делу славистов», после чего вынужден был переехать жить и работать

[129] Там же. № 4. С. 84.
[130] История дипломатии. Т. I. М., 1941. С. 13.

из Москвы в Грузию, где сосредоточился на археологических раскопках[131]. Удача сопутствовала ему: во время экспедиции на Цалкском плато в Триалети (Грузия) были обнаружены курганы ранней и средней бронзы, датированные XVII в. до н.э. Помимо золота и серебра, в них были найдены искусно изготовленные металлические сосуды, которые, как доказывал Куфтин, принадлежали местным мастерам.

Чем же привлекли комитет по присуждению Сталинских премий археологические находки Куфтина? Его открытия показывали высокий уровень развития местного населения в древности — это расценивалось как подтверждение того, что история многих народов СССР уходит глубоко в прошлое. Особенно актуально это звучало в годы Великой Отечественной войны, когда требовалось разоблачить расистские теории нацистов о «неполноценности» народов СССР. Не исключено, что жюри учло и тот факт, что Сталин с особым вниманием относился к истории родной для него Грузии.

В 1943 г. Сталинскую премию первой степени получил авторский коллектив вышедшего в ходе войны второго тома многотомной «Истории Гражданской войны в СССР» (первый том, изданный в 1930-е годы, был посвящен событиям революции 1917 г., рассматривавшейся как предтеча Гражданской войны). Одним из руководителей коллектива и автором тома был И.И. Минц, а среди других награжденных основных авторов — историки Э.Б. Генкина, Е.Н. Городецкий, И.М. Разгон. Заметим, что все они к 1943 г. уже активно работали в другом проекте Минца — организованной им в конце 1941 г. Комиссии по истории Великой Отечественной войны. Нужно сказать, что И.В. Сталин с 1930-х гг. был не только членом Главной редакции «Истории Гражданской войны», но и как активный участник Гражданской войны считал возможным лично править тексты и даже вставлял абзацами свой текст в рукопись второго тома (материалы с его правкой сохранились в архиве)[132].

Сталинская премия 1943 г. была также присуждена Е.В. Тарле за его двухтомную монографию «Крымская война» (Т. 1—2, М.—Л., 1941—1943). Историк создал впечатляющее историческое полотно, показывающее Крымскую войну на широком социально-политическом и дипломатическом фоне. Центральное место в работе занимала демонстрация мужества русских солдат и офицеров. Автор подводит читателя к мысли о том, что если война приобретает истинно народный характер, то враг обречен. В условиях Великой Отечественной войны этот вывод был особенно актуальным.

[131] Подробнее см.: *Алымов С.С., Решетов А.М.* Борис Алексеевич Куфтин: изломы жизненного пути // Репрессированные этнографы. М., 2003. Т. 2. С. 227—268.

[132] «Из памяти всплыли воспоминания...». Дневниковые записи, путевые заметки, мемуары академика АН СССР И.И. Минца. М., 2007. С. 197.

Глава 2
Создание и деятельность Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР в 1941 – 1945 гг.

История создания Комиссии и ее задачи

Исключительно важную, но до сих пор недооцененную роль в сохранении памяти о войне по ее горячим следам сыграла деятельность Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР (далее Комиссия). Она была создана 10 декабря 1941 г. и работала по декабрь 1945 г. После этого ее преобразовали в Сектор истории СССР Советского периода Института истории АН СССР (1946 г.), затем — в Сектор истории советского общества (12 марта 1947 г.). Инициатором и фактическим руководителем Комиссии на всем протяжении ее работы был известный историк Исаак Израилевич Минц (1896—1991). По этой причине организация стала известна научному сообществу под неофициальным названием «Комиссия Минца».

И.И. Минц слыл человеком энергичным и инициативным, талантливым ученым и организатором науки, проверенным в боях партийцем. Он вступил в партию большевиков в апреле 1917 г., во время Гражданской войны служил комиссаром 46-й стрелковой дивизии, а затем Корпуса Червоного казачества. Личные знакомства с командирами РККА, приобретенные в период Гражданской войны, помогли Минцу в 1930-е гг., во время работы по написанию Истории Гражданской войны в СССР, а затем и в связи с деятельностью Комиссии по истории Великой Отечественной войны.

К 1941 г. Минц — известный деятель исторической науки, член-корреспондент Академии наук СССР, заведующий кафедрами истории СССР одновременно в трех ведущих столичных вузах — МИФЛИ, МГУ и Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). Кроме того, с 1931 г. Минц являлся ответственным секретарем Главной редакции «История Гражданской войны» (далее — ИГВ), он же в 1930-е годы возглавлял одноименное издательство, входившее в состав ОГИЗа. И.В. Сталин и другие советские лидеры, а также ведущие военачальники тоже являлись членами Главной редакции этого издания. В связи с этим Минц с 1930-х гг. не только тесно контактировал с Отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), курировавшим работу по ИГВ, но и был знаком со Сталиным[1].

[1] *Поляков Ю.А.* Академик Исаак Израилевич Минц (к 85-летию со дня рождения) // История СССР. 1981. № 1. С. 212—215; *Самсонов А.М.* Академик Исаак Израилевич Минц // Исторический опыт Великого Октября: К 90-летию И.И. Минца / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.:

Связи в высшем руководстве страны позволили И.И. Минцу после нападения Германии на СССР приступить к организации Комиссии по изучению истории войны уже в ходе военных действий, добиться финансирования, привлечь в ее штат квалифицированных ученых и наладить беспрецедентный в тех чрезвычайных условиях систематический сбор материалов о событиях на фронте и в тылу. Конечной целью Минца, о чем он неоднократно заявлял, было написание многотомной истории Великой Отечественной войны, для чего он планировал после войны создать на базе Комиссии специальный научный институт[2]. Несмотря на то что в итоге эти планы не реализовались, в фонде Комиссии в Научном архиве современного Института российской истории РАН отложилось около 16 тысяч единиц хранения, причем четверть из них — это уникальные стенограммы и записи бесед с непосредственными участниками событий военных лет[3].

Мысль об организации института или комиссии появилась у И.И. Минца в самом начале войны, после известных выступлений Молотова 22 июня и Сталина 3 июля 1941 г. Это подтверждается воспоминаниями самого Минца, в которых, правда, зачастую смешиваются разновременные события[4]. Об активности Минца в то время свидетельствует и его статья «Красная армия в боях с германскими оккупантами», опубликованная 21 июля 1941 г. в однодневной московской газете «Народный ополченец»[5]. В июле он написал письмо в ЦК ВКП(б), в котором, со слов Минца, говорилось примерно следующее: «Понимаю, сейчас тяжелые условия. Но насколько богаче были бы наши представления об Отечественной войне 1812 г., если бы ее участники оставили свои рассказы. Сейчас мы не должны терять времени. Необходимо запечатлеть нынешние события. Потом человечество будет спрашивать, как это все происходило. Я предлагаю создать Комиссию, которая будет собирать материал, изучать, анализировать,

Наука, 1986. С. 3—22; Библиография трудов академика И.И. Минца. 1975—1984 // Исторический опыт Великого Октября: К 90-летию И.И. Минца / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Наука, 1986. С. 23—34; *Иоффе Г.З.* «Остальное вам даст Советская власть» // Отечественная история. 2004. № 4. С. 152—158; *MacKinnon E.* Writing History for Stalin: Isaak Izrailevich Mints and the Istoriia grazhdanskoi voiny // Kritika: Explorationsin Russian and Eurasian History / Volume 6, Number 1, Winter 2005 (New Series). Pp. 5—54; К истории русских революций: События, мнения, оценки: Памяти Исаака Израилевича Минца / предисловие Ю.А. Полякова. М., 2007.

[2] *Лотарева Д.Д.* Комиссия по истории Великой Отечественной войны и ее архив: реконструкция деятельности и методов работы // Археографический ежегодник за 2011 г. М., 2014. С. 132—133.

[3] За годы войны в архиве Комиссии было собрано значительно больше материалов, чем в настоящее время находится в ее фонде в Научном архиве Института российской истории РАН. В 1953 г., после обследования комиссией Главного архивного управления данного архива, тогда хранившегося в Отделе рукописных фондов Института истории АН СССР, часть книг и документов была передана в другие архивы и библиотеки, а часть материалов уничтожена. См.: Отчет ОРФ Института истории АН СССР за 1953 г. в НА ИРИ РАН.

[4] Аудиозапись встречи сотрудников Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, которая состоялась 28 июня 1984 г. на заседании Археографической комиссии АН СССР // РГАФД. Ф. 439. Оп. 4м. № 1—2 (далее Аудиозапись). Личный архив И.И. Минца, который мог бы пролить свет на эти события, передан в АРАН, но пока недоступен для исследователей.

[5] Московская битва в хронике фактов и событий. М., 2004. С. 74.

создавать летопись величественной эпопеи»[6]. Факт написания данного письма позже подтвердил и ближайший сотрудник Минца по редакции «История Гражданской войны» Е.Н. Городецкий[7]. Однако само письмо не обнаружено.

И.И. Минц имел основания рассчитывать на то, что Сталин помнит его по работе в редакции ИГВ[8]. Например, в 1934 г. как ответственный секретарь Главной редакции Минц представил ее членам развернутый ответ на поправки и вопросы к тексту первого тома ИГВ, который вождь тщательно изучил и оставил свои замечания[9] (как известно, текст первого тома ИГВ несколько раз переделывался в соответствии с правками Сталина).

По воспоминаниям Минца[10], в том же июле 1941 г. он отправился на прием к секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову, который одновременно являлся первым секретарем Московского городского комитета ВКП(б) и позднее в ходе войны занял важный пост начальника Главного Политического управления (ГлавПУР) РККА. Минц и Щербаков были знакомы как по работе по ИГВ, так и через А.М. Горького — Щербаков до смерти писателя в 1936 г. был его заместителем в руководстве Союза советских писателей[11]. С конца 1930-х гг. Щербаков стал одним из главных идеологов страны и входил в ближнее окружение Сталина, поэтому Минц пытался заручиться поддержкой Щербакова в деле создания Комиссии.

Сохранился документ, косвенно подтверждающий, что Щербаков в августе занимался вопросами создания летописи/хроники Великой Отечественной войны в августе 1941 г. Это письмо в то время и.о. директора Гослитиздата П.И. Чагина[12], адресованное в Секретариат ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову и датированное 27 августа 1941 г. Чагин в нем, в частности, писал: «Прошу Вашего разрешения организовать в Гослитиздате выпуск периодического издания «Летопись Великой Отечественной войны» согласно прилагаемой записки, составленной на основе Ваших указаний, переданных мне тов. А.А. Фадеевым»[13]. Вероятно, в условиях резко ухудшающейся ситуации на фронте, когда немцы атаковали Смоленск, Киев и продвигались к Москве, эта идея уже не показалась актуальной. По крайней мере на письме имеется следующая резолюция: «Разъясните Фадееву и Чагину нецелесообразность (sic!) этого издания».

---

[6] *Курносов А.А.* Встреча сотрудников Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР // АЕ за 1984 год. М., 1986. С. 316. Другой вариант описания встречи: *Он же.* В Археографической комиссии АН СССР // СА. 1985. № 1. С. 91—92.

[7] Аудиозапись.

[8] Несмотря на конфликты, которые произошли в самом начале его работы. Так, А.Л. Сидоров утверждал, что в 1931 г. Л.М. Каганович разоблачил деятельность Минца по фальсификации истории партии — см.: *Сонин А.С.* Указ. соч. С. 556. См. также письмо Горького Сталину от 28 января 1932 г. (Новый мир. 1998. № 10. С. 68).

[9] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3164. Л. 1—1 об. Машинописный подлинник на бланке. Подпись — автограф. Комментарии Сталина — автографы.

[10] Аудиозапись.

[11] *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны. М.: Аиро — XX, 1997. С. 29, 31—33 и др.

[12] *Чагин (наст. фамилия Болдовкин) Петр Иванович* (1898—1967) — литератор, поэт, советский партийный работник.

[13] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 63. Л. 214. На бланке издательства «Художественная литература».

Осенью 1941 г. гитлеровские войска практически вплотную приблизились к столице. Еще с лета в московских районах создавались дивизии народного ополчения. Рабочие, служащие, студенты, старшеклассники направлялись на рытье окопов и строительство линий обороны. Предприятия Москвы переходили на выпуск военной продукции. По мере оккупации немцами подступов к столице там организовывались партизанские отряды, руководство которыми находилось в штабе партизанского движения, располагавшемся в МК ВКП(б). Упорное сопротивление советских войск и ополчения сопровождалось примерами массового героизма и самопожертвования воинов, о которых сообщалось в прессе. Однако множество других фактов, которые должны были сохраниться для истории, не документировалось. В этой ситуации Минц не оставлял попыток создания Комиссии. Он вспоминал: «Проходила неделя за неделей. Ответа не было. Я думал: «Не до истории сейчас». Это верно, если между историей и сегодняшним днем нет прямой связи. А прямая такая связь была, и я очень волновался. И вдруг мне позвонил начальник ПУ РККА, секретарь ЦК А.С. Щербаков, и говорит: у меня лежит Ваше письмо с резолюцией Сталина «Согласен»[14]. К сожалению, сейчас трудно определить, когда именно состоялся этот телефонный разговор, но вероятнее всего, это произошло в ноябре 1941 г.

Сохранились детали другого разговора Минца с Щербаковым, который состоялся несколько раньше — примерно в октябре 1941 г.[15] Тогда Минц стал убеждать его, что необходимо срочно записать рассказы военачальников, которые участвовали в военных событиях, «потому что приказы не регистрировались нигде, а знать замыслы военачальника очень важно, чтобы раскрыть его талант, показать роль». Щербаков в ответ спросил Минца: «А что вы будете записывать?» Минц начал перечислять: Смоленское сражение[16], [бои] под Можайском[17] и др.

Первоначально Щербаков одобрил создание только краткой Летописи событий Московской битвы[18]. Эту работу поддержал и Георгий Федорович Александров, сыгравший в дальнейшем важную роль в формировании и деятельности Комиссии Минца. Доктор философских наук, профессор, он считался своим в кругу ученых-гуманитариев. Во время войны он являлся важным партийным функционером — занимал пост руководителя «идеологического» Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). Контакты с Александровым давали Минцу выход как на ЦК партии, так и в Президиум АН СССР. С 30 сентября по 2 октября 1941 г. проходило расширенное заседание

[14] Аудиозапись. Здесь необходимо отметить, что А.С. Щербаков был назначен начальником ГлавПУРа РККА лишь в июне 1942 г.

[15] Первый лист стенограммы встречи в Археографической комиссии // НА ИРИ РАН. Ф. 2. Дело фонда. Лист без пагинации (в деле фонда имеется лишь первый лист стенограммы).

[16] Сражение за Смоленск происходило в июле-сентябре 1941 г.

[17] Ожесточенные бои за Можайск прошли в октябре 1941 г.

[18] *Михайлова Е.П.* О деятельности Комиссии по истории Великой Отечественной войны советского народа против фашистских захватчиков в период 1941—1945 гг. // Вопросы историографии в высшей школе. Смоленск, 1975. С. 352.

Президиума Академии наук, на котором обсуждался вопрос о перестройке деятельности академических институтов в условиях войны. Составление «летописи Отечественной войны» было названо одной из новых приоритетных задач академического Института истории[19].

В приказе по Институту истории АН СССР № 225 от 14 ноября 1941 г. говорилось: «Старших научных сотрудников Института истории П.Н. Миллера и Н.Г. Бережкова по завершении эвакуации числить в группе Института истории АН СССР, работающей над составлением Московской летописи Великой Отечественной войны советского народа». Приказ подписал уполномоченный Президиума АН СССР по Институту истории Б.Т. Горянов[20]. Позднее группа Московской летописи Института истории, которой руководила О.Н. Чаадаева, влилась в Комиссию Минца. П.Н. Миллер, известный своими трудами по москвоведению, работал в этой группе до самой смерти 23 января 1943 г.[21] И.И. Минц неоднократно обращался в Президиум АН с просьбой присвоить Миллеру статус старшего научного сотрудника, для того чтобы он мог получать больше продуктов по карточкам[22].

Создание «Летописи войны» силами сотрудников Института истории курировало возглавляемое проф. Александровым Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). В дневниковых записях И.И. Минца читаем: «25 ноября 1941 года. В Москве т. Александров Г.Ф. (начальник управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)) сообщил (в 3 ч), что создана комиссия по собиранию материала и подготовке к изданию «Летописи Отечественной войны». Начать надо с «Обороны Москвы» и постепенно расширять работу. Мне поручено организовать аппарат, связаться с остальными научными учреждениями, привлечь людей. В распоряжение «Летописи» будут переданы все материалы Совинформбюро и сводки ТАСС. Вечером был у П.Ф. Юдина, заведующего ОГИЗом. Он будет введен в состав комиссии от ОГИЗа и как член-корреспондент Академии наук СССР»[23].

10 декабря 1941 г. секретариат МК и МГК ВКП(б) принял постановление о создании «Комиссии по составлению хроники событий обороны Москвы»[24]. В ее состав вошли Г.Ф. Александров (председатель), И.И. Минц (зам. предсе-

---

[19] *Михайлова Е.П.* Указ. соч. С. 352.

[20] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 133а. Л. 137. В 1939 г. при Институте истории АН СССР была создана группа для подготовки многотомного издания по истории Москвы, которая стала называться «Группа истории города Москвы». В нее вошли П.Н. Миллер, В.И. Шунков и другие сотрудники института. В 1940 г. на базе этой группы «москвоведов» была основана Комиссия по истории Москвы при дирекции института. См.: *Уваров С.А.* Комиссия по истории города Москвы (1939—1941). Хроника деятельности // АЕ за 2000 год. М., 2001. С. 367, 370. В начале войны «у П.Н. Миллера созрела мысль о необходимости составления летописи «Москва в Отечественной войне». Он по своей инициативе стал собирать различные материалы о жизни города и москвичей в начальный период войны. (Там же. С. 373—374).

[21] См. его переписку с М.К. Рожковой // НА ИРИ РАН. Ф. 33. Оп. 4. Д. 5.

[22] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 23. Л. 210, 273.

[23] *Минц И.И.* «Из памяти выплыли воспоминания...». Дневниковые записи И.И. Минца. М., 2007. С. 41—42.

[24] ЦГА Москвы. п-Ф. 3. Оп. 24. Д. 232. Л. 2. Цит. по: Московская битва в хронике фактов и событий. М., 2004. С. 246.

дателя), П.Ф. Юдин, Ф.Ф. Кузнецов, П.Н. Поспелов, Л.Я. Ровинский (член редколлегии газеты «Известия»), И.А. Гракин, П.А. Поздеев.

Первое заседание этой комиссии состоялось уже на следующий день, 11 декабря 1941 г.[25] В принятом решении указывалось: «Создать при Президиуме Академии наук научно-исследовательский аппарат, на который возложить подбор и систематизацию материалов по истории отечественной войны (Оборона Москвы), и прежде всего составление хроники».

В помощь ученым была мобилизована партийная общественность. При райкомах партии Москвы и области создавались районные комиссии по составлению «Летописи обороны Москвы на каждый день» и собиранию материалов по истории Отечественной войны. Комиссии должны были собирать документы, отражающие ход обороны Москвы, деятельность парторганизаций, боевую работу в районах, культурно-бытовую жизнь населения и т.п. На крупных предприятиях и в учреждениях должны были действовать уполномоченные районных комиссий по сбору данных. Обработкой полученных с мест материалов и оказанием научно-методической помощи районным комиссиям должна были заняться специально создаваемая для этого группа примерно из 20 научных сотрудников. Предполагалось, что ГлавПУР поможет организовать сбор фронтовых, армейских и дивизионных газет, брошюр, листовок, а также материалы политсводок и политдонесений. Редакции газет должны были сдать в Комиссию копии фотоснимков и другой сохранившийся у них материал по истории обороны Москвы, а Комитет по делам кинематографии — выделить в распоряжение Комиссии группу кинооператоров для фотографирования мест, связанных с обороной столицы. Планировалось также организовать запись интервью с героями и участниками Московской битвы, с гражданскими лицами, пострадавшими от фашистских зверств. Предполагалось получить в распоряжение Комиссии весь материал наглядной агитации (плакаты, Окна ТАСС и др.), а также привлечь группу профессиональных художников для зарисовки отдельных эпизодов истории обороны Москвы.

Как видим, широта и разнообразие источниковой базы этого проекта, начатого в разгар битвы под Москвой, поразительны. Несомненно, с самого начала он выходил далеко за рамки обычной хроники или сухой летописи. Еще более удивительна убежденность Минца и других членов Комиссии в неминуемой победе над врагом, который в декабре 1941 г. был все еще силен и не сломлен. Если бы эта убежденность отсутствовала, работу не стоило затевать. Тем не менее, обращает на себя внимание тот факт, что вопрос о создании Комиссии был решен инстанциями лишь после начала советского контрнаступления под Москвой, когда самый тяжелый период осады столицы уже миновал.

Ограниченные рамки создания хроники или летописи обороны Москвы, несомненно, стесняли Минца. 18 декабря 1941 г. он обратился за поддержкой к академику-секретарю Отделения истории и философии академии

[25] Сохранилось два экземпляра протокола, один из них с правками И.И. Минца: АРАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 19. Л. 7—8: НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 2. Л. 1—2.

А.М. Деборину (Президиум Академии наук был к тому времени эвакуирован в Казань): «Только сейчас, когда состоялось решение о приступе к сбору материала и подготовке к изданию «Истории отечественной войны («Оборона Москвы»), я собрался написать Вам. <...> Мне кажется, что работы так много, что действительно нужен самостоятельный институт. <...> Может быть, Вы найдете нужным назвать это Комиссией Президиума. Дело не в названии. <...> Единственное, о чем я прошу, — как можно скорее решить вопрос, ибо дело не ждет, людей (сотрудников. — Авт.) я пригласил. Если решение вопроса задержится, то это может отразиться на работе»[26].

Однако вопрос об утверждении штатов Комиссии Президиумом АН затягивался. 11 января 1942 г. И.И. Минц записал в дневнике: «Группа работников комиссии по истории обороны Москвы выезжает в Солнечногорск. С ними художник [А.И.] Ермолаев[27]. Посетят г. Клин. Явно не успеваем за событиями. Немедленно надо послать кого-нибудь в город Керчь или Феодосию, но не хватает людей, а Академия наук <...> до сих пор не утвердила мне сметы»[28].

15 января 1942 г. И.И. Минц по просьбе сотрудника ГлавПУРа Л.И. Гуревича[29] согласился к 23 февраля 1942 г. — Дню РККА — написать статью для журнала «Пропагандист» под названием «Красная армия выросла в боях с немцами». Чтобы лучше показать связь времен, он, бывший комиссар конной армии Гражданской войны, решил побывать в 1-м конном гвардейском корпусе времен Великой Отечественной. Понимая важность визуального ряда для лучшего восприятия читателем, он взял с собой художника для выполнения зарисовок. В дальнейшем привлечение фотографов и художников к работе по фиксации событий военных лет стало распространенным методом работы.

В этот же день, 15 января 1941 г., в Казани все же состоялось заседание Президиума АН, на котором обсуждались вопросы «О вандализме немецких захватчиков в Ясной Поляне» и «О работе по Истории Отечественной войны». В постановлении говорилось: «1. Создать в АН СССР научный аппарат по изучению Истории отечественной войны под руководством образованной ЦК ВКП(б) Комиссии. 2. Возбудить ходатайство перед СНК СССР об учреждении в составе АН СССР Института истории отечественной войны»[30].

Эта информация подтверждается и сохранившимся протоколом более раннего заседания Президиума АН от 10 января 1942 г. На нем было решено: «Поручить члену Президиума АН академику М.Б. Митину и члену-корреспонденту И.И. Минцу решить вопрос о переводе в Комиссию по истории Отечественной войны (а в последующем в Институт истории Отечественной

[26] АРАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 19. Л. 3. Благодарю за указание на документ В.Г. Бухерта.
[27] Рисунки Ермолаева хранятся в ГИМ. Частично опубликованы: Москва прифронтовая. М., 1995. С. 404; Сталинградская битва. Свидетельства участников и очевидцев. М.: НЛО, 2015. С. 129. На одном рисунке изображен профессор И.И. Минц, читающий лекцию командирам Красной армии (Можайское направление, 16 февраля 1942 г.).
[28] *Минц И.И.* Из памяти... С. 52—53.
[29] Сотрудник Отдела пропаганды ГлавПУРа дивизионный комиссар Гуревич.
[30] АРАН. Ф. 2. Оп. 6а. Ед. хр. 34. Л. 17—19.

войны) научных сотрудников Московского отделения Института истории материальной культуры им. Н.Я. Марра, находящихся в настоящее время в Москве (со штатными единицами)»[31].

Как видим, в постановлении и далее в документах говорится, что Комиссия была образована «под руководством ЦК ВКП(б)». На самом деле единственным на тот момент документом было решение Московского комитета партии. Как будет показано ниже, Минц безуспешно добивался формального постановления ЦК по Комиссии. По крайней мере, его следов в архивах до сих пор не найдено.

О желании Минца создать институт по истории войны и руководить им свидетельствует следующий подписанный им документ, датированный 19 января 1942 г.: «Распоряжение № 1 по Орггруппе Института Истории Отечественной войны.

1. Постановлением Президиума Академии наук СССР от 15 января 1942 г. создается научный аппарат по изучению истории Отечественной войны под руководством образованной ЦК ВКП(б) Комиссии и возбуждено ходатайство перед СНК СССР об учреждении в составе АН СССР Института Истории Отечественной войны.

2. Руководителем орггруппы Института Президиум АН СССР утвердил меня»[32].

25 января 1942 г. Минц получил из Казани от вице-президента АН О.Ю. Шмидта и академика-секретаря отделения А.М. Деборина телеграмму следующего содержания: «Вашими предложениями Президиум согласен, считает необходимым возбудить ходатайство перед Совнаркомом организации Института, подробности письмом»[33]. 11 марта 1942 г. Минц, обращаясь с деловым письмом к О.Ю. Шмидту, упоминал о том, что по его решению Комиссии было предоставлено право обращаться к институтам АН с поручениями[34].

Тогда же в письме к Минцу президент АН академик В.Л. Комаров писал: «Глубокоуважаемый Исаак Израилевич! Я с большим удовлетворением узнал об организации научного аппарата, изучающего историю Отечественной войны под руководством образованной ЦК ВКП(б) Комиссии по истории Отечественной войны, о перспективах создания Института истории Отечественной войны и о Вашем руководящем участии в этом важном патриотическом деле первостепенного научного и общественного значения...»[35].

14 марта 1942 г. И.И. Минц узнал от О.Ю. Шмидта, что «дело утверждения штатов» налажено и что «на днях следует ждать решения»[36]. Речь шла об утверждении штатов Института истории Отечественной войны в составе

[31] АРАН. Ф. 2. Оп. 6а. Ед. хр. 34. Л. 12—13.
[32] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 40. Л. 48.
[33] Там же. Д. 23. Л. 22.
[34] Там же. Л. 57.
[35] Там же. Л. 27.
[36] *Минц И.И.* Из памяти... С. 62.

АН. Однако 1 апреля 1942 г. О.Ю. Шмидт был отстранен от обязанностей вице-президента АН и выведен из Президиума АН[37]. Вопрос о самостоятельном институте так и не был решен. И.И. Минц не оставлял идеи создания института вплоть до 1947 г., однако вся дальнейшая работа по собиранию материалов по истории Великой Отечественной войны, несмотря на то, что к ней привлекались сотрудники АН, а Институт истории стал фактически ее «базой», шла под вывеской деятельности Комиссии.

В мае 1942 г. прошло общее собрание Академии наук в Свердловске. В повестку дня был включен доклад Г.Ф. Александрова и И.И. Минца «Исторические документы Великой Отечественной войны (по материалам Комиссии АН СССР по истории Великой Отечественной войны)»[38]. Говоря о необходимости сбора материала по истории войны, Александров подчеркнул, что «документы истории Отечественной войны помогут нашим героям, нашей героической Красной Армии выполнять свое дело, помогут осознать ту величественную задачу, которая возложена на плечи нашей армии историей <...> Документы, собранные комиссией, должны отвечать на вопрос — почему и как мы победили»[39].

Однако, несмотря на принятое в январе 1942 г. решение Президиума АН, Комиссия не получила соответствующего статуса, и 24 мая того же года вице-президент АН академик В.П. Волгин отправил Минцу телеграмму: «Прошу ускорить оформление Комиссии, задержка тормозит проведение штатов, сметы»[40]. В связи с этим Минц возобновил переговоры в высоких инстанциях. Он вспоминал, что в начале июля 1942 г. начальник ПУРа А.С. Щербаков поручил ему приступить к составлению книги об истории обороны Москвы, о чем было доложено Г.Ф. Александрову, который хотел собрать по этому поводу специальное совещание в ЦК[41]. В конце концов 7 июля 1942 г. СНК своим распоряжением утвердил штатное расписание «Комиссии по составлению истории Великой Отечественной войны при Академии наук СССР», в связи с чем штат академии был увеличен[42].

В письме от 3 августа 1942 г. к академику В.П. Волгину Минц сообщал: «Некоторое время тому назад вызвал меня тов. Щербаков и после длительной беседы приказал сделать книгу по истории обороны Москвы. Таким образом, все наши планы сразу получили точное оформление: вся подготовительная работа по истории частей, соединений, оборонительных рубежей и т.д. долж-

[37] По распоряжению Сталина (повод — отправил в СНК план работ АН без согласования с президиумом). См.: АРАН. Ф. 2. Оп. 6а. Ед. хр. 34. Л. 61—67.

[38] АРАН. Ф. 2. Оп. 6а. Ед. хр. 34. Л. 60, 70—71. На этом же заседании предполагалось заслушать доклады: «Всемирно-историческое значение борьбы с фашистским агрессором» (докл. А.Я. Вышинского, если не сможет — то В.П. Волгина), а также «Русский народ в борьбе за мировую культуру» (А.Н. Толстой).

[39] РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 6. Д. 15. Л. 41.

[40] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 23. Л. 148.

[41] Там же. Д. 22. Л. 35.

[42] Там же. Л. 34 а.

на быть закончена созданием единой книги. На второй же день я был в Совнаркоме у тов. Землячки. Там полностью утвердили штат и смету, в том числе и для Уральского филиала [Комиссии]...». Александров также дал указание создать руководящий орган — президиум Комиссии[43].

На этом история организационного оформления Комиссии завершилась, статус ее впоследствии не менялся. Минц считал, что Комиссия по линии АН была окончательно оформлена в конце июля 1942 г.[44] Однако состав руководства Комиссии был утвержден Президиумом АН СССР только 27 августа 1942 г. В него вошли: Г.Ф. Александров — председатель, И.И. Минц — зампредседателя, академик Е.М. Ярославский, Р.С. Землячка — зампредседателя СНК, И.В. Шикин (дивизионный комиссар, замначальника ГлавПУРа РККА), И.В. Рогов (армейский комиссар ВМФ, Политуправление ВМФ), Н.А. Михайлов (секретарь ЦК ВЛКСМ), Н.П. Поспелов (главный редактор газеты «Правда»), П.Ф. Юдин (член-корр. АН, зав. ОГИЗ), Л.Я. Ровинский (член редколлегии газеты «Известия»), Е.И. Леонтьева (первый секретарь Сокольнического райкома, с весны 1942 г. секретарь МК ВКП(б) по пропаганде[45]), Е.Н. Городецкий (профессор, редакция ИГВ)[46]. По поводу перспективы создания научного аппарата Комиссии при Президиуме АН СССР Минц был настроен скептически: «Академия не умеет решать такие вопросы быстро, а шуму будет много»[47].

В конце 1942 г. Минц написал в Президиум АН СССР письмо, в котором просил повысить зарплату сотрудникам своей Комиссии. Из него узнаем в том числе о ее численности на тот момент: «В связи с повышением заработной платы научным работникам Комиссия Истории отечественной войны в СССР отнесена к рядовым комиссиям институтов Академии наук. Считаю такое положение неправильным. Комиссия по Истории Отечественной войны создана на основании постановления ЦК ВКП(б) при Президиуме Академии наук для организации работы по сбору и изучению материалов истории Великой Отечественной войны. Штат Комиссии 58 человек. В составе научных сотрудников Комиссии имеются 5 докторов наук, 10 кандидатов наук. Комиссия имеет филиалы и группы в союзных филиалах Академии наук. Кроме того, по решению ЦК во всех обкомах и нацкомпартиях также созданы комиссии по истории Отечественной войны. Всеми этими местными комиссиями руководит Комиссия по истории Отечественной войны при Президиуме Академии наук. Работа нашей Комиссии по объему и по бюджету, безусловно, равна работе многих ведущих институтов Академии наук. Поэтому прошу приравнять Комиссию по истории Отечественной войны при Президиу-

[43] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 23. Л. 225.
[44] Там же. Л. 291.
[45] Е.И. Леонтьева до перевода на партийную работу в апреле 1941 г. работала заместителем декана исторического факультета МИФЛИ. О ней см.: http://www.a-z.ru/women_cd2/12/9/i80_346.htm (приведен текст из книги: В тылу и на фронте. М.: Политиздат, 1980).
[46] АРАН. Ф. 2. Оп. 4. Д. 35. Л. 101.
[47] *Минц И.И.* Из памяти... С. 48.

ме Академии наук по всем линиям к самостоятельным институтам Академии наук СССР»[48].

Из письма Г.Ф. Александрова на имя А.С. Щербакова от 11 февраля 1943 г. становится понятно, что Минц продолжал надеяться на утверждение Комиссии специальным постановлением ЦК ВКП(б)[49], что значительно повысило бы ее статус, превратило из московской в общесоюзную и увеличило полномочия. Минц явно исходил из предшествующего опыта, когда работа комиссий по «Истории фабрик и заводов» и «Истории Гражданской войны» санкционировалась в 1930-е годы высшими партийными инстанциями, принимавшими по этому поводу специальные постановления и утверждавшими состав руководящих органов этих комиссий. В письме Александрова Щербакову, в частности, говорилось: «Решением МК ВКП(б) в декабре 1941 года была создана Комиссия по составлению истории Обороны Москвы. Работа Комиссии уже с первых дней переросла рамки первоначального задания. Нельзя было писать [эту историю], не изучив Тульской и Калининской операций [...] Московская Комиссия расширила работу. В системе Академии наук СССР была создана группа научных сотрудников по собиранию и систематизации материалов Отечественной войны. Все это привело к тому, что Комиссия по составлению истории обороны Москвы, по существу, превратилась в общую комиссию по собиранию материалов по истории всей Великой Отечественной войны». Г.Ф. Александров предлагал утвердить создание комиссии постановлением ЦК ВКП(б)[50].

В проекте постановления, предложенном Г.Ф. Александровым, сказано, что было бы необходимо: «1. Создать Комиссию по истории Великой Отечественной войны в следующем составе: Ярославский Е.М., Шикин И.В., Поспелов П.Н., Александров Г.Ф., Рогов И.В., Минц И.И., Пономаренко П.К.[51], Маханов А.И.[52], Митин М.Б., Михайлов Н.А.

2. Поручить Комиссии собирание материалов по истории Отечественной войны; составление истории обороны Москвы, Ленинграда, Сталинграда, Тулы, Севастополя, Одессы; составление Хроники событий Великой Отечественной войны; составление истории отдельных боевых частей, в первую очередь, гвардейских»[53].

По всей видимости, официального ответа на это письмо не последовало. Более того, руководитель ГлавПУРа А.С. Щербаков фактически перестал под-

---

[48] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 23. Л. 389.

[49] Возможно, это связано с тем, что к тому времени Комиссия собрала большой материал по Сталинградской битве, а также коллектив редакции ИГВ готовил к выходу второй том «Истории Гражданской войны в СССР», который был издан в 1943 г. За него авторский коллектив получил Сталинскую премию.

[50] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 204. Л. 1.

[51] *Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич* (1902—1984) — советский государственный, партийный деятель, генерал-лейтенант (1943), с 1938 г. — 1-й секретарь ЦК КП Белоруссии, одновременно с 1942 г. — начальник Центрального штаба партизанского движения. Член ЦК ВКП(б) с 1939 г. Член Президиума ВС СССР с 1940 г.

[52] Вероятно, секретарь по пропаганде Ленинградского горкома ВКП(б).

[53] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 204. Л. 2.

держивать работу Комиссии. 7 июля 1943 г. Минц обратился к нему со следующим отчаянным письмом: «Александр Сергеевич! Поручая мне сделать книгу о разгроме немцев под Москвой, Вы сказали: «Если будет нужна помощь, приходите». Как раз сейчас Ваша помощь крайне нужна. В самом деле, мы закончили собирание материала. Больше того, у нас написано не менее 15—20 листов. Работа над книгой вступила в самый *решающий момент*: надо окончательно оформить материал и превратить отдельные статьи в единую книгу. Очень хотелось бы издать книгу к годовщине разгрома. Если у Вас есть возможность, то прошу принять меня для доклада: а) правильно ли я выполняю Ваше задание по созданию книги о разгроме немцев под Москвой и б) для получения ответа на некоторые вопросы»[54].

К сожалению, реакция Щербакова на это письмо неизвестна. Скорее всего, выход книги об обороне Москвы в условиях лета 1943 г. показался руководству страны несвоевременным. Ведь в книге неминуемо пришлось бы напоминать о трагическом отступлении и огромных потерях РККА в начальный период войны, ошибках руководства страны, тяжелой обстановке в Москве осенью 1941 г. и др.[55] Замалчивание же в книге негативных фактов, болью потерь отзывающихся в сердцах миллионов советских граждан, могло вызвать их возмущение. Думается, именно в этом заключается причина сохранения в ходе войны полуофициального статуса Комиссии Минца, а также нежелание допустить публикацию собранных ею материалов.

В этих условиях Комиссия по истории Великой Отечественной войны полностью сконцентрировалась на работе по сбору документов и интервью. В чрезвычайной обстановке военного времени все шаги сотрудников, включая их командирование в воинские части, Минц вынужден был согласовывать с партийными, военно-политическими (ГлавПУР) и академическими инстанциями, а также лично со своим неизменным «куратором» в Агитпропе ЦК партии Г.Ф. Александровым.

И.И. Минц как организатор работы Комиссии

Несмотря на чрезвычайные условия военного времени и на то, что по объективным причинам в итоге удалось реализовать далеко не все замыслы, работа Комиссии велась не случайным образом, а по тщательно продуманному плану[56]. При организации работы, в определении приоритетов и выработке

[54] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 22. Л. 124.

[55] *Невзоров Б.И.* Битве за Москву — 70 лет: как ее освещали в эти годы // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 1 (22). С. 11.

[56] Аудиозапись. Приведем также выдержки из письма И.И. Минца секретарю Пятигорского горкома ВКП(б) Храмкову от 13 июня 1945 г.: «...Я знаю из рассказов как Ваших товарищей, так и участников партизанского движения Краснодарского края всю тяжелую историю, выпавшую на долю Вашей группы. Я думаю, в этих рассказах много личного, субъективного. Поэтому просто необходимо, чтобы Вы уделили один-два вечера нашим научным сотрудни-

методики сбора материалов И.И. Минцем и сотрудниками был широко использован предшествующий опыт исторических начинаний 1920—1930-х гг. — деятельности Истпартов, краеведческих обществ, ИФЗ, но особенно единственного продолжавшегося к тому времени и осуществлявшегося параллельно исторического проекта по ИГВ[57]. К примеру, во всех этих исторических проектах работа начиналась с составления подробной летописи или хроники исторических событий, которая базировалась на выявленных документах, публикациях и воспоминаниях. Хронологический принцип, опора на источники и отраженные в них исторические факты — все это подчеркивало научную основу проекта[58].

Группа летописи/хроники Комиссии создавала летопись преимущественно на основании газетных сообщений (обрабатывались как центральные, так и местные, а главное, фронтовые газеты), а также хроники ТАСС, сводок Информбюро. В дальнейшем в летопись войны стали включать сведения из стенограмм бесед с участниками событий. Составление летописи продолжалось несколько лет и после окончания войны. Это был поистине титанический труд, поскольку за этот период только в центральной прессе были опубликованы десятки тысяч сообщений, наиболее важные из которых после соответствующей проверки включались в летопись. Зачастую именно сведения из газет служили отправной точкой для последующей работы над очерками о героях фронта и тыла, различных боевых операциях.

Л.М. Зак вспоминала, что, когда Комиссия приступила к разработке темы «Женщины на войне», сотрудники использовали опыт подготовленного в ходе проекта ИГВ сборника «Женщины в Гражданской войне»[59].

Однако, скажем, практику стенографирования бесед и рассказов участников революционного движения и Гражданской войны нельзя было использовать механически. Тогда люди вспоминали о событиях десятилетней и более давности, теперь — по горячим следам событий[60]. Решение о том, кого интервьюировать и что именно спрашивать, принималось не в тиши кабинетов, а в условиях боевых действий, в быстро изменяющейся фронтовой обстановке. Подчас нужна была профессиональная интуиция историка, чтобы за чередой боев и других событий военных лет практически сразу же, а не спустя десяти-

---

кам и рассказали бы все подробности Вашего трудного пути и тяжелой борьбы, которую вела Ваша группа в горах. Нам Вы можете рассказать *все*. Этот ценный материал будет необходим для воссоздания подлинной истории борьбы с немцами на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны» // НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 28. Л. 162.

[57] *Минц И.И.* Из памяти... С. 48.

[58] См., например: *Калинкина Е.А.* Деятельность истпартов Южного Урала по подготовке хроник революционных событий // Вестник Челябинского университета. Сер. 1. История. 2008. № 34. Вып. 27. С. 48—54.

[59] Аудиозапись.

[60] Интересно, что во время войны в отрезанном от мира Ленинграде именно сотрудники Истпарта собирали документальные материалы о жизни блокадников, стенографировали беседы с жителями города. См.: *Соболев Г.Л.* Блокада Ленинграда: постижение правды // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 74.

летия, рассмотреть главное — то, что достойно быть тщательно задокументировано и должно впоследствии войти в историю.

Основные элементы организации работы Комиссии и методики сбора материалов И.И. Минц разработал уже к концу 1941 г. 7 декабря 1941 г. он вместе со своим ближайшим соратником, историком Е.Н. Городецким, побывал в 3-й Московской коммунистической дивизии (подразделение народного ополчения). Там он застал группу служивших здесь научных и партийных работников: А.Л. Сидорова, Б.В. Можарскую, С.П. Партигула и др. «Такой состав можно было бы распределить по меньшей мере по трем-четырем дивизиям. Зачем держать их в одном месте? Напрасная растрата сил»[61], — комментировал ситуацию Минц, имея в виду, конечно же, не боевой, а научный потенциал ученых, которые могли бы принести большую пользу. 8 декабря 1941 г., во время посещения 5-й Московской дивизии народного ополчения, он встретил там философа Ф.И. Хасхачиха[62] и будущего сотрудника Комиссии историка М.Г. Седова, которые пошли на фронт добровольцами. «Тут та же картина»[63], — заметил Минц. Он был убежден в том, что не кабинетные ученые, что называется, не нюхавшие пороху, а гуманитарии — историки, филологи, философы, экономисты, служившие в воинских подразделениях, должны составить творческий костяк будущих авторских коллективов по написанию истории этих воинских частей. Аналогичный подход, например, пропагандировал в работе по «Истории фабрик и заводов» М. Горький, который писал, что рабочие должны сами написать историю своих предприятий и своего труда, поскольку они лучше людей со стороны знают о заводской производственной и бытовой повседневности.

Предполагая использовать военных специалистов для написания истории важнейших боевых операций, Минц при этом оговаривался, что одна только трактовка с высоты Генштаба недостаточна, что каждая боевая операция должна быть описана на основе разных источников, включая взгляд на нее «из окопа». Аналогичный подход применялся и при написании ИГВ. В письме к Ф.Ф. Кузнецову от 20 марта 1942 г. он отмечал: «Работа над историей обороны Москвы приняла такой характер, который требует приступа к составлению отдельных очерков. Очерк операций по обороне Москвы будет составлять Военно-исторический отдел Генштаба РККА совместно с нами. Сборник этот предназначался для армии. Одновременно мы развернем эту же работу в книгу для широких масс по типу тома «Истории гражданской войны»[64].

Преемственность традиций с ИФЗ и ИГВ прослеживается и в отношении формы будущих книг о войне. Минц считал, что они должны сочетать научность

---

[61] *Минц И.И.* Из памяти... С. 46—47.

[62] *Хасхачих Федор Игнатьевич* (1907—5.11.1942) — доктор философских наук, декан философского факультета МИФЛИ. Вместе со своими студентами вступил в ополчение Ростокинского района Москвы. Заменив погибшего комиссара полка (875-й полк 22-й армии), взял на себя командование боем и погиб на переднем крае. Его фронтовые письма к сестре хранятся в фонде Комиссии. См.: НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел IX. Оп. 10. Д. 9.

[63] *Минц И.И.* Из памяти... С. 46—47.

[64] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 22. Л. 18.

с яркостью и образностью языка, популярностью и доступностью изложения[65]. В соответствии с этим, как и в работе над ИФЗ и ИГВ, к обработке собранных материалов и написанию очерков стали привлекаться профессиональные литераторы и журналисты[66]. В итоге в работу Комиссии в той или иной мере вовлекались многие писатели и деятели культуры. Часть из них были направлены по линии Союза советских писателей, другие, будучи военнослужащими, временно прикомандировывались для такой работы. В их числе — С.В. Рубек[67], И.И. Крестовский[68], Э.Б. Харитонович[69], В.А. Каверин[70], Е.А. Немирова[71], П.И. Капица[72], М.Д. Ромм, Б.Л. Яглинг, журналистка Н.И. Мончадская и др. Писатель И.И. Шкадаревич[73] в рамках работы с Комиссией опубликовал 24 июня 1943 г. в красноармейской газете Северо-Западного фронта «За Родину» очерк «Ценой жизни» об Александре Матросове, написанный на основе бесед с очевидцами боя за деревню Чернушки. Профессиональный военный и писатель М.Б. Брагин, сотрудничая с Комиссией, написал по горячим следам и с ходу опубликовал книгу «Великое сражение под Сталинградом» (Куйбышев, 1943 г.). В Комиссии работал также писатель З.И. Фазин (Факторович), знакомый Минцу по редакции ИГВ, теперь он собирал материалы об обороне Одессы и Севастополя.

По заданию Комиссии писатель А.А. Бек, участвовавший в 1930-е годы в горьковском проекте «История фабрик и заводов», осенью 1942 г. писал историю 8-й гвардейской дивизии Панфилова, а также работал над историей 9-й

---

[65] Подробнее об этом см. в интервью И.И. Минца журналу «Вопросы истории», № 8 за 1968 г. С. 184—185. Показательно, что Минц раскритиковал работу С.И. Шункова по истории 130-й дивизии за чрезмерную научность и сухость языка. Он настаивал на том, чтобы Шунков переписал работу. Благодарим А.В. Мельникова за указание на этот факт.

[66] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 26. Л. 116 об.

[67] *С.В. Рубек* — литератор, во время войны батальонный комиссар. Осенью 1942 г. на Калининском фронте составлял очерки о героях — летчиках истребительной бомбардировочной и штурмовой авиации, а также писал историю двух гвардейских авиационных полков (1-го истребительного и 1-го штурмового).

[68] *Иринарх Ильич Крестовский*, писатель. Прикомандирован к Комиссии в мае 1942 г. (НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 22. Л. 27). В 1965 г. опубликовал книгу очерков «Письмо в Ракитное», основанных на письмах фронтовиков.

[69] Прозаик *Эдуард Брониславович Харитонович* (1904—1955) писал очерки для сборника «Бывалые разведчики», готовившегося Генштабом РККА // НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 30. Л. 214.

[70] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 30. Л. 106.

[71] *Немирова Евгения Аркадьевна* (наст. имя и фам. Шейндла Арон-Кивовна Немировская-Синявер, 1899—1983, Москва), писатель, член ССП. По свидетельству дочери, М.А. Немировской, собирала материал для книги о солдатах войны, посещала госпитали, ходила на военно-санитарном судне по Волге, не раз попадая под бомбежки. После освобождения Одессы полетела туда, чтобы найти материал об одесских партизанах-евреях. См.: http://newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=2737.

[72] *Капица Петр Иосифович* (1909—1998) в 1942 г. опубликовал сборник рассказов и очерков «Мужество». Героям-краснофлотцам и летчикам были посвящены очерки «Герой Советского Союза краснофлотец А. Посконкин» (1941), «Дважды герой Советского Союза гвардии полковник Борис Феоктистович Сафонов» (1943), «Дмитрий Глухов» (1945).

[73] *Иван Иосифович Шкадаревич* был прикомандирован к Комиссии не позднее июля 1942 г., он собирал материалы о партизанском движении в Белоруссии // НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 24. Л. 154; Д. 28. Л. 58. Позднее он написал книгу об Александре Матросове.

гвардейской стрелковой дивизии. Получив по просьбе Минца разрешение начальника политотдела, он стенографировал рассказы активных участников боев под Москвой[74]. По этим материалам Бек затем написал прославившую его книгу «Волоколамское шоссе» (впервые издана в 1943 г.)[75].

В методологическом плане основным действующим лицом истории — будь то ИФЗ, ИГВ или история Великой Отечественной войны — Минц считал рядового человека, создателя своей судьбы. Он постоянно подчеркивал, что писать историю должны ее творцы. «Я прочитал историю вашей части, созданную коллективом ваших же офицеров и бойцов <...> Книга ваша сделана очень любовно. Значение ее в том, что она писалась по свежим следам, писали ее те же, кто делал эту историю. Будущее пополнение будет Вам крайне признательно за проделанную работу. Эту работу нужно продолжить, по мере накопления материала создать вторую часть истории»[76], — отмечал Минц в августе 1943 г. в письме авторам рукописи по истории одной из воинских частей. То, что работа по истории воинских частей приобрела во время войны значительный размах, — бесспорная заслуга Комиссии, оказывавшей авторам посильную методическую, кадровую и прочую помощь. Авторами выступали, как правило, политработники, а также офицеры, имевшие гуманитарную подготовку. В организационном плане работа по истории воинских частей напоминала создание истории промышленных предприятий 1930-х гг.

Помимо научно-популярных книг, в рамках работы Комиссии в 1942 г. И.И. Минц начал заниматься специальными исследованиями о важнейших военных операциях как примерах боевого искусства. Для этого было получено разрешение начальника ГлавПУРа А.С. Щербакова на интервьюирование командующих армиями, а также других военачальников высокого ранга. Однако некоторые из них опасались откровенничать, другие были крайне перегружены и не понимали важности того, чем занималась Комиссия. В этих условиях Минц решил сам проводить интервью, тем более что со многими высшими командирами РККА, прошедшими Гражданскую войну, он был знаком по событиям тех лет или по работе над ИГВ. 14 февраля 1942 г. он провел беседу с командармом 5-й армии генерал-лейтенантом Л.А. Говоровым[77]. Л.М. Зак вспоминала, что Говоров с трудом шел на контакт, но Минц умел найти подход к людям. В данном случае он обезоружил сурового генерала тем, что начал вдруг наизусть читать стихи Р. Бёрнса, после чего Говоров не смог отказать в интервью[78].

8 марта 1942 г. И.И. Минц записал в записной книжке: «Случайно попал к гвардейцам из корпуса Доватора <...> Условились с гвардейцами о приезде в корпус, чтобы наладить составление истории»[79].

---

[74] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 24. Л. 89, 105.

[75] Стенограммы бесед, проведенных А.А. Беком, отложились архиве Комиссии — см. НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 28—29. Подробнее об этом говорится ниже в данной книге.

[76] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 24. Л. 322.

[77] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 21. Д. 1.

[78] Аудиозапись.

[79] *Минц И.И.* Из памяти... С. 60—61.

Впоследствии, если Минц не мог сам выехать на фронт, он писал командармам соответствующие «рекомендательные письма» на своих сотрудников. Например: «Командующему 62-й армией генерал-лейтенанту Чуйкову. Дорогой товарищ! Я прекрасно понимаю, насколько Вы заняты, и вам, очевидно, не до истории, но рассказать о сталинградской эпопее всему народу — значит усилить обороноспособность страны, значит вдохновить наших героев на новые подвиги. Поэтому я позволяю себе отнять у Вас несколько минут по следующему поводу: по решению ЦК ВКП(б) и МК создана комиссия по созданию истории Великой Отечественной войны. Председатель Комиссии — начальник управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) тов. Александров. Мы уже приступили к собиранию материалов. Разумеется, в первую очередь нужно собрать материал о величественной борьбе сталинградских героев. Для этой цели будет создана особая группа в составе научных работников и военных историков. <...> В состав этой группы войдет писатель (автор книги о Кутузове) тов. Брагин. Он выезжает в Сталинград, чтобы обсудить вопрос об организации работы группы. Комиссия просит Вас вырвать из своего столь загруженного времени 10 минут и переговорить с тов. Брагиным о начале работы. Глубоко уважающий Вас Зам. председателя Комиссии член-корр. АН Минц» (письмо датировано 15 декабря 1942 г.)[80].

Не менее проникновенное письмо Минц 21 января 1943 г. написал генералу армии И.Е. Петрову: «Дорогой Иван Ефимович! Пользуюсь счастливым случаем передать Вам привет и вновь обратиться к Вам с большой просьбой. Вы знаете, что Комиссия по истории Великой Отечественной войны собирает материалы и готовит книгу об обороне Одессы и Севастополя. Нет нужды говорить Вам, насколько важна эта работа, насколько она трудна в настоящих условиях, но, тем не менее, крайне необходима: именно сейчас, не откладывая дела в долгий ящик, надо вылавливать тот ценнейший материал, который может не только для будущей истории, но уже в ходе войны сослужить нам большую службу; особенно это относится к материалу, который не фиксирован, не записан, а хранится лишь в памяти и переживаниях участников отечественной войны»[81].

11 марта 1944 г. Минц написал письмо генерал-полковнику И.Д. Черняховскому с просьбой помочь составить историю 60-й армии: «В задачу майора Федосова[82] входит застенографирование в первую очередь высшего командования и по Вашему указанию наиболее выдающихся командиров дивизий и отдельных частей. Запись личных рассказов командования будет иметь для истории огромное значение. <...>»[83].

---

[80] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 24. Л. 140.

[81] Там же Л. 168.

[82] *Федосов Петр Михайлович* (1897—1974) — историк, прикомандирован к Комиссии в начале 1942 г. О нем см. очерк Э.П. Федосовой «Привезенный материал может служить для написания истории...» // АЕ за 2011 г. М., 2014. С. 167—176.

[83] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 25. Л. 29—29 об.

Посылая к командармам своих «эмиссаров», Минц просил их кратко рассказать о боевом пути армии. Так, в письме командарму 9-й армии генерал-майору Ф.М. Харитонову от 5 марта 1942 г. он писал: «Дорогой товарищ! С соответствующего разрешения Комиссия по составлению истории отечественной войны решила начать подготовительную работу по написанию истории героической 9-й армии и дивизий, входящих в ее состав. Для начала работы посылаем Вам батальонного комиссара, военного писателя тов. М. Колосова <...> Если бы у Вас нашлось время для того, чтобы рассказать тов. Колосову, хотя бы коротко, об основных вехах истории Вашей армии, то этим было бы положено начало истории 9-й армии...»[84]. Он также предлагал командармам создавать на постоянной основе научно-исследовательские группы, которые бы вместе с научными сотрудниками Комиссии участвовали в написании истории этих подразделений[85].

Заручившись принципиальной поддержкой командарма, Минц далее обращался к начальнику политотдела армии, чтобы тот помог организовать работу уже на уровне дивизий. Например, 18 марта 1942 г. он составил следующее письмо: «Начальнику политотдела 50-й армии. Соответствующим решением создана Комиссия по составлению истории обороны Москвы. Так как 50-я армия принимала выдающееся участие в этой обороне, то, естественно, нельзя составить истории обороны Москвы без истории Вашей армии. Я позволю себе выслать Вам подробное письмо с указанием, что можно сделать в армии для создания книги по истории армии. <...> Историю армии нельзя писать без истории дивизий. Тов. Попов, не раз писавший уже по вопросам военной истории, хочет взять на себя составление очерка по истории 290-й дивизии, принимавшей участие в обороне Тулы. О характере работы над историей дивизии мы с т. Поповым говорили и познакомили его с образцами истории других дивизий. Очень Вас прошу заслушать его доклад, и если у Вас возражений нет, то оказать т. Попову необходимую поддержку»[86].

Минц также писал и членам военных советов армий с просьбой помочь описать конкретные операции, по возможности сам беседовал с ними. Он старался получить написанные военными очерки о стратегии и тактике проведения тех или иных боевых операций, чтобы включить их в истории дивизий, написанные сотрудниками Комиссии[87]. Кроме того, просил присылать экземпляры историй полков и дивизий, созданных без участия Комиссии, — для копирования, а если узнавал, что где-то по своей инициативе пишут историю армии, то просил разрешить Комиссии принять в этом участие[88].

21 декабря 1942 г. Президиум Верховного Совета СССР утвердил новый образец Красного Знамени для частей РККА. В Положении о знамени говорилось: «Красное Знамя есть символ воинской чести, доблести и славы, оно

[84] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.
[85] Там же. Л. 8 об., 18.
[86] Там же. Л. 2.
[87] Там же. Л. 4, 250.
[88] Там же. Л. 32, 93.

является напоминанием каждому из бойцов и командиров воинской части об их священном долге преданно служить Советской Родине, защищать ее мужественно и умело, отстаивать от врага каждую пядь родной земли, не щадя своей крови и самой жизни». Минц решил использовать возможность для продвижения своего исторического проекта. В письме от 21 января 1943 г. на имя заместителя начальника ГлавПУРа РККА генерал-майора Шикина он писал: «Знамя — это материализированная доблесть полка. Бойцы должны знать, какой славой овеяно знамя их полка. Это значит — они должны знать историю своей части, историю своих героев. Новые пополнения будут воспитываться на боевых традициях своей части. Таким образом, история части служит орудием пропаганды и боевого воспитания». Он также указал, что «в армиях, дивизиях и отдельных полках почти стихийно приступили к составлению своих историй. Так, на Сталинградском фронте 62-я армия занялась своей историей; две ее дивизии пишут свои истории. В 64-й армии одна дивизия пишет свою историю и т.п.». И резюмировал: «Работа по написанию историй отдельных частей требует четкой организации. Нужно оказывать помощь пишущим историю на местах. Делать это без помощи военных товарищей, которых и послать легче, которым доступ к материалам легче, — мы не можем». В связи с этим Минц предлагал создать при ГлавПУРе группу редакторов из восьми человек для помощи воинским частям, работающим над своей историей, и прикомандировать ее к Комиссии. При этом он сослался на то, что ПУР ВМФ уже прикомандировал к Комиссии четырех человек для написания историй отдельных частей ВМФ[89].

Просьбы о выделении кадров для расширения работы по написанию истории армий, дивизий и др. Минц сопровождал методическими рекомендациями. Главным принципом создания истории части он считал непрерывность на основе ежедневной хроники. «Это будет костяк — основа для составления истории части. Помимо этого, накапливается большой и разнообразный материал: письма, отдельные приказы, интересные политдонесения, подшивки многотиражек, боевые листки, договора и т.п. Этот материал необходимо <...> собирать и тщательно хранить». Ссылаясь на то, что в боевых условиях на местах хранить эти материалы сложно, Минц предлагал пересылать их в Москву, в Комиссию «с оказией». Он гарантировал сохранность материалов, а также использование их в качестве основного источника по истории части[90].

Минц высылал в армии и дивизии инструкции по составлению хроники, а также в качестве образца — выдержки из лучших уже существующих хроник боевых частей из числа полученных Комиссией. Кроме того, Минц особо просил собрать сведения о Героях Советского Союза, которые находились в армии или в части. Комиссию интересовал «полный материал о их боевых подвигах, биографии, отзывы и рассказы командования, боевых товарищей, письма, фотографии, документы и т.п.». Предполагалось, что на этой основе Комиссия под-

[89] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 22. Л. 91—91 об.
[90] Там же. Л. 5.

готовит и выпустит многотомное издание «Герои Советского Союза»[91]. В работе по сбору материалов о героях и истории воинских частей принимали участие в основном местные политработники и военные журналисты — члены редакций дивизионных газет. Многое зависело и от наличия в прошлом творческих и научных работников среди военнослужащих той или иной части. Увидев подходящего человека, Минц через политотдел добивался его прикомандирования к Комиссии на время сбора материалов, написания или редактирования текста.

По мнению Минца, в истории армии должны были быть отражены:

- описания боевых эпизодов, причем подразделений всех уровней: роты, батальона, полков;
- крупные дивизионные операции, итоговые выводы по армии;
- организация политработы в армии: «Показать, как политотдел обеспечивает выполнение замыслов командования, а также с конкретными формами политработы. Привести один-другой пример работы дивизионной партийной комиссии, дать несколько картинок, рисующих прием в партию бойцов и командиров и т.д.»;
- связь с партизанским движением, помощь армии населению, поскольку «нынешняя война — глубоко народная по характеру»;
- сведения о немецкой армии: «необходимо показать лицо врага, иначе выходит, что армия дерется в безвоздушном пространстве. <...> Нельзя по одним письмам характеризовать лицо врага. <...> Надо дать врага в натуральную величину. Тогда особенно ярко будет выглядеть героизм армии»;
- материал, который помог бы понять замысел командования при разработке той или иной крупной операции[92].

Историю армий планировалось писать на основе историй дивизий. Срок написания таких книг, по мнению Минца, должен был составлять три-четыре месяца[93]. Издавать их предполагалось с иллюстрациями, для чего в дивизиях собирались фотографии, рисунки.

В помощь тем, кто писал историю дивизий, Комиссия разрабатывала специальные инструкции. Например, сохранился очень подробный план создания истории дивизии народного ополчения Ленинградского района Москвы, который был передан полковнику П.К. Живалеву и полковому комиссару А.П. Логинову. План этот показывает высокую осведомленность составителей об истории формирования и этапах боевого пути дивизии[94]. Аналогичная инструкция была разработана для 3-й гвардейской стрелковой дивизии[95]. Любопытно, что отдельным пунктом в методических рекомендациях был выделен раздел «Быт дивизии» (устройство блиндажей, обмундирование, питание, устройство бань, распорядок дня).

---

[91] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 24. Л. 5.
[92] Там же. Л. 34; Д. 26. Л. 19.
[93] Там же. Д. 24. Л. 169.
[94] Там же. Л. 99, 100—100 об.
[95] Там же. Д. 44. Л. 28—30.

К концу 1942 г., изучив накопившийся опыт, Минц и сотрудники специально созданного в составе Комиссии для этой работы Отдела истории воинских частей разработали обобщенную Инструкцию на восьми листах, в которой были подробно описаны все этапы работы — от сбора материала до редактирования рукописи. «Надо во что бы то ни стало добиться того, чтобы все гвардейские части и каждая дивизия имели записанную боевую историю»[96], — отмечалось в документе.

Одновременно с созданием книг по истории воинских частей Минц предлагал публиковать о них на основе собранного материала краткие популярные брошюры — «для передачи традиций и опыта» молодым бойцам[97]. Он также надеялся, что эти брошюры помогут популяризовать работу и «организовать приток новых материалов в Комиссию»[98]. В типовой брошюре должны были содержаться историческая справка подразделения, краткая информация о боевом пути с характеристикой основных сражений, в которых часть участвовала, а также данные о героях и других прославленных людях части и др.[99]

«Документальный улов» был разным. Где-то к делу подходили формально, в некоторых частях боевая обстановка не способствовала сбору и сохранности материалов. Но зачастую сотрудникам Комиссии удавалось получить из дивизий значительный фактический материал. Об этом свидетельствует, например, следующий документ: «5 августа 1942 г. Справка. Настоящим удостоверяется, что Комиссией по истории Отечественной войны Академии наук СССР приняты от зам. нач. политотдела 130 с.д. батальонного комиссара Н.М. Анцеловича архивные материалы политотдела 130 с.д. в количестве 17 папок с 1112 листами дел. Прием произведен по поручению Комиссии по истории Отечественной войны политруком В.И. Шунковым. Зам. Пред. Комиссии член-корр. АН СССР И. Минц»[100].

В 1943 г. список основных направлений работы Комиссии расширился. Помимо истории воинских частей и боевых операций, планировались многотомное издание о Героях Советского Союза, сборники о городах-героях, партизанском движении, фашистском оккупационном режиме и т.д. Минц попытался усилить военную тематику, инициировав создание в структуре Комиссии группы военных историков, однако это ему не удалось[101]. Вместе с тем собранные Комиссией материалы уже в ходе войны стали использоваться при подготовке диссертаций по истории воинских частей[102].

---

[96] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 7. Л. 34—41. Без даты.
[97] Там же. Д. 24. Л. 8, 8 об.
[98] Там же. Л. 26, 75.
[99] Там же. Л. 289.
[100] Там же. Л. 78. *Н.М. Анцелович* — депутат Верховного Совета, работал в качестве уполномоченного Военного Совета МВО по проверке наличного состава оружия в г. Москве с октября 1941 г. по январь 1942 г. Копию отчета о работе он передал в Комиссию (НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 23. Л. 257).
[101] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 24. Л. 244.
[102] *Минц И.И.* Из памяти... С. 79.

Поскольку Минц вслед за М. Горьким был убежден в том, что настоящую историю нельзя написать без ее творцов, важнейшим источником для создания эпопеи войны становились интервью с участниками и очевидцами событий — военнослужащими разного ранга, партизанами, гражданскими людьми, оказавшимися в зоне боевых действий или оккупации и т.д. Выше упоминалось, что многие писатели создавали свои книги и очерки на основе стенограмм. И это не было случайностью. Минц вообще рассматривал рассказы участников как главный для работы Комиссии и репрезентативный источник информации. «Наша история создается и пишется одновременно. <...> В этом большие преимущества: события близки, много активных участников поделится своими воспоминаниями, отсюда большая достоверность и правдивость в изложении»[103], — отмечал он.

Например, история 6-й дивизии народного ополчения Дзержинского района Москвы была написана научным сотрудником Комиссии А.Л. Минаевым почти исключительно по материалам-стенограммам интервью с организаторами дивизии, представителями РК ВКП(б), райвоенкомата, руководителями предприятий и учреждений района и с самими ополченцами из числа командно-политического и рядового состава, а также по документам Дзержинского РК ВКП(б)[104].

В апреле 1943 г. Минц сообщал командиру 299-й стрелковой дивизии генерал-майору Г.В. Бакланову о том, что Комиссия «подготовляет книгу «Героическая оборона Сталинграда в рассказах ее участников». В нее войдут стенографические записи рассказов выдающихся командиров, политработников и бойцов <...> Если Вы лично будете в Москве, то стенографическая запись Ваших рассказов была бы историко-документальным материалом»[105].

Самая ранняя стенограмма, отложившаяся в архиве Комиссии (помимо записей рассказов партизан и мирных жителей), — это упоминавшаяся запись беседы с генералом Л.А. Говоровым, которую Минц провел 14 февраля 1942 г. на командном пункте 5-й армии в деревне Шохово Можайского района Московской области. Стенограмма этой беседы — одна из немногих, в которой зафиксированы не только ответы, но и вопросы, которые задавал опрашивающий[106]. Поэтому она чрезвычайно важна для понимания методики сбора информации, использовавшейся Комиссией.

Во-первых, виден формуляр стенограммы: указывались дата и место записи, фамилия опрашивающего и стенографистки, фамилия и должность опрашиваемого, фамилии и должности присутствовавших при беседе (к сожалению, эти данные в дальнейшем приводились не всегда).

[103] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 7. Л. 37.
[104] Там же. Д. 25. Л. 56.
[105] Там же. Д. 24. Л. 270—270 об.
[106] Вопросы зафиксированы в стенограммах бесед, проводившихся с партизанами. См. НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел II. Оп. 1. Д. 11б. Документы партизанских отрядов Можайского района; Оп. 2. Д. 5а. Стенограмма бесед с партизанами Высоковского района.

Во-вторых, читаются алгоритм опроса и основные его цели. Приведем обширную цитату, которая показывает эти моменты: «Стенограмма беседы с командующим 5-й армией генерал-лейтенантом Говоровым Леонидом Александровичем. 14.02.42. Деревня Шохово Можайского района, командный пункт. Стенографировала А[настасия] Ш[амшина][107]. Беседу проводит тов. Минц. Присутствуют: Член В[оенного] с[овета] бригадный комиссар [П.Ф.] Иванов, полковой комиссар Рязанов.

Тов. Минц: Задачей нашей Комиссии является собирание материалов. Мы на первом заседании Комиссии решили наладить предварительную работу, связаться с кем следует, разработать план и после этого приступить к работе. Трудность нашей работы по написанию истории прямо противоположна тому, что, скажем, было при создании истории Гражданской войны. Тогда трудность состояла в том, что не было материалов, люди забыли. А теперь трудность другая — материалов так много, что боишься потонуть в них. Мы так распределили работу, чтобы, во-первых, не потонуть в материале, не все брать, а только то, что типично для войны; во-вторых, поставить работу таким образом, чтобы никому не надоедать и вместе с тем, что не было у нас параллелизма, повторений, и чтобы был интерес у тех, кому мы надоедаем. Мы решили сочетать интересы тех, кому надоедаем, с интересами общественными. Скажем, мы надоедаем тов. Говорову, который недаром прозван генералом Можайским, т.к. мы решили написать историю 5-й армии. Нужно передать опыт новым дивизиям. Приходят новые дивизии, нужно дать им прочитать сотню строчек: вот, ребята, прочтите, куда вы пришли, что должны делать. Когда мы поможем создать историю армии, может быть, на нас не будут так ругаться за надоедливость и помогут в нашем большом деле.

Вот принцип построения нашей работы. Я уже докладывал бригадному комиссару Иванову, и мы пришли к выводу, что нам охотно помогут познакомиться с доступными материалами, мы поможем составить историю 5-й армии и одновременно получим нужный нам материал. Как мы будем составлять историю 5-й армии? Мы решили разбить ее на два этапа. Этап первый: если мы будем ждать, пока отложится все, материалы соберем, люди расскажут, мы за пять лет не соберем этого материала. Поэтому мы решили дать пока сухой очерк: армия образовалась тогда-то, командиры пришли тогда-то. Это можно сделать в месяц. А вместе с тем мы наладим работу по изучению отдельных отраслей с тем, чтобы по мере вашего продвижения у нас откладывался материал, и мы накопим материал для большой книги. Само собой разумеется, что на всех этих этапах вас мы беспокоить не будем, это мы сделаем с помощью тов. Иванова. К вам только просьба: не можете ли вы нам уделить 10—15 минут для ответа на вопросы. Мы не заставим вашу память напрягаться. Я смотрел вашу анкету. Эта анкета нас не устраивает. Меня интересуют простые вещи. Во-первых, где вы родились, в каком районе?»[108]

[107] *Анастасия Ивановна Шамшина* работала стенографисткой еще в редакции ИГВ. Считалась лучшей стенографисткой Комиссии, Л.М. Зак характеризовала ее стенограммы как «шедевр».
[108] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 21. Д. 1. Л. 1—2.

Далее следует подробнейший рассказ Говорова о себе, в ходе которого генерал постепенно перешел к событиям начала войны. Первоначально, как помним, Минц просил Говорова уделить ему 10 минут. Но в итоге, судя по стенограмме, на их беседу ушло значительно больше времени.

Эта стенограмма хранилась у Минца в сейфе, он «угощал» ею почетных гостей Комиссии[109]. Дело в том, что в стенограмме зафиксированы вопросы Минца относительно поведения и указаний Сталина в начальный период войны. В частности, генерал описал совещание в Кремле у Сталина 22—23 сентября 1941 г., на котором он присутствовал и на котором обсуждались вопросы организации укрепленных районов Донбасса. Минц задал следующие уточняющие вопросы: «Правильно ли я Вас понял, что тов. Сталин считал Донецкий фронт самым важным? Где происходил прием? Какая была обстановка?»[110] Говоров, несмотря на то, что разговор шел не тет-а-тет, отвечал довольно откровенно, что и зафиксировала стенографистка.

Позднее Минц так вспоминал об обстановке, в которой проходила эта беседа: «Я помню, перед наступлением под Москвой мы посетили командующего 5-й армии генерала Л.А. Говорова. Я его лично знал еще по Гражданской войне. Беседа происходила у него на командном пункте под непрерывным артогнем. Мне это немножко более привычно. А стенографистке А.И. Шамшиной совсем непривычно. А она записывала»[111].

Можно предположить, что Минц целенаправленно собирал сведения о деятельности Сталина во время войны. Об этом свидетельствует и такой эпизод. 17 сентября 1943 г. по поручению замначальника ГлавПУРа РККА И.В. Шикина он выехал вместе с политработником генералом Ф.Е. Боковым[112] на Северо-Западный фронт для участия в совещании политотделов армий и дивизий. В дороге оказалось свободное время. Дальнейшее Минц так описал в своей записной книжке: «Тов. Боков стал рассказывать о работе т. Сталина. На стене у него висит стратегическая карта Европы. Именно по той карте дает свои стратегические указания Сталин. Черт возьми! У меня голова болит, а Боков к тому же рассказывает мало. Вот когда можно было получить детали ко всем своим догадкам о стратегическом руководстве Сталина. Но, увы! И тов. Боков крайне скуп в своих рассказах. Как будто чувствует, что я тороплюсь. Опять эта проклятая спешка. Но я заставлю его говорить! Тащить с собой стенографистку? Даже на частную беседу? Пожалуй, придется»[113].

К сожалению, собственно «опросники» для проведения бесед не сохранились, хотя в документах Комиссии и в мемуарной литературе неоднократно упоминается разработанная сотрудниками Комиссии «примерная

[109] Аудиозапись.
[110] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 21. Д. 1. Л. 4—5.
[111] *Курносов А.А.* Встреча сотрудников... С. 317.
[112] *Боков Федор Ефимович* (1904—1984) — политработник Советской армии, генерал-лейтенант (1943 г.).
[113] *Минц И.И.* Из памяти... С. 73, 75.

схема-опросник» для записи воспоминаний[114]. Можно предположить, что существовал даже не один опросник, в зависимости от тематики и компетенции респондента их могло быть несколько. Впрочем, интервьюеры, как правило, не вели беседу строго по формальным вопросам, а творчески подходили к делу. Они предварительно тщательно готовились к беседе, чтобы корректировать вопросы с учетом компетенции респондента.

Изучение стенограмм бесед показывает, тем не менее, что они составлены по единому рекомендованному формуляру. Практически каждая стенограмма начинается устной автобиографией опрашиваемого (или фиксацией кратких сведений о нем). Далее следует рассказ о боевом пути респондента. В ходе интервью задавались и вопросы о фактах героизма, и «неудобные» вопросы, к примеру, относительно случаев трусости на войне, о восприятии врага, о самых ярких впечатлениях и наиболее запомнившихся событиях. В число обязательных входили вопросы о роли партийной и комсомольской организации на фронте, работе комиссаров и политруков, поведении коммунистов и комсомольцев, менялись ли люди после вступления в партию. Таким образом, опрашивающий держал в голове набор основных тем, которые должны были получить освещение в книгах.

В ходе опросов целенаправленно собирались сведения не только по истории боевых частей, но и по крупнейшим боевым операциям — обороне городов, наступательным операциям под Москвой, Сталинградом, Орлом, Кенигсбергом, форсированию Днепра и т.д.

К концу 1942 г. окончательно сложилась методика интервьюирования. Она отражена в вышеупомянутой обобщенной инструкции: «Необходимо записать живые рассказы отдельных командиров, политработников, бойцов об отдельных боевых эпизодах, целых периодах жизни, встречах, мыслях, чувствах и т.д.

а) Эту работу надо проводить по заранее намеченному плану. Рекомендуется сначала записать рассказ командира и нач. штаба для получения канвы, основы всех действий части. Затем по определенному плану записать особо отличившихся героев, бойцов, командиров и политработников, стараясь избежать повторений.

б) При рассказах добиться возможно более полного и правдивого освещения фактов и событий с уточнением хронологических дат, названий мест.

в) Не забывать записать основные данные о каждом рассказчике: краткие данные с указанием даты и места рождения, имени, отчества, домашнего адреса, партийности и работы до войны. В отдельных случаях (в случае особого интереса) — биографию записать подробно.

Данную работу производить лучше всего с помощью стенографирования, а в случае отсутствия стенографистки, краткой записи от руки. Если позволит обстановка, следует запись прочитать рассказчику и подписаться ему. Надо указать, кто, когда и где произвел запись»[115].

[114] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 24. Л. 75. Упоминание относится к июлю 1942 г.
[115] А.А.. Д. 7. Л. 38.

Действительно, сотрудники Комиссии старались составлять предварительные планы стенографирования и сбора материалов в дивизиях, часто советуясь с представителями этих дивизий[116]. Это необходимо было делать, поскольку сроки командировок обычно ограничивались максимум одним месяцем.

Стенограммы бесед по просьбе Комиссии делались на местах и силами политсостава или редакций фронтовых газет. Помимо выездов в командировки, сотрудники Комиссии старались брать интервью и у тех солдат и офицеров, которые находились в Москве — в отпусках, командировках или на лечении. Во многих случаях инициатива исходила от самих военнослужащих, которые, прослышав о работе Комиссии, просили свое начальство или руководство госпиталя разрешить им приходить в Комиссию для беседы, иногда в течение несколько дней. Судя по стенограммам, для многих людей возможность выговориться была очень важна, и не только чтобы «попасть в историю», но и для психологической разгрузки.

Но не всегда беседы проводились в спокойных условиях. Чаще интервью шли в обстановке, близкой к боевой, что вносило несомненный колорит в ход разговора. В декабре 1942 г. Минцу пришло письмо от политрука 201-й Латвийской стрелковой дивизии Е.Т. Голендера, в котором описывалась типичная во время войны ситуация со сбором интервью: «К сожалению, приходится извиниться за то, что мы полностью не сумели использовать присланную вами стенографистку тов. Бондаренко. Дело в том, что из-за порчи машины поездка из Москвы до расположения нашей дивизии продолжалась свыше пяти суток. Затем через пару дней мы получили приказ о передислокации. <...> Кроме того, несомненно, что на малую продуктивность этой работы повлияло то, что мы заранее не подготовились к проведению такого важного мероприятия.

Нужно отметить исключительную энергию и добросовестное отношение к порученной работе со стороны тов. Бондаренко. Несмотря на то, что ей пришлось проделать очень утомительный путь на случайных машинах по скверным дорогам, несмотря на то, что в фронтовых условиях нам приходилось ломать все установленные нормы работы стенографисток, приходилось писать в самых неудобных положениях, без достаточного освещения, без столов и скамеек в темных землянках и на открытых лужайках, — тов. Бондаренко предъявляла нам лишь одно требование: «Давайте побольше работать, нельзя терять времени». Тов. Бондаренко проявила большую неприхотливость и высокую сознательность»[117].

О том, как конкретно шла работа, можно судить и по отчету, который представил сотрудник Комиссии майор П.М. Федосов 6 июня 1944 г. о командировке в 60-ю армию: «Из Киева выехали в 60-ю армию. Начали с посещения нач. политуправления фронта. Был разговор на тему, почему 60-я армия, а не какая-либо другая? По днепровской операции обещал дать материал и

[116] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 24. Л. 114.
[117] Там же. Л. 155—155 об.

указать людей, но не сейчас, а когда будет посвободнее. Командарм 60-й Черняховский в это время выехал к новому месту службы (2-й БФ).

На самолетах добрались до штаба армии. Оказалось, что в армии около 400 Героев Советского Союза, но так как многие дивизии ушли в другие армии, то Героев осталось мало. Добрались до старых частей 60-й армии — 322 с.д., 148 иптап[118]. <...> (пропуск в тексте. — Авт.) занялись управлением штаба армии. Всего собрана 81 стенограмма. Обстановка — наступление на Тернополь и появление на участке армии 450 танков — препятствовала ведению работы. Без истории 4-го гвардейского танкового корпуса и 1-й гвардейской артиллерийской дивизии история армии будет неполной. Договорились, что эти материалы нам соберут. Крупные операции, в которых участвовала армия: 1. Воронеж. 2. Касторная. 3. Льговская. 4. Рыльск—Глухов. 5. Конотоп. 6. Нежин. 7. Форсирование Днепра и взятие Киева. 8. Малин. Последняя операция — Житомирско-Тарнопольская. Главная, сильно путаная операция — в 1943—1944 г., когда немцы снова пытались занять Житомир. В составе армии было много дивизий. Операция была проведена в основном силами 80-й армии.

Очень хорошо в армии работает отдел по изучению опыта боев — каждая операция описана. Но командование армии эти материалы считает сов. секретными и столь важными, что допускать к ним не может. Сводки, поступающие от дивизий, после прочтения сжигаются. Возможно, что так же поступают во фронте с армейскими сводками. Договориться о предоставлении нам этих материалов не удалось. Сборник «От Дона до Сейма», составленный в армии, так же, как и альбом иллюстраций, может служить материалом по истории армии. Привезенный материал может служить для написания истории 60-й армии до Сейма. Для последующего периода он недостаточен, так же, как и для очерка по форсированию.

Кроме того, собран материал по истории Тарнополя, имеющий самостоятельный интерес. Привезено много документов — политдонесений и т.п.»[119].

Отчет об этой поездке был направлен к ГлавПУР РККА. Примечательно, что стенограммы проведенных бесед должны были образовать архив 60-й армии. Решено было также через Военно-исторический отдел запросить Генштаб и получить материалы по форсированию Днепра. Кроме того, нужно было, не откладывая, связаться с генералом И.Д. Черняховским и согласовать с ним отбираемый для написания истории материал.

Набираясь опыта, сотрудники Комиссии пришли к выводу, что для качественного проведения интервью необходимо иметь некоторый объем знаний о предмете разговора. Так, Н.С. Трусова вспоминала: «Люди знали о событиях только частично, освещали их по-разному. Записи велись в неспокойной обстановке. Нужно было знать больше, чем говорил человек, или хотя бы общую обстановку»[120].

Много лет спустя И.И. Минц, обосновывая уникальность источников и необходимость сохранения архива Комиссии в Отделе рукописных фондов

[118] ИПТАП — истребительный противотанковый артиллерийский полк.
[119] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 3. Л. 10—10 об.
[120] Аудиозапись.

Института истории СССР, писал С.О. Шмидту, возглавлявшему институтскую комиссию по обследованию рукописного фонда: «По сути дела это записи боевых подвигов, составленные на второй день после их свершения, когда под руками были военные карты и другие данные, когда можно было пригласить на беседу начальника штаба соединения и проверить эти данные»[121].

О том, какое исключительное значение Минц придавал архиву Комиссии и собранным в нем материалам, свидетельствует и тот факт, что летом 1942 г. он просил руководство Главархива СССР прикомандировать для работы в Комиссии известного специалиста в области архивного дела В.В. Максакова «для организации всего дела хранения и использования материалов, поступивших в распоряжение Комиссии»[122].

Деятельность Комиссии по фиксации событий военных лет

Конец декабря 1941 — июль 1942 г. — это начальный период в работе Комиссии, во время которого были обозначены основные направления ее будущей работы: летопись/хроника войны, оборона Москвы (история боевых действий различных воинских частей), включая историю народного ополчения, партизанское движение на оккупированных территориях и др.

17 декабря 1941 г. Минц обратился к заместителю председателя Моссовета Иванову с просьбой выделить две легковые машины и бензин для поездок сотрудников Комиссии, которым «поручено собирание материалов и запись бесед с руководителями и участниками обороны Москвы»[123].

29 декабря 1941 г. на заседании у заместителя Л.З. Мехлиса Ф.Ф. Кузнецова было решено, что Комиссия приступает к написанию историй 46-й дивизии, 1-й гвардейской мотострелковой дивизии, 1-го конногвардейского корпуса и 8-й дивизии им. Панфилова. Причем Кузнецов, первоначально не вполне доверявший ученым, настаивал, чтобы книги писали только проверенные люди, имевшие допуск к секретной информации, — политработники этих соединений. Чтобы избежать этого, Минц вынужден был даже предложить свою кандидатуру для написания историй нескольких дивизий[124].

---

[121] НА ИРИ РАН. Дело фонда 2.

[122] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 23. Л. 166.

[123] Там же. Л. 2.

[124] *Минц И.И.* Из памяти... С. 49—50. «Был вызван армейским комиссаром второго ранга тов. Кузнецовым — заместителем тов. Мехлиса. Речь шла об организации работы по истории обороны Москвы и отечественной войне. Мы договорились, что группа товарищей будет допущена к материалам Главного управления политической пропаганды Красной армии: ко всем газетам — фронтовым, армейским и дивизионным, материалам 7-го отдела, ведущего работу среди войск противника. Нам дадут политсводку, характеризующую общее положение на фронте и в частях и т.д. Кроме того, решено выделить группу военных товарищей и прикрепить их к нашей комиссии для собирания материала. Самое отрадное, что договорились, наконец, о приступе к работе над историей отдельных частей».

Обстановка военного времени была связана со сложными согласованиями для выезда сотрудников Комиссии на места для сбора материалов. К примеру, 30 декабря 1941 г. Минц обратился в Управление милиции г. Москвы с просьбой выдать пропуска для проезда в г. Калинин (Тверь) и обратно ему, а также научным сотрудникам Комиссии Е.Н. Городецкому, Р.Л. Тараховской и художнику А.Н. Ермолаеву. В поездке предполагалось собирать материалы для Летописи войны[125].

В январе 1942 г. сотрудники Комиссии стали регулярно выезжать в освобожденные районы для опроса мирных жителей и партизан. В это время зародилось еще одно очень важное направление работы Комиссии — фиксация данных об ущербе, нанесенном гитлеровскими войсками советским гражданам и организациям, отечественной экономике и культуре. Инициатива получила развитие после поездки в конце декабря 1941 г. И.И. Минца и сотрудника Комиссии Е.Н. Городецкого вместе с известными деятелями культуры в разрушенную гитлеровцами Ясную Поляну, только что освобожденную от захватчиков. В поездке участвовали внучка Л.Н. Толстого — С.А. Толстая-Есенина, архитектор А.В. Щусев и др. В Ясной Поляне был проведен опрос сотрудников музея-усадьбы и местных колхозников[126]. Итогом поездки стала нота наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова от 6 января 1942 г. Затем был опубликован сборник «Ясная Поляна. Статьи и документы»[127]. 2 января 1942 г. Минц направил руководителю Агитпропа ЦК партии Александрову письмо, в котором предложил срочно организовать специальные комиссии по фиксации и определению ущерба, нанесенного СССР фашистскими захватчиками. В письме Минц апеллировал к опыту Генуэзской конференции, когда урегулировались взаимные материальные претензии Советской России и стран, участвовавших в Первой мировой войне. Он писал, в частности: «Так как работа производилась несколько лет спустя после окончания Гражданской войны, то комиссии столкнулись с большим недостатком данных»[128].

В результате 2 ноября 1942 г. была создана знаменитая ЧГК — Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР. Минц и его сотрудники принимали участие в организации и деятельности ЧГК. Так, весной 1942 г. Комиссия получила на согласование проект составленной Исполкомом Мособлсовета «Инструкции по актированию разрушений и убытков, причиненных немецкими оккупантами в районах Московской области»[129], а в апреле 1943 г. —

[125] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 23. Л. 7. Минц и Городецкий также просили выдать им оружие в связи с опасностью поездок на фронт. Там же, Л. 9, 11.
[126] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел VI. Оп. 4.
[127] Ясная Поляна. Статьи и документы / Сост. С.А. Толстая-Есенина, Э.З. Зайденшур, Е.Н. Чеботаревская; под ред. И.И. Минца и С.А. Толстой-Есениной. М., 1942.
[128] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.
[129] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Д. 7. Л. 1—2.

«Инструкцию по учету разрушений и ущерба, причиненных немецкими оккупантами культурным ценностям СССР»[130].

В связи с тем, что Комиссия в ходе войны постоянно расширяла основные направления своей деятельности, чрезвычайно остро стоял вопрос кадров. На начало января 1942 г. общее число сотрудников Комиссии составляло 40 человек[131], впоследствии их было более 50.

Помимо небольшого постоянного штата, Минц добивался временного прикомандирования к Комиссии людей с гуманитарным образованием, как правило, политработников, для сбора материалов, работы над конкретными проектами. Численность прикомандированных менялась, в общей сложности за войну через Комиссию прошли сотни человек. Многие из прикомандированных выполняли работу в течение продолжительного времени и внесли заметный вклад в ее деятельность. Среди них была ученица И.И. Минца историк Л.М. Зак, служившая в начале войны политруком. 2 января 1942 г. Минц обратился к руководству Западного фронта с просьбой прикомандировать ее к Комиссии[132], и в начале февраля она приступила к работе[133].

Одними из первых 28 января 1942 г. распоряжением начальника резерва ГлавПУР РККА полкового комиссара Железняка к Комиссии Минца были временно прикомандированы для работы по составлению «Хроники обороны Москвы» Шустер Ура Абрамович (без звания), Байдебура Павел Андреевич (старший политрук), Чирва Карп Илларионович (батальонный комиссар), Самсонов Василий Тимофеевич (политрук), Черепахов Матвей Самойлович (политрук), Белецкий Петр Иванович (старший политрук), Мокряков Петр Тимофеевич (младший политрук), Гаврилов Алексей Васильевич (старший политрук), Троян Сергей Федорович (старший политрук), Мизенцев Павел Михайлович (старший политрук), Бортников Иван Васильевич (старший батальонный комиссар)[134]. 11 февраля 1942 г. Минц написал Железняку с просьбой продлить прикомандирование Чирве, Черепахову и Белецкому до 28 февраля для продолжения работы[135]. Впоследствии эти просьбы неоднократно повторялись, причем прикомандировывались и другие политработники.

Из упомянутого выше первого состава прикомандированных П.И. Белецкий (в начале 1942 г. его заданием стало интервьюирование партизан Подмосковья) проработал в Комиссии до конца войны (одна из последних его работ в Комиссии — сбор материалов о партизанском движении в Крыму). 26 марта 1942 г. Минц просил прикомандировать к Комиссии студента Литературного института А.Н. Казанского, который затем успешно работал над историей воинских частей[136].

[130] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Дело 7. Л. 5.
[131] Там же. Оп. 1. Д. 23. Л. 16.
[132] Там же. Л. 14.
[133] Там же. Л. 56.
[134] Там же. Дело 17. Л. 2.
[135] Там же. Л. 6—7.
[136] Там же. Д. 23. Л. 79.

Свою коллегу по редакции ИГВ историка Э.Б. Генкину Минц также сумел устроить на работу в Комиссию. Она считалась прикомандированной к ней по линии ЦК ВКП(б) с июня 1942 г.

В ходе работы стали формироваться отделы Комиссии, которые отвечали за определенные направления работы. Первой появилась **группа Летописи/Хроники**, основной целью которой было составление хроники событий войны, и прежде всего обороны Москвы. Летопись должна была служить, во-первых, канвой для написания истории войны, а во-вторых, являлась «весьма ценным материалом в повседневной работе пропагандистов и агитаторов»[137]. Работа велась по-военному быстро. Уже в феврале 1942 г. на имя К.С. Кузакова — заместителя Александрова в Агитпропе ЦК партии — из Комиссии был направлен и для сведения, и в качестве образца первый блок карточек из «Хроники Московской битвы»[138].

20 июля 1942 г. на редакционном совещании Комиссии были подведены некоторые итоги работы по составлению Хроники. С конца января 1942 г. этим направлением работы руководила опытный историк О.Н. Чаадаева. Из протокола видно, что работа шла трудно, людей не хватало, обрабатывались только шесть центральных газет, цель и тематика не были продуманы, из-за чего страдала классификация. Предлагалось обрабатывать в первую очередь не центральные, а более фактографичные фронтовые газеты, однако на практике доставать и оперативно доставлять их в Комиссию было очень сложно. Заместитель И.И. Минца по Комиссии И.М. Разгон отмечал, что «многие карточки раздела военных операций не дают никакого представления о событиях». Указывалось, что в хронику попадает много лишнего материала[139]. Несмотря на трудности сбора материалов даже по Московской битве, Минц продолжал настаивать на том, чтобы не ограничиваться сбором документов по обороне Москвы, а собирать информацию и по войне в целом. В связи с тем, что Хроника составлялась не только по открытым (газеты, сводки Совинформбюро), но и по закрытым источникам (партийно-политические документы, материалы воинских частей), она была засекречена.

Минц придавал большое значение группе Хроники, считал ее базовой для остальных направлений деятельности Комиссии, настаивал на том, что над Хроникой должны работать только квалифицированные научные сотрудники. В январе 1942 г. предполагалось опубликовать краткую Хронику обороны Москвы. К январю 1943 г. было составлено 7 тыс. карточек, содержащих фактические данные по обороне Москвы за период с июня по декабрь 1941-го и январь 1942 г. По словам О.Н. Чаадаевой, «большую часть работы провели тт. М.К. Рожкова и М.Э. Сорокина, которые не в пример некоторым другим товарищам, привлекавшимся ранее к написанию карточек, считали эту работу

[137] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Дело 1. Л. 42.
[138] Там же. Дело 17. Л. 8—9.
[139] Там же. Дело 2. Л. 3—3 об. В совещании принимали участие О.Н. Чаадаева, А.Л. Сидоров, Р.И. Кроль, Р.И. Голубева, П.Н. Миллер, И.М. Разгон, И.И. Минц.

ценной и интересной». Данные собирались из прессы, в архивах и от очевидцев событий, а также в комиссиях по истории войны, организованных при столичных райкомах ВКП(б)[140]. В 1943 г. предполагалось обработать 58 районных и центральных газет, журналов, книг (например, «Героическая Москва») и брошюр. М.К. Рожкова должна была подготовить очерк «Воспитательная работа в освобожденных районах Московской области»[141]. Работа над Хроникой обороны Москвы продолжалась и в 1944—1945 гг.

Собранные группой Хроники материалы составляют раздел XIII современного фонда Комиссии в Научном архиве ИРИ РАН (1230 дел): бюллетени, листовки, плакаты, обращения, брошюры, газеты воинских частей, партизанских и подпольных соединений и организаций; листовки, брошюры, книги, газеты и плакаты, изданные МК ВКП(б), Военным и Военно-морским издательствами; информбюллетени; газеты, обращения, воззвания и листовки, изданные политуправлениями фронтов на немецком и других языках; газетные вырезки по различным аспектам Великой Отечественной войны, картотеки (около 80 ящиков)[142].

О других направлениях работы Комиссии и соответствующих отделах И.И. Минц говорил 5 мая 1942 г. в своем докладе «О документах Отечественной войны» на Общем собрании эвакуированной Академии наук в Свердловске[143] (напомним, что на следующий день Общее собрание утвердило постановление Президиума АН СССР от 15 января 1942 г. об образовании при нем Комиссии по изучению истории Отечественной войны[144]). В качестве главой цели Комиссии Минц в своем выступлении обозначил сохранение документов, которые «пропадают», а также памяти о войне. «...Люди уходят, а те, которые остаются, забывают <...> Будущее поколение, несомненно, спросит у нас, потребует ответа от нас — чем объяснить, что ни одно государство не выдержало удара бронированной армии фашистов, а Советский Союз выдержал, не сдался, побеждает и, несомненно, победит окончательно гитлеровскую армию <...> Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо собрать документы, и собирать их нужно теперь же. С этой целью и создана Комиссия по собиранию и подготовке документов Великой Отечественной войны <...> Комиссия предполагает развернуть свою работу по нескольким группам исторических документов»[145].

Далее Минц перечислил эти тематические блоки:

- партизанское движение;
- деятельность героической Красной армии (включая историю воинских частей);
- Герои Советского Союза;

[140] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Д. 17. Л. 1 об.
[141] Там же. Д. 37. Л. 24.
[142] *Архангородская И.С., Курносов А.А.* О создании Комиссии по истории ВОВ АН СССР и ее архива: (К 40-летию со дня образования) // АЕ за 1981 г. М., 1982. С. 228.
[143] АРАН. Ф. 2. Оп. 4. Д. 32. Л. 191—216.
[144] Там же. Л. 227.
[145] Там же. Л. 192—193.

- оборона Москвы (напомним, что к тому времени не было ни Сталинграда, ни Курска, и Московская битва оставалась в центре внимания);
- единство фронта и тыла (работа промышленных предприятий по обеспечению фронта);
- наука, школа и искусство во время войны, литература во время войны;
- «лицо врага» (трофейные материалы);
- германский оккупационный режим.

В соответствии с этой классификацией в Комиссии к июлю 1942 г. были сформированы Отделы по сбору материалов[146].

Пожалуй, наиболее важным в свете написания истории войны был **Военный отдел**, собиравший документы по истории боевых операций и воинских частей. В упомянутом докладе перед Общим собранием АН Минц говорил: «Само собой разумеется, что собрать эти материалы сейчас представляет чрезвычайно большие трудности. Мы находимся еще в драке, которая на наших глазах разгорается. <...> Многие документы представляют собой еще такую ценность, что могут оказать услуги не тем, для кого они рассчитаны. Поэтому тут пришлось, прежде чем приступить к работе, наметить какое-то русло, <...> чем можно заняться в первую очередь. Эти отдельные группы документов будут следующие. Прежде всего мы займемся собиранием материала и изданием материала о героях Советского Союза. Вторая группа вопросов, связанных с этим, — история отдельных частей. <...> Мы разработали специальную форму, помогающую укладывать как-то этот материал в такой вид, чтобы в случае пропажи документов у нас остались какие-то данные. Это дневник жизни дивизии, составлен по особой форме с учетом всех документов, какие дивизия имеет: приказы, политдонесения, рассказы Героев и т.д.

Нам удалось по такому принципу наметить довольно значительную группу этих частей. Представители Комиссии, с разрешения командования, имеют возможность посещать эти части, принимать участие в повседневной жизни и, оказываясь на месте, наблюдать весь ход боевой деятельности, кончая, скажем, приемом в партию.

Третья группа вопросов, наиболее важных, наиболее интересных для нас, это история крупнейших переломных операций, и прежде всего, и раньше всего — история обороны Москвы. Сейчас уже для этой цели предпринято довольно много в том смысле, что удалось наладить собирание материалов по этой величайшей битве, которую когда-либо знало человечество»[147].

По решению начальника ГлавПУРа А.С. Щербакова сотрудники Военного отдела Комиссии первоначально сосредоточились на истории обороны столицы. Материалы по Битве за Москву, собранные Комиссией, включая стенограммы интервью, посылались «для сведения и одобрения» в ЦК партии[148].

[146] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Д. 6 «Планы, тематика и распределение работ между сотрудниками Комиссии по истории Великой Отечественной войны. 1941—1943 гг.».
[147] АРАН. Ф. 2. Оп. 4. Д. 32. Л. 199, 204, 205.
[148] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 17. Л. 8—9.

При написании истории обороны Москвы акцент делался на создание историй именно тех частей, которые после Московской битвы получили звание гвардейских. Минц настаивал на том, что истории гвардейских частей должны быть изданы в виде брошюр для широких масс, а не для служебного пользования.

Много внимания уделялось работе по истории дивизий народного ополчения, которые были образованы в июле 1941 г. и затем получили статус регулярных формирований. Как известно, эти дивизии практически полностью погибли в Вяземском котле, но затем, переформированные, были вновь введены в строй[149]. Особое внимание уделялось историям ополченческих дивизий, созданных в октябре 1941 г.[150] Минц сообщал командованию 130-й дивизии: «Тов. Щербаков очень интересуется ополченскими дивизиями и особенно октябрьскими формированиями»[151]. Вероятно, причина была в том, что эти соединения имели более благоприятную судьбу, нежели не избежавшие больших потерь добровольческие дивизии, сформированные в столице в июле 1941 г.

14 июля 1942 г. Минц сообщал заместителю начальника ГлавПУРа РККА бригадному комиссару Шикину: «Для истории обороны Москвы, как указал начальник ПУРККА, очень важна история ополченческих дивизий. Их четыре. Историю трех дивизий мы уже наладили. Историю 173-й дивизии (первоначально Дивизия народного ополчения Киевского района г. Москвы) написал батальонный комиссар Маркус, ныне находящийся в резерве Политуправления Западного фронта» (окончание работы планировалось к 15 октября 1942 г.)[152]. В письме в ЦК ВКП(б) Александрову от 24 сентября 1942 г. Минц добавлял такие подробности: «Товарищ Щербаков рекомендовал написать историю всех ополченческих дивизий Москвы. Мы работаем сейчас над следующими дивизиями:

1) 11-я гвардейская (бывшее народное ополчение Ленинградского района)
2) 110-я стрелковая (бывшее народное ополчение Куйбышевского района)

---

[149] 24 августа 1941 г. был издан приказ НКО «О переводе дивизий народного ополчения на штаты и табеля действующей Красной Армии» к 1 сентября. В результате дивизии перестали именоваться дивизиями народного ополчения, а полки и специальные подразделения получили общевойсковую нумерацию. После доукомплектования их численным составом из военнообязанных МВО и вооружением 26 сентября 1941 г. приказом по Резервному фронту бывшие дивизии народного ополчения вошли в состав кадровых дивизий РККА, и им были присвоены новые номера. См.: Ополчение на защите Москвы. Документы и материалы о формировании и боевых действиях Московского народного ополчения в июле 1941 — январе 1942 г. / Сост. Л.С. Беляева, В.И. Бушков, И.И. Кудрявцев. М, 1978. С. 184, 186; Пошеманский Ю.М. Солдаты Красной Пресни. М., 1984. С. 8—9; Московское ополчение. Краткий исторический очерк / Н.М. Алещенко, К.И. Буков, А.Д. Колесник, А.М. Синицын. М., 1969. С. 44—46.

[150] 16 октября в связи с созданием вокруг Москвы оборонительных рубежей и формированием воинских частей для их защиты истребительные батальоны были соединены в пять полков, сведенных затем в две бригады московских рабочих. В результате реорганизации рабочих и истребительных батальонов были созданы четыре московские стрелковые дивизии — 2-я, 3-я Коммунистическая, 4-я и 5-я общей численностью 39 023 человека.

[151] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 24. Л. 80.

[152] Там же. Д. 17. Л. 35.

3) 160-я стрелковая (бывшее народное ополчение[153])

4) 130-я стрелковая (бывшая Московская коммунистическая дивизия)»[154].

Историю 130-й стрелковой дивизии начал составлять сам Минц, получивший на этот счет «прямое указание ГлавПУ РККА». Однако вплотную заняться этим он не мог, т.к. в то время был занят срочной работой по завершению второго тома «Истории Гражданской войны в СССР». Поэтому основную часть работы выполнил историк, в то время политрук В.И. Шунков, влившийся в состав Комиссии в июне 1942 г.[155] В августе 1942 г. Минц писал начальнику политотдела 130-й с.д. Бирюкову: «Посылаю к Вам тов. Шункова для дополнительного сбора материалов. Это не значит, что я не буду заниматься дивизией. Тов. Шунков соберет весь материал, напишет предварительный проект, а я обязательно приму участие в окончательном оформлении»[156]. Предполагалось, что книга будет закончена к декабрю 1942 г.

Авторами историй других вышеуказанных дивизий столичного ополчения были сотрудники Военного отдела Комиссии, направленные в ее распоряжение в марте 1942 г. после соответствующей просьбы И.И. Минца, адресованной А.С. Щербакову: «Считаю крайне необходимым прикомандировать к Комиссии по истории Великой Отечественной войны следующих товарищей: А.Л. Сидорова, П.М. Федосова, П.И. Белецкого, которые будут работать по составлению истории обороны Москвы. Все эти товарищи являются высококвалифицированными историками и по существу будут выполнять работу для ПУРККА и Генштаба РККА»[157].

А.Л. Сидоров, приступив к работе в Комиссии с 30 мая 1942 г.[158], стал бессменным руководителем ее Военного отдела до конца войны. Он работал над историей 110-й стрелковой дивизии (срок — конец декабря 1942 г.). Батальонный комиссар П.М. Федосов занимался написанием истории 1-й Московской гвардейской мотострелковой дивизии (предполагалось завершить работу к 15 ноября 1942 г.)[159]. Об 11-й гвардейской стрелковой дивизии писал политрук У.А. Шустер (срок завершения — к 1 декабря 1942 г.). В Военном отделе также работал старший политрук Я.Л. Лившиц, который составлял историю «Катуковской» (1-й гвардейской) танковой бригады[160] и собирал материалы по 8-й гвар-

[153] Так в тексте.

[154] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 17. Л. 55.

[155] Там же. Д. 23. Л. 180.

[156] Там же. Д. 24. Л. 79.

[157] Там же. Д. 22. Л. 74.

[158] Там же. Д. 23. Л. 158.

[159] См. очерк о нем: *Федосова Э.П.* «Привезенный материал может служить для написания истории...» // АЕ за 2011 г. М.: Наука, 2014. С. 167—176.

[160] Текст книги был готов к 15 октября 1942 г., и предполагалось сдать его в набор (НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 22. Л. 66). 2 февраля А.А. Белкин направил членам Комиссии Г.Ф. Александрову, М.Б. Митину, Ем. Ярославскому и генерал-майору И.В. Шикину верстку этой книги. Ее решено было издать к 25-летию РККА (НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 22. Л. 97). Печатное издание: *Лившиц* Я.Л. Первая гвардейская танковая бригада в боях за Москву (октябрь 1941 — апрель 1942). М., 1949. Рукопись была высоко оценена генерал-майором Кривошеиным.

дейской дивизии Панфилова и гвардейскому кавалерийскому корпусу Белова (книга Я.Л. Лившица о 1-й гвардейской танковой бригаде предназначалась для массового читателя и должна была быть издана Госполитиздатом)[161]. Сотрудник Военного отдела [В.А.] Круть вел работу по 113-й стрелковой дивизии (бывшая дивизия народного ополчения Фрунзенского района)[162].

8 марта 1942 г. И.И. Минц записал: «Случайно попал к гвардейцам из корпуса Доватора <...> Условились с гвардейцами о приезде в корпус, чтобы наладить составление истории»[163]. По словам Минца, к концу апреля 1942 г. уже были практически закончены истории: Особого батальона Московского военного округа, 22-й танковой бригады (автор — А.Л. Минаев, могла быть сдана в печать к 25 октября), 33-й танковой бригады, 12-го гвардейского истребительного авиаполка, 173-й стрелковой дивизии[164]. Тут следует сказать, что Минц несколько опережал события: к этому времени была написана, вероятно, только история Отдельного особого батальона Военного совета МВО, который участвовал в операции под Малоярославцем в конце декабря 1941 года[165]. Также, по всей видимости, была полностью закончена история 33-й танковой бригады[166] (опросы бойцов и командиров бригады проводили 7—11 февраля 1942 г. прикомандированные Резервом ГлавПУРа РККА к Комиссии техник-интендант 1-го ранга В.С. Загоруйко и сотрудник редакционной газеты А.Л. Золотушкин; очерк же был написан упомянутым выше А. Казанским). Эти работы были закончены только к сентябрю 1942 г. [167]

Некоторые очерки были заранее включены в план Госполитиздата[168]. К 25-й годовщине РККА была задумана книга «Очерки по истории Красной армии» (должна была быть подготовлена к декабрю 1942 г.)[169]. Однако по разным причинам не все планы удавалось довести до завершения, зачастую не выдерживались и жесткие сроки окончания работы над текстами.

10 августа 1942 г. в письме к заместителю начальника ГлавПУРа РККА Минц писал: «Нам поручено приготовить книгу по истории обороны Москвы. Мы приступили, прежде всего, к собиранию материалов, которые меньше всего отложились в архивах: творческая инициатива масс, участие в оборонительной работе, народное ополчение и т.п. Одновременно мы изучали материалы военные. Мне казалось, что для правильной картинки одного знакомства с

[161] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 24. Л. 115. Книга была издана только в 1948 г.
[162] Там же. Д. 6. Л. 13.
[163] *Минц И.И.* Из памяти... С. 60—61.
[164] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Д. 22. Л. 22.
[165] Опросы проводила Л.М. Зак 29—30 января 1942 г. (НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 15). Текст истории батальона в фонде не отложился, имеются только стенограммы.
[166] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 26.
[167] В конце сентября Минц сообщил о готовности только следующих книг: «1-я гвардейская танковая бригада (Катукова)», «12-й (московский) гвардейский авиационный полк», «22-я танковая бригада», «1-я гвардейская мотострелковая бригада», «173-я дивизия» (НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 22. Л. 55).
[168] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 23. Л. 324.
[169] Там же.

документами мало. Нужно поговорить с бойцами, командирами, участниками великих событий, записать их рассказы. Поэтому одновременно с работой по собиранию документов и материалов мы решили познакомиться с историей нескольких боевых частей — танковых, пехотных и авиационных...»[170]. Знакомство с авиационными частями началось с 12-го гвардейского истребительного авиаполка. Во второй половине апреля 1942 г. научные сотрудники Комиссии Л.М. Зак, М.Д. Розанова[171], Е.М. Грицевская[172] еще только проводили опрос военнослужащих. Эти опросы продолжались и в мае[173]. Л.М. Зак закончила «Историю 12-го гвардейского истребительного авиаполка» не позднее октября 1942 г. История «читалась в штабе полка и в штабе МВО». Редактором был другой сотрудник Комиссии — Н.С. Волков[174]. На 21 октября 1942 г. было намечено «обсуждение всей работы»[175]. Интересно, что собственно сборник[176] — это литературно обработанные стенограммы бесед с бойцами полка. Наряду с этим есть «академическая» работа Л.М. Зак «12-й гвардейский истребительный авиаполк. Очерк боевой истории 1941 — март 1942»[177]. Таким образом, в ходе войны реализовывалась идея Минца о создании как научных работ, так и публицистических брошюр о боевых частях РККА.

Минц считал, что на собранных Комиссией материалах можно воспитывать молодых бойцов, прибывающих в части на пополнение. Показательно, что появление первых книг по истории воинских частей имело «эффект домино», к примеру, работа над историей 12-го авиаполка подвигла другие авиационные части приступить к составлению своих историй[178]. Сотрудники Комиссии работали над историей 16-го авиаполка (в частности, Е.М. Грицевская проводила интервью 19—22 мая 1942 г., сохранились наброски истории полка)[179]. В июне 1942 г. та же Е.М. Грицевская работала над историей 27-го авиаполка[180].

Зимой-летом 1942 г. сотрудники Военного отдела Комиссии неоднократно выезжали на фронт для сбора материалов и уточнения данных: Минц, Зак и Шамшина, в частности, в феврале 1942 г. побывали в 21-й танковой бригаде

---

[170] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 22. Л. 45.

[171] *Розанова Мария Дмитриевна* (1915—1944), до войны окончила МГПИ, работала литературным сотрудником в газете «Правда», редактором отдела печати ВОКС. Отец — революционер, в советские годы — преподаватель Дмитрий Александрович Розанов. Некоторое время в 1942 г. являлась научным сотрудником Комиссии Минца. Добровольно ушла на фронт в августе 1942 г. — направлена медсестрой в 130-ю дивизию, погибла в бою в 1944 г. (НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 22. Л. 250).

[172] *Грицевская Елизавета Михайловна* — сестра жены И.И. Минца, м.н.с. Комиссии, участник войны в Испании, работала в авиационных частях, была награждена правительственными наградами.

[173] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 1. Д. 8—18.

[174] *Волков Николай Сергеевич* — историк, сотрудник Института истории АН СССР. Парторг Комиссии в 1943 г. Специалист по истории авиации.

[175] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 22. Л. 66 об.

[176] Там же. Д. 19.

[177] Там же. Д. 28.

[178] Там же. Д. 22. Л. 45 об.

[179] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 2.

[180] Там же. Оп. 3.

(Шамшина еще раз ездила туда же в марте). Лившиц и Бондаренко в апреле-мае 1942 г. ездили в «Катуковскую» танковую бригаду, Федосов и Шамшина в мае — в 1-ю гвардейскую стрелковую дивизию, Сидоров и Шамшина в июне 1942 г. — в 160-ю стрелковую дивизию[181].

Работа по созданию истории Московской битвы велась в тесном контакте с Военно-историческим отделом Генерального штаба РККА. В письме от 20 марта 1942 г. Минц сообщал армейскому комиссару Кузнецову, что «очерк операций по обороне Москвы будет составлять военно-исторический отдел Генштаба РККА совместно с нами. Сборник этот предназначается для армии». Параллельно Минц предполагал написать об обороне Москвы «книгу для широких масс по типу тома «Истории Гражданской войны»[182].

Из письма от 23 февраля 1942 г. капитана Фельдмана (Москва) начальнику штаба Московской зоны обороны генерал-майору Кудряшову видно, что «согласно приказу по Штабу МВО от 30 декабря 1941 г. за № 20 была создана комиссия по составлению «Истории боевых действий частей Московской Зоны Обороны». В результате эта комиссия, расширив рамки поставленных задач, написала работу под названием «Оборона Москвы войсками МЗО» [11 глав к 22 февраля 1942 г.]. Авторский коллектив: майор Павленко Н.Г., батальонный комиссар Ровинский Е.А. (из другой записи видно, что он — к.и.н.), полковник Никитин, подполковник Погорелый П.М., подполковник Касимов Н.А., майор Бовбыш Е.Ф., капитан Ищенко В.Е., политрук Альтер Л.Б. (из другой записи видно, что он — к.э.н.), председатель комиссии — капитан Фельдман. 23 февраля 1942 г. Москва»[183].

Действительно, были составлены два тома книги, описывающей оборону Москвы, для чего была собрана подробнейшая информация по инженерным сооружениям, вооружению, действиям воинских частей, народному ополчению и пр. со статистикой и т.п. данными. По понятным причинам эта книга в военных условиях проходила под грифом «секретно»[184].

31 марта 1942 г. Военный совет войск противовоздушной обороны направил письмо в Московский корпус ПВО с предложением оказать содействие Комиссии в ее работе по подготовке истории обороны Москвы. Политотделам частей ПВО предлагалось собирать документы, материалы, фотоматериалы, записи рассказов Героев Советского Союза, орденоносцев, бойцов и командиров, отличившихся в боях; представить материалы, отображавшие участие частей ПВО в борьбе с наземным противником, фашистскими танками[185].

Важно подчеркнуть, что Минц предлагал особое внимание обращать на сбор материалов, которые не входят в номенклатуру дел для последующего архивного хранения (Протокол № 2 заседания Комиссии от 30 сентября 1942 г.[186]).

---

[181] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 24. Л. 37.
[182] Там же. Д. 22. Л. 18.
[183] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 204. Л. 8.
[184] Там же. Л. 9—193 (1-й том); Там же. Д. 205 (2-й том).
[185] Там же. Д. 22. Л. 21.
[186] Там же. Д. 2. Л. 6—7.

В октябре 1942 г. началось написание Комиссией обобщающей книги по обороне Москвы. Главы были распределены между членами Комиссии И.И. Минцем, А.Л. Минаевым, И.М. Разгоном, Н.С. Волковым, А.Л. Сидоровым, Э.Б. Генкиной, Л.М. Зак, О.Н. Чаадаевой. При этом продолжался сбор материалов в текущем архиве МК ВКП(б), где от Комиссии работали А.Л. Сидоров, Н.С. Волков, В.Ф. Шагина, А.И. Федяева. В архиве Моссовета и облисполкома отбирали материалы Б.Л. Маркус, Г.Р. Геррес, С.М. Драбкина, в архивах столичных райкомов и райсоветов — О.Н. Чаадаева, Т.А. Волжина, Ф.Л. Еловцан[187].

Тесное сотрудничество с партийными и советскими органами сложилось с самого начала работы Комиссии. Без поддержки с их стороны в тех условиях продвинуться в работе было невозможно. При этом важно было знать и соблюдать номенклатурную субординацию, уметь «инициировать» письма «кураторов». Эта «кухня» была хорошо знакома И.И. Минцу, инициатива которого читается во многих партийных документах между строк. К примеру, 23 февраля 1942 г. руководитель Агитпропа ЦК партии Александров обратился с письмом к председателю Моссовета В.П. Пронину, прося его принять Минца для передачи тому материалов, характеризующих деятельность руководителей партии и правительства в ходе битвы за Москву[188].

Работа в созданных для сбора материала об обороне Москвы районных комиссиях велась вначале на общественных началах под руководством секретаря МК ВКП(б) по пропаганде Е.И. Леонтьевой. Райкомиссии начали работать во втором квартале 1942 г. после созыва 23 марта 1942 г. специального совещания на эту тему с участием назначенных председателей комиссий. В июне 1942 г. по ходатайству Леонтьевой Моссовет выделил 4 тыс. рублей каждой комиссии. Была разработана инструкция по работе комиссий, а также об оформлении поступающих к ним материалов. В декабре 1942 г. Минц обратился к Леонтьевой с просьбой выделить дополнительные ассигнования и штатные единицы (по одному постоянному сотруднику на каждый район)[189]. К концу 1942 г. сбор материалов в райкомиссиях шел вяло, а с 1 января 1943 г. отпуск средств на эти цели из партийного бюджета был прекращен. В общей сложности Комиссия Минца получила от них 300 папок материалов (документы, стенограммы бесед, очерки, воспоминания)[190]. Одновременно по обороне Москвы собирались материалы и в 7-м отделе ГлавПУРа РККА[191].

12 ноября 1942 г. Минц получил письмо от начальника Военно-исторического отдела Генерального штаба РККА Н.А. Таленского, в котором тот подтверждал, что план книги «Оборона Москвы», предложенный Минцем, одобрен его на-

[187] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 6. Л. 28. Подробный план книги (проект с правкой — л. 30—33).
[188] Там же. Д. 22. Л. 11.
[189] Там же. Л. 77.
[190] Там же. Д. 18. Л. 1—2 об.
[191] Там же. Д. 22. Л. 86.

чальником генералом Ф.Е. Боковым[192]. Составление «военных» глав книги было поручено генерал-лейтенанту Шиловскому и полковому комиссару Кораблеву[193].

Работа над книгой по обороне Москвы была в центре внимания Комиссии не только в 1942 г., но и в течение всего 1943 г. В дополнении к годовому отчету за 1943 г. ученый секретарь Комиссии Белкин писал: «1. Основной научной работой Комиссии в плане 1943 г. являлось собирание материалов и подготовка книги «Оборона Москвы». Главное содержание этой работы — собирание материалов и написание глав на темы: Народное ополчение Москвы, Воздушная битва за Москву, рабочие и истребительные батальоны, строительство оборонительных рубежей на дальних и ближних подступах к Москве, речь т. Сталина 6 и 7 ноября 1941 г., Советский Союз в помощь Москве, собственно военно-оперативный анализ боев за Москву»[194].

30 июля 1943 г. Минц писал А.С. Щербакову: «Александр Сергеевич! Я боюсь вызвать с Вашей стороны упрек в назойливости, но вопрос, который я ниже поднимаю, имеет прямое отношение к политической работе в армии: 24 июля был опубликован приказ товарища Сталина по войскам. Среди командиров, которым Верховный главнокомандующий объявил благодарность за боевую работу, был назван генерал-лейтенант Катуков — в прошлом командир танковой бригады, первой в Союзе получившей гвардейское знамя. Работая над историей обороны Москвы, мы изучили и записали историю боевого пути ряда дивизий, и в том числе 1-й Гвардейской танковой бригады.

Многих героев бригады, о которых мы пишем, уже нет — они отдали свою жизнь за дело родины. Пришедшее пополнение не знает, чьей кровью обагрено гвардейское знамя танковой бригады, кто создал и воспитал героическую бригаду. Мы восстановили память танкиста Лавриненко, уничтожившего 52 танка (стр. 79—81, 136—140), мы рассказываем о находчивости и смекалке воинов (стр. 27—39), об упорстве в обороне (стр. 90—95), о стремительности в наступлении и т.п. Издание истории для бригады будет иметь огромное значение как средство воспитания боевых традиций.

Разрешите нам издать историю гвардейской танковой бригады только для распространения в армии по закрытой сети. Для редактирования книги и подобных же изданий в будущем позволю себе предложить следующих товарищей: Александров Г.Ф., Минц И.И., Шикин И.В.». Одновременно с письмом Минц передал начальнику ГлавПУРа Щербакову рабочую верстку книги с иллюстрациями[195]. Последовал ли ответ на это письмо, неизвестно, однако книги по истории танковой бригады так и не были изданы.

Работа над сборником по обороне Москвы, которой, как порой казалось, не будет конца, поскольку требовалось уточнить все больше вопросов, про-

[192] *Ф.Е. Боков* — военный комиссар Генштаба РККА в августе 1941 — июле 1942 г., зам. начальника Генштаба по организационным вопросам в июле 1942 — апреле 1943 г.
[193] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 22. Л. 69.
[194] Там же. Д. 38. Л. 26.
[195] Там же. Д. 22. Л. 131.

должалась и в 1944 г. Усилия сотрудников Военного отдела Анпилогова, Голубевой, Минаева, Федосова и Грицевской были направлены на обработку полученных фронтовых материалов и на продолжение написания историй дивизий народного ополчения Москвы (в райкомах и в архиве МВО: Анпилогов — по дивизии Ленинского района, а также по ополченцам МГУ, ГИТИСа, Исторического музея; Федосов — по ополченцам Фрунзенского района, Логинов — Ленинского, Минаев — Ростокинского, Сидоров — Куйбышевского, Грицевская — Кировского, Голубева — Москворецкого). Было решено при помощи МК ВКП(б) провести анкетирование о народном ополчении по всем сельским районам Московской области (за это отвечал А.Л. Сидоров). Кроме того, Анпилогову и Грицевской было поручено «в недельный срок составить список предприятий и учреждений г. Москвы для сбора по ним материалов о народном ополчении и рабочим батальонам». Планировалось «предусмотреть вузы и НИИ, театры и другие учреждения в области искусства, несколько крупнейших промышленных предприятий, несколько наркоматов. <...> При отборе материалов по народному ополчению обратить особое внимание на формирование, на период боевой подготовки и вооружения дивизий, на бои под Москвой (октябрь 1941 — февраль 1942 г., на присуждение дивизиям гвардейского звания и награждение боевыми орденами». В результате в архив Комиссии поступил значительный комплекс материалов по формированию дивизий Ленинградского, Ленинского и Фрунзенского районов Москвы. По остальным районам работа велась не столь успешно[196].

В марте 1944 г. от имени Комиссии было направлено письмо в военно-исторический отдел Генштаба РККА с просьбой прислать изданный военными трехтомник «Оборона Москвы», чтобы использовать эти издания для завершения книги по обороне Москвы (как отмечалось в письме, «работа близится к концу»)[197]. В апреле 1944 г. из Комиссии было отправлено письмо секретарю парткома Авиационного института Г.Н. Чиликиди с просьбой написать воспоминания о строительстве оборонительных сооружений под Москвой в октябре 1941 г.[198] В мае 1944 г. политотдел железнодорожных войск сообщил И.И. Минцу, что они пишут главу о роли железнодорожных войск в защите Москвы для книги «Оборона Москвы»[199]. В июле 1944 г. Р.И. Голубева была направлена на ВАРЗ для сбора материалов об ополченцах завода, а также на фабрику Кожобъединения для сбора информации[200]. Эту работу она продолжила в ноябре 1944 г., опрашивая рабочих фабрики Гознак.

В основу одной из глав книги об обороне Москвы должны были лечь материалы сборника «Как мы слушали товарища Сталина», подготовленного Л.М. Зак на основании воспоминаний и стенограмм бесед от 6—7 ноября

[196] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.
[197] Там же. Д. 25. Л. 31.
[198] Там же. Л. 37.
[199] Там же. Л. 44.
[200] Там же. Л. 74, 78, 95.

1941 г. (в тот день на станции метро «Маяковская» состоялось торжественное заседание, посвященное годовщине Октябрьской революции, а также знаменитый парад войск на Красной площади, на котором якобы выступал Сталин; на самом деле текст его выступления передавали по радио). Л.М. Зак вспоминала, что она и другие молодые сотрудницы Комиссии обратились к Минцу с предложением сделать такую книгу. Он не возражал и подписал сотни писем, «которые были направлены во все части фронтов, писателям, в Ленинград, партизанам. В письмах содержалась просьба дать сведения о том, как люди слушали Сталина и реагировали на его выступление. Генерал Рокоссовский в ответ на письмо Комиссии прислал целую телеграфную ленту с ответом». Зак утверждала, что ответы на письмо Комиссии пришли, т.к. во время войны «была очень высока роль морального фактора». В сборнике опубликовали пригласительный билет на торжественное заседание по случаю 7 ноября, которое проходило в вестибюле станции метро Маяковская[201]. Сборник вышел в октябре 1942 г., рецензии на него были опубликованы во всех журналах[202].

Несмотря на богатство собранной источниковой базы, на подготовленные тексты и организационные усилия Минца, итоговый сборник по истории обороны Москвы так и не увидел свет. Отдельные главы этой книги разной степени готовности ныне хранятся в фонде Комиссии в Научном архиве ИРИ РАН[203].

Аналогичная судьба постигла и рукописи многих других книг, подготовленных сотрудниками Комиссии, о Московской битве и подразделениях, в ней участвовавших. И это несмотря на в целом благоприятные отзывы о рукописях и на то, что тексты прошли немало согласований. Например, один из авторов А.Л. Минаев получил благодарность от имени 22-й танковой бригады, историю которой он писал, — ее чтение в части вызвало одобрительную реакцию[204]. Текст Минаева прошел правку в соответствии с некоторыми замечаниями и уточнениями, полученными от комсостава танковой бригады. Он был готов к печати в ноябре 1942 г. и утвержден комбригом Ермаковым[205]. Комсостав брига-

[201] Аудиозапись.

[202] В конечном варианте: «Мы слышали Сталина. 6—7 ноября 1941 г.» / Сборник. М.: Госполитиздат. 1942 (Комиссия по истории Великой Отечественной войны).

[203] См. рукопись Е. Шиловского к сборнику «Оборона Москвы (НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел IX. Оп. 38. Д. 1); А.Л. Сидоров. «Московское народное ополчение» (Там же. Д. 2а); А.Л. Сидоров. «Московское народное ополчение в боях за столицу» (Там же. Д. 2б); Н.С. Волков. «Москва под ударами с воздуха» (Там же. Д. 3); Г.Р. Геррес. «Эвакуация промышленности» (Там же. Д. 7); О.Н. Чаадаева. «Строительство оборонительных рубежей» (Там же. Оп. 21. Д. 22). Судя по сдаточной описи, были подготовлены и переданы на хранение в архив Комиссии, но в настоящее время в фонде Комиссии в НА ИРИ РАН отсутствуют следующие рукописи: А.Л. Минаев. «Оборона Москвы»; В.И. Шунков. «Рабочие батальоны». Нет также рукописи сборника «Москвичи на защите столицы». В документах упоминалось о работе над главами: «Речь товарища Сталина» (автор Л.М. Зак), «Военно-оперативные очерки [битвы]» (две главы, автор Е. Шиловский), «СССР в помощь Москве» (автор Э.Б. Генкина). Также, как видно из документов, велась работа над главами «Партизаны Московской области» (автор П.И. Белецкий) и «Первая гвардейская дивизия по обороне Москвы» (автор П.М. Федосов) — см. НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 38. Л. 6.

[204] Там же. Д. 24. Л. 37.

[205] Там же. Л. 84.

ды просил даже ускорить печатание книги, для чего направлялись соответствующие письма военному руководству и в Комиссию[206]. Однако по состоянию на март 1943 г. книга по-прежнему находилась в стадии верстки в издательстве[207].

В чем же заключалась основная проблема? Рукописи по истории Великой Отечественной войны во многом повторили судьбу рукописей по истории фабрик и заводов 1930-х годов. И в том и в другом случае политическая цензура опасалась, что негативная информация станет достоянием гласности, и по принципу «как бы чего не вышло» стремилась перестраховаться, под разными предлогами до бесконечности затягивая издание книг. Условия военного времени, связанные с ужесточением цензурных установок и усилением режима секретности, усугубляли ситуацию. В итоге количество подготовленных к изданию рукописей заметно превышало количество опубликованных. Но главным богатством для исторической науки и современного российского общества, заинтересованного в сохранении памяти о войне, стали даже не рукописи (от них в военных условиях трудно было ожидать строгой научности, они должны были нести в первую очередь пропагандистский заряд, воспитывать патриотизм и ненависть к врагу), а первичный документальный материал, на основе которого они готовились.

Для выпуска в свет любых изданий, подготовленных Комиссией Минца, включая историю обороны Москвы и истории воинских частей, помимо обычной цензуры, требовалось решение руководства ГлавПУРа РККА (Щербаков) и Отдела агитации и пропаганды ЦК партии (Александров)[208]. Об этом сложившемся порядке 26 мая 1943 г. Минц писал одному из военачальников, с помощью которого пытался добиться положительного решения вопроса об издании рукописей[209]. Если тексты по истории воинских частей писались там своими силами (роль Комиссии ограничивалась методическим сопровождением и консультированием работы), то и в этом случае тексты все равно сначала направлялись на научную экспертизу в Комиссию. Только после ее одобрения они вместе с рецензией передавались в ГлавПУР РККА, который должен был санкционировать публикацию[210].

Во время войны были засекречены даже такие важные для историка сведения, как последний рубеж обороны Москвы в 1941 г. В связи с этим обратим внимание на одну необычную инициативу И.И. Минца, связанную с сохранением памяти о Битве под Москвой, — его предложение посадить на том рубеже, где были остановлены фашисты, мемориальную березовую аллею силами самих москвичей. 8 июля 1944 г. Минц писал по этому поводу председателю Моссовета: «Уважаемый товарищ! Комиссия по составлению хроники обороны Москвы заканчивает сбор материалов и составление книги по обороне Москвы. По ходу работы мы сталкиваемся с необходимостью определить границу, до которой немцы до-

[206] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 24. Л. 109.
[207] Там же. Л. 211. По нашим данным, книга так и не была издана.
[208] Там же. Л. 221.
[209] Там же. Л. 288.
[210] Там же. Л. 288—288 об.

шли под Москвой. Увы! Это оказалось нелегко: документов не так уж много, да и свидетелей многих уже нет в живых. А между тем будущие поколения, несомненно, захотят знать, с какого места начался разгром немцев под Москвой.

Так как сейчас не время отмечать эту линию каким-нибудь дорогостоящими сооружениями, то я позволяю себе предложить следующее: посадить березовую аллею вдоль той линии, где находился передний край нашей обороны под Москвой. Это — недорого, а вместе с тем неплохо отметит линию. К посадке березовой аллеи можно было бы привлечь трудящихся соответствующих районов Московской области <...>»[211]. Как и многие другие инициативы И.И. Минца, эта, к сожалению, осталась нереализованной.

Битва за Москву была, конечно, не единственным проектом Комиссии. В своем докладе «Отечественная война советского народа и задачи общественных наук» на упоминавшемся выше (в связи с выступлением там же Минца) Общем собрании АН СССР в Свердловске в мае 1942 г. руководитель Агитпропа ЦК партии Г.Ф. Александров отмечал: «...Одной из весьма важных задач исторической науки на ближайший период развития является собирание материалов по истории Великой Отечественной войны, подготовка и издание работ по истории и обороне Москвы, Ленинграда, Тулы, Одессы, Ростова, Севастополя и др. городов; составление истории освобождения ряда советских городов, ибо от немцев Красной Армией освобождено свыше 50 крупных городов <...>»[212].

Эти партийные установки совпадали с интересами Комиссии, которая приступила к изучению основных боевых операций. В мае 1942 г. сотрудник Комиссии батальонный комиссар и литератор М.Б. Колосов, имевший опыт работы по ИФЗ 1930-х гг., приступил к работе по истории 176-й стрелковой дивизии (вместе с «местными работниками» дивизии) и других частей 9-й армии. Одновременно он при содействии Военно-исторического отдела Генштаба (тот обеспечивал освещение вопросов военной стратегии) «собирал материалы и часть опубликовал по истории одной из дивизий южного фронта и работал над ростовской операцией»[213].

В сентябре 1942 г. Минц обратился в Политуправление Сталинградского фронта с просьбой оказать содействие Колосову, дать ему возможность собирать материалы о Героях Советского Союза, а также писать по истории гвардейских частей фронта[214]. М.Б. Колосов вместе с будущим советским руководителем, а во время войны — политработником Л.И. Брежневым побывал на Малой Земле. Есть основания полагать, что во время войны с Брежневым познакомился и Минц [215].

---

[211] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 25. Л. 61.

[212] АРАН. Ф. 2. Оп. 4. Д. 32. Л. 132.

[213] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 22. Л. 3, 26, 35. Колосов оказался единственным литератором — непосредственным участником Ростовской операции. По итогам этой командировки он написал книгу «Люди и подвиги. Очерки и рассказы» (М., 1942).

[214] Там же. Д. 24. Л. 1, 92.

[215] http://berkovich-zametki.com/2011/Zametki/Nomer3/Ejlman1.php. По свидетельству историка А.П. Ненарокова, именно по решению Брежнева в 1968 г. Минц был награжден орденом Ленина (сообщено Й. Хелльбеком).

Среди других объектов Комиссии — освещение сражений за Крым и участие в них Военно-морского флота. В июле 1942 г. сотрудник Комиссии историк М.Г. Седов работал над сборником «Оборона Севастополя», который планировал закончить к 1 сентября. «Для выполнения порученной работы по сборнику тов. Седов М.Г. должен выехать в действующий Черноморский флот. Работу нужно делать по живым следам: искать *активных участников* обороны, записать их рассказы, собрать документы, которые могут в противном случае затеряться»[216], — отмечалось в одном из документов Комиссии.

В сентябре 1942 г. велась также работа над книгой об обороне Одессы. В своем письме в Политуправление ВМФ на имя армейского комиссара Рогова от 17 сентября 1942 г. Минц отмечал: «...Мы готовим книгу об обороне Одессы. Работа эта заканчивается. Если Вы найдете возможным, кроме тов. Фазина, прикомандировать к нам еще одного-двух товарищей, то мы можем приступить к организации истории гвардейских экипажей, а также начать работы над историей обороны Севастополя»[217]. В январе 1943 г. З. Фазин, продолжая усилия сотрудника Комиссии М.Г. Седова, приступил к работе над книгой об обороне Севастополя в 1941—1942 гг.[218]

В первой половине 1942 г. в рамках деятельности Комиссии были написаны и изданы четыре книги о подводных лодках Северного флота, а также первый выпуск издания о моряках-героях «Герои Советского Союза ВМФ». На военных кораблях по просьбе Комиссии тоже развернулась работа по сбору материалов и написанию текстов. Работу историков на флоте заметно упрощало то обстоятельство, что на кораблях велись журналы, в которых тщательно фиксировались события и происшествия во время походов и боевых операций[219]. Успех работы Комиссии на флоте определялся еще и личностным фактором — там за эту работу отвечал армейский комиссар ВМФ Иван Васильевич Рогов, в лице которого Минц встретил союзника, понимавшего значение исторических начинаний для сохранения памяти о войне.

В письме к Рогову от 14 апреля 1943 г. Минц сообщал о ходе подготовки очерка об обороне Одессы: «Готов военно-оперативный очерк обороны Одессы, составленный полковником Борисовым. В основном готов очерк о жизни и деятельности одесских большевиков и населения города во время обороны Одессы. Разумеется, мы собрали материал и об участии в обороне военно-морского флота. Но боюсь, что наш рассказ о действиях ВМФ будет недо-

[216] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 23. Л. 226.

[217] Там же. Д. 22. Л. 52. Упомянутый Фазин (настоящее имя З.И. Факторович) — до войны писатель, один из авторов ИГВ. Во время войны — политрук, служил старшим инструктором журнала ВМФ «Агитатор». Минц так характеризовал его: «Тов. Факторович — писатель. По материалам истории Гражданской войны он написал две хорошие книги: о Серго Орджоникидзе — «Чрезвычайный комиссар» и об обороне Астрахани под руководством Кирова в 1919 г. — «Крепость на Волге». Тов. Фазин проявил научно-исследовательский подход к работе. Это сочетание историка и писателя делает его очень полезным для работы над книгой о Героях Советского Союза — моряках, которая намечена нами к изданию».

[218] Там же. Л. 87.

[219] Там же. Д. 2. Л. 8.

статочно компетентен». Далее он просил Рогова найти специалиста, который мог бы исправить этот недостаток. Книгу предполагалось издать к годовщине боев за Одессу[220].

В 1943 г. в составе Комиссии действовала особая **военно-морская группа**, в которую входили прикомандированные к ней историки флота Н.П. Мазунин, Ф.С. Криницын, В.А. Дивин. В их задачу в то время входил сбор материалов о роли Волжской военной флотилии в Сталинградской битве. В итоге на эту тему Мазунин затем защитил кандидатскую диссертацию[221]. Приоритетными историческими сюжетами считались действия Черноморского, Балтийского и Северного флотов во время войны, о чем собирался материал и готовились сборники. Любопытно, что в них не были забыты и славные дореволюционные традиции моряков. В частности, освещались такие сюжеты, как «Участие русского флота в Семилетней войне»; «Русские матросы»; «Гвардия русского флота»[222].

Комиссия не оставила без внимания и конницу. В январе 1943 г. было решено заняться работой по истории наиболее отличившихся конных частей Красной армии, в частности гвардейского конного корпуса генерала П.А. Белова. Для сбора материалов к конникам выехали историк А.Л. Сидоров и стенографистка А.А. Бондаренко[223].

В феврале 1943 г. Минц докладывал руководителю Агитпропа ЦК партии Александрову о том, что майор А.В. Пясковский (профессор, член ВКП(б) с 1918 г., до войны — сотрудник Института истории АН СССР) собрал исключительно ценный материал об оккупации немцами Калуги. Александров дал разрешение на написание соответствующей работы, для чего Пясковский был прикомандирован к Комиссии. Для сбора дополнительного материала он был направлен в район Калуги, о чем Минц испросил разрешения у начальника ПУРа Западного фронта генерал-майора Макарова[224].

С конца декабря 1942 г. — начала января 1943 г. одним из главных проектов Комиссии стала история Сталинградской битвы. Материал собирался по горячим следам событий. 13 февраля 1943 г. Минц обратился к И.В. Шикину с просьбой разрешить командировать в Сталинград для сбора материалов группу сотрудников Комиссии во главе с Э.Б. Генкиной, которая одновременно ехала в Сталинград в качестве лектора по линии ЦК ВКП(б). В эту группу от Комиссии входили: старший лейтенант Л.М. Зак, капитан П.И. Белецкий, стенографистка О.А. Рослякова. По предложению Минца, все они могли быть одновременно использованы для проведения агитационно-пропагандистской работы в частях. Вопрос о посылке группы был согласован с Александровым[225]. 18 февраля 1943 г. Минц писал начальнику политуправления фронта

[220] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 22. Л. 117—117 об.
[221] Там же. Л. 149.
[222] Там же. Д. 6. Л. 1.
[223] Там же. Д. 22. Л. 88.
[224] Там же. Л. 100, 114.
[225] Там же. Л. 101.

генерал-майору Чекалину[226]: «В январе сего года в частях Вашего фронта работала наша бригада по сбору материалов о героической обороне Сталинграда. По возвращении бригады я доложил о результатах ее работы начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) тов. Александрову, который предложил продолжить эту работу. Направляю к Вам научных сотрудников — д.и.н. профессора Генкину Э.Б., научного сотрудника капитана Белецкого П.И., прикомандированного Резервом ГлавПУ РККА, и стенографистку (засекреченную) Рослякову О.А. для продолжения собирания материалов в воинских частях, оборонявших Сталинград. Позволю себе поблагодарить Вас за прием и помощь в работе первой бригаде»[227].

В феврале 1943 г. на экспертизу в Комиссию поступила рукопись начальника отдела пропаганды 62-й армии майора Ступова «62-я армия в боях за Сталинград». В своей рецензии сотрудник Комиссии А.А. Белкин положительно оценил текст, но предложил доработать его: убрать повторы, усилить военно-оперативный материал, четче описать операции армии, переделать некоторые очерки о боевых частях, входивших в состав армии, добавить больше конкретного материала. Минц рекомендовал после доработки издать рукопись[228]. Вскоре эта работа в 13 печатных листов, в «доводке» которой участвовали сотрудники Комиссии Генкина и Белкин, была сдана в печать[229]. Была издана и авторская книга Генкиной «Героический Сталинград».

В августе 1943 г. Минц предложил начальнику Военно-исторического отдела Генштаба РККА генерал-майору Таленскому совместно с Комиссией подготовить книгу «Оборона Сталинграда» по типу «Обороны Москвы». «От нашей Комиссии мы выделяем для работы над книгой и ее отдельными главами проф. Генкину Э.Б. По договоренности с ПУРом считаем необходимым привлечь к работе полковника Тельпуховского, собравшего большой материал и уже давно работающего над темой «Оборона Сталинграда». Просим Вас со своей стороны выделить в качестве автора военно-оперативного очерка о Сталинграде кого-либо из работников военно-исторического отдела Генштаба»[230], — писал Минц. В декабре 1943 г. он обратился в Отдел по изучению опыта войны Генштаба РККА с просьбой предоставить один экземпляр выпущенной военными книги о Сталинградской битве[231].

Помимо перечисленных выше, в 1943 г. сотрудниками Комиссии велась также работа над историями следующих воинских частей:

- 1-я гвардейская танковая бригада (срок завершения работы — конец февраля 1943 г., ответственный Белкин);

[226] Чекалин был начальником Отдела пропаганды Политуправления Сталинградского фронта. Начальником Политуправления фронта был генерал-майор П.И Доронин. // http://landirk.com/archives/40.
[227] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 24. Л. 207.
[228] Там же. Д. 22. Л. 110—112.
[229] Авторы Ступов А.Д., Кокунов В.Л. 2-е изд. М., 1952.
[230] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 22. Л. 135.
[231] Там же. Л. 146.

- народное ополчение Киевского района Москвы в боях за столицу (к середине марта 1943 г., ответственный Сидоров);
- 12-й гвардейский истребительный авиаполк (выход в свет к 1 апреля 1943 г., ответственный Волков). Здесь уместно сказать, что Е.М. Грицевская, Л.М. Зак и М.Д. Розанова, готовя в более ранний период упомянутый выше «Очерк боевой истории 12-го гвардейского истребительного авиаполка», брали интервью у летчиков, которые к 1943 г. практически все погибли. Этот материал был тоже использован Волковым. Пример истории 12-го авиаполка показателен и в том смысле, что одновременно с научной работой и на базе собранных материалов сотрудники Комиссии вели активную пропагандистскую деятельность — читали лекции, выступали с беседами перед воинами, печатались в полковых газетах. В данном случае Л.М. Зак опубликовала статью о значении боевого опыта 12-го авиаполка[232];
- 110-я стрелковая дивизия (срок — начало мая 1943 г., ответственный Сидоров);
- 130-я стрелковая дивизия (срок — начало мая 1943 г., ответственный Шунков);
- 1-я гвардейская мотострелковая московская дивизия (срок — к началу марта 1943 г., ответственный Федосов);
- 1-я гвардейская стрелковая дивизия (срок — к середине апреля 1943 г., ответственный Юмашев);
- Н-ский танковый корпус (не указано);
- 1-й гвардейский мотоциклетный полк (срок — к началу февраля 1943 г., ответственный Федосов);
- герои Н-ской дивизии авиации дальнего действия (срок — к середине февраля 1943 г., ответственные Сидоров, Минаев и Грицевская);
- 22-я танковая бригада (к 23 февраля 1943 г., ответственный Минаев);
- 53-я Краснознаменная гвардейская дивизия, бывшая 3-я Коммунистическая дивизия народного ополчения;
- 136-я стрелковая бригада (отв. политрук Елкин Федор Михайлович);
- переделка книги о боевом пути 60-й армии «От Дона до Сейма» (отв. майор Федосов П.М.);
- Н-ская армия Брянского фронта (отв. Белкин и Белецкий);
- 1-й гвардейский Донской танковый корпус (отв. Белкин и Белецкий);
- дополнение и исправление книги «Боевой путь», написанной политотделом 1-го гвардейского ордена Ленина механизированного корпуса (ответственный за литературную обработку — писатель Л. Никулин).

В ходе работы в 1943 г. сотрудники Комиссии, как и в 1942 г., регулярно выезжали в командировки: на Северный и Черноморский флоты, в Волжскую флотилию, на Донской и Воронежский фронты, в Сталинград, Казань и Тулу.

[232] Встреча... С. 318; Аудиозапись.

Эти поездки историков, литераторов, стенографисток в действующую армию были связаны с риском для жизни. Поскольку смену оперативной ситуации предсказать было невозможно, порой они оказывались в боевой обстановке — на передовой, под бомбежкой или артобстрелом. Тем не менее, не было случая, чтобы они возвращались без материалов.

В 1943 г. были собраны источники по истории воинских частей для книг «Оборона Севастополя» (Фазин), «Оборона Одессы», «Герои авиации дальнего действия» (Сидоров и Грицевская), «История 1-й гвардейской авиадивизии дальнего действия» (Осипов), «2-й гвардейский артиллерийский полк» (Белецкий), «53-я гвардейская дивизия». «Сверх плана» были собраны материалы по Сталинградской операции (126 стенограмм)[233], по Орловской (43 стенограммы), по 3-й истребительной авиационной дивизии, по дивизии народного ополчения Дзержинского района, о деятельности Военной академии им. Фрунзе и Военного училища им. Верховного Совета в обороне Москвы, по 864-му зенитному полку, 276-му гвардейскому артполку, 67-му гвардейскому артполку, 79-й гвардейской стрелковой дивизии, 308-й стрелковой дивизии, 42-му Краснознаменному инженерному батальону — в общей сложности 517 стенограмм объемом более 7 тыс. печатных листов.

Книга Лифшица «1-я гвардейская танковая бригада» была доведена до верстки, книга Зак «12-й гвардейский истребительный авиаполк» подготовлена к печати, книга Минаева «22-я танковая бригада» доведена до верстки, книга Федосова «1-я гвардейская мотострелковая дивизия» подготовлена к печати, книга Федосова и Жарковского «1-й гвардейский мотоциклетный полк» подготовлена к печати, книга Федосова, Маркуса и Кронрода «Народное ополчение Киевского района» подготовлена к печати, книга Голубевой «Латышская дивизия» подготовлена к печати[234].

25 января 1944 г. Минц обратился к начальнику ПУР Белорусского фронта генерал-майору Галаджеву: «Комиссия по составлению хроники Великой Отечественной войны обращается к Вам со следующей просьбой. В течение 1943 года Комиссией собран очень большой материал об истории Сталинградской битвы (стенограммы бесед с командующими армиями, командирами дивизий, полков, младшими командирами, бойцами и т.д.). Но сотрудники, ездившие по поручению Комиссии в Сталинград для собирания материалов, никого из работников Донского фронта там уже не застали. Поэтому в собранных материалах у нас большой пробел, который необходимо восполнить. Пользуясь тем, что у Вас на фронте работает капитан тов. Зак, которая раньше являлась сотрудником Комиссии, знает, что нам нужно, и получила от нас указания, — убедительно просим Вас оказать помощь капитану тов. Зак по собиранию материалов, связанных с историей Сталинградской

[233] *Э.Б. Генкина*, которая официально возглавляла Отдел национальных республик, работала в Сталинграде с 20 января по 18 февраля 1943 г., затем на Южном фронте с 22 июня по начало июля 1943 г.

[234] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 38. Л. 1.

битвы. Особенно желательно застенографировать воспоминания генерала армии тов. Рокоссовского, Вас, тов. Галаджев, участников передачи ультиматума Паулюсу и работников армии, воспоминания которых, по Вашему усмотрению, представляют особый интерес для истории Сталинградской битвы. Все собранные по нашему заданию капитаном Зак материалы с Вашего согласия будут переправлены в Москву Комиссии»[235].

В 1944 г. продолжался сбор материалов по Орловской, Харьковской и Киевской операциям «путем связи с воинскими частями и записи участников»[236]. В первом полугодии 1944 г. Генкина, Грицевская и стенографистка Бондаренко ездили на 4-й Украинский фронт (Мелитополь). В отчете о поездке отмечалось: «Собран большой и ценный материал по операциям фронта по освобождению Мелитополя, прорыву обороны фашистов на р. Молочной и продвижению наших войск к Сивашу и Перекопу. Одновременно было записано одно авиационное соединение. Поездка прошла весьма удачно. Всего записано 78 человек. Расшифровка и проверка материала закончены». Федосов и стенографистка Крауз, как упоминалось выше, ездили на 1-й Украинский фронт в г. Киев. Ими было записаны 70 человек по 60-й армии, 60 человек по гвардейскому танковому корпусу и 11 жителей г. Тарнополя. Майор Федосов, Еловцан и стенографистка Рослякова ездили в Смоленск. Здесь ими был собран ценный материал о немецком оккупационном режиме и о партизанском движении. Застенографированы рассказы 40 человек, в том числе беседа с секретарем обкома партии. Анпилогов со стенографисткой из Академии наук был послан в 60-ю стрелковую дивизию (бывшая дивизия народного ополчения Ленинского района Москвы), ими записаны рассказы около 40 человек. Капитан Фазин, капитан Белецкий, а также сотрудница Трусова и стенографистка Шамшина находились в командировке в Крыму — в Севастополе, Керчи и на 4-м Украинском фронте. Вместе с партизанами во время командировки ими было записано до 80 человек.

Кроме стенограмм бесед с очевидцами и участниками событий, а также других материалов, собранных сотрудниками во время командировок, Военный отдел Комиссии получил значительный материал с мест — от воинских частей и отдельных лиц (карты, дневники, записки, очерки по истории отдельных соединений). Наиболее ценные материалы в 1944 г. были получены от командиров 129-й с.д. и 79-й гв. с.д. Ими присланы карты, боевые донесения о боях в районе Орла — Белгорода, политдонесения и др. Очень ценный материал был получен от капитана Ковалевского по Новороссийской операции[237].

С учетом размаха работы и значительного количества объектов и тем, над которыми работала Комиссия, в конце 1944 г. было признано, что количество командировок сотрудников на места недостаточно, и их требуется увеличить. В отчете о работе Военного отдела Комиссии за 1944 г. отмечалось: «Первое и

[235] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 25. Л. 11—11 об.
[236] Там же. Д. 37. Л. 30.
[237] Там же. Д. 38. Л. 68—68 об.

интересное в работе по истории воинских частей [заключается] в том, что работе отдела стали активно помогать сами воинские части, соединения и военные организации. Большую и интересную работу провел НКВД. Благодаря контакту отдела с работниками этого Наркомата — майором Ковалевским и капитаном Гаврюшкиной, получены ценные документальные материалы и написаны две работы — одна о роли полка НКВД в освобождении Новороссийска, другая — по истории 23-й дивизии железнодорожных войск в начальный период войны. <...> т. Маркус сделал очерк боевых операций одного из фронтов после Сталинграда <...> Ценный оперативный материал Комиссия приобрела в связи с получением рукописи майора т. Ацаркина о Новгород-Луцкой операции. И в планах следующего года — отдел должен всячески укреплять связь с военными организациями, помогать им советом, расценивать их работы, больше выезжать на места. <...> В связи с очищением территории Союза от врага в работе отдела возникли трудности. Поездки на фронт становятся более длительными и требуют квалифицированных сотрудников. Между тем количество сотрудников отдела сократилось до четырех человек»[238].

На основе собранных материалов Федосов работал по теме «Битва за Киев и боевой путь Н-ского соединения»[239]. Составлялись истории Харьковской и Мелитопольской операций, готовился сборник о форсировании Днепра. В планах отдела было обсуждение работы Голубевой о Латышской стрелковой дивизии и Минаева о Дзержинской дивизии. В апреле 1944 г. был утвержден план сборника «Женщины в Великой Отечественной войне» (в виде сборника стенограмм, для чего к 1 мая следовало «записать 25—30 активных участниц боевых операций»), над которым работали Голубева и Грицевская. Шрейбер должна была собирать автобиографический материал (рассказы родственников, переписка, фотоматериалы, рассказы командиров соединений, офицеров, младшего комсостава и рядовых бойцов) о маршалах и генералах армий всех родов войск[240]. Капитан Ф. Криницын в 1944 г. работал над составлением истории Ладожской военной флотилии в период блокады Ленинграда[241].

В 1945 г. основной задачей Военного отдела Комиссии стал сбор материалов по Восточно-Прусской операции и взятию Кенигсберга, также продолжались работы по всем перечисленным выше объектам.

Таким образом, в ходе работы Военного отдела в Комиссии откладывались архивы воинских частей и военных операций. Только в 1942—1943 гг. сотрудники Комиссии участвовали в написании около 125 историй воинских частей[242].

---

[238] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 38. Л. 118 об. — 119.
[239] Там же. Д. 37. Л. 30, 38.
[240] Там же. Л. 46.
[241] Там же. Д. 38. Л. 82.
[242] Их анализ см. в статье Архангородской И.С. и Курносова А.А. «Истории воинских частей» в фонде Комиссии по истории Отечественной войны АН СССР // АЕ за 1985 г. М., 1986. С. 174—181. По мнению авторов этой статьи, истории воинских частей создавались в первую очередь с практическими целями — для политико-воспитательной работы или обобщения военного опыта, а научные задачи при написании рукописей отходили на второй план.

Впоследствии материал, собранный Военным отделом, был систематизирован архивистами и составил в современном фонде Комиссии в Научном архиве ИРИ РАН два раздела: I — «История воинских частей» и III — «Оборона городов».

Во время командировок сотрудникам Комиссии давалось задание параллельно собирать материалы о **Героях Советского Союза**, служивших в этих частях. Со временем документирование подвигов и сбор материалов о Героях Советского Союза превратились в одно из основных направлений работы Комиссии. На упомянутом выше Общем собрании АН СССР в мае 1942 г. Минц так говорил об этом: «Страна должна знать своих героев. В нашу задачу входит, помимо опубликования списков Героев Советского Союза, находить и ознакомиться с их деятельностью на месте, поговорить с их товарищами, съездить, может быть, в район, откуда они родом, если это мыслимо, и в конечном итоге издать несколько книг. Пусть их будет немного, они будут выходить по мере нахождения материала. Тут могут найти себе применение не только работники комиссии, но работники всех наших академических учреждений, разбросанных по другим районам — на Волге, Западной Сибири, в Средней Азии. Здесь мы, несомненно, найдем <...> (пропуск в документе) с литераторами, вместе с которыми <...> (пропуск в документе) приступили к изданию. Задача этой книги состоит в том, чтобы показать, что героями не рождаются, а героями становятся <...> Первый том, посвященный Героям Советского Союза, сейчас подготовляется, будет он построен по принципу, отражающему облик нашей страны, там будут показаны Герои Советского Союза различных народов нашего Союза: русские, украинцы, евреи, казахи, узбеки, грузины и т.д.»[243].

27 июля 1942 г. Минц обратился в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой помочь в розыске героев, дать возможность сотрудникам Комиссии присутствовать при вручении высших наград в Кремле для того, чтобы сразу после награждения взять у них интервью и установить контакт. В письме Минц, в частности, отмечал: «Комиссия по истории Великой Отечественной войны при Президиуме Академии наук СССР одной из своих задач ставит собирание исчерпывающих материалов о Героях Советского Союза и в дальнейшем издания работ, характеризующих их жизнь и боевую деятельность. Кроме документов и формальных сведений, Комиссия собирает рассказы о Героях, их личные воспоминания и т.п.

Поэтому Комиссии крайне важно установить с Героями Советского Союза непосредственную связь. Однако встречи с ними в условиях кратковременного пребывания их в Москве, даже розыски их очень затруднены.

Комиссия стремится использовать приезд Героев Советского Союза в Москву для получения наград в Президиуме Верховного Совета СССР и поэто-

Именно поэтому из 125 «историй» половина событийно доведена только до 1942 г.; четверть — до 1943 г., примерно по 10% завершаются в 1941 или 1944—1945 гг. Только в трех рукописях отражены события почти за всю войну. Слабо по сравнению со Сталинградской в материалах Комиссии оказалась отражена Курская битва.

[243] АРАН. Ф. 2. Оп. 4. Д. 32. Л. 200—201, 204.

му обращается к Вам с просьбой разрешить научным сотрудникам Комиссии присутствовать при вручении наград Героям Советского Союза в Президиуме Верховного Совета СССР с тем, чтобы установить с ними личную связь и организовать запись их рассказов. Просим дать распоряжение Отделу по учету и регистрации награжденных давать нашему научному сотруднику сведения о времени вручения наград. Комиссия гарантирует секретность хранения получаемых материалов и обязуется не использовать их без Вашего ведома»[244].

Кроме этого, в ходе установления информации о героях Комиссия обращалась в наградной отдел НКО, в воинские части, госпитали, издательства и др.

В готовившемся Комиссий первом томе издания «Герои Советского Союза» должно было быть 30—40 популярных очерков о героях. За достоверность фактов биографий отвечали историки, литературной обработкой текстов занимались писатели. Иллюстрировать очерки должны были художники Бершадский, Лукомский, Жуков, Ермолаев, Щеглов, Верейский, Мальков, Савицкий, Соколов-Скаля, Шухмин, Кукрыниксы, Шмаринов[245].

Сотрудница Комиссии Р.И. Кроль весной-осенью 1942 г. собирала для первого тома материалы о следующих героях войны: И.Н. Заболотный, Т.М.Фрунзе, И.П. Шумилов, И.Т. Любушкин, Г.Т. Невкипелый, В.В. Талалихин, Л.М. Доватор, Н.Ф. Гастелло, И.И. Фисанович, А.А. Дивочкин. Она же проводила литературную обработку материала. Кроме того, Р.И. Кроль должна была собирать сведения по другим намеченным 200 героям. Сроки стояли жесткие — предполагалось завершить работу к 7 ноября 1942 г. Сотрудник Комиссии Р.И. Голубева собирала сведения для того же многотомника по 207 героям, в том числе — для очерков о И.В. Панфилове и 28 героях-панфиловцах, о Л.С. Чапчахове, Я.В. Вилхелмсе, Л.Х. Паперник, Дурды Курбане[246].

В результате сначала в рамках Военного отдела Комиссии был создана группа по изданию книги о Героях Советского Союза[247], а в конце 1943 г. она была преобразована в самостоятельный **Отдел Героев Советского Союза**[248]. Сотрудник Комиссии Абрам Александрович Белкин — в мирное время филолог, специалист по творчеству Ф.М. Достоевского, возглавлял работу по героям в течение всей войны. Одновременно он выступал и в качестве рядового исполнителя. В 1942 г., к примеру, он собирал данные о Я.Г. Крейзере, А.К. Мери, А.И. Молодчем, Б.Ф. Сафонове, М.К. Байде, а также редактировал 1-й том издания. Он же получал контактные данные и материалы по героям из наградного отдела НКО и других ведомств[249]. В Отделе Героев Советского Союза в разное время работали: Р.И. Кроль, Л.Д. Петров, В.Л. Логинова, Л.К. Нечаева, А.Я. Грунт, М.В. Миско, Ковалевский (имя и отчество не установлены), Н.К. Стрелкова, Б.Л. Корфини, А.П. Серцова.

---

[244] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 26. Л. 25.
[245] Там же. Л. 160.
[246] Там же. Д. 6. Л. 3.
[247] Там же. Л. 3.
[248] Там же. Д. 38. Л. 3, 8.
[249] Там же. Д. 6. Л. 14.

И.И. Минц так сформулировал принципы работы этого отдела:

1) Героями не рождаются, ими становятся.

2) Становление героя — результат советской социалистической системы.

3) Герой дает материал не только о типе человека, но и материал для изучения военного искусства в ходе Отечественной войны[250].

При работе над биографиями героев выяснялось немало конфиденциальной информации, против публикации которой часто возражали родственники. От сотрудников Комиссии требовался особый такт. Вот конкретный пример. 25 августа 1942 г. между К.Е. Ворошиловым и И.И. Минцем состоялся долгий телефонный разговор, в котором обсуждался факт стенографирования сотрудниками Комиссии беседы с бывшей учительницей Героя Советского Союза (награжден посмертно) 19-летнего летчика Тимура Михайловича Фрунзе (1923—1942). После смерти отца — героя Гражданской войны М.В. Фрунзе Тимур воспитывался в семье Ворошилова. Последний был возмущен, что сотрудники Комиссии не обратились за сведениями о молодом герое в первую очередь к его сестре Татьяне или в семью Ворошилова. Маршал стал выяснять у Минца, зачем нужны эти сведения. Тот признал правоту Ворошилова и подробно рассказал о задачах сборника. «В первом томе у нас, наряду с крупными людьми, такими, как Панфилов, Доватор, будет помещена и молодежь, нами созданная. Среди них люди разного воспитания. Хочется показать и такого мальчика, который рос в семье, полной больших традиций», — подчеркнул Минц. Он рассказал Ворошилову, что при подготовке очерка о Тимуре Фрунзе удалось разыскать даже его одноклассников и друзей, в частности, Владимира Ярославского — тоже летчика, сына известного большевика Емельяна Ярославского. К.М. Ворошилов изменил тон разговора и сам предложил не только рассказать о Тимуре, но и показать его дневники, фотографии. Минц с благодарностью согласился, оставив в книжке запись: «Опять придется сказать Белкину, что каждый шаг нужно трижды обдумать, прежде чем делать, а то может здорово подвести»[251]. 26 августа 1942 г. Минц побывал в Кремле и лично взял интервью у Ворошилова о его приемном сыне. Во время беседы присутствовал их общий знакомый Григорий Иванович Лецкий — участник Гражданской и Отечественной войн[252].

Родные и близкие героев, если их удавалось установить, были и в других случаях важнейшим источником информации. Так, Е.М. Грицевская записала воспоминания жены Б.А. Кротова, а М.Г. Седов брал интервью у жены Н.П. Городничева[253]. Привлекались, конечно, и анкеты и наградные материалы, однако сотрудники Комиссии старались писать неформальную биографию, выяснить черты характера, истоки геройского поступка.

---

[250] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Дело 15. Л. 25.

[251] *Минц И.И.* Из памяти... С. 68—69. Ворошилов был возмущен тем, что расспрашивали учительницу немецкого языка — немку по происхождению.

[252] *Минц И.И.* Из памяти... С. 69—70.

[253] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 26. Л. 194.

В октябре 1942 г. началась обработка собранных материалов для составления теперь уже двухтомника «Герои Советского Союза». При этом была поставлена новая задача: представить героев многих национальностей и разных родов войск. В итоге были выбраны очерки о следующих героях: Мери (эстонец — пехота), Панфилов (русский — пехота), Здоровцев (русский — авиация), Харитонов (русский — авиация), Жуков (русский — авиация), Оплеснин (коми — пехота), Фаткулин (татарин — авиация), Талалихин (белорус — авиация), Крейзер (еврей — пехота), Мамедов (азербайджанец — пехота), Гастелло (белорус — авиация), Доватор (белорус — кавалерия), Чапчахов (армянин — авиация), Шумилов (русский — авиация), Заболотный (украинец — авиация), Молодчий (украинец — авиация), Дивочкин (русский — артиллерия), Тикиляйнен (финн — пехота), Адамий (абхазец — морской флот), Байда (украинка — пехота), Щипун (украинец — танкист) и другие. В списке значились и 28 панфиловцев, представлявших разные национальности, включая казахов[254]. В обработке материалов намечалось участие писателей Ольги Форш, Переца Маркиша, Эно Рауда (эстонский детский писатель, должен был писать о Мери). Очерк о В. Григорьеве был поручен писателю М.Н. Платошкину[255]. Вступительная статья к двухтомнику о героях называлась «Красная армия — армия дружбы и братства народов»[256]. Работу планировалось закончить к 15 ноября 1942 г. Некоторые очерки были уже опубликованы в разных изданиях, их следовало переработать[257].

В ходе работы над очерками о героях их авторы широко использовали стенограммы интервью с выжившими героями, родными и знакомыми их персонажей. После окончания работы писатели должны были вернуть эти материалы «в секретный архив» Комиссии[258]. Однако многие стенограммы бесед представляли собой столь яркий документ или раскрывали столь интересный сюжет, что литераторы с трудом расставались с этим сокровищем. Иногда они без ведома Комиссии использовали их «в личных целях». Так, 12 мая 1943 г. А.А. Белкин настоятельно напоминал писателю В.В. Иванову о том, что нужно вернуть взятые в Комиссии в январе того же года две стенограммы беседы с Героем Советского Союза Г.И. Игнашкиным. «Эти материалы, данные Вам для работы над очерком для Комиссии, были уже Вами использованы, очевидно, для очерка в «Известиях», а нам они сейчас крайне необходимы»[259], — отмечал Белкин.

Иногда готовые очерки отправлялись на редакцию самим героям[260]. У них же по возможности собирались и основные биографические сведения. Например, в письме к генерал-майору Я.Г. Крейзеру от 25 июля 1942 г. сотрудни-

[254] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.
[255] Там же. Д. 23. Л. 350. *Платошкин М.Н.* (1904—1958) — писатель, до войны учился в Литературном институте, писал о новом быте, а также о советском производстве. Участник Великой Отечественной войны.
[256] Там же. Д. 15. Л. 1—2, 6.
[257] Там же. Лист без пагинации (между листами 5 и 6).
[258] Там же. Д. 26. Л. 153.
[259] Там же. Л. 168.
[260] Там же. Л. 170.

ки Комиссии просили его прислать подробную автобиографию, а также фото, копии дневников и воспоминаний, адреса друзей и знакомых, которые могли бы рассказать о нем[261].

В сентябре 1942 г. Комиссия готовила к публикации отдельный сборник «Партизаны — Герои Советского Союза»[262].

При подготовке очерков в обязательном порядке собирался материал о личности героя. 9 марта 1942 г. руководство Комиссии направило письмо секретарю Пензенского обкома ВКП(б) с просьбой оказать содействие в сборе сведения об уроженце Пензы С.Г. Байкове. «Обращаемся к Вам с просьбой помочь нам в сборе материала о Вашем Герое-земляке. Нас интересуют биографические данные о нем, воспоминания родственников и знакомых. Желательно, чтобы воспоминания и рассказы были подробными и обстоятельными, чтобы можно было получить полное представление о характере тов. Байкова, о его жизненном пути»[263], — отмечалось в письме.

Интересно также письмо, направленное 25 июля 1942 г. вдове легендарного комдива Панфилова М.И. Панфиловой: «Комиссия обращается к Вам с просьбой поделиться своими воспоминаниями о Вашем покойном муже — Герое Советского Союза генерал-майоре И.В. Панфилове. Нас интересует все, относящееся к памяти Ивана Васильевича, — черты его характера, его жизнь в быту, в семье, его высказывания и т.д. Хорошо, если бы и дети тов. Панфилова написали или продиктовали свои воспоминания об отце. Пишите подробнее, ничего из написанного не будет лишним». Комиссия также просила вдову героя прислать его фото, письма, копии личных документов Панфилова[264]. Аналогичные обращения направлялись родственникам Доватора и других героев. Если это было возможным, опрашивались все члены семьи.

В случае если выехать для опроса было трудно по причине нахождения вдали от Москвы, сотрудники Комиссии просили прислать воспоминания. Вот как они обращались по этому поводу к бывшей учительнице Тимура Фрунзе М.К. Станчик: «Комиссия обращается к Вам как к воспитательнице Тимура с просьбой написать о нем воспоминания. В воспоминаниях просим осветить психологический облик Тимура, описать его детские годы, его интересы, способности, поведение, высказывания, запомнившиеся Вам наиболее характерные эпизоды. Чем подробнее Вы напишете свои мемуары, тем это будет лучше. Очень просим Вас рассказать, не было ли у Тимура бесед с друзьями и соратниками [его отца] Михаила Васильевича, с кем именно, содержание бесед, как они переживались Тимуром...»[265].

Кроме того, сведения о героях запрашивались в райкомах, в полковых газетах в Информбюро, сотрудники Комиссии изучали и копировали наград-

[261] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 26. Л. 22.
[262] Там же. Л. 99.
[263] Там же. Л. 15.
[264] Там же. Л. 21.
[265] Там же. Л. 34.

ные листы, старались собирать публикации о них[266]. Комиссия делала запросы в военкоматы с целью выявить адреса[267]. В 1942 г. Героев Советского Союза было еще не так много, и первоначально Комиссия ставила задачу собрать сведения обо всех награжденных Золотой Звездой[268]. Обращаясь к редактору газеты «Красный Черноморец» полковому комиссару С.С. Зенушкину, Минц 11 ноября 1942 г. писал: «Комиссия по истории Великой Отечественной войны собирает материал о жизни и деятельности Героев Советского Союза и одновременно готовит к печати 1-й том издания «Герои Советского Союза». Комиссия обращается к Вам с просьбой помочь в организации сбора указанного материала через сотрудников Вашей газеты, военкоров, писателей и других лиц, связанных с частями Черноморского флота». В этом же письме Минц сформулировал требования к писателям, которым поручалось написание очерков о героях: «а) Отсутствие вымысла; б) в очерке должен быть отражен жизненный путь Героя, показано, как он стал Героем; в) точно описаны его боевые подвиги»[269].

В июне 1942 г. было решено поручить написание очерка о 28 героях-панфиловцах писательнице Ольге Форш, которая в то время находилась в эвакуации в Алма-Ате[270]. Ей была дана следующая инструкция: «Комиссия обращается к Вам с просьбой собрать материал о 28 героях путем стенографирования или личной записи родных и товарищей погибших героев. Комиссию интересуют следующие вопросы: биография героя, боевая деятельность, личные черты характера, отдельные боевые эпизоды. Желательно, чтобы эти данные нашли отражение в стенограммах или записях. Стенограммы должны быть исправлены и подписаны авторами воспоминаний...». Важно отметить, таким образом, что при написании очерков о героях господствовал научный — исторический подход, опора на проверенные факты, и не допускалось вымысла, являвшегося нормой в профессии журналиста или литератора.

Отдельным направлением работы Отдела героев стало стенографирование их рассказов. Беседа с выжившим героем считалась обязательной не только как главный источник информации для составления очерка, но и как важнейшая часть работы по сохранению исторической памяти о войне и ее участниках для будущих поколений. Иногда такие беседы длились по 5—6 часов[271]. В некоторых случаях одной встречей дело не ограничивалось, и беседы продолжались в течение нескольких дней. На такие встречи приглашался художник, который тут же делал портретные зарисовки[272]. Фотографированием героев занимался фотохудожник Г.М. Вайль[273].

[266] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 26. Л. 105.
[267] Там же. Л. 117.
[268] Там же. Л. 115.
[269] Там же. Л. 116 об.
[270] Там же. Л. 24, 32.
[271] Там же. Л. 35.
[272] Там же. Л. 154.
[273] Там же. Д. 22. Л. 140.

С 1943 г. в Комиссии стали разрабатываться формуляры на героев. Появилась и картотека героев, систематизированная по национальностям и родам войск[274]. Образец карточки был разослан в республиканские и региональные Комиссии по истории Великой Отечественной войны[275], которые также начали вести картотеки героев-земляков. Например, Красноярская краевая Комиссия по составлению летописи событий Великой Отечественной войны сообщала в Москву, что в г. Красноярске и г. Абакане начали создавать «картотеки» Героев Советского Союза. По решению бюро Крайкома ВКП(б) на это было выделено 60 тыс. рублей[276].

В марте 1943 г. по инициативе Военного совета Московского округа противовоздушной обороны и при участии Комиссии решено было подготовить историко-литературный сборник «Воздушная битва за Москву». Президиум Союза советских писателей выделил для этой работы бригаду из лучших литераторов, включая А. Толстого, И. Эренбурга, Л. Соболева, В. Кожевникова, Е. Кригера, Б. Лавренева, В. Шишкова, А. Фадеева, К. Федина. Большинство из них были уже знакомы с историческими начинаниями по участию в 1930-х гг. в проекте М. Горького «История фабрик и заводов». На сей раз при работе над сборником предполагалось осветить боевые подвиги летчиков-истребителей, Героев Советского Союза Титенкова, Катрич, Голубина, Заболотного, Григорьева, Митрофанова и других, а также работу бойцов, командно-политического и инженерно-технического состава по защите Москвы[277]. Этот и параллельная работа по другим проектам отвлекали сотрудников Комиссии от завершения работы над многотомником о героях. 18 февраля 1943 г. Минц предложил Воениздату включить его в издательский план на 1943 г.[278] После долгого обсуждения в январе 1944 г. печатание книги было отложено на неопределенный срок[279]. Вместо этого для ГлавПУРа РККА были написаны 10 листовок о героях[280]. Кроме того, уже после войны, в 1948 г., на базе подготовленного в свое время Комиссией был опубликован отдельной брошюрой очерк о Герое Советского Союза Л.М. Доваторе.

Среди редких публикаций такого рода — изданная в военные годы стенограмма беседы со знаменитым героем-снайпером В.Г. Зайцевым, прославившимся во время Сталинградской битвы. Беседа с ним была проведена сотрудниками Комиссии в апреле и в августе 1943 г.[281] При сравнении оригинальной стенограммы его рассказа и опубликованного текста видно, что опублико-

[274] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 38. Л. 8.
[275] О них см. ниже.
[276] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 27. Л. 74.
[277] Там же. Д. 22. Л. 104.
[278] Там же. Д. 26. Л. 156.
[279] Там же. Л. 272.
[280] Там же. Д. 38. Л. 8.
[281] Там же. Раздел III. Оп. 5. Д. 4. Л. 17—28. Отредактированный текст интервью был опубликован в виде брошюры: Герой Советского Союза В.Г. Зайцев. Рассказ снайпера. Б.м.: Военное издательство Народного комиссариата обороны, 1943 г. / Ред. Герасимов Е.Н. К тексту дано пояснение: «Стенографическая запись беседы Героя Советского Союза комсомольца Василия Зайцева в Комиссии по истории Великой Отечественной войны». Подписано в печать 11 октября 1943 г.

ванный вариант был значительно сокращен и отредактирован — и не только стилистически. Во-первых, был искажен подлинный характер и темперамент Зайцева — весьма самолюбивого и знающего себе цену человека. Были также сглажены некоторые его критические замечания, касавшиеся довоенной службы. Кроме того, в самом конце публикации редакторами был добавлен большой отрывок идеологического плана, который Зайцев не произносил: «На улицах Сталинграда наши пропагандисты ставили так вопрос: «Хочешь жить — убей немца»; «Скажи, сколько ты убил немцев, а я скажу, какой ты патриот». Истребление немецкой живой силы стало почетным делом; поэтому каждый красноармеец стал караулить немцев. Кто больше всех убил немцев, тот и был самый уважаемый человек среди бойцов. Агитатор капитан Ракитянский, любимец бойцов, сам сидел по суткам с винтовкой в руках и в окопах, и на крышах, поджидая фрица. Дождется, убьет его и снова сидит, дожидается другого. Вот это я понимаю — агитатор! Я убил двести сорок два немца, в том числе больше десяти вражеских снайперов, и всегда был уверен, что я хитрее и сильнее немца, что моя винтовка бьет точнее немецкой. Я всегда спокоен и поэтому никогда не боюсь немцев». С учетом сказанного можно предположить, что камнем преткновения при решении вопроса о публикации подготовленной Комиссией книги очерков о героях был именно исторический подход, опора на факты, неприятие вымысла и наличие «неудобных» с идеологической точки зрения событий биографий.

В 1944 г. Отдел героев работал с прежней интенсивностью. Были застенографированы беседы с новыми Героями Советского Союза (например, с участниками форсирования Днепра)[282]. В авиационный полк трижды Героя Советского Союза А.И. Покрышкина в сентябре 1944 г. для записи бесед о легендарном асе выезжали сотрудники Комиссии Логинова и Петров[283]. А.А. Белкин писал 28 ноября 1944 г. начальнику политуправления Львовского военного округа гвардии полковнику М.П. Смольянову: «Я всегда с большим удовольствием вспоминаю гостеприимный прием в 64-й армии, когда Вы стояли в Сталинграде. Надо думать, что в будущей истории Отечественной войны материал, собранный нами в Сталинграде, найдет свое значительное место. Сейчас прошу Вас оказать содействие гв. старшему лейтенанту Петрову Л.Д., кстати, ранее работавшему в Вашей армии, и стенографистке Комиссии Крауз О.В. в их работе по сбору материалов. В их задачу входит запись трижды Героя Советского Союза А.И. Покрышкина и Героев его соединения. Если будет возможно, то хорошо было бы им попасть в 1-ю гвардейскую танковую армию Катукова...»[284].

К весне 1944 г. в общей сложности был собран материал на 3,5 тыс. героев. Сотрудники Комиссии составляли отдельные списки героев по Сталинградской операции, удостоенных за Московскую битву, героев-моряков и др. Велся список героев по областям; продолжала пополняться картотека по нацио-

[282] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 37. Л. 30.
[283] Там же. Д. 26. Л. 332.
[284] Там же. Л. 339.

нальностям и по родам войск[285]. К концу 1944 г. была завершена работа над сводной картотекой. В ней было 6558 карточек с анкетными сведениями по данным наградного отдела НКО и ВМФ.

29 декабря 1944 г., подводя итоги работы Отдела Героев Советского Союза, его руководитель А.А. Белкин указал, что качество стенограмм значительно улучшилось, квалификация сотрудников выросла. Лучшие стенограммы, по мнению Белкина, делала Р.И. Кроль. В.Л. Логинова славилась быстротой стенографии, поэтому сохраняла «колорит языка записываемого героя».

Тем не менее, отмечались и существенные недостатки, среди которых — небрежности в записях дат и фактов. «При стенографировании не следует гнаться за многими мелкими фактами, а записывать основательно центральные события», — говорил Белкин на одном из совещаний. Белкин также отметил, что Л.Д. Петров записывал «только самое основное». По его словам, сотрудницы Б.Е. Корфини и А.П. Серцова не имели подготовки и не должны были проводить стенографирование, но проводили, так как «герои приходили, и отпускать их, не проведя беседы, было жаль, а научных сотрудников не хватало». «Летом в отделе у нас было мало работников, а героев приходило много. Чтобы не потерять героя, мы, стараясь записать всех, пошли на запись от руки. И так как иногда от руки приходилось записывать двух-трех героев в день, то это отражалось на качестве записи. И сейчас иногда приходится записывать по три беседы в день, так что проверять все эти записи просто не успеваешь», — отмечал Белкин.

Р.И. Кроль делилась своим опытом: «Я делаю стенографирование на свой взгляд. Иногда я записываю героя больше как военного человека, иногда — как человека вообще. Но всегда я стараюсь рассматривать героя прежде всего как человека определенной эпохи. Я считаю, что молодые работники у нас ничему не научатся, так как они не с того начинают, с чего они должны были бы начинать. Они не сидели над материалами о Красной Армии, не держали в руках архивных документов, а взялись сразу за такое сложное дело, как собирание материала». Далее она подчеркивала: «Я считаю, что мы должны совершенно четко записать подвиг и военные вопросы, но я считаю, что человек — это прежде всего. <...> Материал для истории военных операций и роста военного мастерства и одновременно показ типичных черт советского человека — вот то, что должно быть целью при стенографировании».

А.Я. Грунт уточнял: «Когда стенографируется герой-командир, целью стенографирования должно быть военное искусство; когда стенографируется рядовой — эта цель может быть меньше достигнута, так как он рассказывает об операции, известной ему и происходящей на очень маленьком участке фронта, и в этом случае целью должен быть человек вообще, но операцию не надо забывать и в том, и в другом случае. Стенографирование, по-моему, складывается из трех элементов: 1) герой, 2) ведущий беседу и 3) стенографистка. Элементы эти неравноценны. <...> Ведущий беседу является главным при стенографиро-

[285] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Д. 37. Л. 31.

вании и должен быть активным и в том случае, когда герой разговорчив. Необходимо направлять беседу. Все, кроме Петрова, страдают плохим знакомством с военным искусством. А это необходимо, так как иначе не сможешь руководить беседой. Бывает и так, что ведущему беседу все понятно в рассказе героя, а стенографистка не понимает и искажает рассказ героя <...> Вот, например, в стенограммах Петрова в каждом герое чувствуется Петров. Нельзя настолько править стенограммы. Иногда кажется, что незачем записывать все повторения героя и шероховатости и корявости его речи. А если очень исправлять стенограммы, то позже получается, что каждый герой был грамотным человеком».

А.Л. Сидоров настаивал на улучшении качества стенограмм: «Ведь даже такие сведения, как то, когда герой стал героем, есть не во всех стенограммах <...> Прошло больше трех лет войны, и нам пора военизироваться, т.е. быть квалифицированными в военных вопросах. По выступлениям товарищей видно, что не всем еще ясно, чем должна являться стенограмма и какие вопросы необходимы, а вот для работников военного отдела совершенно четко известно, что требуется от стенограмм и стенографирования. Я считаю, что стенограммы вовсе не должны обязательно отвечать на те вопросы, которые нам может задать ПУР, а вот показать рост человека от гражданской его профессии до его военной специальности нужно; нужно показать военный путь. Четко показывать в стенограмме, за что герою присвоено это звание»[286].

В 1945 г. членами Комиссии было обработано новых 250 стенограмм бесед с Героями Советского Союза. В июле 1945 г. В.В. Кузин выдвинул предложение о том, что необходимо «поставить цикл лекций по военным операциям Великой Отечественной войны»[287]. Научные сотрудники Комиссии действительно ощущали недостаток специфических военных знаний.

На заседании Отдела Героев Советского Союза 20 марта 1945 г. горячие споры вызвала работа Петрова, которому был поручен сбор материалов о летчике Покрышкине[288]. С одной стороны, было признано правильным то, что Петров по своей инициативе во время командировки провел огромную работу по стенографированию боевых соратников знаменитого аса, рассказавших о своем товарище (всего им было опрошено 12 человек), в результате чего получился объемный портрет героя. С другой стороны, Петров не скрывал, что тексты стенограмм, в том числе и беседы с самим Покрышкиным, были затем подвергнуты им стилистической и смысловой правке. Минц назвал удачей привезенный Петровым комплекс документов о Покрышкине. Сотрудник Комиссии историк Сидоров, поддержав методы работы Петрова, по этому поводу отмечал: «С большим удовольствием посмотрел выправленную стенограмму и с меньшим вниманием — необработанную. Стенограмма интересная... Хорошо показан буйный характер Покрышкина, который помог ему стать также Героем и преодолеть все препятствия на пути к новаторству.

[286] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 15. Л. 27—29.
[287] Там же. Д. 4. Л. 8.
[288] Там же. Д. 15. Л. 18—20.

Правлена стенограмма недостаточно. Встречается много повторений, которые надо было устранить... Не допуская литературных вольностей и сохраняя специфику, надо было отчеканить то, что изложено в стенограмме...». Иной позиции придерживалась сотрудник Комиссии Корфини, которая считала правку недопустимой и настаивала на необходимости сохранить специфику речи Покрышкина и его товарищей. Ее поддержала Серцова: «С правкой стенограммы я совершенно не согласна. Собираясь писать о том или ином герое, я всегда буду пользоваться стенограммой неправленой, так как, выправляя стенограмму, невозможно не допустить ошибки или изменения смысла сказанного героем»[289]. В результате работы Отдела Героев Советского Союза во время войны и в первые послевоенные годы было составлено в общей сложности 7 тыс. досье на героев, в тысяче из них имеются стенограммы или записи рассказов самих этих людей. В настоящее время эти материалы входят в Раздел IV фонда Комиссии в Научном архиве ИРИ РАН.

Другим важнейшим структурным подразделением Комиссии стал **Отдел партизанской борьбы (партизанского движения)**. В своем докладе на упоминавшемся выше Общем собрании Академии наук в 1942 г. И.И. Минц так характеризовал особенности сбора материала о партизанах: «...Собирание этих документов — наиболее трудный процесс. Их надо собирать немедленно, и нужно записывать рассказы партизан, пока еще в ушах раздается артиллерийская стрельба, ибо пройдет некоторое время, все это начнет забываться <...> Если мы запоздаем со сбором этого материала, может быть, будем впоследствии рассказывать не то, что было, и не то, что делал тот или другой партизан, а то, что он сделал бы, если бы он сейчас попал в такое положение. Вот почему мы считаем необходимым иметь целые группы, которые ездят на фронт, которые опросили около 200 командиров, комиссаров и наиболее активных участников отдельных партизанских отрядов. Такая же работа ведется в 10 районах освобожденной Смоленской области, такая же работа ведется в Туле, Калининской области и т.д.»[290]. В отличие от воинских подразделений, ведших документацию, история партизанского движения могла базироваться почти исключительно на изустных рассказах самих партизан. Поэтому отдел уделял первостепенное внимание стенографированию бесед с ними.

Сбор материалов по истории партизанского движения начался в связи с изучением событий обороны Москвы уже с января 1942 г. — за полгода до того, как примерно 20 июля 1942 г. было оформлено создание в Комиссии специального Отдела партизанского движения. Его руководителем стала Надежда Сергеевна Трусова. Первыми сотрудниками, приступившими к сбору данных о партизанах, стали зимой 1942 г. Е.Н. Городецкий, Л.М. Зак, П.И. Белецкий и прикомандированные к Комиссии политработники, в частности, батальонный комиссар К.И. Чирва. Все они записывали интервью, собирали

[289] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Д. 15. Л. 18—20.
[290] АРАН. Ф. 2. Оп. 4. Д. 32. Л. 198.

материалы о партизанах — в том числе о Героях Советского Союза (Кузине, Гурьянове, Солнцеве, Зое Космодемьянской). Помимо записи интервью, шел сбор разного рода документов, партизанских газет и газет, издававшихся противником на захваченных им территориях.

13 апреля 1942 г. Минц писал секретарю МК ВКП(б) по пропаганде Поздееву: «За январь, февраль и март месяцы 1942 г. Комиссия по составлению Хроники обороны Москвы имела возможность провести сбор материалов по тем районам Московской области, которые были оккупированы фашистами. Наши работники привезли богатый материал, который может быть использован для написания не только брошюр для массового читателя, но и более глубоких по содержанию исторических работ по теме «Подмосковные партизаны в борьбе с немецкими захватчиками».

Всего, таким образом, мы собрали материал по следующим районам: 1. Лотошинской, 2. Шаховской, 3. Боровский, 4. Волоколамский, 5. Верейский, 6. Осташевский, 7. Можайский, 8. Рузский, 9. Угодско-Заводской, 10. Высоковский, 11. Клинский, 12. Солнечногорский, 13. Высокиничский, 14. Нарофоминский, 15. Серпуховской, 16. Подольский, 17. Звенигородский.

Комиссия совершенно не провела сбора материалов по следующим районам Московской области: 1. Уваровский, 2. Коммунистический, 3. Ново-Петровской, 4. Истринский, 5. Малоярославецкий, 6. Дмитровский, 7. Каширский, 8. Краснополянский, 9. Зарайский, 10. Красногорский, 11. Химкинский.

Несмотря на то, что вышеперечисленные районы были оккупированы частично, тем не менее, они представляют определенный интерес для Комиссии, а поэтому прошу Вашего совета, в какие районы в первую очередь следует послать работников для сбора материалов»[291]. К ноябрю 1942 г., по данным Трусовой, были «обследованы все районы Московской области, которые были оккупированы немцами, произведены необходимые стенографические записи»[292].

К лету 1942 г. сбор материалов о партизанах вышел за рамки собственно Подмосковья, что стало поводом для создания отдела по этой тематике. В июне 1942 г. в Смоленскую область для сбора материалов был командирован А.Л. Минаев[293]. К 30 сентября 1942 г. документы о партизанах были собраны в 23 районах Московской области (застенографированы беседы с 248 участниками партизанского движения). В Смоленской области в это время работа велась в 21 районе (опрошены 72 человека), также продолжалась работа в трех районах Ленинградской области (были опрошены 3 человека), в Тульской области (7 человек). В самом начале находилось изучение Комиссией партизанского движения в Белоруссии (к сентябрю 1942 г. здесь опрошены только 9 человек)[294].

[291] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Д. 28. Л. 23. Впоследствии в этих районах материалы по истории партизанского движения тоже были собраны.
[292] Там же. Д. 2. Л. 12.
[293] Там же. Д. 23. Л. 172.
[294] Там же. Д. 16. Л. 1.

План Комиссии на 1943 г. по партизанскому движению предусматривал не только продолжение сбора материалов, но и подготовку на их основе нескольких изданий: сборника под рабочим названием «Истра» (о разрушениях культурных памятников в г. Истре, срок — к началу февраля 1943 г., ответственный Белкин)[295]; книги «Партизаны — Герои Советского Союза» (ответственная Трусова; срок — конец 1943 г., впоследствии она по неизвестным причинам была исключена из плана)[296].

В течение 1943 г. были собраны материалы по партизанам Смоленщины — по 15 отрядам и бригадам, по 16 отрядам и бригадам Орловской области, по 35 отрядам Украины и Белоруссии. Сверх плана шла работа по партизанам Калининской области, а также по деятельности Центрального и фронтовых штабов партизанского движения. В результате бесед с партизанами в 1943 г. было собрано 187 стенограмм[297]. П.И. Белецкий для сбора документов выезжал в Калинин (ныне Тверь); Ф.Л. Еловцан выезжала в Штаб партизанского движения Западного фронта, Трусова установила связь на предмет интервьюирования и сбора документов о партизанах и подпольщиках с партийными руководителями Украины и Белоруссии[298].

Комиссия стремилась действовать как можно более оперативно. 29 сентября 1943 г. — менее чем через два месяца после освобождения Орла — Минц направил следующее письмо секретарю Орловского обкома ВКП(б) Матвееву: «...Я прекрасно понимаю, что Вам сейчас не до истории, но сейчас история так переплелась с современностью, что я позволю себе обратиться к Вам с большой просьбой <...> Разумеется, собирание материала по истории партизанского движения, точнее, запись активных участников партизанского движения имеет особое значение, ибо партизанское движение оставляет меньше документального материала, чем регулярные части.

Мы направляем к Вам старшего научного сотрудника капитана Белецкого для сбора материала о партизанском движении в Вашей области. Задача наша сводится к тому, чтобы помочь и Вам собрать материал об орловских партизанах.

Очень прошу Вас как участника и организатора и одного из руководителей партизанского движения в Орловской области уделить некоторое время капитану Белецкому и рассказать ему то, что Вы находите нужным, о Вашей работе.

Одновременно прошу Вас помочь капитану Белецкому в сборе воспоминаний и стенографировании по Вашему указанию активных участников партизанской борьбы»[299].

П.И. Белецкий провел большую работу в Орловской области. Его сохранившийся отчет об этой командировке от 30 октября 1943 г. прекрасно иллюстрирует методику и цели Комиссии в отношении собирания фактов и документов

[295] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Д. 6. Л. 23.
[296] Там же. Д. 38. Л. 8.
[297] Там же. Л. 3.
[298] Там же. Л. 20.
[299] Там же. Д. 28. Л. 93—93 об.

по истории партизанского движения: «За время командировки мною проделано следующее: I. Проведено бесед под стенограмму всего 22, в том числе: с т. Горшковым (генерал-майор, начальник объединенного штаба партизанских бригад западных районов Орловской области); с Польским (полковник, помощник начальника объединенного штаба); Потапенко (подполковник, начальник разведотряда объединенного штаба); Фирсановым (полковник, начальник УНКВД по Орловской области); Ромашиным (Герой Советского Союза, председатель облисполкома); Ижукиным (Герой Советского Союза); Ефименковым (секретарь Новозыбковского подпольного окружкома ВКП(б); Потемкиным (секретарь Новозыбковского подпольного окружкома ВЛКСМ). Остальными беседами освещены основные моменты истории партизанских бригад военнослужащих: Ворошилова № 1, Ворошилова № 2, им. Пожарского, им. Суворова.

II. В отношении документов уяснено:

А.

1. Большое количество документов имеется в оперативной группе обкома ВКП(б). Кроме 57 папок (опись прилагается), в группе имеется: а) несколько папок с разрозненными экземплярами газет, издававшихся оккупантами в г. Орле и некоторых районах области, листовки немецкого командования к партизанам; б) газеты-листовки, издававшиеся в партизанских отрядах, бригадах и райкомах партии.
2. Большое количество документов оперативно-тактического и др. военного характера находится в объединенном штабе партизанских бригад западных районов Орловской области. Примечание: Так как работа свертывается, куда будут переданы все эти документы — я уяснить не мог.
3. Несколько папок с официальными документами оккупантов, рисующими оккупационный режим в области, находятся у начальника УНКВД т. Фирсанова.
4. В областном архиве начинают также откладываться материалы.
5. Много документов зарыто партизанскими отрядами (бригадами) в лесах (судя по словам тт. Ромашина, Князева и др.).
6. Документы имеются также у отдельных работников, как личный архив (например, у т. Михайлина имеется подшивка орловской газеты за 1942 г.).

Б.

Партизанское движение в районах Орловской области, особенно в военном отношении, руководилось из трех центров: Брянский фронт (Орловская область), Западный фронт (Смоленская область), Белорусским штабом партизанского движения.

Таким образом, документы по орловским партизанам можно найти также в Смоленском обкоме (штаб Западного фронта) и в Белорусском штабе партизанского движения.

В.

Так как на территории районов Орловской области определенное время побывали партизаны Черниговской области, Сумской области и некоторых

других, причем эти отряды пополнялись за счет местных партизанских отрядов и увели их с собой в другие области, то материалы по орловским партизанам можно найти также: в партизанских соединениях Героев Советского Союза Федорова, Попудренко, Ковпака, Сабурова»[300].

В 1944 г. сотрудник Комиссии Ф.Л. Еловцан выезжала на Украину в Киев и Ровно, записала рассказы 22 партизан. В Крыму Трусова и Белецкий опросили 40 человек. Также собирались материалы о партизанах — Героях Советского Союза Ковпаке, Дуке, Милютине, Ромашке, Ковченко, Минькове, Мачульском, Наумове и других. Продолжался сбор материалов по Белорусской, Смоленской и Орловской областям. Всего за первую половину 1944 г. было собрано 136 стенограмм, получено 13 рукописей и 15 папок с документами на эту тему[301].

В 1944—1945 гг. значительный материал был собран по партизанскому движению на Украине. Сотрудники Отдела ездили в командировки в Белоруссию, Крым и Прибалтику, а также записывали партизан, находившихся в Москве на учебе, лечении и др.[302].

Наиболее серьезная исследовательская и организационная работа была проведена сотрудниками отдела в главном партизанском крае — Белоруссии. Н.С. Трусова вспоминала, что однажды добилась встречи с белорусскими партизанами лишь благодаря случайности: их командиру запомнился еще довоенный разговор с Трусовой во Владивостоке о необходимости бережного отношения к архивам. «В результате, — отмечала она, — было записано все, что можно было записать, и получено все, что можно было получить»[303].

5 сентября 1944 г. секретарь ЦК КП(б) Белоруссии по пропаганде Т.С. Горбунов сообщал И.И. Минцу: «Уважаемый товарищ Минц! Ваши товарищи провели здесь большую работу. Убедительно прошу Вас прислать нам копии стенограмм всех записей, сделанных Вашими сотрудниками. Мы очень просим провести такую же работу по Брестской, Барановичской и Вилейской областям.

В Бресте работал Антифашистский комитет, созданный ЦК КП(б)Б. Работа его представляет несомненный интерес. Далее — интересно подполье Бреста, борьба гарнизона Брестской крепости в первые две недели войны с немецкими захватчиками.

В Барановичах и Витебске очень хорошо было записать о деятельности партийных организаций, об их борьбе с польскими националистическими группами, которых инспирировало эмигрантское польское лондонское правительство.

Все материалы, которые собраны у нас, мы в скором времени пришлем Вам»[304].

В ответном письме И.И. Минц сообщал: «Уважаемый Тимофей Сазонович! Письмо Ваше я получил и очень Вам признателен за помощь, оказанную

[300] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Папка без номера. Листы без пагинации.
[301] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Д. 38. Л. 57—58, 70.
[302] Там же. Д. 37. Л. 42.
[303] Встреча... С. 318.
[304] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Д. 28. Л. 130—130 об.

Вами нашим товарищам в их работе. Но я думаю, что это — помощь и Вам: копии всех материалов, собранных нами, я ведь направляю и Вам.

Имея возможность сравнивать партизанское движение ряда районов, я могу сказать, что Белоруссия представляет особо большой интерес и по размаху движения, и по формам борьбы, и по результатам. Поэтому свою работу в этом отношении будем продолжать.

О Вашем письме я доложу тов. Александрову и получу разрешение послать новую экспедицию в районы, указанные Вами. Предполагаю, что в октябре наши товарищи будут у вас в Минске, а оттуда поедут в Брестскую, Барановичскую и Вилейскую области.

Копии всех стенограмм, записанных в Минске, будут Вам присылать по мере их расшифровки. Все, что останется, привезут с собой товарищи в сентябре. Посылаю Вам два экземпляра Вашей стенограммы. Мне кажется, что рассказ вышел очень интересным. Очень прошу вас один экземпляр стенограммы исправить, если найдете нужным, дополнить и вернуть нам. Буду Вам очень признателен, если Вы пришлете нам материал, характеризующий работу печати в партизанских отрядах. Об этом материале вы говорили тов. Еловцан. Надеюсь, что и другие материалы, собранные Вами, будут поступать также и к нам. <...>»[305].

Материалы по истории партизанского движения сотрудники отдела собирали и сразу после войны. В настоящее время все документы сгруппированы в разделе II фонда Комиссии в Научном архиве ИРИ РАН.

Еще одним важным направлением работы Комиссии стало **изучение взаимодействия фронта и тыла во имя Победы**. Минц так писал по этому поводу: «Отвечая на вопросы миллионов, в чем существо наших успехов, в чем причины наших побед, мы всегда подчеркиваем, что одной из причин наших побед является невиданное в мире единство тыла и фронта <...> Если бы мы опубликовали данные хотя бы о таком процессе, как процесс перевода промышленности, процесс перевода нашей рабочей силы из районов, временно захваченных немцами или районов, которым угрожало нашествие немцев, — это цифры, невероятные по количеству. Эти цифры в будущем будут звучать, как сказки, как былины о богатырях, которые сумели перенести на своих плечах целое государство... Они будут слушать о том, как творческая воля Сталина подняла огромные массы, перевела их в другие районы, и не только перевела, но и пустила процесс производства на этих предприятиях.

Разумеется, мы не можем сейчас еще все эти данные распространять и даже, вероятно, собирать их не будем, но есть в этом процессе некоторые моменты, которые требуют теперь собирания материала. Это прежде всего рассказы рабочих, руководителей предприятий о том, как их конкретный завод — N был переведен с места, где он раньше был, в другой район, какие пришлось при этом преодолевать трудности, какое было проявлено при этом напряжение, доблесть и т.д.

[305] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 28. Л. 129.

Отдельные товарищи, не обязательно историки, исследователи из промышленности, связанные с вопросом техники, понятно, примут в этом деле участие. Они помогут поднять такие вопросы, как вопрос истории развития техники во время Отечественной войны.

Вторая группа вопросов, поднятая по инициативе президента Академии наук Комарова, это вопросы о работе промышленности на оборону, мобилизация ресурсов на оборону страны. Тут опять-таки целый ряд ученых, академиков с привлечением научных институтов и учреждений Сибири и Казахстана, по заранее разработанной схеме, сумеет принять участие в этом и оказать огромную помощь комиссии по собиранию материалов. Это собирание материалов, выполнение этого указания нашего президента имеет для нас исключительное значение.

<...> Наша армия вооружена самой лучшей в мире техникой. Наши танки, наши самолеты по качеству, наше противотанковое оружие и артиллерия превосходят фашистские [аналоги], и в нашу задачу входит показать этот процесс роста и, с другой стороны, перестройку промышленности на военные нужды.

Совершенно как самостоятельный вопрос в этой группе будет вопрос относительно помощи фронту, который выразился и в посылке подарков, и в донорстве, и в сборах в фонд обороны, и в займе и т.д. <...>»[306].

В соответствии с программой, сформулированной в процитированном документе, к июлю 1942 г. в составе Комиссии был сформирован специальный **Отдел военной экономики**, руководителем которого был назначен Н.С. Волков. Деятельность отдела на самом деле охватывала широкий круг вопросов, относящихся не только к экономике, но и к социально-политическим вопросам. На первый взгляд, при крайне ограниченном объеме кадровых ресурсов выполнить все эти планы было практически невозможно. На заседании заведующих отделами Комиссии 24 ноября 1942 г. заведующий отделом Н.С. Волков сообщал: «В ноябре месяце проводилась работа на ряде московских заводов. Закончилась работа на двух предприятиях — завод № 23 в Киевском районе и завод «Красный пролетарий». В декабре будет развернута работа на заводах ЗИС, Геофизики и «СВАРЗ» и на одном предприятии ремесленного ученичества. Связь с райкомами мало что дает. Установлена связь с НКПС и другими наркоматами. В НКПС работают тт. Блинов и Раздобреев. Ведется работа для сборника «Оборона Москвы». Материал собирается на фабрике «Рот-Фронт». О работе метро в дни обороны Москвы материал также собирается. Но вопрос о работе в архиве МК партии еще не разрешен. Установлена связь с нашими Комиссиями в Казани и Свердловске»[307].

В 1943 г. сотрудники Отдела военной экономики собирали материалы для книги «Оборона Москвы» (включая стенографирование участников событий) по темам: «Первое нападение на Москву с воздуха» (Волков), «МПВО отра-

[306] АРАН. Ф. 2. Оп. 4. Д. 35. Л. 208—210.
[307] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.

жает атаки врага» (Драбкина), «Подготовка метро в качестве убежища», «Молодые патриоты столицы», «Эвакуация детей» (Фохт). Также опрашивались работники Московского инструментального завода, завода «Автоприцеп», «Красный пролетарий», завода № 30 и имени Молотова, авиационных заводов № 22 и 23. Всего за 1943 г. была сделана 191 стенограмма. Составлялась картотека Героев Социалистического Труда[308]. В 1943 г. в план работы отдела была добавлена подготовка сборника «Герои Социалистического Труда» (ответственные Волков, Геррес, Драбкина)[309].

Разнообразие экономических и социальных тем, требующих документирования и освещения, явно не совпадало с реальными возможностями отдела, поэтому его сотрудники предлагали сконцентрироваться на приоритетных направлениях, которые, однако, не были сформулированы. На совещании 26 октября 1943 г. в присутствии И.И. Минца Драбкина отметила, что «перспективы отдела не ясны». Геррес подчеркнул, что «в работе отдела нет достаточной целеустремленности». Он считал, что название отдела не отражает всех направлений его работы. И.И. Минц так высказался о своем видении основных задач и направлений работы отдела:

«1. Собирать материал по экономике Москвы и разработать <...> главы из книги «Оборона Москвы»; 2. Надо поддержать предложение Драбкиной — закончить работу по участию населения Москвы в дни ее обороны; 3. Надо продолжить работу по изучению заводов. Почему оставили такую тему, как «Четверть века одного авиазавода»? Ведь на одном заводе можно показать все. Можно составить серию отдельных предприятий. Не обязательно взять завод имени Сталина, можно взять, например, Толевый завод[310]; 4. Отдел должен руководить работой местных комиссий (составление письма об их работе, обмен опытом и т.д.). Комиссии могут сами составлять историю заводов. Им надо помочь и этой работой руководить. 5. Необходимо дальше развернуть работу по Героям Социалистического Труда, заимствуя в этом отношении опыт нашего отдела Героев Советского Союза. 6. Следует изучить газетный и журнальный материал экономики страны за годы Великой Отечественной войны, дать оценку ему и показать, как следует дальше разрабатывать этот материал. 7. Мы должны посмотреть, как отображает хроника работу местной промышленности. 8. Нам необходимо поддерживать связь с соответствующими аналогичными отделу организациями, изучать их опыт».

Таким образом, Минц вновь настаивал на программе действий, которую, объективно говоря, нереально было реализовать в военных условиях силами всего нескольких сотрудников отдела. На данном совещании руководитель

[308] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 38. Л. 3.
[309] Там же. Д. 6. Л. 23—23 об.
[310] Работу по столичному Автозаводу им. Сталина начала в сентябре 1942 г. Е.М. Грицевская. Она ездила в г. Ульяновск на эвакуированное туда предприятие, провела производственное совещание по организации написания истории завода силами заводских работников. В фонде Комиссии отложилось четыре дела по работе на этом заводе.

отдела Волков предложил сконцентрироваться на ключевых экономических проблемах в региональном разрезе, в частности, «приступить к изучению вопросов экономического характера по Донбассу и Орловской области»[311].

В 1944 г. сотрудники Отдела экономики продолжали сбор материалов на предприятиях Москвы и Московской области. Другими ведущими темами являлось восстановление экономики Донбасса (Волков, Геррес), сбор документов о Героях Социалистического Труда военных лет (Вишеров), сбор материалов о метро и Метрострое в годы войны (отв. Фохт; ее работа началась с очерка «Подготовка метро в качестве убежища»). Волков в 1944 г. выезжал в Сталино, Мариуполь, Запорожье для стенографирования бесед и сбора других материалов[312].

В отчете отдела за 1944 г. говорилось: «За этот год состоялось 39 заседаний Отдела. Два раза мы имели длительные совещания с участием члена-корреспондента АН СССР т. Минца. Отдел разработал вопросники по темам: Эвакуация промышленности и транспорта и Восстановление народного хозяйства в освобожденных районах. О своевременности разработки последней проблемы свидетельствует 16 телеграмм товарища Сталина в Донбасс и Мосбасс в 1944 г., в которых он выделял главные звенья развертывания восстановительных работ. Вопросы периодизации и очередности описания восстановления народного хозяйства обсуждались неоднократно в отделе, а также в Сталинской областной и Сталиногорской городской комиссиях по составлению хроники Отечественной войны.

Следует констатировать выполнение основного плана работы Комиссии по нашему отделу за 1944 г. Но широко развернуть свою работу отдел не мог вследствие малочисленности состава (4 научных сотрудника). <...> В работе сотрудников Отдела 1944 г. во всех отношениях является переломным. Прежде всего достигнуты определенные успехи в собирании материалов. Собрано 199 стенограмм <...> За этот же год поступило много докладных записок, отчетов, материалов и т.д.».

В целом в 1944 г. можно выделить три приоритетных темы отдела. Во-первых, «Московская промышленность и транспорт в обороне столицы» (отв. А.В. Фохт). По этой тематике был собран разнообразный материал. Велось изучение архивных материалов и стенографирование рассказов работников следующих московских предприятий: «Серп и Молот», Дорхимзавод им. Фрунзе, Бутырский химзавод, Комбинат твердых сплавов, Трехгорная мануфактура и др.[313]. Для сбора документов, как и в 1930-е годы во время работы по «Истории фабрик и заводов», привлекались сами работники предприятий[314]. Кроме того, началось изучение научных учреждений в годы войны. С этой целью А.В. Фохт составила инструкцию для написания истории научных учреждений и науки[315].

[311] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 2. Л. 16—16 об.
[312] Там же. Л. 15.
[313] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Д. 38. Л. 110—110 об.
[314] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.
[315] Там же. Д. 1. Л. 58—61.

Второй приоритетной темой работы отдела стало «Восстановление Подмосковного угольного бассейна»[316]. Третьей — восстановление угольной и металлургической промышленности Донбасса. Были также собраны данные по 12 Героям Социалистического Труда[317].

Четыре сотрудника отдела были явно перегружены работой. Кроме того, они привлекались и к деятельности других отделов Комиссии. В результате количество собранных материалов по военной экономике и социальной сфере значительно меньше по сравнению с тем массивом источников, которые отложились в результате работы других отделов. Тем не менее, эти материалы представляют значительный интерес, особенно для изучения тыла времен Великой Отечественной войны. В настоящее время они сгруппированы в Разделе V фонда Комиссии в Научном архиве ИРИ РАН.

И.И. Минц уделял большое внимание созданию отделений или филиалов Комиссии на местах, которые действовали, как правило, на общественных началах (поручения проводились через решения партийных или советских органов). Такие отделения или комиссии работали в нескольких республиках, на уровне регионов (области, районы), а также в воинских частях, на предприятиях, в учреждениях культуры, в научных организациях и др. Таким образом, Комиссия имела довольно разнообразную и разветвленную сеть родственных подразделений на местах. Часть из них была активна, другие — нет. Все они были разной ведомственной подчиненности. Часть структур существовала в течение всего нескольких месяцев — на время сбора материалов по своей истории, другие работали более или менее постоянно. Очевидно, что координация деятельности этих подразделений представляла большую проблему, усугублявшуюся чрезвычайными условиями военного времени. Научным сотрудникам Комиссии требовалось, таким образом, быть не только учеными, но и обладать незаурядными организаторскими способностями.

Одним из первых после упоминавшегося выше Общего собрания Академии наук в мае 1942 г. в Свердловске был создан филиал Комиссии на базе Академии наук. Главой филиала стал академик В.П. Волгин, членами его руководящего бюро — профессора Б.Г. Кузнецов, В.В. Данилевский и др.[318] Ими был разработан план работы, который предусматривал, в частности, сбор материалов о 3-й гвардейской (Уральской) дивизии[319].

В июле 1942 г. Комиссия выступила с инициативой создания сети республиканских и областных комиссий в составе 3—5 человек. Они должны были использовать в своей работе существующие научные учреждения, общественные организации, редакции газет и журналов. Общие задачи работы формулировались следующим образом: «...собирание материалов по истории Отечественной

[316] Этим направлением занимался Геррес, который умер в 1944 г. После его смерти работа выполнялась новым сотрудником Отдела полковником Логиновым.
[317] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Д. 38. Л. 110—110 об.
[318] АРАН. Ф. 2. Оп. 4. Ед. хр. 35. Л. 63.
[319] Там же. Л. 204.

войны: о партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и других общественных организациях в Отечественной войне, о перестройке и мобилизации промышленности и сельского хозяйства на войну, о героях фронта и тыла, о социалистическом соревновании, о помощи фронту и т.п.»[320]. Соответствующее инструктивное письмо было направлено за подписью «куратора» Комиссии Минца — заведующего Управлением пропаганды и агитации ЦК партии Г.Ф. Александрова в адрес руководителей Украины, Белоруссии, Эстонии, Латвии, Литвы, Карело-Финской республики, Узбекистана, Туркмении, Таджикистана, Грузии, Армении, Азербайджана, а также российских областей — Ивановской, Калининской, Тульской, Ярославской, Сталинградской, Горьковской, Куйбышевской, Саратовской, Свердловской, Челябинской, Молотовской, Кировской и г. Ленинграда[321]. Координировать и осуществлять методическое руководство этой работой на региональном уровне должен был специально созданный в составе Комиссии к июлю 1942 г. **Отдел национальных республик**.

Судя по документам, к сентябрю 1942 г. были созданы комиссии в Иваново-Вознесенской области, Дагестане, Северной Осетии, Белоруссии, Литве и Эстонии, при Украинской академии наук, в Киргизской республике[322]. Отдел национальных республик Комиссии состоял всего лишь из трех сотрудников: Э.Б. Генкиной (заведующая), А.И. Федяевой и Р.И. Голубевой. Первоначально они самостоятельно собирали в центральных газетах информацию о жизни национальных республик во время войны и планировали сделать сборник «Дружба народов СССР в Великой Отечественной войне» (о нем речь шла на совещании отдела 20 августа 1942 г.)[323]. По всей видимости, этот сборник так и не был подготовлен, но в 1943 г. вместо него появился сборник «Национальные республики в помощь Москве, Сталинграду, Ленинграду». Сотрудники отдела установили творческие контакты со всеми филиалами — комиссиями, образованными в союзных республиках[324].

Кроме того, в план на 1943 г. входило продолжение формирования комиссий по истории Великой Отечественной войны в союзных и автономных республиках (срок — к 1 марта 1943 г., ответственная Генкина). Было намечено проведение в Москве совещания филиалов Комиссии, работающих в союзных и автономных республиках. Однако в силу отсутствия рабочих рук (в марте 1943 г. Генкина сообщала, что в отделе, помимо нее, трудится только Федяева) в полной мере осуществить планы не удалось. Федяева вела в основном библиографическую деятельность. Главная же задача — организационная работа, инструктирование филиалов с выездом на места, созыв методических совещаний и проч. — требовала дополнительных сотрудников. Соответствен-

[320] *Курносов А.А.* Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР: (Организация и методика собирания) // АЕ за 1973 г. М., 1974. С. 121.
[321] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 22. Л. 39—40.
[322] Там же. Л. 55.
[323] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Д. 2. Л. 4.
[324] Там же. Дело 38. Л. 7.

но, отдел отставал в сборе материалов. Минц по этому поводу отмечал: «Надо отвести упрек в том, что одни наши отделы собрали материал, а другие, как Отдел национальных республик, еще не собрали. К этому отделу должен быть особый подход — мы поднимаем новое дело <...> Основное в работе — прежде всего проследить за тем, чтобы на местах были созданы комиссии, и чтобы комиссии развернули работу». Минц также предлагал показать роль республик в обороне Москвы, Ленинграда, Сталинграда[325]. Важной задачей, по его мнению, было собрать материал о национальных формированиях в РККА, например, о Латышской и Туркменской дивизиях и их участии в боях[326].

Б.Л. Лихтер в июне 1943 г. была направлена в Казахстан для сбора материалов о роли республик и народов Казахстана и Узбекистана в обороне Москвы[327]. Она также подготовила инструкцию для национальных комиссий по сбору материалов о войне[328].

В начале 1943 г. Р.И. Голубева продолжила начатую ею в 1942 г. работу по истории 43-й гвардейской Латышской дивизии. Она вспоминала, что, когда в 1942 г. ей был поручен сбор материалов о латышских воинских частях, она, заручившись поддержкой А.Я. Пельше (тогда секретаря ЦК КП(б) Латвии), направилась в 201-ю Латышскую стрелковую дивизию. Там состоялись первые записи бесед с командирами, бойцами и политработниками. В 1943 г. Голубевой были записаны рассказы о действиях дивизии в 1941 г. под Боровском и Наро-Фоминском, где начался боевой путь соединения, а также о боях в районе Демянского плацдарма. Стенографирование бесед с латышами было продолжено во время поездок Голубевой в 1944—1946 гг. в 130-й Латышский стрелковый корпус[329]. В итоге Комиссией был собран уникальный мемуарный и документальный материал о боевом пути латышских частей в годы войны[330]. Книга по истории латышской дивизии была написана Р.И. Голубевой уже после войны. Материалы Отдела национальностей Комиссии, к сожалению, плохо сохранились, они отложились в разделе VII (всего 49 единиц хранения) современного фонда Комиссии Минца в Научном архиве ИРИ РАН.

В 1944 г. в структуре Комиссии произошли изменения. Был ликвидирован Отдел национальных республик, но в январе 1944 г. был создан новый **Отдел «Оккупационный режим и восстановление органов Советской власти»**[331]. Заведовать новым отделом стала Э.Б. Генкина[332].

К началу 1944 г. Комиссией, в том числе в рамках сбора документов по истории партизанского движения, военной экономики и др., был накоплен большой опыт работы по истории германского оккупационного режима. Осе-

[325] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 2. Л. 15.
[326] Там же. Л. 15.
[327] Там же. Д. 22. Л. 126.
[328] Там же. Д. 8.
[329] Собранные материалы по дивизии см. Раздел I. Опись 16.
[330] Встреча... С. 318.
[331] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 3. Л. 14; Д. 38. Л. 117.
[332] Там же. Д. 37. Л. 41—41 об.

нью 1943 г. А.Л. Сидоров побывал в освобожденном советскими войсками Харькове и привез богатую подборку материалов об оккупационном режиме в городе, которые были дополнены 63 стенограммами бесед с харьковчанами, собранными Р.И. Голубевой. Тема немецкого оккупационного режима имела не только научное, но и политико-пропагандистское значение. Накануне этой командировки, 21 сентября 1943 г., И.И. Минц писал секретарю по пропаганде ЦК КП(б)У Литвину: «Тов. Александров считает нужным, наряду со всей работой, сейчас собрать и записать две-три сотни харьковских жителей о хозяйничанье немцев в Харькове»[333].

В начале 1944 г. в связи с активным освобождением ранее оккупированных территорий и восстановлением на них советской власти эта тема вошла в число приоритетных. Поэтому было принято решение о создании в структуре Комиссии специального отдела. В основу его работы на 1944 г. была положена задача сбора материалов, главным образом в находившихся в оккупации в течение нескольких лет Украине и Белоруссии[334].

В первом квартале 1944 г. Генкина с бригадой была в командировке в Мелитополе (ею привезены 73 стенограммы бесед с местными жителями, в том числе 13 — непосредственно об оккупационном режиме), а Лихтер — в районе Донбасс — Сталино (привезены 72 стенограммы бесед, из них около половины по оккупационному режиму). Кроме того, в марте 1944 г. состоялась поездка Белкина в Киев (привезено 28 стенограмм по оккупационному режиму, респонденты — от академика до воспитателя детского дома)[335]. Генкина полагала, что материалы, изданные при фашистах, необходимо перевозить лишь секретным порядком, в соответствии с существующей на этот счет инструкцией. Она также упомянула, что привезла из Мелитополя школьные учебники, по которым дети учились во время оккупации[336]. В итоге уже в первом квартале 1944 г. Комиссией были собраны материалы по оккупационному режиму в важнейших центрах Украины — Харькове, Киеве, Донбассе, Мелитополе[337].

Продолжением этой деятельности стала поездка во втором квартале 1944 г. сотрудника отдела Е.Д. Черменского в Киев и Одессу. По собранным материалам он писал докторскую диссертацию о зоне румынской оккупации и ее отличиях от немецкой[338].

Во второй половине 1944 г. сотрудники отдела выезжали в командировки в Белоруссию для сбора документов и опроса свидетелей: Лихтер — в Минск (собрано 22 стенограммы), а Миско — в Барановичскую область (собрано 34 стенограммы). Сотрудники других отделов Комиссии тоже по возможности опрашивали людей, бывших в оккупации, привозили документы и сте-

[333] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп.1. Д. 24. Л. 349.
[334] Там же. Д. 3. Л. 14.
[335] Там же. Л. 1.
[336] Там же. Л. 1 об.
[337] Там же. Л. 14.
[338] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Д. 3. Л. 13. Генкина критиковала выбранный для работы ракурс и рекомендовала поменять тему.

нограммы по этой теме. В частности, Еловцан привезла из Минска и Бреста 13 стенограмм, 1 стенограмму из Львова, а Голубева и Грицевская привезли из командировки в Ригу 14 стенограмм[339].

Лихтер, кроме того, собирала материал о том, как немцы хозяйничали в 1941 г. в подмосковных колхозах. Помимо командировок по линии Комиссии, использовались и другие возможности. Например, когда Миско был командирован в Белоруссию в составе пропагандистской группы при ЦК партии, он, не имея возможности стенографировать, вел записи от руки и занимался «организационной работой по созданию местных комиссий и собиранию документации»[340].

Обсуждение работы отдела на редакционном совещании 15 марта 1945 г. выявило разницу в подходах к фиксации событий времен оккупации. И.М. Разгон считал, что нельзя ограничиваться стенографированием лишь руководящих работников, необходимо собирать значительный массив интервью рабочих, крестьян, рядовых партизан. «Живых людей надо дать побольше», — подчеркивал он. Его поддержала Р.И. Голубева, предлагавшая собирать материалы и от «обывателей». Б.Е. Лихтер ей возражала: «Мы не записываем обывателей, мы записываем лиц, пострадавших от немецких оккупантов!» Б.Е. Лихтер и Э.Б Генкина считали, что записывать нужно именно руководящих работников, поскольку они более компетентны и владеют информацией[341].

В первом полугодии 1945 г. были проведены только две командировки — Лихтер ездила для сбора материалов в Эстонию и на Украину. Планировалось объединить усилия с сотрудниками, работавшими над историей партизанского движения[342]. В итоге материалы отдела отложились в разделе VI «Оккупационный режим» фонда Комиссии Минца в современном Научном архиве ИРИ РАН.

Таковы основные направления работы Комиссии в 1942—1945 гг.

В августе 1945 г. И.М. Разгон направил список научных сотрудников Комиссии по истории Великой Отечественной войны для сведения в Управление пропаганды и агитации ЦК партии. В списке, помимо И.И. Минца, Е.Н. Городецкого и И.М. Разгона, значились еще 34 человека: Э.Б. Генкина, А.Л. Сидоров, А.А. Белкин, Н.С. Волков, Е.Я. Шрейбер, В.Е. Никитин, Ф.Л. Еловцан, Р.И. Кроль, Г.Н. Анпилогов, Н.С. Трусова, Р.И. Голубева, Л.А. Вишеров, А.В. Фохт, А.П. Логинов, Б.Л. Лихтер, М.И. Стишов, С.В. Небольсина-Мусина, Е.М. Грицевская, Л.Д. Петров, В.А. Козлова, Т.Г. Бренейзен, А.И. Шамшина, В.Л. Логинова, В.Ф. Кузин, Е.А. Луцкий, О.Н. Чаадаева, Д.Е. Черменский, Т.А. Волжина, А.И. Геронимус, С.М. Драбкина, И.К. Купреев, А.А. Лаврова, А.Л. Минаев, Р.И. Ольша.

К тому моменту началась освободительная миссия Красной армии на Дальнем Востоке, и собирать материалы и интервью о войне с Японией были

[339] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Д. 38. Л. 114.
[340] Там же. Д. 37. Л. 47, 50.
[341] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 4. Л. 2 об.
[342] Там же. Д. 38. Л. 130—130 об.

направлены сотрудники Комиссии Никитин, Еловцан, Вишеров и Грицевская[343].

15 ноября 1945 г. Президиум АН СССР вынес решение о ликвидации Комиссии и образовании на ее основе в составе Института истории АН СССР нового Сектора по изучению истории Великой Отечественной войны под руководством И.И. Минца[344]. Таким образом, вместо самостоятельного Института истории войны он получил сектор в академическом Институте истории. Большинство сотрудников Комиссии перешли сюда на работу. В архиве Комиссии сохранилась выписка из протокола № 20 Распорядительного заседания Президиума АН СССР:

«15 ноября 1945 г.

4. О Комиссии по составлению хроники ВОВ. Докладчик — академик В.П. Волгин.

1. Признать, что Комиссия по составлению хроники Великой Отечественной войны, организованная для собирания материалов во время войны, выполнила свои задачи.

2. В связи с окончанием войны считать работу Комиссии по составлению хроники ВОВ законченной и с 1 декабря ее ликвидировать. Объявить благодарность за проделанную работу профессору Г.Ф. Александрову и чл.-корр. АН СССР И.И. Минцу и всем работникам Комиссии.

3. Материалы Комиссии учесть, составить аннотации и передать в Институт истории.

4. Передать также в Институт истории:

— 35 единиц штата Комиссии

— кандидатскую и докторантскую аспирантуру Комиссии

— библиотечный фонд Комиссии

— хозяйственный инвентарь Комиссии.

5. Образовать в Институте истории специальный сектор для изучения истории Отечественной войны, возложив его руководство на член-корреспондента АН СССР И.И. Минца.

6. Просить секретариат Главной редакции ИГВ сохранить за сектором помещение, занимаемое Комиссией по составлению хроники Великой Отечественной войны.

7. Остатки ассигнований Комиссии на 1945 год передать в распоряжение Институту истории, для организации работы вновь образованного сектора.

Президент АН СССР академик С.И. Вавилов

Академик-секретарь АН СССР академик Н.Г. Бруевич»[345].

Приказ о ликвидации Комиссии был подписан в декабре 1945 г.[346]

---

[343] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 22. Л. 216—218.

[344] *Левшин Б.В.* Деятельность Комиссии по истории ВОВ, 1941—1945 гг. // История и историки: Историографический ежегодник, 1974. М., 1976. С. 317.

[345] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Папка без названия. Листы без пагинации.

[346] Там же. Оп. 1. Д. 36. Л. 3.

В 1942—1945 гг. Комиссия Минца, включая рабочие комнаты сотрудников и архив для хранения собранных документов и стенограмм, территориально располагалась по адресу: ул. Коминтерна, д. 9[347]. Это здание занимал секретариат Главной редакции «История Гражданской войны» (ИГВ) и одноименное издательство ОГИЗа. Фактически существовавший с 1930-х гг. секретариат ИГВ в трудные военные годы приютил у себя Комиссию. Это соседство было естественным не только в силу исторического характера обоих начинаний и родственности тематики историй Гражданской и Великой Отечественной войн. И.И. Минц (в 1931—1949 гг. он был ответственным секретарем ИГВ) фактически возглавлял во время войны одновременно оба проекта. Часть научных сотрудников тоже параллельно работали в редакции ИГВ и Комиссии[348]. Понимая исключительное научное значение собранных во время войны материалов, Минц настоял на том, чтобы архив Комиссии тоже располагался у него «под боком» — рядом с архивом Секретариата редакции ИГВ. Документы Комиссии оставались там даже после того, как сама Комиссия в конце 1945 г. была ликвидирована с преобразованием ее в Сектор истории Великой Отечественной войны Института истории АН СССР[349] (в 1947 г. на основе этого сектора в Институте был создан Сектор истории советского общества). Преемственность и независимость подчеркивалась и тем, что сектор остался в здании Комиссии на ул. Коминтерна, тогда как сам Институт истории располагался на Волхонке.

В 1946 г. в Секторе истории Великой Отечественной войны Института истории работало несколько десятков бывших сотрудников Комиссии. Сектор — самый большой по численности в институте — состоял из нескольких групп по основным направлениям работы бывшей Комиссии, что подчеркивало их преемственность. Помимо И.И. Минца (заведующий), здесь работали его заместитель И.М. Разгон, А.Л. Сидоров (руководитель группы истории народного ополчения), Н.С. Трусова (руководитель группы истории партизанского движения), А.А. Белкин (руководитель группы Героев Советского Союза), Н.С. Волков (руководитель группы по изучению тыла в Великой Отечественной войне)[350]. Дополнительный вес новому сектору придавало то обстоятельство, что у Минца сохранялись хорошие связи в ЦК партии.

10 июля 1946 г., строя новые научные планы уже в рамках Института истории АН СССР, Минц отмечал в одном из писем: «В пятилетку Института истории мы вставили три темы: история народного ополчения Москвы, раз-

[347] В 1946 — начале 1990-х гг. — ул. Калинина и проспект Калинина. Ныне ул. Воздвиженка.

[348] И.И. Минц был освобожден от должности ответственного секретаря 11 апреля 1949 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) // Сонин А.С. Борьба с космополитизмом в советской науке. М., 2011. С. 551. В опубликованной дневниковой записи Минца это событие датировано 18 июля 1947 г. («в связи с переходом на договорные отношения») // «Из памяти выплыли воспоминания...» Дневниковые записи, путевые заметки, мемуары академика И.И. Минца / Сост., авт. комм. В.Л. Телицын. М., 2007. С. 82. Несовпадение дат составителем не прокомментировано.

[349] Этот сектор необходимо отличать от Военно-исторического сектора, который был создан в Институте истории в 1944 г.

[350] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 262а. Приказы по Институту истории за 1945 г. по лс. Л. 178—179.

гром немцев под Москвой, Сталинградская битва. Вопрос о работе Комиссии, разумеется, не решен еще. Кто будет заниматься историей Отечественной войны в широком смысле слова, пока еще неизвестно, но уже сейчас, мне кажется, на пять лет можно план увеличить. В частности, надо вставить работы о Героях Советского Союза. Во-вторых, надо вставить какие-нибудь две операции, скажем, Орловско-Курское сражение и, предположим, битва за Белоруссию или что-нибудь в этом роде. Кроме того, необходимо дать название нескольких публикаций документов или воспоминаний. Например: партизанское движение 1941—44 г. в рассказах его участников (белорусский сборник, смоленский сборник, крымский сборник, рейд Ковпака, Наумова и т.п.). Подумайте, посоветуйтесь с товарищами, и завтра мы отошлем в ЦК наш проект»[351].

Позицию Минца проясняет также составленный им в июле 1946 г. проект постановления Военного совета бронетанковых механизированных войск о необходимости «приступить к собиранию материалов для составления: а) научно-популярной книги «Советские танкисты в боях за родину» для массового распространения и б) многотомной исследовательской работы о танковых войсках в Великой Отечественной войне». Для создания последней, по мнению Минца, необходимо было создать комиссию из генерал-полковника И.И. Бирюкова, д.и.н. И.М. Разгона, писателя Михаила Брагина. Комиссия должна была подготовить докладную записку в правительство с просьбой разрешить подготовку и издание этой работы. «Первоочередным считать подбор материалов, отражающих роль Верховного главнокомандующего товарища Сталина в создании и руководстве танковых войск»[352], — отмечалось в проекте.

В 1946 г. бывшие сотрудники Комиссии, будучи уже в штате Института истории, продолжали опрашивать участников войны, собирать материалы из прессы и литературы, составлять летопись войны. Они готовили к публикации сборники и брошюры о Героях Советского Союза и боевых операциях Великой Отечественной войны. Но ни одна книга опубликована так и не была[353].

Весной 1947 г. в Институте истории было принято решение «о слиянии секторов Истории СССР советского периода и Истории Великой Отечественной войны»[354]. Это было сделано «в целях усиления исследовательской работы в области истории СССР Советского периода и периода империализма, более правильной расстановки кадров и рационального использования имеющихся сил». Руководителем нового «советского» сектора был поставлен избранный к тому времени академиком И.И. Минц. В секторе продолжили работу его бывшие соратники по Комиссии: старшие научные сотрудники Д.А. Ба-

[351] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 45. Л. 67.
[352] Там же. Л. 71—71 об.
[353] Там же. Л. 22—25 и др.
[354] Протокол совещания при директоре института от 4 марта 1947 г. // НА ИРИ РАН. Ф.1. Оп. 1. Д. 374. Л. 14. Доклад по этому вопросу сделал В.И. Шунков; приказ об образовании сектора от 12 марта 1947 г. // Там же. Д. 366. Л. 18.

евский, Э.Б. Генкина, А.П. Кучкин, Б.Л. Маркус, П.Н. Шарова, И.М. Разгон, Н.С. Трусова, Н.С. Волков, А.А. Белкин, а также м.н.с.: А.М. Гуревич, А.А. Матюгин, Г.Г. Морехина, Е.Б. Петропавловская, Г.Н. Анпилогов, Р.И. Голубева, М.И. Стишов, А.Б. Фохт, Р.И. Кроль, Б.Л. Лихтер, И.П. Белецкий, В.Л. Логинова, С.В. Мусина, Е.Я. Шрейбер, М.Э. Сорокина, Ф.Л. Еловцан, П.И. Ирбиник, Л.Н. Нечаева, Т.А. Ремезова, С.И. Якубовская, М. Барышева (отчество не установлено). В качестве научно-вспомогательных сотрудников в институте трудились Р.А. Миркина, А.И. Шамшина, З.Н. Печенкова, Б.Е. Корфини, В.А. Козлова, В.И. Шипица, Л.Н. Юркевич, О.А. Рослякова, М.П. Лапутина, Е.М. Грицевская. В план работы института были включены коллективные монографии «История народного ополчения», «История партизанского движения 1941—1944 гг.», «Поражение фашистских войск под Москвой в 1941—1942 гг.», «Сталинградская битва», «История Москвы» (том 6)[355]. Из сектора Минца ушел лишь А.Л. Сидоров, да и то на повышение — он стал заведовать группой истории СССР периода империализма[356].

В 1947 г. в институте были разработаны и приняты «Основные направления и работы по истории на ближайшее двадцатилетие». Главными перспективными проектами Сектора истории советского общества были названы 20-томная «История строительства социализма и перехода к коммунизму в СССР (1917—1967)», а также 10-томная «История Великой Отечественной войны»[357]. В 1947 г. Минц опубликовал книгу «Великая Отечественная война Советского Союза», которая на волне борьбы с космополитизмом была подвергнута критике[358].

Опасаясь за судьбу архива Комиссии по истории Великой Отечественной войны, Минц дал указание заведующей архивом С.В. Небольсиной-Мусиной: «...Наши материалы не подлежат выдаче или использованию за исключением наших сотрудников, и то с моего разрешения или разрешения моего заместителя. Очень Вас прошу еще раз проверить состояние архива. Если Вам нужны дополнительные работники, укажите, мы вам дадим необходимое количество сотрудников. Академик И. Минц. 26.7.47»[359].

Тем временем работа руководимого Минцем сектора над заявленными многотомными проектами продолжалась. В отчете Института истории за 1947 г. указано, что сотрудники также работали по следующим темам: «Москвичи в обороне» (сб. статей, бригадир — М.И. Стишов), «Женщины на фронтах Великой Отечественной войны (сб. документов, составитель — Н.С. Трусова, был принят к печати Профиздатом), «Герои битвы за Днепр, 1943 г.: сборник воспоминаний Героев Советского Союза» (составитель — Р.И. Кроль), «Сражение за Москву: Хроника. Основные даты» (составители —

[355] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 366. Л. 14—14 об.
[356] Там же. Л. 28.
[357] Там же. Д. 370. Л. 11.
[358] *Сонин А.С.* Указ. соч. С. 525—526.
[359] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 47. Л. 2.

Г.Н. Анпилогов, М.Э. Сорокина)[360]. Но изданы эти книги не были, что стало основанием для критики и последующего обновления кадров в секторе, в том числе за счет бывших сотрудников Комиссии Минца[361].

С 15 января по 27 февраля 1948 г. состоялась последняя командировка по планам бывшей Комиссии: сотрудница Института истории Ф.Л. Еловцан для подготовки сборника «Партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны» ездила в Минск и Могилев, где провела и застенографировала четыре беседы[362].

Судьба архива Комиссии Минца

В июле 1942 г. Совнарком РСФСР утвердил штаты Комиссии, в том числе и должность заведующего архивным фондом Комиссии. Им стала сотрудник Комиссии Ф.Л. Еловцан. Первые поступления в архив Комиссии были сделаны 10 июля 1942 г. В этот день в инвентарной книге поступлений сделаны первые записи о передаче материалов по истории партизанского движения в Московской и Смоленской областях на хранение в архив. Если в конце 1942 г. в архиве Комиссии числилось 117 единиц хранения, то на 1 января 1948 г. в архиве бывшей Комиссии значилось уже 8190 единиц хранения, из них 6128 стенограмм бесед, 932 документа и 1130 рукописей, воспоминаний, дневников и т.п.

Инструкция по систематизации, учету, хранению и использованию материалов, поступивших в архив Комиссии, была разработана и утверждена не раньше 1944—1945 гг., так как в ней указан раздел «оккупационный режим», сбор материалов по которому был начат в 1944 г.

Весной 1948 г. в условиях гонений на возглавляемый им сектор Минц подал в Президиум АН СССР просьбу об отставке, которая была удовлетворена 7 июня 1948 г.[363] Накануне, 2 апреля 1948 г., было наконец покончено с независимостью «команды Минца». Сектор советской истории решили перевести с ул. Коминтерна в основное здание института по ул. Волхонке[364]. Бывший архив Комиссии передали в ведение дирекции Института истории[365].

В после смерти И.В. Сталина в 1953 г. материалы Комиссии Минца были проверены и «пересистематизированы». В отдельные группы были выделены документы, стенограммы, очерки и рукописи, дневники, разное (письма, песни, стихи, листовки, газеты). Собранные во время войны документы по истории воинских частей были переданы в Центральный архив Министер-

[360] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 372. Л. 19.
[361] Там же. Д. 453. Л. 1.
[362] Там же. Л. 43а.
[363] Там же. Д. 423. Л. 11; Там же. Д. 416а. Л. 67.
[364] Там же. Д. 423. Л. 11.
[365] Там же. Л. 26—27.

ства обороны СССР в Подольске, где они находятся по настоящее время. Еще 2827 дел передали в разные учреждения, а 391 единица хранения была уничтожена по согласованию с Главлитом и ГАУ МВД СССР. Часть материалов попала в спецхран АН. В итоге бывший архив Комиссии Минца, оставшийся в институте, превратился в уменьшившийся в размерах архивный фонд, состоящий примерно из 20 тыс. дел. Собственно говоря, именно после передачи этих материалов из здания секретариата редакции ИГВ в институт в нем и пришлось создавать Отдел рукописных фондов (ОРФ), а первой заведующей ОРФ института стала заведовавшая до этого архивом Комиссии С.В. Небольсина-Мусина. «Здесь собран и продолжает поступать большой и ценный материал по истории Великой Отечественной войны. Он является ценным источником для научной разработки вопросов истории Великой Отечественной войны», — писала она в 1949 г. о значении этого уникального документального комплекса[366].

[366] Докладная записка зав. ОРФ Института истории С.В. Мусиной. 1949 г. // НА ИРИ РАН. Ф. 2. Дело фонда. Без пагинации.

Глава 3
Живые голоса войны. Стенограммы бесед с участниками событий и особенности их источниковедческого анализа

Особенно важное значение имело то, что Комиссией был осуществлен не имеющий аналогов в мировой историографии проект «устной истории» войны. Достоверность стенограмм бесед как исторических источников — одна из ключевых проблем в работе с материалами Комиссии по истории Великой Отечественной войны. Самим интервью, сделанным по горячим следам событий, были присущи все недостатки данного источника: субъективность, спешка при записи и т.д. В то же время эти недостатки при ином взгляде на них превращаются в очевидные достоинства, поскольку записи бесед отразили впечатления участников боев непосредственно после событий, зафиксировав эмоциональное и психологическое состояние комбатантов. Говоря словами Дж. Тоша об источниках устной истории, они «дают уникальную... возможность для восстановления «утраченных» областей человеческого опыта»[1]. Большим плюсом записей бесед было то, что в них фиксировались особенности языка, часто точно передавалась специфика разговорной речи интервьюируемых. Минц считал интервью чрезвычайно ценным источником: «Наша история создается и пишется одновременно... В этом большие преимущества: события близки, много активных участников поделится своими воспоминаниями, отсюда большая достоверность и правдивость в изложении»[2].

Естественно, может сложиться убеждение, что собранные интервью по-настоящему не отражают индивидуальный и коллективный опыт участников войны, а всего лишь фиксируют существовавшие идеологические клише. Тем более такое утверждение напрашивается, поскольку целями работы Комиссии официально назывались фиксация подвига советского человека и пропаганда героизма. Кроме того, возникают сомнения в том, что интервьюируемые могли раскрыться перед незнакомыми людьми, приехавшими из Москвы для сбора интервью. Такие сомнения, безусловно, имеют под собой почву, поэтому следует отнестись к ним со всей серьезностью.

---

[1] *Тош Дж.* Стремление к истине: Как овладеть мастерством историка. М., 2000. С. 283.
[2] Цит. по: *Лотарева Д.Д.* Указ. соч. С. 157.

В небогатой литературе, посвященной Комиссии и представляющей собой преимущественно архивоведческие обзоры, вопрос о репрезентативности интервью ставился, но всестороннего освещения не находил. Опубликованные в последнее время комплексы стенограмм вновь подняли этот вопрос. Так, А.В. Марчуков, подготовивший стенограммы интервью с летчиками-покрышкинцами, пишет: «Это не мемуары и не привычные интервью»[3]. По его мнению, перед нами «уникальный по своему содержанию и откровенности материал», который «не предназначался для опубликования — и поэтому люди не боялись быть не так понятыми и сказать лишнее о ком-то или о чем-то, не имели причин кому-то льстить, не думали о том, что говорить надо «правильно»[4]. Представляется, что данный аргумент, хотя и имеет право на существование, все же недостаточно убедителен. Его слабость заключается в том, что искренность сообщаемого в меньшей степени определяется тем, будет его свидетельство опубликовано или нет. Тем более это верно в отношении советского времени, где любой, даже неопубликованный документ мог доставить человеку большие неприятности.

Помимо этого, А.В. Марчуков отметил важную особенность стенограмм, заключающуюся в их отличии от более поздних воспоминаний, подвергшихся литературной и политической правке. Был отмечен и используемый сотрудниками Комиссии метод перекрестного интервьюирования, когда о событии опрашивались разные свидетели, что создавало объемную картину, представленную с разных точек зрения. В целом подчеркивалась высокая степень информативности источников.

Вопрос о репрезентативности собранных Комиссией интервью ставится и в книге, подготовленной Й. Хелльбеком и основанной на стенограммах, освещающих Сталинградскую битву. Автор отмечает уникальность данного вида источников, заключающуюся в возможности увидеть события глазами их участников: «Эти беседы в большей степени, чем какой бы то ни было другой известный источник, позволяют читателю приблизиться к событиям Сталинградской битвы и представляют ему более объемную и рельефную картину поступков, мыслей и чувств советских людей — участников войны. Солдаты рассказывают о своей жизни в свободной манере, некоторые — простым крестьянским языком. Иногда возникает впечатление, что слушаешь магнитофонную пленку: настолько полно передан в стенограммах колорит этой речи»[5]. Еще одним уникальным свойством этих источников Й. Хелльбек считает эффект «единства места и времени», когда единовременные фронтальные опросы позволяли посмотреть на событие с разных ракурсов — от командующих до простых солдат.

---

[3] *Марчуков А.В.* Герои-покрышкинцы о себе и своем командире. Правда из прошлого. 1941—1945. М., 2014. С. 9.

[4] Там же.

[5] Сталинградская битва: Свидетельства участников и очевидцев (по материалам Комиссии по истории Великой Отечественной войны) / Под ред. Й. Хелльбека. М., 2015. С. 12.

Источниковедческий оптимизм историка не мешает ему отметить и трудности работы с указанными источниками. Так, Й. Хелльбек задается вопросом о том, насколько язык, зафиксированный в стенограммах, соответствовал повседневному языку опрошенных[6]. Многие историки считают, что только в речи, максимально приближенной к свободной, можно описать индивидуальный опыт войны. Отметим, что стенограммы в данном случае имеют заметные минусы. Во-первых, ясно, что перед интервьюирующими опрошенные использовали сглаженные речевые конструкции, избегая, скажем, нецензурных выражений, многих неудобных подробностей и сюжетов. Впрочем, в интервью можно нередко найти специфический солдатский сленг. К тому же И.И. Минц призывал записывать именно «живые рассказы», позволять опрашиваемым выговориться[7]. Насколько тщательно эта рекомендация соблюдалась, сказать трудно. Во-вторых, интервью литературно редактировались перед сдачей в архив. Глубину редактирования теперь выявить практически невозможно, поскольку исходные записи были утилизированы. Тем не менее, сохранение индивидуальных черт повествования говорит о том, что редактирование скорее заключалось в том, чтобы придать рассказу связанную форму. В-третьих, большой проблемой является то, что до сих пор не найдены списки вопросов, задававшихся при опросе. Интервью — это всегда диалог как минимум двух людей, а степень вмешательства интервьюера в рассказ во многом определяет ход интервью, его динамику и содержание[8]. Восстановить систему исходных вопросов теоретически можно по совпадающей структуре интервью, но понять то, какие наводящие вопросы и реплики прозвучали (и прозвучали ли вообще) во время беседы, крайне затруднительно.

Несмотря на ряд проблем, необходимо подчеркнуть, что исследователи, непосредственно работавшие со стенограммами интервью Комиссии, подчеркивают высокую степень репрезентативности источников. Попробуем обозначить все аргументы за данную позицию.

В первую очередь необходимо указать, что в случае если рассматривать интервью через призму господствовавшей в советской историографии теории отражения сознанием бытия[9], то на первый план выходят как раз «недостатки»: субъективизм, несовершенное владение интервьюируемыми информацией и т.д. Правда, в собранных рассказах можно обнаружить и ранее не известные факты, которые дополняют известную картину. Гораздо продуктивнее другой путь. В случае признания, что человек — это и есть объективная реальность, в центре внимания исследователя оказываются его психологическая индивидуальность, сознание, стратегии поведения, социальные

---

[6] Там же. С. 113.

[7] *Курносов А.А.* Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР (организация и методика собирания) // Археографический ежегодник за 1973 г. М., 1974. С. 125.

[8] *Томпсон П.* Голос прошлого: Устная история. М., 2003. С. 223—244.

[9] *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. Изд. 2. М., 2003. С. 118—140.

практики и т.д. Анализ интервью через антропологическую парадигму резко повышает степень их репрезентативности. Все зависит от того, какие вопросы задавать источнику и через призму какой методологии его анализировать. Обращение к стенограммам интервью именно как к фиксации индивидуального (а через него и коллективного) опыта человека — наиболее продуктивный подход. Имеется много аргументов, позволяющих оптимистично смотреть на стенограммы как исторический источник.

Во-первых, необходимо указать на близость записанных интервью к событиям. Теоретически это позволяет зафиксировать впечатления от происходящего по горячим следам. Главный недостаток мемуаров заключается в их удаленности от произошедшего, свойств памяти, влияния пройденного жизненного пути, текущей политической ситуации, заданных социальных рамок памяти и т.д. Схожие проблемы возникают при интервьюировании участников войны спустя много лет после завершения боевых действий. В этом случае фактическая канва прошедших событий в воспоминаниях, как правило, не меняется, но заметно трансформируется под влиянием времени или из-за изменений личности опрашиваемого, а также появления общественно одобряемого образа войны, оценочных суждений[10]. «Язык войны» перемешивается с современным языком описания войны, навязанным официальной версией истории[11].

В случае с интервью, собранными Комиссией, подобные недостатки минимизируются. Не случайно, что уже в середине 1960-х гг., когда потенциал материалов Комиссии не был еще оценен по достоинству, известный специалист по источниковедению советского периода М.Н. Черноморский рекомендовал проверять мемуары участников Великой Отечественной войны как раз стенограммами Комиссии[12].

Повышенное внимание исследователей должны вызывать факты и оценки, имеющиеся в стенограммах, и отсутствие схожих с ними в мемуарах, выпущенных в последующее время. На этом материале можно проследить не только (даже не столько) особенности игр памяти, но и формирование социального и идеологического канона описания, то есть того, что М. Хальбвакс называл «социальными рамками» памяти[13]. Сложившись в условиях культа победы, такой канон оставлял за своими рамками многие повседневные явления и факты жизни человека на войне.

Во-вторых, определенной гарантией от серьезных искажений является то, что большинство стенограмм образуют особые тематические комплексы. Сре-

[10] *Сенявская Е.С.* История войн России XX века в человеческом измерении: Проблемы военно-исторической антропологии. М., 2012. С. 49.

[11] *Реброва И.В.* Возможности критического дискурс-анализа как метода интерпретации устных историй о Великой Отечественной войне // Былые годы. 2012. № 3. С. 94.

[12] *Черноморский М.Н.* Источниковедение истории СССР. Советский период. Учебное пособие. М., 1966. С. 305.

[13] Анализ данной концепции см.: *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. С. 169—176.

ди них можно выделить комплекс стенограмм по Битве под Москвой, Сталинградской битве, героям-покрышкинцам, партизанскому движению и т.д. Эти комплексы включают описание одних и тех же событий разными людьми, часто знакомыми друг с другом. Это, с одной стороны, могло несколько сковывать откровенность интервьюируемых, но, с другой, повышало ответственность за сказанное. Эффективным является метод сравнительного анализа всего комплекса интервью.

Наконец, важнейшим аргументом в пользу высокой степени репрезентативности материалов является язык источников. В случае если бы интервью были продуктом пропаганды, то они содержали бы преимущественно клишированные пропагандистские штампы. Но мы этого не наблюдаем. Наоборот, все исследователи подчеркивают тот факт, что интервью в подавляющем большинстве представляют живую речь. Это можно связать с тем, что в годы войны еще не сложился общепринятый язык ее описания. Большинство клише, ставших привычными в описании войны, пришли в жизнь фронтового поколения много позже и были закреплены через газеты, телепередачи, митинговые лозунги, вечера памяти и мероприятия, связанные со встречей однополчан[14]. Фактические мы сталкиваемся с феноменом ненамеренной деидеологизации источника.

В стенограммах уже можно найти примеры стандартизированного языка войны, включающего лозунги, пропагандистские клише. Любопытно отметить, что язык различается в зависимости от статуса интервьюируемого. Так, самые непосредственные по стилю и содержанию рассказы преимущественно у рядовых и простых бойцов (пусть и ставших Героями Советского Союза). Более сдержанный стиль повествования у командиров. Наконец, самыми «засоренными» идеологическими клише являются интервью работников политических органов, часто выступавших (что выработало привычку говорить стандартными фразами) и понимавших политические нюансы тех или иных заявлений. Это не значит, что к стенограмме беседы с рядовым должно быть автоматически доверия больше, чем с политруком. Например, интервью участника Сталинградской битвы капитана П.А. Зайончковского, будущего известного историка, а тогда специалиста по пропаганде в немецких войсках, является одним из самых оригинальных и информативных.

Таким образом, мы напрямую подходим к тезису о том, что степень репрезентативности интервью необходимо решать не только относительно всего источникового комплекса, но и на индивидуальном уровне. Перед нами источники личного происхождения, что требует особое внимание к их создателям. При изучении стенограммы необходимо узнать максимальное количество биографической информации об интервьюируемом. К счастью, значи-

[14] *Кондрадова Н., Рылеева А.* Герои и жертвы: Мемориалы Великой Отечественной // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 251.

тельным подспорьем в этом являются сами стенограммы, где, как правило, в начале приводятся краткие биографические сведения об опрашиваемом, информация о его боевом пути и имеющихся наградах. Если перед нами известная личность (военачальник или Герой Советского Союза), оставивший личный фонд, мемуары и ему уже посвящены специальные биографические работы историков, то задача заметно упрощается. В случае если интервьюируемым оказался малоизвестный человек, то в поиске информации о нем существенным подспорьем будут книги памяти, в том числе и региональные, материалы местной прессы об участниках Великой Отечественной войны и т.д. Большие возможности открывает информационный ресурс «Подвиг народа»[15], на котором размещены документы о награждении участников войны с описанием подвига.

Исходя из всего вышесказанного, возможно выработать общую схему анализа стенограмм Комиссии, построенную на принципе комплексного источниковедческого анализа.

Первым шагом при работе со стенограммой или их комплексом является выяснение обстоятельств подготовки и проведения интервью. Необходимо выяснить задачи интервьюеров, проводили они единичное интервьюирование или это был фронтальный опрос. Важно определить, кто вел интервью и кто стенографировал, поскольку в Комиссии работали сотрудники разной степени профессионализма. От качества опроса и навыков интервьюеров иногда зависит степень доверия к тексту стенограммы. Следующими шагами являются авторизация (выяснение личности интервьюируемого, его положения в армии, боевой биографии, образовательного уровня, дальнейшей судьбы и т.д.), датировка беседы (как правило, дата указывается в начале стенограммы), ее локализация (эта информация хотя и не всегда, но также есть в интервью). Большое значение играют и обстоятельства записи беседы. Так, большинство рассказов собиралось целенаправленно, но иногда интервьюировались и случайные свидетели.

После всех указанных процедур можно перейти к анализу собственно текста. Печатный текст, как правило, не вызывает проблем с чтением и пониманием, хотя в нем и встречаются разного рода сложности, связанные с использованием опрашиваемыми локальных диалектов, а также сленга, ошибок стенографисток, вставок от руки и т.д. Качество бумаги, на которой печатались стенограммы, разнится от хорошего до удовлетворительного. В первую очередь необходимо выявить структуру интервью, постараться уловить систему вопросов, предложенных интервьюируемому.

При анализе текста плодотворным шагом будет применение дискурс-анализа[16], заключающегося в определении риторических практик интервьюируемого. Как уже отмечалось выше, крайне важно понять: своими ли

[15] http://podvignaroda.mil.ru/.

[16] О критическом дискурс-анализе см.: *Фуко М.* Археология знания. СПб., 2012; *Тён ван Дейк*. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.,

словами описывается произошедшее, насколько велика роль навязанных словесных конструкций (идеологем, риторических клише, шаблонных образов и т.д.). В любом случае необходима деконструкция текста, то есть расчленение его на составляющие блоки из навязанного официозного дискурса, социальных рамок речи, индивидуальных речевых оборотов и личностных оценок, событийного ряда и т.д. Возможно, эффективным методом станет применение контент-анализа, но пока работы в данном направлении не проводились.

После всестороннего изучения интервью следует провести сравнительный анализ с другими интервью, посвященными этим же событиям. Сотрудники Комиссии как в силу условий (из-за нехватки кадров можно было охватить только ограниченные районы), так и в силу методических установок старались собирать рассказы о войне как можно большего числа участников событий. Благодаря этому мы получили более или менее компактные комплексы. Й. Хелльбек охарактеризовал такие комплексы как «уплотненные в разноголосое повествование события», что приводит к эффекту, когда «мысли и чувства не только читаются с большим интересом, но и выглядят убедительно — именно потому, что сменяющие друг друга собеседники подтверждают и дополняют рассказы друг друга»[17]. Уже есть успешные примеры публикации таких комплексов интервью, позволяющих рассмотреть точки зрения многих свидетелей и получить объемную картину событий, явлений и их восприятия[18].

Наконец, научное изучение стенограмм возможно только в том случае, если они будут сопоставлены с другими известными источниками и введены в исторический контекст. Особым направлением исследований может стать сравнение интервью с мемуарами и художественной литературой. В первом случае особый акцент следует сделать не только на совпадениях сведений, но и на разночтениях. Как уже говорилось выше, такой подход позволяет проследить трансформацию социальных рамок памяти о войне, их сужения или расширения.

Художественная литература представляет собой особый источник для изучения войны и трансформации памяти о ней[19]. Из произведений свидетелей войны (в том числе и т.н. лейтенантской прозы) можно почерпнуть сведения о многих сторонах военных лет. Это не отменяет необходимости критического

2013; *Потапова Н.Д.* Лингвистический поворот в историографии: учебное пособие. СПб., 2015. С. 155—179.

[17] Сталинградская битва: Свидетельства участников и очевидцев. С. 143.

[18] *Марчуков А.В.* Герои-покрышкинцы о себе и своем командире. Правда из прошлого. 1941—1945. М., 2014; Сталинградская битва: Свидетельства участников и очевидцев (по материалам Комиссии по истории Великой Отечественной войны) / Под ред. Й. Хелльбека. М., 2015.

[19] *Сенявская Е.С.* Литература фронтового поколения как исторический источник // Отечественная история. 2002. № 1. С. 101—109: *Кукулин И.* Регулирование боли (Предварительные заметки о трансформации травматического опыта Великой Отечественной / Второй мировой войны в русской литературе 1940—1970-х годов) // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. С. 617—658, и др.

отношения к этим источникам. Но так сложилось, что именно литературные произведения в советское время оказались местом, где можно было рассматривать проблемы жизни простого человека на войне и влияния ее на его психику. Более того, в советской культуре именно Великая Отечественная война стала дозволенным пространством, где можно было показывать человека в экстремальных условиях. По наблюдениям И. Кукулина, в противовес официозному образу войны именно в литературе появились нестандартные, часто негероические сюжеты и глубокий психологический анализ переживаний человека в экстремальных условиях. Произошла «деидеологизация текста». То же явление мы наблюдаем и в случае с рассказами, зафиксированными в стенограммах. Это принципиально роднит стенограммы с лучшими образцами военной прозы. Более того, как показали исследования, Комиссия вовлекала в свою деятельность и известных писателей. Например, в сборе сведений для Комиссии участвовал А.А. Бек, впоследствии на основании собранных материалов и личных впечатлений написавший известную повесть «Волоколамское шоссе». Таким образом, уже на стадии своей активной деятельности документальный проект И.И. Минца оказался питательной средой для литературы[20].

Специфика стенограмм как источника, отражающего в первую очередь индивидуальный опыт человека на войне, делает их чрезвычайно ценными документами в т.н. case-study, то есть углубленного анализа конкретных случаев и раскрытия через них глубинных исторических процессов[21]. Рассказы, собранные сотрудниками Комиссии, — это в буквальном смысле кладезь таких случаев.

Стенограммы — это еще и ценный источник для микроисторических исследований[22] в рамках военной истории. Индивидуальные рассказы очевидцев позволяют на микроуровне выявить уникальные случаи (казусы), позволяющие с неожиданной стороны взглянуть на военное время.

Еще одним направлением должен стать анализ стенограмм (а также других материалов Комиссии) как источников по истории повседневности[23]. В них запечатлен не только быт военных лет (а в отечественной историографии историю повседневности часто путают с бытовой историей), но и осмысление и эмоциональное переживание повседневных будней, мира вокруг в экстремальных военных условиях.

---

[20] О сотрудничестве Комиссии с литераторами см.: *Архангородская Н.С., Курносов А.А.* О создании Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР и ее архива (К 40-летию со дня образования) // Археографический ежегодник за 1981 г. М., 1982. С. 221—222.

[21] *Козина И.М.* Case-study: некоторые методологические проблемы // Рубеж. 1997. № 10—11. С. 177—189.

[22] *Гинзбург К.* Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке. М., 2000. С. 200.

[23] *Журавлев С.В.* История повседневности — новая исследовательская программа для отечественной исторической науки // *Людтке А.* История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010. С. 3—27.

Не меньший интерес записи бесед должны вызвать и у специалистов по исторической имагологии (имиджеологии)[24]. Основой для имагологических исследований являются источники, формирующие образ врага (литература, пропаганда и т.д.). Но всегда остро встает вопрос о рецепции этих образов, восприятии языка пропаганды, а также индивидуальном опыте столкновения с врагом и переосмыслении его образа. Рассказы опрошенных Комиссией дают материал и по этим проблемам.

Документы фонда Комиссии по истории Великой Отечественной войны позволяют взглянуть на нее глазами ее участников и свидетелей, как бы показывая ее изнутри. В стенограммах человек не теряется в лабиринте статистических данных и не превращается в фигурку на масштабированных картах — наоборот, он и его индивидуальный опыт выходят на первый план. В обстановке совершающегося в исторической науке антропологического поворота материалы Комиссии приобрели особое значение для исследователей.

Сведения, собранные Минцем и его сотрудниками, позволяют отказаться от множества стереотипов о советских солдатах, созданных отечественной и зарубежной историографией или средствами массовой информации. Например, красноармейцы часто изображаются безликими пешками, безропотно, хотя и без энтузиазма, выполняющими приказы своих командиров и политруков. Нередки высказывания о том, что только заградительные отряды гнали солдатские массы в бой. Все эти штампы можно обнаружить, например, в широко известной книге Э. Бивора «Сталинград»[25]. Материалы Комиссии позволяют разрушить данный «историографический миф». Так, книга Хелльбека[26], составленная из интервью с непосредственными участниками битвы, наглядно показывает, что действия защитников города носили осмысленный характер. Конечно, автор не обошел вниманием роль политической работы в Красной армии, однако интервью демонстрируют не столько фанатичных, идеологически мотивированных бойцов, сколько оказавшихся в экстремальной ситуации простых людей с их страхами и надеждами, повседневной жизнью, а главное, собственным пониманием того, что происходит вокруг.

Удачным опытом следует признать и публикацию А.В. Марчуковым комплекса стенограмм интервью с летчиками-покрышкинцами[27]. Эти материалы в подробностях раскрывают жизнь авиационного полка, в котором воевали А.И. Покрышкин и его однополчане, многие из которых стали Героями Со-

[24] *Сенявский А.С, Сенявская Е.С.* Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX века) // Вестник РУДН. Серия «История России». 2006. № 2 (6). С. 54—72.

[25] *Beevor A.* Stalingrad: The Fateful Siege: 1942—1943. N.Y., 1998. Первое русское издание: *Бивор Э.* Сталинград. Смоленск, 1999. С тех пор книга в дополненном и доработанном виде неоднократно переиздавалась на русском языке.

[26] Сталинградская битва...

[27] *Марчуков А.В.* Указ. соч.

ветского Союза. Документы дают возможность увидеть жизнь советских асов изнутри, узнать об их взаимоотношениях (о чем интервьюируемые рассказывают без особого стеснения), образе мыслей, жизни до войны (в интервью даны подробные биографии). Детально рассказывается об истребительной тактике, ее выработке и применении. Автор-составитель дополнил интервью данными фондов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации. Стенограммы Комиссии также позволили автору уточнить счет боевых побед отряда.

Таким образом, главное достоинство собранных Комиссией интервью заключается в том, что они дают слово самим фронтовикам, позволяют написать в будущем историю Великой Отечественной войны с точки зрения «простого человека». Стенограммы являются многослойным источником, позволяющим существенно обогатить наши знания о Великой Отечественной войне. Введение их в научный оборот остается насущной задачей современной исторической науки.

Раздел II.
Информационный потенциал документов Комиссии по истории Великой Отечественной войны и их значение для развенчания современных мифов о войне

История 1
«Раз Матевосян вышел из строя, дальше нет смысла держаться…»: интервью С.М. Матевосяна об обороне Брестской крепости

Оборона приграничной Брестской крепости летом 1941 г. является одним из самых трагических эпизодов истории Великой Отечественной войны, вокруг которого продолжаются дискуссии. Это событие в советскую эпоху было символом героизма и стойкости советских воинов разных национальностей. Однако о мужестве гарнизона стало известно не сразу. Ключевой вклад в восстановление истории обороны Брестской крепости и ее популяризации внес в 1960—1970-е гг. писатель-документалист С.С. Смирнов (1915—1976 гг.). Именно его усилиями был реконструирован ход событий, связанных с обороной Брестской крепости. За книгу «Брестская крепость» (первое издание — 1957 г., второе, расширенное — 1964 г.) в 1965 г. С.С. Смирнов был удостоен Ленинской премии.

В ходе работы над рукописью, стремясь к достоверности повествования, писатель в 1950-е гг. сумел разыскать немногих оставшихся в живых защитников крепости. Одним из первых, на кого он вышел, оказался Самвел Минасович Матевосян, который в 1941 г. был комсоргом 84-го полка. «Первого августа 1954 года я приехал в Ереван и увиделся с Матевосяном. Он оказался плотным, приземистым, крепко сколоченным человеком с наголо остриженной головой, с очень живыми карими глазами, быстрый, энергичный, порывистый в движениях»[1] — так описывает первую встречу с ним С.С. Смирнов в своей книге «Брестская крепость».

В архиве Комиссии по истории Великой Отечественной войны нам удалось обнаружить запись раннего интервью (за десять лет до описанной выше встречи с писателем в 1954 г.). Его Матевосян дал сотрудникам Комиссии 19 декабря 1944 г. 27 августа 1946 г. стенограмма была выправлена и заверена автором. Запись беседы отражает колоритный язык и личностное отношение интервьюируемого к описанным событиям. В более поздних воспоминаниях Матевосяна, вошедших в сборник, издававшийся Музеем обороны Брестской крепости и выдержавший в 1961—1971 гг. четыре издания[2], многие оценки событий и описания смягчены.

---

[1] http://lib.ru/PRIKL/SMIRNOW/brest.txt (дата обращения — 19.04.2015).

[2] Героическая оборона. Сборник воспоминаний об обороне Брестской крепости в июне-июле 1941 г. / Сост. М.И. Глязер, Л.В. Киселева, Г.И. Олехнович, Т.М. Ходцева. Минск: Государственное издательство БССР, 1961 (2-е изд. — 1963 г.; 3-е изд. — 1966 г.; 4-е изд. — 1971 г.).

Биография Матевосяна показывает нам человека деятельного, энергичного, при этом достаточно честолюбивого и импульсивного, с веселым, общительным, но не всегда уживчивым из-за своей принципиальности характером. В книге Смирнова указывается, что он пошел в армию из-за роста международной напряженности после боев на Халхин-Голе. Из интервью, данного Комиссии, можно предположить, что не последнюю роль в этом решении сыграли конфликты на работе до службы в армии. Вступив в ряды РККА в 1939 г., Матевосян сразу же попал служить в Брест. В 1940 г. он вступил в партию, после чего начал руководить комсомольской организацией и стал заместителем политрука.

По мнению Матевосяна, высшее руководство страны недооценивало угрозу со стороны немцев. Гарнизон крепости не был готов к нападению. Кроме того, боевые качества солдат, как считал Матевосян, снижали «западники», то есть призывники из западных областей Белоруссии и Украины, еще недавно находившихся под властью Польши. Они были плохо подготовлены и «политически неграмотны». В стенограмме нашли отражение паника и хаос, которые начались после внезапного нападения Германии на СССР.

Дальнейшее описание сражений во многом совпадает с тем, что было дано в книге С.С. Смирнова и воспоминаниях участников боев (в том числе и самого интервьюируемого) из сборника «Героическая оборона». Исключение составляет ряд подробностей, которые несколько снижают героический пафос ситуации. Например, расстрел собственного пьяного интенданта, упоминание о нежелании солдат выходить под пули («...кому ни прикажешь, не слушают») или рассказ о настроениях страха («Батальон, который стоял против нас, буквально в таком паническом состоянии был»). По отдельным эпизодам в интервью можно увидеть более подробную и живую картину событий (допрос пленного офицера, поездка на бронеавтомобилях и др.), чем в последующих книгах.

В интервью, данном Комиссии в 1944 г., Матевосян постоянно подчеркивал свою роль в обороне крепости. Он говорил, что самыми организованными и смелыми оказались комсомольцы, которыми он руководил как политработник. Любопытен и следующий пассаж: «У меня было намерение покончить с собою, потому что выхода нет. Врач, который мне перевязку сделал, потом мне передавали, вышел и застрелился, сказал: «Раз Матевосян вышел из строя, дальше нет смысла держаться»[3]. Следует, однако, признать, что до своего ранения комсорг полка играл одну из ведущих ролей в организации борьбы с атаковавшими крепость немцами.

После захвата крепости неприятелем тяжело раненный Матевосян попал в плен, откуда сумел бежать после выздоровления. И здесь интервьюированный подчеркивает свои лидерские качества. Подробно описываются скитания небольшого отряда беглецов из лагеря военнопленных по оккупированной территории, на которой, как подчеркивает Матевосян, не было партизанского

[3] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. III «Оборона городов». Оп. 10: «Материалы по обороне Бреста». Ед. хр. 1. Л. 4 об.

движения, зато легко можно было нарваться на немцев или «националистов». Помогали местные жители, которые, однако, могли и донести полицаям. Используя поддельные документы, он сумел устроиться в Луцке. Скитания по Западной Белоруссии и Западной Украине разнообразили речь Матевосяна местной лексикой, которая встречается в его рассказе.

Наконец, 2 февраля 1944 г. советские войска освободили Луцк. Матевосян организовал вооруженную группу, помогавшую в захвате города. Он вступил в Красную армию, с которой дошел до Берлина, где на здании Рейхстага оставил надпись «Я из Бреста. Самвел Матевосян».

После войны Матевосян работал инженером-геологом в Армении. За то, что в годы войны находился в плену и на оккупированной территории, его исключили из партии. В таком униженном положении его и нашел С.С. Смирнов в 1954 г. Благодаря книге Матевосян прославился, его восстановили в партии. Смирнов даже хлопотал, чтобы ему присвоили звание Героя Советского Союза, но ходатайство было отклонено. Зато в 1971 г. Матевосяну за трудовые достижения было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Поразительно, но в вышедшей в том же году «Большой советской энциклопедии» в статье про Брестскую крепость утверждалось, что Матевосян погиб при ее защите. Это противоречие дало повод для слухов, что настоящий герой погиб, а Матевосян из книги Смирнова — либо вымышленный персонаж, либо присвоил себе его документы. Дело разбиралось на самом высоком уровне, с участием председателя Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС А.Я. Пельше, тоже ветерана войны. Выяснилась ошибка автора статьи в БСЭ, доброе имя Матевосяна было восстановлено. Однако Матевосяна ждали новые испытания. Вскоре его обвинили в хищении государственной собственности при строительстве личной дачи. Дачу отобрали, звания Героя Социалистического Труда лишили. От С.С. Смирнова потребовали исключить из книги эпизоды с Матевосяном. Когда он отказался это сделать, продолжая считать того героем, тираж нового издания «Брестской крепости» был уничтожен.

В 1987 г. все обвинения с Матевосяна были сняты, его даже восстановили в партии (звание Героя Социалистического Труда было возвращено только в 1996 г.). После распада СССР он переехал жить из ставшей независимой Армении в Москву, где и умер в 2003 г. На его могиле выбита лаконичная надпись: «Самвел Матевосян. Комсорг Брестской крепости»[4].

Интервью С.М. Матевосяна сотрудникам Комиссии от 1944 г. проливает свет на малоизвестные факты обороны Брестской крепости и поведение ее защитников. Это интервью намного «живее» и колоритнее, чем более поздние воспоминания автора, оно свободно от многих условностей и пропагандистских клише. Особый интерес представляют подробности жизни Матевосяна после бегства из плена, которые отсутствуют в книге С.С. Смирнова «Брестская крепость».

[4] Биографические данные взяты из: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=9926 См. также: *Смирнов К.С.* Возвращение судьбы // *Смирнов С.С.* Брестская крепость // http://lib.ru/PRIKL/SMIRNOW/brest.txt.

Стенограмма беседы со старшим лейтенантом С.М. Матевосяном[5]

[л. 1]

КОМИССИЯ ПО СОСТАВЛЕНИЮ ХРОНИКИ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕН[ОЙ] ВОЙНЫ

СТЕНОГРАММА
беседы с тов. МАТЕВОСЯН Самвэл Минасовичем

Беседу проводит научный сотрудник ЕЛОВЦАН Ф.Л.

Записывает Шамшина А.И.

19 декабря 1944 г.
гор. Брест.

Гвардии старший лейтенант.
Командир стрелковой роты.
4-й полк, 6-я гвардейская Ровенская краснознаменная дивизия, 13-я армия, 1-й Украинский фронт.
1912 г. рождения.
Армянин.
Член ВЛКСМ с 1927 по 1941 г.
Член ВКП/б/ с 1940 г.
Инженер.
Образование высшее.
Награжден орденом Красной звезды.

Родился в Карской области, село Карабах в Армении. Сын рабочего. Отец до революции работал на строительстве карской крепости в качестве мастера каменотеса, после революции — рабочий. В старое время он был еще немного репрессирован, не раз его таскали в жандармерию за неспокойный характер. С 1917 г. работал на заводе Севкавцинк[6] в качестве рабочего цинковых печей, член профсоюза металлистов с 1918 г., умер в 1927 г.

Я и учился и работал одновременно в той же школе, где учился. С 1925 г. начал работать курьером в этой школе. Там же мы и жили при школе. Среднюю школу не удалось окончить. Отец умер, братьев дома не было. Один брат был в армии, другой на работе, но это не удовлетворяло семью. Пришлось бросить учебу, итти на завод, где отец работал. Там окончил курсы по подготовке во ВТУЗ[7]. Поработал на заводе, в 1931 г. отправили на учебу с завода, как тогда назывались — выдвиженцы. Еще на заводе был секретарем заводской комсомольской организации завода Севкавцинк в гор. Орджоникидзе, был членом бюро комсомола.

В 1936 г. окончил институт Цветметзолота[8] обще-теоретический курс в Москве, диплом защищал в Иркутске в 1936 году. Вызвали в Москву в Нар-

[5] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. III. Оп. 10. Ед. хр. 1. Л. 1—8.
[6] Севкавцинк — завод, расположенный в г. Орджоникидзе (Владикавказ).
[7] Высшее техническое учебное заведение.
[8] Московский институт цветных металлов и золота им. М.И. Калинина, основан в 1930 г. В 1958 г. переведен в г. Красноярск.

комат тяжелой промышленности. Был у ОРДЖОНИКИДЗЕ[9] несколько раз на приеме. Мне предложили поехать в Казахстан. Приехал туда. Начал со сменного инженера и дошел до главного инженера рудников, потом начальником рудников стал. В 1937 г. откуда вызвали. Там уже работа была налажена. Отправили в Армению. Работал главным инженером группы рудников Зангмедкомбината. Последняя должность — начальник группы рудников ленгруппы. Здесь расцвет моей технической мысли. Удалось кое-чего добиться. Рудники эти все время получали государственные дотации, а за год семь месяцев моей работы они дали экономию 3664 тыс. рублей. Это был первый переворот в добыче меди. Но**[л. 1 об. / с. 2]**вую систему я предложил — добычу медной руды с наименьшим количеством пустой породы. В газетах об этом писали несколько раз, представили к награде моих подчиненных. В это время приехала к нам из Наркомата Цветмета[10] какая-то группа, чтобы передать опыт другим комбинатам. Разговорился с ними. Я передал то, что надо им, и поругался с одним профсоюзным работником резко из-за пустяка. Он говорит:

— Нарком меня послал.

Я говорю:

— Слушай, что мне твой нарком. Я служу народу.

Поругались. Они поехали туда, и за это я лишился наград. Это меня немножко потревожило. Наркома потом с работы сняли за очковтирательство. Об этом я уже в армии узнал.

Тут уже подходила осень 1939 г. Я был включен в номенклатурный список работников Наркомцветметалла. Написал маленькое заявление, чтобы меня отправили в армию. Всем это было дико. Я говорил, что пойду в армию, потому что чувствовал напряженное состояние на западе. Директором комбината был мой одноклассник по учебе, дал возможность выехать в армию. Приехал в армию, как раз в Брест, в 1939 г.

Начинали с самого простого: налево, направо, шаг назад, шаг вперед. До этого проходил военно-войсковую подготовку, лагерные сборы, но в кадровой армии не служил.

В 1939 г. был рядовым. К 1940 году мне предложили перейти на комсомольскую работу.

Раньше наш полк стоял в крепости, потом перешел в Химгородок[11], полигон, потом опять в крепость перешел. С 1940 г. начал руководить комсомольской организацией нашего полка 84-го, 6-й Краснознаменной дивизии. Был на конференции Западного военного округа, на 6-й окружной комсомоль-

[9] *Орджоникидзе Григорий Константинович* (1886—1937) — революционер, советский партийный и государственный деятель.

[10] Народный комиссариат цветных металлов был образован в январе 1939 г.

[11] Химгородок — населенный пункт под Брестом, получил свое название потому, что до 1939 г. здесь дислоцировалась химическая воинская часть Войска Польского. После захвата Брестской крепости немцы оборудовали здесь лагерь для военнопленных.

ской конференции, встречался с некоторыми работниками нашими высшего порядка. Чувствовалась, с одной стороны, беспечность, с другой стороны, какое-то безразличное отношение к тому, что делается в пограничной полосе.

Как раз перед войной за 2—3 недели приехала бригада. Было совещание, был представитель из Главного Управления Красной армии. Я был секретарем комсомольского бюро, знал об этом. На это совещание меня пригласили. Кроме того, мне все время начальник особого отдела дивизии предлагал выезжать на точки, которые строили наши дивизии, доты так называемые. Границу укрепляли, но беспечность была в том смысле, что не готовили солдат на это. Граница неплохо была укреплена в техническом смысле. Я все время выезжал с начальником особого отдела дивизии на укреп[ленные] точки. Там был недостаток технического характера, организационного характера.

На совещании делал доклад командующий 4-й армией нашей, фамилии его не помню, генерал какой-то. После его доклада начались маленькие прения. Я минуты три говорил. Сказал, что такое состояние к хорошему не приведет. В крепость привели пополнение, которое нужно го**[л. 2 / с. 3]**товить далеко от границы. Набрали местных западников, все перемешалось, десятки тысяч людей в крепости. Там была наша дивизия, была 42-я дивизия, были армейские, корпусные части. Я сказал, что это к хорошему не приведет, и писал попутно об этих недостатках. Перед войной было приказ сдать личное оружие на хранение.

Вот и вспыхнула война, я оказался прав. Было так. Вечером поздно 21-го я пришел домой в крепость. Дежурный по полку сказал, что есть приказ, что завтра командно-начальствующий состав выходит на осмотр военной техники на полигон, т.е. за пределы крепости. Командиры, имея в виду этот приказ начальника гарнизона, ушли из крепости по своим домам. На рассвете в половине четвертого примерно, все задрожало, все полетело. Сильный артиллерийский обстрел. Я выхожу. Оделся быстро. Дежурный по штабу бежит ко мне. Спрашиваю, что такое. Он говорит — не знаю. Бегу к полковому комиссару ФОМИНУ[12]. Он тоже не знает, что такое. Говорю:

— Очевидно, война, смотрите что делается.

Мы думали, что склад взрывается какой-нибудь.

Народ, который был при штабе, ушел в подвал, писаря всякие, дежурные по полку и т.д. Там было много народу, потому что некоторые жили там. Немцы открыли сильный огонь, и до самого рассвета артиллерийская подготовка велась. Многие не успели одеться.

Огонь этот до утра продолжался. Немножко затихло, надо выходить. Никто не рискует выходить, потому что уже слышна на улице крепости перестрелка. Кому ни прикажешь, не слушают. Я выскочил, меня пуля в лоб и

[12] Фомин Ефим Моисеевич (1909—1941) — полковой комиссар, заместитель командира 84-го стрелкового полка 6-й стрелковой Краснознаменной дивизии. Один из руководителей обороны Брестской крепости. Расстрелян гитлеровцами после взятия в плен.

«поцеловала» легко. Смотрю; немцы бегают около нашего штаба.[13] Возвращаюсь. Комиссару говорю:

— Такое положение, немцы уже в крепости.

Немцы начинают закидывать гранаты в укрытия. Тут уже раненые появились наши. Я говорю, что если мы будем сидеть, всех перебьют. Беру комсомольскую группу. Оружия было мало. Основной наш резерв находится в соседнем помещении, батальоны рядом с нами. Беру комсомольскую группу, посылаю по батальонам брать людей.[14]

Командир полка ДОРОДНЫХ[15] был в городе. К нам еще прислали младших лейтенантов 27 человек. Только два дня, как они прибыли. Это был совершенно молодой состав, только со школьной скамьи, а основные офицерские кадры, скажем, командиры батальонов, командиры рот были в городе. Капитан ГРИБАКИН[16], помощник командира полка по хозяйственной части, пытался к нам пробраться, но не удалось.

Я остался в крепости. Как восстановить связь? Я до этого был радистом, сам сел на аппарат, начал выстукивать, вызывать. Никто не отзывается, а немцы все звуки в эфире глушат. Ни черта не добился.

Соседние части в еще худшем состоянии. Там абсолютно нет командиров. У нас хотя один-два командира есть.

Надо батальоны вывести из подвалов, из казарм, в боевые порядки поставить. Полковой комиссар приказывает мне организовать это дело, одевает мне четыре шпалы[17], снимает с себя гимнастерку:

---

[13] В более поздних воспоминаниях и интервью С. Матевосян изменяет описание первой атаки, соединяя ее со своим первым ранением. Из воспоминаний 1950-х гг.: «...И как только раздалась команда, буквально все выбежали вперед, в атаку, и тут, на рассвете 22 июня, я впервые увидел силу русского штыка ...в рукопашной схватке многие наши бойцы показали истинный героизм» (Героическая оборона. Сборник воспоминаний... Минск, 1966. С. 291). В телеинтервью для фильма «Загадки Брестской крепости» Матевосян рассказывал: «...И когда крикнул «За мной! За Родину!», многие опередили меня. ...Буквально у выхода столкнулся с немецким унтер-офицером. Верзила высокого роста, мне повезло, что он тоже был пистолетом вооружен. Оба одновременно, буквально в доли секунды, вот я помню с этого момента, одновременно выстрелили, он зацепил мне, зацепил правый висок, а сам остался. Я перевязал быстро рану, мне помог ...Агулян, санитар наш. Перепрыгивая через убитые тела моих друзей и немецких убитых, раненых, шли в первую атаку...».

[14] Из воспоминаний военнослужащего 5-й роты 333-го стрелкового полка А.В. Соколова: «...Из соседнего здания с криком «Ура!» на них бросились бойцы 84-го сп. Первым возглавил атаку комсорг (как я узнал позже от своих бойцов) — это Матевосян. От неожиданности немцы бросились бежать, а другая группа автоматчиков повернула назад к Тереспольским воротам.» (*Алиев Р.В.* Брестская крепость. Воспоминания и документы. М.: Вече, 2010. С. 275). Позже этот эпизод так и будет называться — «атака Матевосяна».

[15] Дородных Семен Капитонович (Константинович) — майор, командир 84-го сп. Перед началом войны ряд подразделений, в том числе 2 батальона 84-го сп, были выведены из крепости на полигон для проведения учений. Погиб 22 июня 1941 г. при попытке прорваться в крепость.

[16] Грибакин Алексей Яковлевич — капитан, помощник начальника штаба 84-го стрелкового полка.

[17] Четыре шпалы — знаки различия полкового комиссара. Факт передачи гимнастерки подтверждается воспоминаниями других защитников крепости. В частности, старшина 84-го сп. А.И. Дурасов рассказывал: «...Показался комсорг 84-го стрелкового полка Матевосян в гимнастерке со знаками различия полкового комиссара» (Героическая оборона. Сборник воспоминаний... Минск, 1966. С. 279).

— Идите и действуйте, другого выхода нет.

Одеваю гимнастерку. Начал людей выводить, и люди вышли. **[л. 2 об. / с. 4]** Третий батальон стоял рядом со штабом полка. Прихожу. Комсомольская группа сильная была. Комсомольцы первые вышли, за ними остальные и заняли оборону на территории крепости. Начали обороняться.

По соседству с нами стоял 33-й ОРБ [Отдельный механизированный разведбатальон[18]] абсолютно без командиров. Это самостоятельная единица. Они подчинялись непосредственно дивизии. Машины[19] у них были заправлены, но боеприпасов нет. Прибегаю туда. Секретарь их батальонной организации мой хороший знакомый, говорит:

— Такое положение.

Я говорю:

— Давай сюда людей из вашего батальона.

Он говорит:

— Машины без боеприпасов.

А их склады боеприпасов уже начали гореть. Я прибегаю к первой машине. Водитель оказался комсомольцем. Подъезжаем к складу, загружаем боеприпасами. Другие водители видят такое дело, тоже подъезжают к складу. Крыши все горели, снаряды уже нагревались. Нагрузили четыре бронемашины и ушли. Подогнали машины туда, где мы оборону держали. Минут пяти не прошло, все это (склады) начало взрываться. Беру я три бронемашины; сам сажусь в первую машину и говорю:

— Будете следовать за мною.[20]

На машинах рация есть.

Вышли из крепости через речку на другую часть крепости. Повернули к воротам в сторону города. Когда туда вышли, через мост проходили, обстреляли нас из пулемета, но пули были простые. Я дал им в ответ пару очередей. Простые пули — это для нас чепуха.

Немцы были уже в самой крепости.

Там есть много старых деревьев. Машины поставили под дерево. Вижу, немцы уже через вал цепью выходят. Я это передаю машинам:

— Как я открою огонь, поддержите.

3 пушки и 6 пулеметов на бронемашинах.

Открываю огонь. Все три машины дали по этой цепи огонь. Оттуда почти никто из немцев не вернулся.

---

[18] В данном случае Матевосян смешивает два подразделения: 33-й отдельный инженерный полк (бывший 140-й отдельный батальон) и 75-й отдельный разведывательный батальон 6-й стрелковой дивизии. На вооружении батальона имелись бронеавтомобили БА-10.

[19] Речь идет о среднем бронеавтомобиле БА-10, поступившем на вооружение РККА с 1938 г. Он имел 45-мм пушку и два 7,62-мм пулемета.

[20] В воспоминаниях 1950-х гг. С.М. Матевосян изменяет порядок следования эпизодов, помещая рассказ о бронемашинах после допроса пленного офицера. Там же он указывает цель поездки на БА-10: «Мне было приказано доставить протокол допроса этого пленного немецкого офицера со многими ценными документами, попавшими к нам, в штаб дивизии — в Брест...» (Героическая оборона. Сборник воспоминаний... Минск, 1966. С. 292).

У нас боеприпасы кончились. Вернулся за пополнением боеприпасами. Когда возвращался, начали обстреливать бронебойными пулями. Башенный стрелок на той машине, где я сидел, был ранен в ногу. Он начал кричать. Там, где я сидел, пуля пробила бензопровод около моего затылка, и бензин начал литься на меня. Башенный стрелок уже не может действовать. Я приказываю развернуть машину. Водитель, замечательный парень, развернул машину. Я из пулемета дал очередь. Задняя машина, видя, что обстреливают бронебойными, отошла назад, туда, где мы стоим.

Прихожу. Боеприпасов здесь нет, этот склад уже догорает. Подходим к другому запасному складу. Оттуда пополнились боеприпасами. Обратно возвращаюсь. Посадил одного артиллериста вместо башенного стрелка, уже пехотинца. Когда перейти мост, по этой точке, откуда немцы вели огонь, орудийный залп дали штук 7 снарядов. Эти немцы все затихли. Еду обратно на то место, где машины **[л. 3 / с. 5]** остались. Машины мои стоят, людей там нет. Вызываю по радио. Выходить нельзя из машины. Пули свистят, перестрелка идет, никто не отзывается. Постоял немного, открываю дверь, выхожу и упал под машину. Никого нет, только немцы метрах в 400 уже другой стороной заходят.

Оказывается, танкисты мои пришли, увидели такое положение, решили выйти из машин, уйти в укрытие. Когда я вышел из машины, один из них бежит ко мне и рассказывает, что они решили уйти в укрытие.

— Давайте, садитесь по местам.

Сели они, патрон у них нет. Я говорю:

— Сейчас вас буду поддерживать.

Новая цепь немцев появляется. Тут уже пришлось экономить патроны, чтобы на обратном пути отстреливаться. Пару очередей дали. Вернулись с этими тремя машинами в центр нашей обороны, где пехота была. Немцы или наши, не знаю, у выхода из крепости поставили машину поперек у самых ворот. Пешему человеку можно как-нибудь проскользнуть, но машинам выйти не было никакой возможности. Там санитарная немецкая машина легковая открытая с белым флагом, с крестом проскочила по дороге. Сидело там два или три немца. Санитарной машине там делать нечего. Меня зло взяло, потому что они с утра открыли огонь по нашему госпиталю. Там были больные. Думаю: санитарная машина с белым флагом, как будто по международным законам нельзя по ней стрелять. Расчету говорю:

— По машине дайте огонь, чтобы они знали. Раз можно по нашим раненым палить, значит и по ним стреляйте.

Эту машину подожгли на месте и вернулись, Склад этот начал тоже гореть, к другим складам невозможно добраться, мост уже взорван, который ведет к главным складам. Многие склады уже взрываются. Выхожу из машины, прихожу к комиссару, говорю — такое положение. Он вышел, с батальоном здесь находится. Сам он со штабом в подпольном помещении и вокруг батальоны. Говорю: нужно переключаться на перестрелку солдатскую. А тут самолеты налетают, листовки, бомбы, бомбы, бомбы.

Прихожу, докладываю, что немцы частично сидят в доме, где комсоставская столовая[21] была. Оттуда обстреливают нас. Этот дом нужно разрушить.[22] Комиссар говорит:

— Надо проверить, а может, не немцы.

Я говорю:

— Как они могут стрелять по нас.

— Найдите, — говорит, — бинокль.

Подходу к одному сержанту хозслужбы. Он оказался большим подлецом, напился пьяным, бинокль у него висит. Говорю:

— Дайте бинокль, нужно посмотреть.

— А я, — говорит, — не дам.

— Как не дашь?

— Не дам.

Я сразу — с двумя бойцами, веду к комиссару. Привели к комиссару. Прихожу и я. Нужно было приказ дать, чтобы люди окопались, тут бомбежка идет. Прихожу, комиссар с ним ругается. Я спрашиваю:

— Что вы с ним ругаетесь?

Он говорит:

— Делай с ним что хочешь.

[л. 3 об. / с. 6] Я у него отнимаю револьвер, бинокль, солдатам говорю:

— Отведите, поставьте к стенке его, — беру наган, бинокль и иду смотреть. Там действительно оказались немцы. Поставил свой пулемет, начал давать туда усиленный огонь, заставил замолчать. Пулемет оттуда больше не работал.

Прибегает МИХАЙЛОВСКИЙ[23] из роты связи, докладывает, что немцы с красным флагом идут через мост. Там ниже крепости есть мост через реку. Из крепости это видно. Бегу туда удостовериться. Я сам не знал, что немцы красный флаг несут. Прихожу, действительно, немецкий флаг со свастикой. Вывел 45-ку пушку одну, поставил в направлении моста, 3 пулемета «Максим», давай по мосту лупить, чтобы прекратить движение. На мосту получилась заваруха, они отошли. Те, которые прорвались, уже пошли на город. Они заметили, откуда стреляли, сюда усилили свой артиллерийско-минометный огонь. Через некоторое время летит самолет и по этому месту начинает бомбить. Конечно, жертвы, раненые.

Первый день я получил легкое ранение и стыдился сказать, думал, что это может повлиять на людей. Сказал врачу нашему, он мне сделал перевязку. Я был ранен в спину[24].

---

[21] Столовая командирского состава (начсостава).

[22] Уничтожить немцев в столовой начсостава удалось лишь 23 июня 1941 г. (*Алиев Р.* Штурм Брестской крепости. М., 2012. С. 483—484, 547—548.)

[23] *Михайловский Борис Николаевич* (1912—1943) — старшина, радист. Пленен немцами 30 июня 1941 г. После побега из плена создал партизанский отряд, в котором продолжил борьбу с врагом.

[24] Из книги С.С. Смирнова «Брестская крепость»: «Уже в первый день он был дважды ранен. Сначала пуля немецкого автоматчика, выстрелившего почти в упор, рассекла ему кожу на голове. Потом гитлеровский офицер, с которым Матевосян схватился врукопашную, изрезал

Привели одного немецкого офицера, допрос сделали. Мне здесь помог лейтенант КУЗНЕЦОВ[25]. В этот день был дежурный по полку. Если бы не он, я бы погиб. Он сильнее меня оказался. У офицера висит планшет, кресты и, характерно, все немцы в черных касках, а этот в старой кайзеровской каске. Привели. Переводчик докладывает, что это немецкий офицер из 45-й дивизии. Спрашиваю, откуда у него эти кресты. Говорит: с первой войны этот крест, за Францию этот, за Польшу этот. В планшете фото-снимок крепости, и на снимок попали даже отдельные личности, которые по улице ходили. Видно, что фигура человека здесь, там строй идет, и все склады боеприпасов красным карандашом обведены. Он говорит, что снимок сделан 6 или 5 июня [1941 г.]. В воскресный день как раз над крепостью летали самолеты немецкие, и они этот снимок произвели, а по этому снимку легко ориентироваться, где какие казармы, какие входы, выходы, где какие высоты. Спрашиваю:

— Откуда вы знаете, что именно здесь склад боеприпасов?

Он мне говорит:

— Мы не только знаем, а нам известно, кто в крепость приходил, кто уходил из крепости.

Его тогда к стенке, расстреляли, этот планшет его забрали.[26]

У меня была надежда пробраться в штаб дивизии, который находился в городе. Приношу этот планшет Фомину, говорю: такое положение, документы ценные. Он говорит:

— Ну что-же, сможешь прорваться?

Как прорваться? Уйти одному, может быть даже удастся прорваться до штаба дивизии, все равно здесь опять будет каша. А люди уже по-настоящему начали воевать. Увидел, что наши машины обстреливают цепь, пленные появились немецкие. Одного приводят, другого. Одного немца из уборной я вытащил, привел. Он в уборной **[л. 4 / с. 7]** спрятался, весь выпачкался, что бы поднять настроение, для смеха я привел его, говорю:

– Смотрите, кто воюет.

Все посмеялись.

Музыкант у нас был ОГАРКОВ, комсомолец. Я говорю:

— Нужно пробраться в музыкальную команду, взять инструменты.

Он первый побежал за своим аккордеоном, принес его, начал играть марши. Это немножко подбодрило людей.

ему кинжалом спину. Но это были легкие раны, и комсорг, перевязав их, продолжал сражаться бок о бок с бойцами».

[25] *Кузнецов Ефим Иванович* (р. 1914 г.) — лейтенант, командир 1-го стрелкового взвода 7-й стрелковой роты 3-го стрелкового батальона 84-го стрелкового полка. 30 июня 1941 г. после ранения попал в плен, последующая судьба неизвестна.

[26] В воспоминаниях 1950-х гг. акцент сделан на негативном поведении немецкого офицера: «Во время допроса он вел себя весьма трусливо, маленький окрик наших бойцов приводил его в истерику. Падая на колени, он все время просил пощады...» (Героическая оборона. Сборник воспоминаний... Минск, 1966. С. 292). В 1997 г. оценка поведения пленного вновь изменена: «...Вел себя дерзко, вызывающе. Это был враг». (Цит. по: *Алиев Р.* Штурм Брестской крепости. С. 371.)

Настала ночь. Трупы валяются, помощи никакой нет, перевязочного материала нет, боеприпасов недостаточно, надо беречь их. А западники уже начинают группироваться, оружия не берут в руки, заявляют, что они воевать не будут. Я всем комсомольцам сказал:

— Заметите группу, расстреливайте, не стесняйтесь.[27]

А винтовки уже были у нас. Комсомольцы следили за этим делом. Западники сильно повлияли на новое пополнение, молодое, которое прислано было даже не переодевшись. По крепости началась беготня этих людей. Батальон, который стоял против нас, буквально, в таком паническом состоянии был. Сотнями людей забили все казарменные ходы подземные. Забегаю туда, со мною мой помощник. Спрашиваю:

— Кто здесь старший есть?

Нет ни одного старшего, а если были некоторые, то они не появлялись. Вызываю младших командиров, говорю, что нужно организовать, ничего страшного нет, нужно продержаться, потому что соседняя дивизия скоро придет нам на помощь. Три человека выходят, начинают выводить своих бойцов для обороны. 44-й инженерный батальон[28] — это не боевая единица. Они и смотрели на нас, как на спасителей.

Были отдельные случаи, когда некоторые бойцы старались переплыть через речку, уходить просто. Я всем передал, что кто будет переходить, заметит, расстреливайте на месте. Будем держаться, пока есть силы.

25-го [июня 1941 г.] я получил новое ранение осколочное сравнительно легкое. Оборонялись. Уже силы начали уменьшаться, есть уже убитые, раненые, некоторые успели ускользнуть, но основное ядро осталось. Немцы беспрерывно били, палили. Мне только не удалось окончательно восстановить связь с 333-м полком[29], который был по соседству с нами. Пограничники прибежали к нам, влились в нашу группу. Кажется, 19-й погранзаставы, участок их был[30]. Они тоже не знали, что делать.

В воздухе у немцев висели наблюдательные баллоны. Я приказал нашей артиллерии открыть огонь по этим баллонам[31]. 2 баллона сбили. Они руково-

---

[27] О попытках «западников» (военнослужащих, призванных в РККА из присоединенных к СССР накануне войны регионов Западной Украины и Западной Белоруссии) сдаться вспоминали и другие участники обороны Брестской крепости, в том числе младший военфельдшер А.К. Леонтьев: «С первых дней войны поляки — средних лет, взятые на 3-месячную переподготовку, находившиеся в нашей части, пытались сдаться, сеяли панику и страх... Однажды поляки и часть наших пытались сдаться, начали выходить на плац. Мы дали огонь с левого крыла и центра. [Они] вернулись назад». (Цит. по: *Алиев Р.* Штурм Брестской крепости. С. 542).

[28] Такого подразделения рядом с крепостью не было. Возможно, имеется в виду 33-й отдельный инженерный полк либо 44-й отдельный полевой автохлебозавод 6-й стрелковой дивизии.

[29] 333-й стрелковый полк 6-й стрелковой дивизии.

[30] Вероятно, речь идет о 9-й пограничной заставе, которая располагалась в здании у Тересполь-ских ворот Брестской крепости. Начальник заставы лейтенант А.М. Кижеватов, погибший при обороне крепости и посмертно награжденный званием Героя Советского Союза.

[31] По воспоминаниям командира взвода 84-го стрелкового полка старшины А.И. Дурасова, аэростат был всего один, и приказ о его уничтожении отдавал полковой комиссар Е.М. Фомин (Героическая оборона. Сборник воспоминаний... С. 279).

дили боем по всей линии на территории Бреста. Один баллон сбили над полигоном, другой выше крепости был. Но это не спасло положения. Связь по радио не удалось восстановить. Полковой комиссар говорил, что он как будто со штабом дивизии связался, и командир дивизии приказал держаться, пока он сам не придет в крепость. Это нас обнадежило.

Там были такие моменты, что сидят группами 5—10 человек наших. Немцы нажмут, мы переходим в другое помещение, и так кочевали, сегодня здесь, завтра в другом помещении. Кушать нечего было, воды не было; вонища, трупы разлагаются, жарко было. Поле стадиона все было усеяно **[л. 4 об. / с. 8]** немецкими трупами. Сколько я после этого ни был в боях, еще не видел такой картины, чтобы так плотно труп к трупу лежал. Немцы были все пьяные.

Боеприпасы уже иссякают, винтовки с патронами только остались. Гранат не было. Пулеметы, которые были, не удовлетворяли уже, ленты кончились. Ждали помощи, никак не могли дождаться.

С 4-го на 5-е я получил уже тяжелое ранение, третье по счету[32]. Я помню момент, когда ударило меня. Я упал, почувствовал, что в ногу. У меня в правой руке был пистолет ТТ. Пистолет выбросил из руки, чтобы прикрыть эту рану, рука в рану влезает. Я фуражкой прикрыл. Подбегают мои товарищи, тащат на перевязку. Врач был комсомольцем, между прочим, фамилии не помню.[33] Он прибежал, сделал перевязку. Прибежал полковой комиссар, поцеловал меня. Ему жалко стало, что я вышел из строя окончательно.

— Ах, что ты сделал, дорогой!

Врач перевязал меня, вышел. Когда уже сделали перевязку, я попросил пистолет. Пистолета не дали, оставили около меня двух сержантов, одного фамилия АГАГУЛЯН, другого не могу вспомнить.

У меня было намерение покончить с собою, потому что выхода нет. Врач, который мне перевязку сделал, потом мне передавали, вышел и застрелился, сказал:

— Раз Матевосян вышел из строя, дальше нет смысла держаться.

У меня было сильное кровотечение, перевели в подвальное помещение. Сколько я там лежал, не знаю. Оттуда уже меня немцы вытащили. Вытащили наши люди, немцы уже вокруг, это было с 5 на 6 июля. Они больше всего

---

[32] Из книги С.С. Смирнова «Брестская крепость»: «На третий день, когда Матевосян с товарищами отбивал атаку врага у трехарочных ворот, осколок немецкого снаряда вырвал ему часть бедра». О ранении комсорга полка к 24 июня 1941 г. свидетельствует и старшина санитарной службы В.С. Солозобов (см.: *Алиев Р.* Штурм Брестской крепости... С. 561). Возможно С.М. Матевосян имеет в виду не 4—5 июля, а четвертый-пятый день обороны.

[33] Речь идет о Бардине Михаиле Даниловиче, враче 84-го стрелкового полка, который застрелился 25 июня 1941 г. По свидетельствам других защитников крепости, причина самоубийства была в состоянии отчаяния от невозможности оказать врачебную помощь страдающим раненым и умирающим красноармейцам. Из воспоминаний В.С. Солозобова: «Ночью меня растолкал Суховерхов. Вставай, Василий, врач Бардин застрелился. Я вскочил. Действительно, Бардин лежал рядом. Из дула пистолета еще шел дымок (как вспоминают участники обороны военфельдшер 84-го полка И.Т. Бондарь и писарь А.М. Филь, врач Бардин, хороший специалист и чуткий, гуманный человек, не вынес состояния врача, который ничем не мог облегчить страданий раненых)» (Героическая оборона. Сборник воспоминаний... С. 257—258).

на волосы смотрели. Если волосы есть — это значит комсостав. А я тогда был не комсоставом, был заместителем политрука, этим рядовой занимается. Очевидно, это их и успокоило, что я рядовой, и они меня не расстреляли. Потом привезли туда, где сотни наших раненых людей валялись. Наши врачи ПЕТРОВ Ю.В.[34], ЕРМОЛАЕВ С.С.[35], они раньше из госпиталя попали к немцам, потом МАСЛОВ Б.Ю.[36] в плену был. Эти врачи и ухаживали за своими ранеными со своими медикаментами.

Мне сделали перевязку снова. На ранах уже черви были. Нас вынесли уже за крепость, привезли в химгородок. Здесь подлечили немножко. Там все время я лежал, потому что боялся, что вот-вот выдадут. А их интересовало, кто в крепости был командиром, кто руководил боем.

Наши врачи подлечили. Петрову я сказал, что здесь не останусь[37]. Он был со мною в хороших отношениях, за мною исключительно ухаживал. Где нужно было найти лишнюю дозу таблеток, которые восстанавливают кровь, он давал. Я ему рассказал, что уйду отсюда, Маслов был там и ушел, взял 5 человек. Это было 1 сентября. Ушел ночью. Лазарет уже был опутан колючей проволокой в несколько рядов. Колы стоят обтянутые, в середине навалено так, что никакой возможности пройти нет. Беру этих пять человек. Баня была за второй линией проволоки. Раненые имели возможность ходить в баню только

---

[34] *Петров Юрий Викторович* (1909—1969) — старший ординатор корпусного госпиталя 28-го стрелкового корпуса в Бресте, попал в плен на второй день войны. В лагерях военнопленных участвовал в организации госпиталей, где до освобождения в 1944 г. спас жизни тысячам раненых. В Южном городке (Химгородок) руководил хирургическим отделением. После войны — доктор медицинских наук, профессор, работал в Институте онкологии в Ленинграде.

[35] *Ермолаев Сергей Сергеевич* (1904—1941) — военврач 2-го ранга, начальник лаборатории госпиталя. Позже в плену покончил с собой. Из книги С.С. Смирнова «Брестская крепость»: «...Другой врач.., Сергей Сергеевич Ермолаев, позже находясь в лагере Седлец, оказался не в силах вынести все то, что ему пришлось видеть и пережить. Он покончил жизнь самоубийством».

[36] Видимо, речь идет о *Маслове Борисе Алексеевиче* (1904—1952) — военврача 2-го ранга, являвшемся накануне войны начальником Брестского военного (окружного) госпиталя, который находился на Южном острове Брестской крепости. Из плена бежал, воевал в партизанском отряде, затем служил в полевом госпитале 1-го Украинского фронта. После войны необоснованно осужден за пособничество немцам, умер в лагере. Реабилитирован в 1964 г.

[37] Из книги С.С. Смирнова «Брестская крепость»: «Гитлеровцы отправили его [Матевосяна] в лагерь для военнопленных, который они организовали в Южном военном городке Бреста. В этом лагере, где ежедневно умирали сотни людей, тем не менее, был свой госпиталь, в котором наши же военнопленные врачи лечили раненых бойцов и командиров. Матевосян пробыл там три месяца и, как только рана его немного зажила и он смог ходить, сейчас же начал готовить побег. Глубокой осенью 1941 года шестеро пленных бойцов и командиров, переодевшись в гражданскую одежду, ночью подползли под колючую проволоку, ограждавшую лагерь, и ушли в окрестные леса. Вскоре после этого Матевосян оказался в рядах партизанского отряда, который действовал на территории Западной Белоруссии и Западной Украины. Он участвовал в боевых операциях партизан и во время одной стычки с гитлеровцами был снова тяжело ранен. Уходя от карателей, партизаны оставили его до выздоровления в украинской деревне, в крестьянской семье. Там Матевосян поправился; потом ему пришлось скрываться от полицаев, и в конце концов он пришел в город Луцк, где устроился работать в артель по ремонту обуви, так как когда-то знал немного сапожное ремесло. Он вскоре же принял участие в деятельности луцких подпольщиков. А когда в начале 1944 года Советская Армия подошла к Луцку, подпольщики подняли восстание в центральных кварталах, дезорганизовали этим оборону противника и помогли нашим войскам быстрее овладеть городом».

строем. Стоит часовой. Там был один саксонец. Он тоже был недоволен немцами, и мы ожидали момента, когда он будет на посту.

[л. 5 / с. 9] Я собрал этих людей, сказал, что намерен так сделать. Они согласились со мною, и мы под вечер, часов в 5—6 взяли белье, простыни, наволочки и сделали вид, что идем в баню. Он пропустил нас. Пришли в баню. Старик в бане служил, наш сторож гражданский. Помылись, он ничего не сказал. Я сказал, что как помоемся, полезу на чердак бани. Полезли туда, сидели до ночи. Ночью они все время пускали ракеты, и ночь попалась неудачная, лунная.

Под вечер, когда совсем стемнело, немцы обходили все помещения за второй проволокой, не спрятался-ли кто-нибудь из бани, а на чердаке никто не будет смотреть, потому что с другой стороны бани их караульное помещение, а чердак общий.

Посидели там. Вылез! дверь уже закрыта из бани. Я беру обмотки, разматываю их, связываю четыре или пять штук, сделал веревку. Я первым спустился. Все сняли ботинки с ног, чтобы не было шума. Подхожу к дверям. Замок висит, но не закрыт. Очевидно, старик или заметил, что мы туда полезли и чтобы отвести глаза немцев замок туда повесил, или просто забыл закрыть, или ключа у него не было.

Я за замок, замок открылся. Открываю дверь, по ступенькам иду на чердак.

Вторая проволока от нас метрах в 35—40. Подползли на животах к этой проволоке, а немцы здесь ходят, что-то болтают. Перелез я, второй, третий, четвертый за проволоку зацепился. А они повесили на проволоку жестянки от коробок, чтобы они звонили. Это заметили, вероятно, начали пускать ракеты.

Мы вышли за проволоку все шестеро и побежали. Со мною был ХЛЕБНИКОВ[38]. Жена его работала в военторге в городе. Когда мы были в лазарете, она почти каждый день носила ему кушать. Хлебников от меня откололся, пошел в город. Он говорил, что не хотел расставаться с семьей. Остальные, ЛЕВИЦКИЙ, АГАГУЛЯН Арцвик[39], КУЗНЕЦОВ и НУРИДЖАНЯН[40], старший сержант остались и я пятый. Начали по лесам пробираться. Пошли в сторону Ковеля. У меня рана зажила, но не окончательно. В день сделаешь 5 клм., ждешь, пока силы наберутся. Голод, организм истощал. Но нам крестьяне помогали. Я, откровенно говоря, не появлялся, все в лесу, а Кузнецов, живой и шустрый, все ходил, выпрашивал у крестьян хлеба и все, что нужно для дороги.

Двигались параллельно железной дороге и шоссе, которое идет с Бреста на Ковель. В хутора особенно не заходили. Бывали моменты, что приходилось через болота итти. Меня, буквально, на руках несли. Пробрались на Волынь.

---

[38] *Хлебников Евгений Георгиевич* (1919—1969) — старшина 3-й минометной роты 333-го стрелкового полка 6-й стрелковой дивизии.

[39] См. выше.

[40] *Нуриджанян Сос Вениаминович* (1920—1968) — старший сержант, помощник командира взвода 84-го сп. После побега из плена сумел пересечь линию фронта и вновь попасть в армию. Под Севастополем второй раз попал в плен, откуда в 1944 г. бежал и участвовал во французском Сопротивлении.

Агагулян и Нуриджанян откололись от нас, потому что они нацмены, были похожи на евреев, а евреев сильно преследовали. Немцы всех черных считали евреями. Я говорю:

— Такое дело, товарищи, надо разбиться на две группы.

Я остался с Левицким, Кузнецовым, а эти пошли вдвоем. Здоровые хлопцы. Говорю:

— Вы более здоровы.

Кузнецов был ранен в плечо, Левицкий в переносицу. Говорю:

— Пробирайтесь через линию фронта. Постепенно будем итти.

[л. 5 об. / с. 10] Я с этими двумя хлопцами добрался до Волыни в сторону Луцка. Скитались в лесах. В деревнях появляться воздерживались, потому что здесь начали уже ловить наших людей. Помню, одно село в Цуманском районе, Ровенской области находится в лесу. Левицкий остался в селе Хотины работать у крестьян. Мы с Кузнецовым решили дальше пробираться. Пробирались-пробирались, дошли до этого села, которое в лесу было. У Кузнецова была метрическая выпись, а у меня был поддельный красноармейский билет еще в лазарете, других документов нет. Думаю: на всякий случай пусть будет.

Некоторые крестьяне симпатизировали нам.

Пришли к солтусу[41], ночевать нужно, уже холод наступил. Староста села взял у меня этот билет, говорит:

— Правило такое, кто ночует, тот оставляет документ у меня, — и у Кузнецова метрическую выпись взял, сам вышел.

Мы сидим у него в комнате. Через пару минут приходят три здоровых хлопца. Вновь организована полиция была по селам. Он их привел. В соседнюю комнату дверь открыта. Хозяин говорит:

— Один жид, а другой неизвестно кто, оба ранены, нужно их отправить в район.

Мы услышали, но не подаем виду. Просим дать ночлег.

Он направляет свою девчонку:

— Подите в нашу хату, — уверен, что мы ничего не знаем.

Девчонка тоже ничего не знает, доводит до двери, говорит:

— Здесь живет хозяин и хозяйка, — а сама дальше не пошла.

Мы пришли к этим людям, попросили у них воды, о ночлеге ни слова и пошли. Пробирались, ночь в лесу.

В местечке Четвертня кушать надо было достать. Пришли до одного поляка. Кузнецов молодой. Поляк так и сказал, что «он у меня остается работать, я его усыновляю. А вы, — говорит мне, — идите в другое село, где мало бывают немцы, далеко от железной и шоссейной дороги».

Кузнецов остался там, я пошел дальше. По дороге встречаю пленных. Организовал маленькую группу человек в 8. Решили вооружиться. Выхода другого нет, фронт уже далеко. Надо вооружиться, в лесах перезимовать. 7 или 8 человек было первое время. Тоже такие были, командиры, все комсомольцы,

[41] Так на Западной Украине называли сельского старосту.

мы друг от друга не скрывались. Оружие, 2 винтовки были, один пистолет и несколько патронов, вот и все наше вооружение. Решили собрать всех людей, которые блуждают по деревням. Вернулись уже в район Ратно[42]. Намерение было добраться до Беловежской пущи, — там лес большой, спокойно, — перезимовать здесь, достать по пути оружие. Во главе нашей группы был полковн[ик] Арцышевский. Я его помощник.

В конечном счете собралось 23 или 24 таких человека. Оборванные, бродят голодные. Под Ратно наткнулись на немецко-украинскую жандармерию. Это было в ноябре после праздника. Нас обстреляли. Я тут получил ранение новое, в бок ударило и в кисть правой руки. Разбежались, **[л. 6 / с. 11]** сопротивления не окажешь. Я с неким ПАВЛОВЫМ, младшим лейтенантом, пробрался в Луцкую область по лесам, и здесь один крестьянин нашелся в селе Мильск[43], некто РОМАНЮК, взял к себе. Я ему не говорил, кто я, что я, просто сказал, что отец мой священник, другого выхода не было. Работать я особенно не умею, потому что я с завода.

— Если дадите возможность у вас перезимовать, залечить раны, значит, буду работать, все, что прикажете делать.

Крестьянин очень солидный, крупный землевладелец. Детей у них не было, старик с женой. Я у них перезимовал и начал работать. На лето 1942 года началось украинское националистическое движение в этих районах. Наших партизан здесь не было.

Характерно, когда группа наша зарождалась, мы песню сочинили. Припев такой был:

Это было в Белоруссии,
Шел проклятый 41 год
Озверевшие фашисты нарушили
По полям, по болотам, по лесам шли.

Мотив подобрали к ней. Сядем где-нибудь и начнем. Стремление одно было: как-нибудь восстановить связь с фронтом, получить оружие и действовать. Партизан тогда вообще никаких не было. Националисты летом 1942 года стали полными хозяевами, и немцев не стало в селах. В тех селах, которые были ближе к городам, начали брать пленных, а дальше не заглядывали.

В этом селе жил я до лета 1943 года. Партизан наших не было. Я жил у этого крестьянина. Научился пахать, сеять и т.д. Раньше я думал, что все пшеницей называется, а оказывается, не все пшеница. Я не знал, что белый хлеб из пшеницы получается, а почему-то пшеница в голове засела.

В селе жил. Приходили пленные наши, бежавшие из Германии, приходили высланные в Германию на работу. В селе этом уже были пленные, вначале их было пять, потом прибавилось, потом опять убавилось, менялся состав. Крестьяне дали мне кличку «батька полоненных».

[42] Ратно — поселок в Волынской области Украины, расположен между Брестом и Ковелем.
[43] Мильск (Мыльск) — село в Рожицком районе Волынской области в 30 км к северу от Луцка.

Крестьянин, у которого я жил, очень содержательный был. Уйти я не мог, документов не было, внешность моя очень схожа с еврейской. Националисты в 1943 году летом пришли за мною, но крестьянин этот строго за меня стоял.

Он имел большое влияние. Я сказал, что репрессирован советской властью, сослан на аэродром, получил во время бомбежки ранение, другого выхода не было. А документы достать невозможно. Итти от села до села — это значит попасть в руки националистов.

Летом 1943 г. пришел я вечером домой в июле месяце. Уже дома не спали летом. Даже хозяйка сама боялась спать, потому что националисты в соседнее селе приходили, пленного убили и хозяев убили за то, что пленных держат. Я спал в клуне[44]. Ночью приходят. Хозяин любил пить. Он дома мало бывал. Ночью пришли, стучат часов в 12. Я думаю: наверно, хозяин вернулся. Разговаривают: «учиняй, учиняй...», потом резкий удар, стекла полетели. Я подхожу к щели. Смотрю, трое стоят у двери, один в окно лезет и фонариком освещает. Я думаю: это за мною пришли. Открыли. В комнате **[л. 6 об. / с. 12]** спал другой работник хозяина, польский хлопец лет 17, некто Стах. Спрашивают:

— Где он?

А тот говорит:

— В клуне.

Я слышу это, через другую дверь ухожу в поле. Темная ночь была. Оставил свое пальто на соломе, где спал. Прошел метров 50, думаю: теперь они меня не заметят.

Они крутились-крутились там, этого хлопца бьют:

— Где, покажи?

А он кричит:

— Видите, он здесь спал, — показывает на пальто.

Пару выстрелов они дали вверх и ушли.

Там был пленный некто Степан СЕНАТОВ. Я иду к нему ночью, говорю:

— Поднимай всех пленных.

Пошли до другого, Мишка там был, потом Иван был. Просидел ночь, прихожу к солтусу, бывшему немецкому пленному. Он бежал из Германии, в польской армии служил, Иван, забыл фамилию. Говорю:

— Вот что, Иван, такое положение. Пришли «гости», об этом уже по всему селу разнеслось. Оставаться мне здесь нет смысла. Я ухожу. Иду в партизанский отряд.

А пленные, которые здесь были, боятся идти. Говорю:

— Если пленные пострадают, так и знай, все село сожгем, — и ушел.

Пришел к хате, говорю:

— Прощай, спасибо тебе, что держал меня столько времени.

Добрался до железной дороги. Этот Иван дал мне справку на фамилию ТЕВОСЯНА С.А., там написал, что осужден и т.д. Голова побоялся оформить

[44] Амбар из бревен, место для ночлега.

мне документы. Я пошел с этой справкой, дошел до Луцка. Там была мастерская сапожная. Прихожу туда, там бывшие пленные работают. Некоторые работают сторожами, некоторые сапожниками. Раненые там были, встретил одного земляка. Говорю, что такое положение. Он идет к хозяину этой мастерской, немцу, говорит, что пришел земляк. Он меня знает как бывшего осужденного, рекомендует меня, просит на работу устроить. Меня приняли на работу. Здесь я работал сперва сторожем, а потом назначили меня старшим рабочим по приведению в порядок двора, мостовую сделать, канализацию и т.д. Работал, пока наши не пришли в эту мастерскую.

В ночь на 1 февраля уже фронт был близко к городу. Немцы начали полностью эвакуироваться, раздали населению оружие, особенно польскому. На что они рассчитывали, не знаю. Я беру группу пленных, которых знал, у поляков берем оружие. Вот, теперь настал момент. Не удалось с партизанами соединиться, давайте сейчас действовать.

С 1-го на 2-е наши подходили уже к городу. А немцы через Киевскую улицу двигались, особенно где наши мастерские. Около мастерских кладбище. Мы здесь сделали засаду. Как раз шла колонна немцев. Я говорю:

— За все, что перенесли, за все мучения, огонь!

Тут залповый огонь, немцы разбежались, думали, что наши части в городе. Началась паника среди них, отступ**[л. 7 / с. 13]**ление, и на рассвете наши вступили в город.

Я со своей группой пошел догонять немцев, а наши части сзади. Во время перестрелки мы встретились с командиром части, которая город брала, майором АГАРАНЯНОМ, он потом стал комендантом города. Моя группа в гражданской форме перестрелку ведет, мои вперед лезут. Я ему докладываю, что такое положение. Он спрашивает, чья это группа. Я говорю, что старший я здесь.

— Ну, молодец, — поблагодарил, — действуй, помогай.

Часть немцев осталась в городе. Моей группе поручили заняться очисткой города, закрыть все склады, которые есть в городе, установить контроль, чтобы не расхищали. Две недели группа занималась этим. Потом военное положение в городе кончилось, группа пошла моя полностью в армию. Пришел в Ровно.

Когда уже немножко установилась власть к концу второй недели, мне предложили в промышленном отделе горсовета работать, но я говорю:

— Здесь делать нечего, нужно итти воевать.

Пошел в Ровно с группой. Они пошли в армию, а меня послали на курсы усовершенствования. После курсов пошел на фронт.

Юго-западный участок Брест-Литовской крепости, где мне было приказано руководить обороной, с 22.06.41 г. по 28.06.41 г. неоднократно (за день 4—5 раза) переходили в контратаку, в рукопашный бой. Бойцы и командиры, которые меня знали до войны, при обращении со мной во время боя говорили

«тов[арищ] герой советского союза» (присвоили сами), а те которые не знали, называли «тов[арищ] полковник», так как я носил гимнастерку с 4-я шпалами.

27.08.46 г. Матевосян[45]

[л. 8]

Копия

СПРАВКА

Свидетельствую: гв[ардии] ст[арший] лейтенант МАТЕВОСЯН Сергей был ранен 25.VI 1941 г. в боях на защите Брест-Литовской крепости и лечился мною. Диагноз: пулевое сквозное ранение верхней трети правого бедра. Ножевое ранение поясничной области. Гранатно-осколочное ранение правой голени.

Нач[альник] АПГЛР2514
Майор м[едицинской]/с[лужбы] МАСЛОВ.
/ б[бывший] начальник Брест-Литовского госпиталя/
/М.П./

С подлинным верно
Ф. Еловцан
2/I 45 г.

[45] Весь абзац — рукописный текст. Автограф С.М. Матевосяна.

История 2
Свидетельство подвига: интервью с сослуживцами летчика Н.Ф. Гастелло

Спустя несколько дней после начала войны, 26 июня 1941 г., во время выполнения боевого задания дальний бомбардировщик ДБ-3Ф[1], членами экипажа которого были четверо летчиков — командир капитан Н.Ф. Гастелло, лейтенанты А.А. Бурденюк и Г.Н. Скоробогатов, старший сержант А.А. Калинин, был подбит. Экипаж не катапультировался, а совершил огненный таран механизированной колонны немецкой техники. Все летчики погибли.

О таране стало широко известно. Поскольку в первые дни войны советские войска терпели жестокое поражение на земле и в воздухе, подвиг экипажа Н.Ф. Гастелло был использован пропагандой как пример вдохновляющего самопожертвования. 26 июля 1941 г. Гастелло был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза. Летчиков, совершавших воздушный и наземный таран, после этого стали называть «гастелловцами». Заметим, что по мере повышения мастерства советских асов росло и отрицательное отношение к тарану как к героическому, но малоэффективному, самоубийственному средству ведения боя. Против таранов выступал, в частности, ас А.И. Покрышкин[2].

Подвиг экипажа Гастелло в советское время не ставился под сомнение. В 1951 г., в канун его десятилетнего юбилея, была вскрыта предполагаемая могила героя военных лет для торжественного перезахоронения. Неожиданно там были обнаружены вещи сослуживцев Гастелло — капитана А.С. Маслова и радиста Г.В. Реутова, чей экипаж считался пропавшим без вести в день тарана. На этом основании в 1990-е гг. возникла версия, что именно экипаж Маслова, а не Гастелло совершил знаменитый огненный таран[3]. В 1996 г. Маслов посмертно был удостоен звания Героя Российской Федерации. Более того, было высказано предположение, что сам Гастелло не погиб, а попал в плен[4]. До сих пор не утихает и спор о том, был ли на самом деле подвиг Гастелло или это выдумка советской пропаганды.

Публикуемая ниже стенограмма содержит интервью сотрудников Комиссии с непосредственными свидетелями событий — сослуживцами Гастелло:

---

[1] ДБ-3Ф (или Ил-4) — дальний двухмоторный бомбардировщик, вооруженный тремя пулеметами, способный нести до 2,5 т бомбовой нагрузки.

[2] *Марчуков А.В.* Герои-покрышкинцы о себе и своем командире. Правда из прошлого. 1941—1945. М., 2014.

[3] *Харитонов Э.* Неоконченный путь к истине: Экипаж Маслова. Великий Новгород, 3-е изд. 2006.

[4] *Чуприн В.* Горькая правда о Гастелло // Московский комсомолец. 2001. 7 сентября.

начальником оперативного отдела авиадивизии майором С.П. Лукьяновым[5] и помощником начальника оперативного отдела дивизии капитаном Г.В. Поздняковым[6]. В их рассказах дается личностная характеристика Гастелло и описание боевого вылета, во время которого погибли он и его экипаж.

Эти интервью не позволяют с абсолютной точностью разрешить спор о том, кто же совершил подвиг — Гастелло или Маслов. Тем не менее, они дают понять, что в авиадивизии, среди самих летчиков, подвиг числили именно за Гастелло. Упоминаются и очевидцы тарана, рассказавшие об этом сослуживцам Гастелло. Капитан Маслов фигурирует в рассказе Г.В. Позднякова в качестве одного из командиров экипажей, но нет упоминания о том, что 26 июня 1941 г. он не вернулся из боевого вылета. Вероятно, это было связано с тем, что его считали пропавшим без вести и, возможно, попавшим в плен.

Стенограммы[7] бесед с майором С.П. Лукьяновым и капитаном Г.В. Поздняковым

[л. 1]

Майор ЛУКЬЯНОВ Сергей Петрович
начальник оперативного отдела
награжден орденом Красного знамени

23 декабря 1942 г.

Родился в 1907 г. в Белоруссии: Могилевской обл[асти], Рогачевского района, дер[евне] Старый Крывск в семье крестьянина-бедняка.

Учился в деревне в 4-классном училище, окончил его. После этого поступил в Рогачевскую профессиональную школу, кончил ее в 1925 г. После этого работал на сезонных работах в своей же местности.

В 1929 г. был призван в армию. Кончил школу 98 стрелкового полка в Быхове. После окончания полковой школы служил сначала командиром отделения, потом помкомвзвода, потом старшиной. Кончил курсы командиров взводов и сразу уехал в Оренбургскую школу штурманов[8]. После окончания

---

[5] Сергей Петрович Лукьянов закончил войну в звании гвардии подполковника. Награжден орденами Отечественной войны I и II степеней. См. сайт «Подвиг народа» http://podvignaroda.mil.ru/?#id=1374653647&tab=navDetailManCard.

[6] *Поздняков Георгий Васильевич* (1909 г.р.). В 1943 г. гвардии майор Поздняков был награжден орденом Отечественной войны I степени. См. сайт «Подвиг народа» http://podvignaroda.mil.ru/?#id=18424002&tab=navDetailManAward.

[7] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. I «История воинских частей и подразделений». Оп. 46 «Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 3-й авиационной дивизии дальнего действия (1-я гвардейская авиационная дивизия дальнего действия)». Ед. хр. 11.

[8] В настоящее время — Оренбургское высшее военное авиационное Краснознаменное училище летчиков имени И.С. Полбина (ОВВАКУЛ), основано в 1921 г.

школы в конце 1931 г. начал летную работу вначале рядовым штурманом. В 1933 г. перевели на должность штурмана отряда.

В 1936 г. уехал в командировку за границу (в Испанию), где пробыл с декабря 1936 г. по июль 1937 г.

В комсомоле не был. Кандидат партии с 1931 г., член партии с 1932 г.

По прибытии из командировки работал штурманом эскадрильи, затем был переведен на штабную работу.

В 1939 г. кончил Липецкие высшие авиационные курсы усовершенствования[9], после чего сначала работал начальником разведотделения бригады, потом помощником начальника оперативного отделения. С августа месяца 1942 г. — начальником оперативного отделения.

В действующей армии я с первого дня войны. Война за**[л. 2]**стала нас в дивизии. С первого же дня войны все самолеты были готовы. Мы готовились к учебным полетам в управлении дивизии. Стояли мы в Боровском Смоленской области. Нам сказали: «Если погода будет, разбудим. Погоды не будет, будить не будем». Разбудили в 4 часа. Думаем: командир дивизии приказал. Но объявил тревогу кто-то другой. Дали распоряжение подвесить бомбы. Командиры узнали часов в 7, — сообщили из штаба корпуса, — точно не знали, но говорят: что-то с Германией. Потом слышим по радио речь товарища Молотова[10]. Все стало ясно.

И в 14 часов 22 июня экипажи уже вылетели на боевое задание. Тут же вылетел и Гастелло[11]. Я знал его еще до войны.

Так как я работал в оперативном отделении, то я часто сталкивался с ним. Он был командиром эскадрильи 207 полка. С командирами эскадрилий работники оперативного отделения частенько сталкивались. Поэтому я знаю Гастелло по его характеру и по натуре. Я жил с ним в одном городке.

Про него можно сказать, что он средней солидности, среднего роста, шатен.

Он выделялся тем, что был спокойный, вдумчивый, зря слова не скажет, как некоторые есть, и вообще спокойный и требовательный — вот его черты. На все указания свыше реагирует добросовестно и своевременно, раз дано указание, выполняет немедленно. Мне тоже приходилось давать ему указания. Я заведовал командирской учебой, он проводил занятия. Контролируешь, говоришь: «Вот это занятие нужно было бы провести так». Скажет: «В следующий раз исполним».

Во время войны тоже приходилось иметь с ним дело, потому что то приказ доставишь, то какое-нибудь указание. Во время войны я видел его 2—3 раза.

Один раз видел, когда он после выполнения задания пришел.

---

[9] Созданы в 1933 г. как Высшая летно-тактическая школа ВВС; в 1938 г. преобразованы в Липецкие высшие авиационные курсы усовершенствования.

[10] *Молотов (наст. фамилия — Скрябин) Вячеслав Михайлович* (1890—1986) — советский государственный и партийный деятель.

[11] *Гастелло Николай Францевич* (1907—1941) — советский военный летчик, 26 июня 1941 г. погиб при совершении огненного тарана. 26.07.1941 г. посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза.

[л. 3] Он выполнял задание по выполнению[12] танковых колонн на шоссе Брест—Пружаны (на Варшавском шоссе). Они потеряли 3 экипажа. Гастелло сказал: «Нужно прикрывать истребителями, потому что так много немецких истребителей, что даже страшно». Я его спросил: «Как бомбили?» Он ответил: «Бомбили-то хорошо, но есть потери». Он говорил о своей эскадрилье и вообще о полке. Это было, по-моему, 24 июня.

Иногда были случайные встречи с Гастелло, потому что мы жили в соседних домах. Но тут особенного говорить ничего не будешь, а так поздороваешься и все. Я капитан, он капитан. Он ничем особенным не выделялся, просто строго подтянутый командир эскадрильи.

Как летчик он был хороший, но полностью выявить его способности мы не могли, потому что полк еще недавно сформировался, а как командир эскадрильи он вполне соответствовал своей должности.

Во время бомбардирования этих колонн приказано было бомбить с 400—800 м. По показанию других экипажей, которые участвовали с ними в этот раз, выясняется такая картина: когда они подошли к колонне, был сильный зенитный огонь. Это было на шоссе между Минском и Могилевым числа 26 или 27 июня. Когда самолет Гастелло загорелся, он находился над шоссе, где была бензозаправочная база для танков и автомобилей. И вот по показанию всех экипажей, которые оттуда вернулись, когда самолет Гастелло загорелся, он направляется на эту бензозаправочную базу с принижением и горящий врезается в нее. Видно, что самолет не случайно, а сознательно его руками направлен туда, потому что можно было бы спланировать, но он совершенно сознательно это сделал, потому что его положение было безвыходное: прыгать на парашюте — все равно попадешь в плен. И он направился в эту гущу. Экипаж полностью погиб. Воля его, конечно, была. Что они **[л. 4]** там говорили, не знаю.

Там был не один экипаж, а несколько, потому что там было 3 звена. Один самолет был подбит и сел на своей территории.

Когда мы узнали о случае с Гастелло, мы направили донесение в штаб корпуса, написали, что он совершил такой подвиг. Штаб корпуса сообщил в Москву. На него запросили материал. Материал этот представили числа 29—30 июня или около 1 июля. Мы оформили полностью материал и послали.

В дивизии это, конечно, дошло до всех масс, до всего летного и технического состава. Массы с большим воодушевлением встретили это известие, оценили как большой подвиг. Вначале авиация хоть и несла большие потери, но никто не отказывался летать. Все массы сказали, что он сделал правильно, что не сдался в плен. Он мог, конечно, спасти жизнь, потому что высота была метров 500.

По поводу этого случая провели работу во всех полках и подразделениях.

Подобных случаев у нас больше не было. Такой случай был первый в истории Отечественной войны. После, по-моему, писали, что такой случай был на Днепре около Кременчуга, что самолет в переправу врезался.

[12] Так в тексте.

Звание Героя Советского Союза Гастелло было присвоено примерно в июле месяце, числа 5—10, когда уже было два каких-то Героя Советского Союза истребителей, во всяком случае одному из первых.

После присвоения ему звания мать его прислала в полк письмо, которое было опубликовано в газетах.

[л. 5] Какова роль оперативного отдела? Все оперативные задания концентрируются в оперативном отделе. Выражаясь по-авиационному или по-штабному, это является штабом в штабе. Вся боевая работа проходит через оперативный отдел. Поэтому оперативный отдел непосредственно связан с летным составом, с работой штабов полков. В общем, вся боевая работа и весь материал проходит через оперативный отдел, весь учет, вся отчетность.

Учет у нас поставлен таким образом, что мы в любое время на каждого, даже если много времени прошло, можем дать требуемый материал, на каждый вылет у нас имеются данные. У нас сохраняются поденные данные. Правда, иногда приходится покопаться, но во всяком случае можно установить в любое время.

Мы имеем полное представление, что собой представляет каждый полк, каждый экипаж, правда, не в такой степени, как командир полка знает, но все-таки знаем.

Я скажу о 4 полке, как он к нам прибывал. Я с ним встретился первый, когда он к нам летел из дома в Борисоглебск. Для установления с ними связи и дачи им информации о том, что происходит на фронте, 27 июля вылетел в Борисоглебск. Нашел там командира полка, связался с ним, дал им данные, чтобы установить радиосвязь, чтобы можно было вызвать в любое время, поговорил с начальником штаба. Командир попросил, чтобы я поговорил с летным составом. Я собрал всех. Это было под вечер, рассказал, что было на фронте, потому что до них это не доходило. Командир полка изложил мне, что собою представляет полк, чтобы доложить командованию. Полк был старый, сколоченный в составе 36 экипажей. Прилетели все дневные, процентов 50 в это время было ночников.

Назавтра я вылетел оттуда. Установил с ними связь, дал им **[л. 6]** кадровую таблицу и команду вылететь. Они произвели посадку на аэродроме «Красная Заря» между Ельцом и Орлом и на второй день после полета уже пошли на боевое задание. Командование дивизии ознакомилось с летным составом. Ходили на боевые задания девятками, полк был очень слетанный, ходили далеко. Часть экипажей с первых же дней делала по 2—3 вылета, ходила ночью.

Могу рассказать об одном характерном полете. В конце августа было приказано 3 самолетам с хорошими экипажами перелететь в Чернигов, где они получат особое задание и вылетят в глубокий тыл. Перелетели туда, там получили задание от командования Авиации дальнего действия (тогда иначе называлась) из Москвы. Вылетели они днем. Тут были: капитан Бурдыгов, капитан Жидков — командир эскадрильи. Вылетели они на разрушение завода в районе Вены с ампулами КС[13]. Пришли туда очень удачно, сбросили свой груз,

[13] Ампулы со сгущенным керосином, выстреливались ампулометом.

сфотографировали. Пробыли в воздухе без всяких подвесных баков 10 часов 15 минут и возвратились днем. Никакого противодействия не встретили. Вероятно, противник все же не ожидал такой «наглости», как говорят.

Вначале 4 полк работал прекрасно, потому что старый состав был. Потом, конечно, потери были, не без этого. Из экипажей и отдельных летчиков выделялись: Жидков, Бурдыгов, Дворга, Матросов, Воробьев, Кононов, сам Чемоданов — заместитель командира полка. Он тоже летал, пока не был ранен. После ранения он пролежал месяца два в госпитале, потом опять не летал. Он выбросился с парашютом, но в момент приземления сильно ударился ногами. Эти экипажи очень хорошо работали как днем, так и ночью.

Началось переучивание летного состава, который еще не летал ночью, для того, чтобы подготовить его к ночным полетам.

При базировании сюда, правда, полк потерял часть кадров и здесь был пополнен кадрами часть за счет 96 полка и частью за **[л. 7]** счет 433 полка и здесь начал работать. Тут тоже работали неплохо. Опять выделяются: Бурдыгов, Матросов, Воробьев, Клята, Шатров из пополнения. Исключительно показал себя Рубцов. Он за какие-нибудь 3,5 месяца больше 100 вылетов сделал. Потом хорошо показали себя Евтух и Путилин — старшина, се[й]час сержант. Хотя он молодой, но больше 70 вылетов сделал.

В отношении работы штаба вообще. Штаб с первых дней очень быстро переключился на боевую работу и сейчас работает хорошо, налажен учет как людей и матчасти, так и боевой работы. Большую работу ведет по истории своей части, особенно в 4 полку, там собрано много документов, фотоматериалов. Этим занимается начальник штаба подполковник Миронов. Еще до войны было собрано много документов, потому что полк существует порядочное время. Сейчас, в Отечественную войну, особенно много снимков и документов о том, как проявили себя люди до своей гибели.

Когда полк только что прибыл, в первые же дни мы делали очень сложные полеты: от Ельца нужно было итти на Барановичи. Нужно было пробыть в воздухе 6 часов, метеусловия были ужасные, но они пошли и все-таки пробились. Стариков там было мало. Из молодых там был Воробьев. Когда его спросили: «Ну как дела?» он говорит: «Все нормально, немножко устал». «А завтра полетите?» «Полечу». Тогда он был младшим лейтенантом. Сейчас он сильный летчик.

[л. 8]

Капитан ПОЗДНЯКОВ Георгий Васильевич,
помощник начальника оперативного отдела дивизии

24 декабря 1942 г.

О ГАСТЕЛЛО

Примерно в январе месяце 1941 г. к нам в 207 полк в Боровское прибыли командиры эскадрилий и их помощники. Командовал полком полковник Титов. Эти командиры были из старых летчиков, которые раньше летали на тяжелых кораблях «ТБ-3»[14]. Они прибыли из Шайколки. Среди них был капитан Гастелло, которы[й] и принял командование одной из эскадрилий 207 полка. Полк наш был молодой, только формировался. Материальной части было мало, и личный состав был еще не полностью. В марте месяце начались полеты на той материальной части, которую удалось получить.

Руководящий состав 207 полка очень скоро сдружился. Так как личный состав в 207 полку по количеству был еще невелик, то руководящий состав — командиры эскадрилий и их помощники, командиры звеньев и летчики сумели неплохо узнать друг друга.

С Гастелло я знаком с первого дня прибытия его в полк. Сблизило меня и Гастелло то, что мы оба давно служим в ВВС и, кроме того, оба оказались футболистами, оба с нетерпением дожидались наступления лета, чтобы выйти на спортивную площадку.

Гастелло отличался от других тем, что умел своей внешностью расположить к себе человека: в разговоре и обращении был прост, но зря времени не терял на болтовню или, как у нас говорят, на «баландерство». Видно было, что он избыток своего времени тратил на изучение материальной части. Видно было, что наш летный состав от избытка времени томится от безделья. Гастелло же старается это время **[л. 9]** использовать для того, чтобы имеющиеся летные кадры и материальную часть подготовить надлежащим образом к прибытию молодых пополнений для того, чтобы потом в кратчайший срок ввести в строй этот молодой летный состав.

Очень часто в разговоре Гастелло вспоминал о том, как он летал на кораблях «ТБ[15]-3», и видно было, что он вспоминал с удовольствием о том, как он делал длительные полеты и выполнял сложные, комплексные задачи. Здесь даже проскальзывала некоторая разочарованность, что он попал в такой полк, где материальной части очень мало и полеты ограничены.

С наступлением весны, когда стал сходить снег, стали поговаривать о том, что близится летный период, а вот материальной части маловато. Летный со-

[14] ТБ-3 (АНТ-6) — советский тяжелый бомбардировщик. Нередко использовался как транспортный самолет.
[15] В тексте: БТ.

став стал прибывать, но материальной части все же было маловато. Иногда касались темы возможности начала войны. Гастелло увязывал это с состоянием комплектования полка, причем говорил: «Если мне дадут полностью самолеты и летный состав, то к началу тактических летных учений у меня эскадрилья будет полностью слетана».

После 1 мая кадровый состав и молодые пополнения полка начали регулярно летную работу. Гастелло со своим помощником капитаном Масловым с утра до поздней ночи проводил время на аэродроме, в общежитиях, у материальной части, даже в выходные дни. Они не могли полностью отвлечься от этой работы для отдыха, чтобы возможно лучше подготовить экипажи, чтобы дисциплина в эскадрилье была на высоте, для того, чтобы в общежитиях, на стоянке самолетов и в классах, где занимается летный состав, все было сделано культурно, хорошо, чтобы можно было работать, учить людей, чтобы и в местах отдыха и культурных развлечений все было культурно.

Затем Гастелло соревновался с другим командиром эскадрильи, ко**[л. 10]**торый обладал, пожалуй, не менее энергичным характером, чем сам Гастелло, тоже неплохой летчик. Это — старший лейтенант Кошельков — командир 3 эскадрильи. В их соревновании была заметна не только служебная заинтересованность, как командиров эскадрилий, но еще и личная заинтересованность двух молодых, энергичных, настойчивых, дерзких командиров, было заметно стремление, как у нас говорят, «перещеголять» один другого в том, кто больше сделает, кто раньше начнет летать, у кого будет больше сколоченных экипажей, т.е. это было соревнование за первенство эскадрильи в полку.

Гастелло был не только командир эскадрильи, он не только учил летчиков летать, не только контролировал бомбометание и штурманскую подготовку своих штурманов, он был неплохим воспитателем. Он сам был хорошим спортсменом и сумел сорганизовать неплохой спортивный коллектив в эскадрилье. Он был легкий атлет, но предпочитал футбол всем видам спорта, а также был и неплохим бегуном, прыгал здорово. Кошельков тоже не хотел отставать от Гастелло. Каждый из них составлял различные спортивные команды: футбольную, баскетбольную, волейбольную, и в свободное время они соревновались между собой. Сам Гастелло принимал очень активное участие во всех спортивных соревнованиях, которые проводились в гарнизоне. Он был капитаном сборной футбольной команды гарнизона.

Но в то же время он находил время и для семьи. Я часто видал Гастелло, когда после работы или в выходной день он вместе со своими сыновьями совершал прогулки, занимался с ними. Оба сына очень похожи на Гастелло, особенно старший из них: такой же черный, задорный жучок, бойкий, сообразительный, черноглазый парнишка.

Вначале я мимолетно познакомился со всеми вновь прибывшими командирами, когда они заходили в полк, в том числе и с Гастелло, но это знакомство было очень краткое. Более или менее хорошо познако**[л. 11]**мился я с Гастелло, когда мы с ним вместе дежурили. Это было 28 апреля. За несколько

дней до праздников на дежурство назначили более или менее ответственных командиров, старших командиров. Мне пришлось дежурить по гарнизону вместе с Гастелло. Так как на дежурстве свободного времени бывает много, то было о чем поговорить.

Сначала мне казалось, что Гастелло мало разговорчив, судя по его внешности. Худощавый, быстрый в движениях, он производил впечатление мало разговорчивого человека. Но, когда я его узнал ближе во время дежурства, то он оказался хорошим собеседником. В нем я увидел человека бывалого, который успел много полетать, много увидеть и многое понять.

По внешности Гастелло был выше среднего роста, брюнет, очень стройный, всегда имел вид подтянутый, аккуратный. По всей его выправке чувствовался человек хорошего физического развития. Глядя на него, я сразу подумал, что из этого парня выйдет хороший командир, а из разговора с ним, кроме того, узнал, что и по общему своему развитию он выгодно отличается от многих командиров, которых я знал раньше. С ним можно было говорить на любую тему, но он предпочитал больше говорить о полетах или о политике, или вспоминать наших общих знакомых, с которыми вместе приходилось работать или встречаться, причем он довольно сильно высмеивал тех командиров, которые не отличались особой распорядительностью и уменьем руководить, любил посмеяться над теми из них, которых называют «неудачниками». Вообще где бы я ни встретился с Гастелло — и на аэродроме, и в общежитии, и в ДКА[16], он не мог пройти молча, чтобы не сказать пару слов, причем он говорил не только для разговора, а во все вникал. Оказалось, что это человек очень общительный и очень простой. Мне думается, другой на его месте оказался бы и менее разговорчивым, и менее открытым, что у нас называют заносчивостью.

[л. 12] Во время дежурства к нам зашли капитан Маслов, капитан Казаков, собрались старые друзья, и завязалась беседа; как обычно в таких случаях бывает между старыми друзьями, стали вспоминать, как летали на «ТБ-3». Вспоминали одну ночь, когда корабли, на которых летали Гастелло, Маслов, попали в трудные метеусловия. Это было летом 1939 г. ночью, когда было приказано по радио возвращаться на свой аэродром. Условия полета были очень тяжелые, сплошная облачность почти до земли, а полет производили за облаками. Лететь нужно было в Днепропетровск. Гастелло вспоминал, что когда он получил приказание возвратиться на свой аэродром, оценив обстановку в воздухе, он решил пойти на запасный аэродром, так как у него был неисправный мотор и были какие-то перебои в подаче горючего. В поисках этого запасного аэродрома, где можно было бы произвести посадку и переждать погоду до утра, ему пришлось обойти несколько знакомых аэродромов, в том числе Лебедянь, Курск и Старый Оскол. Когда он пришел на Старый Оскол и пробил облачность, чтобы рассмотреть аэродром, то увидел там целую карусель. Одновременно произвели посадку больше десятков самолетов

[16] Дом Красной армии.

различных типов, среди них несколько кораблей «ТБ-3». Тогда Гастелло решил, что здесь садиться невыгодно, так можно или в воздухе столкнуться с кем-нибудь, или разбить машину на земле. Поэтому опять, набрав высоту, он взял курс на свой аэродром. Придя туда, он дождался в воздухе наступления рассвета и благополучно произвел посадку. Как оказалось, на свой аэродром пришел еще один корабль, а все остальные корабли эскадрильи произвели вынужденную посадку на различных аэродромах. Два корабля в результате вынужденной посадки оказались разбитыми. И Гастелло, и Маслов вспоминали эту ночь, как особо тяжелую для полетов.

Затем они положительно отзывались о самолете «ТБ-3», сравнивая его с самолетом «ИЛ-4», так как наш самолет «ИЛ-4» был приспособлен **[л. 13]** меньше к полетам в сложных, тяжелых метеусловиях из-за несовершенства мотора и меньшей устойчивости в воздухе. При этом все согласились на том, что, пожалуй, на этом самолете было бы трудно летать в такую ночь, но выразили уверенность, что если самолет еще будет у нас на вооружении, то его усовершенствуют и на нем можно будет совершать такие же длительные и сложные полеты.

После этого стали делиться новостями. Так как все летчики всегда интересуются новыми самолетами и новыми моторами, то оказалось, что есть новые самолеты, причем некоторые из них должны поступить к нам. Гастелло даже сказал, что, кажется, нам обещают самолет «ТБ-7[17]», вот на этом самолете можно полетать.

Такой разговор был у нас еще до начала войны. Из газет и по разным информационным сообщениям нам стало известно о том, что немцы подвозят войска и технику к нашей западной границе. Как-то вечером, когда мы вместе шли из общежития, нас было, кажется, трое, разговор сам собою зашел о возможности начала войны летом 1941 г., при чем у всех нас была твердая уверенность, что если даже не будет войны, то какой-то крупный инцидент на границе может произойти. Все очень пожалели о том, что мы еще не успели полностью стать боевым полком. Конечно, ни один из нас не мог в то время сказать и даже не мог предполагать, что война может начаться так скоро.

Накануне первого дня войны я встретился с Гастелло, который был вместе со своими сыновьями. Мы встретились с ним в бане в субботу, и опять разговор свелся на возможность возникновения войны с Германией. Я помню, что я остановился еще на том, что во всем Западном округе проводятся учения ПВО, которых в прошлом году не было, и что это достаточно показательно в нашей подготовке к войне. Гастелло при этом выразил уверенность в том, что на этот раз так скоро война начаться не может, а если и начнется, то у нас достаточно тан**[л. 14]**ков и авиации близ границы, и немцам сразу дадут понять и почувствовать, они далеко не полезут.

[17] ТБ-7 (Пе-8, АНТ-42) — советский четырехмоторный тяжелый бомбардировщик дальнего действия.

Я помню, еще спросил: «А что если начнется война, что будет делать наш полк, так как обученных кадров у нас очень немного?» Гастелло на это сказал: «Будем летать с теми, которые обучены, сами будем летать, и, конечно, в самое короткое время нам пришлют самолеты полностью и подбросят летный состав. Конечно, с тем составом, который у нас сейчас есть, много не сделаешь».

Затем он остановился на подготовке отдельных летчиков, штурманов, радистов и стрелков и сказал, что с ними надо было бы еще по крайней мере месяц как следует поработать прежде, чем пускать их на фронт, но если нужда заставит, то придется летать командирам эскадрилий и командирам звеньев, иначе для чего же мы столько готовились, для чего нас учили летать?

На другой день я вспомнил наш разговор, хотя еще нам не было известно, что началась война, была объявлена только боевая тревога. Полк наш примерно в количестве 18 экипажей подготовился к боевому вылету, но некоторые, и даже очень многие, и не предполагали, что это начало войны, а посчитали, что это учебная боевая тревога, хотя бомбы были подвешены боевые. Я мельком встретил Гастелло на аэродроме у самолета. Он сказал, что, пожалуй, на этот раз придется летать и бомбить по-настоящему. Помню как раз к нам подошли два техника. Один из них спросил: «Товарищ капитан, когда будет отбой тревоги?» На это Гастелло ответил: «А самолет вы приготовили к полету и все ли вы проверили?» Техник сказал: «Да ведь вылета все равно не будет. Самолет я приготовил, и бомбы подвешены, но лучше бы сегодня в воздух не поднимались: самолет старый, и на нем нужно было бы заменить один мотор». Но Гастелло сказал: «Осмотрите еще раз самолет, проверьте моторы, потому что вылет будет». Когда ушли тех**[л. 15]**ники, подошел стрелок-радист и спросил: «Товарищ командир, на каком полигоне будем бомбить, если будет дана команда на вылет?» Гастелло сказал: «На каком полигоне будет указано». Стрелок-радист спросил: «По конусу тоже будем стрелять?» Гастелло сказал: «По конусу стрелять не будем, а пулеметы проверьте». Так мы с ним поговорили минут 10—15 и решили, что это тревога не простая, потому что длится она уже больше трех часов. В это время позвали руководящий состав на командный пункт к командиру полка. Нам командир полка объявил официально сообщение правительства о том, что фашистские войска перешли нашу границу и война началась.

Часов около 11 дня была поставлена задача на боевой полет, и самолеты начали вылетать. Сначала вылетел соседний 96 полк, затем начали вылетать наши самолеты. От нас вылетело 15 или 16 экипажей. Гастелло в этот день вел за собой звено, так как других из-за слабой подготовки он не хотел пускать в воздух.

После возвращения самолетов с боевого задания сомнений ни у кого уже не оставалось в том, что действительно началась война. Я помню, как Гастелло после посадки приказал сейчас же зарядить самолет горючим, подвесить бомбы как можно скорее, чтобы сделать еще один вылет в тот день. Он очень торопил технический состав. Но в тот день второго вылета нам не разрешили.

Следующий вылет был 24 июня. Экипажи после выполнения боевой задачи в районе Ржаны, Пружаны, Вилейка делились впечатлениями. Гастелло сказал, что далеко летать жалко тратить время. Если бы наш аэродром был поближе к фронту, мы могли сделать вместо одного вылета три вылета.

В эти дни мы ожидали прибытия пополнений самолетов и летного состава. Гастелло сказал: «Ох, если бы девяткой туда полететь, можно было бы много сделать».

[л. 16] 25 июня мы были целый день во второй готовности. Команды на вылет не давали нам. День был облачный. Хотя не было солнца, но парило, экипажи были у самолетов. Около 12 часов дня над аэродромом появился неизвестный самолет на малой высоте. Мы его сначала приняли за самолет «СБ»[18], и никто не ожидал, что это будет вражеский «Ю-88»[19], тем более что он сделал заход на посадку. В это время мы увидели у него на плоскостях кресты. Это было так неожиданно, что все на минуту застыли в изумлении. Между тем немец начал стрелять по земле из пулеметов. В результате этой стрельбы на самолете Гастелло были подбиты бензобаки, потек бензин. При этом Гастелло крепко выругался и сейчас же просил приготовить себе другой самолет, а с этого самолета снять баки и поставить новые. Но самолет противника был еще над аэродромом. Он сделал два захода. Удивление наше прошло, и мы все приготовились к этому второму заходу. Многие, наоборот, были даже довольны, что он заходит второй раз, так как было чертовски обидно, если бы этот самолет ушел невредимым. Часть людей, бывших на аэродроме, попряталась в убежище, а часть летного состава заняла места у пулеметов в самолетах. Гастелло видел, что противник делает второй заход на аэродром, подал команду стрелкам сесть за пулеметы и приготовиться к открытию огня. Сам он тоже занял место у турельного пулемета, так как стрелок не успел сесть за пулемет прежде, чем сел его командир. Когда самолет противника был над аэродромом и опять начал обстреливать из пулемета, то по нему со всех самолетов открыли пулеметный огонь. Все пулеметные очереди слились в сплошной гул, но это продолжалось недолго, каких-нибудь полминуты. Как по команде стрельба прекратилась, так как самолет уже прошел за центр аэродрома, но одна пулеметная очередь еще продолжала догонять противника очень настойчиво, стрелок не хотел выпустить врага. Здесь мы увидели, **[л. 17]** что правый мотор «Юнкерса» задымил. У всех сразу появилось огромное удовлетворение, что все-таки мы его подбили. Противник сел вынужденно за аэродромом километрах в 3—4.

После этого эпизода, когда был дан отбой воздушной опасности, все стрелки собрались в небольшие группы, и каждый старался доказать, что это именно его очередь прошила «Юнкерс». Гастелло не настаивал на том, что это именно он сбил противника, но стрелки соседних самолетов видели, как

[18] СБ (АНТ-40) — советский скоростной фронтовой бомбардировщик.
[19] Юнкерс Ju-88 — многоцелевой самолет немецких люфтваффе.

«Юнкерс» точно прошел над самолетом Гастелло и как трассы из пулемета Гастелло точно ложились по самолету противника. Эти стрелки настаивали на том, что самолет сбит именно капитаном Гастелло. Можно с уверенностью утверждать, что это было именно так. Но Гастелло не придал этому такого крупного значения. Наоборот, он был очень недоволен тем, что его самолет оказался поврежденным и ему придется летать на другом самолете, пока на этом сменят баки.

26 июня утром нам было дано задание бомбардировать скопление танков противника и танковые колонны в районе Сувалки—Ораны. От нас вылетела девятка, одно из звеньев которой вел капитан Гастелло. Из этого полета он не возвратился. Экипажи, вернувшиеся с выполнения задания, рассказывали, что его самолет был подбит огнем зенитной артиллерии, когда он заходил на второй заход для бомбометания. Танков в лесу было очень много и сразу точно выйти на цель нельзя было. Поэтому на первом заходе Гастелло только точно определил цель, а его штурман сбросил две бомбы. Когда самолет Гастелло был подожжен, то другой экипаж наблюдал, как самолет Гастелло, уже теряя высоту, резко развернулся в направлении цели и с большого угла на большой скорости врезался в самую гущу танков и автомашин на лесной опушке. Там было и сильное зенитное противодействие и «109-х»[20] мно**[л. 18]**го появилось, и поэтому не было времени долго разглядывать. Произошел сильный взрыв, большие клубы черного дыма закрыли цель. Зенитки противника вели беспорядочный огонь, а экипажи, ориентируясь по столбу дыма, который поднимался из леса, выходили на цель и сбрасывали бомбы. Так как в этот день не вернулся с задания только Гастелло, то самолет, протаранивший танки противника, был его. Думать о том, что это было сделано умышленно по воле Гастелло, заставляет то обстоятельство, что уже будучи подожженным, он еще имел запас высоты для того, чтобы выброситься с парашютом или отвернуть в сторону от цели. Но, видимо, Гастелло, оценив обстановку, решил, что прыгать с парашютом бессмысленно, так как кругом немцы, а произвести посадку негде, машина горит, все равно впереди ожидает смерть или плен. Решение он принял мгновенно, оно у него непосредственно сразу же было приведено в исполнение.

Мы узнали об этом в тот же день, но семье пока не говорили прямо о гибели Гастелло, потому что у нас не принято сразу говорить. Говорили, что может быть, еще Гастелло произвел где-нибудь посадку, может быть, еще будет что-нибудь известно, да и экипажи, которые видели всю эту картину тарана, не особенно были уверены в том, что это Гастелло, потому что там было много самолетов над этой целью, думали, что Гастелло старый, опытный летчик, не думали, чтобы так просто с ним обошлось: подбила зенитка, подожгли его, и он пошел на таран, не верилось в то, что человек сам сознательно, умышленно может направить так самолет, у него было еще 8 соток. Не верилось в то, что самолет может погибать вместе с бомбами и со всем экипажем итти на таран.

[20] Мессершмитт Bf-109 (Эмиль) — истребитель немецких люфтваффе.

В результате нераспорядительности некоторых начальников семьи летного состава сначала были эвакуированы в Хиславичи, западнее нашего аэродрома примерно километров за 35. Не помню сейчас — семья **[л. 19]** Гастелло тоже была в числе их в Хиславичи эвакуирована или жена с детьми сразу уехала в другом направлении, может быть, к своим родным. Не помню сейчас, потому что дома-то мы не бывали. От аэродрома до городка метров 500—600, но как раз время было такое, что с минуты на минуту ожидали команды вылететь. Кроме этого, ждали, что противник может прилететь, и дома очень мало кто жил, заскочит иногда на минутку, и все.

6 июля вся наша авиация с этого аэродрома улетела. Семьи оставались в Хиславичах, часть семей самостоятельно эвакуировалась в тыл. Мне помнится, смутно, правда, что жена Гастелло с детьми самостоятельно уехала. Уже после женщины говорили, что Гастелло уехала, но точно я этого не помню.

Я помню день, когда не вернулся еще целый ряд экипажей. Это было 29 июня.

Звание Героя Советского Союза было присвоено Гастелло в середине июля месяца [1941 г.]. Было объявлено по радио, что капитан Гастелло награжден званием Героя Советского Союза за проявленные отвагу и мужество.

История 3
«Там была драма целая»: рассказ Н.М. Губарева об эвакуации Донбасса

Донбасс являлся важнейшим промышленным центром Советского Союза[1]. Здесь были сосредоточены сталелитейные, станкостроительные и военные заводы, а также угольные шахты, снабжавшие предприятия всей страны, поэтому вероятная потеря этих территорий стала бы чрезвычайно болезненной для советской экономики. Чисто экономические соображения о важности района дополнялись идейными: Донбасс являлся «сердцем» стахановского движения. Кроме того, это был один из самых пролетаризированных регионов страны, а рабочий класс, как известно, фигурировал в пропаганде в качестве главной опоры советского строя.

В формировании классового мышления и советской идентичности важнейшую роль играли работники политического фронта. Одним из них был Николай Михеевич Губарев. Его биографию реконструировать пока не удалось. Даже в стенограмме нет обычных в таком случае подробностей его деятельности в военные годы. Тем не менее, его воспоминания представляют несомненный интерес как свидетельство о положении в Донбассе до оккупации и после.

Воспоминания Н.М. Губарева начинаются показом широкомасштабной мобилизации населения в первые недели войны. Описывается перевод местных предприятий на производство военной продукции, в особенности гранат для ополчения. В рассказе неоднократно подчеркивается их «неплохое» качество, правда, упоминается и то, что секретарь горкома, поехавший на испытание гранат, погиб из-за преждевременного взрыва.

Будучи политработником, лектором, Губарев делает особый акцент на пропагандистской деятельности. Перед нами предстает война глазами пропагандиста — со всей присущей ему спецификой отражения и осмысления реальности. Так, много внимания уделено описанию методов пропагандистской работы. Он показывает, как местные лекторы совершенствовали технику подачи материалов, дает конкретные рекомендации по проведению лекции.

[1] О регионе в годы войны см.: *Супруненко Н.И.* Украина в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941—1945). Киев, 1956; Подвиг Донбасса. Киев, 1975; *Ткаченко О.С.* Трудовой Донбасс — фронту: Исторические очерки. Донецк: Донбасс, 1995; Донетчина в годы Великой Отечественной войны 1941—1945. Известные и неизвестные страницы истории. Донецк, 2008; *Жирохов М.А.* Сражение за Донбасс. Миус-фронт, 1941—1943 гг. М., 2011.

Особый интерес представляют эпизоды приезда бригады Е.М. Ярославского, в которую входили историки А.М. Панкратова и И.И. Минц. Перед нами редкое описание выступлений ученых перед аудиторией в годы войны.

Будучи заинтересованным в демонстрации эффективности партийной пропаганды, Губарев всячески подчеркивает энтузиазм масс, подогреваемый выступлениями лидеров страны и местных партийных функционеров. В связи с этим рассказ Губарева требует перепроверки с помощью других источников. Впрочем, из интервью можно почерпнуть немало интересных сведений. Очень быстро рассказ наполняется многочисленными фактами, явно не вписывающимися в пропагандистский дискурс.

Так, проскальзывает упоминание о рабочих, ведущих «контрреволюционную пропаганду». При описании эвакуации донбасских предприятий не скрываются возникшие сложности, чувствуется, что, по мнению интервьюируемого, эвакуация прошла не на высоте (плохо организованные перевозки, бегство начальства, мародерство). Высказывается глухое недовольство позицией сельских жителей: «У меня особое мнение осталось о наших колхозниках и неважное. То, что я видел своими глазами, когда немцы подходили и как себя колхозники проявляли, не похоже на то, что они колхозники». Любопытно, что Губарев, как политический работник, задачей которого являлось воспитание населения в духе верности «партии и правительству», подчеркивает политическую несознательность колхозников, точнее, их несоответствие тому, какими должны быть «настоящие» колхозники. Им противопоставляются настоящие коммунисты, которые мужественно делают порученное им дело.

Завершает интервью зарисовка о жизни освобожденного Сталино. Особенно интересна попытка рассказчика дать обоснование противоречивым настроениям местного населения. По его мнению, «плохие настроения» (сочувствие немцам и т.п.) могли возникнуть только у классово аморфных элементов: «Таких разговоров среди рабочих не услышите, а среди интеллигенции они есть». Помимо этого, указывается на ряд других «последствий» немецкой оккупации, в частности, распространение взяток. Таким образом, в картине мира Губарева справедливый советский мир и его жители были «деформированы» влиянием немецких захватчиков. Для него война — это столкновение коммунистической и шире — советской идентичности и основанного на ней кодекса поведения со стихией хаоса и несоветского мышления. Ясно, что свою задачу он видел в восстановлении советской жизни в освобожденном Донбассе.

[л. 1]

КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Стенограмма беседы с тов[арищем] ГУБАРЕВЫМ Николаем Михеевичем[2].

Беседу проводит тов. ЛИХТЕР Б.Л.
Стенографирует Шамшина А.И.

ГУБАРЕВ Николай Михеевич — лектор Сталинского обкома ВКП(б).

Сталино[3]. Обком ВКП(б).
15 февраля 1944 г.

Родился я в 1907 году в Сталино. Отец шахтер, член партии. Сейчас два брата в армии, один брат учится, две сестры. С детства я нигде не учился. Начал учиться уже взрослым. Вначале брал учителя на дом, потом окончил курсы подготовки в вуз. Учился в совпартшколе и поступил в 1936 г. в Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б)[4] на партийное отделение. В 1937 г. нас выпустили. Приехал я с курсов, меня послали работать преподавателем на областные курсы. Когда курсы были ликвидированы по решению ЦК, я стал работать лектором, с 1938 г. Член партии с 1927 г.

В апреле 1941 г. были организованы межобластные курсы в Мариуполе. Я попал преподавателем на эти курсы. Там занимались до 22 июня. 22 июня сообщение, что началась война. До 1-го июля мы там пробыли. С 1 числа курсы были распущены до особого распоряжения, и мы опять поехали читать лекции. Созвали нас в обкоме. Между прочим, был сразу же проведен митинг по всем промышленным предприятиям, учреждениям, городам. Как народ на это реагировал в первые дни войны? Народ говорил по адресу Гитлера: сколько волка ни корми, он в лес смотрит. Наша задача сейчас все силы бросить на то, чтобы поддержать государство в борьбе с немцами.

Выступление товарища СТАЛИНА от 3 июля[5], его призыв к созданию народного ополчения. Донбасс весь покрылся ополчением и истребительными батальонами. Не было ни одного предприятия, чтобы не было создано народное ополчение или истребительный батальон. В это время я уже работал в Сталино. Здесь на всех заводах, по учреждениям были созданы отряды народного ополчения, были десятки тысяч людей. Не было речи о том, кто здоров, кто болен. И старики, и среднего возраста, и подростки шли в народное ополчение.

---

[2] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. III. Оп. 9. Д. 6. Л. 1—5.

[3] В 1869—1923 гг. город назывался Юзовка, с 1961 г. — Донецк.

[4] Высшая партийная школа (ВПШ) при ЦК ВКП (б) — высшее партийно-политическое учебное заведение для подготовки партийных и государственных кадров. Существовало в Москве с 1939 по 1978 г. Губарев, вероятно, имеет в виду предшественника ВПШ, Высшую школу пропагандистов им. Свердлова.

[5] Первое публичное выступление И.В. Сталина по радио с начала войны.

Попутно с народным ополчением создавались и истребительные батальоны. Они находились на казарменном положении. У нас в обкоме была специальная комната, кровати поставлены, где они могли бы находиться. Например, в Тельмановском районе, село Старая Корань, где был я, был организован большой зал, поставлены кровати. К счастью, они были вооружены, у них были винтовки, стоял дежурный.

Это была такая народная волна. Когда это было создано, с первых дней началось усиленное военное обучение. Рабочие работают 8 часов. Раньше они работали 6 часов, а после выступления т. ШВЕРНИКА[6] и решения ВЦСПС[7] начали работать немножко больше. В военное время не стали считаться с рабочим днем, и 9 и 10 часов. После окончания работы рабочие собирались на военные занятия в истребительные батальоны[8] и полки народного ополчения[9]. Все это дело было неплохо организовано, инициатива была большая.

Когда проходили митинги в первые дни войны, очень многие изъявили желание и шли добровольно в армию, не ожидали мобилизации, хотя возраст их не подлежал мобилизации. У нас ушел, например, один СИГАНОВ Александр Васильевич. У него такая получилась трагедия. Он был мобилизован в Западную Украину на ра**[л. 1 об. / с. 2]**боту, т.к. он сам русский, даже с белорусским акцентом, попал во Львов, не зная укр[аинского] языка. Его отпустили, а семья его там осталась. Приехал сюда, началась война, и он не успел вывезти семьи. Он недели две ходил в военкомат, его не принимают. Наконец, его военкомат взял.

В Красноармейске стоял гарнизон. Там были не только мобилизованные, но и добровольцы. Шли шахтеры. Массово их нельзя было отпускать, но в армию отпускали. Это были только кадровые рабочие. Они в гражданской войне принимали участие, тогда воевали с немцами и сейчас идут. Я уже не говорю о молодежи. Там было повальное увлечение. Я как-то читал лекцию в Амвросиевке. Там при мне рабочие записывались: А меня! А меня! Это было уже после выступления товарища Сталина и приезда ЯРОСЛАВСКОГО[10].

Когда встал вопрос о вооружении народа, тогда поднялась инициатива местного производства вооружения. Нужно было людей вооружить, а оружия

---

[6] *Шверник Николай Михайлович* (1888—1970) — советский государственный деятель. В 1938—1946 гг. — председатель Совета национальностей Верховного Совета СССР. В годы войны также являлся председателем Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков.

[7] Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов — руководящий орган советских профсоюзов. Речь идет об одобренном руководством профсоюзов решении о введении в СССР после начала войны чрезвычайного трудового законодательства, предусматривавшего увеличение продолжительности рабочего дня, отмену регулярных отпусков и выходных.

[8] Добровольные военизированные формирования для борьбы с диверсантами, шпионами, мародерами и т.д.

[9] Добровольческие воинские формирования из лиц, не подлежавших первоочередному призыву по мобилизации.

[10] *Ярославский Емельян Михайлович* (Миней Израилевич Губельман) (1878—1943) — революционер и советский партийный деятель. В годы войны являлся автором многих пропагандистских антинемецких статей, входил в состав президиума Комиссии по истории Великой Отечественной войны. Лауреат Сталинской премии СССР (1943 г.).

не хватало. Стали производить в первую очередь противотанковые гранаты, заряжали бутылки горючей жидкостью. Особенно в Макеевке много этого производилось. Она снабжала другие районы. Гранаты были и противопехотные. Причем по качеству гранаты неплохие.

У нас в Сталино тоже производились гранаты. Секретарь горкома нашего поехал делать испытания. Получился преждевременный взрыв, и он был убит.

Тогда я беседовал с управляющим [трестом] Красноармейскуголь тов. КРАВЧЕНКО. Они тоже противотанковые гранаты делали, причем у них гранаты получались неплохие. Они тоже начали готовить некоторые другие виды оружия, неплохо получалось. Что они делали, я не знаю, потому что я скоро выехал. Инициатива в части вооружения начала проявляться, но было поздновато. Народ на производстве делал все, не только давал добычу, давал вооружение, которое был в силах сделать, и снабжал все наши предприятия этими средствами вооружения.

Я был свидетелем в районе Волновахи такого момента. Это было в конце сентября. Я был командирован в район Волновахи на укрепрайон, в район Большой [...][11], Старо-Керменчик. Со мною поехал тов. БОРИСЮК. Сидели вечером. Раздается сигнал, что высадился десант. Я не говорю о милиции, НКВД, а говорю об истребительном батальоне. Немедленно были поданы машины грузовые, немедленно был собран истребительный батальон. Там были коммунисты, беспартийные. Он был вооружен, были пулеметы, винтовки. Ночью выехали в указанное место. Из окружающих сел вышли также три села, организованные в истребительные батальоны. Пока подъехали машины, колхозники наши уже были на месте, кто чем был вооружен, кто вообще был без оружия. Там прочесали весь лес, прошли, посмотрели, где, что, как. Не подтвердилось, что высадился десант, но и не подтвердилось, что не высадился.

В Ольгинском районе немецкий самолет приземлился, вынужденная посадка. Колхозники сами ловили немецких летчиков.

Таким образом, как рабочие, так и колхозники в эти дни занимались очень много военным обучением, вели борьбу с высадкой десантов. Народ был этим воодушевлен, огромная масса была за то, чтобы усилить борьбу.

Как тогда собирался к нам на лекцию народ? Перед лекторами обкома была поставлена одна задача. Тогда у нас был тов. КИГИНЬКО. Он говорил, что лекции должны быть короче, ярче и чтобы они носили характер призыва. **[л. 2 / с. 3]** Лекции должны быть 30—40 минут, и она должна быть так насыщена, чтобы поднимать патриотизм народа, и нужно учитывать настроение массы.

Я объезжал ряд шахт Снежнянского района. Там же я и в колхозах был. Как только лекция о текущем моменте, людей всегда полно. Тов. КЛИНДУКОВ читал последнюю лекцию 10 октября, почти накануне отхода наших, и то рабочих было полно.

Верили рабочие в нашу силу? Верили, безусловно, но они требовали от нас только одного. Когда товарищ Сталин выступил по радио, там ничего не было

[11] Неразборчивая надпись чернилами поверх слова, набранного на пишущей машинке.

непонятного для рабочих. Они понимали причины отхода войск и причины немецкого наступления. Они требовали от нас только одного — вооружение и второе, чем помочь нам этой борьбе с немецким шпионажем. Эту борьбу не только вели взрослые, но и дети.

Эти вопросы мы поставили перед тов. Ярославским. Вот я приезжаю на рабочее собрание. Мы начинаем рабочих призывать. Они откликаются, говорят: «Мы это хорошо знаем, — как правило, на собраниях была не молодежь, а рабочие кадровые, — но вы нас вооружите. Дайте оружие, а тогда мы будем разговаривать». Когда мы поставили этот вопрос перед Ярославским, говорят, что нужно лучше работать. Это примерно первые месяцы войны. Но когда немец уже был на Днепре, по Донбассу, по призыву партии стали другие задачи — это строить укрепленные районы. Как на это откликнулись? Мы август были на окопах, в середине сентября к нам приехал тов. Ярославский. Я на окопах был целый месяц. В конце августа мы, очевидно, выехали на строительство рубежа. Как на это дело пошли? Выезжали все, и рабочие, и учителя, и подростки, и женщины. Выехало 5 тыс. человек. Я был с трестом Красноармейскуголь — это Попасное, село Григорьевка, за Павлоград. От Днепра мы были километрах в 40. Наши товарищи выехали с другими трестами. Всего на строительстве было тысяч 400 народу, а линию мы занимали 350 км, от Азовского моря до Харькова. В стык с нами работали колхозники Харьковской области. Строили сплошной противотанковый ров 7 метров шириной и 3 метра глубиной. Успели вырыть только один ров, а нужно было сделать три таких и между ними сделать различные гнезда, хода, укрепления. Работали мы там до 10 часов. Большинство работало очень хорошо. Грязь, дождь, погода тяжелая, все равно работали. Только в проливной дождь не работали. Начали работать с первой половины августа. Начинали работать с 7 часов утра и до 6 вечера, до темна.

Управляющий трестом был управляющим строительством, заместитель главного инженера был главным инженером на строительстве. Заведующий шахтой — начальник участка строительства. На большинстве шахт были работы прекращены. Оставлены были более производительные шахты. Подсобные силы были сняты и посланы на укрепленные районы. Каждый трест выезжал с своими материалами, своей тягловой силой, Автомашины, лошади, лопаты и лесоматериал, то, что нужно для строительства, привозил с собой каждый трест, и ехали эшелоном.

Было организовано общественное питание. На каждом участке своя кухня. Питали три раза в день. Питание было хорошее. Тогда мяса было много, особенно свиней. Гнали их с Запорожья. Приходит дядька, предлагает свиней, «дайте только справку, что я их вам сдал». На каждого рабочего варили по полкилограмма мяса.

У нас была линия 13 км. Я не мог бывать на каждом участке, но я знал, где что есть. Приходят рабочие и говорят: **[л. 2 об. / с. 4]** — Товарищ Губарев, на таком-то участке такой-то рабочий ведет контрреволюционную работу. Если вы их не уберете, мы сами их изобьем.

Таких человек пять было, остальные работали замечательно. Если только на что жаловались, так на то, что у нас иногда были перебои с хлебом.

Так мы работали почти до самого занятия [немцами] Сталино. Нам предложили оставить ту линию. В конце сентября, когда был тов. Ярославский, нас сюда вызвали. Я оттуда выехал. Наши еще оставались там работать. Я пробыл там с месяц. Когда я туда приехал, выехал в Волноваху, потом перешли к Марлинскому району. Я часть наших перебросил к Лозовой.

Там один эшелон накрыли немцы, разбомбили, человек 200 тяжело ранено было. Когда мы работали за Днепром, нас обстреливали, но попали не по нам, а убили три овцы. Когда идет самолет, все ложились. Один раз летел самолет, начали обстрел. Когда они улетели, послали людей узнать, а там наши люди работали. Они попали только в овец.

В отдельных местах этот рубеж сыграл большую роль. Например, за Павлоград были большие бои и остановились там только за нашими укреплениями. Шла сплошная канава.

Я встречал отдельных бойцов, которые участвовали в боях под Павлоградом. Они говорили, что эти укрепления сыграли большую роль. Там очень долго защищали, и неплохо это было организовано.

Потом я поехал в Волновахский район. Это уже километров 60 от Сталино, километрах в 7—8 от Волновахи.

Третьи укрепления были по сути в самом Сталино в районе Марьинки. Сам город готовился к обороне. На улицах города были сделаны противотанковые ежи.

К нам приехала [лекторская] бригада тов. Ярославского: Ярославский, ЮДИН[12], ПАНКРАТОВА[13], МИНЦ[14]. Тов. Ярославский сделал доклад для городского партийного актива, потом по другим крупным городам. Мне пришлось быть на собрании партийного актива Харцысского[15] района, где доклад делала тов. Панкратова. Доклад она сделала хороший, если не перехвалить, лучше, чем Ярославский, в той части, что она дала материала больше. Тов. Ярославский был очень скромным. Он не скажет ничего лишнего, говорил только то, что есть в газетах, только обобщал. Панкратова дала несколько полнее, показала положение на фронте, сказала, что наши уже сдали Выборг, чего не было в печати, что финны принимали активное участие в боевых действиях, что подошли к Ленинграду, серьезная угроза, какие задачи стоят, какое положение создалось.

---

[12] *Юдин Павел Федорович* (1899—1968) — партийный и советский руководитель. В 1937—1947 гг. директор Объединения государственных книжно-журнальных издательств (ОГИЗ); в 1939—1944 гг. директор Института философии АН СССР. В годы войны активно занимался пропагандистской деятельностью.

[13] *Панкратова Анна Михайловна* (1897—1957) — советский историк, член-корреспондент (1939), академик АН СССР (1953). В годы войны активно занималась пропагандистской деятельностью.

[14] *Минц Исаак Израилевич* (1896—1991) — советский историк, член-корреспондент (1939), академик АН СССР (1946).

[15] Так в тексте.

На этом собрании очень многие выступали, и тов. Панкратовой было много вопросов задано о положении на фронте, о причинах отхода. Народ интересовался всесторонне положением вещей, как мы готовимся сейчас к тому, чтобы вести борьбу с наступающей фашистской армией. На этом собрании многие коммунисты изъявили желание добровольно вступить в армию. Партийный актив прошел на небывалом подъеме впервые в истории харцисской партийной организации.

Из Харцисска[16] я выехал в Амвросиевку, где делал доклад для партийного актива и на общегородском собрании.

Там был сбор коммунистов как никогда. На обычные лекции, когда мы раньше приезжали, приглашают-приглашают, тот занят, другой, а тут был полный театр. Если я обычно читал лекцию час, то на сей раз я читал лекцию три часа. Говорил о докладе Ярославского, о докладе Панкратовой. Народ очень интересовался положением на фронте, где что делается. Тогда еще не были из'яты радиоприем**[л. 3 / с. 5]**ники, много народу слушало немецкие сообщения[17]. На собрании мне ставят вопросы по этим передачам. На этом партийном активе, когда стал вопрос о времени моего доклада, сказали, что время не ограничивают, но только вы нам расскажите все как есть. Мы хотим знать действительное положение на фронте, положение нашей Красной Армии, силу и мужество нашего вооружения, способность нашей обороны и что будет предпринято к тому, чтобы нас вооружили. Этот вопрос был самым назойливым. Мы себя чувствовали в этом вопросе очень неприятно и знали, что он будет обязательно поставлен.

Человек 10 или 15 выступило на этом партийном активе, причем, конечно, не молодежь по возрасту, кадровые рабочие. Они говорили о борьбе с немцами в 1918 году, о их зверствах во время оккупации, что они честно перевыполнили план, готовы работать еще больше в два раза, кроме того, готовы с винтовками спать и защищать родину, но только дайте винтовки.

Вот такая была обстановка. Тов. Ярославскому таких вопросов не задавали, очевидно, стеснялись. Когда мы с ним беседовали, таких вопросов не ставили, но мы перед ним вопрос поставили, что мы выступаем, у нас спрашивают, как нам отвечать. Он пришел к нам в городской партийный кабинет. Партийный кабинет был замечательным, неплохая военная комната, но в ней ничего нет из настоящего оружия. Мы поставили вопрос: дайте пулемет, будем обучать людей. Люди хотели изучать пулемет, винтовку, а это был дефицит. Даже учебные винтовки забрали.

---

[16] Так в тексте. Правильно — Харцызск, город областного значения в центральной части Донецкой области, железнодорожная станция.

[17] Речь идет о немецких пропагандистских радиопередачах на русском, украинском и др. языках народов СССР, транслировавшихся по радио и имевших целью посеять панику, вызвать межнациональную рознь, дезертирство на фронте, убедить население в непобедимости германской армии и бесполезности сопротивления агрессору. Для недопущения распространения фашистской пропаганды руководством страны было принято решение об изъятии у населения коротковолновых радиоприемников.

Многие рабочие не хотели уезжать. Например, машиностроительный завод Дебальцевский. Правда, много желающих было, но не могли уехать. Во-первых, с транспортом дело было неважное. Я был свидетелем одного такого факта. Выезжал эшелон из Сталино, с которым я выезжал. Приходит одна семья, двое или трое детей. Она сама еврейка, активистка, замечательная женщина. Она со своими узелками пришла, чтобы эвакуироваться. В вагоне нет мест, в поезде нет мест. Там была драма целая. Правда, ее посадили потом.

Когда мы вывозили свои семьи, была лунная ночь. Мы вывозили на Мушкетово. Вся дорога была запружена. Ждет муж с женой, одного несут на руках, другого ведут, из вещей только сумочка за плечами. Народ бросал все и уходил, а тот, кто был неустойчив, имел свою избенку, оставался. В Дебальцеве завод находится при станции. Когда этот завод эвакуировался, он не мог бы, конечно, всех рабочих эвакуировать, но мог бы вывезти больше половины рабочих, не говоря уже о коммунистах. Я сам лично беседовал с директором завода. Дебальцево было загружено эшелонами с лесоматериалами. Он брал эти эшелоны, загонял на завод, лес разгружал, заполнял оборудованием и людьми и вывозил. Он вызывал к себе людей.

— Поедете?

— Нет, не поеду, — и человек 80 коммунистов осталось.

В среднем из Донбасса выехала, пожалуй, четвертая часть, может быть, немножко больше. Я, конечно, не беру колхозы. У меня особое мнение осталось о наших колхозниках, и неважное. То, что я видел своими глазами, когда немцы подходили и как себя колхозники проявляли, не похоже на то, что они колхозники.

8 октября [1941 г.] я, секретарь райкома партии тов. РОГОЖИНСКИЙ и председатель райисполкома Старо-Кельнического района решили поехать по району, когда мы уже не имели никакой связи с нашей областью. Приезжаем в одно село, на нас смотрят:

— А вы что, еще не сбежали?

— То есть как это сбежали? **[л. 3 об. / с. 6]**

— Так у нас все уже ушли, никакого начальства нет.

Приехали в другое село. Приходим в сельсовет. Никого нет.

— Где начальство?

— Да где-то еще здесь.

Никого не найдешь. Один пришел, второй пришел.

— Как дела?

— Магазин разграбили.

— Как разграбили?

— Пришли, нашумели на нас, магазин открыли и все разграбили.

Я не хочу сказать, что это должно было немцам все остаться, но это был неорганизованный разбор, и кто смел, тот два съел, форма грабежа. Кто смог, тащил по 2—3 кровати, кто диван.

Нам говорят, что в таком-то колхозе зерно делят, драка идет. Правда, было указание обкома выдать зерно колхозникам в счет трудодней. Правильно,

хлеб нужно раздать, но нужно его вначале собрать в степи, который был обмолочен. Часть его сожгли наши, когда отступали, часть осталась.

Подъезжаем к амбару, где лежит хлеб. Колхозники не пошли в степь, а кинулись к амбару.

Около амбара творилась настоящая драка. Несколько здоровых мужчин лезут через головы, женщины в стороне. Нагребут чувал[18] хлеба, несут домой. Женщины многосемейные, которые в колхозе работали, не могут получить хлеба. Мы подъехали:

— В чем дело? Что такое?

Успокоили, побеседовали, но что больше можно сделать. Поговорили с ними.

— Хлеб ваш, никто его брать не думает, все сами его разберете, чтобы не достался немцам, только вы так организуйте, разберите без шума, без крика, без драки.

На селе оказался завод. Раньше он вырабатывал вулканизаторы для починки шин. Во время войны он перестроился. Там было 35 станков. Там был очень хороший парень, коммунист, начальник МТС[19]. Он был до последнего дня, держался неплохо. Сама обстановка на него тоже действовала, но, как коммунист, он держал себя замечательно.

Когда приезжаем, он к нам приходит — что делать? Вообще завод-то стоит цел, а был приказ эвакуировать его. Директор завода держал 35 тракторов, чтобы каждый трактор поднял один станок. Директор, парторг взломали кассу, — правда, там всего 12 тыс. денег было, — забрали, сели и уехали, оставив завод на полном ходу. Написали два распоряжения, как нам передал директор МТС. Первое, что «ввиду моего временного отъезда временно исполняющим обязанности директора завода назначаю начальника сторожевого охранения завода». Второе распоряжение: «Ввиду того, что с рабочими расчет не произведен, предлагаю своему заместителю произвести с ними расчет натурой». Конечно, рабочие завод делят, кто что тянет.

Мы посоветовались втроем, что делать. Завод был готов к взрыву. Предложили директору МТС взорвать завод. Там ставок большой, какие станки можно, спустить в ставок.

В Старом Керменчике был создан партизанский отряд человек на 80 во главе с начальником НКВД тов. БЫКОВЫМ. Этот отряд был неплохо вооружен, пулеметы **[л. 4 / с. 7]** были, винтовки, патрон было достаточно, гранаты были.

Была одна машинка получена, вторая на немецком языке, бумага подготовлена.

Но такой тоже факт. Пока немцы далеко, все были дружны. Когда была команда подана 9 октября строиться и, может быть, с боем отходить, правда, немного из отряда, но человек около 10 отсеялось. То винтовки были по рукам, а тут оказались лишние винтовки.

---

[18] Большой мешок.

[19] МТС — машинно-тракторная станция.

— Да нет, — говорит, — домой пошел.

Основная масса осталась, причем партизаны были старые, которые еще в гражданской войне были партизанами, даже возглавляли этот отряд. Я не знаю последствий этого дела, но при мне эти отряды были организованы и документы вручили. В своем большинстве народ был крепкий. Они в последнюю минуту пришли, собрались. Правда, женщины пришли, жены их, дети, слезы и проч., но они держали себя достойно.

Когда мы начали эвакуировать район, приказ командирам всем остаться, так прокурор и судья сбежали без разрешения. Пришли к секретарю, так и так. Он их не отпускает. Когда кинулись к ним, они уже выехали. Но таких единицы, а в основном партийные организации были организованы, население было организовано.

Сюда я приехал [после освобождения от немцев] в октябре 1943 года. Походил по Сталино. Впечатление у меня было неважное. Одно дело, что я читал в газетах, другое дело самому видеть. Вот дом стоит. Если бы это было какое-нибудь военное предприятие, завод. Я начал сразу работать над тем, чтобы подготовить тему о зверствах немцев в Донбассе. В начале ноября [1943 г.] я выехал в Дебальцево, делал там доклад на машиностроительном заводе. Это было первое рабочее собрание. Я делал доклад о 25-й годовщине Октябрьской революции. Большей частью там работают женщины. На собрании было человек 600, зал [всех] не вместил. Набился полный клуб, на дворе стояла публика. Когда повесили портрет товарища Сталина и красный флаг поставили около него, так некоторые женщины заплакали. Меня интересовало, почему они плачут. Они говорят, что «вот, то, что видим, этого два года не видели. Немец нам говорил, что Сталина нет, он выехал в Америку, ограбил, сбежал, что страна продана евреями и проч. Мы не могли нигде свободно ходить, разговаривать; выйдешь, тебя заберут. В 6 часов вечера уже выходить с квартиры не имеем права, на работу гоняли. Если кто не выходит, штраф платили, теперь, говорят, мы опять получили возможность собираться, слушать и смотреть. Сталин на месте, наш красный флаг опять на месте».

Открыли собрание, дали мне слово. Сделал я доклад. Как обычно, заканчивают докладчики лозунгами: «Да здравствует товарищ Сталин, вождь и полководец Красной Армии, наших побед!» Они говорят: «Впервые мы услышали эти слова». Гром аплодисментов. Потом начались выступления рабочих. Вопросов много было задано и о нашем положении, о работе в тылу, как народ в тылу работал, какие условия работы были, о семьях военнослужащих. Интересовались такими вопросами: где сейчас Тельман. Причем этот вопрос очень часто у нас в лекциях встречался, что Тельман отказался от коммунистических идей, что он работает где-то на почтамте и проч.

Когда я на эти вопросы ответил, начались выступления стахановцев. Рабочие с первого дня начали давать такую производительность труда, о которой мы даже не могли мечтать и до войны. До войны, правда, имели отдельные случаи, скажем, Стаханова, Виноградова, но это были единицы, а сейчас

можно найти десятки неплохих показателей. **[л. 4 об. / с. 8]** Сейчас здесь работают не хуже, если не лучше чем на карагандинских шахтах. Сейчас легче выбрать плохого, чем хороших, потому что плохих единицы.

В Краматорске я беседовал с рабочими на заводе им. Орджоникидзе, литейный цех. Вот ИВАНОВ Павел Михайлович. Ему 46 лет. На этом заводе он работает 36 лет формовщиком. Он выполняет норму на 275%.

Этого он до войны никогда не давал. Когда я его спросил, что ему дает изучение книги тов. Сталина, он говорит, что раньше не знал совершенно, что делается: «во-первых, здесь были немцы, во-вторых, когда пришли наши, мы за два года отстали. Когда начали изучать книгу Сталина и когда с нами тов. ЮРЧЕНКО, пропагандист, стал заниматься, мы знаем, какие перед нами стоят задачи, мы знаем, что от нас зависит разгром врага. А мы это и сделаем. Я могу дать еще больше».

Или РЯДНИКИН Павел Федорович, обрубщик, работает на заводе с 1911 года. 265% у него. ВЫСОЧИН К.Г., мастер, работает с 1910 года, процент такой же самый. ИВАЩЕНКО 54 года, работает с 1908 г., 230% выполняет.

На том же заводе в электро-механическом цехе № 1 ЖИЩЕНКО, мастер, у него бригада 25 человек, и из них нет ни одного, который бы не выполнил 150—200%. Оставался здесь при немцах. Когда немцы пришли, говорит: «Нас созвали всех. Причем предатель там был, зная, что я работал. Пришли прямо на квартиру. Нам говорят, что нужно завод восстанавливать. Как только электроэнергию выключат, так мы кто куда с работы. Козловой кран бригадой разбирал 6 месяцев».

Этот кран должен был пойти в «капитальный ремонт», но, очевидно, немцы думали вывезти его, потому что он был исправный. «Мы, — говорит Жищенко, — его разобрали, но после никак не могли его собрать. Во-первых мы все важнейшие части спрятали. Потом, — говорит, — приезжает ко мне на квартиру немец, директор завода. Заходит ко мне. Я, — говорит, — не успел сбежать. Спрашивает: на таком-то станке работал? Я замечательно его знаю. Говорю: я его не знаю. Нужно шесть станков разобрать, чтобы в Германию отправить. Так и не нашли мастера, чтобы разобрать этот станок».

Приходят наши. Жищенко является на завод первым.

«Я хочу, — говорит, — на заводе работать и создавать силы для Красной Армии». Они себя чувствуют здесь все несколько виноватыми, потому что здесь остались. Но данный товарищ абсолютно ничем не запачкан. Собрал свою бригаду. Этот же кран, который они 6 месяцев разбирали, они собрали за 6 дней без капитального ремонта и сейчас этот кран на заводе действует. Причем эта беседа у меня происходила не один на один, а в присутствии парторга завода тов. ЛУГОВОГО и начальника цеха тов. ЛИСИЦКОГО И.И. Я обратился к начальнику цеха, правильно ли он рассказывает. Тут еще рабочие сидели. Говорит: совершенно правильно, так и было.

У этого Жищенко немцы убили сына 3 ½ лет на руках у него. Немец стрелял в него, а попал в голову сынишки Василия.

Что этот товарищ еще сделал со своей бригадой?

Сам он беспартийный. Во-первых, он всех 25 человек организовал на хорошую работу. Они все организованно, регулярно изучают книгу тов. Сталина, всей бригадой читают последние известия, слушают, читают газеты, жур**[л. 5 / с. 9]**налы и делают свои выводы. «Если, — говорит, — у нас чего не хватает для бригады, я, — говорит, — приду, вырву у начальника цеха». Я к нему обращаюсь:

— Вы у начальника цеха вырываете или он вам помогает?

— Нет, мы не вырываем, но мы не хотим сидеть без работы, приходим к начальнику цеха, и он нам помогает.

На собрании люди брали на себя конкретные обязательства. Настроение Дебальцевского завода характерно для других заводов. Я был на Зугресе[20]. Там есть замечательный начальник котельного цеха, подлинный коммунист, начальник строительного цеха, беспартийный и начальник электроцеха, коммунист. У них было совещание техническое. Рабочих не хватает, но они не говорят, что не смогут сделать. Рабочие говорят: «Вы дайте нам быстро очистить здесь». Начальник котельного цеха говорит:

«Вы скорее кончайте, а то нас задерживаете». Друг друга рабочие подгоняют. Там есть еще начальник монтажного цеха, который здесь оставался. Они привезли под'емный кран из Кураховки[21]. Они в короткий срок переделали кран, работали по 16 часов.

Рабочие работают, гудок их не интересует. Они что наметили себе, сделали, идут, пару часов поспят, опять идут работать. У строителей задание не на 8 часов, а на солнечный день, и они это дневное задание выполняют на 200—300—400%.

В Донбассе появилось много немецких шпионов перед его сдачей [Красной армией в 1941 г.]. На целом ряде предприятий разбрасывали листовки фашистские и работали враги. Были такие факты в Горловке. Например, женщины организованно ходили в горком и горсовет, требовали, чтобы их мужей вернули из укрепрайона, что там их мужей перебили. Это было в Красноармейске. Народ сам в большинстве случаев выявлял, кто распространяет эти слухи. Но были такие, которые прятали листовки. Основная масса рабочих Донбасса и основная масса людей, интеллигенции оставалась преданными до самых последних дней. Сейчас существует такой термин «трофейные». Так называют тех, кто оставался здесь при немцах и их сейчас освободили. Такая кличка их очень оскорбляет. Многие рабочие чуть ли не до слез доходят, когда их так называют.

Сейчас есть и плохие настроения. Это относится к людям, которые приспособились к немцам, людям, у которых немцы жили на квартирах. Они сейчас говорят: «Да что, сейчас хуже стало, мы лучше жили, немцы нас не тро-

[20] Правильно Зугрэс — город в Харцызском районе Донецкой области.
[21] Кураховка — поселок городского типа в Донецкой области.

гали, никого не расстреливали». Когда начнешь говорить: «А такого-то они расстреляли?» «Да, мы не знаем, их взяли куда-то, а кого мы знаем, не расстреливали и даже ничего у них не взяли». Это один тип. Второй тип смотрит так. Вот идут по гор[оду] Сталино, коробки [от сгоревших домов] стоят, и они говорят вслух: «Здесь немцы не виноваты, война, а раз война, все положено делать и жечь, и разрушать. Их заставляют». Третий тип: немцы неплохие сами, хорошие, а вот румыны, итальянцы, этот народ сволочь, те и насиловали, и грабили, убивали, и немцы их даже призывали к порядку. Таких разговоров среди рабочих не услышите, а среди интеллигенции они есть. Рабочие по-другому рассуждают. Они говорят: сами немцы не делают, заставляют делать румын, а сами в стороне. Такие факты есть, но это единицы, их все меньше и меньше.

Есть еще один факт, который говорит о большом разврате, оставшемся от немцев, — это взятки. Сейчас приходят, предлагают взятку милиционеру, прокурору, следователю, виноваты они или не виноваты, безразлично. Я недавно читал лекцию в 11-м отделении милиции. Говорят, много преступлений и среди них многие предлагают взятки. Вот приходит пожилая женщина, заявляет: у меня похитили паспорт. Начальник милиции говорит: «Я поручаю своему уполномоченному расследовать факт». Тот вызывает эту женщину. Она приходит к нему, приносит 200 руб. Он **[л. 5 об. / с. 10]** спрашивает: зачем? Гостинец. Он берет деньги, говорит: посидите у меня, я сейчас приду. Приходит к начальнику милиции, рассказывает. Тот говорит: вызови эту женщину. Когда она пришла, он говорит: «Вы зачем это делаете? Мы люди советские и получаем зарплату от советского государства, а если нам мало, мы будем ставить вопрос перед нашим правительством». Она начала плакать: «Родненькие, деточки мои, простите, мы к этому привыкли». Идет к полицейскому, за чем бы ни шла, обязательно берет с собой яички, водку. Не принесешь, не сделает. «Так, — говорит, — думала, и сейчас».

Один пишет своему товарищу письмо, что подходит скоро их праздник, — это было накануне октябрьских дней, — но что этот праздник дает? Ничего. «Раньше я мог себя обеспечить и других, — он спекулировал, — а сейчас, — говорит, — я не могу себя обеспечить, семью не могу обеспечить, и на работу меня гонят. Зачем, — пишет, — мне такой праздник!»

Рукопись заверена 3 июля 1944 г., подпись Губарева с расшифровкой.

История 4
«А кругом все горит»: стенограмма интервью с секретарем Смоленского обкома партии Д.М. Поповым о первом периоде войны и организации сопротивления агрессору

В фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны имеются стенограммы бесед не только с рядовыми участниками войны. Среди тех, кто оставил свои свидетельства, также видные партийные руководители, принимавшие участие в боевых действиях. Одним из них был Дмитрий Михайлович Попов, возглавлявший в начале войны областную парторганизацию Смоленщины и ставший руководителем штаба партизанского движения в регионе. Совмещая эти должности, Попов внес значительный вклад в организацию сопротивления агрессору на оккупированных территориях Смоленской области.

Биография Попова во многом типична для партийного функционера тех лет. Он родился в 1900 г. в крестьянской семье в селе Беляево Усманской волости Тамбовской губернии (ныне в составе Липецкой области). После окончания начальной сельской школы начал работать в хозяйстве отца, затем был лесорубом, землекопом, угольщиком. В 1919 г. призван в РККА, где в 1921 г. вступил в партию большевиков.

Демобилизовавшись из РККА в 1923 г., Попов поехал на родину, в Усманский район Тамбовской губернии. Там работал председателем Беляевского сельского совета, возглавлял волостную земельную комиссию. К 1926 г. он дослужился до поста ответственного секретаря Усманского волостного комитета ВКП(б). В 1927 г. отправился на обучение в Ленинградский коммунистический университет имени Сталина, который закончил в 1930 г. Хорошо зарекомендовавший себя пропагандист, Попов с началом коллективизации был включен в состав пропагандистской группы ЦК партии по Центрально-Черноземной области, однако уже осенью перешел на преподавательскую работу в Свердловский коммунистический университет имени Ленина. В 1933 г. поступил в Аграрный университет красной профессуры в Москве, который окончил в 1936 г., после чего стал преподавателем политэкономии и заведующим экономическим кабинетом в Высшей школе пропагандистов при ЦК ВКП(б).

«Большой террор» 1937—1938 гг., уничтоживший значительную часть старой партийной номенклатуры, открыл путь наверх многим молодым партийцам. В этой обстановке Попов, принимавший активное участие в «разоблачении врагов народа», сделал быструю карьеру. В мае 1939 г. он стал секретарем

Краснодарского краевого комитета ВКП(б) и заведующим его отделом пропаганды и агитации, а уже в декабре был переброшен в Смоленск. Там он сначала стал вторым, а с августа 1940 г. — первым секретарем городской и областной парторганизаций. В силу особенностей устройства советского государства Попов стал фактически первым лицом области. На этом посту он проводил в жизнь установки партии: занимался ликвидацией хуторских хозяйств, требовал вступления крестьян в колхозы, содействовал расширению промышленного производства и т.д.[1]

С началом войны и быстрым продвижением вражеских войск в глубь страны перед партийными органами встали новые задачи. Попов возглавил работу по мобилизации людских и материальных ресурсов Смоленской области, по эвакуации в тыл предприятий, материальных ценностей[2] и населения (в том числе номенклатурных работников области и их семей[3], воспитанников детских домов, школьников и др.). Одновременно — на случай оккупации Смоленского региона — обком партии готовился к работе в подпольных условиях. Были созданы подпольные органы власти, сделаны закладки оружия, сформированы диверсионные группы и партизанские отряды. Для координации действий руководства Смоленской области и армейского командования, подобно другим партийным руководителям прифронтовых территорий, Попов был включен в состав Военного совета Западного фронта. Однако активного участия в его работе он не принимал и покинул территорию области до отступления из Смоленска частей Красной армии[4]. К тому времени эвакуация материальных ценностей не была завершена[5]. В руки немцев, в частности, попал архив Смоленского обкома партии, впоследствии оказавшийся в США.

Руководство Смоленской области было сначала размещено в подмосковном Можайске, а затем мобилизовано на фронт[6]. Частично деятельность смоленской парторганизации возобновилась после успешного зимнего контрнаступления Красной армии под Москвой, в ходе которого были полностью или частично освобождены некоторые районы области, за исключением самого Смоленска[7].

Весной 1942 г. ЦК партии принял решение об объединении руководства партизанским движением на оккупированных территориях, для чего был создан единый орган управления — Центральный штаб партизанского движе-

---

[1] XX век: история Смоленщины в биографиях руководителей. Дмитрий Михайлович Попов // Смоленск. Областной ежемесячный журнал. 2006. № 10 (90). Эл. адрес: http://www.journalsmolensk.ru/10—90/10—90.php (дата обращения — 08.06.2015).

[2] *Ермаков Ю.* «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...» // Техника — молодежи. 2001. № 8. С. 59.

[3] *Шараев Н.С.* Пригорьевская операция. М., 1969. С. 3.

[4] XX век: история Смоленщины в биографиях руководителей. Дмитрий Михайлович Попов. Эл. адрес: http://www.journalsmolensk.ru/10—90/10—90.php (дата обращения — 08.06.2015).

[5] ГАРФ. Ф. 6822сс. Оп. 1. Д. 200. Л. 16—17.

[6] *Шараев Н.С.* Указ. соч. С. 3.

[7] Там же. С. 5.

ния[8]. Попов возглавил Западный (позднее — Смоленский) штаб партизанского движения, которому подчинялись все партизанские отряды и подпольные организации, действовавшие в полосе Западного фронта. Работа Попова на этом посту получила высокую оценку руководства страны. Он был награжден орденами Ленина и Отечественной войны I степени[9].

С полным освобождением Смоленской области от немецких войск Попов возглавил работу по восстановлению местного хозяйства и культуры. В 1948 г. он выпустил книгу «Пять лет со дня освобождения Смоленской области от немецко-фашистских оккупантов». После окончания курсов переподготовки партийных и советских работников при ЦК ВКП(б) в 1949 г. Попов был направлен на работу в ЦК партии, где занял ответственную должность заместителя заведующего Отделом пропаганды и агитации. В начале 1950-х гг. Попов тяжело заболел и в январе 1952 г. умер. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище[10].

Яркая, но противоречивая личность смоленского «партийного вожака» в качестве героя второго плана выведена в ряде литературных произведений о войне, претендующих на историческую достоверность[11]. На доме в Смоленске, где когда-то жил Попов, ныне установлена мемориальная доска с его именем.

Представленная ниже стенограмма беседы с ним сотрудника Комиссии охватывает события, начиная с предвоенных лет и до конца июля 1941 г., когда началось отступление советских войск из Смоленска. В центре внимания — деятельность партийных и советских органов. Сначала по организации и проведению в жизнь основанных на довоенных мобилизационных планах мероприятий оборонного характера, затем по приему беженцев, по борьбе со шпионами и диверсантами, наконец, — по мере ухудшения обстановки на фронте — по содействию Красной армии.

Попов в своем рассказе акцентирует внимание на позитивных сторонах деятельности — своей и возглавляемых им структур. Несомненно, в течение неполного месяца в Смоленске была проделана гигантская работа по эвакуации и мобилизации ресурсов на отпор врагу. При этом респондент, компетентность и информированность которого не вызывают сомнений, не скрывает недостатков, трудностей и проблем. Особый интерес представляет описание Поповым своих злоключений во время одной из сильнейших бомбежек Смоленска немцами в конце июля 1941 г., которая уничтожила значительную часть города. Работники обкома по недоразумению были приняты военным патрулем за немецких шпионов и лишь благодаря случайности не расстреляны. Таким образом, главная ценность источника заключается в том, что стенограмма ярко отражает чрезвычайную обстановку начального этапа войны.

---

[8] Постановление Государственного комитета обороны СССР № ГОКО-1837сс от 30 мая 1942 г.

[9] Великая Отечественная война 1941—1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 575.

[10] Сайт «Известные люди, похороненные на Новодевичьем кладбище в Москве». Эл. адрес: http://www.nd.m-necropol.ru/popov-dm.html (дата обращения — 08.06.2015).

[11] *Стаднюк И.Ф.* Война. Кн. 3. М., 1980; *Макаренко Я.И., Муханов Л.Ф.* Угранский набат. М., 1980; *Муратов В.В., Городецкая (Лукина) Ю.М.* Командарм Лукин. М., 1990; *Джугаш А.* Свой среди чужих (эл. адрес: http://www.proza.ru/2012/08/03/1145).

[л. 1]

КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Стенограмма беседы с тов[арищем] ПОПОВЫМ Д.М.[12]

22 [июня 1941 г.] меня известили о том, что я должен приехать в Обком и вскрыть один пакет. Пакет был получен из Москвы зашифрованный. В нем речь шла о том, что будет передаваться речь тов. Молотова[13] в связи с вероломным нападением немцев на Советский Союз.

Первое, что пришлось предпринять, — это включить всю трансляционную сеть по области и известить районы о том, что будет передаваться по радио речь тов. Молотова.

Все мы речь тов. Молотова прослушали и решили в начале приглядеться, как на это сообщение будет реагировать население города.

Надо прямо сказать, что население города, прослушавши эту речь, вначале не совсем верило, что немцы напали на нас, что немцы могут вести войну против Советского Союза. Большая часть населения рассуждала таким образом, что это конфликт, правда, по размерам может быть несколько больше, чем до этого был, а все-таки вряд ли будет война. Как же немцы могут напасть на нашу столь мощную страну и вести войну, когда они ведут войну с другими странами. Народ был настроен так, что мы такая страна, на которую немцы не полезут.

Затем провели заседание бюро обкома с целью наметить ряд мероприятий оборонного порядка.

Еще до объявления войны мы строили капитальный специальный аэродром в Вязьме[14]. Он на половину был уже построен. Одна дорожка была зацементирована, для второй — подготовлена подушка.

На бюро обкома прежде всего обсудили вопрос о том, чтобы дополнительно мобилизовать колхозный транспорт и всю технику, которую можно поставить на это дело и в ближайшие два-три дня завершить строительство Вяземского аэродрома. Затем решили северный Смоленский аэродром в пятидневный срок благоустроить и провести дополнительные работы, сделать его вполне обеспечивающим работу советской авиации.

Затем был обсужден вопрос о ближайшем завершении строительства взлетно-посадочных площадок. Мы на это время их строили восемнадцать

---

[12] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. III. Оп. 8. Д. 1. Л. 1—9. Попов Дмитрий Михайлович (1900—1952) — советский партийный деятель, один из руководителей партизанского движения на Смоленщине. В 1940—1948 гг. первый секретарь Смоленского обкома и горкома ВКП(б). В 1942—1943 гг. начальник Западного, затем Смоленского штаба партизанского движения.

[13] Молотов Вячеслав Михайлович (1890—1986) — советский партийный и государственный деятель. В годы войны — нарком иностранных дел СССР, заместитель председателя СНК СССР, заместитель председателя Государственного комитета обороны.

[14] Вязьма — город в Смоленской области, административный центр Вяземского района. В октябре 1941 — марте 1943 г. оккупирован немецкими войсками. В 2009 г. присвоено звание «Город воинской славы».

штук. Был аэродром в Красном селе под Вязьмой, который мы [л. 1 об. / с. 2] начали строить с весны 1941 года. Затем известный, сейчас уже благоустроенный аэродром, которым мы широко пользуемся и которым немцы, когда оккупировали нашу территорию, тоже широко пользовались, — аэродром в Дугино. Затем аэродром в Рославле. Крупный аэродром строили в Кирове, на Фаянсовой и т.д. Словом, восемнадцать аэродромов.

Приняли решение относительно быстрейшего завершения строительства этих аэродромов. Первоначально они имели значение как вспомогательные аэродромы. Затем стали основными аэродромами.

Следующим вопросом Бюро обкома обсуждало вопрос о мобилизации людских и транспортных ресурсов для целей войны, наметили ряд мероприятий и их провели.

Должен сказать, что мобилизация в Смоленской области прошла с высоким патриотическим подъемом. В одном городе Смоленске за два дня было подано восемнадцать тысяч заявлений итти добровольцами. Нам пришлось несколько сдерживать этот энтузиазм населения. Связались с ЦК ВКП(б) и спрашивали, как быть? Нам ответили, что надо разъяснить населению, что придет время — возьмем, а чтобы пока работали на своих местах, потому что массовая мобилизация может отразиться на народном хозяйстве, внести расстройство. Нам пришлось разъяснять в городе и в селах, что пока работайте для дела обороны, придет время, и вы будете воевать.

Главным образом молодежь с большим рвением к этому делу относилась — учащиеся ВУЗов, молодежь промышленных предприятий и колхозов. В Облвоенкомате было зарегистрировано более пятидесяти тысяч заявлений из районов [от] желающих добровольно пойти на фронт. Мобилизация прошла в течение двух-трех дней в полнейшем порядке. Народ встретил мобилизацию организованно и с высоким подъемом. Получили автомобильный транспорт. Колхозы отдавали самых лучших лошадей.

В нашей области еще до войны — чуть не за десятилетие — в колхозах создавался так наз. «фонд Красной армии» — поголовье лошадей [на случай военной мобилизации]. Каждый колхоз имел полтора, два десятка лошадей. Они принадлежали колхозу, на них работали, но лошади выращивались для Красной армии. Это конское поголовье всегда обновлялось. Становится конь немножко плох, неподходящ по возрасту [к использованию в армии], его заменяют другим, выбирают из молодняка. Таким образом, происходило все время пополнение конского поголовья в фонд Красной армии. Благодаря этому фонду мы дали Красной армии очень хороших лошадей.

Точно также мы специально имели повозки. Каждый колхоз имел десяток, два десятка повозок, которые так и назывались — повозки фонда Красной армии.

Все это по существу заранее было подготовлено, и мобилизация местного транспорта прошла довольно хорошо. Эта инициатива, по-моему, принадлежит Смоленской области, насколько мне это известно. Эта инициатива других областей, но на нашу область она распространялась и в нашей обла-

сти приняла широкие размеры, потому что у нас был избыток лошадей. 40% лошадей не работали как следует. Обычно молодняк до четырех лет гулял, причем жаловались, что его не поймать, не запрячь. В области было 400 тысяч лошадей при наличии высокой сельскохозяйственной техники. Теперь — 52 тысячи, то есть 11—12% к тому, что было.

Следующий вопрос, который обсуждали на бюро обкома, это вопрос о продвижении военных грузов по дорогам на территории области.

Надо сказать, что Западная дорога неплохо справилась со своей задачей. По нашему плану Смоленский узел в условиях войны должен был пропускать 36 пар поездов. В действительности он пропускал 48 пар поездов каждый день, на целых двенадцать пар поездов дали сверх того, что предусматривалось по новому плану.

Железнодорожники исключительно самоотверженно работали — день и **[л. 2 / с. 3]** ночь. Вообще население очень много работало, и население даже нас подталкивало в смысле дачи инициативы.

Смоленск превращается в такое место, где не только проходят поезда к фронту, но он стал главной базой разгрузки, потому что вокруг Смоленска склады РГК[15] были расположены, воинские разгрузочные площадки, сортировочные площадки. Колодня, Красный Бор, Гусино, Гнездов[16] — все это превращается в места разгрузки. В этом отношении население само проявило инициативу. Правда, тут мы организующее начало внесли. Население сознательно к этому делу подходило. Приходили и говорили, что воинская разгрузочная площадка завалена, народу много, пусть кто-нибудь нас соберет, и мы ночью поработаем.

С песнями на ночь шли на разгрузку воинских эшелонов.

В эти дни мы работали и по отправке войск Смоленского гарнизона, экипировке их, погрузке. У нас здесь было несколько военных училищ: артиллерийское училище, пулеметное училище, пехотное училище, военно-политическое училище пропагандистов Красной армии. Здесь стояла Смоленская 64-я дивизия, ныне — 3-я гвардейская дивизия[17]. Всем этим войскам произвели экипировку и отправили на фронт.

Таким образом, прошли первые три дня нашей работы.

Следующий период с 25 по 29 июня 1941 года характеризовался такой работой. В ночь с 24 на 25 июня немцы уже попытались маленько подействовать на население города Смоленска с воздуха. В эту ночь один немецкий самолет сбросил одну бомбу на Смоленск, но бомбу двухтонную. Она разорвалась около типографии, причем такая бомба буквально во всех домах и магазинах вырвала рамы и стекла. Это немного на население подействовало: — А если сто таких? Жертвы были не-

[15] РГК — резерв главного командования.

[16] Названия населенных пунктов, находившихся в непосредственной близости от Смоленска.

[17] 64-я стрелковая дивизия сформирована в 1925 г., в составе действующей армии в июне—сентябре 1941 г. Дислоцировалась в Смоленске, входила в состав 44-го стрелкового корпуса. 19 сентября 1941 г. вследствие больших потерь выведена из боев и направлена на переформирование. 26 сентября 1941 г. преобразована в 7-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Комдивы в начальный период войны: полковник С.И. Иовлев (июнь 1940 — июль 1941 г.), полковник А.С. Грязнов (июль—сентябрь 1941 г.).

большие. Эта бомба снесла четыре деревянных дома, причем так их разнесла, как будто бы сдвинула и по порядку в кучу все сложила. Два домика имели нижний этаж кирпичный, а верхний деревянный, а два дома были деревянные. Одна семья погибла: мать и двое детей, а муж успел выйти во двор в это время, попал в щель. Через него прошла вся эта волна с бревнами, со всем, он остался жив.

Это была первая ласточка войны. Я сам дважды был на месте взрыва этой бомбы и прислушивался к разговорам. Дал команду рыть щели. Это не встретило никаких возражений, потому что сами увидели, что человек, который укрылся в щели, спасся, а кто был в домах, те погибли.

Мы в обкоме и облисполкоме обсуждали вопрос организации местной противовоздушной обороны, приведения ее в боевое состояние. Начали организовать затемнение. Выстроили убежища, вырыли щели. Стали готовить население к восстановлению хозяйства, на случай, если оно будет разрушено бомбардировкой города.

Что мы опустили из виду и в чем мы не имели опыта — это борьба с зажигалками. Никто не знал, что немцы могут применять зажигалки. Разговор был, но что это за «заб»[18] — мы не знали и поэтому мы не могли подготовить население тушить зажигательные бомбы.

У нас были опытные районы по противовоздушной обороне, но никто никогда не видел, что эта зажигалка собою представляет и как она себя ведет? — тем более, что это не коснулось широких слоев населения.

Вторая бомбежка была уже серьезная. С 25 на 26 июня немцы бомбили станцию Смоленск. Было сброшено около 112 бомб. Разбомбил он нам три эшелона, причем один эшелон с зенитной артиллерией и зенитными пулеметами. В силу неопытности железнодорожников и нас мы забыли о том, что у нас на станции было два пакхауза[19], где хранились кислоты. Бомба попала туда. Кислоты загорелись, а там была серная кислота и другие кислоты. Кислоты выделяли газ. Бороться против того, что произошло, трудно было. Я там на станции и ботинки, и шинель — все сжег. Потом забрался в одну хату, и мне хозяйка дала обмыться и одеться.

С этой стороны мы тоже не были подготовлены, даже не посмотрели, что у нас на станции на складах. Нужно было все это разгрузить, куда-нибудь увезти. Ночью наши местные противовоздушные **[л. 2 об. / с. 4]** команды вышли и оказались беспомощными, потому что активных средств обороны не было. Единственно они были подготовлены к тушению и ликвидации последствий бомбежек. Значит, надо ждать, когда кончится бомбежка или в ходе бомбежки что-то такое тушить, что-то такое растаскивать и т.д.

На следующий день 26-го мы решили вопрос о том, чтобы город обеспечить активными средствами противовоздушной обороны, потому что в полном смысле слова этих средств не было.

[18] ЗАБ — зажигательная авиационная бомба.
[19] Правильно — пакгауз, закрытое складское помещение, предназначенное для хранения грузов.

Тогда в ставке Западного фронта в командовании был длительное время Маленков[20]. Место этого штаба называлось Роща. Она где-то размещалась в лесах около Брянска, очевидно в Клетнянских лесах несколько западнее Брянска, и имел связь с Рощей, где работал Маленков. Я ему рассказал, что нет активных средств противовоздушной обороны. После этого нам дали полк воздушной обороны зенитной артиллерии, батальон службы ВНОС[21] и затем обещали дать истребительную авиацию. Дали эскадрилью истребительной авиации, которая прикрывала главным образом аэродромы. Самолетами дальней бомбардировочной авиации командовал СКРИПКО[22], ныне заместитель ГОЛОВАНОВА[23], а Голованов тогда командовал полком дальней бомбардировочной авиации, которая в оперативное подчинение входила Скрипко, а непосредственно входила в резерв ставки верховного командования[24]. Эти истребители прикрыли аэродромы. Город прикрыть они были не в состоянии. Однако мы были неопытны и чувствовали себя более бодро — у нас есть противоздушная оборона. Выбрали они точки, быстро заняли боевое положение.

27 июля в дневное время они отогнали от города Смоленска вражеские самолеты.

27 июля перед нами встал вопрос о строительстве дополнительных аэродромов в области. Получили решение Военного совета Западного фронта и решение ставки верховного командования о том, что мы должны будем построить 84 аэродрома. Это дело объяснили таким образом, что прикрывать фронт и Смоленск и летать к противнику нельзя, пока нет аэродромов, потому что негде посадить самолеты. Этим вызвали некоторую заинтересованность нас самих в этом деле.

---

[20] *Маленков Георгий Максимилианович* (1901—1988) — советский государственный и партийный деятель, кандидат в члены, затем член Политбюро ЦК ВКП(б)/КПСС (1941—1957), секретарь ЦК ВКП(б) (1939—1946). В годы войны — член Государственного комитета обороны. Возглавлял т.н. маленковские комиссии ГКО — экспертные группы, состоящие из высших генералов, выезжавшие на критические участки фронта. В 1943 г. возглавил Комитет по восстановлению освобожденных районов, в 1944 г. — Комитет по демонтажу немецкой промышленности, занимавшийся получением от Германии репараций в пользу СССР.

[21] Служба воздушного наблюдения, оповещения и связи — составная часть системы противоздушной обороны и наведения авиации на воздушные и наземные цели противника.

[22] *Скрипко Николай Семенович* (1902—1987) — с ноября 1940 г. командир 3-го авиационного корпуса дальней бомбардировочной авиации ВВС Западного Особого военного округа, дислоцированного в Смоленске. Вскоре после начала войны назначен командующим ВВС 5-й армии Юго-Западного фронта, затем заместитель командующего ВВС Юго-Западного фронта. В 1942—1944 гг. — заместитель командующего Авиацией дальнего действия, затем 1-й заместитель командующего 18-й воздушной армии. Маршал авиации (1944).

[23] *Голованов Александр Евгеньевич* (1904—1975) — с февраля 1941 г. командир 212-го полка дальней бомбардировочной авиации, с августа — командир 81-й авиационной дивизии дальнего действия, с декабря — командир 3-й авиадивизии дальнего действия Ставки Верховного Главнокомандования. Далее — командующий Авиацией дальнего действия (1942—1944), командующий 18-й воздушной армией (1944—1946), командующий Дальней авиацией СССР (1946—1948). Главный маршал авиации (1944).

[24] Ставка Верховного Главнокомандования — чрезвычайный орган высшего военного управления, осуществлявший в годы Великой Отечественной войны стратегическое руководство Вооруженными силами. Образована 23 июня 1941 г. как Ставка Главного Командования, 10 июля переименована в Ставку Верховного Командования, 8 августа — в Ставку Верховного Главного Командования. Упразднена 3 августа 1945 г.

На строительство 34-х взлетно-посадочных площадок нами было мобилизовано 165.000 человек населения. Мы должны были это сделать в недельный срок, примерно двенадцать тысяч человек с лопатами, со своим хлебом, со всем своим должны были выйти на строительство взлетно-посадочных площадок. На каждую площадку, кроме технического руководства, которое выделило командование, мы послали своих уполномоченных для организации труда, для политического руководства среди населения и т.д. и свыше 60.000 подвод с возчиками.

Надо отметить, что население исключительно работало, причем ночью работали, костры раскладывали и работали: земельные работы производили, землю вывозили. Эти 84 взлетно-посадочные площадки были закончены в трехдневный, четырехдневный срок. Население с большим патриотизмом относилось к делу строительства этих площадок.

Дни 27 и 28 июля были днями, которые дали некоторый отрицательный осадок. Дело заключается в том, что началось движение населения с запада. До тех пор, пока я вам рассказываю, был исключительный патриотический подъем и непоколебимая надежда и вера в победу. А когда двинулись с запада люди на поездах, на автомашинах, дети, кто с вещами, кто без вещей, настроение наших людей изменилось. По всем нашим большакам[25] и проселочным дорогам эта лавина людей двигалась. Я сам выезжал в те села, где было большое скопление народа, выезжал на строительные площадки. Люди спрашивали, что, товарищ Попов, делается? Почему люди идут? Почему люди не останавливают врага? Настроение было несколько подавленное. Народ стал какой-то замкнутый, угрюмый, **[л. 3 / с. 5]** скучный, как после похорон. Человек недоумевает, что-то его давит неуловимое.

Это движение к Москве неблагоприятно подействовало на местное население. С этим движением населения к Москве началось большое количество беспорядков, появились сразу и в городе Смоленске, и в городах Смоленской области, и на железнодорожных станциях, и в важных населенных пунктах ракетчики, появилось много провокаторов и шпионов, которые начали работать среди населения. Диверсионной работы, террористической работы немцы не вели в тот период времени. Преобладающим методом его работы была провокация, создание ложных слухов среди населения.

Мы еще народ неопытный, кое-где народ беспечный, забыли, чем враг может воспользоваться в таких условиях.

У нас в Смоленске был установлен такой порядок. В большинстве крупных домов были установлены телефонные гнезда для связи милиции. У каждого милиционера в кармане — телефонный провод с трубкой. Если ему надо позвонить, он заходит в подъезд, включает штепсель и звонит. Это все было учтено, а мы за крупными делами этой мелочи не заметили. Я по своему опыту знаю, что от телефона нельзя было отходить, постоянные были вызовы. — Говорит капитан такой-то (а кто его знает). — Слушаю вас! — Высадил-

[25] Большак — широкая, наезженная дорога, соединяющая населенные пункты.

ся десант. Разговорами по телефону создали такую обстановку, что кругом десант. Словом, создалась обстановка провокации. На одном факте я убедился, что все это пришло с тем населением, которое движется с запада, что среди этого населения была целая сеть шпионов, которые, провоцируя население, старались погасить веру у населения в необходимости борьбы.

Случай был такой в этот день. Приехали двое военных, по крайней мере одетые в военную форму, проехали по городу и все прочее и т.д. Затем военную форму сняли, оделись в гражданское платье и как граждане уже проходили по городу. Мы этих людей задержали. Они оказались крупными шпионами. Они прибыли сюда на машине, переоделись и в качестве гражданских лиц гуляли по городу, а машину со всем военным обмундированием отпустили.

Когда мы встретилась с рядом других фактов, мы поняли, что население пытаются взять провокацией, насаждением паники и т.д.

Мы обдумывали меры борьбы с этим и в то же время посоветовались с Центральным Комитетом партии. Сообщили ЦК, что вместе с волной населения с запада проникло много шпионов и провокаторов, которые терроризируют население, проникают в ряды воинских частей.

Нам посоветовали выставить заградительные отряды и всех задерживать западнее Смоленска и не пропускать дальше, грузить их в эшелоны и направлять по определенным маршрутам.

Отсюда возник вопрос об организованной эвакуации, о создании питательных пунктов. Задерживали и на машинах, и на лошадях, и пеших, и в поездах и дальше Смоленска не пропускали. Создали сеть заградительных отрядов. Сделали несколько постов на больших дорогах: на Краснинской, на Киевской, Рославльской, на Минской трассе, на Витебской трассе. Мы задержали одних военных 37.000 человек и 17.000 грузовых и легковых автомашин. Из гражданских, которых мы задерживали, формировали эшелоны и отправляли. Но это я не считаю. Военных формировали в команды и отп**[л. 3 об. / с. 6]**равляли на соответствующие сборные пункты. Конечно, не мало шпионов в военных шинелях попало на эти сборные пункты и в воинские части, потому что с этой махиной разобраться просто было не возможно.

На этом деле некоторые товарищи пострадали. Убит был секретарь Краснинского райкома партии ЖАРИН, второму секретарю прострелили скулу навылет. Произошло это таким образом.

Бежали с линии фронта слушатели военно-инженерной академии имени Куйбышева[26]. В это время прошел слух от всех едущих и бегущих, что западнее Смоленска охрана не пропускает, стоят заградительные отряды и всех забирают и отправляют на сборный пункт. Надо, значит, как-то обходить. На один пункт наткнутся — возвращаются, на другой пункт наткнутся — возвращаются. Решают ехать проселочными дорогами.

[26] Военно-инженерная академия имени В.В. Куйбышева (ныне Военный институт инженерных войск в Москве) была создана в 1932 г. для подготовки специалистов в области военно-инженерной техники.

Эта группа слушателей академии им. Куйбышева решила выехать на Краснинское шоссе и заехать с Лядо[27], а эти два секретаря были в это время в одном колхозе. Позвонили в район. Говорят: пришлите нам легковую машину ехать обратно в райком. (Они ехали на строительную площадку, где строился аэродром). Сказали, что мы будем ждать в таком-то колхозе у прудика на мосту. Сами пошли на мостик, сели на перила, покуривают, ждут машины. В это время с горы спускается машина. Они видят, что на мосту сидят двое. Решили, что это заградительный отряд. Машину останавливают. Выходят из машины три человека, шофер четвертый. Разворачиваются и ранили этих двух секретарей. Те туда, сюда, кричать, что вы? Те видят, что дело плохо — бежать. Жаринов по рже полз несколько километров, а те два часа его искали, чтобы добить. Метров двадцать отползет — теряет сознание. Только к двенадцати часам ночи приполз в колхоз. Это было буквально в 400-х метрах от колхоза. Колхозники вооружились, кто топорами, кто вилами, кто ломами.

Жаринов был убит. Мусатова они не могли искать, потому что не у кого было спросить. Они окружили и задержали этих молодчиков. Держат в колхозе. Между прочим, их чуть-чуть не отпустили. Они начали рассказывать такую легенду, что они приняли этих двух секретарей за шпионов, причем, только об одном рассказывают. О Мусатове умалчивают. До вечера их держали, ждали пока приедет начальник РайНКВД.

У них была одна легковая машина. Шофер поехал, поискал, поискал, вернулся. Приехал, рассказал, что что-то с секретарями случилось. В двенадцать часов ночи приехал начальник РайНКВД. К этому моменту приполз Мусатов. С появлением Мусатова у начальника райотделения НКВД появилась возможность проверить дело. Они сознались, рассказали, при каких обстоятельствах они это сделали. Военный трибунал приговорил их к расстрелу. Их публично в Красно расстреляли. Из них один был подполковник и два майора.

Эта работа требовала много сил со стороны населения. Мы пока что вооружили население охотничьими ружьями, потому что со складов военного оружия получить было нельзя. Нашлись у нас мелкокалиберные винтовки, ими вооружили. Были созданы целые отряды из населения. Однако население было уже засорено.

В ночь с 28 на 29 июля была самая крупная бомбежка Смоленска. Говорят о том, что они безнаказанно летали — это, конечно, все правильно, потому что налет был большой. Залетов было сделано 450 в три эшелона. Примерно 150 самолетов одновременно прилетало.

Летняя ночь, короткая ночь, и всю ночь было так: один эшелон отбомбился, через две-три минуты — второй. Начали бомбить. Теми зенитными средствами, какие были у нас, с такими массированными налетами бороться было трудно. При первом залете возникло 196 пожаров. У нас двенадцать машин на город. Значит, двенадцать очагов мы могли охватить, а их было 196. Остальные пытались тушить другими способами, растаскиванием и т.п. Но ведь это

[27] Лядо — деревня в Новодугинском районе Смоленской области.

город. **[л. 4 / с. 7]** К тому же город Смоленск имел 40% деревянных построек, если не полностью, то частично — фундамент каменный, верх деревянный, как обычно в областном городе. Кроме того, бесконечное количество деревянных заборов, сараев, дворов, складских помещений.

К нам приезжал Попов — секретарь Московского комитета партии[28]. Я ему подробно рассказывал, как все это дело было. Они потом решили все заборы ломать. Мы не подозревали, что это явится горючим материалом.

Второй залет такой же сильный. Собственно, весь город горел. Погибло большое количество населения. Люди горели не только в домах, а и на улицах. Человек попадал в кольцо огня, выбраться некуда и на улице сгорал.

Исключительно тихая ночь была, но он самого пожара поднялся невероятный вихрь, на ногах удержаться нельзя было. Волна воздуха как-то винтом шла — крыши летят к чертям, все гудит, воет, горит.

Два залета сделал, не бомбил, но огромное количество зажигательных бомб сбросил. Мы собрали много зажигательных бомб. Завод № 35[29] полностью спасли. Мы тогда бомбы не тушили, а оттаскивали, и они продолжали гореть. На заводе № 35 собрано и отброшено 1550 «заб», у завода им. Калинина[30] 500 с лишним. Этому заводу тоже не дали сгореть. У Льнокомбината собрали зажигательных бомб около тысячи. Там, где рабочие коллективы работали энергично, все до единого заводы спасли. Швейную фабрику спасли.

Могу назвать некоторых лиц, проявивших себя особенно хорошо в деле тушения «заб». Директором завода им. Калинина был ГАЛАКТИОНОВ, в прошлом военный инженер. Когда был налет, некоторые перепугались, не хотели лезть на крышу. Он сам залез на крышу, сбрасывал оттуда зажигательные бомбы, а другие оттаскивали в сторону. Он кричал: «Убью, кто не будет мне помогать!»

Все заводы до одного спасли. В одном месте вдруг от трубы загорелось. Началась некоторая паника. Люди кинулись спасать своих детей, семьи, вещи. Народ порассыпался. Поэтому организованно действовать на тушении «заб» было трудно.

Немцы при этих налетах применяли такой метод. Сначала сбрасывают фугасные бомбы, чтобы заставить людей залезть в щели и убежища. Во второй залет эти же самолеты сыпят огромное количество «заб». В третий налет делают пике и расстреливают из пулеметов всех, кто пытается бороться с пожарами, и улетают. Обстрел идет очагов пожаров, чтобы не дать возможность скапливаться людям для тушения пожаров, а когда пламя взяло свое, тогда уже тушить трудно.

---

[28] *Попов Георгий Михайлович* (1906—1968) — советский партийный и государственный деятель, в 1938—1945 гг. второй секретарь Московского горкома ВКП(б), член ЦК КПСС (1941—1952).

[29] Завод № 35 Наркомата авиационной промышленности СССР (ныне Смоленский авиационный завод). Открыт в 1926 г., в июле 1941 г. эвакуирован в г. Куйбышев. Работники и оборудование вошли в состав сначала строившегося в то время в Куйбышеве авиационного завода № 122, затем в состав завода № 1, эвакуированного из Москвы. Здание завода № 35 в Смоленске было немцами полностью разрушено.

[30] Завод им. Калинина, основан в 1915 г. как завод сельскохозяйственных машин и орудий. В 1932 г. передан в ведение Главного управления шоссейных дорог Наркомата внутренних дел СССР. В июле 1941 г. эвакуирован в Свердловскую область (пос. Исток), где наладил выпуск сначала минометов, а затем ракетных установок «Катюша». Осенью 1943 г. был возвращен в Смоленск.

Третий залет исключительно состоял из бомбежки фугасными бомбами. Весь город и особенно центр горел. В городе это вызвало некоторую панику среди населения. Население стало уходить из города. Город имеет много оврагов. В эти овраги и потянулся народ из города.

Утром 29 июля надо было приложить очень большие усилия, чтобы собрать народ и организовать его на тушение.

Надо отдать справедливость. Пожарные команды работали двое суток ни разу не кушавши. Многие падали от утомления. На них холодной воды польют, покачают, опять начинают работать. При таких огромных размерах пожара, конечно, затушить его было очень трудно.

Расскажу о небольшом эпизоде, происшедшем в ту ночь.

В эту ночь прибыли ко мне два генерала. Подали мне записку. Записка была написана ШАПОШНИКОВЫМ[31] следующего содержания: «Едут к вам два генерала, такой-то и такой-то... (фамилии не помню) с важным пакетом в штаб фронта. Если они прибудут вечером, прошу их из Смоленска не выпускать и на второй день доставить их во что бы то ни стало не позже десяти часов в штаб».

Штаб фронта в это время уже переехал из Рощи в Гнездово. **[л. 4 об. / с. 8]** Они прибыли ко мне в одиннадцать часов ночи за десять минут до объявления тревоги. Получив такую записку, я сказал им, чтобы они от меня ни на шаг не отдалялись. Решил я у них пакет отобрать.

У меня в кабинете стоял очень мощный несгораемый шкаф, который не сгорит ни при каком пожаре. Пакет закрыл в этот шкаф. Здание может сгореть, генералы могут пострадать, но пакет уцелеет. Но тут я допустил большую глупость по неопытности.

Весь аппарат обкома, весь руководящий состав облисполкома, около тысячи человек, все ушли под здание дома Советов на площади. Там было организовано запасное управление связи и т.д. По тревоге все туда ушли. Как только началась бомбежка города, связь очень быстро вышла из строя.

Я лично считаю, что причиной этого была не бомбежка, а, видимо, поработали шпионы над выведением связи.

В Смоленске связь идет под землею и в мирное время, так было и сейчас. Если бы попала фугасная бомба, она порвала бы одну жилу. Видимо, связь была выключена, потому что на другой день после пожара вся сеть была восстановлена.

В эту же ночь в здание обкома попали две бомбы. В первую ночь бросали бомбы над городом с трехсот метров, прямо над крышами летали. Вывели из строя зенитные батареи и летали, как им удобно было. Первая бомба попала в зал заседаний. Она попала таким откосом. Вырвала на лестнице обкома и облисполкома угол, но не взорвалась, завалив сверху проход. Вторая бомба попала опять-таки в

[31] *Шапошников Борис Михайлович* (1882—1945) — маршал Советского Союза (1940). С 1940 г. заместитель наркома обороны СССР по сооружению укрепленных районов. С июля 1941 г. член Ставки Верховного Главнокомандования. В июле 1941 г. — начальник штаба главкома Западного направления, затем начальник Генерального штаба РККА. В 1942—1943 гг. — заместитель наркома обороны СССР.

зал заседаний, пробила крышу, упала на пол зала заседаний, а он был на четвертом этаже, и взорвалась. Крыша полетела, а низ ничего. Стекла все высыпались. Третья бомба попала касательным ударом в вестибюль, где было бюро пропусков.

Эти два генерала меня уговаривают: «Выводите отсюда население. Ты неграмотный в военном отношении». Мы, правда, не понимали, почему эта третья бомба не взорвалась? Я дал команду выходить и по щелям. В здании дома Советов были: уполномоченный ЦК ВКП(б), председатель президиума Верховного Совета Белоруссии Грекова[32], всего 17 человек было в этом здании. Все они ушли. Меня генералы спрашивают: «Товарищ Попов, а вы как?» Я говорю, что мне уходить нельзя, потому что может быть откуда-нибудь появится связь. Потом вспомнил, что у нас есть запасный КП. У нас действительно было КП в овраге на Краснознаменной улице, там есть Чертов овраг. В нем были оборудованные траншеи и поставлен телефон ВЧ.

Они собрались и говорят — хорошо, мы пойдем в щели, нам там делать нечего, а вы отправляйтесь на КП.

Бомбят, все горит, обстреливают, как водится.

Мельников мне говорит: «Товарищ Попов, надо пойти в город».

— Все горит, мы не пройдем. Это просто нелепо.

— Давай возьмем машину и проскочим.

Я так на него посмотрел — «Ну давай».

У меня была машина «Виллис»[33]. Я сел, со мною сел Иван Иванович Иванов. Взял с собою шифр и коды. Мельников сел в другую машину, третья машина охраняла. Три машины поехали.

Выехали к зданию госбанка на перекрестке Советской улицы. Нам навстречу идет взвод тушить пожар. Вдруг раздается команда «Стой! Окружить!» Нам дают команду остановиться. Кричат: «Остановитесь, стрелять будем!» — Я шоферу говорю: «Остановись». Остановились. Окружают. «Из машины вылазь!»

Я думал, как обычно: вылезем, поговорим, выясним. Вдруг командир: «Ложись! Расстрелять!» Я говорю: «Что вы, с ума сошли!»

Ложись!

Наша охрана в четыре человека с автоматами хотела вступить в бой. Я им запрещаю. **[л. 5 / с. 9]** У меня возникла такая мысль — нас расстреляют — это полбеды, но если завязать борьбу в городе, это значит новый факт для паники и беспорядков.

Нас положили расстреливать. Все отобрали и положили, положили плашмя, руки вытянутые.

На посту стоял милиционер, который когда-то работал в обкоме на пропусках. Видит, что что-то такое случалось, бежит. Подбегает:

— Стой!

Они уже приготовилась расстреливать.

---

[32] *Грекова Надежда Григорьевна* (1910—2001) — председатель Верховного совета Белорусской ССР в 1938—1947 гг.

[33] «Виллис» (Willys MB) — американский армейский автомобиль повышенной проходимости.

— Предатели родины, всех вас расстреляем! Ни одному не ходить по русской земле!

— Я хозяин здесь. Я этих людей знаю. Вон! Встать! — на нас. Потом этого милиционера именно за этот факт наградили.

Мы встаем. «Возвратить им все». Начинают возвращать. А у Мельникова, как на грех, был немецкий пистолет. Когда возвращали этот пистолет — «А, так это точно шпионы, смотрите!» показывают немецкий пистолет.

Этого милиционера в сторону. Опять — ложись. Лежим вниз животом, руки плашмя.

А кругом все горит. Телефонные столбы и провода падают. Иванов боится за свою машину, сгорит. Я думаю, что если расстреляют, тогда с кодом что?

Второй раз положили. Милиционер опять бежит. Тут он проявил всю хитрость и уговорил их: «Я их поведу в отделение милиции, там разберемся».

Повели. Присоединили к нам по пути еще какую-то группу. В общем, собралось человек двадцать. Они подставили к нам несколько шпионов. Один шел в милицейской форме, через плечо положена шинель. Когда шли по дороге, у него падает белый платок со свастикой. Я товарищей предупредил: «Смотрите кто не подберите». Эти платки бросают шпионы и предатели. Сами забегают вперед и стреляют из винтовок.

— Смотрите, они начинают стрелять по нас!

Я все удерживал товарищей, не волнуйтесь, не шевелитесь. Шли все руки вверх.

Тут еще один милиционер видит такую картину. Он предупредил одно отделение милиции. Это отделение милиции вызвало целую роту милиционеров.

Подвели нас к сгоревшему зданию напротив теперешнего обкома.

Было создано кольцо милиционеров. Нас зажали в это кольцо. Старший милиционер командует тем сложить винтовки. Те принимают боевое положение против милиции, а мы в середине. Милиционер настаивает, чтоб этот взвод сдал оружие, а они сопротивляться. Пока они друг друга разоружали, нас вывели в отделение милиции через двор. Бомбежка в это время продолжалась. Нас отвели в укрытие в башню. Таким образом, часа два, пока город бомбили, пока город горел, рушился, нас водили по этим двум улицам расстреливать.

Ночь короткая в июне. Стало уже светать, пока нас водили. После этого часик отдохнули, пришли в себя после этих расстрелов и пошли на организацию тушения города. Так мы на этот КП и не попали.

На второй день в помощь к нам приехали: ГАМБЕР, КИСЕЛЕВ, МЕХЛИС[34], БУДЕННЫЙ[35]. Потом приезжал РУМЯНЦЕВ — член военного совета

[34] *Мехлис Лев Захарович* (1889—1953) — советский партийный и военный деятель, с июня 1941 г. — начальник Главного Политуправления РККА и заместитель наркома обороны СССР. В 1942 г. — представитель Ставки Верховного Главнокомандующего на Крымском фронте. В 1942—1946 гг. — член военных советов ряда армий и фронтов.

[35] *Буденный Семен Михайлович* (1883—1973) — маршал Советского Союза. Входил в состав Ставки Верховного Главнокомандования, участвовал в обороне Москвы, командовал группой войск армий резерва Ставки (июнь 1941 г.), затем — главком войск Юго-Западного направления

Белорусского военного округа. Затем военный прокурор прибыл, ряд воинских командиров и войсковые части прибыли на ликвидацию последствий.

Нам прежде всего рекомендовали из дома Советов перейти немедленно на стадион. Тут был деревянный дом двухэтажный рядом с памятником 1812 года. В нем поселились, начали организовать работу по наведению порядка в городе.

Город горит, в городе огромнейшие пожары продолжались пять дней. Потушили. Тут некоторые партийные работники оказались не на высоте положения. В частности, заведующий транспортным отделом ЖЕЛЕЗНЯКОВ не только сам драпанул в Ярцево, но и там создал па**[л. 5 об. / с. 10]**нику. Начал рассказывать, что почти все население погибло, товарищ Попов расстрелян, все руководящие работники расстреляны, видимо, немцы заняли город. Потом его нашли и вернули в город. Такое же положение было в Заднепровском райкоме. ПОТАПЕНКО — первый секретарь и МАКАРЕНКОВ — второй секретарь убежали из города. В пути около Рославля их задержали и вернули. ОСИПОВИЧ — секретарь по кадрам тоже убежал из города.

Кое с кем пришлось разобраться, навести порядок. Железнякова, Потапенко, Макаренкова и Осиповича исключили из партии и передали суду. Суд приговорил их к расстрелу, Железнякова расстреляли, а дела Потапенко, Макаренкова и Осиповича вели до тех пор, пока немцы оккупировали город, и они остались в тюрьме. Они были приговорены к расстрелу, но приговор не был приведен в исполнение. Потапенко из города Смоленска убежал, перебежал через линию фронта и пришел — «Расстреливайте, но я у немцев не желаю оставаться». Приговор пересмотрели и отменили. Где он сейчас — не знаю. Макаренков, как рассказывал Потапенко, тоже перебежал линию фронта с целью явится, чтобы к нему применили меру наказания, к которой он присужден. Остался Осипович, где он, я тоже не знаю.

Все это дело было опубликовано, рассказано населению. Это внесло некоторый порядок. Начали заниматься городом.

Город в жизненное состояние привели в течение двух дней. Магазины вновь начали работать. Хлебопекарни стали работать, водопровод стал работать, парикмахерские. Все, что обслуживало население, все стало работать.

26 июня из города Смоленска отправили все детские ясли и всех тех, кто не был связан с производством и работой в учреждениях. Это, во-первых, облегчало нас тем, что мы не будем иметь лишних жертв, во-вторых, это было сделано для того, чтобы эти люди не мешали работать, восстанавливать город и тушить его. Весь этот народ эвакуировали в тыл страны.

Эвакуация началась в ночь с 26 на 27 [июня 1941 г.]. В городе оставили только тех, кто работает. Все семьи военнослужащих вывезли, детей, иждивенцев и быстро восстановили работоспособность города.

(июль—сентябрь 1941 г.), командующий Резервным фронтом (сентябрь-октябрь 1941 г.), главком войск Северо-Кавказского направления (апрель-май 1942 г.), командующий Северо-Кавказским фронтом (май—август 1942 г.). С 1943 г. командующий кавалерией Красной армии.

С30 по 2 июля пошли на восстановление города, на тушение пожаров, на налаживание городской жизни. Большую работу проделали в это время по восстановлению железнодорожного узла, потому что узел был полностью разрушен. На железнодорожном узле было сосредоточено все внимание, потому что плохая работа железнодорожных узлов парализовала фронт. Узел мы сделали за сутки. Работали непрерывно сутки. Работали военные и, главным образом, все жители, которые способны были работать. Узел восстановили, дорога начала работать.

В это же время мы провели большую работу по мобилизации населения на строительство оборонных рубежей: рубежа в западных Смоленских воротах Витебск — Варшава, по территории Смоленской области, по реке Сож, по реке Днепр и по реке Западная Двина и затем так наз. «закрытие расстояния на 160 километров» — создавали противотанковые рвы, надолбы[36] ставили. Делали эскарпы[37] по берегам рек. Производили земляные работы для огневых точек — дзотов, дотов и т.д. На этом работало свыше 320—340 тысяч населения.

По учету статистики облплана на первое января 1941 года населения в Смоленской области было 3.200.000 человек; в 1939 году — 2.680.000 человек. Такой рост населения объясняется тем, что в 1941 году был большой разворот промышленности. Строили брикетный завод, коксующие печи, цементные заводы, угольные шахты. Поэтому прибавилось народа за эти два года очень много. Когда мы наличное население переписывали в 1939 году[38], у нас тогда был большой процент отходников в Москву и Ленинград. В связи с ростом промышленности отходничество сократилось, поэтому процент населения изменился в сторону увеличения.

По переписи города на январь 1939 года в городе Смоленске было 176.000. **[л. 6 / с. 11]**

Но мы насчитывали 200.000 без небольшого.

На этих рубежах работали и подростки, старики и женщины. Работало свыше 50 тысяч лошадей колхозных, наш тракторный парк и автомашины. Все это было брошено на рубежи.

На Западном рубеже мы закончили земляные работы до вступления на территорию Смоленской области немцев, но строительство не было завершено. Там требовались деревянные работы и бетонные работы. Дерево-бетонные работы не были завершены в силу отсутствия запасов цемента на складах в народном хозяйстве области, во-первых, и в силу трудностей подвоза цемента из других областей, потому что транспорт производил оперативную перевозку для фронта.

---

[36] Противотанковые надолбы — врытые в землю рядами в определенном порядке деревянные столбы или гранитные глыбы, позднее пирамидальные бетонные или железобетонные конструкции. Предназначены для препятствования продвижению танков и техники танковых подразделений и частей неприятеля. Часто совмещены с минными полями и проволочными заграждениями.

[37] Эскарп — противотанковое или противотранспортное земляное заграждение. Используются при оборудовании оборонительных рубежей на неровной местности и по берегам рек.

[38] Имеется в виду Всесоюзная перепись населения, проведенная в январе 1939 г. вместо переписи 1937 г., результаты которой были объявлены «дефектными».

Для руководства этими работами собирали советских, партийных областных и районных работников. Приехали инженеры и техники, которые их инструктировали по этим земельным работам. В частности ВОЛКОВ[39], который работал первым секретарем Смоленского райкома, был начальником участка по земляным работам. Ему указали, что по правому берегу Днепра надо сделать эскарп, показали размер, каким должен быть противотанковый ров, какой глубины, как забрасывать землю, как делать чертежи. Вот они и работали. Точно также показали, как делать надолбы. Тут мудреного ничего нет. Всегда оценивали произведенную работу положительно, но она не была завершена.

Несколько позднее, примерно через неделю этот рубеж был перенесен восточнее Смоленска. Людей мы тоже перебросили оттуда, но не полностью. Половину людей передвинули с тех рубежей, вторую половину привлекли в порядке местной мобилизации. Местного народа работало свыше двухсот человек. Но и этого народа не хватало. К нам прибыло свыше ста тысяч народу из других областей, главным образом молодежь из комсомольских организаций. Прибыли из Воронежа, из Тульской области, из Саратовской области, Пензенской, Рязанской и других. Они тоже работали на втором рубеже. Этот рубеж тоже был не закончен. Земляные работы были произведены полностью. Оставалось только завершить строительство дотов и дзотов. Все это дело упиралось в отсутствие технических кадров и в отсутствие материалов. Хотя как правило и к первому, и ко второму рубежам лесоматериалы были подвезены, не хватало цемента и других материалов, которых на месте нельзя было достать.

На строительстве рубежей население вело себя исключительно хорошо. Часто налетала авиация, потому что было большое скопище людей. Километров на пятьдесят плечо к плечу стояли целые ряды народа. Рассказывали наши летчики, что это видно за несколько километров с самолета да еще работают в белых рубахах и красных платках. Немцы с самолетов бомбили, обстреливали из пулеметов. Работали со своим хлебом, со своими припасами. Никто никогда не ставил вопрос, будем ли платить деньги, будем ли давать хлеб? Самоотверженно работали.

Затем большие работы провели по восстановлению Витебской дороги, Краснинского большака, Киевского большака от Смоленска. Эти дороги надо было восстановить, потому что вся техника двигалась большаками и дороги быстро были приведены в негодность. Витебская дорога вся была асфальтирована. Но достаточно было пройти нескольким танковым корпусам, как эта дорога была приведена в такое состояние, что просто ужас.

Перед нами командование поставило задачу восстановить дороги и дало нам на это трое суток. То, что в мирное время делалось за год, в военное время определялось сутками. Причем никакого технического руководства не было. Мы

[39] *Волков Михаил Петрович* (1910—1986) — партийный деятель, в довоенное время — секретарь исполкома сельсовета, инструктор райкома, Смоленского обкома ВКП(б). В годы войны — активный участник партизанского движения на Смоленщине и Брянщине, руководитель подпольного райкома партии.

только знали начальника строительства, секретаря обкома по лесной и топливной промышленности т. ДЕНЬГИНА, ныне член Военного совета 10-й Гвардейской армии. Он был прораб, имел высшее техниче**[л. 6 об. / с. 12]**ское образование и руководил строительством. Затем тов. ВАСЮРИН — первый секретарь Заднепровского райкома, который был у него помощником. Мы все машины из народного хозяйства мобилизовали, мобилизовали лошадей и людей.

Покрыли эти дороги асфальтом, и сделали это не в трое суток, а в сорок один час. Сюда входит и мобилизация людей, разворот работы и завершение работы. Когда Витебская дорога была сделана, то специально приезжали т. ТИМОШЕНКО[40] и т. МЕХЛИС принимать ее. Они были поражены и прямо сказали, что дали мы вам трое суток, а сами думали, что если вы нам ее сделаете за неделю, и то хорошо.

Правда, надо сказать, что это был муравейник — столько было людей и лошадей.

В этот период времени перед нами поставили задачу вести борьбу с диверсантами, парашютистами и всякой такой сволочью, потому что к этому времени они начали здорово работать и у нас появилось много диверсионных актов.

Мы начиная с 30 июля организовать истребительные батальоны. Если они в первое время были в виде заградительных отрядов, то мы их стали создавать как истребительные батальоны, стали их вооружать. Этим делом стал заниматься обком партии. Мы получили семь вагонов оружия с боеприпасами для вооружения истребительных батальонов. Создали в каждом районе истребительный батальон. Он делился на основные группы. При каждом сельсовете была вооруженная группа человек от 15 до 25, по разному. Если в районе 25 сельских советов, то в общей сложности там батальон людей. В городе мы имели три истребительных отряда по районам и один городской.

Таким образом, мы имели 61 истребительных отрядов. Численностью эти истребительные отряды в среднем были по 400—450 человек. Сюда входили партийные работники, советские работники, сельский актив — председатели сельсоветов, секретари, бригадиры, комсомольцы, милицейский рядовой состав. Милиция очень большое содействие оказала в наведении порядка, много переловили диверсантов и одиночками, и группами. Мне помниться, что сотни две, три милицейского состава были награждены за борьбу против диверсантов, шпионов и т.д.

Мы ввели конное патрулирование на территории сельских советов из числа этих людей. Имели три, четыре лошади, с седлами. Эти патрули разъезжали по колхозам, входящим в сельский совет. Кроме охраны поселков, они разъезжали по полям. Надо сказать, что эта работа была довольно четко органи-

[40] *Тимошенко Семен Константинович* (1895—1970) — маршал Советского Союза (1940). В 1940—1941 гг. нарком обороны СССР, затем командующий войсками Западного фронта, главнокомандующий войсками Западного, Юго-Западного направления. В 1942 г. командующий войсками Сталинградского, Северо-Западного фронтов, с 1943 г. — представитель Ставки Верховного Командования, осуществлял координацию действий ряда фронтов, принимал участие в разработке и проведении ключевых военных операций.

зована и скоро дала такие результаты, что на третье, четвертое июля мы уже не имели таких явлений, как подсвечивание ракетчиками немецким самолетам, потому что в эту борьбу с ракетчиками было втянуто все население путем истребительных отрядов, групп содействия на местах. При этих условиях им трудно было действовать. Переловили их очень много.

3 июля мы получили сообщение о том, что будет передаваться речь товарища Сталина. Мы известили районы города о том, что будет транслироваться речь товарища Сталина. В городе предприняли некоторые срочные меры. Между прочим, у нас после пожара и разрушений радиосеть уцелела, кроме того, была дополнительно поставлена. Но все же считали это недостаточным. Поставили несколько машин на это время в городе для того, чтобы принимать и транслировать. Таким образом, все население города Смоленска было охвачено слушанием речи товарища Сталина.

После таких тяжелых для смоленского населения явлений, **[л. 7 / с. 13]** как бомбежка города, как движение населения с запада, речь товарища Сталина очень сильно ободрила население. Уверенность у населения прибавилась, активность увеличилась. Народ стал поговаривать — стоит ли проводить эвакуацию. Некоторые руководители поддались этому подъему настроения населения, приходили и протестовали против эвакуаций населения. Это было массовое движение. Директора техникумов, вузов, библиотек, директора МТС, совхозов и предприятий буквально стали наседать — не спешим ли мы с эвакуацией, не подождать ли, не стоит и т.д.

Речь товарища Сталина натолкнула на некоторые новые мероприятия, которые мы стали проводить. Мы стали истребительные батальоны готовить так, чтобы они в случае оккупации остались на месте. Стали создавать продовольственные базы, запас боеприпасов, готовили землянки, лагеря, где бы они могли дислоцироваться для ведения борьбы в тылу противника.

Наряду с этим секретари обкома, заведующие отделами обкома, секретари райкомов специально выезжали в эти истребительные отряды, проводили индивидуальные беседы с ними, выясняли желание остаться в тылу противника. Присягу брали с товарищей, что в случае оккупации они останутся на оккупированной территории в целях ведения партизанской борьбы против немецких оккупантов.

Процентов тридцать отсеялось по разным причинам. Некоторым наши товарищи, видя, что они неуверенно, неустойчиво ведут себя, рекомендовали эвакуироваться. Некоторые по болезни не могли оставаться. Осталась только самая активная, здоровая часть.

По всем западным районам от Смоленска до Ярцева[41], то есть той полосы, где мы проводили эвакуацию всего имущества, мы проводили работу по организации партизанских отрядов из самих истребительных батальонов. Эту работу мы проделали после речи товарища Сталина.

[41] Ярцево — город (с 1926 г.), административный центр Ярцевского района Смоленской области.

В это же время мы начали строить дополнительный рубеж, третий рубеж. Собственно придвинули население к Вязьме, там провели мобилизацию населения и начали строительство третьего рубежа.

В этот период на этот участок стала прибывать техника ГУЖШОССДОР[42], ГЛАВГИДРОСТРОЯ[43]. Они должны были строить канал на Волге и на других участках. Все они были оттуда сняты и переброшены на этот участок. Затем московские организации строительные, хозяйственные и другие тоже были брошены на строительство этого рубежа. Несколько позже подошло московское ополчение, которое обучалось, но в то же время принимало участие в строительстве оборонительных рубежей до начала оккупации Смоленской области. Строительством руководил секретарь Московского Комитета ВКП(б) тов. Попов и я. Штаб находился в Гжацке[44]. От управления НКВД был т. КРУГЛОВ[45].

Начальником первого рубежа был т. ЦАНОВ — нарком НКВД Белоруссии[46], заместителем его был т. МАТВЕЕВ — начальник НКГБ Белоруссии, ныне секретарь Орловского горкома[47]. Главный инженер Гидростроя был главным инженером нового рубежа. Между прочим, при строительстве рубежа попал к немцам, переоделся в крестьянскую одежду, перешел линию фронта и пришел в Смоленск.

Начальником второго рубежа был заместитель наркома внутренних дел ФЕДОРОВ, помощником его был АНТОНЕНКО — секретарь Московского горкома по строительству и коммунальному хозяйству. Большинство первых секретарей на втором рубеже и на третьем рубеже работали начальников строительных участков **[л. 7 об. / с. 14]** главным образом по земляным работам.

Они же собственно организовали и партийную работу, и политическую работу среди населения. Кроме того, на втором и на третьем рубежах было выделено порядочное количество военных специалистов, военных инженеров и техников саперных частей. На каждом строительном участке были либо инженер, либо техник. Работы на этих рубежах велись квалифицированно.

---

[42] ГУШосДор — Главное управление шоссейных дорог Наркомата внутренних дел СССР. Образовано в 1936 г.

[43] Главгидрострой — Главное управление лагерей гидротехнического строительства НКВД СССР. Образовано в 1940 г.

[44] Так в тексте. Гжатск (с 1968 г. — Гагарин) — город в Смоленской области, административный центр Гжатского района. 9 октября 1941 г. оккупирован немецкими войсками, освобожден 6 марта 1943 г. С. Клушино в окрестностях Гжатска — родина первого космонавта Ю.А. Гагарина.

[45] *Круглов (Яковлев) Сергей Никифорович* (1907—1977) — в 1939—1945 гг. заместитель, первый заместитель наркома внутренних дел СССР. С 1941 г. член Совета по эвакуации при СНК СССР, член Военного совета Резервного, Западного фронтов. В 1945—1953 гг. нарком внутренних дел СССР.

[46] *Цанава (Джанджгава) Лаврентий Фомич* (1900—1955) — в 1938—1941 гг. нарком внутренних дел БССР, в 1943—1951 гг. нарком/министр государственной безопасности Белорусской ССР. В 1941—1943 гг. заместитель начальника Управления Особых отделов НКВД СССР, начальник Особого отдела НКВД Западного фронта, начальник Особого отдела НКВД Центрального фронта.

[47] *Матвеев Александр Павлович* (1905—1946) — один из организаторов партизанского движения. В 1941—1942 гг. нарком внутренних дел Белорусской ССР, после начала войны выполнял правительственные задания по организации выпуска военной продукции в Новосибирске, Кемерово. В 1942—1944 гг. — первый секретарь Орловского обкома и горкома ВКП(б), член Военного совета Брянского фронта, начальник Брянского штаба партизанского движения. С 1944 г. первый секретарь Брянского обкома и горкома ВКП(б).

Потом строили взлетно-посадочные площадки: восточнее Вязьмы, севернее и южнее Вязьмы и западнее Вязьмы. Решено было строить 12—15 аэродромов в районе исключительно силами местного населения. Помогали нам только техникой. Давали катки для укатки гравия. Аэродромы засевали своими семенами. Наша область сеяла лугопастбищные травы. Мы эти семена использовали на посев трав на этих аэродромах. Население продолжало очень усиленно работать в помощь фронту на оборонительных сооружениях.

Затем строили дорогу: Вязьма—Юхнов. Раньше это был большак, который потом был превращен в проселочную дорогу. Потребности войны вызвали необходимость создания этой дороги. Мы построили эту дорогу протяжением километров 95—97. Построили рокадную дорогу с гравийным покрытием — Юхнов—Ржев. Наш участок был со станции Осура за Сычевку, протяжением километров 250 и второй довольно порядочный кусок от Юхнова через Полотняный Завод на Калугу с новой подушкой и гравийным покрытием. Эти дороги более или менее и сейчас сохранились. Как дороги и немцы ими усиленно пользовались.

Произвели дополнительные работы по улучшению дороги Смоленск—Духовщина—Белый, с Белого на Каменец—Н. Нелидово и далее. Между прочим, немцы на них очень долго держались. Строили дорогу: Ново-Дугино—Вызьма—Холм—Жирков—Белый — тоже рокадная дорога.

Затем произвели ремонт основных дорог: трассы Москва—Минск на территории Смоленской области и затем трассы Москва—Варшава. Затем поддерживали первое время дорогу Орел—Витебск, покрыли гравием большак Смоленск—Демидово, это Невельский большак.

Вот такое количество дорог привели в порядок и поддерживали, главным образом, силами населения — колхозными людьми и техникой, которая имелась еще в народном хозяйстве.

С 3 июля после речи товарища Сталина мы начали усиленно проводить эвакуацию ценностей, главным образом до полосы Ельня—Ярцево и туда на север на Белый. Всю технику, рабочих, сырье и готовую продукцию вывезли с предприятий; вывезли склады УГР[48] Рославльский и Смоленский; вывезли оборонные предприятия, скажем, Рославльский вагоноремонтный завод, который выпускал снаряды, завод имени Калинина, который выпускал авиационные бомбы и снаряды; завод 35, который выпускал военную продукцию; Льнокомбинат, который тоже выпускал боеприпасы из ряда своих цехов. Был у нас Механический завод, тоже выпускавший боеприпасы и т.д. Все эти заводы полностью организованно эвакуировали. Льнокомбинат, завод им. Калинина, завод 35, швейную фабрику, обувную фабрику, фанерный завод — все это вывезли на восток.

Условия для эвакуации у нас были хорошие в том отношении, что у нас в Смоленском узле была разгрузка военных грузов. Поэтому мы имели много порожняка. И мы пользовались этим порожняком. Нас транспорт не лимитировал. Нас **[л. 8 / с. 15]** лимитировал подвоз к месту погрузки. Например, на

[48] УГР — Управление госрезервов.

Льнокомбинат провели специальную ветку для вывоза оборудования, к складу УГР тоже продвинули линию.

Скот племенного государственного рассадника был угнан. Сейчас возвращен и находится на передержке в восточных районах. В большинстве колхозов обобществленный скот из этих районов был угнан в тыл страны. Трактора все были угнаны своим ходом из этих районов, только демидовские, касплянские и часть руднинских тракторов не успели угнать, потому что когда они дошли до реки Вопь, немцы от Ярцева отрезали выход. Трактористы трактора загнали в болото, а кое-какие части закопали. Между прочим, немцы значительную часть этих тракторов не стали вытягивать. Сейчас мы их вытягиваем. Тракторный парк в основном был эвакуирован. Имущество совхозов как подвижное, так и недвижимое все было эвакуировано. Маслозавод при Льнокомбинате и консервный завод сгущенного молока тоже были вывезены. Эвакуацию проделали до 10 июля и населения, и имущества.

10 июля немцы уже вступили на территорию Смоленской области. 10 числа к вечеру они подошли к Красному. С 10 в ночь и 11 июля шел бой за г. Красный.

На время начала оккупации Смоленской области фронт так располагался, можно сказать, что он так располагается и на данный момент. Немцы с 9 на 10 июля заняли Витебск и от Витебска несколько продвинулись к Велижу, стали на границе Витебского и Велижского районов. Сейчас фронт на этом же месте.

С юга, по южному флангу этих ворот Смоленского фронта немцы заняли Оршу[49]. В ночь с 9 на 10 перешли Днепр у Шклова двадцать пять километров южнее Орши и двинулись на Красный. Одновременно немцы шли на три города: Витебск, который они довольно легко взяли[50], Оршу и уже были у Красного. Красный километров пятьдесят восточнее Орши. Немцы около Шклова перешли Днепр и пошли на Ляды. Оседлали западный большак и с него пошли на Красный. В ночь с 10 на 11 июля заняли город Красный.

20-я армия находилась на левой стороне Днепра, т.е. располагалась по Минскому шоссе. Немцы шли по южной стороне Днепра.

Они пошли по той дороге, по которой Наполеон подходил к Смоленску — с Краснинского и Навлинского шоссе. Был у них один мотомеханизированный корпус, группа танков и несколько стрелковых дивизий. Этой группой они шли по этому направлению к Смоленску. Перешли Днепр, прорвали нашу линию обороны. На это время оказалось такое положение.

Под Оршей есть военный городок, забыл, как он называется. Наши войска там долго сидели, примерно, сидели дней пятнадцать. Немцы взяли верхнюю часть Смоленска, а наша войска сидят одним концом под Оршей, а другим кон-

[49] Орша — город в Витебской области Белорусской ССР, в июле 1941 г. занят немецкими войсками, освобожден в июне 1944 г. Во время боев под Оршей, у дер. Пищалово, состоялось одно из первых применений в бою реактивной установки «Катюша».

[50] Витебск — город на северо-востоке Белорусской ССР, занят немецкими войсками 9—11 июля 1941 г. после форсирования Западной Двины. Считается самостоятельной операцией вермахта, все последующие боевые действия в районе Витебска 12—16 июля являются частью Смоленского сражения.

цом перекрещивают Демидовский большак у селения Никулино, где Демидовский большак выходит на Витебскую дорогу. Этот перекресток большака они держат. Немцы взяли Демидово, Велиж, Витебск[51], а выход с Демидова к Рудне — этот перекресток — наши держат. Две армии остались в промежутке от Днепра и до этого перекрестка. Находились они там до 24 июля. За это время южная группировка противника взяла верхнюю часть города, а 24 июля заняла и нижнюю часть Смоленска. Смоленск был взят, а эти армии находились еще у Вязьмы. В наших руках осталась только Минская трасса, как выход для этих двух армий. Демидовский большак и Минскую трассу в Смоленск тоже наши удерживали. Выход со старой Московской дороги на Минскую дорогу восточнее совхоза Жуковка тоже наши удерживали. Там был штаб 19-й армии КОНЕВА[52].

Если посмотрим по карте, то увидим, что всю эту полосу по этой стороне Днепра и по Минскому шоссе до Ярцева и до Соловье**[л. 8 об. / с. 16]**вой переправы[53] на юг удерживали наши, а эту полосу от Лиозного[54] и под саму Оршу удерживали немцы. Немцы в то время успели выйти к Ельне, заняли Глинку—Починок. В Ельне их остановили. Причем они не пошли по Демидовскому большаку на Витебское шоссе, а пошли с Демидова на Духовщину, с Духовщины пошли на Ярцево. Таким образом, нам отрезали Минскую дорогу. Сзади у нас осталась Соловьева переправа.

Вот, собственно говоря, как сложилось все это дело.

Смоленск было поручено оборонять двум армиям. Рубежи были подготовлены. Оборона была построена в два кольца. Первый рубеж должен был занять 19-я армия Конева, членом военного совета был Лобачев[55]. Большая часть войск прибыла, меньшая половина не прибыла. Как раз в момент разгрузки 19-й армии на станции Духовская, немцы занимают верхнюю часть города.

Сопротивление оказывал один артиллерийский полк, который не входил в состав 19-й армии, а входил в состав одной из армий, которая стояла западнее и затем отходила. Отходя, она развернула оборону здесь и начала прикрывать артиллерией свой отход.

Наши гражданские истребительные батальоны заняли позицию, развернулись и начали бой. К утру наши все батальоны отошли за Днепр и мы вместе с ними и этот артиллерийский полк оборонительный.

---

[51] Города и районные центры Белорусской ССР и Смоленской области РСФСР.

[52] *Конев Иван Степанович* (1897—1973) — с июня 1941 г. командующий 19-й армией. В ходе Смоленского сражения соединения армии оказались в окружении, но сам Конев сумел вывести из окружения управление армии с полком связи. С сентября 1941 г. командующий войсками Западного, затем Калининского фронтов. В 1942—1943 гг. снова командующий Западным фронтом, затем — войсками Степного фронта. Маршал Советского Союза (1944).

[53] Соловьева (или Соловьевская) переправа — одна из переправ на р. Днепр, известная с XV в. как Соловьев перевоз. Находится в дер. Соловьево Кардымовского района Смоленской области. Во время Смоленского сражения оставалась единственной, через которую поддерживали связь с тылом, а затем выходили из окружения 16-я и 20-я армии. Переправа ежедневно подвергалась обстрелам и бомбардировкам, постоянно шли бои за контроль над ней. По разным данным, на переправе погибло от 50 до 100 тыс. советских солдат и офицеров.

[54] Так в тексте, правильно — Лиозново.

[55] *Лобачев Алексей Андреевич* (1903—1964) — офицер-политработник, с июня 1940 г. — член Военного совета 16-й армии.

Первый оборонительный рубеж, построенный нами, не был использован, потому что не успела подойти 19-я армия. Поэтому она заняла второй рубеж — Заднепровский район. Ей была поставлена задача не пускать немцев через Днепр, отрезать две армии, которые находятся под Оршей, не пустить на Витебскую дорогу и Минскую дорогу. Поэтому она развернулась в Заднепровье, заняла кладбище и стала оборонять выход со старой Московской дороги на Соловьеву переправу, чтобы не дать противнику здесь выйти и перейти Днепр в других местах. То, что Конев здесь успел занять оборону, сыграло исключительную роль. Поэтому не случайно, что он и Лобачев первыми в Отечественную войну награждены. Правда, они опоздали. Они могли бы больше сделать, если бы они сумели развернуться западнее.

Армия Рокоссовского[56] находилась в это время еще на колесах. Когда первый эшелон 16-й армии Рокоссовского прибыл на станцию Свищево, им говорят, что дальше ехать некуда, станция Ярцево занята немцами. А первый эшелон должен был стоять во второй линии обороны Смоленска. Первый эшелон стал разгружаться на станции Свищево, а остальные эшелоны на промежутке между станцией Сафоново и Ярцево. Развернули оборону на линии Ярцево—Духовщина, с одной стороны, с другой стороны, из Духовщины к Соловьевой переправе, к Днепру.

Таким образом, Армия Рокоссовского стала прикрывать Соловьеву переправу, чтобы не дать южной группе немцев от Ельни—Глинки занять Соловьеву переправу и с Духовщины и Ярцева не дать им возможности подойти к Соловьиной переправе, чтобы противник не мог замкнуть кольцо для выхода армии.

Там была 20-я армия, — ей командовал РЕМИЗОВ[57], член Военного Совета СИМОНОВСКИЙ, — и 30-я армия. Эта армия состояла из пограничников. Она стояла несколько ближе к Демидову, а 20-я армия к Днепру и держала Заднепровье до 25 июля.

За Смоленск шел бой десять дней беспрерывно. Немцы с верхней части города пытались перейти Днепр и занять Приднепровье и эту дорогу, чтобы отрезать Заднепровье. Наши пытались их **[л. 9 / с. 17]** выбить и в крайнем случае не пустить немцев из верхней части города в нижнюю.

Наши, во-первых, не давали возможность работать южным аэродромам, во-вторых, не давали развернуться немцам с точки зрения подвоза, старались

---

[56] *Рокоссовский Константин Константинович* (1896—1968) — маршал Советского Союза (1944). С июля 1941 г. командующий 4-й армией, затем руководил оперативной группой войск под Смоленском, в августе 1941 г. группа была реорганизована в 16-ю армию. С сентября 1942 г. командующий войсками Донского, с февраля 1943 г. — Центрального (с октября 1943 г. Белорусский) фронта. В 1945 г. командовал Парадом Победы в Москве.

[57] *Ремизов Федор Тимофеевич* (1895—1974) — советский военачальник, генерал-лейтенант танковых войск (1943). С 1940 г. командир 18-й танковой дивизии, которая в начальный период войны вела тяжелые оборонительные бои на Западной Двине и Днепре, прикрывая направление Борисов — Смоленск — Ярцево, а также принимала участие в контрударе из района севернее Орши по направлению на Сенно. В августе 1941 г. Ремизов был назначен командиром 127-й танковой бригады, участвовавшей в Смоленском сражении; затем командиром 145-й танковой бригады. В мае 1942 г. — заместитель командующего 20-й армией по танковым войскам. В конце войны — командующий бронетанковыми и механизированными войсками 2-го Прибалтийского и 4-го Украинского фронтов.

удерживать центральную станцию в своих руках. В-третьих, наши удерживали выход на Демидовское шоссе, где была командная высотка — завод 35. Корпус этого завода железобетонный, так что немцы не могли его взять ни снарядами, ни минами. Наши удерживали перекресток этой дороги и удерживали вторую дорогу — старую Московскую. Здесь есть озеро Пискариха[58] и Гедеоновка[59], где был второй опорный пункт, который не давал возможность немцам занять совхозный двор и дать выход к Соловьевой переправе. Наши держали также Привет.

Таким образом все три высотки: Привет, завод 35 и Пискариха были в наших руках.

В течение десяти дней город продолжал гореть и бомбился непрерывно. Кто ушел из города в ночь с 15 на 16 июля, считают, что город сдали без боя. Они знают, что без боя была занята верхняя часть города с Краснинского большака. Заслуга артиллеристов и истребителей, которые прикрывали город с южной стороны, состояла в том, что они взорвали мосты и не дали немцам переправиться, пока Конев не подтянулся через Днепр. Этим они сделали великое дело. Надо сказать, что бои шли ожесточенные. Почти беспрерывно и день и ночь шли бои.

Я все время находился в районе Пискарихи и Гедеоновки с ЕРЕМЕНКО[60]. Еременко командовал Западным фронтом, командовал группой армий: двумя армиями, которые находились под Витебском и Оршей, а также в его группу входили 19 армия Конева и не пришедшая 16 армия[61].

Удержать Смоленск было невозможно, потому что нечем было стрелять. Через одну Соловьеву переправу по понтонным двум мостам однопроездным снабдить эти армии боеприпасами было нельзя. А кроме боеприпасов ничего не возили, потому что продовольствие — скот, хлеб заготовляли на месте в селах и колхозах. На три армии навозить боеприпасов по одной ниточке и автомобилями — это дело большое. Боеприпасы стали на исходе. В силу этого была команда этим двум армиям отходить. Они начали отход. Немцы 23 и 24 июля особенно нажимали, пытались перейти Днепр и отрезать дороги. Выводили эти две армии из района Кардымова и перевели на старую Московскую дорогу с выходом на Соловьеву переправу. Когда эти армии пошли из Кардымова, тогда была оставлена Заднепровская часть. Это

---

[58] Пискариха — местечко рядом со Смоленском.

[59] Гедеоновка — поселок в Смоленском районе Смоленской области. Там находится братская могила 5 тыс. граждан СССР, казненных гитлеровцами в 1942—1943 гг.

[60] *Еременко Андрей Иванович* (1892—1970) — советский военачальник, маршал Советского Союза (1955). С июня 1941 г. — командующий 16-й армией, затем войсками Западного фронта. Организовал переправу основных сил, окруженных в Смоленском котле, через Соловьево, в ходе боев был ранен. С августа 1941 г. — командующий войсками Брянского фронта, с декабря — командующий 4-й ударной армией, достигшей наибольших успехов в ходе зимнего контрнаступления под Москвой. В 1942—1943 гг. — командующий Юго-Восточным (Сталинградским) фронтом, в 1944—1945 гг. командовал 1-м и 2-м Прибалтийским и 4-м Украинским фронтами.

[61] 16-я армия была сформирована в июле 1940 г. в Забайкальском военном округе, в начале войны передислоцирована к театру военных действий. В середине июля 1941 г., после прорыва немецких мотомеханизированных войск к Смоленску, 16-я армия оказалась в окружении, в конце июля ее подразделения оставили город. Деблокирована 1 августа 1941 г. оперативной группой К.К. Рокоссовского, остатки 16-й армии влились в состав 20-й армии.

было ночью с 25 на 26 июля. Тогда было объявлено с Совинформбюро[62], что город Смоленск оставлен. Эти две армии около Кардымова сутки держались, но держаться дольше было невозможно, зацепиться не за что. Второй рубеж занимать было нельзя. Он, видимо, был на таком месте, откуда нельзя ни соединиться с Минской трассой, ни со старой Московской дорогой. Поэтому вынуждены были отойти и хоть на голом месте держать оборону.

Еременко перешел фронт 27 июля. Когда я переправлялся, никаких переправ не было. Мы переходили Днепр там, где находили брод и просто переходили пешком. 28 июля я появился в штабе Западного фронта. Меня вернули обратно на Соловьеву переправу. Дали 800 машин, груженных боеприпасами, и сказали, чтобы я их перевез через Соловьеву переправу, чтобы остатки этих войск вывести из боев.

Со мною поехали: полковник ЛИЗЮКОВ[63], подполковник ТУЛИН, ныне генерал-майор, ВИНОГРАДОВ, командующий 10-й Гвард. армией, КАРТАВЕНКО и ЛЕСОВСКИЙ. Нам дали поручение не Соловьеву переправу **[л. 9 об. / стр. 18]** оборонять, а дали поручение собрать роту или две и с боем провести на ту сторону Днепра эти 800 машин. Когда мы подъехали к самой Соловьевой переправе, то оказалось, что переправы нет. Начали строить переправу. И с левого и правого фланга обстреливают немцы пулеметным и минометным огнем. Кольцо замкнуто.

Перед нами встала задача, как провести эти машины? Принимаем решение не машины перевозить, а выводить остатки этих двух армий. Чтобы провести эти армии, для них нужно пробить ворота, которые бы не простреливались с двух сторон. Предложили Лизюкову взять на себя командование. Он стал собирать штабы отходящих армий. Начало положили и начали артподготовку. Такая тут вещь получилась. Народ стал бежать. Двадцать восемь человек расстреляли публично. Навели порядок. Саперы, которые были приведены, восстановили переправу. Их поставили в оборону. Артиллерию тоже поставили в оборону. У нас 800 машин боеприпасов и те, кто стал переправляться, охотно стали к нам присоединяться. Скомплектовали вначале полк. Попытались, попытались — не прорвали. Уже проходят сутки. Немцы тоже

---

[62] Совинформбюро — Советское информационное бюро, информационно-пропагандистское агентство, образованное 24 июня 1941 г. Основная задача — составление сводок о положении на фронтах, работе тыла, партизанском движении и проч. и распространение этой информации среди населения, а также среди отечественных и зарубежных СМИ.

[63] *Лизюков, Александр Ильич* (1900—1942), военачальник, генерал-майор. С марта 1941 г. заместитель командира 36-й танковой дивизии 17-го механизированного корпуса, с июня начальник 1-го отдела автобронетанкового управления Западного особого военного округа. После начала войны — начальник штаба обороны города Борисова, во время Смоленского сражения — комендант переправы в районе Соловьево — Ратчино. Сводный отряд под его командованием успешно оборонял переправы через Днепр и Березину, жизненно важные для окруженных 16-й и 20-й армий. «За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с германским фашизмом и проявленные при этом отвагу и геройство» присвоено звание Героя Советского Союза (1941). С августа командующий 1-й танковой дивизией (позднее гвардейская мотострелковая). В 1942 г. командир 2-го гвардейского стрелкового корпуса, 5-й танковой армии. Погиб во время Воронежско-Ворошиловградской операции.

начинают подтягивать силы. Тогда я сел на машину и быстро выехал в Семлево. Сначала заехал в Дорогобуж. В Дорогобуже организовал пять машин. Нашли продукты: сыр, хлеб, сало. Две машины нагрузил хлебом и отправил. Сам поехал в Семлево. Там и разыскал Щаденко[64].

— Пока я дойду до штаба, время пройдет, а вы замнаркома.

— А что вам нужно?

— Нам нужна дивизия для прорыва, иначе мы ворота не пробьем.

— Ничем помочь не могу.

Там был штаб 24-й армии. К ним приехал тов. Тимошенко, потому что они относились тогда к резерву фронта. Я связываюсь с Тимошенко. Тимошенко говорит: надо занимать эту дорогу.

Потом в разговоре Щаденко мне говорит, что ждем Шапошникова. — А где он? — Сейчас только прибыл в Гжатск.

— Разрешите по вашему телефону связаться?

Связываюсь с Шапошниковым. Говорю ему: так и так.

— А что ты к командующему фронтом не обращаешься?

— Звонил командующему, ничего не имеет.

— А чем я могу помочь?

Я ему говорю, что рядом с нами стоит 24-я армия, но она себя считает не обязанной, вроде резервной.

— Соедините со Щаденко.

И отдал ему приказание снять 108-ю дивизию и дать в мое распоряжение.

К вечеру я прибыл к Лизюкову. Он занял с этой дивизией правый участок, самый ответственный. Лизюков составил подрывную ударную группу. Эта дивизия его прикрывала.

В ночь с 29 на 30 июля он прорвал эти ворота. Перешли опять Днепр. По берегу Днепра в одну сторону прошли километров восемь и в другую приблизительно столько же и создали ворота. Стали вытягивать технику и людей. Вытянули оттуда эти части. Когда вытянули части, тогда Лизюков отошел на эту сторону Коровышек. Эту позицию заняла 20-я армия. Таким образом, 20-ю армию поставили тут же у переправы. 30-я армия встала еще правее Духовщины.

Тут образовался фронт и до сентября месяца фронт стоял у Соловьевой переправы, ни шагу назад не сделал.

/Беседа не закончена/.

Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Раздел III. Оп. 8. Д. 1. Л. 1—9 об. Машинопись.

---

[64] *Щаденко, Ефим Афанасьевич* (1885—1951), военный деятель, генерал-полковник (1942). Во время Великой Отечественной войны заместитель наркома обороны СССР — начальник Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии (1941—1943), член Военного совета Южного (1943) и 4-го Украинского (1943—1944) фронтов. С 1944 г. в распоряжении Главного политического управления РККА.

История 5
«…Его везде и всюду можно было видеть сияющим»: стенограмма воспоминаний полковника Ф.Е. Двойнова о кавалеристе генерале Л.М. Доваторе

Генерал Лев Михайлович Доватор (1903—1941) — личность легендарная. В самый трудный начальный период войны неожиданные рейды кавалеристов по тылам врага сеяли панику среди фашистов, отрезали передовые части врага, рвавшегося к Москве, от снабжения боеприпасами и др. Это позволяло выиграть время, подтянуть резервы и одновременно развеять миф о «непобедимости» немецкой военной машины[1].

К началу Великой Отечественной войны Лев Доватор был уже опытным командиром. Он родился в 1903 г. в крестьянской семье в селе Хотино Витебской губернии. О его родителях мало что известно. В анкетах в графе о национальности он писал «белорус». В Российской империи территория Витебской губернии входила в черту оседлости для еврейского населения. Это обстоятельство, а также нерусские имя и фамилия Льва Доватора давали основание для того, чтобы после присвоения ему посмертно в декабре 1941 г. звания Героя Советского Союза им гордились сразу несколько народов СССР.

На вопросы сослуживцев о национальности сам Доватор предпочитал отшучиваться. По словам полковника Ф.Е. Двойнова, специально остановившегося в своем интервью на данной теме, «Доватор говорил, что предки его были французами, которые остались после отечественной войны 1812 года в Белоруссии. Он себя считал белорусом французского происхождения, как он выражался. Французского языка он не знал. Евреем он никак не мог быть, ничего в нем похожего даже не было».

В 1921 г. Доватор окончил среднюю школу и в 1923 г. — годичную партшколу. Военная карьера его началась в начале 1920-х годов. В РККА он вступил в сентябре 1924 г., сразу получив нашивки младшего командира. В 1926—1929 гг. Доватор обучался в Борисоглебско-Ленинградской кавалерийской школе комсостава РККА. Во время учебы в 1928 г. вступил в партию. После окончания кавалерийской школы был направлен для прохождения службы в 27-й кавполк на должность командира взвода. В 1931 г. его часть была переброшена в Забайкалье, на границу с Монголией. Там и состоялось

[1] Вещиков П.И. Доблестный сын Отечества // Военно-исторический журнал. 2011. № 12. С. 33—34.

знакомство Доватора с автором публикуемого ниже интервью полковником Двойновым. «В близких отношениях с ним тогда я не был», — рассказывает Двойнов о забайкальском периоде службы. Вторично судьба свела их уже во время Великой Отечественной войны, когда они на сей раз близко сошлись.

В 1936 г. капитан Доватор как один из лучших офицеров части был направлен в Москву — на учебу в Военную академию им. Фрунзе. Во время учебы последовала полугодовая секретная «стажировка» в объятой гражданской войной Испании[2]. Доватор находился там в группе «товарища Альфреда» (Станислава Алексеевича Ваупшасова) — военного советника при командующем 14-м Партизанским корпусом республиканских войск. Группа Ваупшасова участвовала в боях, а также учила добровольцев интербригад военной тактике, подрывному и диверсионному делу.

Уже после возвращения в СССР в 1938 г. Доватор участвовал в съемках знаменитого фильма С. Эйзенштейна «Александр Невский» (1938). Он командовал конной бригадой, консультировал съемочную группу и готовил войска к батальным сценам. До сих пор существует расхожая легенда, что Доватор дублировал самого Николая Черкасова, сыгравшего Невского. Это, однако, маловероятно, поскольку Доватор был ростом ниже Черкасова. К тому же известен настоящий дублер — старший лейтенант, кавалерист Николай Иванович Бучилев[3].

В январе 1939 г., по окончании академии, Доватор был назначен начальником штаба кавалерийского полка, в ноябре — начальником штаба 1-й отдельной особой кавалерийской бригады Московского военного округа. С марта 1941 г. он начальник штаба 36-й кавалерийской дивизии Белорусского военного округа[4].

В первые дни войны Доватор, который находился на лечении в московском госпитале, выехал на фронт. Однако его дивизия оказалась в окружении, и Доватор получил новое назначение. В июле 1941 г. за отличие в оборонительных боях на Соловьевской переправе через Днепр он был представлен к ордену Боевого Красного Знамени. В представлении сообщалось: «В период боев с германским фашизмом с 11 июля полковник Доватор выполнял ответственные задачи Главнокомандующего по передаче оперативного приказа соединениям, а также по доставке боеприпасов на передовые линии. 16 июля, выполняя приказ Главнокомандующего, обнаружил мотомех-отряд противника, двигающийся к Красному (Смол[енская] обл[асть]). Полковник Доватор организовал разрозненные части и с ними ударил по врагу и выбил его из Красного»[5].

С 14 августа по 2 сентября 1941 г. кавалеристская группа Доватора совершила рейд во вражеский тыл, углубившись в него на 100 километров. Было уничтожено 2500 солдат и офицеров, 9 танков и 200 машин. После этого группа

---

[2] Об этом см.: *Осокин А., Корняков А.* Неизвестный генерал Доватор // Московский комсомолец. 2013, 20 февраля // http://www.mk.ru/social/article/2013/02/19/814813-neizvestnyiy-general-dovator.html.

[3] *Чанышев И.* Александр Невский № 4, или закрытие одного «открытия» // Экран. 1994. № 8. С. 44—45.

[4] Великая Отечественная: Комкоры. Военный биографический словарь / Под общей редакцией М.Г. Вожакина. М.; Жуковский: Кучково поле, 2006. Т. 2. С. 56—57. См. также: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=1047.

[5] http://podvignaroda.mil.ru/?#id=2007867&tab=navDetailManAward (дата обращения — 28.08.2015).

была переименована в 3-й кавалерийский корпус, а Доватор получил звание генерал-майора. В сентябре-октябре доваторцы участвовали в оборонительных боях на реке Меже и реке Лама. За удачно проведенные операции 3 ноября Доватор был награжден орденом Ленина[6]. В ноябре в составе 16-й армии под командованием К.К. Рокоссовского корпус принимал активное участие в боях под Москвой. 26 ноября был переименован во 2-й гвардейский корпус. 11 декабря 1941 г. начался новый рейд, во время которого доваторцы преследовали отступающего противника. В морозный день 19 декабря 1941 г. Доватор погиб в окрестностях деревни Палашкино Рузского района Подмосковья[7].

Образ Доватора, представленный полковником Двойновым в интервью, лишен парадности. В стенограмме характеризуются его командирские и человеческие качества, описываются обстоятельства гибели Доватора.

Смерть легендарного кавалериста до сих пор остается предметом дискуссий. По словам его дочери Риты Львовны Доватор, «версий обстоятельств гибели отца от неожиданной, буквально расстрельной пулеметной очереди почти столько, сколько рассказчиков о ней. Самое странное, что не было очевидцев — они были убиты вместе с ним»[8]. В воспоминаниях полковника Двойнова, компетентность и информированность которого не вызывают сомнений, мы находим немало важных подробностей гибели генерала. Очевидно, что Доватор был убит немцами из засады во время осмотра им и несколькими его приближенными боевых позиций. Это произошло после высказанного Г.К. Жуковым неудовольствия тем, что коннице Доватора не удается прорвать оборону противника для очередного сокрушительного рейда по его тылам.

Дело в том, что в период наступления немецких войск, когда сплошного фронта зачастую не было и передовые части врага отрывались от подразделений обеспечения, советская конница без проблем заходила к ним в тыл. Иная ситуация сложилась после того, как немцы, отступая с боями от Москвы, стремились закрепиться и создать единую линию обороны. Кроме того, они уже были научены горьким опытом. Найти брешь для прорыва целого конного корпуса было непросто, и несколько предыдущих попыток закончились неудачно. Доватор понимал, что тактику нужно менять. Критика командующего фронтом Г.К. Жукова задела его самолюбие, он утратил должную бдительность на передовой и попал в ловушку. По словам Двойнова, из-за ураганного огня противника раненого генерала не удалось вовремя вытащить с поля боя, в результате он умер от потери крови и обморожения.

В стенограммах Комиссии по истории Великой Отечественной войны встречается еще одна версия гибели Доватора, озвученная скульптором Н.П. Гавриловым, который зимой 1941 г. находился в расположении штаба К.К. Рокоссовского. По слухам, которые ходили в войсках, кто-то якобы

[6] http://podvignaroda.mil.ru/?#id=10079035&tab=navDetailDocument (дата обращения — 28.08.2015).
[7] http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=1047 (дата обращения — 28.08.2015).
[8] Цит. по: *Осокин А., Корняков А.* Неизвестный генерал Доватор // http://www.mk.ru/social/article/2013/02/19/814813-neizvestnyiy-general-dovator.html.

написал Доватору анонимное письмо, обвинив его в трусости. Это вывело из себя самолюбивого командира, который, чтобы доказать обратное, стал вести себя неосторожно, бравировал смелостью на передовой[9].

Стенограмма беседы с Двойновым в сокращенном виде публиковалась в журнале «Исторический архив» (2015. № 2. С. 48—61) под названием «В период преследования противника от Москвы дело шло у нас особенно успешно»: Стенограмма воспоминаний полковника Ф.Е. Двойнова о генерале-майоре Л.М. Доваторе». В данной публикации беседа с Двойновым впервые представлена полностью.

Стенограмма беседы с полковником Ф.Е. Двойновым

[л. 1 / с. 1]

КОМИССИЯ ПО СОСТАВЛЕНИЮ ХРОНИКИ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
СТЕНОГРАММА
беседы с тов[арищем] ДВОЙНОВЫМ Федором Евгеньевичем

Беседу проводит зав[едующий] воен[ным] отделом
СИДОРОВ А.Л.[10]

Записывает Шамшина А.И.[11]
Вост[очная] Пруссия.
гор[од] Кенигсберг[12].
25 июля 1945 г.

Подполковник.
Начальник оргинструкторского отделения политотдела 11-й гв[ардейской] армии[13].
1909 г. рождения. Член партии с 1930 г.
В комсомоле с 1926 г.
Общее образование среднее; военное — не окончил военно-политическую академию им. Ленина[14] в 1941 г.
Награды: Орден Красного знамени, орден Красной звезды, орден Отечественной войны 1-й и 2-й степени. Медаль «За оборону Москвы», медаль «За боевые заслуги».

---

[9] *Лотарева Д.Д., Тихонов В.В.* Собеседник Рокоссовского. Скульптор Николай Гаврилов на фронте под Москвой (зима-весна 1942 года) // Родина. 2014. № 12. С. 29.

[10] *Сидоров Аркадий Лаврович* (1900—1966) — доктор исторических наук (1943), специалист по социально-экономической истории России начала XX в. Окончил Институт красной профессуры (1929), в 1930-е гг. преподавал в МГУ и других вузах. В годы войны служил в действующей армии, принимал участие в обороне Москвы, являлся сотрудником Комиссии по истории Великой Отечественной войны. В 1948—1952 гг. — проректор гуманитарных факультетов МГУ. В 1953—1959 гг. — директор Института истории АН СССР.

[11] *Шамшина Анастасия Ивановна* — лучшая стенографистка Комиссии Минца, работала также в редакции «История Гражданской войны в СССР».

[12] Кенигсберг (в настоящее время Калининград) — в период войны город в Восточной Пруссии.

[13] 11-я гвардейская армия преобразована 16 апреля 1943 г. из 16-й армии. В составе Западного, с 30 июня 1943 г. Брянского фронта принимала участие в Орловской и Брянской операциях 1943 г. В составе 3-го Белорусского фронта сражалась в Белорусской, Гумбинненской и Восточно-Прусской операциях. Командующие — И.Х. Баграмян, А.С. Ксенофонтов, К.Н. Галицкий. Участвовала в штурме Кенигсберга, где и закончила войну.

[14] Военно-политическая академия им. В.И. Ленина — высшее военное учебное заведение, основанное в 1919 г.

ДОВАТОРА я знаю еще по Забайкалью с 1936—38 гг.[15] В Забайкалье он служил в эти годы политруком кавалерийского эскадрона 22-й кав[алерийской] дивизии. Что о нем сказать можно за этот период? Доватора мы знали, как хорошего политрука и хорошего строевика. Всегда мы его видели на конных соревнованиях. Был он очень лихим конником. На соревнованиях часто брал первое место, призы. Вот очень коротко о том, что я знаю о нем до войны. В близких отношениях я с ним тогда не был.

На войне я с ним впервые встретился 15 сентября 1941 года, когда он командовал кавалерийской группой в составе двух дивизий, 53-й и 54-й. В 1936 г. или 1937 г., имея склонность к строевой работе, он попал в академию им. Фрунзе[16] на учебу. Год или два он проучился в этой академии. Окончить ее не удалось. Его направили в Испанию[17]. Там он принимал участие в боевых действиях в качестве командира, но какого подразделения, я сейчас затрудняюсь сказать, там он был награжден орденом Красного Знамени и по окончании войны прибыл в Москву. В Москве был назначен командиром особого кавалерийского полка при наркомате обороны. С началом Отечественной войны, когда начали формировать кавалерийские группы, его назначили командиром кавалерийской группы [в составе нескольких кавдивизий]. Это очень большое выдвижение было для него, и ТИМОШЕНКО[18], по-моему, перед ним поставил одну из ответственных задач — это действия кавалерийской группы по тылам противника. Эту задачу он начал выполнять.

[л. 1 об / с. 2] Встретился я с ним 15 сентября [1941 г.]. В начале сентября они только вышли из первого рейда по тылам противника. Было это в районе города Белого[19], под дер[евней] Харламиха 1-я на реке Межа[20]. Я получил назначение командира штаба 53-й кавалерийской дивизии[21], причем как раз в то время, когда они только вышли из боев и готовились к очередному рейду по тылам противника.

В какой обстановке я застал самого Доватора? Подъехал к дер[евне] Харламиха. Там все было разбито. Расположена она была в лесу. Часа два затратил на то, чтобы их разыскать. Еду по лесу, смотрю, Доватор на вороной своей любимой кобылице, он был полковником, но ему уже присвоили звание генерала, он еще

---

[15] С весны 1931 г. до весны 1936 г. Л.М. Доватор служил в Забайкалье сначала политруком 1-го кавалерийского полка 1-й Колхозной кавалерийской дивизии, затем комиссаром отдельного разведывательного эскадрона и командиром отдельного разведывательного батальона 93-й стрелковой дивизии.

[16] Военная академия им. М.В. Фрунзе — высшее военное учебное заведение для подготовки старшего комсостава РККА, основана в 1918 г.

[17] Речь идет о Гражданской войне в Испании 1936—1939 гг., в которой на стороне республиканской армии в боевых действиях принимали участие советские военные.

[18] *Тимошенко Семен Константинович* (1895—1970) — маршал Советского Союза (1940), дважды Герой Советского Союза (1940, 1965). В 1940—1941 гг. — нарком обороны СССР, в 1941—1942 гг. — главнокомандующий Западным и Юго-Западным направлениями, командующий Западным, Юго-Западным, Сталинградским и Северо-Западным фронтами.

[19] Город в Тверской области.

[20] Приток Западной Двины, протекает в Тверской области.

[21] Сформирована в июле 1941 г. в Ставрополе, входила в состав кавалерийской группы Западного фронта под командованием Доватора.

не переоделся, верхом с ним было несколько человек: начальник штаба и два или три командира штабных. Всю оперативную работу он вместе с начальником штаба проводил. Начальником штаба у него был подполковник КАРТАВЕНКО.

Подошел к Доватору, представился.

— Когда прибыли?

Вспомнили о встречах в Забайкалье. Принял очень тепло, горячо. Беседовали, примерно, час у него. Он лично поехал со мною в 53-ю дивизию, представил там командиру дивизии, комбригу МЕЛЬНИКУ, комиссару ОВЧИННИКОВУ, начальнику штаба РОДИЕВСКОМУ и сразу, не дав привести себя в порядок, посадил на командирское совещание, которое проходило в школе этой деревни Харламиха. В школе собрался офицерский состав всего корпуса Доватора. Выступил на этом совещании, подвел итоги боев первого рейда, поставил задачу Доватор. Затем, поставил задачу привести в порядок конский состав, обмундирование, готовить личный состав к [новому] рейду в тыл противника.

Совещание это проходило несколько необычно. Был организован там ужин соответствующий, и он в такой товарищеской среде подвел итоги. Во-первых, вспоминали погибших за этот рейд. Затем призывал к тому, чтобы не успокаиваться тем, чего они достигли, не зазнаваться тем, что о доваторцах идет хорошая слава, это является вредным.

Вечер прошел очень хорошо. Все были довольны, разошлись по своим местам и стали готовиться к очередному рейду по тылам противника. Шла боевая учеба кавалеристов, приходило пополнение. Группа пополнялась личным составом, вооружением.

Когда стояли в лесах в Харламихе, из-под Смоленска, Борисова, из-под других мест шли большие отряды партизан и оставшиеся в окружении войска[22]. Доватор очень часто принимал этих людей и многих из боевых партизанских отрядов и выходивших из окружения оставлял у себя, отбирал наиболее боевой состав и самостоятельно оставлял на доукомплектование кавалерийских дивизий.

К концу сентября [1941 г.] дивизии были у нас доукомплектованы и были готовы вновь идти в рейд. 2 дивизии было, боевых сабель, примерно, 6—7 тысяч. Подготовились идти в **[л. 2 / с. 3]** рейд вновь. Обстановка сложилась так, что перед нами этой задачи не поставили, потому что противник вел наступательные бои и нам не представилось возможности пойти в рейд. Поэтому действия в это время, в сентябре, велись мелкими группами. Направляли мы в основном по 2 эскадрона в тыл противника, там совершали налеты на отдельные населенные пункты, занятые немецкими гарнизонами, на обозы и, главным образом, на поборников, которые ездили по деревням, отбирали продовольствие и проч[ее]. Этим группам особенно доставалось. Затем, делали засады.

С этими засадами, между прочим, в лесу очень интересная картина была. Когда кавалерия соберется в темном лесу, ничего не видно, дорога проходит, и по

[22] 10 июля — 10 сентября 1941 г. прошло крупное Смоленское сражение, которое задержало немецкое наступление на Москву и способствовало срыву блицкрига.

этой дороге в нескольких местах идет целая колонна немцев, а наши конники стоят на десяток метров от них и по существу сделать ничего не могут, потому что идет такая масса. Если они обнаружат себя, то погибнут. Поэтому лошадей привязали, чтобы не было бряцанья, тщательно маскировались, когда шли большой колонной. Но когда идет небольшая группа [немцев], их немедленно истребляли.

Вот такие действия вели главным образом в период пребывания в этом районе Харламихи на реке Меже.

Что можно сказать о Доваторе в этот период? Доватор очень серьезно поднимал вопрос в это время о разведке. Лично направляет эскадрон или взвод в тыл противника и сам, будучи командиром этой группы, ставил задачу и очень требователен был в вопросах выполнения задачи.

Интересен был такой эпизод один. Не помню сейчас фамилии командира эскадрона, которому он поставил боевую задачу произвести разведку в одном месте, есть ли там противник, численность его. Командир эскадрона приступил к выполнению задачи и в процессе выполнения струсил. Один взвод дошел до места расположения противника, сделал разведку, а самого командира эскадрона потеряли в лесу. Взвод этот прибыл, а сам командир эскадрона с двумя взводами прибыл на два дня позднее с докладом Доватору. Когда вернулся сам командир эскадрона с докладом, обстановка была такая — проводили мы конный праздник, соревнование. После этого конного праздника Доватор собрал офицерский состав, был очень хорошо расположен, настроение у него было хорошее. Артисты были из Москвы, в общем, хороший офицерский вечер проводили. Утром собирает офицерский состав корпуса, поднимает корпус по тревоге, выводит из того места, где мы располагались, подъезжает к офицерскому составу и в первую очередь поставил вопрос об этом командире, потребовал, чтобы его расстреляли за невыполнение задачи, и это решение было выполнено. Таких фактов там несколько было, потому что связи мы ни с кем не имели. Поэтому всякое решение он принимал лично и о наградах, и о взысканиях, и прочих вещах.

[л. 2 об / с. 4] От реки Межа в начале октября [1941 г.], когда противник особенно резко стал нажимать на наши войска в направлении на самый город Белый, затем Ржев, Волоколамск, Клин, была поставлена задача вести арьергардные бои, прикрывать отход всех наших частей, и вот в этот период особенно трудно было кавалерии. С одной стороны, авиация не давала возможности днем действовать коннице, с другой стороны, мы лицом к лицу стояли сами к противнику. Приходилось проявлять очень большую маневренность, откатываться на рыси на глубину нескольких километров, выбрасывать небольшие заслоны спешенных бойцов, заставлять развертываться силы противника и этим задерживать.

Единственный бой, который был принят в период этих арьергардных боев — на подступах к самому Белому. Части, которые там оборонялись, отошли, а наша группа осталась задерживать противника на реке, и затем [должна была] отходить за пехотой и танковыми частями. Немцы как раз совершили очень большой налет на гор[од]Белый, примерно до 60 самолетов бомбили, зажгли весь город, и после этой бомбежки немцы пошли колонной,

буквально. Идет один батальон, за ним другой. Причем сняли форму с себя, в одних нижних рубашках, винтовки через плечо, обнаглели до потери сознания, идет одна колонна за другой. Разведка у них работала плохо. Авиация не могла установить расположения конницы, а другого вида разведку они не пускали, потому что сопротивления особого им не оказывали.

Мы стояли около самого города Белого. Когда немцы идут такой колонной, Доватор, несмотря на то, что нам могла грозить серьезная опасность, когда эта группа кавалерийская вонзилась в бой, он отвел один кавалерийский дивизион в лес на 150—200 метров к дороге, по которой шла колонна немцев. Часов в 19 или 18, когда танковые силы немцев пошли вперед, расположились в самом гор[оде] Белом, — шла высадка этих немецких войск, двух батальонов в таком же порядке. Он пустил 53-ю кавалерийскую дивизию в конную атаку. Это единственная атака за все время войны, которую я лично видел. Процентов 80 людей, которые шли в этих батальонах, — численность [немецкого] батальона 200—300 человек, — было буквально уничтожено, перерублено и передавлено конями, потому что атака была внезапной, молниеносной и расстояние до движения этой колонны насчитывало буквально 100—150 метров.

Избрал он атаку перед вечером специально для того, чтобы после этого нас уже отвести, обе кавалерийские дивизии, обойти гор[од] Белый и выходить к своим частям с таким расчетом, чтобы противник не мог развернуть главные силы.

[л. 3 / с. 5] После гор[ода] Белого до Ржева, затем Клина мы вели такие арьергардные бои. В них ничего достопримечательного не было.

Под гор[одом] Калининым, когда противник его уже занимал и прорывался по шоссе на Москву, Доватор решил вывести в бой еще раз свой корпус и остановить движение противника. Это было решение очень смелое, но оно по существу не окончилось успехом, потому что нельзя было такую лавину немцев остановить. Поэтому пришлось только принять отдельные бои и продолжать дальше отход до станции Касня — это между Калининым и Москвой.

На станции Касня мы получили приказ. Как раз наступал такой переломный период, когда немцы уже подходили к Москве. Создавались новые ударные части для отражения наступления декабрьского. Мы получили приказ о создании из нашей кавалерийской группы кавалерийского корпуса. В состав корпуса вошла еще 20-я горно-кавалерийская дивизия[23]. Таким образом, был сформирован корпус кавалерийский в составе уже трех дивизий, и Доватор стал командовать этим кавалерийским корпусом.

Во время генерального наступления нашей Красной Армии мы начали наступательные бои вместе с частями Красной Армии от Москвы. Направление наше было на Волоколамск, и затем задача стояла дальнейшего движения на запад. Мы ни с какой армией не [взаимо]действовали, ходили самостоятельно и в со-

[23] Сформирована в 1920 г. как 7-я Туркестанская бригада. В 1940 г. переименована в Таджикскую горно-кавалерийскую Краснознаменную дивизию. Принимала участие в битве под Москвой. 1 декабря 1941 г. дивизия вошла в состав 2-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-майора Л.М. Доватора.

став ни одной армии не входили. Одно время, правда, входили мы в состав армии Рокоссовского,16-й, в частности, когда начались бои под Волоколамском.

Во время боев за Волоколамск интересные события были. Волоколамск уже прошли, мы попали случайно в 20-ю армию[24] ВЛАСОВА[25]. Когда мы находились там, ставилась задача сплошного истребления кавалерийского корпуса.

Он вывел нас на передний край в непосредственное соприкосновение с противником и отдал приказ ни шагу не отступать, коноводам держать [лошадей] при себе. Там тысячи конных стояли в лесу, и [по ним неприятелем] велся бешеный пулеметный огонь.

Наши попытки отвести коноводов [ни к чему не привели], ничего не принималось в расчет. Потом уже личное решение Доватора было, независимо от приказа командарма. Коноводов отвели и некоторую часть спасли от удара. А когда вошли в состав 16-й армии[26], Рокоссовский сам бывший кавалерист, он увидел, что корпус находится в таком состоянии, дал несколько дней передышки для приведения в порядок и потом уже поставил очередную задачу на преследование противника.

В период преследования противника от Москвы у нас дело шло особенно успешно. Конница здесь получила возможность полностью развернуть свои силы. Противник отступал очень поспешно. Пехота его, бесспорно, не в силах была догнать. Поэтому главная задача преследования противника была возложена на нас и нам придали специаль**[л. 3 об / с. 6]**ный лыжный батальон рабочих-горьковчан. Там была преимущественно молодежь. Прибыли в полном составе, в новом обмундировании, исключительно подготовлены. Горьковских было два батальона. Один командир батальона был чудный парень. Потом он стал Героем Советского Союза и в бою погиб.

Характерно поведение Доватора в этих наступательных боях, когда мы уже преследовали противника. Во-первых, его везде и всюду можно было видеть сияющим. Ясно, когда шли к Москве, настроение у него было иное. Когда шло это преследование, перемалывание противника, Доватор сам лично, — белый конь у него был уже в это время, — на белом коне его везде и всюду можно было видеть. Идет колонна, смотришь, Доватор один стоит со своим ординарцем без всякого штаба, управляет.

Бои вели по преследованию противника преимущественно ночные, потому что день мы за ним гонимся, они от нас удирают, и днем, как правило, боя не

---

[24] 20-я армия в составе войск Западного фронта с 6 по 25 декабря 1941 г. принимала участие в Клинско-Солнечногорской наступательной операции. С 30 ноября 1941 г. по 8 марта 1942 г. ею командовал генерал А.А. Власов, в дальнейшем перешедший на службу к гитлеровцам и ставший символом предательства.

[25] *Власов Андрей Андреевич* (1901—1946) — генерал-лейтенант. Командовал 2-й ударной армией Волховского фронта, попавшей в «котел». Оказавшись в плену, пошел на сотрудничество с фашистами, под их руководством создал «Русскую освободительную армию». После окончания войны был приговорен к высшей мере наказания.

[26] 16-я армия в середине июля 1941 г. вошла в состав Западного фронта. Участвовала в Смоленском сражении, Битве под Москвой.

навязывалось. Но ночью, когда пехотные части немцев теряют силы, располагаются в населенном пункте, здесь Доватор дает приказ напрячь последние силы и чтобы ночь была наша. Ночью обязательно делается налет на населенный пункт, в котором располагаются немцы. Ночные налеты были особенно удачны и, как правило, после все немцы, которые располагались в этом населенном пункте, истреблялись. У конников особенно была развита ненависть к немцам.

Интересен был один такой факт, когда я встретил двух красноармейцев, которые буквально дрались между собой. Причем один со слезами на глазах подходит, жалуется.

— Товарищ командир, вот такая вещь...

— В чем дело?

— Да как же, то были случаи, когда наши бойцы оставались на поле боя, мы их не могли вынести, а сейчас этот красноармеец едет на повозке и везет с собой немца в медсанбат.

Этого немца он, конечно, пристрелил, а с красноармейцем сорганизовал бой один на один.

Кто непосредственно принимал участие в боях, тот особенную ненависть имел к немцам.

Бой мы вели, как правило, ночью. Днем почти все войска наши были свернуты в колонну и двигались на запад. Когда отдыхали, трудно сказать. В населенных пунктах никогда не ночевали. Отдыхали все время в лесу. Переспят пару часов под кустами, под елкой и все. У нас блиндажей никогда не было.

Доватор очень уважал начальника штаба 53-й дивизии — тогда он был майором — РАДЗИЕВСКИЙ Алексей Иванович[27]. Это очень боевой кавалерист и грамотный, окончивший академию Фрунзе и академию генерального штаба. Доватор всегда, во-первых, ставил в пример этого командира, во-вторых, советовался даже с ним по целому ряду **[л. 4 / с. 7]** тактических вопросов и, в-третьих, уважал его за личный героизм, за храбрость. Радзиевского никогда в штабе не поймаешь. Как только завязался бой, так он или за станковым пулеметом, или так ведет бой. Был случай, когда он лично поджег мельницу, которая занималась немцами. За личный героизм, за знание дела и за веселое поведение, — в быту он очень был хорошим человеком, — Доватор имел к нему личные симпатии и впоследствии взял его к себе в корпус, в штаб. Как раз при гибели Доватора он работал начальником штаба корпуса. В последних боях за Берлин Радзиевский командовал танковым корпусом. Когда пришел КРЮКОВ[28] после Доватора, с ним он не сработался. Он [Крюков] говорил, что «дух Доватора вышибу из этого корпуса». Ему не нравилось, что этот корпус создан Доватором и вся слава, которая шла об этом

[27] *Радзиевский Алексей Иванович* (1911—1979) — советский военачальник, Герой Советского Союза. Войну начал майором, в 1943 г. — генерал-майор. Принимал участие в Битве под Москвой. С декабря 1941 г. — начальник штаба 2-го гвардейского кавалерийского корпуса, с июля 1942 г. — начальник штаба 1-го гвардейского кавалерийского корпуса.

[28] *Крюков Владимир Викторович* (1897—1959) — генерал-лейтенант, Герой Советского Союза (1945). Командир 2-го гвардейского кавалерийского корпуса с марта 1942 г. по декабрь 1945 г. С 1942 г. — муж легендарной советской певицы Лидии Руслановой.

корпусе, была связана с Доватором. Радзиевский ушел начальником штаба 1-го кавалерийского корпуса. Последний раз я с ним встречался в 1943 году. Он перешел начальником штаба танкового корпуса, а затем начал им командовать. В танковом корпусе принимал участие в боях за Берлин под руководством ЖУКОВА[29].

Радзиевский вырос от майора до генерал-лейтенанта за это время. Недаром его Доватор крепко уважал и видел в нем военный талант.

Затем, Доватор уважал командира дивизии 53-й, генерал-майора МЕЛЬНИКА[30]. Мельник в прошлом преподаватель тактики военной академии, затем был начальником штаба Отдельной Дальневосточной армии, тоже самое был очень подготовленный и грамотный человек, хороший кавалерист, во время гражданской войны еще командовал эскадроном; затем полком. Причем у них было некоторое единство с Доватором, вернее, противоположность. Доватор был горяч в решении вопросов. Поэтому, когда он желает принять какое-нибудь решение, советуется с Мельником, а тот пока все не обдумает, все не взвесит, может быть, проявит некоторую медлительность, но решения прежде времени не примет. И Доватор сочетал свою практику с умом Мельника, поэтому хорошо к нему относился, дружил. Любил очень политруков, как сам бывший политрук, на них возлагал очень большие надежды. В частности, очень хорошо относился к комиссару дивизии ОВЧИННИКОВУ Алексею Ивановичу. Это тоже бывший разведчик в довоенное время, пограничник, очень хорошо знал военное дело и прекрасно ориентировался в лесной местности. В целом Доватор любил всех героев.

Мы большинство времени проводили в лесу, и Доватор, несмотря на такое высокое положение, в котором он находился, обычно тоже располагался в шалаше, который мы строили из елок. Свиты у него особой не было, был этот ординарец, с которым он с начала до конца своей жизни не расставался. Вел себя очень просто тогда, когда это не было связано с непосредственным выполнением боевой задачи. Приходили к нему офицеры с докладами, с **[л. 4 об / с. 8]** информацией какой-нибудь. Если этот доклад, информация его удовлетворяли, никто не уходил от него обиженным.

Он принимает очень радушно. Если неправильно ему что-нибудь докладывают, сделает соответствующее замечание. По-моему, он не курил, водки пил очень мало в отличие от всех остальных командиров и сдерживал офицерский состав, когда идет какой-нибудь банкет или вечер.

Он всегда приводил такой пример:

— Вот, был я заграницей, там очень часто принимал участие в банкетах, произносил тосты, все время пил, но никогда пьяным не был.

---

[29] Имеется в виду маршал Г.К. Жуков (1896—1974).

[30] *Мельник Кондрад Семенович* (1900—1971) — советский военачальник, генерал-лейтенант (1943). Участник Гражданской войны. С начала Великой Отечественной войны командовал 53-й кавалерийской дивизией, в октябре 1941 г. преобразованной в 4-ю гвардейскую. В сентябре 1941 г. в составе группы Доватора 53-я кавдивизия совершила двухнедельный рейд по тылам противника.

Любил очень артистов, которые приезжали на фронт, в частности ЛЕПЕШИНСКАЯ[31] была у нас, РУСЛАНОВА[32] с бригадой. Он отдавал все на то, чтобы встретить их хорошо. Приедет в дивизию. У нас начальником политотдела БАТЬКОВ был. Он не особенно занимался ими. Он идет к начальнику штаба и говорит:

— Артистами вы лично займитесь, организуйте питание, разместите так, чтобы это было хорошо.

Тактика руководства у него и его начальника штаба — это живая связь с командирами дивизий и непосредственно с войсками, особенно в первый период боев, когда был он, начальник штаба и два офицера. Радио у нас не было, связь «наполеоновская» — через наших конных от одной дивизии к другой. Войска держались, как правило, в кулаке, не разбрасывались. В процессе боя у него была связь живая, личное общение с командирами дивизий, с начальниками штабов и личные выезды вплоть до полков, до подразделений.

В одном бою после Волоколамска, когда мы вели арьергардные бои, отступали, Доватор задумал ночной бой организовать. Пустил дивизию и сам лично в составе подразделения пошел. Когда сделали ночной налет на деревню, он встал за сараем, собрал некоторых бойцов вокруг себя, чтобы мощное «ура» кричали, нагоняли страх на немцев. Поставил несколько станковых пулеметов рядом, открыл огонь по населенному пункту и — «ура!» чтобы привлечь немцев в этом направлении. А дивизия была пущена в круговой обход истреблять гарнизон. Ночная операция был очень удачной, в то время, как наши части беспрерывно отходили. И мы в то время бежали, однако, он задерживался на отдельных рубежах и сам лично принимал участие в этих боевых действиях.

Последнее, самое тяжелое — это гибель его. Получилась такая картина, что когда мы преследовали противника днем, обычно шли свернутой колонной все три дивизии параллельно одна другой. Доватор шел с дивизией, которая была в центре, 20-й дивизией, которая вновь вошла в состав нашего корпуса. Он шел как раз с ней по**[л. 5 / с. 9]**тому что он на эту дивизию меньше надеялся. Те дивизии он знал, с ними прошел уже большой путь, а к этой относился с некоторым недоверием. Он в большинстве случаев ходил с 20-й дивизией, когда совершал этот колонный марш, чтобы знать, как поведет себя эта дивизия в случае внезапной встречи с противником. В частности, и в тот день, когда он погиб, он двигался с 20-й дивизией. Причем обстановка была такая, что немцы удирали беспрерывно, сопротивления не оказывали по существу, и он, увлекшись этими успехами, допустил некоторую беспечность и погрешность, с одной стороны, а потом другое обстоятельство на него повлияло.

Когда начался бой, он чувствовал себя очень хорошо. Идут войска вперед, преследуют противника, уничтожают, налеты делают. В общем, в приподнятом состоянии был. Потом нам поставили задачу прорвать оборону немцев и

[31] *Лепешинская Ольга Васильевна* (1916—2008) — балерина, народная артистка СССР (1951), лауреат четырех Сталинских премий (1941, 1946, 1947, 1950).

[32] *Русланова Лидия Андреевна* (1900—1973) — советская певица, заслуженная артистка РСФСР (1942). В годы войны много выступала с концертами на фронте.

уйти [немцам] в тыл. ЖУКОВ[33] поставил задачу. Мы один бой приняли, ничего не выходит. Второй бой приняли, 30—40% [личного состава] потеряли. Пустили туда 64-ю морскую бригаду, очень много потерь, прорыв не совершился. Это было на Волоколамском [направлении].

Жуков вызвал Доватора и очень крепко отругал его за то, что задача по существу не была выполнена, в прорыв не вошли, рейд по тылам противника не совершен. Доватор чувствовал, что возможностей реальных для выполнения этой задачи не было, был очень взволнован после приема Жукова и потом в большинстве случаев его можно было видеть впереди войск. Он хотел во что бы то ни стало быстрее продвинуться на запад и при удобном моменте пройти через войска противника, уйти в рейд. Вероятно, под этим впечатлением он сам лично находился всегда впереди, — вел войска, чтобы ему не потерпеть еще неприятностей. Он очень самолюбивый человек, не любил, когда ему делают замечания, когда его не считают правым. Это обстоятельство повлияло на то, что Доватор был впереди войск и вел себя несколько неправильно.

В тот день, когда он погиб, я был с 20-й дивизией. Штаб вперед вышел колонной. Потом подходят к одному населенному пункту. Перед самым населенным пунктом протекала небольшая река, за ней небольшой лесок. От леса до деревни метров 200—300 было. Идет лесная дорожка.

Она выходила на чистое поле.

Когда они с дивизией подошли к речке, начали ее форсировать, Доватор выскочил вперед с группой комендантского взвода 20-й дивизии, командир дивизии, комиссар, он и свита с ним. Выскочил за опушку леса. В деревне начинается движение, бегают немцы из одного дома в другой. Видят, что, очевидно, здесь задергалась большая группа, которая перетрусила. Он видит, что немцы начинают бегать из одного дома в другой. Причем там какое-то смятение, он решил в конном строю ворваться с этой группой комендантского взвода и выгнать всех, что **[л. 5 об / с. 10]** были в деревне. Почему он принял такое решение, не знаю. Только он подал команду: «За мной в атаку, марш-марш!», оттуда раздались выстрелы. Он спешил всех, маузер в руки и вперед пошел. Там осталось метров 150 до населенного пункта. Оказывается, немцы сделали засаду в крайнем доме этой деревни, которая была на опушке леса, поставили несколько пулеметов, автоматчики, и когда эта группа спешилась, стала наступать на населенный пункт, они открыли ураганный огонь из всех видов оружия.

Когда Доватор вышел между опушкой леса и деревней, три сосны стояли отдельно, очередь из автомата. Он получил одно ранение, упал, затем адъютант его, несколько бойцов, вместе с ним которые были, командир дивизии был, комиссар дивизии были тяжело ранены. Дальнейшее продвижение приостановилось.

Узнаем, что там есть такие силы, а у нас артиллерии нет. Часть минометов была, но их нужно развернуть, привести войска в боевой порядок. Разведчики наши 4-й гвардейской дивизии приезжают с извещением о том, что Доватор

[33] Имеется в виду Г.К. Жуков.

погиб. Сообщают командиру дивизии, комиссару, мне и начальнику политотдела. Никому из бойцов мы ничего не говорили, потому что если сообщить им, настроение в войсках быстро изменится.

Через некоторое время сообщают, что Доватор ранен и тело его находится под ураганным огнем, необходимо организовать вынос тела, это возлагается на 4-ю гвардейскую дивизию. Я поехал туда с начальником штаба подполковником АРИСТОВЫМ. Мельник приказал нам возглавить группу, которая должна обеспечить вынос тела Доватора.

Подъехали к этой опушке леса. Туда уже прибыли люди из 3-й дивизии, и выносом тела Доватора лично руководил Радзиевский. Стали организовывать группы по 10—15 человек, чтобы они доползли до трупа и вынесли его. Открываем минометный огонь, но минометы у нас были такие, что по существу на противника никакого воздействия не могли оказывать. Никто не мог добраться до этих трех сосен, настолько они были пристреляны.

В общей сложности у нас там погибло около 60 человек убитыми и тяжелоранеными. Последнюю группу мы организовали, я дал своего адъютанта, старшего лейтенанта ИВАННИКОВА. Он метров 30 не дополз до Доватора, смотрим, перевернулся несколько раз, 4 ранения получил. Эта операция не удалась. Потом действия отдельных мелких групп продолжались, пока не наступила темнота.

С наступлением темноты Радзиевский принял решение развернуть все три дивизии, принять боевой порядок, пройти лесами, окружить этот населенный пункт и сделать ночную атаку. С наступлением темноты открыли огонь из минометов, пулеметов по опушке леса.

Когда немцы услышали стрельбу по ним, они начали из этих домов перебираться. Тут уже представилась возможность пробраться к Доватору. Вытащили его. Собрались врачи, начали слушать, говорят, что есть признаки жиз**[л. 6 / с. 11]**ни. Начали принимать меры медпомощи, ничего не получилось. Оказывается, он имел не смертельную рану, но истек кровью и замерз.

Труп Доватора направили в один из населенных пунктов, а корпус пустили в бой. Развернулась отчаянная атака.

Когда ввели в бой все три дивизии, оказалось, что в этом населенном пункте был полный состав немецкого батальона с артиллерией, минометами и до 800 штыков, на который он [Доватор] хотел идти с этим комендантским взводом.

Ночная атака прошла удачно и за исключением незначительной части немцев, которые могли пробраться только по лесам одиночкой, они ушли, остальные все были истреблены в этом населенном пункте.

Звание Героя Советского Союза Доватору было присвоено посмертно. Он погиб, по-моему, 19 января 1942 г., а 22-го[34] ему присвоено звание Героя Советского Союза посмертно.

[34] На самом деле звание Героя Советского Союза было присвоено Л.М. Доватору 21 декабря 1941 г. Описанный в рассказе последний бой Доватора состоялся, таким образом, накануне.

Он лично наградил меня орденом Красной Звезды однажды. Создалась такая обстановка в этом же районе Волоколамска во время преследования противника, что мы пустили 4-ю гвардейскую дивизию на один населенный пункт. Причем взять его побоялись с хода, а начали организовывать разведку и затем круговой обход по лесам. Я ехал во главе колонны с начальником штаба Аристовым, начальником политотдела Батьковым и несколькими штабными офицерами. Затем штаб остановился на опушке леса, и сами выскочили вперед, посмотреть, что делается в этом населенном пункте. Только стали смотреть в бинокль, налетает 6 самолетов противника, и обнаружили нас. Если мы пойдем в лес, наведем эти самолеты к штабу, штаб будет уничтожен. Если ехать в населенный пункт, мы не знаем, что там делается, есть ли там противник или нет. Но обстановка не ждет, надо решать, и мы решили проскочить на 200 метров до населенного пункта. Поскольку оттуда огня нет, немцев, очевидно, там нет.

У меня был очень хороший конь Казбек. Я поехал вперед, за мною начальник политотдела. Начальник штаба при первом выстреле с коня упал в снег, замаскироваться, а я каким-то образом оказался впереди войска. У первого амбара остановился. За мною едет начальник политотдела Батьков, он повернул коня с дороги вправо, а там был глубокий снег. Конь по снегу бежит. Потом «Юнкерс» пикирует, очередь, конь падает в одну сторону, Батьков в другую. Я стою, думаю: погибли, но выйти самому невозможно. Если я побегу в амбар, заметят меня. Я коня замаскировал под крышей, сам встал под дверь. Потом самолет скрылся. Я подбегаю к Батькову. Оказывается, он был ранен в правую ногу, а лошади в сердце прямо попало. Я вытащил его, втащил в деревню, не зная что там есть. В крайний дом захожу, никого нет. Положил его, дал из фляжки водки. Он говорит:

[6 об. / с. 12] — Замерзаю, помоги, чем угодно.

Я говорю:

— Только личный полушубок могу снять с себя.

Своим полушубком одел его, сам остался в одной гимнастерке. Вышел к амбару, смотрю, мчится конь Аристова, коноводов, в общем, коней 8. Прибежали ко мне. Я думаю: если в этом населенном пункте есть немцы, что дальше делать. Кони начинают бродить здесь, демаскируют. Ехать к своим, выедешь из населенного пункта, по дороге немцы заметят, хуже будет. Тогда я принял такое решение. Зная о том, что немцы боятся доваторцев, думаю, пущу этих лошадей самостоятельно. Сел верхом. Лошади когда сгруппировались, крикнул «ура!». А кавалерийская лошадь, когда кричишь «ура», только вперед. Рванулись вперед.

Там было немцев 15. Видят, что мчатся кони, бегут через речку и в другой населенный пункт.

Я чувствую, что лошади могут убежать куда-нибудь, сел на своего Казбека догонять. Перед самой окраиной деревни догнал лошадей. Они опять вокруг меня. Смотрю, выходят местные жители, опрашиваю:

— Немцы есть?

Говорят:

— Вот последняя группа человек 15 пошла к речке и собираются в противоположный населенный пункт.

Я говорю:

— Лошадей соберите и в сарай.

Лошадей собрали, я у них остался. Тут встреча такая со слезами, самовар поставили. Только сели пить чай, идет Аристов. Батьков остался в доме, спрашивают:

— Ну, как?

Я говорю:

— Ничего.

Аристов говорит:

— Целую дивизию развернули, а ты один деревню взял.

Потом Доватор приехал, спрашивает, как в деревне.

Мы говорим.

— Как же так, мы дивизию сюда развернули, а ты как сюда попал?

Я говорю:

— Вот, один, Лев Михайлович, взял.

— Как так?

— Да вот так, что сам живым остался и деревню взял.

Он говорит:

— Немедленно писать во фронт, наградить орденом Красной Звезды.

Доватор говорил, что предки его были французами, которые остались после отечественной войны 1812 года в Белоруссии. Он себя считал белоруссом французского происхождения, как он выражался. Французского языка он не знал. Евреем он никак не мог быть, ничего в нем похожего даже не было.

[л. 7 / с. 13] Гвардейское звание корпусу было присвоено еще при Доваторе в период арьергардных боев, 14 ноября [1941 г.], при первом присвоении гвардейских званий. Как раз беловский корпус получил гвардейское звание и наш, Белов первым, а наш вторым. Товарищ Сталин знал о действиях конницы по тылам противника, заслуги этого корпуса. Причем только две дивизии у них были гвардейские,4-я и 3-я, а 20-й, которая к нам вошла, вследствие того, что она не была в рейде, только прибыла, ей не дали гвардейского звания. Она не была гвардейской до лета 1942 года, когда я уже выехал.

После смерти Доватора приезжала к нам его жена. Встречали мы ее. Сын приезжал. Доватора похоронили в Москве, сыну лет 14 было. Потом его очень быстро отправили оттуда, потому что народ начал его баловать. Обстановка такая: к одному приходит, к другому приходит, работать не стал. Парнишку могли разложить совершенно под видом помощи.

Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 132. Д.17. Л. 1—7. Машинопись.

История 6
Сколько было героев?
Воины дивизии И.В. Панфилова в боях 1941 г. под Москвой

В фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР хранится уникальный комплекс стенограмм бесед с командирами, бойцами и политработниками 8-й гвардейской стрелковой дивизии имени генерала И.В. Панфилова (осенью 1941 г. — 316-я стрелковая дивизия). В их числе — стенограммы интервью с двумя оставшимися в живых героями-панфиловцами — И.Р. Васильевым и Г.М. Шемякиным. Всего в фонде насчитывается 32 стенограммы бесед со свидетелями подвига: 13 стенограмм, записанных в 1942 г., 2 стенограммы за 1944 г. и 17 стенограмм за 1946—1947 гг.

Как нами было установлено, самую активную роль в интервьюировании и в сборе материалов по истории Панфиловской дивизии в 1942 г. сыграл писатель Александр Альфредович Бек, которого вскоре читатели узнали по его повести «Волоколамское шоссе», посвященной самому критическому этапу обороны Москвы.

До войны А.А. Бек принимал участие в горьковских проектах 1930-х гг. «История фабрик и заводов» и «Герои двух пятилеток». В них он приобщился к истории, приобрел опыт сбора материалов и записи бесед. Для А.А. Бека эта работа стала началом складывания его особого творческого метода, а именно «документально-художественной прозы», в основу которой была положена достоверность повествования, достигавшаяся скрупулезным изучением документов и широким использованием интервью с очевидцами и участниками событий. О том, как в 1930-е гг. проходила работа в «кабинете мемуаров», А.А. Бек напишет спустя 30 лет в небольшом автобиографическом очерке «Страницы жизни» (1964):

«Нам, нескольким молодым писателям и журналистам — мы именовались «беседчиками», — было дано поручение: пусть люди двух пятилеток, участники великих дел, сами расскажут о себе. Ваше дело — талантливо слушать, то есть настроить собеседника, чутко, заинтересованно ему внимать, вызывать вопросами красноречивые подробности, словом, добиться задушевного, яркого рассказа. Мы приносили в «кабинет» эти вызванные нами к жизни, открывающие новую действительность исповеди больших и малых сынов века. Стенограммы бережно хранились, составляли все пополняющуюся библиотеку, или, как мы тогда говорили, «стенотеку». Они рассматривались как основа неких близящихся новых явлений в литературе. Мы понимали: если люди двух пятилеток не расскажут о себе, то и нам, писателям, о них не рассказать.

Мой распорядок дня складывался в те годы так: утро за письменным столом, за второй повестью о доменщиках, вечером обязательно беседа. Пять-шесть стенограмм в неделю — такой была норма «беседчика» <...>»[1].

В дневниковой записи от 2 июня 1934 г. А.А. Бек рассказывает о том, как в то время он набирался опыта по сбору интервью.

«<...> Теперь общее замечание о методике бесед. Я делаю обычно так: пусть человек сначала расскажет в хронологическом порядке все, что он знает, здесь я сравнительно мало перебиваю его вопросами, а возникающие у меня вопросы записываю для памяти, чтобы поставить их потом. Следующий этап — более подробное выяснение разных интересных эпизодов. Следующий — ты просишь обстоятельно рассказать об интересующих тебя лицах, выспрашивая разные подробности, случаи, черты характера, штришки, причем непременно добивайся конкретизации. Например: «он скупой», ты спрашиваешь: в чем это выразилось, какие случаи привели вас к этому заключению? И наконец, следующий этап — твои вопросы касаются разных проблем: вопрос быта, организации труда, организации общественной жизни, взаимоотношения с русскими и пр. и пр. И обязательно опять эпизоды, штришки, детали, детали и детали.

Таким образом, ты переворачиваешь, перелопачиваешь весь материал несколько раз и получаешь все, что человек может дать. Во время беседы обязательно подбадривай рассказывающего выражением заинтересованности, изумления, восклицаниями: «вот как!», «эге!», «это интересно» и т.д. Конечно, подоплекой таких восклицаний служит неподдельный интерес. Фальшивить не надо, неискренностью можно все испортить. Пусть будет удивительна хотя бы лишь крупица, но непременно как-то ее отметь. И, глядишь, твой собеседник разойдется, одолеет смущение или какие-то другие свои тормоза, рассказ польется свободней, интересней.

Да, вот еще что. Если человек мнется, не решается что-то выложить под стенограмму или говорит: «это не записывайте», ты оборачиваешься к стенографистке и произносишь: «Напишите: не для печати». Эти три словечка почти всегда действуют магически, как-то сразу успокаивают рассказчика, и беседа продолжается. Но если что-то действительно не пришлось застенографировать, это надо в тот же вечер или на следующее утро хотя бы кратко записать: потом это в памяти стирается <...>»[2].

Литератор К.Г. Паустовский, тоже бывший «беседчик», в своих воспоминаниях так характеризовал работу А.А. Бека: «Всех поражал придуманный Беком способ работы над книгами. Прежде всего, Бек, найдя свою тему, по его словам — «золотую жилу», определял главного героя и круг людей, необходимых ему для очередной книги. Это всегда были реальные люди. Потом Бек простодушно, но беспощадно выспрашивал этих людей обо всех обстоятельствах их жизни и работы до самых последних мелочей. При этом Бек старался помень-

[1] *Бек А.А.* На фронте и в тылу. Повести, рассказы, страницы из записной книжки. М., 1965. С. 9—10.

[2] *Бек А.А.* Почтовая проза / Собрание сочинений: В 4-х томах. Т. 4. М, 1976. С. 100.

ше записывать, чтобы их не смущать. Таким образом, у Бека накапливалось много записей и стенограмм. После их расшифровки Бек приступал к работе. Он переводил стенограммы на язык художественной прозы и смело компоновал книгу. Он добивался полной достоверности, но вместе с тем, отбирая, разъединяя и соединяя в разных комбинациях полученный материал и давая свою собственную окраску и оценку людям, создавал не документальную, а подлинно художественную прозу. Так была написана книга о Курако и остальные книги Бека, вплоть до прославившего его на весь мир «Волоколамского шоссе» <...>». И далее там же: «Бек предложил устроить при Союзе писателей грандиозное хранилище стенографически записанных бесед со всеми замечательными людьми нашей страны. Таким образом, утверждал Бек, мы создадим великолепный свод по истории СССР и вместе с тем дадим в руки писателей богатейший материал. Каждый сможет пользоваться для работы любыми стенограммами. Насколько я знаю, Бек даже начал составлять обширный список наших выдающихся современников, которых следовало опросить. В этот список входили ученые, инженеры, изобретатели, рабочие, артисты, писатели, агрономы, селекционеры, певцы, путешественники, революционеры, архитекторы, бетонщики, поэты, садоводы, балерины, врачи, путейцы, моряки, полководцы, охотники — люди всех профессий и разнообразного, подчас неожиданного жизненного опыта. К сожалению, этот грандиозный план не удалось осуществить»[3].

Когда началась Великая Отечественная война, А.А. Бек добровольцем записался в дивизию народного ополчения Краснопресненского района г. Москвы. Ему посчастливилось остаться живым и вырваться из окружения под Вязьмой в начале октября 1941 г. Затем он стал военным корреспондентом журнала «Знамя» и несколько раз в ноябре-декабре в составе группы военных журналистов газеты Западного фронта «Красноармейская правда» выезжал на фронт под Москву — на Волоколамское направление, где держала оборону 78-я (затем 9-я гвардейская) стрелковая дивизия под командованием полковника А.П. Белобородова[4]. Итогом этих поездок на фронт стал небольшой очерк «Восьмое декабря», посвященный боевым будням комдива. По-видимому, тогда же писатель задумал написать большую книгу о Битве под Москвой. Вот как об этом позднее, уже в 1960-е гг., вспоминал сам Бек:

«Месяцы битвы под Москвой я — уже в качестве военного корреспондента — провел в войсках, оборонявшихся на Волоколамском направлении. Небольшая книжка «Восьмое декабря» (которую я в дальнейшем озаглавил «День командира дивизии»), написанная в радостные дни нашего контрнаступления, явилась своего рода моим корреспондентским отчетом. Тогда же мною завладела мысль о повести, рисующей сражение под Москвой. Я еще не знал, где и как найду главных героев, не знал, какие эпизоды изберу сюжетом, но, чув-

[3] *Паустовский К.* Книга скитаний // Новый мир. 1963. № 11. С. 84.

[4] *Белобородов А.П.* (1903—1990) — советский военачальник, дважды Герой Советского Союза. В октябре-декабре 1941 г. был командиром 78-й (9-й гвардейской) стрелковой дивизии, отличившейся в боях под Москвой на волоколамском направлении.

ствуя себя, по сказанному позже слову поэта, «грядущего собственным корреспондентом», был убежден, что обязан изложить, хотя бы и не могучим пером, страницы жизни, знаменательные страницы мировой истории, в которые мне даровано было заглянуть. Острое сознание историчности того, что являлось горячей современностью, историчности еще грохотавшего сражения, — в этом заключалось первое мое убеждение, почва или воздух будущей повести»[5].

В январе 1942 г. Бек побывал у командующего 16-й армией К.К. Рокоссовского[6], а затем решил поехать в 8-ю гвардейскую стрелковую дивизию, чтобы собрать материал о 28 героях-панфиловцах, о которых к тому времени стало широко известно благодаря публикациям в прессе. Он писал по этому поводу: «В начале 1942 года я поехал в дивизию имени Панфилова, уже продвинувшуюся от подмосковных рубежей почти до Старой Руссы. Опять пошла в ход прежняя, досконально мне известная методика — знакомства с теми, кто воевал под Москвой, неустанные расспросы, нескончаемые часы в роли «беседчика» <...> Прожив около месяца в полку Момыш-Улы, я в раннюю мартовскую ростепель снарядился восвояси, покинул его блиндаж. Со мной вышел комиссар полка — светловолосый кубанец Логвиненко. На прощание он сказал:

— Вы побывали в орлином гнезде. Смотрите, не окажитесь глупым птенчиком.

Это напутствие зарубкой легло в душу. Еще пять или шесть раз я наведывался к панфиловцам, прежде чем взяться за повесть <...>»[7].

С учетом описанного выше богатого опыта Бека понятно, почему именно к нему обратились сотрудники Комиссии, перед которыми стояла задача собрать материал о 8-й гвардейской стрелковой дивизии.

И.И. Минц был крайне заинтересован в том, чтобы опросить по свежим следам героев-панфиловцев. Но так как научных кадров для такой работы катастрофически не хватало (историки-профессионалы были мобилизованы в качестве политруков в действующую армию или находились в резерве ГлавПУРа), Минц решил использовать для этой цели военных корреспондентов, имевших опыт интервьюирования и участия в исторических проектах.

4 сентября 1942 г. зампредседателя Комиссии И. Разгон направил начальнику политотдела 8-й гвардейской стрелковой дивизии старшему батальонному комиссару Логвиненко письмо следующего содержания:

«Комиссия по истории Великой Отечественной войны поручает писателю тов. А.А. Бек собрать наиболее важные материалы по истории вашей дивизии. С этой целью Комиссия поручила т. Бек А.А. застенографировать рассказы активных участников: командиров, комиссаров, политработников и бойцов вашей дивизии.

Просим Вас оказать необходимое содействие т. Бек в выполнении данной работы»[8].

---

[5] *Бек А.А.* На фронте и в тылу...С. 11.

[6] Результатом поездки к командующему 16-й армией стала статья А. Бека «Рокоссовский».

[7] Там же. С. 12—13.

[8] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 14. Оп. 1. Д. 24. Л. 89.

Осенью 1942 г. А.А. Бек выехал на передовую и взял интервью у командиров, бойцов и политработников 1073-го стрелкового полка Панфиловской дивизии. После чего он отправил готовые стенограммы бесед в Москву. Об этом свидетельствует записка научного сотрудника Комиссии А.Л. Сидорова: «Материал представлен 10/XII-42. писат[елем] Бек и машинисткой Уфлянд. Запись произв[ел] Бек. А. Сидоров.10/XII-42 г.»[9].

Одновременно Комиссия собирала материалы для сборника о Героях Советского Союза. 22 октября 1942 г. ученый секретарь Комиссии А. Белкин направил новое письмо Логвиненко. В нем он просил начальника политотдела собрать имеющиеся в дивизии материалы о генерале И.В. Панфилове и 28 гвардейцах-панфиловцах, которым за оборону Москвы было присвоено звание Героев Советского Союза:

«Уважаемый товарищ Логвиненко!

Комиссия по истории Великой Отечественной войны получила информацию от тов. Бек о работе по собиранию материалов для истории Вашей части, которая у Вас организована. Надеемся, что будет собран плодотворный материал для создания истории. Сейчас у нас к Вам две просьбы:

1. Для очерка о Герое Советского Союза т. И.В. Панфилове срочно нужны дополнительные сведения: материалы из вашей газеты, фото и др.

2. Для очерка о 28 гвардейцах-панфиловцах в издание «Герои Советского Союза» также нужны статьи из Вашей газеты.

Просим прислать все возможное с[о] стенографисткой т. Уфлянд»[10].

14 января 1943 г. Минц направил письмо с аналогичной просьбой генералу А.А. Лобачеву — члену Военного Совета 16-й армии, в составе которой Панфиловская дивизия в 1941 г. воевала под Москвой:

«Комиссия по истории Великой Отечественной войны готовит к печати 1-й том издания «Герои Советского Союза». В 1-й том предполагается ввести очерк о героическом подвиге 28 панфиловцев.

Комиссия обращается к Вам с просьбой написать по этому поводу свои соображения, а также прислать имеющийся у Вас документальный и мемуарный материал, правильно освещающий эпизод на разъезде Дубосеково»[11].

Как только Минцу стало известно, что двое из 28 героев остались живы, 21 декабря 1942 г. он направил письмо старшему батальонному комиссару Кулакову — в часть, где они продолжали службу, с просьбой организовать их интервьюирование:

«Комиссия по истории Великой Отечественной войны подготовляет по заданию ГлавПУР РККА издание «Герои Советского Союза», в которое должны войти очерки о всех Героях Советского Союза Отечественной войны. По сведениям, полученным в НКО, у Вас находятся Герои Советского Союза тов. Васильев Илларион Романович и тов. Шемякин Григорий Михайлович. Про-

[9] НА ИРИ РАН. Раздел 1. Оп. 28. Д. 36.
[10] Там же. Раздел 14. Оп. 1. Д. 26. Л. 105.
[11] Там же. Л.146.

сим Вас сообщить нам, каким образом можно организовать для них вызов или застенографировать их беседы на месте их расположения. Если они выбыли, то сообщите, пожалуйста, их адреса»[12].

Одновременно Минц предполагал подготовить историю боевого пути 8-й гвардейской Панфиловской дивизии. 24 января 1943 г. он направил письмо комдиву Чернюгову[13]:

«Уважаемый товарищ Чернюгов!

По указанию директивных органов Комиссия по истории Великой Отечественной войны приступила к составлению историй гвардейских частей. История вашей дивизии, носящей имя генерал-майора И.В. Панфилова, должна быть написана и издана в первую очередь.

Нам известно, что в рядах Вашей дивизии имеется несколько литературных работников, и, по нашему мнению, было бы целесообразно, если бы история панфиловской дивизии была написана товарищами, проделавшими боевой путь вместе с дивизией.

Мы просили бы вас выделить автора или авторов, которые могли бы быстро (в 3—4 месяца) под нашим руководством написать историю дивизии. К этой работе мы рекомендовали бы привлечь и писателя А.А. Бека, уже написавшего первую часть повести-хроники «Волоколамское шоссе» — ценную и интересную работу, в которой показана история одного батальона панфиловцев.

По нашему мнению, было бы полезно командировать выделенного Вами автора со всеми материалами в нашу Комиссию, чтобы здесь проделать основную литературную работу. Просьба сообщить нам о принятом Вами решении»[14].

К сожалению, в фонде Комиссии, помимо стенограмм, нет материалов о боевом пути этой дивизии.

Тем не менее, стенограммы бесед с командирами, политработниками и бойцами 8-й гвардейской стрелковой дивизии позволяют реконструировать наиболее дискуссионный отрезок ее боевого пути, а именно участие в обороне Москвы в октябре-декабре 1941 г. В это время дивизия в течение 60 дней непрерывно вела тяжелейшие бои на линии фронта от г. Волоколамска до станции Крюково. На этом направлении главного удара противник сосредоточил дивизии вермахта, значительно превосходящие панфиловцев по численности и боевому оснащению войск.

Сравнение текстов стенограмм с книгой А.А. Бека «Волоколамское шоссе» показывает, что писателю почти не потребовалось ничего домысливать, что большинство сюжетных линий повести находят свое полное подтверждение в рассказах панфиловцев и что многие респонденты стали прототипами главных героев книги.

---

[12] Там же. Л.140.

[13] *Чернюгов С.С.* — генерал-майор, командующий 8-й гвардейской стрелковой дивизией имени И.В. Панфилова с 20 октября 1942 г. по 12 марта 1944 г.

[14] НА ИРИ РАН. Разд. 14. Оп. 1. Д. 24. Л. 169—170.

Писатель А.К. Гладков[15] отметил в своем дневнике от 5 мая 1944 г., что «лучшим из всего напечатанного о войне мне кажутся очерки А. Бека о панфиловцах и обороне Москвы, напечатанные в «Знамени»[16]. А 16 октября 1944 г. он сделал еще одну весьма примечательную запись, посвященную Беку и его книге «Волоколамское шоссе»:

«Прочитал вторую повесть А. Бека о панфиловцах (в 5—6 номерах «Знамени»). Мне и первая понравилась, но эта еще лучше. Удивительно это превращение посредственного критика и сочинителя разных литрезолюций в настоящего полновесного прозаика. Романы Симонова[17] и Леонова[18] перед этим — пустяки. Вот пример, как быстро настоящая работа меняет все ранги в литературе.

Мне особенно приятно делать эту запись в день юбилея «16 октября» 1941 года, когда казалось, что все пропало, государство рушится и летит в тартарары. Помню в те дни Бека: он был спокойным, любопытным. То исчезал на фронте, то появлялся в столовой клуба писателей, все время мелькал и не рассказывал шепотом никаких сенсаций, как другие, хотя вероятно, знал о том, что происходит, больше многих»[19].

* * *

На волне разоблачения советских мифов важно, что называется, с водой не выплеснуть ребенка. Это относится и к подвигу панфиловцев. В начале 1990-х годов появились первые публикации, ставящие под сомнение сам факт боя панфиловцев с немецкими танками 16 ноября 1941 г. или же геройское поведение солдат. Постепенно все, что происходило в это время у разъезда Дубосеково, было некоторыми названо «литературным вымыслом». В результате отрицается не только факт того конкретного боя, но и, по сути, мужество и самопожертвование, проявленные бойцами Панфиловской дивизии на подступах к Москве. Дошло до того, что журналист В.А. Красиков — автор книги «История российских побед без ретуши» (М., 2010) с кощунственной издевкой назвал мемориальный комплекс, выстроенный близ Дубосеково в 1975 г., «напоминающим варварское капище с ритуальными истуканами, величиной с многоэтажный дом». Оскорбляя память об оставшихся в живых Героях Советского Союза из числа 28 панфилов-

[15] *Гладков А.К.* (1912—1976) — советский драматург, театровед, автор блистательной пьесы «Давным-давно», которая не сходила со сцен театров страны многие годы со времени ее премьеры в 1941 г., состоявшейся в осажденном Ленинграде. Фильм «Гусарская баллада» снят Э. Рязановым в 1962 г. На протяжении всей своей жизни вел дневниковые записи.

[16] *Гладков А.К.* Из дневниковых записей. 1941—1945 гг. / Музы в шинелях: Советская интеллигенция в годы Великой Отечественной войны. Документы, тексты, воспоминания. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. С. 268—269.

[17] *Симонов К.М.* (1915—1979) — советский писатель, поэт, общественный деятель. В годы войны написал пьесы «Русские люди», «Жди меня», «Так и будет», повесть «Дни и ночи», две книги стихов «С тобой и без тебя» и «Война».

[18] *Леонов Л.М.* (1899—1994) — советский писатель. В годы войны написал пьесу «Нашествие», за которую в 1943 г. получил Сталинскую премию 1-й степени, а также произведения «Обыкновенный человек», «Ленушка», повесть «Взятие Великошумска».

[19] НА ИРИ РАН. Разд. 14. Оп. 1. Д. 24. С. 287—288.

цев — о Тимофееве, Шемякине, Шадрине, Васильеве[20], которых он называет героями-панфиловцами в кавычках, В.А. Красиков пишет: «В послевоенные годы они охотно выступали перед октябрятами и пионерами, рассказывая детишкам, как поджигали один за другим рвавшиеся к Москве германские танки». А произведения советских поэтов и писателей Тихонова[21], Светлова[22], Бека и других, посвященные подвигу панфиловцев, по мнению этого «мифоборца», являются продолжением сталинского «патриотически-воспитательного» мифа[23].

Что нового дают собранные А. Беком осенью 1942 г. стенограммы бесед для современной дискуссии по поводу подвига 28 панфиловцев у разъезда Дубосеково? Являлся ли этот подвиг чистой воды вымыслом, пропагандистским мифом, не имевшим реальных оснований? Если это не так, то что именно в этой истории, впервые рассказанной журналистами о жестоком бое 16 ноября 1941 г. на участке обороны 4-й роты 2-го батальона 1075-го стрелкового полка (комполка полковник Капров) 316-й стрелковой дивизии под командованием генерала Панфилова, соответствовало действительности?

Сначала несколько слов об обстоятельствах боя. Противник, упредив наше наступление на Волоколамск, 16 ноября 1941 г. начал активные боевые действия с целью продвижения на Москву. Основной удар принял на себя левый фланг 316-й стрелковой дивизии генерала Панфилова. Там держал оборону 1075-й полк под командованием полковника И.В. Капрова. Первыми приняли на себя удар противника небольшие (до взвода) группы истребителей танков из 4-й и 5-й рот этого полка. Они заранее выдвинулись вперед и окопались на танкоопасных направлениях в районе железнодорожного разъезда Дубосеково и деревни Ширяево. На передовую позицию, кроме того, была выдвинута группа из 13 автоматчиков под командованием М. Габдуллина, которая была придана для усиления 5-й роты. Накануне боя 16 ноября 1941 г. истребители танков получили противотанковые гранаты и бутылки с зажигательной смесью. В их распоряжении было еще несколько противотанковых ружей. Артиллерийская, танковая поддержка и поддержка с воздуха практически отсутствовали.

Итак, разъезд Дубосеково, считавшийся стратегически важным пунктом, утром 16 ноября прикрывали не 28 панфиловцев, а более 200 солдат — 4-я и 5-я роты 1075-го стрелкового полка. В ходе боя, однако, многие из них погибли. Несмотря на героическое сопротивление, во второй половине дня 16 ноября немцам все же удалось прорвать их линию обороны и выйти в тыл соседнего 1073-го полка Панфиловской дивизии. В 4-й и 5-й ротах, личный состав которых в ходе боя, отступая и закрепляясь на новых позициях, частично перемешался между

[20] Не все 28 героев-панфиловцев погибли в боях у разъезда Дубосеково 16 ноября 1941 г. Остались в живых И.Р. Васильев (1910—1969), Г.М. Шемякин (1906—1973), И.Е. Добробабин (1913—1996), Д.А. Кожубергенов (1917—1976), И.Д. Шадрин (1913—1985), Д.Ф. Тимофеев (1907—1950).

[21] *Тихонов Н.С.* (1896—1979) — советский поэт. В марте 1942 г. написал поэму «Слово о 28 гвардейцах».

[22] *Светлов М.А.* (1903—1964) — советский поэт и драматург. В 1942 г. Светлов, работавший спецкором газеты «Красная звезда», написал поэму о панфиловцах «Двадцать восемь».

[23] *Красиков В.А.* История российских побед без ретуши. М., 2010. С. 184.

собой (поэтому, к примеру, политрук 4-й роты Клочков оказался рядом с солдатами из соседней 5-й роты и прокричал знаменитую фразу, что отступать некуда — позади Москва), осталось в строю по несколько десятков человек — примерно пятая часть состава до боя. Остальные 16 ноября были убиты и ранены.

Бывший в 1941 г. командиром 1075-го стрелкового полка И.В. Капров в ходе допроса следователями военной прокуратуры в 1948 г. показал, что больше всего пострадала в ходе этого боя 4-я рота во главе с ее командиром Гундиловичем, что из нее уцелело только человек 20—25. Если журналисты, написавшие о 28 панфиловцах, имели в виду остатки 4-й роты к концу боя 16 ноября, то они не сильно покривили против истины по поводу численности бойцов.

Историк В.О. Осипов уже в наши дни на основании всей совокупности известных документов, включая материалы прокурорского расследования 1948 г., взялся проанализировать, был ли на самом деле 16 ноября 1941 г. бой под Дубосеково с участием 4-й роты, в которой служил политрук Клочков. Осипов пришел в итоге к следующим выводам: бой 4-й роты с немецкими танками был, 4-я рота сражалась геройски, понесла большие потери, политрук Клочков пал смертью храбрых, что это реальный, а не вымышленный персонаж[24].

Обратимся теперь к архивным документам. Благодаря газетным вырезкам, которые хранятся в фонде Комиссии Минца, мы можем утверждать, что первые журналистские статьи о героических действиях Панфиловской дивизии под Москвой 16 ноября 1941 г. в целом соответствовали реальным событиям и не содержали явных преувеличений. Они были написаны не журналистами Коротеевым[25], Чернышевым[26] и Кривицким[27], как утверждали расследовавшие это дело в 1948 г. следователи военной прокуратуры.

Первым был корреспондент газеты «Известия» Г. Иванов. В своей корреспонденции из действующей армии под названием «8-я Гвардейская дивизия в боях» (написана 18 ноября — спустя всего два дня после знаменитого боя у Дубосеково, опубликована в номере от 19 ноября 1941 г.) Иванов сообщал о

---

[24] *Осипов В.О.* Политрук Клочков: факты и версии // Москва прифронтовая. 1941—1942. Архивные документы и материалы. М., 2006.

[25] *Коротеев В.И.* (1911—1964) — военный корреспондент «Красной звезды», который 27 ноября 1941 г. одним из первых сообщил на страницах газеты в статье «Гвардейцы-панфиловцы в боях за Москву» о подвиге одной из рот дивизии во главе с политруком Диевым.

[26] *Чернышев В.* — военный корреспондент газеты «Комсомольская правда», который вместе с Коротеевым выезжал на фронт в расположение частей Панфиловской дивизии. 26 ноября 1941 г. он опубликовал в газете заметку «Слава бесстрашным героям», в которой рассказывалось о группе красноармейцев из Панфиловской дивизии во главе с политруком Диевым, вступившей в схватку с 54 вражескими танками.

[27] *Кривицкий А.Ю.* (1910—1986) — советский писатель, публицист, журналист. В годы войны был военным корреспондентом газеты «Красная звезда», а затем и литературным секретарем редакции газеты. 28 ноября 1941 г. опубликовал передовицу «Завещание 28 павших героев», а 22 января 1942 г. на страницах газеты появился его очерк «О 28 павших героях», где впервые Кривицким были названы поименно герои-панфиловцы, участвовавшие в бою у разъезда Дубосеково. Все очерки и рассказы, стихи и поэмы, появившиеся на эту тему в печати позднее, написаны либо Кривицким, либо при его участии и в различных вариантах повторяют его первую публикацию «О 28 павших героях».

жестоком бое одной из рот воинской части командира Капрова. По соображениям секретности в статье в/ч не называлась, но мы знаем, что полковник Капров был командиром 1075-го полка, в составе которого сражались 28 панфиловцев. Приведем полностью отрывок из этой корреспонденции в «Известиях», касающийся боя 16 ноября 1941 г.:

«Немецкое командование начало наступление на левом фланге части командира Капрова. Фашисты бросили в бой 60 танков и до одного полка пехоты. Противник намеревался вклиниться в расположение одного нашего подразделения, форсированным ударом пробить линию обороны и выйти в наш тыл. Разгадав замыслы врага, тов. Капров произвел перегруппировку, обеспечивая надежное охранение флангов.

В 10 часов утра с опушки леса боевым порядком пошли в атаку неприятельские танки. Они двигались развернутой линией. Наши противотанковые подразделения открыли интенсивный огонь. Во взаимодействии с артиллерией начала действовать наша стрелковая рота. Подпустив фашистов на близкое расстояние, красноармейцы забросали их гранатами.

Группа немецких танков окружила подразделение советских бойцов, открыла кинжальный огонь. Положение становилось угрожающим, но никто из красноармейцев не оставлял своего боевого места. А немецкие танки продолжали двигаться вперед, сжимая кольцо, гремя стальными гусеницами.

Было два выхода из положения: или фашистские танки наскочат на наше минированное поле и приостановят атаку, или... надо противотанковыми гранатами, бутылками с зажигательной жидкостью пробить путь вперед, выйти на соединение с основными силами.

Один немецкий танк взорвался на минированном поле, остальные начали обход этого участка. И тогда совершилось то, о чем нельзя говорить без восторга. Бойцы спрятались в окопах и стали ждать. Оставалось либо выявить себя и быть уничтоженным пулеметным и артиллерийским огнем, либо зарыться в землю, подпустить неприятеля на близкое расстояние и забросать его танки гранатами.

Люди избрали второе и добились успеха. Как только враг приблизился на 25—30 метров, группа героев обрушила на него шквал противотанкового огня. В результате горячей схватки девять танков противника были подбиты, три сожжены, а остальные, не выдержав упорного сопротивления смельчаков, повернули обратно. Отбив атаку, наша стрелковая рота выдвинулась вперед и, пользуясь замешательством врага, соединилась со своей частью»[28].

Как видим, в статье Г. Иванова сообщается о бое, в котором участвовала целая стрелковая рота. Нет ни 28 героев, ни 18 подбитых ими немецких танков. Все это появится в позднейших публикациях Коротеева и Кривицкого.

Журналист Иванов также сообщал, что 16 ноября на участке действий геройской роты «девять танков противника были подбиты, три сожжены». Из

[28] Газета «Известия» от 19 ноября 1941 г. См.: НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел. 4. Оп. 1. Личное дело на Героя Советского Союза Панфилова И.В.

такой формулировки не вполне ясно, были ли выведены из строя в общей сложности 12 немецких танков или сгоревшие танки входили в число 9 подбитых. В любом случае это число не выглядит фантастическим и не сильно расходится с цифрой, которую называют в публикуемых ниже интервью непосредственные участники тех боев.

Теперь предоставим слово самим панфиловцам, в первую очередь выжившим после боя у разъезда Дубосеково И.Р. Васильеву и Г.М. Шемякину (напомним, что, по официальной версии, все 28 погибли). Здесь нужно иметь в виду один важный момент: оба героя были опрошены сотрудниками Комиссии уже после того, как в начале 1942 г. в центральных газетах появились статьи А.Ю. Кривицкого о героическим бое 28 панфиловцев у разъезда Дубосеково[29]. Поэтому и в рассказе Васильева в декабре 1942 г., и в интервью Шемякина, которого опрашивали еще позже — в январе 1947 г., уже присутствуют клише, вольно или невольно заимствованные ими из «официальной версии» событий боя. Эти места мы выделяем в стенограммах интервью курсивом и для наглядности даем в сравнении с газетными текстами Кривицкого (в сносках).

Из стенограммы беседы с Васильевым Илларионом Романовичем, Героем Советского Союза, одним из участников боя 28 панфиловцев возле разъезда Дубосеково, который остался в живых. Запись беседы была сделана 22 декабря 1942 г. в Москве в госпитале научным сотрудником Комиссии Р.И. Кроль и стенографисткой О.А. Росляковой.

«Приказали окопаться около разъезда Дубосеково. Окопались. Приезжают Панфилов и Капров — командир полка. «Кто вам разрешил здесь окапываться?». Мы говорим: командование. «Не здесь надо окапываться. Вот на этом бугре окапывайтесь, около дороги». Где командование сказало, там и стали окапываться. Мы опять окопались. Взяли лошадей и сани и давай шпалы возить, укрепления делать. У нас с правого фланга была ложбинка, а с левого фланга луг большой, который подходил к линии железной дороги. Дорога как раз шла из д. Ждановой. Мы на этой дороге окопались и укрепились. Два ряда шпал накатником накатали, замаскировались. Нас назначили в боевое охранение. На горе около д. Ждановой были большие окопы выкопаны. Я стоял на посту. Не помню какого это было числа, то ли 10-го, то ли 11-го <...> Вдруг мина пролетела и взорвалась недалеко около этой деревни. Я забежал в избу и говорю политруку Клочкову:

— Из минометов начинают по деревне?

— А много?

— Нет, — говорю, — одна пролетела дурная, но считал долгом вам сообщить.

Потом слышу, с той стороны деревни из автоматов стали стрелять по нас. Когда из автоматов стали стрелять, я заскочил в избу и говорю: «Давайте в ружье! Тревога!».

[29] *Кривицкий А.Ю.* «О 28 павших героях» // «Красная звезда». 1942. 22 января.

Все повыскочили, похватали винтовки и давай напором идти по этой деревне. В это время начали стрелять по опушке леса. Мы стали отстреливаться. Немцы сперва сопротивлялись, потом стали отступать. Отступать стали в лес. Скопились на опушке леса, тут мы стали ловить их на мушку. Убили мы тут человек 30. Всего их было человек 50. Остальные отошли. Мы — опять на исходные позиции в деревню, повыше поднялись. Смотрим, как раз против наших окопов машина за машиной. Десять автомашин идет, пехоту везут. Мы сразу в окопы, по окопам расположились. Они начали стрелять. Там около шести часов держали схватку. Глядим — три танка идут. Нас была человек в 30 группа. Танки идут, а у нас патроны на исходе, нечем стрелять. Связного послали, но связной не вернулся. Бились-бились, политрук Клочков говорит: «Патроны на исходе, давайте отойдем на исходные позиции, потому что нас могут захватить».

Немцы заняли эту деревню Жданово. Боевое охранение послали в Красиково, где стоял второй взвод. Туда пять человек немцев устремились в разведку. Недалеко наш взвод был, а мы находились в окопах около разъезда Дубосековского. Они прибегают и говорят, что много немцев заняли Красиково. Командир роты говорит: «Давай, второй взвод, сейчас же окружить деревню и взять!».

Мы эту деревню обошли, выгнали немцев, взяли в плен двух, двух убили, один убежал, три автомата взяли, ручной пулемет взяли. Пришли на исходные позиции опять в Дубосеково. Это было числа 13-го. Мы тут два дня или три побыли.

Числа 16-го нам выдавали заработную плату, старшина привез. Мы попеременно ходили получать заработную плату, в ведомостях расписывались.

16-го числа часов в шесть утра немец стал бомбить наш правый и левый фланги, и нам доставалось порядочно. Самолетов 35 нас бомбило.

После воздушной бомбардировки *колонна автоматчиков* из д. Красиково *вышла. Шли они в полный рост.* Как раз бугор перед ними был. Они пошли на этот бугор. Мы, конечно, думали, что измена, потому что нет команды огонь открывать, а *они подходят совсем близко. Потом сержант Добробабин,* помкомвзвода был, *свистнул.* Мы по автоматчикам огонь открыли. Мы бьем, они, конечно, идут. Это было часов в семь утра. Погода была ясная, мороз, денек хороший был.

Автоматчиков мы отбили. Тут у нас недолгая схватка была. *Уничтожили человек под 80*[30].Там не до счету, считать не приходилось.

После этой атаки политрук Клочков подобрался к нашим окопам, стал разговаривать. Он поздоровался с нами.

— Как выдержали схватку?

— Ничего, выдержали.

[30] Сравним у А.Ю. Кривицкого в его статье «О 28 павших героях»: «Немцы шли, как на прогулку, во весь рост. От окопа их отделяло уже 150 метров. Вокруг царила странная, неестественная тишина. Сержант (*Добробанин*) заложил два пальца в рот, и внезапно раздался русский молодецкий посвист <...> Атака автоматчиков отбита. Более семидесяти вражеских трупов валяется недалеко от окопа» («Красная звезда». 1942. 22 января).

Мы думали, что, отбив атаку автоматчиков, нам придется продвигаться вперед. Но команды «вперед» нам не дали.

Политрук Клочков заметил колонну танков. Говорит: «Движутся танки, придется еще схватку терпеть нам здесь». Танков шло штук 20. Он говорит: «Танков много идет, но нас больше. 20 штук танков, не попадет на каждого брата по танку»[31].

Мы все обучались в истребительном взводе. Ужаса сами себе не придавали такого, чтобы сразу в панику удариться. Мы в окопах сидели.

— Ничего, — говорит политрук, — сумеем отбить атаку танков: отступать некуда, позади Москва[32].

Стали на той почве, что не будем отступать и все. Бойцы тоже.

Танки стали продвигаться по направлению к нашим окопам, придвинулись совсем близко к окопу. Офицер вылез из танка и закричал: «Рус, сдавайтесь в плен!» Тут сразу в него несколько залпов положили. Но тут изменник вышел с правого фланга, поднял руки к верху, ударился в панику.

Когда мы ехали на фронт, то мы говорили, что паникерам и трусам нет на советской земле места, *их должна карать своя же рука и наша партия.*

В него прогремело несколько залпов[33]. Стрелял в него я сам лично.

Приняли бой с этими танками. С правого фланга били из противотанкового ружья, а у нас не было противотанкового ружья. *Приходилось выскакивать из окопа.* Команду политрук подавал:

— Принять бой с танками, вылезти из окопов!

Начали выскакивать из окопов и под танки связки гранат подбрасывать. Подбросишь связку гранат под гусеницы танка, сам отбегаешь в сторону и ложишься на землю. На экипажи бросали бутылки с горючим. Взрывы слышали. Что там рвалось, не знаю, только здоровые взрывы были в танках. Если не на экипаж бросишь, то на задний мотор бросишь или на бензиновый бак бутылку с горючим.

Как раз перед этим боем числа 15-го мы получили бутылки с горючим. Наш истребительный взвод вызвали подарки получать. Говорят: «Подарки привезли, идите получать». Стояли мы тогда в большом селе Петелино. Мы

---

[31] Сравним у А.Ю. Кривицкого: «— Здорово, герои! К окопу добрался политрук роты Клочков <...> В тот день Клочков первый заметил направление движения танков противника и поспешил в окоп. — Ну, что, друзья, — сказал политрук бойцам. — Двадцать танков. Меньше чем по одному на брата. Это не так много! <...> Добираясь к окопу, Клочков понимал, что ждет его и товарищей. Но сейчас он шутил и, ловя на себе одобрительные взгляды красноармейцев, думал: «Выдержим до конца» <...>» («Красная звезда». 1942. 22 января).

[32] Сравним у А.Ю. Кривицкого: «— Тридцать танков, друзья, — сказал он бойцам, — придется всем нам умереть, наверно. Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва!» («Красная звезда». 1942. 22 января).

[33] «Был еще и двадцать девятый. Он оказался трусом и предателем. Он один потянул руки вверх, когда из прорвавшегося к самому окопу танка фашистский ефрейтор закричал: «Сдавайс!» <...> Немедленно прогремел залп. Несколько гвардейцев одновременно, не сговариваясь, без команды выстрелили в изменника. Это сама Родина покарала отступника» («Красная звезда». 1942. 22 января).

думали, подарки, как на северо-западном направлении получали. Приходим туда. Командир роты говорит: «Ну, давайте получать». Открыл ящик, достает. «Не думайте, что подарки только нам, и Гитлеру подарок к празднику». Какой праздник был, я, конечно, не знаю. Мы тогда получили большое количество и бутылок с горючим, и гранат.

Мне пришлось два танка подорвать тяжелых. *Мы эту атаку отбили, 15 танков уничтожили. Танков пять отступили в обратную сторону*[34] за деревню Жданово.

После этой схватки небольшая передышка была, так минут 30, наверное. В первом бою потерь не было. Может быть, были потери с правого фланга. На моем левом фланге потерь не было.

Политрук Клочков заметил, что движется вторая партия танков, и говорит: «Товарищи, наверное, помирать нам здесь придется во славу родины. Пусть родина узнает, как мы деремся, как мы защищаем Москву. Москва — сзади, отступать нам некуда».

Так нам говорил всем. Танки стали приближаться к нам совсем близко. Когда приблизилась вторая партия танков, Клочков выскочил из окопа с гранатами. Бойцы за ним. Но мечта уже была потеряна, настроение было уже не такое, как при первой схватке, нервы уже не такие были. Прямо бежишь, как сумасшедший. Из окопа выскакиваешь, бежишь зубы состиснув. Думаешь — все равно помирать так помирать, бить так бить. С таким настроением выскакивали из окопов и шли.

В этой последней атаке я два танка подорвал: тяжелый и легкий. Танки горели. Потом под третий танк я подобрался, который был левее меня, танк был тяжелый. Он шел по направлению ко мне. Я подбежал к нему с левой стороны. С правой стороны Петр Сингербаев[35] — казах — подбежал к этому танку. Я помню, что бросил связку гранат. Не помню, в связке было 4—5 или 6 штук гранат. Тут меня ранило. Немец бил из дальнобойных по нас. Когда первая партия группами прошла, он стал бить из крупнокалиберных и дальнобойных по этому месту. Хотел разбомбить, чтобы пропустить второй эшелон танков. Попадания были и по левому, и по правому флангу.

Правый фланг отошел, левый фланг отошел, мы остались одни на этом бугорке. Под пятым танком меня ранило. Получил три осколочных ранения и контузию. Меня направили в Павлов Посад в госпиталь. Когда меня привезли, я уже разговаривать стал, я спросил, где я был. Мне говорят, что ты был в санбате, был в дивизионном госпитале, а сейчас на эвакуации. Там меня мало продержали, на эвакуацию отправили»[36].

---

[34] Сравним у А.Ю. Кривицкого: «Бой длился более четырех часов, и бронированный кулак фашистов не мог прорваться через рубеж, обороняемый гвардейцами. Из противотанковых ружей храбрецы подбивали вражеские машины, зажигали их бутылками с горючим. Уже четырнадцать танков неподвижно застыли на поле боя» («Красная звезда». 1942. 22 января).

[35] Правильно — Мустафа Сенгирбаев.

[36] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел. IV. Оп. 1. Дело на Героя Советского Союза Васильева Иллариона Романовича. Л. 3—4 об.

Шемякин Григорий Мелентьевич, Герой Советского Союза, один из участников боя 28 панфиловцев возле разъезда Дубосеково, который остался в живых, направил **24 октября 1942 г.** в Москву, в Комиссию по истории Великой Отечественной войны, свою автобиографию, в которой, в частности, говорилось следующее:

«...В 1941 г. в июне 23 числа я был призван в Красную Армию. Меня призвали в 316 С.Д. 1075 полк 2-й батальон 5-я рота 1-й взвод 1-е отделение рядовым стрелком. Наша дивизия действовала на московском направлении. Когда был отдан приказ отбросить врага от Москвы, мы вели наступательные бои. Два раза были в окружении. В этих боях я истребил 57 фашистов. В декабре[37] месяце, я не помню какого числа, *наш взвод в количестве 28 чел. был в засаде, когда нависла опасность, т.е. на нас двигалось 50 фашистских танков. Командир наш приказал: ни шагу назад, за нами Москва!* Между фашистскими танками и нашим взводом завязался жестокий бой. Я сам лично забрасывал танки врага гранатами и бутылками с жидкостью. *В этом жестоком бою земля горела вместе с фашистскими танками. Мы в дружном бою не отступили, выполнили воинскую присягу и приказ своего командира. Танки от нас дальше не пошли.* Они были уничтожены нами. Сколько с нас осталось живых, я помнить не могу, ибо во время боя я был тяжело ранен в левую ногу. Общим я был без сознания.

В этом и заключается мой героический подвиг. С поля боя меня эвакуировали в Москву. С Москвы я попал в город Медногорск в госпиталь, там я пролечился 3 месяца<...>»[38].

Из стенограммы беседы с Шемякиным Григорием Мелентьевичем от 3 января 1947 г. Запись беседы сделана в г. Алма-Ате 3 января 1947 г. сотрудниками Комиссии Р.И. Голубевой и Э.Я. Пейсахзон.

«Вначале мы поехали на Ленинградский фронт, на станцию Крестцы. Оттуда нас перебросили под Москву.

Первый бой мы принимали у совхоза Булычево.

Немец все лезет. Мы объявились добровольцами, набрали гранаты, бутылки с горючей смесью и пошли на разъезд Дубосеково. Когда мы подошли, мы начали рыть себе окопы.

Когда мы в совхозе Булычево принимали бой, мы разбились наново. Я попал из 5-й роты в 4-ю. Тут говорят:

— Кто пойдет в качестве добровольцев истреблять танки?

Мы пошли. Из нашего района был Конкин Григорий[39]. Мы были с ним все время. Конкин из совхоза Чапаева, я из совхоза Ворошилова. Мы с ним все время были вместе.

---

[37] Правильно — в ноябре.

[38] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел. IV. Оп. 1. Дело на Героя Советского Союза Шемякина Григория Мелентьевича. Л. 1.

[39] *Конкин Г.Е.* (1911—1941) — один из 28 героев-панфиловцев, погибших у разъезда Дубосеково 16 ноября 1941 г.

Мы пошли добровольно. Набрали гранаты, бутылки, противотанковые ружья. Стали копать окопы.

Приезжает генерал Панфилов, говорит:

— Вам здесь не место, можете здесь разместиться.

Нас перевели к самому разъезду Дубосеково, метров за двести. Там выкопали окопы. Копать было трудно: земля была мерзлая.

Утром 16 ноября налетают немецкие самолеты, стали нас бомбить. Пробомбили — улетают. А мы остались целы. Смотрим — идет пехота, автоматчики, человек сто. Мы их подпустили к себе вплотную.

Сержант Добробабин подал сигнал свистом. Мы поняли, а немцы в этот момент опешили — откуда свист. Они считали, что после бомбежки никого нет. Мы открыли по ним огонь. Мы их человек 80 уложили, остальные убежали.

У нас были два пулемета, два противотанковых ружья, бутылки с жидкостью, гранаты и винтовки.

В этот момент подошел политрук Клочков. Поздоровался. Нас стало 29.

Когда пошло на нас 20 танков, один струсил. Мы его расстреляли. Осталось нас опять 28.

Тут командовал политрук Клочков. Он говорил:

— Не страшно. Немного танков идет: на каждого не хватает по танку, ничего, не страшно.

Когда мы стали драться, сбили 15 танков, 5 повернули обратно. Там был такой дым, что ничего не было видно.

Из противотанкового ружья я сбил два танка.

После того, как мы сбили 15 танков, а 5 танков повернули назад, на нас пошли еще 30 танков.

Политруку Клочкову говорят:

— Вы ошиблись: вы говорили, что не хватает по танку на брата, а сейчас больше, чем по два.

Он говорит:

— Ничего, не страшно. Велика Россия, но отступать некуда: позади Москва.

Вначале было страшно, но потом озверели так, что и страха не было. Когда дрались с последними танками, осталось танков 6 или 7. Два кинулись на меня. Я в первом успел перебить гусеницу, второй наступает на меня. Я забегаю в окоп. Танк перебегает через окоп. Когда танк перескочил через окоп, я выскочил из окопа, перебиваю гусеницу. Когда танк загорелся, откуда-то получился взрыв. Меня ударило в левую сторону, ногу перебило, я потерял сознание.

Очнулся в Москве.

Я помню только Гришу. Когда он кинул гранату в танк, в это время из дыма выскочил другой танк и раздавил его.

Там трудно было что-нибудь видеть. Смотришь только за собой.

Из остальных героев я знал Конкина, Митина, Добробабина, Васильева. Митина и Конкина я знал потому, что мы были в одном взводе. С Конкиным

мы из одного села, из соседних колхозов. Когда мы пошли в армию, мы все время были вместе.

В этом бою я был ранен и контужен. Меня подобрали и отправили в Москву. Из Москвы меня эвакуировали в Медногорск. Там я лежал до марта 1942 года...»[40].

Как видно из сопоставления рассказов Васильева и Шемякина с текстом статьи Кривицкого, события боя 16 ноября 1941 г. у Дубосеково описаны ими во многом на основе «официальной» версии журналиста Кривицкого. Кроме того, некоторые сообщаемые ими данные выглядят преувеличением собственных заслуг. Так, Васильев утверждает, что подбил в ходе боя противотанковыми гранатами и бутылками с зажигательной смесью пять немецких танков, а Шемякин — четыре немецких танка. Получается, что только вдвоем они подбили половину танков, по официальной версии, уничтоженных группой из 28 бойцов.

А вот как рассказывали сотрудникам Комиссии по истории Великой Отечественной войны о боях 16 ноября 1941 г. их однополчане — Балтабек Джетпысбаев (в ноябре 1941 г. помощник командира 5-й роты 2-го батальона), командир роты автоматчиков Малик Габдуллин, помощник начальника штаба 1075 -го стрелкового полка А.А. Ветков и комиссар полка А.Л. Мухамедьяров.

Из стенограммы беседы с Джетпысбаевым Балтабеком, 1907 г.р., казах по национальности, майор, командир 3-го батальона 1075-го полка. Беседу проводит Р.И. Голубева, стенографирует Э.Я. Пейсахзон в Алма-Ате 2 января 1947 г.

«...В ночь с 15 на 16 ноября сидели с Клочковым до 2-х часов ночи. Потом легли отдохнуть, готовиться к бою.

Моя рота стояла метрах в 500 от Клочкова. Клочков стоял со своей ротой у самой железной дороги, я стоял левее.

Малик Габдулин командовал ротой автоматчиков.

С утра 16 ноября начали бой. К нам подошли 4 немецких танка. Два из них подбили, два вырвались. Два раза атака была. Атака была отбита.

Большинство танков пошло в район разъезда Дубосекова, где Клочков погиб. Мы видели: поворачиваются, и туда идут танки. Там шел бой.

Командиром 2-го батальона в это время был майор Решетников, комиссаром батальона был Трофимов. В этот день с утра до позднего вечера не могли прорваться немцы. Много самолетов бомбило наши позиции, танки и пехота.

Перед заходом солнца подбегает один боец связной:

— Клочков погиб, туда просят помощь.

У нас людей мало осталось. Много убитых и раненых. Мы впереди отбиваем атаки, сзади, прямо к нам идет немецкий танк. Танки обошли и появились сзади.

Я говорю:

[40] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 28. Д. 28. Л. 1 об—2 об.

— Метайте гранаты и бутылки горючей смеси, танки будем подбивать.

Но немцы голову поднять не дают, так стреляют. На танки посажены автоматчики. Из танков бьют пулеметы, и автоматы стреляют.

У нас окопы полного профиля.

Я взял одну гранату. Метров 10 до танка осталось. Нельзя голову поднять. Все равно убьет. Бросил гранату лежа. Танк продолжает идти. Я бросил вторую гранату. Получился взрыв.

Метров за 20 в окопе сидели бойцы, кричат:

— Танк горит.

Все подняли головы, начали стрелять. Я голову поднял. Открылся люк. Из люка хотел выскочить танкист. В другой танк бойцы тоже бросили гранаты. Второй танк тоже загорелся.

Автомат я потерял. Я взял винтовку убитого, выстрелил в танкиста, который хотел вылезть из люка танка. Убил его.

Это происходило днем 16 октября. У меня осталось 15 человек из 75-ти. Остальные были убиты и ранены. Два танка сожгли. Шли четыре танка. Два подбили, два повернули обратно.

Связной принес приказ оставить рубеж и отходить, но отходить нельзя было: немцы стреляют. Вылезли по одному из окопа. Перебежали, дальше ползком.

У меня за поясом пистолет и автомат. На опушку леса подполз с остальными людьми.

Вечером пришли в полк, доложили, сколько осталось, сколько убитых, раненых <...>»[41].

Из стенограммы беседы с Габдуллиным Маликом, 1915 г.р., казах по национальности, майор, Герой Советского Союза. Беседу проводит в Москве 15 февраля 1943 г. Р.И. Кроль, стенографирует О.А. Рослякова. В ноябре 1941 г. М. Габдуллин политрук и одновременно командир роты автоматчиков 1075-го стрелкового полка.

«<...> 5 ноября приказом командира полка я был назначен политруком роты автоматчиков. Командира роты не было. Все дело легло на меня — я и политрук, я и командир. Приказ гласил так: назначаю такого-то политруком роты и приказываю ему подобрать из всех батальонов бойцов для своей роты, а командирам батальонов приказываю выделить лучших бойцов из роты автоматчиков.

По приказу командира полка начал подбирать людей в роты автоматчиков.

На войне так бывает, если командиру отдан приказ послать людей в другие части, то он обязательно пошлет людей не первосортных, не лучших бойцов, лучших при себе постарается оставить, потому что на лучших опираемся.

Человек 50 с лишним набрал, после побеседовал с каждым в отдельности относительно его здоровья, относительно его самочувствия, провел маленькое собрание и сказал:

[41] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 28. Д. 27. Л. 4—4 об.

— Автоматчики — это особый род войск. Автоматчиком может быть тот, кто может быстро ходить, кто решительный, кто смелый, кто храбрый, кто физически сильный, потому что автоматчику могут дать особо важные поручения, его могут послать в тыл противника, по флангам, по стыкам противника. Нам приходится больше всех работать. Это вы, — говорю, — знаете из опыта немецких автоматчиков, а мы должны быть лучше немецких автоматчиков. Кто себя считает достойным быть автоматчиком, прошу поднять руки.

Из всех 54 человек подняло 12. Я говорю, что приказным порядком я вас всех зачислять не имею право. Те, кто желает, давайте, остальных послал по подразделениям. 12 человек оставил, со мною было 13.

У нас было 8 автоматов, 4 самозарядных винтовки и одна винтовка. Я с ними начал заниматься, учил их стрелять из автомата. Мы имели к этому возможность, потому что наступление противника было отбито. Это было в начале ноября.

15-го ноября командир полка полковник Капров призвал меня и сказал так:

— Вы со своими автоматчиками идите в распоряжение командира 5-й стрелковой роты с задачей оказать им помощь. Если противник будет наступать, вы его танки пропустите, отсеките пехоту от танков и по пехоте сосредоточьте огонь. Когда у вас положение будет тугое, можете самостоятельно отойти, но об этом поставьте в известность командира 5-й роты младшего лейтенанта Аникина.

Я с группой автоматчиков прибыл к нему. На местности мы уточнили обстановку. Его рота расположилась в районе д. Ширяево. Мне дали такой кусок обороны: на западе — Ширяево, на юго-восток — Морозово. В Ширяеве 5-я рота, в Морозове — противник. Морозово от Ширяево находится примерно в полутора километрах. От Морозова до Ширяева идет дорога, по сторонам дороги — открытая местность. Восточнее Ширяево в кустиках я занял оборону. Этот кустик находился от дороги на расстоянии 200-х метров. За кустиком открытая поляна на восток, которая идет до самого Ширяева. Около этих маленьких кустиков протекает ручеек. Здесь мы заняли оборону. Если пойдут танки, мы пропустим, если за танками последует пехота, то по пехоте мы можем с этого места открыть ураганный огонь. У каждого автоматчика было по два заряженных диска автомата.

16-го ноября 1941 г. немцы начали второе генеральное наступление на Москву. В этот день немцы начали наступать на Ширяево. В 8 часов в Морозове был слышен гул моторов. В 8.30 вышли 5 танков противника по направлению Ширяева. За ними шел батальон пехоты. Мы танки пропустили. Танки открыли огонь по Ширяеву, по той роте, которая там была. Вдруг бойцы говорят:

— Товарищ политрук, немцы идут!

— Подождите, пускай идут.

Когда немецкая пехота была на расстоянии 300 метров, я не разрешил открывать огонь. Когда немцы подошли на расстояние 150 метров, я даю команду — огонь! По движущейся пехоте противника мы открыли огонь из всего оружия, которое у нас было. Немцы бросились в панике. Мы выпустили по одному диску и уложили не менее ста немцев ранеными и убитыми. Они начали отходить. В это время один из офицеров в нашем направлении выпустил вверх

две ракеты. Как только ракета осветила, по этому кустарнику начала бить артиллерия и минометы. Еще одна ракета, и танки повернули в нашу сторону и начали бить тоже по этому кустарнику. В это время немецкая пехота приняла боевой порядок и начала ползком к нам подходить. Мы снова открываем огонь. Немцы быстро откатываются. Их было батальон, а нас всего 13 человек.

У нас троих легко ранило, у каждого осталось по 10—15 патронов. Положение критическое, очень критическое. Тут наступил психологический момент: во-первых, патронов мало, а у некоторых вышли совершенно, во-вторых, немцы нажимают, артиллерия долбит, мы сидим, как на иголках. Танки бьют, бьют из минометов, пехота стреляет из всех видов оружия: из пулеметов, автоматов и т.д. Немцы, очевидно, думали, что в этом кустарнике находятся не 13 человек, а рота, в крайнем случае. Все бойцы смотрят на меня, что делать? Правда, не спрашивают, что делать, но у всех такой вид, у всех на лицах вопрос — что делать?

Я обдумал положение. Обойти со стороны Ширяева невозможно, потому что там стоят танки и там открытая местность, обойти на восток от этого кустарника тоже нельзя, потому что открытая местность. Если идти вперед — там немцы. Очень тяжелое положение создалось для нас: так погибать, и так погибать. Я говорю, что погибать нельзя, надо драться. Но как драться? Тут надо людей спасти и противнику надо какой-то урон нанести. Я командую: «Автоматчики за мной!» И по этому ручейку ползком на брюхе к Морозово, в тыл противника. Это было в 10 часов утра. Мы вышли в огороды Морозова, а немцы бьют по этому кустарнику. Смотрим, в Ширяеве[42] две батареи минометные шестиствольные. Эти батареи по нас били. Я говорю:

— У кого патроны есть, открыть огонь по этой батарее!

Открыли. В батарее всех перебили. Неожиданно для нас появились автоматчики [противника]. Тут мы у них панику создали. По этой лощинке спустились вниз, где был густой лес, зашли в этот лес. У нас с собою продукты были, водка была с собою. Покушали. Выпили, пошли дальше. Со мною идут Коваленко — старший сержант и Леднев — старший сержант.

— Давайте пойдем в Ширяево, посмотрим, что там такое?

Пошли в деревню. Смотрим, там немцы бегают, а наша рота отошла.

— Давай найдем штаб полка и командиру полка доложим.

Приходим в штаб полка, где он раньше находился. Там немецкие танки. У них в землянке вещи остались, надо забрать вещи, но пришлось вещи оставить и уходить, при этом натолкнулись на артиллерийский ДОПШ. Вхожу в ДОПШ, забрал там боеприпасы, этим пополнили свои боеприпасы.

На третий день мы в одной деревне нашли своего командира полка и комиссара. Прихожу, докладываю:

— Товарищ комиссар полка, ваше приказание выполнил!

Он обрадовался, обнял меня.

— Как же ты, жив?

[42] Правильно — в Морозово.

— Жив.
— Все живы?
— Все живы.
— Раненые есть?
— Трое раненых, но они встали в строй.
— Как же это так? Читай бумагу!
Комиссар полка дает мне бумагу.

В 5-й роте командиром роты был отсекр[етарь] комсомольского бюро Джетпис Баев[43]. Они написали так: «Командиру полка донесение. 16-го ноября в 10 часов утра автоматчики наши во главе с политруком таким-то храбро дрались с немцами. Они уничтожили свыше 100 немцев. Были отрезаны пехотой и танками противника, но не могли выйти из окружения. По ним был открыт со стороны противника ураганный артиллерийский огонь. Танки стреляли, пехота стреляла, и они погибли в этом бою смертью храбрых».

Комиссар спрашивает:
— Как тебе это донесение нравится?
— Ну, чего, хорошее донесение, а вам как оно нравится?
— Ну, знаете, мы просто так вас всех жалели!
За это меня представили к награде, дали орден «Красной Звезды» <...>»[44].

Из стенограммы беседы с Ветковым Андреем Акимовичем, гвардии майором, начальником штаба 1075-го стрелкового полка. Запись беседы сделана 4 января 1947 г. в г. Алма-Ате.

«...Во время боя в Дубосеково я был помощником начальника штаба полка. По условиям службы я обязан был находиться в войсках.

16 ноября наш полк стоял так: один батальон занимал высоту 251,0, рубеж от деревни Петелино, на самом левом фланге был сначала пулеметный взвод, который потом усилили, дав до полувзвода пехоты. Левее нас около трех километров не было никого, до следующей части. Этому значения не придавали, поскольку там было заболоченное место, лес, и это было как боевое охранение.

Мы с командиром 15 ноября были там в окопах, проверяли всю оборону до боя. Вечером, когда оттуда уезжали, там было 28 человек, командиром был Клочков. Он возглавлял всю эту группу. Провел он там беседу. Когда мы с командиром полка уезжали, он стал проводить беседу. Мы перед этим слушали лекцию о втором фронте. Он начал проводить беседу о втором фронте. Комиссара полка Мухамедярова[45] вызвали в один из полевых госпиталей.

17 ноября вечером мы отошли после того, как 16 продержались. Рубеж, который защищали 28 панфиловцев, был оставлен ночью с 16-го на 17-е. Там был Натаров. Он рассказывал об этом бое.

[43] Правильно Джетпысбаев Балтабек, помощник командира 5-й роты.
[44] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. IV. Оп. 1. Дело на Героя Советского Союза Габдуллина Малика. Л. 8—9.
[45] Правильно — Мухамедьяров Ахмеджан Латыпович.

У нас никто значения этому не придавал, может быть, неправильно, считали эпизодом, которых было много, как проявление героизма, которых было много.

Натаров был вынесен оттуда. Он рассказывал об этом бое и сказал, что все погибли, кроме меня[46]. Когда подошли к ним на помощь человек пятьдесят, то там бой уже закончился, и немцы заняли первые окопы.

Наша часть начала атаку. Немецкая рота, которая там была, была выбита оттуда, но потом мы получили приказ оставить этот рубеж, отойти на следующий»[47].

Из стенограммы беседы с Мухамедьяровым Ахмеджаном Латыповичем, гвардии подполковником, комиссаром 1075-го полка. Запись беседы сделана 17 октября 1944 г. на станции Перхушково.

«В середине ноября месяца они окончательно решили перейти в решительное наступление. Тут проявление массового героизма 28 героев панфиловцев. Эти 28 героев — особая группа, которая проявила исключительный героизм, но в эти самые дни было проявление героизма массового порядка и в других братских полках.

Про 28 героев я не хочу рассказывать, потому что это вам хорошо известно, могу рассказать о других товарищах, в частности о тов. Клочкове, политруке <...>.

За боевые подвиги, проявленные в первых боях под Волоколамском, представлен к правительственной награде ордену Красного знамени. И он был награжден орденом Красного знамени. О нем мы были очень хорошего мнения. Считали 4-ю роту самой надежной, такой ротой, которая могла нести службу на самых ответственных участках. Не спроста она была поставлена на разъезде Дубосеки[48], на левом фланге нашего полка <...>».

И далее: «Когда немцы повели наступление на участке второго батальона, в частности 4-й роты, они прорвать там не могли — двадцать восемь не пропустили. Тогда немцы взяли правее, повели наступление на 5-ю роту

---

[46] Здесь А.А. Ветков практически пересказывает упоминавшуюся выше статью Кривицкого «О 28 павших героях». Сравним с текстом статьи: «Все это рассказал Натаров, лежавший уже на смертном одре. Его разыскали недавно в госпитале. Ползком он добрался в ту ночь до леса, бродил, изнемогая от потери крови, несколько дней, пока не наткнулся на группу наших разведчиков. Умер Натаров — последний из павших двадцати восьми героев-панфиловцев. Он передал нам, живущим, их завещание».

По словам Кривицкого, о подробностях боя у разъезда Дубосеково он узнал от разысканного им в госпитале умиравшего Натарова. В 1970-е гг. А.Ю. Кривицкий так вспоминал о комиссии военной прокуратуры, которая в 1948 г. проводила пристрастное расследование подвига 28 панфиловцев: «Мне было прямо сказано, что если я откажусь признать, что описание боя у Дубосекова полностью выдумал я и что ни с кем из тяжелораненых или оставшихся в живых панфиловцев перед публикацией статьи не разговаривал, то в скором времени могу очутиться в районе Печоры или Колымы [то есть в ГУЛАГе. — ред.]. А оказаться там мне както не хотелось. Поняв, что дело принимает слишком опасный оборот, я «признал», что многое в моих публикациях о 28 героях представляет «литературный вымысел» <...>». См.: Куманев Г.А. Подвиг и подлог: Страницы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 2007. С. 140.

[47] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 28. Д. 35. Л. 2 об—3.

[48] Так в документе. Правильно — Дубосеково.

того же 2-го батальона. Наступление повели танками, автоматчики сидели на танках. 5-я рота приняла на себя всю тяжесть этого боя. Дралась стойко. Не было ни одного случая ухода с боя. Танки зашли на оборонительный участок этой роты и начали ходить по траншеям, просто давить своими гусеницами бойцов и командиров, и не только давить гусеницами, но обливать какой-то горючей жидкостью, от которой все моментально воспламенялось. Бойцы дрогнули, некоторые стали проявлять трусость, тогда политрук Вихрев[49] вмешался в это дело, обеспечил стойкость. Когда образовался прорыв на самом правом фланге роты, он побежал туда. Отбивались гранатами и бутылками с «кс» до последнего человека. Был такой момент. Немецкий танк шел прямо на него. Когда он был метрах в 10—15, то боец, который остался с Вихревым, поднял руки, хотел сдаться немцам в плен. Будучи тяжело раненым, Вихрев набрался мужества и пристрелил этого бойца-изменника, а сам с гранатой и бутылкой бросился под танк, который шел на него. Танк взорвался[50].

За это проявление героизма мы представили Вихрева к званию героя Советского Союза посмертно. Он погиб, но опять-таки немецкие танки на этом участке не прошли. Немцы потеряли больше десяти танков, которые напирали на эту роту, и вынуждены были отойти»[51].

Довольно подробно о событиях 16—17 ноября рассказывают бойцы и политработники соседнего 1073-го полка.

Из стенограммы беседы с Трефиловым Александром Степановичем, гвардии капитаном 1073-го полка. Беседу осенью 1942 г. проводил А.А. Бек, стенографировала Уфлянд.

«Наша дивизия, согласно разработанному плану, должна была наступать. Мы знали наличие сил противника. Против нас сконцентрировалось 6 дивизий. Противник воспользовался нашей медлительностью и упредил нас. Вместо нашего наступления противник большим количеством танков сам начал наступать, прорвался через 75-й полк, который был на левом фланге, оставил 6 танков, подбитые 1-м батальоном»[52].

Из стенограммы беседы с Сухановым Александром Александровичем, гвардии капитаном, командиром батальона 1073-го полка. Беседу осенью 1942 г. проводил А.А. Бек, стенографировала Уфлянд.

«16/XI немцы возобновили наступление и 17/XI прорвались из Волоколамска на Дубосеково, где стояла 4-я рота 75 полка, и где колонне танков пре-

[49] *Вихрев П.Б.* (1909—1941) — политрук, военный комиссар 6-й роты 2-го батальона 1075-го стрелкового полка. 16 ноября 1941 г. в районе д. Петелино с группой бойцов вел ожесточенный бой против наступающих немецких танков. В ходе боя, оставшись один в живых, чтобы избежать немецкого плена, застрелился. Посмертно Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 марта 1943 г. Вихреву П.Б. было присвоено звание Героя Советского Союза.

[50] На самом деле Вихрев застрелился, не желая сдаваться в плен.

[51] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 28. Д. 35. Д. 18. Л. 3об—4 об.

[52] Там же. Д. 1. Л. 8.

градила путь горстка храбрецов в 28 человек, стойко отражавшая атаку 50-ти немецких танков (Подвиг 28).

К 16/XI положение было таково. 2-й батальон обороняет Ядрово, 3-й батальон вовсе не существует, остатки его влились в 2-й батальон, так как большая часть погибла в боях за Волоколамск и на подступах к городу. 1-й батальон, находясь в резерве дивизии, обороняет ст. Матренино, Горюны, 2-я стрелковая рота находится в районе отметки 231,5.

Немцы в количестве 30 танков в районе Дубосеково прорывают оборону 75 полка и выходят на Ядрово, прямо к лесу по направлению к штабу полка. Мы принимаем короткий, непосильный бой и небольшая группа штабных работников и приштабных подразделений»[53].

А теперь, чтобы проверить достоверность информации, содержащейся в приведенных выше стенограммах бесед с панфиловцами, обратимся к боевым донесениям и оперативным документам 316-й стрелковой дивизии и 16-й армии Западного фронта.

Политдонесение начальника политотдела 316-й стрелковой дивизии батальонного комиссара Галушко[54] начальнику политотдела 16-й армии полковому комиссару Масленову. Село Гусенево 17.11.41 г.

«15.11.41 г. вечером был получен боевой приказ о наступлении частей 316 СД. Все работники политотдела выехали в части, для мобилизации всего личного состава на выполнение боевого приказа.

Во всех частях 316 СД 15.11.41 г. вечером были проведены партийно-комсомольские собрания по ротам с вопросом: задачи коммунистов и комсомольцев в наступлении, провели совещания политработников части с вопросом: о задачах предстоящего наступления, в окопах со всеми бойцами были проведены беседы, всей работой руководили комиссары частей и работники политотдела, выехавшие в части.

Настроение личного состава частей после проведенной работы было исключительно боевое, люди рвались в бой, с нетерпением ждали наступления.

16.11.41 года утром в 8.00 противник раньше нас начал наступление на левом фланге нашей обороны в районе 1075 СП. Несмотря на исключительное мужество и героизм, который был проявлен личным составом 1075 СП, все же задержать наступление пр-ка в этом районе не удалось, противник занял Нелидово, Н. Никольское, вышел на Московское шоссе, занял Ядрово и Рождествено.

Противник наступал в количестве 50—60 танков тяжелых и средних и довольно большое количество пехоты и автоматчиков.

1075 СП в борьбе против такого количества танков имел 2 взвода П.Т.Р. и одну противотанковую пушку. Эффективность действия П.Т.Р. против тяжелых танков пр-ка невысокая, потому что задержать движение танков пр-ка не

[53] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 28. Д. 3. Л. 5.
[54] Политдонесение подписано за Галушко другим лицом — подпись неразборчива.

удалось, также нет сведений о том, какое количество танков пр-ка П.Т.Р. вывел из строя.

1075 СП понес большие потери, 2 роты потеряны полностью, данные о потерях уточняются, сообщим в следующем донесении.

1075 СП дрался до последней возможности, командование полка оставило командный пункт только тогда, когда в расположении командного пункта появились танки пр-ка, атака танков пр-ка на Шишкино была дважды отбита, и наступление пр-ка приостановлено, танки пр-ка 17.11.41г. утром направились на Голубцово. По неуточненным данным в районе 1075 СП подбито не меньше 9 танков пр-ка.

1073 полк в результате наступления оказался разрезанным на две части, 2-й батальон отошел в расположение 690 СП. 1-й батальон остался в районе Горюны.

В ночь с 16 на 17 690 и 1077 СП занимают прежние районы обороны.

Были приняты самые решительные меры к тому, чтобы не допустить беспорядочного отхода и ухода бойцов с позиций, для чего своевременно были выставлены группы заградотряда. И с самого начала беспорядочный отход крцев был приостановлен.

Люди отходили организованно, а отдельные группы, пытавшиеся уйти подальше в тыл, были задержаны заградотрядом и направлены в свои части для занятия обороны»[55].

Если мы сопоставим это политдонесение со статьей Г. Иванова, в которой впервые было сообщено о героических действиях одной из рот полка Капрова, то мы увидим, что, скорее всего, основой для его публикации в газете «Известия» стали сведения, изложенные в этом политдонесении. Совпадают данные о 60 танках противника, 9 из которых были подбиты, и характеристика боя («наши противотанковые подразделения открыли интенсивный огонь», «во взаимодействии с артиллерией начала действовать наша стрелковая рота», «подпустив фашистов на близкое расстояние, красноармейцы забросали их гранатами»).

В Научном архиве ИРИ РАН находятся копии оперативных документов штаба 16-й армии, которые были сделаны сотрудниками архива Министер-

[55] Сегодня это политдонесение (копия из ЦАМО) находится в одной из витрин музея панфиловцев в с. Нелидово. Интересно отметить, что о деятельности упомянутого в источнике заградотряда А.А. Бек так написал в своей книге «Волоколамское шоссе»: «Прошел небольшой отряд в строю — не поймешь, рота или взвод, — с командиром впереди. И опять в беспорядке тянутся отбившиеся от своих подразделений истомленные, вымотанные люди.

Вот кто-то повстречал, узнал однополчанина.

— Николай, ты?! А наши где?

Спрошенный махнул рукой. Жест сказал: пропали!

Я смотрел не отрываясь. Знал, что в нескольких километрах позади, в селе Покровском, развернут заградительный пункт — об этом сообщил мне Панфилов, — где уже останавливают, собирают, приводят в порядок бредущих бойцов <...>» (Бек А.А. Указ. соч. С. 500).

В отличие от других подразделений, 316-я СД выполнила приказ Ставки об организации заградотрядов от 5 сентября 1941 г. 24 сентября 1941 г. заградотряд составлял 300 человек, но к 18 ноября он был сокращен до 150 человек.

ства обороны СССР после их рассекречивания в 1954 году для Института истории АН СССР. Приведем выдержки из некоторых документов.

Из боевого донесения № 22 начальника штаба 316-й стрелковой дивизии в штаб 16-й армии. Положение на 13.00 16 ноября 1941 г.: «1. Пр[отивни] к 8.00 16.11. на левом фланге 316 СД повел наступление Ширяево, Петелино. К 10.00 овладел Нелидово, Петелино. В 11.00 овладел Бол. Никольское. В 11.30 пр[отивни]к оставил 5 танков в Бол. Никольское и роту пехоты, ведет наступление в р-не выс. 251,0 <...> 2. 316 СД в 13.00 16.11. на левом фланге ведет бой <...> 1075 СП — ведет бой на участке отм. 251,0. В 11.30 пр[отивни]к оставил Петелино, направив свои танки на Волоколамск и Ширяево. Авиацией бомбил КП командира полка. Потери и трофеи уточняются <...>».

Затем 16 ноября 1941 г. в 23 часа 16 минут начальнику штаба Западного фронта сообщали из штаба 16-й армии о ходе боя в полосе 316-й дивизии:

«...2) До пехотного полка с 24 танками противник перешел в наступление в стыке 316 СД и Доватора.

В 14.00 отбросили левый фланг 316 СД и вышли рубеж Ядрово, ст. Матренино, высота 231,5, на участке Доватора противник овладел Ширяево, Иванцево. Попытки овладеть Данилково и Сычи — отбиты...».

В 4 часа 25 минут 17 ноября из 16-й армии (командующий К.К. Рокоссовский) в штаб Западного фронта (командующий Г.К. Жуков) была направлена подробная **оперсводка № 50, которая отражала ситуацию к 17 часам 16 ноября.** В ней, в частности, сообщалось:

«1. Части армии в ночь с 15 на 16.11.41. произвели перегруппировку и в 10.00 16.11.41. перешли в общее наступление с задачей уничтожить Волоколамскую группировку противника (106, 25 ПД и 2 ТД) и овладеть рубежом Волоколамск, ст. Волоколамск.

Противник оказывает упорное сопротивление, ведя пулеметно-минометный и арт. огонь по боевым порядкам наступающих частей. Одновременно свыше двух полков пехоты противника с танками перешли в наступление в стык между 316 СД и Кав. группой Доватора <...>

7. 316 СД с 9.00 левофланговым 1075 СП ведет упорный бой.

Противник силою до ПП[56] с танками при поддержке бомбардировочной авиации 9.00 перешел в наступление и к 17.00 овладел рубежом Мыканино, Горюны, Матренино;

Группа автоматчиков прорвалась — Шишкино <...>».

В 1948 г. бывший командир 1075-го полка И.В. Капров так рассказывал следователям прокуратуры об обстоятельствах памятного боя 16 ноября 1941 г.: «С раннего утра 16 ноября немцы сделали большой авиационный налет, а затем сильную артиллерийскую подготовку, особенно сильно поразившую позицию 2-го батальона. Примерно около 11 часов на участке батальона появились мел-

[56] Полка пехоты.

кие группы танков противника. Всего было на участке батальона 10—12 танков противника. Сколько танков шло на участок 4-й роты, я не знаю, вернее, не могу определить. Средствами полка и усилиями 2-го батальона эта танковая атака немцев была отбита. В бою полк уничтожил 5—6 немецких танков, и немцы отошли <...>». И далее: «Около 14.00—15.00 немцы открыли сильный артиллерийский огонь по всем позициям полка, и вновь пошли в атаку немецкие танки. Причем шли они развернутым фронтом, волнами, примерно по 15—20 танков в группе. На участок полка наступало свыше 50 танков, причем главный удар был направлен на позиции 2-го батальона, т.к. этот участок был наиболее доступен танкам противника. В течение примерно 40—45 мин. танки противника смяли расположение 2-го батальона, в том числе и участок 4-й роты, и один танк вышел даже в расположение командного пункта полка и зажег сено и будку, так что я только случайно смог выбраться из блиндажа; меня спасла насыпь железной дороги. Когда я перебрался через железнодорожную насыпь, около меня стали собираться люди, уцелевшие после атаки немецких танков <...>»[57].

Когда писатель А.А. Бек в марте 1942 г. находился в панфиловской дивизии и занимался сбором материалов для своей книги, он просматривал также и подшивку дивизионной газеты «За Родину». Вот какая запись была сделана им 30 марта 1942 г. на основе газетных данных в записной книжке: «В жесточ[айших] боях у села Н[елидово] бойцы и командиры т. Капрова подбили 8 танков»[58].

Позже Бек записал для себя следующее:

«Логвин[енко] признавал героями только мертвых.

(нрзб). «Ах, почему я не погиб?» Это врезалось.

Смерть и жизнь в бою это случайное явл.

До сих пор это блестит и царств., бл[агодаря] нашим редакторам.

Живыми у нас пренебрегают. В 10 раз больше (сделал), чем убитый, тебя не признавали.

Из нагр[аженных] всего 6 чел. жив., 46 мерт. Вся кор[респондентская] и писат[ельская] масса заражена этим политиканством.

Дали герою погибнуть. Погибшему герою прип[исали] то, чего не было. Этим оскорбили боевой коллектив. Дали ему погибнуть.

Боевая артель — выручили. Если герой погиб, печатают, жив — не печатают. Приписывают даже убитым то, что не было.

---

[57] Цит. по: *Катусев А.Ф.* Чужая слава // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 73—74. Впервые фрагменты из следственного дела И.Е. Добробабина, в котором имеются показания бывшего командира 1075-го полка И.В. Капрова, а также военных корреспондентов В. Чернышева, В. Коротеева, литературного секретаря газеты «Красная звезда» А. Кривицкого и редактора этой газеты Д. Ортенберга, которые они давали по этому делу в ходе следствия в 1948 г., были опубликованы в статье сотрудника Главной военной прокуратуры СССР генерал-лейтенанта юстиции А.Ф. Катусева «Чужая слава» (Военно-исторический журнал. 1990. № 8—9).

[58] По всей видимости, это строчка из передовицы или статьи из дивизионной газеты «За Родину» за ноябрь-декабрь 1941 г. См.: XX век. Писатель и война. Архивные материалы Отдела рукописей ИМЛИ РАН. М.: ИМЛИ РАН. 2010. С. 171.

28 брошены на произвол судьбы. По мне 200 чел. Кому это делает честь? Все заражены этим. Оказывает ли это услугу? Оказывает, но медвежью.

Отвага призн[ается] независимо от того живой или мертвый <...>

Если тебя убили — это не твоя заслуга. Это заслуга немца <...>

Награды заслуживает лишь тот, кто выполнил с отличием, независимо ранен, убит.

А смотреть с отличием или без отличия.

Неуравновешенные люди шарахаются из стороны в сторону.

Это писал не я. Писала жизнь. Я сам нахожу там новое <...>»[59].

На наш взгляд, приведенные в этой записи Бека наблюдения и факты в большинстве своем соответствуют тому, о чем рассказывали оставшиеся в живых панфиловцы, когда давали интервью сотрудникам Комиссии по истории Великой Отечественной войны.

А теперь обратимся к статье канадского историка Александра Статиева «Гвардия умирает, но не сдается!». Еще раз о 28 панфиловских героях», которая была опубликована в 2012 г. в американском журнале «Критика»[60]. В ней автор впервые приводит документы 2-й немецкой танковой дивизии, которая вела наступательные бои против 316-й Панфиловской дивизии в ноябре 1941 г.

16 ноября, за два дня до начала генерального наступления, 2-я танковая дивизия 46-го танкового корпуса должна была начать «небольшое наступление» тремя боевыми группами, чтобы обеспечить хорошие позиции для наступления 5-го армейского корпуса. В своем составе 2-я танковая дивизия имела один танковый полк, состоявший из двух батальонов. Предположительно в них имелся почти полный комплект из 90 танков (по 45 танков в батальоне)[61]. Позиции 1075-го стрелкового полка панфиловцев проходили вдоль

---

[59] XX век. Писатель и война. Архивные материалы Отдела рукописей ИМЛИ РАН. М.: ИМЛИ РАН. 2010. С. 201.

Бек А.А. Из записных книжек. Запись сделана 30 марта 1942 г.:

«5 дек.

Семнадцать бесстрашных, опять люди против танков. Из части Логвиненко.

20 дек.

Капровцы

Капитан Манаенко, лейтенанты Какулия и Медведев, политрук Клочков

Артиллеристы Краснова» (Там же. С. 171).

Важно отметить и такой примечательный факт: в дивизионной газете ни в ноябре, ни в декабре 1941 г. не писали о бое 28 панфиловцев у разъезда Дубосеково, в отличие, например, от подвига «17 бесстрашных», о котором было написано в номере за 5 декабря. Впервые о гибели политрука В. Клочкова написал комиссар 1075-го полка Клыков в номере за 20 декабря 1941 г.

[60] См.: *Statiev A.* «La Garde meurt mais ne se rend pas!» Once Again on the 28 Panfilov Heroes / Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History 13, 4 (Fall 2012): 769—798. Перевод с английского Д.Д. Лотаревой.

[61] XX век. Писатель и война. Архивные материалы Отдела рукописей ИМЛИ РАН. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 773. В период между 5 и 8 декабря 1941 г. 2-я танковая дивизия имела на ходу 52 исправных танка, что составляло 60% от комплекта. Это означает, что полный боекомплект должен был насчитывать 90 танков.

фронта в 12 км от Волоколамского шоссе через д. Нелидово и ст. Дубосеково до деревни Ширяево.

16 ноября 1941 г. 1-я боевая группа немцев в составе танкового батальона, пехоты и артиллерийских подразделений должна была пробиться через левый фланг 1075-го стрелкового полка. 2-я боевая группа должна была прорвать центр того же полка, а в задачу 3-й группы входило развитие прорыва первых двух групп[62].

Подробных докладов о боевых действиях за 16 ноября в немецких документах нет, а есть более поздние, но и в них не говорится специально о бое у Дубосеково. По мнению канадского историка, это доказывает, что немецкие командиры не выделяли этот бой среди других. Вот как выглядел бой 16 ноября с точки зрения немецких военных документов. Наступление на позиции панфиловцев началось ранним утром и было для них неожиданным. 2-й боевой группе удалось прорваться через центр 1075-го стрелкового полка в Нелидово в течение часа после начала атаки. Более сильная по сравнению с ней 1-я группа немцев встретилась с ожесточенным сопротивлением севернее Дубосеково — Ширяево (позиции 2-го батальона 1075-го стрелкового полка, в одной из рот которого им противостояли 28 панфиловцев). Однако описание этого боевого эпизода во всех немецких документах ограничивается тремя словами: «ожесточенное сопротивление врага»[63]. Тем не менее, как говорилось в немецких сводках, советское сопротивление было сломлено, и обе боевые группы достигли намеченных рубежей.

По мнению автора статьи, документы 2-й танковой дивизии вермахта показывают, что бой за Дубосеково был «обычным», ничем особо не примечательным[64].

Но в последующие после 16 ноября дни тональность сводок и отношение к противнику заметно меняется. Остатки 1075-го стрелкового полка отступили к Шишкино, получив на усиление 6 танков. На следующий день, 17 ноября, их позиции оказались неприступными, и 1-я боевая группа немцев с 17 танками безуспешно атаковала советские позиции. То же самое произошло с атакой на позиции соседнего 1073-го стрелкового полка, стоявшего насмерть[65]. По мнению канадского историка, немцы были гораздо более впечатлены действиями 316-й стрелковой дивизии Панфилова между 17 и 23 ноября, чем 16 ноября. По подсчетам А. Статиева, к 20 ноября в 1075-м стрелковом полку осталось в строю только около 120 человек[66].

Сопоставляя сведения немецких источников с документами Красной армии и интервью с панфиловцами, можно получить более подробную картину боя 16 ноября на левом фланге обороны 1075-го полка. Часть немецких танков вышла из деревни Морозово и направилась в сторону Ширяева. Получив отпор, они вынуждены были повернуть в сторону Дубосеково, на позиции 4-й

[62] XX век. Писатель и война. Архивные материалы Отдела рукописей ИМЛИ РАН. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 775.
[63] Там же. С. 776.
[64] Там же. С. 777.
[65] Там же.
[66] Там же. С. 779.

роты. Сюда же устремилась и еще часть немецких танков из 1-й боевой группы со стороны деревень Красиково и Жданово. В районе Ширяево — Дубосеково атакующие немецкие танки 2-й танковой дивизии встретили ожесточенное сопротивление со стороны 4-й и 5-й рот 1075-го стрелкового полка. Тем не менее, и здесь оборона 1075-го стрелкового полка в тот день была прорвана.

Героизм, который проявили 16—17 ноября и в последующие дни все полки 316-й стрелковой дивизии Панфилова, подтверждают все источники. Наряду с подвигом 28 панфиловцев у разъезда Дубосеково в стенограммах рассказывается о многих случаях героизма, достойных памяти потомков. Например, о подвиге 17 бойцов 2-го батальона 1073 сп во главе с лейтенантом Угрюмовым и политруком Георгиевым, которые ценой собственной жизни остановили продвижение немецких танков в районе д. Мыканино. Это позволило остальным подразделениям оторваться от противника. Или о подвиге 11 саперов из 1077-го стрелкового полка дивизии Панфилова в районе села Строково.

Из стенограммы беседы с Ветковым Андреем Акимовичем, гвардии майором, начальником штаба 1075-го стрелкового полка. Запись беседы сделана 4 января 1947 г. в г. Алма-Ате.

«Этот день 16 ноября мы вообще считаем днем, когда дивизия утвердила свои традиции, свою боевую славу. Кроме этих двадцати восьми, был подвиг семнадцати саперов, подвиг одиннадцати.

В этот день все три полка дивизии, в том числе и артиллерийский полк, проводили бои, и, несмотря на то, что нам пришлось с этого рубежа отойти, однако надо считать, что это был один из знаменательных дней для нашей дивизии <....>»[67].

Вот как вспоминали о подвиге семнадцати в селе Мыканино[68].

Из стенограммы беседы с Логвиненко Петром Васильевичем, гвардии подполковником, комиссаром 1073-го полка, позднее начальником политотдела 8-й гвардейской дивизии. Запись беседы сделана 26—27 декабря 1946 г. в г. Алма-Ате.

«О дивизии судили по подвигу 28 героев.

---

[67] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 28. Д. 35. Л. 3.

[68] Интересно отметить, что подвиг «17 бесстрашных» нашел свое отражение и в книге А.А. Бека «Волоколамское шоссе». В четвертой повести в главе «Секрет чистого бритья» лейтенант Угрюмов, командир отряда истребителей танков, по распоряжению генерала Панфилова направлен в Ядрово к майору Юрасову. Вечером 17 ноября, находясь в штабе у Панфилова в деревне Шишкино, Момыш-Улы узнает о гибели Угрюмова и его отряда.

«— Помните, товарищ Момыш-Улы, лейтенанта Угрюмова?

Я кратко ответил:

— Да <...>

— Погиб... А политрука Георгиева знавали? Тоже погиб. Почти весь этот маленький отрядец сложил головы. Но не пропустил танков. Девять машин подорвали, остальные ушли» (Бек А.А. Указ. соч. С. 487). Вместе с тем следует отметить тот немаловажный факт, что ни разу в книге «Волоколамское шоссе» писатель не упоминает о бое 28 панфиловцев у разъезда Дубосеково, уничтоживших 18 немецких танков.

Я опубликовал статью в «Красной звезде»[69] и доказал, что дело не только в 28.

Тот эпизод, к которому мы подходим, и есть показатель, что в дивизии не было подразделения, которое бы чем-то не отличилось по своему мужеству и стойкости. В одинаковой степени стойко все дрались...

28 героев вели бой в Дубосеково. Тут фактически не 28, а вели бой 3 роты, из которых выделились 28.

В районе села Мыканино действовала группа истребителей танков во главе с политруком Георгиевым. Был придан этой группе командир взвода Горюнов[70]. Здесь произошел этот эпизод <...>.

Когда сосредоточились в районе Мыканино, снова начался бой. В этом районе группа истребителей во главе с Георгиевым, Горюновым вступила в бой с танками. Тут тоже было много танков, и они часть подбили. Во всяком случае, остановили танки. Танки нас не преследовали.

Когда эту группу инструктировали, а мне лично пришлось ее инструктировать, им было сказано, что они должны держать район моста, умереть, но танков не пропустить через мост.

Перед тем, как эта группа в 17 человек была выстроена в лесу, им был отдан приказ держать бой, переданы все гранаты, которые у нас имелись.

Когда мы с ними закончили беседу, они подтвердили, что умрут, но с поля боя не уйдут.

Я имел такую привычку: я всегда с бойцами целовался, провожая их в бой. Я с ними попрощался, потом выступает Георгиев и говорит:

— Товарищ комиссар, разрешите передать вам партбилет. Может быть, я там погибну. Я бы хотел, чтобы мой партбилет никто не топтал.

Я этот партбилет взял, подержал в руках, посмотрел, развернул, потом показал бойцам, потом взял билет и говорю:

— Вот, товарищи, большевистский документ. Брать у вас его не буду. Идите с ним вместе и защищайте родину.

Вручил ему этот партбилет, и они отправились, а через два часа истребитель Карпов мне этот партбилет приносит. Я его сохранил. Долго я его в дивизии держал. Всем, кто от меня получал партбилет, я его показывал.

У меня был партбилет Панфилова и этот партбилет Георгиева и партбилет Никулина. Эти три партийных документа вместе лежали на столе, когда я вручал партийные документы. Кроме того, лежала медаль, старая гвардейская медаль. Мы ее нашли под землей, два метра в земле, когда траншею копали, первая русская гвардейская медаль, выданная гвардейской части в день столетия со дня сформирования первой гвардейской русской части.

Эти четыре реликвии дивизии всегда находились при мне. Я их показывал бойцам, проводил беседы вокруг них.

---

[69] См.: статья П.В. Логвиненко «Традиции 28 героев (Из дневника политработника)», опубликована в газете «Красная звезда» от 27 августа 1942 г.

[70] Правильно — Угрюмов.

Когда я вручал партийные документы, каждый брал в руки, записывал номер, особенно партбилета Панфилова. Это были священные реликвии в дивизии, в них чтили память погибших героев.

Когда группа истребителей вела бой, причем очень долго вела бой, Георгиев бросил несколько гранат, подорвал два танка. Потом уже не было противотанковых гранат. Он взял связку пехотных гранат, 4 штуки, на близкое расстояние подполз к танку, хотел бросить. Когда встал, ему прямо в грудь выстрелили.

Товарищам я сказал: если он погибнет, билет должны вернуть. Они принесли мне его планшет с билетом.

Утром, когда эта группа истребителей танков почти вся погибла и когда уже держаться дальше нельзя было, я по телефону связался с генералом. Он дал приказ: «Если нет возможности, то перейдите на другой рубеж, снова соберите людей и держитесь».

Мы фактически находились в окружении утром, прорвались в лесу, в одном месте между деревьями, вышли и заняли позицию в другом районе»[71].

Из стенограммы беседы с Мельниковым Леонидом Евгеньевичем, одним из участников подвига 17, который остался в живых. В 1942 г. — комендант штаба 1073-го полка. Запись беседы сделана 6 октября 1942 г. А.А. Беком, стенографировала Уфлянд.

«Комиссар Логвиненко приказал нашей разведке и истребительному отряду пойти в с. Мыканино разведать точно силы противника: сколько танков, сколько живой силы.

Нами было обнаружено около десяти немецких танков и больше батальона немцев.

В 4 часа утра 17/X[72] был приказ командира и комиссара полка занять оборону под Мыканино, а в 5 час. утра противник перешел в наступление.

Наш истребительный отряд залег в овраге, по дороге на мост, к которому двигались немецкие танки. Они двигались по бугру из Мыканино к мосту, на поляну, стараясь пройти во внутрь нашей обороны.

Танки продвигались к мосту и тут были встречены истребительным нашим отрядом, который залег в овраге.

Первый танк был подбит нашей гранатой, вслед за ним подбит и второй танк.

Группа немецких автоматчиков, которая двигалась за танками, была уничтожена преимущественно из моего автомата. Их было около 70 человек.

В это время из нашего строя выбыл командир истребительного отряда Угрюмов (убит), помкомвзвода Кравченко, командир отделения Миндубаев, ком. отделения Гороненко ранены и еще 13 бойцов были убиты. В разгар боя нас оставалось только три человека — комиссар истребит. отряда Георгиев, боец Галиев и я (Мельников). Георгиев приказал — с поста не уходить — таков приказ Сталина.

---

[71] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 28. Д. 26. Л. 17 об, 18—20.

[72] Так в документе.

Мы собрали гранаты с убитых товарищей и приняли бой с 12 танками, которые направлялись мимо нас к мосту.

За это время мы продвинулись ближе к бугру, повыше. Комиссар приказал взять в руки по гранате и одним броском попасть под танк.

В ту минуту, когда мы приготовились бросить гранаты под танки, встав на колени, прямой наводкой с немецкого танка убило комиссара. Мы остались вдвоем с Галиевым.

Нам удалось подбить еще два танка, бутылкой зажгли еще один, а остальные повернули назад.

Я дал Галиеву приказание — расследовать путь нашего отступления. Он пришел и доложил, что есть выход овражком через речку в нашу часть. Я сидел и наблюдал за отходящими танками.

Тем временем я собрал партийные и другие документы Угрюмова и Георгиева и вместе с Галиевым отошли по оврагу, нашли свою часть. На моем «счету» было три подбитых танка и два совместных.

В историю полка этот случай вошел под названием «подвиг семнадцати».

Я доложил комиссару, что проделано нашим истребительным отрядом, доложил и о понесенных потерях и вручил комиссару документы погибших партийцев.

Комиссар Логвиненко обнял меня, поцеловал. Он сказал:

— Молодец! Задача выполнена честно.

После этого боя меня комиссар назначил своим связным для выполнения заданий комиссара»[73].

Из стенограммы беседы с Амбаловым Петром Михайловичем, гвардии капитаном, комиссаром батальона 1073-го полка. Беседу осенью 1942 г. проводил Бек А.А., стенографировала Уфлянд.

«Немцы прорвали левый фланг, где стоял 75 полк, и в окружную вышел с 34 танками на командный пункт полка, обогнув Ядрово, а другая колонна танков прорвалась к Ядрово <...>.

И тут появились 17 бесстрашных истребителей танков. Логвиненко ставит задачу: прикрыть дорогу, чтобы танки не прошли. У бойцов были противотанковые гранаты и винтовки. И когда танки появились на дороге, бойцы изничтожили много танков, и почти все погибли. Оставшиеся танки бросились в бегство. Комиссар истребительного отряда, политрук Георгиев, командир истребительного отряда Угрюмов погибли геройской смертью. Погибли геройской смертью, но танки противника в район Матренино[74] не прошли»[75].

Из стенограммы беседы с Сухановым Александром Александровичем, гвардии капитаном, командиром батальона 1073-го полка. Беседу осенью 1942 г. проводил Бек А.А., стенографировала Уфлянд.

[73] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 28. Д. 6. Л. 3—5.
[74] Правильно — Мыканино.
[75] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 28. Д. 5. Л. 8 об—9.

«17/XI идут упорные бои в разных местах, отдельные группы геройски дерутся. В частности, на этом участке вели бой «17 бесстрашных», так они названы в «Истории» нашего полка. Эти семнадцать во главе с лейтенантом Угрюмовым и политруком Георгиевым ведут отчаянный бой в Мыканино, бой против 20 танков противника. Подбив 4 танка, они задержали дальнейшее продвижение танков, и тем самым дали возможность 2-му батальону и 690 полку (этот полк другой части, находившийся с нами по соседству) выйти на соединение со своими частями. Из 17 героев остались двое живых. Остальные геройски погибли»[76].

Из стенограммы беседы с Трефиловым Александром Степановичем, гвардии капитаном 1073-го полка. Беседу осенью 1942 г. проводил Бек А.А., стенографировала Уфлянд.

«В тот момент, когда я дал несколько позывных выстрелов, стоя на взгорбке, в это время происходил бой с танками. 17 бесстрашных героев сдерживали натиск 14 танков в селе Мыканино, одним из 17 и был наш Мельников, комендант нашего полка теперь...

...Танки двигались на Шишкино. Их было 14. Надо было задержать их во что бы то ни стало. И комиссар полка тов. Логвиненко дал приказ:

— Задержать танки во что бы то ни стало! — Этот приказ он передал комиссару истребительного батальона Георгиеву.

Тогда Георгиев вместе с 16 бойцами-истребителями танков заявил:

— Танки не пройдут!..

И танки не прошли.

Танки двумя волнами кидались на горсточку храбрецов. Но храбрецы подорвали 4 танка, уничтожили до 40 автоматчиков. И тогда остальные танки повернули обратно.

Немцы, видя, что смельчаков не взять танками, открыли шквальный огонь из пулеметов и орудий. Но дело было сделано. Танки не прошли.

690 полк и наш 1073 к этому времени вышли из окружения. Смельчаки задержали танки и не дали возможности танкам перерезать дорогу, создав, таким образом, нашим полкам возможность выйти из окружения.

Из 17 смельчаков раненых оказалось трое, один остался жив. Остальные погибли. Комиссар Георгиев был убит снарядом в грудь в тот момент, когда он приготовился бросить под танк гранату. Также погиб командир отряда лейтенант Угрюмов»[77].

Из стенограммы беседы с Мухамедьяровым Ахмеджаном Латыповичем, гвардии подполковником, комиссаром 1075-го полка. Запись беседы сделана 17 октября 1944 г. на станции Перхушково.

«Был случай на другом участке. По самому Волоколамскому шоссе стояла рота тогда 273 с.п.[78] На эту роту немцы повели наступление с танками. Немцы хотели во что бы то ни стало прорвать нашу оборону на этом участке расположения этой

[76] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 28. Д. 3. Л. 8.
[77] Там же. Д. 1. Л. 11—12.
[78] До присвоения гвардейского звания — 1075-й стрелковый полк.

роты. Рота во главе с политруком решила обороняться, не пропускать немцев. Рота отбивала атаки противника. Дело дошло до того, что осталось 17 человек <...>»[79].

А вот как панфиловцы рассказывали о подвиге одиннадцати саперов в селе Строково.

Из стенограммы беседы с Логвиненко Петром Васильевичем, гвардии подполковником, комиссаром 1073-го полка, позднее начальником политотдела 8-й гвардейской дивизии. Запись беседы сделана 26—27 декабря 1946 г. в г. Алма-Ате.

«В это время в 1077-м полку тоже шел бой с танками. Все это в один и тот же день. Бой шел день и ночь, фактически сутки. Командир полка Шехтман, комиссар Мухамедяров[80].

Что произошло в этом бою, мы узнали только через год, потому что люди, которые дрались с танками, все погибли, и никто из них не вернулся.

Оказывается, в районе Строково был оставлен заслон из 11 саперов во главе с политруком Павловым и командиром взвода[81]...

Через год произошло следующее. По этому пути двигалась бригада наших войск. Весна, начал оттаивать снег. В одном окопе всплыли наверх трупы. Там стояла[82]. Они открыли блиндаж и обнаружили 10 трупов. Они начали расспрашивать население, кто был здесь. Они сказали, что была 316-я дивизия. Население сохранило документы Павлова. Рассказывали, что они вели бой с танками, несколько танков подбили. Подбитые танки не могли дальше двигаться. Вся группа была уничтожена. Командир взвода был ранен и попал раненый в руки немцев. Они бросили его под танк и на глазах у населения растоптали его. Население собрало все трупы и спрятало в траншее. Все 11 саперов посмертно награждены орденом Ленина.

В дивизионной газете есть описание и фамилии колхозников, которые об этом знали и сохранили документы политрука Павлова. В селе Строково до сих пор есть колхозники, которые этот эпизод знают»[83].

Из стенограммы беседы с Курганowым Леонидом Николаевичем, гвардии майором. В июле-декабре 1941 г. секретарь партбюро 1077-го (30-го) полка, с января по июль 1942 г. комиссар этого же полка, с июля 1942 г. по июль 1943 г. секретарь парткомиссии 8-й гвардейской дивизии. Запись беседы сделана 20 декабря 1946 г. в г. Алма-Ате.

«Возьмем в 30 полку[84] группу саперов из 11 человек во главе с коммунистом Криворучко, командиром роты, командиром взвода Фирсовым[85]. Эта группа в тот же день, когда 28 героев защищали один из рубежей под Москвой, не установлено точно, сколько на них напало танков, но совершенно очевидно, что это было несколько десятков танков. Все эти 11 саперов, до единого, погибли, проявив исключительный героизм и мужество.

---

[79] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 28. Д. 18. Л. 4 об—5.
[80] На самом деле Мухамедьяров А.Л. был комиссаром 1075-го полка.
[81] Фамилия командира взвода в тексте не приведена.
[82] Так в тексте.
[83] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 28. Д. 26. Л. 20—20 об.
[84] До присвоения гвардейского звания — 1077-й стрелковый полк.
[85] Правильно — Фирстов Петр Иванович.

Коммунист Фирсов, возглавлявший эту группу, был тяжело ранен. Немцы вытащили его раненого на дорогу, и потом десяток танков прошел через него.

Мы установили это на Северо-западном фронте из частного письма односельчанина этой деревни, которую эти 11 саперов защищали. Он видел это и написал сперва в Западный фронт Жукову и Булганину, а Жуков и Булганин переслали это письмо нам. Нашли обрывок газеты, подписанной редактором Павлом Кузнецовым, и по этому обрывку газеты установили, что речь идет об этих 11-ти.

Я хочу сказать, что этот подвиг 11 героев, — им, правда, не было присвоено звание героев, но они были награждены посмертно орденом Ленина, — этот подвиг видел житель этой деревни. Он писал, что Фирсов был втащен еще живым под танк, и через него проходили десятки танков в виде мести»[86].

Из стенограммы беседы с Мухамедьяровым Ахмеджаном Латыповичем, гвардии подполковником, комиссаром 1075-го полка. Запись беседы сделана 17 октября 1944 г. на станции Перхушково.

«Еще пример. На самом правом фланге нашего 277 полка, правее Волоколамска, проявили героизм 10 бойцов и 11-й политрук. Обороняли одну дорогу, выходящую на Волоколамское шоссе. Там небольшой мостик был. Им было приказано оборонять этот мост и ни в коем случае не пропускать ни одного танка, ни одного немца, в случае чего взорвать мост, а самим драться до последнего человека.

Эти десять человек во главе с политруком приняли бой. Туда направились танки в сопровождении пехоты. Пехоту они отбили от танков. Танки пропустили через себя, сами остались в траншеях. Отбили атаку пехоты противника. Несколько раз немцы пытались атаковать, обойти, уничтожить или захватить эту группу. Они дрались до последнего. Теряли убитыми, ранеными, но противника не пропускали. Танки, видя, что пехота не двигается за ними, направились обратно. В то время, когда танки стали уходить обратно, они подорвали несколько танков. После этого немцы опять предприняли атаку. Этот бой продолжался несколько часов. Эти одиннадцать панфиловцев-гвардейцев дрались до последнего человека, последним погиб сам политрук. Трупы остались на дороге около этого моста.

Потом нам рассказывали живые свидетели из местного населения, что действительно мост был взорван, и танки не могли проходить по этому мосту. Когда до одного человека их перебили, немцы подошли. Несколько человек тяжелораненых лежали без сознания, их они добили и трупы панфиловцев положили на мост. Эти трупы заменяли бревна, через них они ездили и проходили[87].

Это было на другой день после проявления героизма двадцати восьми. Местное население рассказывало, что всех они вынесли и похоронили в братской могиле.

---

[86] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 28. Д. 23. Л. 3.

[87] Здесь явное преувеличение.

Все одиннадцать сапер были представлены к правительственной награде. Все они посмертно награждены орденом Ленина»[88].

Стенограммы интервью с панфиловцами показывают, что именно эти дни — 16—17—18 ноября — стали днями массового героизма всей 316-й стрелковой дивизии, всех ее полков. Довольно подробно в стенограммах бесед с панфиловцами отражены бои в районы д. Горюны и станции Матренино, где, удерживая Волоколамское шоссе, оборону держал 1-й батальон 1073-го стрелкового полка под командованием Баурджана Момыш-Улы. Батальон составлял резерв Панфилова и должен был в этом укрепленном районе встретить прорывавшегося противника.

Из стенограммы беседы с Толстуновым Федором Дмитриевичем[89], 1912 г.р., в период боев под Москвой — батальонный комиссар, инструктор пропаганды 1073-го стрелкового полка. Беседу проводили 30 октября 1944 г. в Москве на общевойсковом факультете ВВВПК сотрудники комиссии Е.М. Грицевская и О.А. Рослякова.

«14 октября[90] Панфилов взял к себе в резерв 1-й батальон нашего полка и направил его несколько в тыл по этому шоссе, приказал занять оборону в д. Горюны на шоссе Москва—Волоколамск. Заняли оборону в д. Горюны и станция Матренино. <...>

Немец сделал прорыв на левом фланге, сбил 50-ю дивизию[91] и 16 октября[92] стал подходить в район д. Матренино—Горюново. 17 октября[93] подошли туда три немецких танка. Открыли по нашей 1-й стрелковой роте огонь. Рота огонь не открывала, залегла в окопах. Немцы считали, что рота уничтожена. Танкисты вышли из танков, хотели разминировать мостик, который был нами заминирован. Когда они вышли из танков, рота открыла огонь. Часть танкистов была убита, часть разбежалась. Танки остались, и осталась одна легковая машина. Здесь взяли много секретных документов. <...>

Примерно часа в три батальон немцев напал на нашу 1-ю роту, выбил роту с обороны. Рота отошла на опушку леса. После чего командир роты лейтенант Филимонов[94] привел роту в порядок и с криком «ура» бросился в штыковую атаку на немцев.

---

[88] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 28. Д. 18. Л. 4 об—5. Вот имена этих героев: младший лейтенант Петр Иванович Фирстов, младший политрук Алексей Михайлович Павлов, старший сержант Александр Николаевич Зубков, сержант Даниил Константинович Матеркин, красноармейцы Петр Петрович Гениевский, Ерофей Антонович Довжук, Прокофий Григорьевич Калюжный, Василий Иванович Маношин, Василий Иванович Семенов, Павел Иосифович Синеговский, Глеб Владимирович Ульченко. См.: Язов Д.Т. Панфиловцы в боях за Родину. М.: ОАО «Издательский дом «Красная звезда», 2011. С. 100.

[89] Толстунов Ф.Д. — один из героев книги А.А. Бека «Волоколамское шоссе».

[90] Правильно — ноября.

[91] Имеется в виду 50-я кавалерийская дивизия И.А. Плиева из кавалерийской группы (с 20 ноября 1941 г.— кавкорпуса) генерал-майора Л.М. Доватора.

[92] Правильно — ноября.

[93] Правильно — ноября.

[94] Лейтенант Ефим Филимонов — один из главных персонажей книги А.А. Бека «Волоколамское шоссе». Подробно бой 1-й роты лейтенанта Филимонова 17 ноября 1941 г. в районе станции Матренино, когда был разгромлен немецкий батальон, описан Беком в 4-й повести, в главе «Так ловят хищных птиц».

Рота эта держала оборону в районе станции Матренино. Немцев отогнали метров на четыреста. Много немцев в этом бою было уничтожено. Одного немецкого офицера взяли в плен. Взяли трофеи и заняли оборону. Ночь находились там. <...>

К утру следующего дня в район Горюнова стали входить немецкие танки. Завязался очень жаркий бой. Немецкие танки подошли вплотную к КП батальона. Открыли огонь. Мы, как полагается, организованно отошли, кто как смог на опушку леса.

Здесь особенно героически проявил себя пулеметчик Блоха[95]. Он установил пулемет на сани и с места на место переезжал. Этим самым он прикрыл отход 3-й и 2-й ротам, которые отошли в район Матренино. К вечеру отошли <...>»[96].

Из стенограммы беседы с Сухановым Александром Александровичем, 1904 г.р., капитаном, комбатом 1073-го стрелкового полка (на момент первых боев — первый помощник начальника штаба 1073-го полка). Беседу осенью 1942 г. в расположении части проводит А.А. Бек, стенографирует Уфлянд.

«...17/XI идут упорные бои, в разных местах отдельные группы геройски дерутся. <...> На другом участке в этот же день, в районе отметки 231,5 80 человек 2-й стрелковой роты во главе с лейтенантом Краевым были окружены 400 немцев с 8-ю танками. Они пошли в контратаку, выбили до 200 немцев, подбили 3 танка, захватили три станковых пулемета, 1 легковую машину — тогда остальные немцы убежали. Это был замечательный бой. Без противотанковых средств разорвали кольцо и отбили атаку немцев[97].

---

[95] Сравним у А.А. Бека:

«Занялся следующий день, девятнадцатое ноября. Последний день обороны Горюнов <...>.

С разных опушек лезут танки и пехота. Ведем огневой бой. Немецкие снаряды выводят из строя одно за другим наши орудия. Ездовой Гаркуша придумал: поставить пулемет на розвальни, запрячь маштачка и стрелять с саней, перебрасывая эту огневую точку из конца в конец деревни <...>.

Толстунов с силой пригибает меня к взрыхленному, перемешанному с глиной снегу, тащит за руку в укрытие.

...Сотоварищ погибших пулеметчиков, командир расчета Блоха ранен, осколок чиркнул по шее. Блоха не оставил розвальней — своего летучего пулеметного гнезда.

Вот несутся эти сани. Рядом с Блохой, странно сбычившим голову, сидит на соломе у пулемета разгоряченный азартом, страстью боя Бозжанов. Вожжи держит тоже отнюдь не приунывший, подгоняющий коня кнутом и сочными ругательствами озорной Гаркуша.

Уже в середине дня этот пулемет остался у меня единственным» (*Бек А.А.* Указ. соч. С. 518—519).

О пулеметчике Блохе можно узнать из интервью с П.В. Логвиненко: «Блоха был очень недисциплинированным бойцом. Момыш-Улы одно время пытался его расстрелять, но потом все-таки, по моему приказу, расстрел ему отменили и несколько раз его испытывали на отдельных поручениях с такой установкой, что он умрет или оправдает себя. Просто на гибель посылали. Надо было раненого вытащить из-под носа немцев или труп какой-нибудь. Туда его посылали. Испытывали все, воспитывали, добивались, чтобы у него появилось бесстрашие. И он всегда выдерживал. Тут деваться некуда было. После этого ему поручили этот станковый пулемет, и он оказался лучшим пулеметчиком. После этого никто не мог заикнуться, что он трус» (НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 28. Д. 26. Л. 25 об—26).

[96] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 28. Д. 8-б. Л. 3—3 об.

[97] Подробно бой 17 ноября 1941 г. 2-й роты лейтенанта Краева (в книге — лейтенант Заев), в ходе которого было уничтожено свыше 100 гитлеровцев и захвачено 3 танка противника, описан А.А. Беком в 4-й повести в главе «Так ловят хищных птиц».

В другом месте, в районе ст. Матренино, 600 немцев и 6 танков повели наступление на 1-ую стрелковую роту. 120 человек под командованием лейтенанта Филимонова были окружены. Они продемонстрировали бегство. Немцы захватывают пос. Матренино, тогда Филимонов со своими храбрецами идут в контратаку, выбивают около 300 немцев и занимают село. Потом по приказу командования планомерно отходят.

В этот же день 20 человек под командой Исламкулова (мл. лейтенанта) вели упорный бой между Ядрово и Матренино[98]. Когда рота Филимонова стала отходить по приказу, то отход прикрывала группа в 16 человек, которая во главе с Филимоновым и Толстуновым Ф.Д. вела 3 часа бой, сдерживая натиск немецкого батальона, давая роте возможность занять новый рубеж обороны <...>»[99].

Из стенограммы беседы с Семерниным Трофимом Никитовичем, 1912 г.р., красноармейцем 2-й роты 1-го батальона 1073-го стрелкового полка. Беседу осенью 1942 г. в расположении части проводит А.А. Бек, стенографирует Уфлянд.

«...Однажды мы держали оборону в Горюнах, на ж.д. по дороге к ст. Матренино. Оборону занимали 1-я и 2-я роты.

На 1-ю роту наступало до роты немецких автоматчиков. И наша первая рота пошла в атаку, убила 28 фашистов, одного офицера и захватила много трофеев: пулеметов, наганов, автоматов и одного раненого офицера.

Атака была отбита.

На 2-ю роту из дер. Дмитриева шли 4 танка. Мы подбили один танк, отбили одну легковую машину и забрали пушку и много других трофеев. Отбили мы также и пехоту, которая двигалась за танками. <...>

В Горюнах был штаб батальона. На другой день на 1-й батальон ворвались танки и пехота. Бой длился два часа, и они нас выбили и загнали в лес. Окружили.

Из окружения нас опять выводит Момыш-Улы. Он послал один 2-й взвод Бурнаевского перерезать дорогу. Им удалось перерезать дорогу, забрать ма-

---

[98] Исламкулов — один из героев книги А.А. Бека «Волоколамское шоссе». Сравним с документом описание у Бека боя 17 ноября 1941 г. небольшой группы в количестве 20 бойцов во главе с Исламкуловым с прорвавшейся немецкой пехотой:

«Близ полудня Исламкулов, рота которого занимала отрезок переднего края у села Ядрово, был вызван в штаб батальона. Захватив связного, взяв полуавтомат, он пошел кружной лесной тропинкой. Она вывела к прогалине, где расположились походные кухни. Под гром пальбы кашевары в засаленных передниках и колпаках занимались своим делом, наряженные на кухню бойцы заготовляли дрова, чистили картошку. И вдруг, когда Исламкулов совсем было миновал кухни, лесом, с тыла, к прогалине вышла немецкая пехота <...>

— Ко мне! Слушай мою команду!

Стоя во весь рост, он первым стал стрелять. Здесь же случайно оказался и лейтенант-штабник Гуреев. Он сразу отдал себя в распоряжение нерастерявшегося строевого командира. Наряд бойцов, связной, повара прибились к Исламкулову. Под команду, залпами, они стреляли, перезаряжали винтовки и снова стреляли. Исламкулов занял место на одном фланге, Гуреев — на другом. Не позволили врагу подойти. Остановили, принудили залечь» (*Бек А.А.* Указ. соч. С. 503).

[99] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 28. Д. 3. Л. 7—8.

шину и убить офицера и шофера. Через эту дорогу нас и вывел Момыш-Улы. <...>»[100].

Уже после окончания войны, вспоминая эти дни, когда в ходе оборонительных боев панфиловцы показали образцы мужества, героизма и самопожертвования, Баурджан Момыш-Улы написал в одной из своих книг следующее:

«17 ноября стало днем наиболее яркого проявления массового героизма солдатами и офицерами нашей дивизии. Справедливо называют подвиг 28-ми образцом героизма, но в тот день это было не единичным случаем. В этот же день на участке 1077-го полка, в районе деревни Строково 11 саперов ведут борьбу с 20 танками противника и героически погибают. В этот же день в районе деревни Мыканино 17 бесстрашных под командованием лейтенанта Угрюмова и политрука Георгиева ведут гранатный бой против 25 танков. Из 17 человек уцелело только двое, и они подбили восемь танков. Немцы вынуждены были повернуть назад. В районе деревни Ядрово, в тылу 2-го батальона 1073-го стрелкового полка младший лейтенант Исламкулов Мухаметкул и лейтенант Огуреев, случайно очутившись в тылу с 20 стрелками, отражают атаку батальона немецких автоматчиков. В этот же день в районе Дубосеково против 50 танков ведут борьбу под командованием Клочкова 28 бойцов 4-й роты старшего лейтенанта Гундиловича 1075-го полка полковника Капрова (Гундилович впоследствии погиб в чине майора). В этот же день массовый героизм проявили 80 стрелков командира Семена Краева, политрука Ахтана Хасанова, на станции Матренино 120 стрелков под командованием лейтенанта Филимонова Ефима Ефимовича и 90 стрелков под командованием лейтенанта Танкова в деревне Горюны на Волоколамском шоссе. Вот сколько случаев имели место 17 ноября 1941 года, а не только подвиг 28-ми. Если мужество каких-либо групп, подразделений или отдельных бойцов осталось неотмеченным, то это не делает чести командиру, руководству, значит, они не до конца выполнили свой долг. Было бы совершенно несправедливо и неумно, если бы мы успех всех героев целиком и полностью считали заслугой 28. Они были и есть — 28, и я до земли преклоняюсь перед их мужеством. Считаю его образцом массового героизма, но когда говорят, что они были единичны, это уже не делает чести дивизии <...>»[101].

Как видим, героизм в эти ноябрьские дни 1941 г. был массовым явлением.

---

[100] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 28. Д. 2. Л. 3—5, 7. Сравним у А.А. Бека:

«Вот и еще одна колонна. Огонь! Трах, трах... Грузовики вихрем унеслись. Идет легковая штабная машина. Водитель, ошеломленный внезапной пальбой, тормозит. На шоссе выскакивает офицер и тут же валится, скошенный пулями. Шофер тоже застрелен.

Командую:

— Вперед!

Все кидаются через дорогу. Запряжки рысью обгоняют бойцов. Мчусь к легковой машине. На запястье только что рухнувшего офицера виден след ремешка ручных часов. Кто-то их уже снял. Обнаруживаю в машине радиоаппарат и портфель с документами. Берем это с собой.

Перевалив через шоссе, снова скрываемся в лесу. Снова идем строем» (*Бек А.А.* Указ. соч. С. 522).

[101] См.: *Баурджан Момыш-Улы*. Психология войны: книга-хроника. Алма-Ата, 1990.

Из стенограммы беседы с Поцелуевым-Снегиным Дмитрием Федоровичем, гвардии майором. Сначала командир батареи, командир дивизиона, позднее начальник штаба артиллерийского полка, начальник штаба артиллерии дивизии. Запись беседы сделана 20 декабря 1946 г. в г. Алма-Ате.

«...За все бои, которые длились непрерывно около 40 дней, мы ни разу не видели наших самолетов. Раза два промелькнула, как сумасшедшая, наша дальняя авиация. Танков наших мы не видели, за исключением 4-х танков в районе Голубцова. Но их сразу подбили, они загорелись...

Что самое страшное: мы проклинали ясную погоду под Москвой, мы ненавидели ясную погоду. Но здесь[102] и пурга, и метель, а они все равно летают и бьют, и бьют».

«Обстановка была такая, когда в пехотном полку оставалось по 70 человек. А то никогда не забуду эпизод, как я искал себе наблюдательный пункт на одной из дач. Вышел, смотрю: лежит казах с энергичным лицом, с воспаленными глазами и по телефону кричит: «Я все сделаю. Со мной вместе 71 человек». Это был старший лейтенант Момыш-Улы. Командир его полка был ранен, и он был легко ранен в позвоночник, но командовал полком. Такая была обстановка»[103].

В отличие от многих современных российских исследователей, которые стараются умалить подвиг советских солдат и командиров в битве под Москвой, западногерманские историки признали бесспорным тот факт, что на подступах к Москве солдаты вермахта столкнулись с героическим сопротивлением советских войск. Вернер Хаупт в книге «Битва за Москву. Первое решающее сражение Второй мировой. 1941—1942» пишет:

«Здесь немцы столкнулись с фанатичным сопротивлением новых сибирских дивизий, которые не желали сделать ни шагу назад. Русские не испугались танков с крестами на башнях, атаковали их средствами ближнего боя и освобождали дорогу только мертвыми. Здесь на Волоколамском шоссе в районе Бородина — на поле сражения, где 130 годами раньше встретился со своей судьбой император Наполеон, 32-я сибирская и 316-я стрелковая дивизии Красной армии стояли насмерть, до последнего солдата»[104].

И еще: «Так же как и 44-я кавалерийская дивизия в районе Мусина, на всем протяжении Московского фронта русские войска стояли насмерть, не щадя своей жизни. Многие дивизии после сражения прекратили свое существование, погибли все офицеры и комиссары. Нередко из боя возвращались единицы — всего 350 солдат осталось от 316-й стрелковой дивизии и 58-й танковой бригады. С фанатичным сопротивлением столкнулись все немецкие дивизии и боевые группы, которые 16 ноября начали наступление на Москву»[105].

---

[102] В оборонительных боях за Крюково в начале декабря 1941 г.

[103] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 28. Д. 32. Л. 9. Здесь Поцелуев-Снегин ошибается, в это время командиром 1073-го стрелкового полка был уже Момыш-Улы.

[104] *Хаупт В.* Битва за Москву. Первое решающее сражение Второй мировой. 1941—1942 / Пер. с нем. Л.А. Игоревского. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2010. С. 107.

[105] Там же. С. 132.

* * *

В завершение этой истории важно вернуться к ответу на вопрос, вынесенный в заголовок: так был ли подвиг? Мы категорически не согласным с теми, кто считает подвиг 28 панфиловцев исключительно литературным вымыслом. Приводимые нами документы подтверждают массовый характер героизма и самопожертвование советских солдат в октябре-ноябре 1941 г. на подступах к Москве. Не только выделенные журналистами 28 реальных, не вымышленных солдат, оказавшихся 16 ноября 1941 г. у разъезда Дубосеково, а все без исключения роты и полки дивизии Панфилова (сам генерал Панфилов погиб 18 ноября 1941 г.) ожесточенно, не щадя себя дрались в это время с хорошо вооруженным врагом, в итоге остановив его продвижение к столице. Именно потому, что написавшие о 28 героях журналисты по большому счету не покривили против истины, хорошо знавшие ситуацию бойцы и командиры Панфиловской дивизии не воспринимали эту историю как «пропагандистский миф» и не протестовали против элементов литературного вымысла.

«16 ноября было не только днем двадцати восьми, но и днем массового героизма Панфиловской дивизии, стоявшей насмерть против 5 фашистских дивизий, в том числе двух танковых», — писал по этому поводу в августе 1942 г. в «Красной звезде» комиссар соседнего 1073-го стрелкового полка П.В. Логвиненко. Он в интервью Комиссии Минца и еще ранее в публикациях во фронтовой печати приводил примеры других подвигов, совершенных 16—17 ноября 1941 г., которые по стечению обстоятельств не стали столь же широко известны. В частности, Логвиненко рассказал о заслоне из 11 саперов, в течение дня ценой жизней сдерживавших наступление немцев у д. Строково, а также о «семнадцати бесстрашных» — солдатах, оставшихся от взвода истребителей танков Толгарского полка. «Не хватит газетной страницы, чтобы перечислить все подвиги этого дня»[106], — заключал тогда Логвиненко.

Конкретная история о 28 панфиловцах, погибших под гусеницами фашистских танков, была написана военным корреспондентом Коротеевым и главным редактором газеты «Красная звезда» Д.И. Ортенбергом. Они получили информацию о массовом героизме солдат 4-й и 5-й рот 1075-го полка и с помощью литературных приемов придали этой реальной истории яркую драматургию и драматизм. Ни о какой сознательной мифологизации истории они не помышляли, а просто честно делали журналистскую работу, в которой, в отличие от труда историка, творческий домысел, отражающий суть явления, — обычное дело и в военное, и в мирное время.

Не могли они предвидеть и громких последствий выхода этой первой статьи. Но, видимо, именно ее драматизм «зацепил» читателей, после чего в «Красную звезду» хлынул поток писем и отзывов. В том числе и от руководителей страны. Вот как об этом впоследствии рассказывал сам Д.И. Ортенберг:

[106] Логвиненко П.В. Традиции 28 героев (Из дневника политработника) // Красная звезда. 1942. 27 августа.

«Одним из первых позвонил мне Михаил Иванович Калинин и сказал:

— Читал вашу передовую. Жаль людей — сердце болит. Правда войны тяжела, но без правды еще тяжелее. Хорошо написали о героях. Надо бы разузнать их имена. Постарайтесь. Нельзя, чтобы герои остались безымянными».

«Затем мне сообщили, что передовую читал Сталин и тоже одобрительно отозвался о ней», — признался Ортенберг.

В такой ситуации журналисты не решились признаться, что часть истории они домыслили, создав из 28 своего рода «собирательный образ» героев. Тем временем «сверху» потребовали конкретных имен и подробностей. «Мы командировали спецкора в Панфиловскую дивизию, — вспоминал впоследствии Д.И. Ортенберг. — С помощью работников политотдела ему удалось восстановить всю картину боя у разъезда Дубосеково. Мы опубликовали имена 28 погибших гвардейцев-панфиловцев. А вскоре редакция получила для опубликования Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении им звания Героя Советского Союза»[107].

Нет необходимости отрицать, что журналисты «Красной звезды» своей публикацией преследовали в первую очередь пропагандистские цели, а не историческую реконструкцию картины боя. Однако нужно в полной мере осознавать, в какой критической ситуации для страны все это происходило. И насколько важно было в тех условиях склонить чашу весов в свою пользу, если не танками и самолетами, в которых мы пока уступали немцам, то остановить гитлеровскую военную машину силой духа и самопожертвованием советских солдат. И действительно, подвиг 28 панфиловцев, моментально благодаря публикации в «Красной звезде» оказавшись достоянием гласности, стал примером для других бойцов, сыграв важную агитационную и мобилизующую роль.

Итак, был ли подвиг? Он безусловно был, причем не только 16 ноября 1941 г. у разъезда Дубосеково. И героев среди панфиловцев, защищавших Москву осенью 1941 г., было значительно больше, чем 28, попавших в учебники истории.

[107] См.: Ортенберг Д.И. Июнь-декабрь сорок первого: Рассказ хроника. М.: Советский писатель, 1984. С. 283—284. Из стенограммы беседы с Ветковым Андреем Акимовичем, гвардии майором, начальником штаба 1075-го полка (запись беседы сделана 4 января 1947 г.): «В нашей дивизионной газете «За родину» Мухамедяров, как комиссар, написал об факте статью. Немного позже, примерно уже в декабре к нам приезжал Кривицкий — корреспондент газеты «Известия» (*правильно — «Красная звезда»*). Он прочитал эту статью и поехал в полк, начал расспрашивать и написал тогда статью «Их было двадцать восемь» (правильно — *«О 28 павших гвардейцах»)*. Через некоторое время нам было предложено оформить все материалы. Стали много писать об этом. Было предложено тов. Щербаковым представить их к званию Героев Советского Союза».

История 7
Так воевал летчик В.И. Попков — прототип героев фильма «В бой идут одни "старики"»

Слава тебе, герой воздушных баталий,
Наш бесстрашный истребитель Попков Виталий!
Тридцатый сбитый фашистский самолет —
Вот его мести грозный счет!
(Из фронтовой газеты)

13 сентября 1943 г. 21-летний гвардии лейтенант 5-го истребительного авиационного полка Виталий Иванович Попков (1922—2010)[1], которого накануне вызвали в Москву для вручения золотой звезды Героя Советского Союза, давал интервью сотруднице Комиссии по истории Великой Отечественной войны Р.И. Кроль. Он рассказал о своем детстве, о том, как полюбил планеры и авиацию, как стал летчиком.

Родился Виталий Попков в Москве. Отец работал шофером в гараже ЦИКа, а мать была домохозяйкой. До 1927 г. семья Попковых жила в столице, а после того как отца командировали на работу на Кавказ, они жили сначала в Сочи, а затем в Мацесте. В 1935 г. семья переехала в Гагры. Здесь Попков окончил восемь классов, а десятилетку — в Москве. «Когда я учился в школе, больше всего любил математику и физику, потом уж — химию. Русский язык, литературу тоже любил, тут я уж учился [на] «отлично» по всем предметам. Я не любил только немецкий язык. В Гаграх нам преподавали грузинский язык, я отлично шел по этому предмету, а немецкий не любил, учился на «хорошо» по-немецки. Под конец года нажмешь, «отлично» получишь», — вспоминал он. Своими любимыми писателями он назвал И. Тургенева, Н. Островского и М. Горького.

С 5-го класса Виталий увлекся авиамоделизмом и в старших классах уже сам руководил кружком. В 1938 г. в Гаграх окончил планерную школу, а затем по возвращении семьи в Москву поступил в аэроклуб Ленинградского района. «Впервые поднялся в воздух я в Гаграх на планере. Ощущение было какое-то непонятное, но, конечно, какое-то захватывающее, — рассказывал он. — В аэроклубе мне попался очень хороший инструктор... Когда я в первый раз

[1] Подробнее о В.И. Попкове см.: *Величко В.А.* Дважды Герой Советского Союза В.И. Попков. М., 1948; Герои огненных лет. Кн. 1. М.: Московский рабочий, 1975. С. 103—110; Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь. Т. 2. М.: Воениздат, 1988. С. 304; Дважды Герои Советского Союза. М.: Воениздат, 1973. С. 166—167; *Ильин Н.Г., Рулин В.П.* Гвардейцы в воздухе. М.: ДОСААФ, 1973. С. 67—265; Кто был кто в Великой Отечественной войне 1941—1945. Краткий справочник. М.: Республика, 1995. С. 201; Люди бессмертного подвига. Кн. 2. 4-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1975. С. 212—219; Мой дом на Красной Пресне. 2-е доп. изд. М.: Московский рабочий, 1984. С. 238—281; На грани возможного. 2-е изд., испр. и доп. М.: Лимб, 1993. С. 429; От Западного Буга до Вислы. Львов: Каменяр, 1985. С. 165—167; 17-я воздушная армия в боях от Сталинграда до Вены. М.: Воениздат, 1977. С. 59—60; *Соколов В.Д.* Крылья у нас одни. М.: ДОСААФ, 1976. С. 37—43.

вылетел в воздух и прилетел обратно, инструктор Раскидной Яков сказал мне: «Будешь Героем Советского Союза, но все равно будешь помнить первый вылет и того, кто тебя первый раз поднял в воздух». Эти его слова сбылись».

В 1940 г. Виталий Попков поступил в Чугуевское военное авиационное училище летчиков. Обучение завершилось с началом войны. Однако Попкова как лучшего курсанта отобрали для подготовки инструктором. К этому времени училище было эвакуировано сначала в Батайск, а затем в г. Евлахино в Азербайджане. В марте 1942 г. Виталий Попков был направлен на фронт.

В своем интервью сотрудникам Комиссии Минца он подробно рассказал, что сражается с немцами в небе в течение почти полутора лет. За это время он побывал на Калининском фронте подо Ржевом, на Юго-Западном фронте под Сталинградом и, наконец, на Курской дуге и в районе Изюма. С весны 1942 г. по осень 1943 г. Виталий Попков совершил 215 боевых вылетов, участвовал в 58 воздушных боях, в которых лично сбил 26 самолетов противника и один — в группе.

Поначалу Попков хотел служить в бомбардировочной авиации, но по воле случая стал летчиком-истребителем. Осенью 1943 г. он говорил, что истребительная авиация подошла ему по характеру, «и сейчас я очень доволен, по крайней мере, ты сам себе хозяин, все от меня одного зависит: будешь ты сбивать, не будут тебя сбивать».

В момент его интервью сотрудникам Комиссии Минца война была в самом разгаре. Впереди у Попкова были бои за освобождение Украины, Польши, штурм Берлина. На Параде Победы в Москве 24 июня 1945 г. он шел в составе сводного авиационного полка. К тому времени на его боевом счету был 41 сбитый самолет противника. Наградной лист уже шел по инстанциям, и 27 июня 1945 г. Виталий Попков получил вторую звезду Героя Советского Союза.

«Механик неизменно вырисовывал на фюзеляже машины Виталия очередную звездочку и говорил при этом:

— В знак угробления восьмого... Кто следующий?»[2] — так писал о Попкове сразу после войны В.А. Величко.

Виталий Попков остался в авиации, став летчиком-испытателем и дослужившись до генеральских погон. В 1951 г. он окончил военно-воздушную академию, а в 1964 г. — военную академию Генштаба.

Когда в начале 1970-х гг. писался сценарий и на Киевской киностудии задумывались съемки фильма «В бой идут одни «старики»», В.И. Попков стал одним из прототипов сразу нескольких его главных героев: капитана А. Титоренко (Маэстро) и лейтенанта Александрова (Кузнечик). В 1973 г. вышла в свет документальная книга Н.Г. Ильина и В.П. Рулина «Гвардейцы в воздухе» о боевом пути летчиков 5-го гвардейского истребительного авиаполка, заставившая режиссера фильма внести коррективы в сценарий. Авторы книги — сами в годы войны летчики этого полка — рассказали о фронтовой судьбе прославленных летчиков В.А. Зайцева, И.П. Лавейкина, Е.В. Быковского,

[2] *Величко В.А.* Дважды Герой Советского Союза В.И. Попков. М., 1948. С. 8—9.

И.Н. Сытова, И.А. Шардакова и др., которые воевали вместе с Попковым. Реальные факты из их боевой биографии стали украшением фильма.

Из стенограммы беседы с Попковым Виталием Ивановичем, Героем Советского Союза, гвардии лейтенантом. Беседу проводит в Москве 13 сентября 1943 г. научный сотрудник Р.И. Кроль, стенографирует А.А. Бондаренко[3].

«<...> Когда [весной 1942 г.] в Калинин [ныне г. Тверь] приехали на аэродром, там нас подкормили уже. Когда мы ехали, еще зима была, март месяц, холодно, а мы на подножке, как будто не на войну, а в отпуск, тем более, что мы приехали из Азербайджана во всем летнем: пальто и гимнастерка была. Мы на подножке едем, а движение было еще плохое, не налаженное, недавно только Калинин взяли[4]. Ехали «на перекладных»: где пешком, где на автомобиле.

В общем, нашли штаб армии. Когда пришли к Громову[5], он нас направил в Будово. Там мы были с месяц. Направили нас в бомбардировочный полк, а истребителям мы не нужны. Мы равняем аэродром и т.п.

В это время там был тогда майор, теперь подполковник Зайцев[6]. Нас летчиков было 20 человек. Он выбрал 10 человек, я попал в это число. Выбирал он нас таким образом: дал по полету, сам проверял, сам проводил учебные бои. Я проводил с ним бой. Мы с ним взлетели, он сказал, что будем с ним драться, стрелок должен зайти в хвост. Мы дрались, дрались, потом он быстро так (у меня была еще неуверенность, машины стеснялся) зашел в хвост. Я никак не мог выкрутиться. Он сел, так разозлился: «Вот, — говорит, — как пойдем на линию фронта, как я напущу на тебя «мессера»! Что ты такой вялый!?». Я думал: «Раз такое дело, значит, все уже прогорело, не попаду на фронт». Потом читаю в назначении: «5-й гвардейский». Зайцев был помощником командира полка, а командиром полка был подполковник Беркаль[7].

---

[3] При публикации стенограммы нами опущена часть документа, в которой речь идет о периоде с детства до прибытия на Калининский фронт весной 1942 г.

[4] Советские войска освободили г. Калинин 16 декабря 1941 г.

[5] *Громов Михаил Михайлович* (1899—1985) — Герой Советского Союза (1934), генерал-полковник авиации (1944), легендарный советский летчик 1930-х гг. Автор рекордов дальности полета. На фронтах Великой Отечественной войны с декабря 1941 г. Командовал 31-й авиационной дивизией, ВВС Калининского фронта, 3-й и 1-й воздушными армиями. Участвовал в битвах под Москвой, Курском, в операциях по освобождению Белоруссии. См.: Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь. Т. 1. М.: Воениздат, 1988. С. 380.

[6] *Зайцев Василий Александрович* (1911—1961) — дважды Герой Советского Союза. На фронте с 1941 г., штурман 5-го гвардейского истребительного авиационного полка. К январю 1942 г. гвардии майор Зайцев совершил 115 боевых вылетов, провел 16 воздушных боев, в которых сбил 12 самолетов противника. Первый раз звание Героя Советского Союза присвоено в мае 1942 г. С июля 1943 г. — командир того же авиаполка. К августу 1943 г. Зайцев совершил еще 299 боевых вылетов, в которых уничтожил 22 самолета противника. В августе 1943 г. был награжден второй медалью «Золотая Звезда». См.: Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь. Т. 1. М.: Воениздат, 1988. С. 523—524.

[7] *Беркаль Юрий Михайлович* (1911—1988) — командир 129-го, с декабря 1941 г. — 5-го гвардейского истребительного авиационного полка. С июля 1943 г. — командир 282-й авиационной дивизии. Подробнее см.: *Ильин Н.Г., Рулин В.П.* Гвардейцы в воздухе. М.: ДОСААФ, 1973. С. 6—7, 23—26, 42, 56—57, 59—60.

После этого мы потренировались. У нас все время был подполковник Зайцев. Он старый инструктор школы, когда-то был инструктором в Борисоглебской школе, учить может хорошо. Поэтому у него 16 человек Героев Советского Союза. Он давал нам полеты строем, учеба была ближе к действительности. Он давал нам весь пилотаж. Если с точки зрения тыла посмотреть, так это было бы хулиганство, а на самом деле проделать все это было очень важно. Эта учеба прошла исключительно хорошо, не было ни одной аварии. Тогда на линию фронта еще не летали, но он попросил у командующего полеты — перекрыть железную дорогу, а [то] противник все время бомбил железную дорогу.

5 мая [1942 г.] мы с ним полетели. Он вплотную подошел к «ДО — 215»[8] — немецкий бомбардировщик. Он его сбил, а я только смотрел; конечно, мне интересно было, я тоже пострелял, но, наверное, результаты плохие были. Хотя не наблюдал, но знаю, что на радостях не мог хорошо стрелять, да и уменья еще не было такого, как сейчас. По мне тогда стрелок стрелял, но, к счастью, не попал, а я метров на 20 проходил, даже кресты видал. Я стрелял, но, конечно, попасть не мог. Страха я не чувствовал никакого. Я даже не знал, что они в меня стреляют. Подполковник мне после сказал: «Они здорово стреляли в тебя». Подполковник сбил их. Потом я полдня ходил, рассказывал, как мы дрались с бомбардировщиком. Подполковник Зайцев сказал: «Выйдет толк из этого летчика». Конечно, он не мне говорил, а другим, и я остался в полку.

После этого я уже начал свою боевую карьеру. Потом попал в звено. Командиром звена был Герой Советского Союза гвардии капитан Лавейкин И.П., 1921 года рождения[9]. Мы с ним почти ровесники, тоже молодой парень. На вид он, как мальчик. Когда мне сказали, что командир, я просто удивился, смотрю — капитан. У меня был хороший товарищ, тоже сержант — Быков[ский][10]. Командиром эскадрильи был Ефремов В.В.[11] Они с нами занимались и натаскали, как говорят, на это дело. Когда Ефремов ушел в Москву работать инспектором, у нас командиром эскадрильи стал гвардии капитан Лавейкин. Я был старшим летчиком, потом командиром звена, но я был все

[8] Бомбардировщик Дорнье.

[9] *Лавейкин Иван Павлович* (1921—1986) — военный летчик, Герой Советского Союза (1943). На фронте с 1941 г., командир эскадрильи 5-го гвардейского истребительного авиационного полка. К июлю 1943 г. совершил 498 боевых вылетов, в 106 воздушных боях сбил 24 самолета противника. См.: Герои Советского Союза... Т. 1. С. 836.

[10] *Быковский Евгений Власович* (1921—1943), вместе с Попковым в 1942 г. окончил Батайскую военно-авиационную школу и прибыл на Калининский фронт. Совершил более 100 боевых вылетов, лично сбил 9 вражеских самолетов. Погиб в воздушном бою 27 апреля 1943 г. Посмертно 14 мая 1965 г. присвоено звание Героя Советского Союза. См.: Герои Советского Союза... Т. 1. С. 231.

[11] *Ефремов Василий Васильевич* (1914—2002) — участник советско-финской и Великой Отечественной войн. Заместитель командира эскадрильи 5-го гвардейского истребительного авиационного полка. К декабрю 1941 г. совершил 172 боевых вылета, лично сбил 5 самолетов противника. 5 мая 1942 г. удостоен звания Героя Советского Союза. См.: Герои Советского Союза... Т. 1. С. 493.

еще сержантом. Орденом Ленина наградили, я все еще сержантом был. В декабре 1942 г. дали старшего сержанта, а уже в марте 1943 г. присвоили звание младшего лейтенанта, в июле получил звание лейтенанта.

Когда мы летали, я всегда был ведомым летчиком и все время ходил с майором Ефремовым. Когда летал командир полка подполковник Зайцев, он меня с собой брал, мы вдвоем с ним летали.

Мы прикрывали [город] Холм[12]. Около Холма я первый раз сбил «Юнкерса» с гвардии лейтенантом Штоколовым[13], он был ведущим. «Юнкерс» вышел из облаков, нас не видел. Я бил, бил и сбил. Потом еще телеграмму нам прислали, а я еще больше рад был. Это было в мае 1942 г. Перед этим я говорю майору Ефремову: «Сколько раз летаю, ни разу с бомбардировщиком не встретился, только все с истребителями». И тут как раз сбил, близко к нему подошли. Но нужно сказать, что хоть и сбил его, но неграмотно подошел, не маневрировал, ходил по прямой. Сейчас уж, конечно, опытность есть. Он мне в бак попал. Три пробоины сделал. Бензин вытек весь. Я до аэродрома не долетел метров 50, упал, но попал в болото, машина сразу же завязла в болоте. Меня из машины выбросило в болото, лицом ударился. Сперва думал, что ногу сломал, потому что сапог выскочил, перевернулся. Потом смотрю — нормально. Тут женщины бегут, спрашивают: «Сильно побился?». Говорю: «Ничего». А глаз уж начал закрываться. Один красноармеец дал зеркальце, смотрю — лицо распухло. Тут подполковник Зайцев на машине приехал, взял меня за руку, хочет поддержать, а я уж 5 километров прошел. «Ну, как?» — говорит. Я говорю: «Ничего». Так дней десять я подождал, пока опухоль прошла. У меня губа была разбита, нельзя было бриться, усы отрастил.

На мою машину попал фотоаппарат. Я ходил все время с аппаратом, почти всю ржевскую группировку сфотографировал. Я получил много благодарностей от командующего за эти снимки. Я сам сфотографировал. Мы ходили все своим звеном: я, Лавейкин и Быков[ский]. Один раз меня сильно зенитка подбила, но я все-таки долетел с фотоаппаратом.

На разведке еще сбил один самолет, на этот раз уже истребитель. Тут у меня уже опыт нескольких воздушных боев был. Правда, в первом воздушном бою в горле сильно пересохло, и натянутость какая-то была. Потом стал втягиваться.

В августе [1942 г.] были самые сильные бои с истребителями. Нас была девятка, а их 18 штук. Начали мы драться, как говорят летчики, «пластаться в воздухе».

---

[12] «В июне пришлось прикрывать боевые действия наших войск в районе Холм — Белый и перевозки по железной дороге на участках Калинин — Торжок — Торопец. Сопровождали Пе-2 и «Илы» в район Ржева и Великих Лук. Вели разведку с бомбометанием и фотографированием», — рассказывал Попков впоследствии. См.: *Ильин Н.Г., Рулин В.П.* Указ соч. С. 64.

[13] О летчике Дмитрии Штоколове и первом сбитом Попковым немецком самолете подробнее см. его рассказ в книге «Герои огненных лет» (М., 1975. С. 104—105). Интересно отметить, что во всех послевоенных книгах, в которых описан этот эпизод, не упоминался тот факт, что в ходе этого воздушного боя самолет Попкова также получил несколько пробоин, в результате чего вытек весь бензин, а сам Попков чудом не погиб при жесткой посадке, когда его машина упала в болото, не дотянув до аэродрома.

Наши части перешли в наступление[14]. Мы их прикрывали. Мы встретились с 52-й эскадрой Рейсгофена[15]. Мы с его летчиками начали драться и сразу же почувствовали, что это летчики сильные, потому что они в лоб ходили, чувствовалось, что соприкасаемся с сильными летчиками. Я первый сбил одного, потом Зайцев — двух, Герой Советского Союза майор Кондратенко[16] трех набил. Зайцев сразу двух у меня на глазах сбил, показал, как нужно сбивать.

После второго сбитого самолета меня представили к [ордену] Красного Знамени за все мои действия, а мне командующий дал орден Ленина, потому что снимки были очень хорошие и дали большую помощь наземным войскам. Генерал Конев[17] дал мне орден Ленина.

На второй день в первом же бою сразу сбил двух истребителей противника. Потом другие ребята еще сбили. Когда в этот же день делали второй вылет, сбили моего друга Быковского. Он выпрыгнул с парашютом. У меня патронов уже не было, а «мессер» бил по Пескову[18]. Я попал между «мессером» и Героем Советского Союза Песковым. Песков был уже подбит, и я между ними встал. Как видно, немец сильный летчик был: он как ударил по мне, у меня машина загорелась. Пока я прикрывал Пескова, у меня сильно руки, ноги и лицо обгорели. Я пролетел немного, потом уже выпрыгнул с парашютом. Парашют был еще порван, еле вылез из самолета. На трех тысячах он у меня загорелся. На тысяче метров я выпрыгнул на его сторону. Там лес был. Метрах на 100 я раскрыл парашют, он был порван, но все-таки задержал падение. На 50 метрах я прыгнул. Там было болото. Я ногу вывихнул. Ожог был сильный, но я ничего не чувствовал. Только слышу, что кругом стреляют, а в лесу боя не было. Это было 3 августа [1942 г.] утром. Я скоро выскочил, начал бежать. Ориентировался я по солнцу, компаса не было. Вижу — где солнце поднимается, и на север пошел. Когда я летел, я видел, где солнце. Ребята считали, что я уже погиб. Один только видел, что я выпрыгнул с парашютом, но никто ему не верит.

Сперва я хотел отлежаться, потом слышу — бегут. Бросил я перчатки, парашют и бежать. Но как там можно бежать по болоту? Я полз. Пистолет вынул, думаю:

---

[14] Речь идет о боевых действиях советских войск Калининского и Западного фронтов в августе—сентябре 1942 г. за овладение Ржевом.

[15] Имеется в виду немецкий военачальник, генерал-фельдмаршал авиации (1943) *Вольфрам фон Рихтгофен* (1895—1945). Летом 1942 г. Рихтгофен командовал 4-м воздушным флотом на советско-германском фронте. О воздушных боях советских летчиков с немецкими асами Рихтгофена см.: *Ильин Н.Г., Рулин В.П.* Указ. соч. С. 79—82.

[16] Речь идет о *Кондратюке Александре Александровиче* (1916—1994) — Герое Советского Союза (1942). На фронте с июня 1941 г. замкомандира эскадрильи 5-го гвардейского истребительного авиационного полка. К концу 1941 г. гвардии капитан Кондратюк совершил 193 боевых вылета, в 43 воздушных боях лично сбил 4 вражеских самолета. С 1943 г. на летно-испытательной работе. См.: Герои Советского Союза... Т. 1. С. 711.

[17] *Конев Иван Степанович* (1897—1973) — дважды Герой Советского Союза, маршал Советского Союза (1944). Летом 1942 г. Конев был командующим Калининским фронтом.

[18] *Песков Павел Ильич* (1918—1988) — Герой Советского Союза (1942). На фронте с июня 1941 г., командир звена 5-го гвардейского истребительного авиационного полка. К январю 1942 г. гвардии капитан Песков совершил 164 боевых вылета, в 13 воздушных боях сбил 7 вражеских самолетов. См.: Герои Советского Союза... Т. 2. С. 251. Интересно, что во всех послевоенных публикациях в этом боевом эпизоде на месте Пескова по неясной причине оказывается другой летчик — Ефремов.

стрелять буду. Только я отбежал метров на 500 в лес, до лица дотронешься, больно. Потом слышу — из автомата кто-то стреляет, может быть, наши. Но разбираться я не стал, пошел навстречу. Слышу — идут. Разговаривают, песни поют. Как говорят, «у страха глаза велики». Думаю — не наши песни. Лег в болото, они прошли метров на 50 от меня. Я дальше пошел. Прошел так 18 километров. На пути я встретил малины много-много. Я сорвал ее, хотел в рот положить, рот не раскрывается. Хочу говорить, не могу разговаривать. Потом, когда уже лес прошел, вышел на опушку, потом еще лес прошел, я уже по своей территории шел. Но это я уже после по карте определил. В лесу на окраинах бои шли, артиллерия стреляла. А тут ничего не было, поэтому я догадывался, что я на своей территории.

Как я вышел из леса, увидел — женщины косят сено. Я стал к ним подходить. Посмотрел сначала, чтобы военных не было, чтобы не напороться. Подошел к женщинам вплотную. Они сперва меня не видели. Потом, когда на 50 метров подошел, они уже заметили. А у меня палец еще напух, пистолет я держу за спиной, такая тень получается. И солнце печет больно. Я спросил у женщин: «Войска есть?». Они в одну кучу сбились. Я подошел еще на один шаг, они — шаг назад. Думаю: так можно идти далеко. Я спросил: «Войско какое-нибудь есть?». Они спрашивают: «Какое тебе войско нужно?». Я говорю: «Какие войска? Наши, красные». Меня и смех берет, и не до смеха. Как сказал, что красные войска, как они сразу плакать начали: «Родненький, обгорел». Все стоят. Ревут. Мне уж неловко, что обратился к ним. Сочувствуют. Спрашиваю: «А доктор есть?». Они говорят: «Вот там четыре километра — санбат».

Я пошел в санитарный батальон. Там меня перевязали, смазали чем-то. Потом я просил, чтобы не на машине, а на самолете меня отправили, потому что я с утра ничего не ел, а меня завязали. Смотрю — раненые едят, у меня аппетит разгорелся, а я не могу ничего есть. Тут был летчик, я спрашиваю его: «Можешь меня отвезти?». Показал, где аэродром. Говорю: «Они в полку будут меня лечить». Говорит: «Ладно». Меня положили в такую будку и повезли. Потом летчик летал-летал, не нашел нашего аэродрома, все замаскировано было сильно, привез обратно в госпиталь.

Я дал сестре денег: «Дайте телеграмму в полк, что я уже здоров». Может быть, она не дала телеграмму, но никто не пришел. Я смотрю в окна, никто не приезжает. Меня отправили в Торжок, потом в Калинин, собственно, не в сам Калинин, а в село Медное, там госпиталь 1774. Как раз я попал в челюстной госпиталь. Они меня из поильничка поили, все жидкое давали, хлеб не мог есть. Потихонечку дело на поправку пошло. Исключительно внимательный медицинский персонал попался. Через месяц я уже мог писать правой рукой, а левая еще сильно болела. Я написал письмо И.П. Лавейкину, адрес свой дал — Калинин. Подполковник Зайцев тогда поехал с Шилкиным[19]. Они все госпитали объехали в Калинине, нет такого летчика. Я думал, что если напишу село Медное, цензура зачеркнет. По-

[19] *Шилкин В.И.* — старший политрук. Находился в полку до июня 1943 г., когда в армии и на флоте упразднили должности заместителей командиров эскадрилий по политической части. *Ильин Н.Г., Рулин В.П.* Указ. соч. С. 121.

том написал, думаю — что будет. И как только они получили письмо, подполковник Зайцев прилетел ко мне, привез подарки, сказал, что я награжден орденом Ленина. Я сперва не поверил. Тут такая радость. На раненых сильное впечатление произвело, что, вот, сам командир полка прилетел. Он привез конфеты, печенье, вино. Вино, правда, мне пить нельзя было, так я раненым отдал. Я сказал подполковнику Зайцеву: «Заберите меня отсюда, мне уж надоело». Он сказал: «Как поправишься, в дом отдыха отправим». Они все время ко мне залетали, покажут там что-нибудь в воздухе, чтобы я понял, что это они.

Потом я поправился и 10 сентября [1942 г.] меня направили во фронтовой дом отдыха. Я немножко полежал, потом попросил Ефремова, чтобы меня пустили полетать. Там мой друг Женька [Быковский] был, он тоже ходатайствовал. В конце концов мне дали потренироваться.

Женька потом погиб под Бельском[20], он дрался один против 18 [самолетов противника].

В первом же бою после выздоровления я рассчитался с противником: зажег его. Ужасно обрадовался, что мог рассчитаться. Это было под Ржевом. Фриц, правда, уполз с парашютом, как и я, на глазах у всех, командир дивизии видел. После этого я начал воевать, уже злость появилась, правда, не сбивал самолеты.

В ноябре месяце я попал в дом отдыха, у меня еще ожог болел: то там лопнет, то там, все время лопалась кожа. Подполковник Зайцев меня направил в дом отдыха.

Потом весь полк поехал в Горький за машинами. Из дома отдыха я тоже сбежал. Мы получили машины, и нас бросили на Юго-Западный фронт. Это было уже в декабре [1942 г.], как раз только начались операции на Дону[21]. Мы начали прикрывать танковый корпус, который действовал на Дону[22]. Когда мы пошли уже к Донбассу, я сбил «Хейнкель», затем «раму»[23]. Потом еще с одним своим направился и сбил одного. В общем, у меня уже было 10 сбитых самолетов и один в группе. Меня представили к ордену Отечественной войны 1 степени.

Замечательные бои были, когда мы летали под Харьков, юго-западнее Мурома под Белгородом, еще снег только начал таять. Мы дрались пятеркой против четырех. В этом бою были: я, Штоколов, Анцирев[24], Лавренко[25] и

[20] О воздушном бое под Старобельском, в котором погиб друг Попкова Евгений Быковский, см.: *Ильин Н.Г., Рулин В.П.* Указ. соч. С. 114—116.

[21] 15 декабря 1942 г. 5-й гвардейский истребительный авиационный полк в составе 207-й авиационной дивизии 3-го авиакорпуса 17-й воздушной армии был передислоцирован к средней излучине Дона. Совместно с наземными частями полк принял участие в разгроме войск немецко-итальянских армий в районе Дона, а также в воздушной блокаде окруженной группировки фашистов в районе Сталинграда.

[22] Речь идет о 4-м гвардейском танковом корпусе генерал-майора Боданова, который вошел в прорыв и за пять дней углубился в тыл врага на 250 км.

[23] Речь идет о самолете «Фокке-Вульф» Fw 189 («Рама», или «Uhu» — нем. филин) — двухмоторный двухбалочный трехместный тактический разведывательный самолет.

[24] О Николае Анцыреве см.: *Ильин Н.Г., Рулин В.П.* Указ. соч. С. 83.

[25] Об Иване Лавренко и о том, как он провел воздушный таран против самолета противника, см.: *Ильин Н.Г., Рулин В.П.* Указ. соч. С. 69—70.

Лавейкин. Я сбил 5 самолетов, ни одного [товарища] не потерял[26]. Только у Штоколова было три пробоины, остальное все нормально было.

Мы должны прикрывать девятку «Пе-2». Мы полетели восьмеркой, потом вышел вперед «Пе-2». Смотрю — вроде зенитка бьет. Я показал командиру, по радио передал. Потом смотрю — о, много [вражеских самолетов]! Они гуськом шли в нашу сторону. Нас с бомбардировщиком шло три самолета. У нас было преимущество, потому что мы шли со стороны солнца и подошли близко-близко. Они нас не видели. С первой же атаки мы двух съюлили и начали драться. Но их было так много! Истребители тоже были, они маскировались под «Ю-88» с выпущенными ногами. Они все в кучу сбились, удивительно даже, как они не столкнулись. Был страшный беспорядок, они прямо на свою территорию сбросили бомбы. В эту кашу мы завязались[27].

Тут был такой характерный случай. Я видел, что один подбит. Сашка Пчелкин[28] к нему подлетел. Выражения лица мне не было видно. Но я сказал: «Я покажу за твое здоровье». Он только начал на него отворачиваться, и мы его сбили. Потом мы полетели домой, и все в порядке, все «Пе-2» пришли.

Орден Отечественной войны я получил уже в Москве, потому что [наградной] материал ходил целый месяц.

Летом уже начались июньские операции[29]. Мы побывали за обороной. Прикрывали мы наземные войска. Там особо замечательных боев не было, но, наверное, самолета два сбили. Сначала я был ведомым. Тут уж мне стали доверять группу, вроде в начальство выбился, сам стал водить под Белгородом. Мы все время «Илов» сопровождали. Там я сбил 3 самолета. «Ила» мы ни одного не потеряли. Один только раз у нас на глазах «Мессершмитт» «Як» зажег. Я с самого верха был, смотрю — там такая трасса, и летчик летит. Он видит, что не дотянуть, и врезался в колонну противника, погиб, как Гастелло. Это все у меня на глазах было. Я разозлился, и мы вдвоем с Мересаевым[30] догнали этого наглеца, и я его сбил. Такая злость была, что наши были уже на земле, а я еще по горящей машине дал. Потом мы пришли домой вместе.

Сейчас у меня на счету 26 лично сбитых самолетов противника и один в группе, но в группе уж не считаю, потому что там нельзя сказать, кто сбил.

Потом уж начались бои под Изюмом. Когда в Донбассе были бои, с истребителями приходилось драться, а последнее время с бомбардировщиками. У нас машины стали не то что под Ржевом. Раньше, если фриц хочет драться, он де-

---

[26] В этом месте стенограммы стоит пометка Р. Кроль «Ошибка!».

[27] Скорее всего, именно об этом боевом эпизоде идет речь в упоминавшейся выше книге «Гвардейцы в воздухе» (с. 160—161).

[28] *Пчелкин Александр Иванович* (1917—1976) — Герой Советского Союза (1945). На фронте с октября 1941 г., командир звена 5-го гвардейского истребительного авиационного полка. К маю 1945 г. гвардии старший лейтенант Пчелкин совершил 387 боевых вылетов, в 61 воздушном бою лично сбил 14 и в группе 2 самолета противника. См.: Герои Советского Союза... Т. 2. С. 336.

[29] 2 июня.1943 г. 5-й авиационный полк перебазировался на аэродром Щенячье и в период битвы на Курской дуге действовал на Харьковском, Белгородском и Изюмском направлениях.

[30] Речь идет о младшем лейтенанте Николае Марисаеве. Он 27 августа 1943 г. сбил «юбилейный» 500-й немецкий самолет на счету полка. См.: *Ильин Н.Г., Рулин В.П.* Указ. соч. С. 154.

рется, если ему не выгодно, он прибавит и уходит. А сейчас хочет или не хочет, он будет драться, потому что у нас скорость большая и машины лучше. Так что он уже на равных правах с нами дерется. В последнее время у меня даже патронов не было, но, чтобы показать ему, я зашел в хвост и все, что хотел, делал с ним, а таранить я не хотел, потому что у меня машина отличная. У меня попытки две были, я шел на таран, но пороху не хватило, машину дернул, не попал. Потом командир закричал: «Я тебе потараню!». Последнее время я научился так бить, что в большинстве случаев с первой атаки сбиваю, потому что последнее время злость стала особенно сильна, когда они на моих глазах сбили моего друга Женьку. До этого у меня было 8 сбитых, теперь 26, и считаю, что они еще не расплатились за это дело. Еще ни один, которого я атаковал, не уходил.

Один раз мы десяткой дрались против 120. Конечно, мы не со всеми дрались, а в группе. Сбили 6 бомбардировщиков.

Еще был один бой, когда я два самолета сбил. Командующий меня наградил часами. Это было 23 июля[31]. Был один налет на прифронтовой аэродром. Это они к нам шли. Мы взлетели четверочкой, и я сбил одного «Фокке-Вульфа» и одного «Мессершмитта». Один в плен попался, какой-то немецкий капитан, другой — сержант румын. В этом бою мы сбили 10 самолетов, и один летчик выпрыгнул. И то наша зенитка сбила, ему пришлось выпрыгнуть.

Когда мы ходили под Изюмом, это были самые сильные бои. Это было 17 августа, когда мы ходили десяткой. Я был старшим в этой десятке. Мы сбили 6 бомбардировщиков и 4 истребителя. Тогда телеграмма поздравительная была. После нашего боя пехотная часть заняла деревню Долгинькое. Вообще они очень довольны были[32].

Числа 16 августа [1943 г.] я с самолета начал огонь артиллерии корректировать, чего никогда истребитель не делает. Сначала я сообщил наземному командованию, что вижу танки. Пока я корректировал, артиллерия сожгла 8 танков. Конечно, я технически правильно не мог корректировать, но вижу, что бьет артиллерия, я по радио говорю: «Пускай артиллеристы бьют так, как сейчас, только перенесут метров 100 вправо». Они стали так бить и сожгли 4 танка. Я сказал, что танков еще много. Они вызвали 8 «Илов» и еще несколько танков сожгли. А вообще истребители против танков ничего не могут сделать. Я пикировал, чтобы показать, где они находятся. Я говорю: «Вижу 50 танков противника, я буду пикировать, вы смотрите направление — куда, и буду стрелять». Я пикировал, артиллеристы уже видят, куда стрелять. Передавал сведения все время открытым текстом, чего уж тут скрывать, все равно видно. Потом «Илы» пришли[33].

---

[31] *Ильин Н.Г., Рулин В.П.* Указ. соч. С. 128—130.

[32] В боевом донесении за это день сообщалось следующее: «17 августа 1943 года. Летчики полка произвели девяносто шесть боевых вылетов на прикрытие наземных войск, провели пять групповых воздушных боев. За день сбили семнадцать фашистских самолетов и пять подбили». *Ильин Н.Г., Рулин В.П.* Указ. соч. С. 136—137.

[33] *Ильин Н.Г., Рулин В.П.* Указ. соч. С. 156—157.

Последний бой был под Мерефой. Там было около сотни самолетов, нас восьмерка. Я сбил два самолета, одного «Хейнкеля» и одного «Мессершмитта-109». Это были уже 25-й и 26-й самолеты.

Боевых вылетов у меня 215, воздушных боев 58. В последнем бою меня подбили, но у меня патронов уже не было. Такой бой был, что за мною ходил «Фокке-Вульф». Он, видно, меня принял за своего, а я его за нашего, думаю: веселее будет вдвоем. И фриц, видимо, так думал, а я для него был ведущий. И он до тех пор не понял, что я советский, пока я 44[34] в «Мессершмитта» не выпустил, и он стал падать. Я тоже не понял, думаю: «Вот хорошо ходит». Мы еще повиражировали, и потом наши пришли. Если бы патроны были, мы бы еще подрались. Он много еще дрался со мною, но у меня не было патронов. Таранить я не мог, потому что скорости не было, чтобы догнать. Так что мы по-мирному разошлись: он к себе, я к себе. Но я двух сбил. У него невыгодное положение. Скажут: «Все время ходил с русским, потерял где-то своих». Раз он был у меня ведомым, значит, он своего ведущего потерял, а потеря ведущего — уже позорное дело.

Мы были в доме отдыха, куда приехали числа 6—7 сентября. Потом я заехал к себе на квартиру, хотя там и нет никого, но некоторым ребятам негде было переночевать, я всех к себе привел. Потом включил радио, «Последние известия» послушать, правда, первые — в 6 часов утра — мы проспали. Потом я слышу, что передают: «Сытова[35] и Шердакова[36]», а материал на нас вместе подавали. Я разбудил ребят, все закричали «ура». Потом соседи пришли и говорят: «Поминали Попкова, только не знаю — на присвоение звания, или как?». Я говорю: «На лейтенанта не будут по радио передавать, если на генерала, то другое дело».

Мой адрес: Полевая почта 23301.

Адрес матери: Ташкент, ул. Карла Маркса, 18. Елизавета Дмитриевна Попкова.

Брат у меня танкист»[37].

---

[34] Так в документе.

[35] *Сытов Иван Никитович* (1916—1943) — Герой Советского Союза (1943). На фронте с ноября 1941 г. Штурман эскадрильи 5-го гвардейского истребительного авиационного полка. К августу 1943 г. Сытов совершил 150 боевых вылетов, в 81 воздушном бою сбил лично 19 и в группе 4 самолета противника. Старший лейтенант Сытов погиб 16 октября 1943 г. в воздушном бою в районе Запорожья. См.: Герои Советского Союза... Т. 2. С. 553.

[36] Речь идет о *Шардакове Игоре Александровиче* (1922—1982) — Герое Советского Союза (1943). На фронте с июня 1941 г., зам. командира эскадрильи 5-го гвардейского истребительного авиационного полка. К июлю 1943 г. гвардии старший лейтенант Шардаков совершил 156 боевых вылетов, в 18 воздушных боях сбил 16 самолетов противника. См.: Герои Советского Союза... Т. 2. С. 758.

[37] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел IV. Стенограмма беседы с Героем Советского Союза Попковым Виталием Ивановичем. Л. 3—6.

История 8
2-й танковый корпус на Курской дуге: к дискуссиям о танковом сражении под Прохоровкой

«...Правда, танки наши пожгли, люди горели в танках, но был дан приказ: ни шагу назад. И мы противника не пропустили...»

Из стенограммы беседы

Весной 1944 г. сотрудники Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР историк П.М. Федосов и стенографистка О.В. Крауз были командированы в 60-ю армию 1-го Украинского фронта. Но из-за весенней распутицы они вынуждены были надолго задержаться в Киеве, где в это время располагался 8-й (во время боев на Курской дуге — 2-й) гвардейский танковый корпус.

С 20 марта по 5 апреля 1944 г., пользуясь случаем, они записывали интервью с бойцами, командирами и политработниками, которые в июле 1943 г. сражались с элитными танковыми дивизиями СС под Прохоровкой на Курской дуге. Сотрудники Комиссии побывали в различных подразделениях танкового корпуса: трех танковых бригадах, мотострелковой бригаде, отдельном батальоне связи, отдельном саперном батальоне и подвижной ремонтной базе. Рассказывая о боевом пути своей части, красноармейцы вспоминали невероятно тяжелые и жестокие бои, которые им пришлось вести на Прохоровском плацдарме.

По итогам командировки майор П.М. Федосов 6 июня 1944 г. представил отчет на заседании Военного отдела Комиссии Минца. В нем, в частности, говорилось: «...Удалось получить материалы по истории 8 гв. танкового корпуса. 2-й танковый корпус, позже переименованный в 8 гвардейский танковый корпус, был создан в разгар сталинградских боев. Некоторые бригады, вошедшие в корпус, созданы раньше, принимали участие в обороне Москвы. 2-я операция — крупнейшая из всех, в которых принимал участие 8 гтк, — т.н. Прохоровский плацдарм (Белгородско-Курская операция). Поле боя превратилась в гигантское кладбище машин. Опрошено много офицеров, в частности, задавался вопрос о том, как на них подействовало появление новой немецкой техники («тигры», «пантеры», «фердинанды»). Генералы заявляли, что эти новинки им были знакомы, с материальной частью они ознакомились заранее. Рядовые участники боев говорили, что на первых порах они были ошеломлены, но после того, как были подбиты первые «тигры», — успокоились <...> По 8 гтк записано 50 чел. — из управления корпуса и из ряда бригад и частей. По собранным материалам можно писать историю корпуса с обязательным посещением его еще раз <...>»[1].

[1] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 14. Оп. 1. Д. 3. Л. 10.

В настоящее время некоторые историки, в том числе В.Н. Замулин и Л.Н. Лопуховский, которые занимаются историей Курской битвы, утверждают, что бои на южном участке дуги требуют переоценки по сравнению с тем, что писалось о них в советской историографии. Прежде всего это касается фронтового контрудара Воронежского фронта 12 июля 1943 г. под Прохоровкой, масштаб и результаты которого, по их мнению, были после окончания битвы значительно преувеличены. Это было сделано командующим 5-й гвардейской танковой армией П.А. Ротмистровым, который пытался тем самым скрыть огромные потери своей армии в этот день[2].

Историки также обращают внимание на тот факт, что командованию Воронежского фронта не удалось заранее определить направление главного удара 4-й танковой армии Гота и создать на этом участке фронта эшелонированную оборону (как удалось сделать командованию Центрального фронта в полосе обороны 13-й армии, куда нацеливал свой главный удар командующий 9-й армией Модель). В результате уже после двух дней боев на южном участке Курской дуги танковым частям Гота удалось пробить брешь в нашей обороне: 2-й танковый корпус СС преодолел две полосы оборонительных рубежей и стремился ударом в стык 6-й гвардейской и 69-й армий Воронежского фронта прорвать последний оборонительный рубеж советских войск в районе Прохоровки. Прорыв немцев мог решить исход Курской битвы.

Чтобы не допустить этого, сюда были срочно выдвинуты резервы, прежде всего 2-й танковый корпус генерал-майора А.Ф. Попова, переданный из состава Юго-Западного фронта в оперативное подчинение командующего Воронежским фронтом Н.Ф. Ватутина.

Вне зависимости от того, проходило здесь или в другом месте самое крупное танковое сражение Великой Отечественной войны, публикуемые ниже стенограммы бесед, собранные сотрудниками Комиссии Минца, свидетельствуют, что бои под Прохоровкой по праву вписаны в историю войны. Свидетели рассказывают о тяжелейших оборонительных боях 8—11 июля 1943 г., когда части 2-го танкового корпуса Попова и пехотинцы отражали немецкие танковые атаки в направлении главного удара. Им удалось задержать продвижение танковых дивизий противника, рвавшихся к Прохоровке, пока сюда не подошли основные резервы — 5-я гвардейская танковая армия П.А. Ротмистрова и 5-я гвардейская общевойсковая армия А.С. Жадова.

К утру 8 июля 1943 г. три советские танковые бригады (26, 169 и 99-я), имея в своем составе 155 танков, сосредоточились в районе Сторожевое — Виноградовка — Правороть и во второй половине дня вместе с соседними частями приняли участие в контрударе Воронежского фронта во фланг наступающим дивизиям 2-го танкового корпуса СС. К сожалению, удары танковых корпусов и действия стрелковых частей оказались не согласованными. В результате

[2] О том, как рождалась легенда о грандиозном танковом сражении под Прохоровкой 12 июля 1943 г., где с обеих воюющих сторон во встречной танковой атаке якобы участвовало до 1500 танков, см.: *Замулин В.* Прохоровка. Технология мифа // Родина. 2013. № 7. С. 4—7.

этот контрудар не достиг своей цели. Противник смог отразить атаки наших войск и нанести им тяжелые потери. В частности, потери танкового корпуса Попова за один только день 8 июля 1943 г. составили 42 танка[3].

9 июля 1943 г. Попов доложил командованию, что его корпус в течение суток вел бои с частями немецкой танковой дивизии «Рейх» и к концу дня закрепился в районе совхоз «Комсомолец» — восточнее Тетеревино — высота 258.2. Перед ним была поставлена задача: не допустить прорыва противника на Прохоровку. Когда 30—40 немецких танков дивизии «Мертвая голова» прорвались с юга в Васильевку, части 2-го танкового корпуса завязали с ними бой, в ходе которого 8 средних танков противника было уничтожено. Встретив сопротивление, немцы отошли.

О том, как советские танковые бригады наносили контрудар 8 июля 1943 г. и вели в этот период тяжелые бои с противником, подробно рассказывали опрошенные Комиссией командиры танковых бригад. Очевидно, что события под Прохоровкой впечатались в их память и выделялись ими как наиболее кровопролитные и ожесточенные. В своих интервью танкисты отмечали, что попали под мощнейший удар немецкой бомбардировочной авиации и противотанковой артиллерии. Это не позволило им развивать наступление и заставило перейти к обороне на рубежах юго-западнее Прохоровки. «Противник, разгадав наши замыслы, бросил большое соединение авиации на этом направлении, и весь остаток дня 8 июля противник сковывал наши части с воздуха. В этот день было противником сделано до 400 самолетовылетов. Таким образом, 8 июля противник задержал наше дальнейшее продвижение за высотой 258,2», — вспоминал, в частности, начальник оперативного отдела 169-й танковой бригады.

10 июля 1943 г. немецкие танковые дивизии, закончив сосредоточение своих сил, должны были начать наступление на Прохоровку. Всю остроту ситуации понимал и командующий фронтом Ватутин, который поставил перед Поповым задачу «ни в коем случае не допустить здесь прорыва противника, а наоборот, изматывать его и уничтожать»[4]. Танкисты Попова вместе с пехотинцами 285-го стрелкового полка подполковника А.К. Карпова из 183-й стрелковой дивизии прикрыли единственный танкоопасный участок юго-западнее станции Прохоровка: грейдерную дорогу Яковлево — Прохоровка.

Как и ожидалось, немцы пошли здесь в наступление. С 10 июля 1943 г. в полосе обороны 2-го танкового корпуса развернулись ожесточенные бои.

---

[3] *Замулин В.Н.* Курский излом. Решающая битва Великой Отечественной. М.: Яуза; Эксмо, 2008. С. 791. В книге «Прохоровское побоище. Правда о «величайшем танковом сражении» он указывает цифру потерь в 45 боевых машин. См.: *Замулин В.Н.* Прохоровское побоище. Правда о «величайшем танковом сражении». М.: Яуза; Эксмо, 2010. С. 92—93. Лопуховский Л.Н. на основе боевого донесения командира 2-го тк на 2.30 9.07.43 г. говорит о 32 боевых машинах. См.: *Лопуховский Л.Н.* Прохоровка без грифа секретности. М.: Яуза; Эксмо, 2012. С. 136. На большие потери в танках и живой силе, которые понесли все бригады в этот день, указывали в своих воспоминаниях многие командиры, опрошенные Комиссией весной 1944 г.

[4] Цит. по: *Замулин В.Н.* Прохоровское побоище... С. 47.

К утру 11 июля в танковом корпусе Попова осталось 74 исправных танка — меньше половины штатной численности[5].

Накануне вечером к Прохоровке подошли последние резервы — три батальона 58-й мотострелковой бригады, которые вынуждены были из-за отсутствия транспорта совершить утомительный марш-бросок к передовой, а уже утром 11 июля 1943 г. практически с ходу вступить в бой. Они приняли на себя первый удар немцев. В этот день совершил подвиг Михаил Борисов — наводчик орудия артдивизиона 58-й бригады, о котором вспоминают респонденты. Из своего орудия он подбил семь «Тигров», за что был представлен к званию Героя Советского Союза.

Об этих ожесточенных боях сотрудникам Комиссии рассказывали не только танкисты, но и оставшиеся в живых бойцы, командиры и политработники сражавшейся вместе с танкистами 58-й мотострелковой бригады. Федосову, кроме того, удалось записать беседу со связистами, героем-артиллеристом Борисовым, командиром 3-й артиллерийской батареи по фамилии Ажиппо и др.

Не менее ожесточенные бои шли в это время на подступах к совхозу «Сталинское отделение», который располагался на северо-восточной окраине леса у урочища Сторожевое. Здесь оборону держала 169-я танковая бригада и подразделения 227-го и 285-го стрелковых полков. Командующий Воронежским фронтом в своем донесении И.В. Сталину от 11 июля 1943 г. сообщал: «183-я сд совместно с частями 2-го тк до 12.00 отразила атаку противника силой до 30 танков с пехотой из района свеклосовхоза «Комсомолец» вдоль шоссе на Прохоровку. В 13.00 противник силою до 150 танков возобновил наступление <...>»[6].

Немцам удалось к вечеру 11-го числа рассечь оборонительные порядки 99-й танковой бригады, которая оказалась в окружении. Однако связь с танкистами не была прервана, и к утру 12 июля, пользуясь темнотой, они смогли прорваться из котла, выйдя к селу Правороть. Утром 12 июля 1943 г. у Попова в строю имелось лишь 52 танка[7].

В жестоких оборонительных боях на Прохоровском плацдарме 8—11 июля бойцы 2-го танкового корпуса смогли выстоять и не позволили отборным танковым дивизиям немцев с ходу захватить Прохоровку. Они остановили и сковали здесь значительные силы врага, тем самым обеспечив возможность проведения советского фронтового контрудара 12 июля 1943 г., который окончательно сорвал немецкие наступательные планы на южном фасе Курской дуги.

Из-за больших потерь в технике и личном составе, которые понес 2-й танковый корпус в ходе предыдущих боев, он не участвовал в активной фазе контрудара 12 июля в составе 5-й гвардейской танковой армии П.А. Ротмистрова. Однако 12 июля танкистам Попова и приданной его корпусу пехоте вновь пришлось вступить в бой с наступавшими на них немецкими танковыми частями в районе хутора Сторожевое. К вечеру под натиском дивизии «Рейх»

[5] *Замулин В.Н.* Прохоровское побоище... С. 111.
[6] Цит. по: *Лопуховский Л.Н.* Указ. соч. С. 227.
[7] *Замулин В.Н.* Прохоровское побоище... С. 412.

169-я танковая бригада начала отход из Сторожевого, но дальше противника она не пропустила. В боевом донесении Ватутин сообщал Сталину о положении на фронте к полуночи 12 июля: «Особенно ожесточенные бои вели части 2-го тк с противником, контратаковавшим силами до 130 танков из района хутора Тетеревино в направлении Сторожевое. Бой за Сторожевое к исходу дня продолжается»[8]. К середине дня 13 июля во 2-м танковом корпусе Попова в строю осталось 44 машины[9].

В последующие дни, с 13 по 16 июля, остатки 2-го танкового корпуса продолжали вести упорные оборонительные бои на занимаемых рубежах, а с 17 июля, когда противник стал отводить свои танковые части, танкисты участвовали и в общем контрнаступлении Воронежского фронта. Особенно упорно враг оборонялся в районе села Лучки и урочища Журавлиный лес. Здесь танкисты Попова вновь проявили себя с лучшей стороны, о чем рассказывается в публикуемых ниже стенограммах. В сентябре 1943 г., после окончания боев на Курской дуге и Левобережной Украине, 2-му танковому корпусу было присвоено звание гвардейского.

Анализ стенограмм бесед с участниками боев под Прохоровкой показывает, что они воспринимали их как масштабное сражение исторического масштаба. «Здесь вновь разыгрывается жестокий танковый бой, которого история еще не знала и, наверное, не будет знать. Поле в 16—18 квадратных километров представляло собой сплошную массу машин, изрыгающих огонь. На поле стоят сотни факелов, костров — горящих танков, как наших, так и противника», — отмечал начальник оперативного отдела штаба 2-го танкового корпуса, вспоминая бои на Прохоровском плацдарме. Командир 26-й танковой бригады вторил ему: «Здесь танковые бои носили исключительно жестокий характер <...>. Выходило на поле боя более сотни танков. Весь горизонт был покрыт заревом: горели танки, машины, как с его, так и с нашей стороны, кругом шли взрывы, все было окутано черными клубами дыма».

Уникальность стенограмм бесед с воинами танкового корпуса заключается еще и в том, что это единственный значительный комплекс документов, полученных Комиссией о деятельности советских танковых подразделений в Курской битве.

Так как практически все военнослужащие, которых опросили сотрудники Комиссии Минца, за участие в боях на Прохоровском плацдарме были награждены правительственными наградами, после рассказа военнослужащего в сносках мы даем фрагменты из его наградного листа.

[8] Цит. по: *Лопуховский Л.Н.* Указ. соч. С. 320.
[9] *Замулин В.Н.* Прохоровское побоище... С. 583.

* * *

Из стенограммы беседы с гвардии генерал-лейтенантом Поповым Алексеем Федоровичем, командиром 8-го гвардейского (ранее 2-го) танкового корпуса[10]:

«<...> Самыми выдающимися действиями после зимних операций считаю бои корпуса за Прохоровский плацдарм, когда после 200 с лишним километрового марша корпус был сходу брошен в бой, и, по мнению командующего фронтом тов. Ватутина, корпус сыграл здесь большую роль в деле разгрома и задержания танковых механизированных частей противника, которые рвались на Прохоровку <...>.

Считаю своим долгом указать, что командиры бригад, полков и отдельных батальонов — люди, вполне в тактическом отношении подготовленные, умеют правильно организовывать работу личного состава, как в период доукомплектования, так и в самой боевой обстановке. Наиболее выдающимся командиром танковой бригады является командир 58-й гвардейской тб полковник Пискарев[11], затем командир 60-й гвардейской танковой бригады гвардии полковник Степанов[12], командир мотострелковой 28-й бригады гвардии подполковник Пивнев[13], бывший командир танкового полка прорыва, ныне командир 59-й гвардейской тб гвардии полковник Туренков[14] и целый ряд других командиров, которые в полной мере обеспечили боевые действия корпуса[15].

Судя по оценке командующего армией и командующего фронтом[16], в оперативном подчинении которых находился корпус, он выполнял все свои боевые задачи, неоднократно получал благодарности от военного совета армии и фронта.

---

[10] *Попов Алексей Федорович* (1896—1946) — генерал-лейтенант, с сентября 1942 г. по май 1945 г. командир 2-го (затем 8-го гвардейского) танкового корпуса. В период боев на Курской дуге — генерал-майор. Подробнее о нем см.: *Замулин В.Н.* Прохоровка — неизвестное сражение великой войны. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2006. С. 103—106.

[11] *Пискарев Петр Васильевич* (1912—?) — полковник, с 7 декабря 1942 г. по 25 августа 1944 г. командир 26-й (затем 58-й гвардейской) танковой бригады.

[12] *Степанов Иван Яковлевич* (1900—1966) — полковник, с февраля 1943 г. по март 1945 г. командир 169-й (затем 60-й гвардейской) танковой бригады.

[13] Командиром 58-й (затем 28-й гвардейской) мотострелковой бригады в период с февраля по сентябрь 1943 г. был подполковник Болдырев Евгений Андреевич. Подполковник Пивнев Григорий Романович являлся заместителем командира бригады по строевой части.

[14] *Туренков Афанасий Семенович* (1909—?), гвардии подполковник, командир 15-го гвардейского отдельного тяжелого танкового полка прорыва (11 танков «Черчилль»), был ранен 8 июля 1943 г., и командование полком принял на себя его начальник штаба гвардии подполковник Фраков Сергей Александрович, который на следующий день также получил тяжелую контузию. См.: *Лопуховский Л.Н.* Указ. соч. С. 131, 205.

[15] В период боев на Прохоровском плацдарме 99-й (затем 59-й гвардейской) танковой бригадой командовал 34-летний подполковник Л.И. Малов, который был назначен на должность комбрига за две недели до начала боев на Курской дуге. В боях под Прохоровкой подполковник Малов был ранен, но не покинул поле боя. А через месяц, 9 августа 1943 г., он погиб. Подробнее о командирах бригад 2-го танкового корпуса см.: *Замулин В.Н.* Прохоровка — неизвестное сражение великой войны... С. 106—114.

[16] Имеются в виду командующий 5-й гвардейской танковой армией П.А. Ротмистров (1901—1982) и командующий Воронежским фронтом Н.Ф. Ватутин (1901—1944).

Первый орден Красного Знамени я получил за бои [с японцами] на озере Хасан, второй орден Красного Знамени — за Прохоровскую операцию <...>»[17].

Из стенограммы беседы с гвардии подполковником Ивановским Евгением Филипповичем, начальником оперативного отдела 8-го гвардейского (ранее 2-го) танкового корпуса[18]:

«Когда немцы перешли в наступление 5 июля, то Воронежский фронт здесь имел большие силы, но получилось так, что противнику удалось несколько вклиниться в нашу оборону, ее немного смять и дезорганизовать, т.е. шли бои, в результате которых противник угрожал прорвать нашу оборону. Наш корпус приказом Ставки Верховного главнокомандования из резерва Юго-Западного фронта снимается и форсированным маршем в 240 км перебрасывается на Воронежский фронт.

Приказ мы получили ночью 6 июля в 23.00, а 8 июля в 14 часов корпус в полном своем составе, за исключением мотострелковой бригады, которая не имела автомашин и двигалась пешим порядком, уже вступил в бой.

В это время под Прохоровкой создалось такое положение, что самое острие удара противника, на самом острие клина никем не было встречено. Правее, восточнее нас находились стрелковые части, левее находилась гвардейская бригада 5-го гвардейского корпуса, которым командовал генерал Кравченко[19], действующий в районе Виноградовка—Ивановка, 10 км южнее Прохоровки. В районе станции Беленихино действовал 2 Тацинский гвардейский корпус, а самое острие не занималось ни кем. Впереди занимали оборону части нашей пехоты, которые в основном уже дрались четвертые сутки, непрерывно атаковались большими массами танков при поддержке авиации и самоходных орудий. Пехота крепко поредела и устала[20].

Так как здесь силы, которая могла бы остановить противника, не было, генерал армии уже тогда Ватутин и член военного совета Н.С. Хрущев ставят задачу командованию корпуса: не сосредотачиваясь нигде, не теряя ни одной минуты, сходу вступить в бой. Это было приказано корпусу в составе наших 3-х танковых бригад, тяжелого танкового полка английских танков «Черчилль»[21], разведывательного мотоциклетного батальона без пехоты. Корпус имел

---

[17] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 1. Оп. 117. Д. 1. Л. 2—2об. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27.08.1943 г. Попов был награжден орденом Красного Знамени.

[18] *Ивановский Евгений Филиппович* (1918—1991) — в период боев на Курской дуге начальник разведотдела штаба 2-го танкового корпуса. В 1984 г. вышла его книга «Атаку начинали танкисты», в которой рассказывается о боевом пути танкового корпуса. В ней отдельная глава посвящена боям под Прохоровкой. См.: *Ивановский Е.Ф.* Атаку начинали танкисты. М.: Воениздат, 1984. С. 121—134.

[19] *Кравченко Андрей Григорьевич* (1899—1963) — командир 5-го гвардейского танкового корпуса. В период боев на Курской дуге — генерал-лейтенант.

[20] Имеются в виду подразделения 285-го стрелкового полка 183-й стрелковой дивизии 69-й армии.

[21] 15-й гвардейский отдельный тяжелый танковый полк прорыва состоял из 11 танков «Черчилль» и после ожесточенных боев 8—9 июля, по существу, перестал существовать как боевая единица. Оставшиеся 4 танка были переданы 169-й танковой бригаде и поставлены в засаду у совхоза «Сталинское отделение». См.: *Лопуховский Л.Н.* Указ. соч. С. 205.

в своем составе также минометный полк, истребительный противотанковый полк, который поддерживал и обеспечивал действия танков, и зенитный полк, который прикрывал действия корпуса. В таком составе корпус двинулся до района Прохоровка—Правороть, которая южнее Прохоровки на 4,5 километра, и был брошен в бой в районе совхоза «Комсомолец», 8—10 км юго-западнее Прохоровки. Здесь столкнулись эти две массы, и в результате этой стычки бой продолжался остаток дня, ночь, еще день, и только к вечеру, т.е. на следующие сутки он утих. Как обе стороны стояли, [так] они и остались стоять. В первую половину дня противник повел разведку, выщупывал, вынюхивал и затем во вторую половину дня подошедшими новыми частями, свежими танковыми дивизиями «Райх», «Мертвая голова», «Адольф Гитлер» начал наступать. Удар был направлен по нашему корпусу. Шло 400 танков, а вспомогательный удар направлялся на 2 и 5 гвардейские корпуса, где шло 200—300 танков[22].

Правее были стрелковые части, поддерживаемые частями 10 тк генерал-майора Алексеева[23]. Они дрались в районе Васильевка — «Красный Октябрь». Слева в районе Беленихино и Ивановские Выселки находились остатки 2 и 5 гвардейских корпусов.

Началась новая битва, которая продолжалась остаток этого дня, опять ночь, день и к ночи немного утихла. А на следующий день вновь противник пытался прорваться к Прохоровке.

Наши части за 3 дня напряженных боев вынуждены были оставить совхоз «Комсомолец», рядом с ним высоты и отойти с боями на 2—2,5 км в направлении Прохоровки. До нее оставалось 4,5 км.

В это время в Правороть на НП корпуса прибывает маршал Советского Союза Василевский[24]. Он указывает на необходимость во что бы то ни стало не допустить противника дальше, сдержать это направление хотя бы в течение 10—15 часов. Командир корпуса, штаб корпуса и командный состав прилагают все усилия, выполняют приказания маршала. А с утра следующего дня подошедшая 5 танковая армия своими двумя передовыми корпусами — 18 и 29 — помогает нашему корпусу, вместе с нами отбрасывают противника и вновь занимают свой прежний рубеж, который занимал корпус до второй попытки немцев прорвать нашу оборону. Здесь вновь разыгрывается жестокий танковый бой, которого история еще не знала и, наверное, не будет знать. Поле в 16—18 квадратных километров представляло собой сплошную массу

[22] Здесь Е.Ф. Ивановский явно преувеличивает количество немецких танков, действовавших против советских войск. Всего во 2-м танковом корпусе СС на 1 июля 1943 г. было 390 танков: в дивизии «Адольф Гитлер» — 106 танков, в дивизии «Рейх» — 145, в дивизии «Мертвая голова» — 139. См.: *Лопуховский Л.Н.* Указ. соч. С. 590.

[23] *Алексеев Василий Михайлович* (1900—1944) — генерал-лейтенант, командир 10-го танкового корпуса с 17 июля 1943 г. Назначен на должность комкора в связи с ранением генерал-лейтенанта *Буркова Василия Герасимовича* (1901—1957), который командовал корпусом до 16 июля.

[24] Об этом эпизоде подробнее см.: *Ивановский Е.Ф.* Указ. соч. С. 127—128. См. также стенограмму беседы с генерал-майором, начальником штаба 2-го (затем 8-го гвардейского) танкового корпуса Кошелевым Василием Васильевичем (НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 1. Оп. 117. Д. 2. Л. 7).

машин, изрыгающих огонь. На поле стоят сотни факелов, костров — горящих танков, как наших, так и противника. Авиация, и наша и противника, с утра до вечера беспрерывно бомбила, самолеты по 16—18 штук гонялись друг за другом, причем бомбардировочная авиация, в свою очередь, бомбила, наши штурмовики работали беспрерывным потоком.

Двое суток шел такой напряженный бой. Это было 14—16 июля.

Наконец, немцы, видя бесплодность своих атак, приостановили наступление, отказались от своего замысла.

17 июля по приказу верховного главнокомандования фронта корпус совместно с частями 5 танковой армии перешел в наступление и погнал противника.

К 24 июля корпус вышел на те старые рубежи, которые занимала наша часть до начала весеннего наступления противника <...>»[25].

Из стенограммы беседы с гвардии майором Наумовым Михаилом Алексеевичем, начальником разведотдела 8-го гвардейского (ранее 2-го) танкового корпуса:

«<...> 11 июля, когда противник наступал в направлении Прохоровки, наша разведгруппа в количестве 5 человек под командой старшего сержанта Кучер получила задачу любой ценой захватить контрольного пленного для установления действующей части противника перед фронтом корпуса.

Тов. Кучер с разведкой перешел линию фронта противника в районе Сторожевого, обнаружил боевое охранение в виде двух отрядов эсесовцев с ручными и станковыми пулеметами. Тов. Кучер, выполняя приказ, невзирая на то, что противник был в 4 раза сильнее его группы, зная, что он находится в тылу противника, где имеется большое скопление танков и артиллерии, со своими бесстрашными разведчиками вступил с немцами в рукопашный бой. Бой длился 10 минут, так как медлить было нельзя. В этом бою разведчики закололи штыками и удушили 6 солдат, 4 унтер-офицеров, взяли одного офицера в плен, захватили 2 ручных пулемета, солдатские книжки, имея со своей стороны одного убитым и двух ранеными, одного легко раненым. Группа вместе с языком, правда, с покусанными пальцами и расцарапанными лицами, вернулась в часть, представив ценные данные для командования в смысле нумерации частей [противника]. А эсесовцев взять было очень трудно. Если нападешь на него, он начинает всячески отбиваться, кусаться, даже иногда сам в себя стреляет, только чтобы не попасться нам в руки[26].

---

[25] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 1. Оп. 117. Д. 4. Л. 3—4. За бои под Прохоровкой Е.Ф. Ивановский был награжден орденом Отечественной войны II степени. Из наградного листа: «За время боевых действий подполковник Ивановский возглавлял разведотдел штаба, на всем протяжении боевых действий обеспечивал данными о противнике командование корпуса <...> За время боевых действий разведчики под руководством подполковника Ивановского доставили командованию 13 человек военнопленных, которые дали возможность командованию корпуса и штабу армии раскрыть группировку противника на участке действий 2 танкового корпуса <...>».

[26] А вот как этот эпизод описан в наградном листе на *Кучера Петра Михайловича* (1916—?), сержанта, командира отделения автоматчиков 12-го отдельного бронеавтомобильного батальона: «В ночь на 12 июля 1943 г. сержант Кучер руководил группой разведчиков в количестве 7 человек, имевшей задачу захватить «языка» в р-не Ивановский Выселок. Под покровом ночи, скрытно, группа подошла к боевому охранению противника. Сержант Кучер вместе с красно-

18 июля, когда наши части вели сдерживающие бои, лейтенант Березной с двумя танками «Т-70» вел разведку наблюдением в районе станции Беленихино, имея общую задачу установить группировку противника в течение ночи в районе Ясная Поляна.

Березной с двумя разведчиками ночью пробрался на окраину деревни Ясная Поляна. Там в засаде стоял наш «Т-34», который попал к немцам в виде трофейного. В 22 ч. 30 мин. немцы — экипаж этого танка — отвели танк за окраину метров 200 вглубь села. Экипаж заглушил танк и пошел в хату ужинать. Наши разведчики во главе с лейтенантом Березным ползком достигли хаты, без шума уничтожили двух немецких танкистов, третьего взяли в плен. После этого Березной завел танк и вместе с языком приехал на нем в свою часть. Пленный немец, обер-ефрейтор, на допросе дал ценные данные о силах противника в районе Ясная Поляна, что дало возможность командованию правильно решить поставленную перед корпусом задачу <...>[27].

Затем в районе колхоза «Смело к труду» 17 июля 1943 г. разведгруппа под командованием старшего сержанта Фатеева[28] с группой десантников-автоматчиков на двух бронемашинах получила задачу установить группировку противника в данном колхозе. Разведгруппа достигла передового края. Оставив и замаскировав свои машины, пробралась через линию фронта противника, в

армейцем Столяровым набросились на двух немцев. Завязалась рукопашная схватка. Борьба была не легкой, т.к. немцы оказались эсесовцами, обладающими значительной физической силой. Но т. Кучер, имея в себе неукротимую ненависть к гитлеровцам, напряг все свои силы и задушил немца. После чего, забрав документы у убитого, умело вывел свою группу из-под обстрела автоматчиков, пытавшихся окружить наших разведчиков, и без потерь возвратились в часть. Добытые сведения дали возможность установить часть противника, действующую на данном участке». Кучер П.М. был награжден орденом Отечественной войны II степени.

[27] *Березной Виктор Андреевич* (1924—?) — техник-лейтенант, командир танка Т-70 12-го отдельного бронеавтомобильного батальона, за бои под Прохоровкой был награжден орденом Красной Звезды. Из наградного листа: «17.7.43 г. наши части вели бой за овладение Ивановский Выселок. Отступая, противник оставил в селе группу прикрытия, усиленную несколькими минометами. Минометный огонь противника задерживал продвижение нашей пехоты. Тов. Березной имел задачу разведать силы противника. На большой скорости, ворвавшись на танке в поселок, т. Березной прямым попаданием из пушки танка уничтожил миномет пр-ка вместе с его расчетом. После чего начал преследовать убегающих в панике гитлеровцев, расстреляв при этом 8 немцев. Наша пехота, воспользовавшись паникой, возникшей в расположении противника, без потерь заняла поселок».

[28] *Фатеев Василий Михайлович* (1920—?) — ст. сержант, командир бронетранспортера при отдельной разведроте 58-й мсбр. За бои под Прохоровкой награжден орденом Красной Звезды. Из наградного листа: «Тов. Фатеев, будучи заместителем командира отдельной разведроты 58 мсбр, отлично показал себя в работе по сколачиванию личного состава роты во время формирования. Тов. Фадеев является лучшим разведчиком роты, беспрерывно ведет разведку о противнике днем и ночью и дает вовремя точные данные о противнике. Выполняя боевое задание в районе Лучек, непосредственно в соприкосновении с противником, под градом пуль и снарядов, тов. Фатеев разведывал огневые средства противника, как танки и минбатареи, которые были уничтожены огнем нашей артиллерии, благодаря чему наши части продвинулись вперед и заняли высоту 246,3 и 243,2. Кроме этого, выполняя боевые задания по разведке в районе колхоза «Смело к труду», 22.07.43 г. тов. Фатеев непосредственно во время столкновения с противником уничтожил до 20 солдат противника гранатами и пулеметным огнем из бронемашины, при том сумел вывести бронемашину невредимой, которая во время боя глохла, и приехав, дал ценные данные о расположении танков, минбатарей и пехоты противника».

глубину его обороны, дошла до окраины села, обнаружила на улицах села движение мелких патрулей, без шума уничтожила 6 немецких автоматчиков, установила местонахождение немецкого штаба, сняла часовых, и с гранатами в руках разведчики ворвались в штаб. В штабе они уничтожили одного офицера, захватили в плен штабного писаря, забрали документы и стали возвращаться в свою часть. При возвращении, в момент перехода линии фронта, был убит сержант Виткаль. Разведчики не бросили труп товарища, а принесли его к себе.

На предварительном допросе пленный показал, что в хутор подошел маршевый немецкий батальон для пополнения находящихся там частей. Батальон по 15—20 человек расположился в каждой хате на отдых.

Узнав об этом, командование немедленно решило открыть артиллерийский и минометный огонь по хутору. В результате, по рассказам местных жителей, было уничтожено до 150 гитлеровцев <...>»[29].

Из стенограммы беседы с гвардии майором Пономаревым Василием Павловичем, начальником связи 8-го гвардейского (ранее 2-го) танкового корпуса:

«Мы находились в резерве Юго-Западного фронта, когда противник нажимал на Прохоровском направлении. Нас немедленно по шифровке Верховного командования перебросили на Воронежский фронт. Меня в этот момент вызвал начальник связи фронта. Он мне сказал, где проходит их постоянная линия, чтобы в случае чего не потерять связь. <...>

На следующий день мы вступили в бой. Здесь нужно было наладить взаимодействие с 10 ТК[30], и я сам лично выехал туда. По правилам они должны были дать связь и направо, и налево. Но у нас в корпусе была связь. И я дал тогда связь и направо, и налево. Я быстро узнал, где они, отдал конец. С армией[31] мне быстро натянули шестовку.

В два часа мы вступили в бой. Штаб остался еще в хуторе, а оперативная группа штаба с радиостанцией РСБ подъехала ближе к войскам. Эта радиостанция работала одновременно на одной волне, как и штаб корпуса. И когда мы переезжали вперед, то оперативная группа, которая имела мощную радиостанцию, могла заменять штаб и управлять войсками. Это делалось для того, чтобы при перемещении штаба не терять ни минуты в управлении войсками. Причем в те же дни штаб корпуса перебазировался в Правороть, и в тот момент у нас также не терялась связь.

---

[29] НА ИРИ РАН. Оп. 117. Д. 3. Л. 2—4. За бои под Прохоровкой капитан М.А. Наумов, помощник начальника разведотдела 2 тк, был награжден орденом Красной Звезды. Из наградного листа: «Во время ожесточенных боев в период с 8 по 27 июля 1943 г. т. Наумов дважды лично выводил разведгруппы частей корпуса на объекты разведки, контролировал и управлял их работой. В результате чего были командованию корпуса доставлены ценные данные о противнике. Неоднократно на танке и бронемашине выезжал в боевые порядки частей корпуса, устанавливал огневые точки и группировку противника. По данным т. Наумова артиллерия корпуса открывала огонь и подавляла их. Тов. Наумов лично инструктировал, увязывал взаимодействие и выводил роту 58 мотострелковой бригады для разведки боем. В результате которой в ночь с 19 на 20 июля 1943 г. противник был выбит с высоты западнее Виноградовки, и части корпуса вслед за разведкой пошли преследовать противника <...>».

[30] Имеется в виду 10-й танковый корпус под командованием генерал-лейтенанта В.Г. Буркова.

[31] Имеется в виду штаб 69-й армии.

В районе Правороть нам пришлось держать подвижную оборону. Мы не имели определенного участка обороны, а имели только задачу держать подвижную оборону. Здесь мы осуществляли проволочную связь, все части были связаны проволочной связью. Но от ударов авиации линии очень часто рвались.

Здесь получил свое боевое крещение [ныне] гвардейский 148 батальон связи. Хотя у нас были порывы, но мы построили такую схему, что даже если одну линию и порвут, то рвется только она одна, а общая связь не нарушается, а осуществляется обходным путем.

Наши бригады имели связь с нами непрерывно, так что в этом отношении у нас было благополучно.

Большое мужество проявили здесь телефонисты. Несмотря на бомбежку, сильный минометный обстрел, они со своей задачей справились, проволочная связь работала бесперебойно. Со штабами наших бригад у нас была такая же связь, как и со штабом фронта — телефонная, через 60 армию[32] мы имели связь и по морзе через армию — фронт.

Радио у нас тоже работало хорошо. Если бы у нас плохо работала радиосвязь, то одна наша [ныне] 59 гвардейская танковая бригада могла бы погибнуть. Она была в глубине обороны противника. Мы получили данные, что противник их отрезал, двигаясь на Прохоровку, и бригада в полном составе очутилась у него в тылу. Проволочной связи уже здесь не было, связь поддерживалась все время по радио. Здесь были приняты все меры к тому, чтобы эту бригаду вывести. Сначала мы послали свой «У-2». Но он лететь не мог, так как ночью он летать не приспособлен, а днем его могли подбить немецкие истребители. Но по радио был дан приказ о выходе бригады к северу. И бригада без потерь вышла из окружения.

Много пришлось поработать в условиях переброски южнее Правороти. Радиостанция опять-таки имелась у оперативной группы, но так как бригадам был намечен исходный пункт для атаки, мы поставили и телефонные средства. И бригады еще не прибыли, а проволочная связь у них на КП уже была дана. Таким образом, бригады только сосредоточились, а связь уже действовала. Также мы давали связь и 2 гвардейскому Тацинскому корпусу.

В бою под Прохоровкой особенно отличился командир телефонно-кабельной роты, гвардии капитан Берлетов[33]. Он лично сам руководил работами на самых ответственных участках. Был ранен, но все же продолжал свою работу.

---

[32] Правильно — 69-ю армию.

[33] *Берлетов Николай Иванович* (1922—?) — в период боев под Прохоровкой лейтенант, командир телефонно-кабельной роты 894-го отдельного батальона связи (ОБС), награжден орденом Красной Звезды. Из наградного листа: «В период ожесточенных боев с 10 по 12 июля 1943 г. в районах Ямки, свх. «Октябрьский», Михайловка, свх. «Сталинское (отделение)» Прохоровского района Курской обл. тов. Берлетов под непрерывным артиллерийско-минометным огнем противника и бомбежке с воздуха хорошо организовал связь с частями, сам лично, возглавляя подчиненных, подымая их дух к победе, устанавливал бесперебойную связь штаба корпуса с бригадами 99 тбр, 26 тбр, 58 мсбр. В районе свх. «Октябрьский», Михайловка, несмотря на сильный обстрел противника и бомбежку с воздуха, тов. Берлетов сам лично исправил более 60 порывов, тем самым обеспечил беспрерывную связь. 15 и 16 июля 1943 г. в районе Правороть таким же образом организовал бесперебойную связь с частями, в трудные

За это он был представлен к правительственной награде. Берлетов как-то работал трое суток без перерыва, не спавши, так как вся ответственность за проволочную связь лежала на нем.

Затем отличился сержант Завороткин Василий Федорович[34], командир отделения, Сатов — тоже командир отделения. Они не считались ни с какими трудностями — ни с бомбежкой, ни с обстрелом, а выполняли свою задачу. Были случаи, когда танки противника переходили нашу линию. И они оставались у них в тылу, снимали телефонные аппараты, сматывали линию из-под носа противника. Это было очень рискованно. Это говорит за то, что люди болели о технике. Даже ни клочка проволоки не оставляли противнику.

Отличился также лейтенант, начальник ВТС ...[35]

Радисты также хорошо работали. Но особенно отличился экипаж Зернова. Несмотря на бомбежку и обстрел, экипаж Зернова был с оперативной группой и сумел сохранить свою радиостанцию во все время боев. Его экипаж состоит из 4-х человек. Он всегда посылался у нас на самые ответственные участки[36].

Когда начался период преследования нашего противника, здесь требовалось быстрое развертывание связи. Мы здесь делали таким образом, что всегда посылали оперативную группу вперед. Кроме того, она имела связь с нами по радио, и мы туда давали еще проволоку от штаба корпуса. Недалеко от штаба оперативной группы находился штаб бригады, и они давали своими средствами к этой группе проволочную связь.

Таким образом, мы при наступлении все время имели проволочную связь, т.е. давали особую линию к оперативной группе, а к этой линии включали бригады. Это был промежуточный узел.

Затем мы использовали и постоянные линии, брошенные противником <...>»[37].

минуты лично сам восстанавливал ее. Проявляя сам мужество и бесстрашие, он это привил своим подчиненным. В роте 16 человек награжденных и представленных к наградам».

[34] *Завороткин Василий Федорович* (1921—?) — в период боев под Прохоровкой сержант, командир отделения телефонно-кабельной роты 894-го ОБС, награжден орденом Красной Звезды. Из наградного листа: «Тов. Завороткин в период ожесточенных боев с немецко-фашистскими войсками с 8 по 12 июля 1943 г. в районе Михайловка Прохоровского района Курской обл. под артиллерийским, минометным огнем и бомбежкой вражеской авиации навел линию от ЦТС до 99 танковой бригады протяжением 8 км. На этой же линии тов. Завороткин устранил до 20 порывов и тем самым обеспечил бесперебойной связью штакор с 99 танковой бригадой. Тов. Завороткин умело руководил своим отделением, тем самым выполнил задание командования».

[35] Так в документе.

[36] *Зернов Виктор Леонтьевич* (1923—?) — в период боев под Прохоровкой старший сержант, старший радиотелеграфист 894-го ОБС, награжден орденом Красной Звезды. Из наградного листа: «В период сильных боев с 8 по 12 июля 1943 г. в районе Васильевка, Андреевка, Михайловка Прохоровского района Курской обл. тов. Зернов, не считаясь ни с чем, в то время, когда авиация противника бомбила КП, и обстреливал противник артиллерийско-минометным огнем, передавал и принимал радиограммы без всяких задержек и искажений. Когда был отправлен начальник радиостанции РСБ в госпиталь, тов. Зернов заменил его, и радиостанция продолжала работать с тем же напряжением, передавая частям распоряжения и приказы командира корпуса».

[37] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Оп. 117. Д. 6. Л. 1—2. За бои под Прохоровкой В.П. Пономарев был награжден орденом Отечественной войны II степени. Из наградного листа: «Майор Пономарев, являясь начальником отдела связи корпуса, за время боевых действий на Белгородском

Из стенограммы беседы с гвардии полковником Пискаревым Петром Васильевичем, командиром 58-й гвардейской (ранее 26-й) танковой бригады 8-го гвардейского (ранее 2-го) танкового корпуса:

«В районе Прохоровки мы сосредоточились часов в 10—11 утра, а в 16.30 пошли в атаку в направлении Тетеревино—Лучки. Это правее железной дороги километров 5—6. Затем противник контратакой потеснил наши части, и мы вынуждены были перейти к обороне на рубеже совхоз «Комсомолец», совхоз «Сталинское отделение», совхоз «Октябрьский». И этот рубеж мы до последнего дня не сдавали. Здесь мы как раз [о]седлали железную дорогу и шоссе. Здесь танковые бои носили исключительно жестокий характер. Ни столько била артиллерия, авиация, как танки. У нас был в тот момент полноценный корпус, мы имели много танков «Т-34». У противника тогда уже были «тигры» и «фердинанды»[38]. Выходило на поле боя более сотни танков. Весь горизонт был покрыт заревом: горели танки, машины, как с его, так и с нашей стороны, кругом шли взрывы, все было окутано черными клубами дыма.

Затем мы перешли в наступление. Его «тигры» подействовали сразу несколько удручающе на некоторых танкистов, но, когда народ увидел, что наши танкисты их подбивают, то стал уже более уверенно действовать. Правда, предварительно мы изучали его тяжелые танки «тигры», и для нас они не были неожиданностью.

Потом мы закопали танки, он кидал на нас большие силы, но не имел успеха. Он только прошел 25—30 км и острием входил в Прохоровку. Мы пошли этот клин срезать. Пошел весь корпус. Наша бригада пошла рвать первый ярус, но соседи наши несколько запоздали. У нас было такое положение, что мы должны были смять противника на этом участке и выйти на Белгород и Харьков[39]. Правда, его силы здесь были большие, и в конечном счете эта атака решающего успеха не имела. Мы сорвали его наступление.

Измотав его силы, мы перешли к обороне. А он действовал здесь такими крупными соединениями, как «Адольф Гитлер», эсесовские части «Мертвая голова», и у некоторых наших частей был страх перед ними. А потом, когда их разбили, то мы уже пошли и пошли, эти эсесовские части повернулись в обо-

---

направлении четко и бесперебойно обеспечивал связью управление корпуса со всеми частями и подразделениями корпуса. Личный состав батальона связи под руководством тов. Пономарева, несмотря на трудные условия, проявлял много подвигов и под разрывами снарядов и бомбежкой авиации противника всегда восстанавливал связь».

[38] Здесь П.В. Пискарев ошибается. Все имевшиеся на Восточном фронте 90 штурмовых орудий «Фердинанд» находились в группе армий «Центр» и применялись немецким командованием для прорыва советской обороны на северном участке Курской дуги, в районе Понырей. В советской армии «Фердинандами» часто называли все немецкие САУ.

[39] Из оперативной директивы № 0014/ОП. Штаб Воронежского фронта 7.07.43. 23.00: «Основная задача контрудара — разгромить группировку противника в районе Беленихино, Ерик, Шопино, выйти на фронт Сырцево, Яковлево, Козьмо-Демьяновский, Быковка, Ерик, Шопино, охватив тем самым с востока главные силы противника. Частные задачи: <...> 2. 2тк <...> ударом в направлении свх. Комсомолец, Быковка уничтожить противника и выйти в район Козьмо-Демьяновка, Быковка <...>». Цит. по: *Лопуховский Л.Н.* Указ. соч. С. 122.

рону пехотной дивизии. То же самое было и с «тиграми», и «фердинандами», и «пантерами». Они уже нашим танкистам были не страшны.

После нашей обороны под Прохоровкой идут бои наступательного характера в направлении совхоза «Комсомолец», Тетеревино, хутора Озерский, Лучки, и вышли мы в район Смородино, в Журавлиную рощу. Был у них здесь очень крепкий опорный пункт, который не давал возможности нашим наступающим частям выйти северо-западнее г. Белгорода, и на этом участке мы вели бои на изматывание наступающих сил противника <...>»[40].

Из стенограммы беседы с гвардии майором Лизунковым Сергеем Григорьевичем, командиром 270-го танкового батальона 58-й гвардейской (ранее 26-й) танковой бригады 8-го гвардейского (ранее 2-го) танкового корпуса:

«После сосредоточения в районе Прохоровки мы получили приказ выйти на исходные позиции в район хутора «Комсомолец». Когда мы прибыли на исходное положение около Уразово[41]— Сторожевое, спешно нужно было идти вперед. Личный состав был хорошо подготовлен, мы получили сразу задачу, довели ее до командиров танков, до экипажей и пошли.

По задаче было известно, что пойдут и другие соединения нашего корпуса, но они немного задержались. А наша бригада пошла целиком, в полном составе, и так пошла, что врезалась в немецкие танки. А там было около 40 штук «тигров» и танков, которые были отрезаны от противотанковой обороны. Немецкие танки там уже стояли на исходных позициях, готовые двинуться, и вдруг мы врываемся. Я дал команду — «правее», чтобы не попасть в такую кашу, так как по ним уже ударила наша артиллерия. Но меня там немцы накрыли, и идти дальше было нельзя. Пришлось идти в лоб на эти танки, пошли на таран. Такая кутерьма была, что я не видел сроду такого боя. Немцы открыли с места по моим танкам огонь. А потом, когда мы на них пошли в лоб, они раскололись на две группы, повернулись и наткнулись на нашу следующую группу. Этим самым мы приостановили немного движение. У меня осталось от батальона 7 танков, а выходило 26. Но мы уничтожили там 11 «тигров» и других танков.

Под вечер я занял на высоте оборону в районе совхоза «Комсомолец». У нас отстало еще раньше по неисправности 4 танка, они к нам подошли, и у нас стало 11. Мы ночью встали, а утром немцы пошли в наступление. Они пустили в этом направлении 75 танков. Справа стоял наш 282 батальон с «Т-70». Но в основном немцы пошли на мой батальон, как раз на Прохоровку. Это было ча-

[40] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Оп. 118. Д. 1. Л. 8—8 об. За бои под Прохоровкой П.В. Пискарев был награжден орденом Красной Звезды. Из наградного листа: «За период боев с 8 по 20.7.43 г. бригада уничтожила — 61 танк противника, из них — 25 «тигров», — 5 пушек самоходных. — 31 орудие разного калибра, уничтожила 58 пулеметных точек, подавила огонь артиллерийской и 8 минометных батарей, истребила — 4489 гитлеровцев. Отбрасывая врага на запад, бригада продвинулась вперед на 28 км и освободила 7 населенных пунктов. Тов. Пискарев в критические моменты боя лично сам выезжал в боевые порядки танков и организовывал отражение вражеских атак <...>».

[41] Здесь Лизунков ошибается. В районе Уразово бригада находилась в резерве Юго-Западного фронта до 7 июля 1943 г.

сов 7.30. Немцы сделали соответствующую подготовку переднего края, потом пустили танки. До вечера мы сдерживали противника. Правда, танки наши пожгли, люди горели в танках, но был дан приказ: ни шагу назад. И мы противника не пропустили. Все же немцы здесь прекратили свое наступление. У нас было уничтожено 9 танков, и подбили мы немецких — 8. Когда шел горячий бой, немцы наступали, генерал Попов дал мне еще пять штук танков из батальона связи для поддержки. Мы их поставили на правый фланг. Из них 4 сгорело, а один был подбит. Радист его вывел, хотя и был ранен в руку, а остальные экипажи погибли. И до вечера мы держали эту немецкую группировку. Перед вечером немцы не пошли в наступление, а пошли в обход вправо и влево. Там они наткнулись на наши свежие части, и немцы здесь свое наступление прекратили.

Когда к вечеру мы перешли на другой рубеж, у меня осталось два танка, и генерал нам дал свои три личных штабных танка. Таким образом, у меня было пять танков. Немцы опять пошли в наступление. Немцы, конечно, знали, что здесь делается, какие у нас силы, но все же они решили пойти на Прохоровку.

Здесь я держал участок до 3-х часов дня. Немцы пустили до 40 танков и полка два пехоты. Но мы опять не пропустили его. Подбили они у нас три танка, а бомбежкой еще два танка. Здесь я уже совсем выдохся. Но немцы видят, что есть сопротивление, и они пошли вправо, на совхоз, где был Борисов — теперь Герой Советского Союза[42]. Они там наткнулись на наших артиллеристов. А потом на другой день пришел туда другой танковый наш корпус, и немцев погнали обратно[43].

Особенно крепко дрались такие товарищи, как командир роты старший лейтенант Погарский[44], он там и погиб. Затем один командир взвода, лейтенант Трофимов, командир танка Кондратьев[45], хорошо дрался Ушаков, теперь командир роты, тогда он был командиром взвода. Старший лейтенант Лутовин[46] — те-

---

[42] Стенограмму беседы с Борисовым см. далее по тексту.

[43] Имеется в виду 29-й гвардейский танковый корпус 5-й гвардейской танковой армии.

[44] *Погарский Андрей Иванович* (1913—1943) — ст. лейтенант, командир роты танков Т-34 270-го танкового батальона 26-й танковой бригады. Погиб в бою под Прохоровкой 8.7.1943 г., посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени. Из наградного листа: «Старший лейтенант Погарский Андрей Иванович в бою у ст. Прохоровка Курской обл. с 8.07.43 г. проявил себя тактически грамотным, смелым командиром, умело ведя роту в бой с немецко-фашистскими захватчиками, своим танком Т-34 уничтожил один танк Т-6 «тигр», два танка Т-4, подавил огонь артиллерийской батареи противника и уничтожил до 150 солдат и офицеров противника. Его рота первая ворвалась в расположение противника и нанесла большой урон в живой силе и технике врага».

[45] *Кондратьев Иван Андреевич* (1921—1943) — уроженец Ленинградской обл. Лужицкого р-на д. Подсубья, командир танка Т-34 270-го тб, 26-й тбр, пропал без вести в 1943 г.

[46] *Лутовин Иван Андреевич* (1916—?) — мл. лейтенант, командир взвода Т-34 270-го тб 26-й тбр. За бои под Прохоровкой награжден орденом Красной Звезды. Из наградного листа: «Мл. лейтенант Лутовин И.А. в бою под ст. Прохоровка Курской обл. с 8.07. по 11.07.43 г. с немецкими захватчиками за это время уничтожил танком Т-34 два немецких тяжелых танка и один танк Т-6 «тигр» вместе с их экипажами и расстрелял (уничтожил) следовавших автоматчиков за этими танками до 30 чел. Выполняя приказ командования, проявил смелость и стойкость против превосходящих сил противника».

перь командир роты, механик-водитель Рындин[47] три раза выводил подбитую машину. Механик-водитель Половинкин также, да и другие товарищи хорошо дрались <...>»[48].

Из стенограммы беседы с гвардии капитаном Кардашевым Гавриилом Гавриловичем, командиром 282-го танкового батальона 58-й гвардейской (ранее 26-й) танковой бригады 8-го гвардейского (ранее 2-го) танкового корпуса:

«<...>Вступил я только в бой под Прохоровкой в качестве начальника штаба батальона. 8 июля мы вступили в бой в полном своем составе, всего 30 танков. Здесь у нас была несколько неудачная атака, в результате которой мы потеряли много танков. Вышло так, что немцы пошли в наступление, и мы пошли в контрнаступление.

Правда, мы его остановили, но, если бы пошли все танки, мы его погнали бы еще больше, так как танки пошли не все одновременно, а пошла сначала наша бригада. Немцы очухались, собрали свои силы и оказали нам сопротивление.

Мы здесь после этого отремонтировали танки и поставили в оборону. Немцы пошли в наступление на Обоянь, правее нас. Мы видели их артиллерийскую подготовку. Но они там не имели успеха.

Часов в 11 утра на следующий день они пошли в наступление на нашем участке. Здесь у нас стояло 10 тридцатьчетверок, закопанные в земле, закопали их по самую башню, даже у некоторых башня была в земле, оставалась на поверхности одна пушка. Здесь было много немецкой авиации, они беспрерывно бомбили наши боевые порядки и вели сильную артподготовку.

---

[47] *Рындин Павел Дмитриевич* (1922—1943) — ст. сержант, водитель-механик Т-34 270-го танкового батальона 26-й танковой бригады. За бои под Прохоровкой был награжден орденом Отечественной войны I степени. Из наградного листа: «В бою с немецкими оккупантами с 8 июля по 11 июля 1943 г. под ст. Прохоровка Курской обл. проявил себя, как мастер вождения, в динамике боя подводил свой танк Т-34 для уничтожения тяжелых танков Т-6 «тигр» противника, тем самым за период боев помог экипажу уничтожить два танка Т-6 «тигр», один танк Т-4. В последующем бою с Т-6 танк вышел из строя. Не взирая на артиллерийский, минометный и бомбовый огонь противника, сам отремонтировал свой танк на поле боя и снова громил врага со своим экипажем. Когда вторично от попадания вражеского снаряда в ходовую часть гусеница была сбита, Рындин снова выскочил из танка, привязал гусеницу к танку и на одной гусенице, маневрируя, давал возможность экипажу вести огонь по порядкам противника». С августа 1943 г. Рындин П.Д. числился без вести пропавшим (ОБД Мемориал, № 68097187).

[48] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 1. Оп. 118. Д. 2. Л. 2—2об. За бои под Прохоровкой С.Г. Лизунков был награжден орденом Красного Знамени. Из наградного листа: «В боях за социалистическую родину в районе свх. «Комсомолец» и д. Васильевка с 8-го по 13.07.43 г. Лизунков показал себя как бесстрашный, стойкий, отважный командир. Сам лично водил свой батальон в атаку на противника, показывая образцы героизма, умения командовать батальоном. Сам лично из своего танка «Т-34» уничтожил: танков «Т-4» — 2, один тягач, 3 пушки с прислугой. Майор Лизунков, презирая смерть, несмотря на бомбежку с воздуха, своим батальоном, состоящим из 5 танков «Т-34», сдерживал 5 дней атаки танков и пехоты противника, проявляя при этом образцы героизма и стойкости, показывая пример личному составу батальона. 10 июля 1943 г. в момент, когда майор Лизунков остался с двумя танками «Т-34» и на него двигалось 75 танков противника с пехотой, т. Лизунков, отдав приказ: «ни шагу назад!», залез в танк и стал хладнокровно расстреливать идущие танки и пехоту противника и, оставшись с одним танком «Т-34», не дрогнул и вел бой до тех пор, пока не получил приказа на перемену места обороны. В результате такой личной отваги и доблести его батальон уничтожил: «Т-6» — 14, «Т-4» — 11, средних танков — 13, автомашин — 13, тракторов — 6, орудий — 19, пехоты до 500 человек <...>».

В результате наши танки погорели и осталось всего два танка. Экипаж лейтенанта Кондратьева награжден орденом Красного Знамени[49] (впоследствии тов. Кондратьев погиб). Здесь он особенно отличился. Он действовал как бы из-за засады. Стоит сначала в одном месте и бьет, потом в другом месте бьет. Кончились боеприпасы, он выходит назад, заряжается и снова выходит на место боя. Таким образом, для противника создавалась видимость, что танков у нас много. Мы, таким образом, продержали противника до вечера, и он дальше не пошел. У танка Кондратьева порвалась гусеница. Мы с Лизунковым[50] это видим. Экипаж растерялся, не знает что делать. А у нас один танк стоял в засаде для буксирования, так как у него работающим остался только один мотор. И мы этот танк пустили для буксирования танка Кондратьева.

На другой день мы заняли оборону — метров 800 позади пехоты. У нас было три 34-ки и несколько 70-ок. Немцы пошли на этом участке в наступление и имели некоторый успех. Прошли они с километр вглубь, но мы уже выдохлись, и в бой вступил 29 танковый корпус[51]. Они произвели рекогносцировку и вступили в бой. А мы потом из СПАМа[52] стянули танки и стали бить немцам во фланг, помогали 29 корпусу и погнали немцев назад.

На Прохоровском плацдарме мы гнали немцев до Крапивинских дворов, т.е. восстановили прежнее свое положение <...>»[53].

Из стенограммы беседы с гвардии майором Богатырем Александром Куприяновичем, заместителем командира по политчасти 270-го танкового батальона 58-й гвардейской (ранее 26-й) танковой бригады 8-го гвардейского (ранее 2-го) танкового корпуса:

«<...> Во время боев началась массовая подача заявлений в партийную организацию о приеме в партию. Большинство товарищей просили не отказать в просьбе их — стать коммунистами и идти в бой большевиками. Только [в] один день 8 июля 1943 г. перед боями на Прохоровском плацдарме было подано 37 заявлений.

Вот отдельные заявления товарищей.

Экипаж лейтенанта Кондратьева до начала боев был комсомольский. Во время боев он стал коммунистическим. В партию вступили 4 человека. Сам тов. Кондратьев тоже писал в своем заявлении:

---

[49] К сожалению, наградной лист на Кондратьева И.А. нами не обнаружен.

[50] С.Г. Лизунков — командир 270-го танкового батальона этой же бригады.

[51] Имеется в виду 29-й танковый корпус 5-й гвардейской танковой армии, который 12 июля 1943 г. перешел в контрнаступление под Прохоровкой.

[52] СПАМ — сборный пункт аварийных машин.

[53] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 1. Оп. 118. Д. 4. Л. 2 об.—3. За бои под Прохоровкой Г.Г. Кардашев был награжден орденом Отечественной войны II степени. Из наградного листа: «<...> Кардашев Г.Г. за время боев с 8.7.43 г. по настоящее время, находясь на передовой линии, командуя и выполняя приказы командования, своим личным вмешательством, не взирая на огонь противника, перебегал от танка к танку, приказывая стоять — ни шагу назад, в то время как другие части отходили, нарушая приказ, и батальон выстоял, удержал врага, который 11.7.43 г. переходил в контратаку, беспрерывно подбрасывая новые резервы в бой против батальона. Такие случаи были неоднократные. Этим вмешательством решался исход боя в нашу пользу. Когда выбывали из строя командиры машин, капитан Кардашев сам садился [в танк] и бил, уничтожая технику и живую силу врага <...>».

«Прошу партийную организацию принять меня в ряды коммунистической партии большевиков. Считаю себя вполне подготовленным, в бой хочу идти коммунистом. Я сам — ленинградец, у меня в Ленинграде — сестра, которой пришлось пережить тяжелую блокаду. Хочу отомстить немцам за все их злодеяния».

Или заявление механика-водителя Рындина:

«Наша Родина сейчас переживает тяжелые дни. Партия большевиков является передовым отрядом в борьбе с немецкими захватчиками. Хочу быть в рядах партии. Высокое звание коммуниста оправдаю в боях».

Тов. Рындин погиб в этом бою.

И многие аналогичные заявления были поданы перед первыми боями. Эти товарищи показали себя прекрасно в боях, именно так, как они писали в своих заявлениях. После первой атаки товарищи были приняты кандидатами в члены партии.

Бои нарастали, так как немцы [и] не думали уйти с нашей земли без сокрушительных ударов [по ним] Красной Армии.

Здесь необходимо подчеркнуть, что у наших коммунистов слова не расходятся с делом, они вели себя на поле боя так, что были примером для других.

Вот один из эпизодов.

Фашистские части стали все ближе подходить к нашим передовым частям. Некоторая часть наших танков была подбита, в том числе у коммунистов Кондратьева, Рындина. Но они на одной гусенице повернулись на 360 [градусов] и уничтожили два вражеских танка и две пушки.

В тот день танк Кондратьева поправили, и к вечеру они пошли в атаку. Машина его наскочила на минное поле, но он ночью эвакуировал свой танк и еще два танка, в том числе танк Уткина и одного лейтенанта.

Через несколько дней экипаж Кондратьева снова начал готовиться к боям.

Партийная организация проводила перед боями большую работу.

В одном из боевых батальонов был получен приказ идти во втором эшелоне, но так как 169 бригада не пошла, то пошли мы первым эшелоном. В этом бою экипаж Кондратьева — Рындин, башенный стрелок Стрючков[54], пулеметчик Рубцов[55] — уничтожили три пушки и до 20 солдат и офицеров, а также один танк.

[54] *Стрючков Александр Ильич* (1921—?) — сержант, командир башни Т-34 270-го танкового батальона 26-й тбр. За бои под Прохоровкой награжден орденом Красной Звезды. Из наградного листа, подписанного 12.07.1943 г.: «Сержант Стрючков Александр Ильич в бою с немецкими захватчиками с 8 июля 1943 г. по настоящее время под ст. Прохоровка Курской обл. проявил себя стойким, умелым воином, своей отличной работой помог уничтожить тяжелый немецкий танк Т-6 «тигр» и до роты гитлеровцев. Когда был ранен механик-водитель и повреждено орудие, Стрючков сел за управление танка и вывел его с поля боя. Кроме этого, на своем танке эвакуировал с поля боя два танка Т-34, привел их на свой СПАМ, не взирая на сильный артиллерийский и минометный огонь противника, который старался добить танк Стрючкова».

[55] *Рубцов Николай Иванович* (1924—?) — мл. сержант, радист-стрелок 270-го танкового батальона 26-й тбр. За бои под Прохоровкой награжден медалью «За отвагу». Из наградного листа: «Радист-стрелок мл. сержант Рубцов Н.И. в боях с немецкими оккупантами с 8 июля 1943 г. проявил себя смелым, отважным воином. Совместно с экипажем лейтенанта Кондратьева уничтожил огнем из пулемета до 50 гитлеровцев и своим участием помогал экипажу уничтожить 2 (танка) Т-6 «тигр» и 1 (танк) Т-4 и увести свой танк из-под огня противника на одной гусенице, прижимая наседавших автоматчиков к земле огнем из пулемета, под станцию Прохоровка».

Когда мы шли на Журавлиный лес, батальон пошел в атаку и наскочил на минное поле. Часть машин подорвалась. Но машина Кондратьева пошла вперед и сумела подбить две пушки с прислугой. Потом он вернулся назад по этой же колее, когда увидел, что там подорвались наши танки. Подорвалось у нас шесть танков, и он вытащил четыре танка, а второй экипаж вытащил остальные два. Таким образом, все танки были выведены и потом восстановлены.

Весь этот экипаж был награжден во главе с командиром танка Кондратьевым. Кондратьев получил орден Красного Знамени, механик-водитель орден Отечественной войны I степени, башенный стрелок орден Красной Звезды и стрелок-радист медаль «За отвагу»[56].

Из стенограммы беседы с гвардии старшиной Артемьевым Александром Семеновичем, механиком-водителем 58-й гвардейской (ранее 26-й) танковой бригады 8-го (ранее 2-го) танкового корпуса:

«В Лучках мы были во втором эшелоне[57]. Впереди нас были еще машины. Мне сказал парторг батальона Лапидус[58]: «Механик, вперед!». Мы пошли. Там мы по траншеям человек 50 подавили. Когда пошли на полный ход, немцы, увидев нас, бросились из своих траншей бежать. Причем бегут навстречу нам и, не добегая еще, поднимают руки — бери, мол, в плен. А я думаю, что я буду вылезать из машины. Они тогда стараются подлезть под машину, думают — высоко, как-нибудь спрячутся. Ну, а я танк поверну, и они печеные оттуда выскакивают — только бери. Лапидус подбил одну машину — танк, одну грузовую машину. Потом он сделал короткую остановку, а потом опять: «Механик, вперед!». Мы раздавили пушку. А потом я завернул в лес и оттуда по башне ударили, и здесь нам угодил в башню снаряд. Командира машины, парторга батальона, убило, а машина моя сгорела.

Затем нам было приказано продвинуться 4 км и взять станцию Тетеревино. Опять батальоны 270 и 282 пошли в атаку. Там была большая балка, и по ней тянулся противотанковый ров. По ней шла только одна дорога и один мост, а то все кругом были одни эскарпы. Дорога была пристреляна. Оба батальона здесь встали. Мы там стояли-стояли с командиром машины, я ему и говорю: «Товарищ лейтенант, мы с вами проедем, подумаешь, какая важность, на то и война».

---

[56] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Оп. 118. Д. 6. Л. 1—1об. Скромный замполит ничего не сказал сотрудникам Комиссии Минца о себе, а ведь он, судя по документам, тоже был в эти дни на передовой. За бои под Прохоровкой А.К. Богатырь был награжден орденом Красной Звезды. Из наградного листа: «Капитан Богатырь в боях с немецкими захватчиками под станцией Прохоровка Курской области с 8-го по 13.7.43 г. проявил себя мужественным, смелым командиром. Будучи зам. командира батальона по политчасти, показывал образцы выполнения воинского долга. Следуя в атаках в боевых порядках батальона, воодушевлял личный состав на подвиги своим личным примером бесстрашия и презрения к смерти. Лично из танка уничтожил два танка противника и до взвода гитлеровцев. Благодаря повседневному присутствию среди экипажей в самые трудные минуты боя, личный состав образцово выполнил свой долг перед родиной, не уступив врагу ни пяди советской земли. В батальоне образцово поставлена политработа, вследствие чего нет случаев трусости и паникерства <...>».

[57] Речь идет о наступательных боях, которые части корпуса вели после 17 июля 1943 г.

[58] *Лапидус Александр Борисович* (1917—1943) — уроженец г. Ленинграда, старший лейтенант. Ответственный секретарь партбюро 270-го танкового батальона 26-й тбр. Погиб в бою у д. Лучки 21.07.1943 г. (ОБД Мемориал, № 2456196).

Доехали до оврага, стали спускаться. Немцы дали по нам залп. Я развернулся на 180 [градусов] и пошел прямо на их батарею. Они еще раз по мне дали. Но тут уже стрелять было нельзя, так как было очень близко. Я прямо на третьей скорости давай по пушкам — на первую, на вторую, на третью, все с прислугой и подавил. Потом я спрашиваю: «Ну, где, что есть еще?». Командир говорит, что здесь ничего нет. А с той стороны была рожь, и там находился батальон немецкой пехоты. Они там держали оборону. Я их там опять давил. Наверно, больше сотни подавил, поутюжил. Когда я подавил батарею, они прекратили вести огонь, и оба батальона прошли. За это я получил орден Отечественной войны 1-й степени.

Когда налетишь на пушку и давишь, то только железо под гусеницами скребет, огонь летит, вот, думаешь, стрелять теперь не будешь, теперь-ка —все!

Под Журавлиным лесом нам тоже приказали часов в 5 вечера идти в атаку. Там была балка. Но мне задачу не всю рассказали. Этот лес был половину у нас, половину у них, и нужно мне было очистить этот лес. Одну пушку я раздавил, человек 25 фрицев тоже раздавил. Когда я доехал до леса, фрицы — давай бежать. Но куда они могли убежать? Каждого, конечно, не раздавишь. Другой сидит и думает — не увидит. Ну, а твое дело — давить. А «Т-34» глазом не успеешь моргнуть, как поворачивается <...>»[59].

Из стенограммы беседы с гвардии младшим лейтенантом Мойсюком Борисом Николаевичем, помощником начальника политотдела по комсомолу 58-й гвардейской (ранее 26-й) танковой бригады 8-го гвардейского (ранее 2-го) танкового корпуса:

«Из характерных заявлений мы имели, например, заявление тов. Сикуна Ивана Федотовича[60]. Он писал:

«Прошу принять меня в члены ВЛКСМ. Я буду драться с врагом до последнего дыхания, в случае моей гибели прошу считать меня комсомольцем».

---

[59] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 1. Оп. 118. Д. 9. Л. 1—1 об. За бои под Прохоровкой старший сержант А.С. Артемьев был награжден орденом Отечественной войны I степени. Из наградного листа: «Тов. Артемьев в боях за социалистическую родину против немецких захватчиков показал себя смелым, решительным и находчивым механиком водителем. В боях в районе высоты 215,4 и лес Журавлиный Курской области тов. Артемьев, умело маневрируя своим танком и корректируя огонь своего командира, смело повел свой танк на оборону противника, где гусеницами своего танка раздавил противотанковое орудие вместе с расчетом и много солдат и офицеров. За два дня боев его экипаж уничтожил: 2 средних танка противника, раздавил гусеницами одно противотанковое орудие, а одно орудие захватили исправным, уничтожив при этом гусеницами и огнем пулеметов до 120 солдат и офицеров, сохранив при этом свой танк <...>». Как оказалось, несколькими днями раньше, 12 июля 1943 г., в самый разгар танковых сражений под Прохоровкой, А.С. Артемьев был представлен и затем награжден медалью «За отвагу». Об этом эпизоде он ничего не сказал в своем интервью Комиссии. О его героизме можно узнать из наградного листа: «Старший сержант Артемьев Александр Семенович в боях под станцией Прохоровка Курской области с немецкими оккупантами показал бесстрашие в бою. Во время боя в некоторых танках кончились снаряды, видя угрожающее положение, сержант Артемьев начал доставлять снаряды с подбитых танков танкам, находящимся на поле боя. На себе Артемьев вынес снарядов с подбитых танков более 100 штук. Этим самым обеспечил бесперебойную стрельбу боевым танкам и успех боя <...>».

[60] К сожалению, наградной лист на Сикуна И.Ф. о награждении его медалью «За отвагу» нами не найден.

Он автоматчик-десантник. Сражался он неплохо и награжден медалью «За отвагу».

Затем гвардии сержант Рогов Николай Сергеевич[61], минометчик, командир отделения. В боях на Прохоровском направлении у минометчиков создалось такое положение, что они находились или в боевых порядках пехоты, а иногда даже впереди пехоты. Кроме того, они нашли полковой миномет 120 мм, брошенный кем-то из наших частей, они его исправили, нашли к нему боеприпасы и открыли из него огонь. Уничтожили они две автомашины. Здесь отличился Рогов. Он уничтожил две автомашины с грузом, три пушки и до роты пехоты противника. Они вели огонь, несмотря на бомбежку авиации, и, несмотря на сильный обстрел, они все же продолжали уничтожать врага. Рогов награжден орденом Красной Звезды и после боев был принят в партию. Сейчас он является комсоргом минометной роты.

Затем минометчик сержант Криворучко Николай Степанович[62] действовал вместе с Роговым и награжден медалью «За отвагу».

Комсомолец гвардии сержант Смирнов Андрей Васильевич[63] — автоматчик-десантник, он тоже хорошо дрался. У него на счету более 10 немцев. Он со своим отделением захватил 4 немецких пулемета. Награжден орденом Красной звезды. <...>

Гвардии лейтенант Федулов Тихон Иванович[64] во время летних боев уничтожил со своим экипажем и огнем танка «Т-70» три немецких танка и более

---

[61] *Рогов Николай Сергеевич* (1925—?) — мл. сержант, наводчик минометной роты 26-го мотострелкового пулеметного батальона (мспб) 26-й тбр. За бои под Прохоровкой награжден орденом Красной Звезды. Из наградного листа: «В боях за социалистическую Родину в районе совхоза «Комсомолец» тов. Рогов смело из миномета уничтожил до 40 солдат и офицеров, одну минометную батарею. Этим самым дал возможность нашей пехоте продвигаться вперед».

[62] *Криворучко Николай Степанович* (1925—?) — мл. сержант, наводчик минометного отделения минометной роты МСПБ 26-й тбр. За бои под Прохоровкой награжден медалью «За отвагу». Из наградного листа: «В боях за освобождение социалистической Родины от немецких оккупантов тов. Криворучко проявил себя стойким и мужественным наводчиком. Огнем из своего миномета за один бой тов. Криворучко 9 июля 1943 г. уничтожил три пулеметных точки и до 50 человек пехоты противника».

[63] *Смирнов Андрей Васильевич* (1920—?) — сержант, командир отделения танко-десантной роты автоматчиков 26-го мспб. За бои под Прохоровкой награжден орденом Красной Звезды. Из наградного листа: «В боях с немецкими оккупантами тов. Смирнов проявил мужество и отвагу, в районе совхоза «Комсомолец» при продвижении на танках высадился со своим отделением за передний край обороны противника, он со своим отделением ворвался первым в траншеи и хода сообщения, забросав их гранатами. В результате чего уничтожено 20 солдат и офицеров. Смирнов со своим отделением занял оборону и огнем поддерживал свою пехоту, которая продвигалась вперед. Тов. Смирнов уничтожил расчет самоходной пушки».

[64] *Федулов Тихон Иванович* (1923—?) — лейтенант, командир роты танков Т-70 282-го танкового батальона 26-й тбр. За бои под Прохоровкой награжден орденом Красной Звезды. Из наградного листа: «В ожесточенных боях с немецкими оккупантами тов. Федулов показал себя смелым и решительным командиром роты. В боях за социалистическую Родину в р-не высоты 215,4, лес Журавлиный тов. Федулов, умело маневрируя своим танком Т-70, 26 и 27 июля с.г. уничтожил: 2 средних немецких танка, один станковый пулемет и до 75 солдат и офицеров, сохранив при этом свой танк и экипаж. И только ранение вывело тов. Федулова из строя на непродолжительное время. Своими действиями тов. Федулов дал возможность продвигаться нашей пехоте и громить фашистских захватчиков».

100 солдат и офицеров противника. Награжден орденом Красной звезды и орденом Отечественной войны 1-й степени.

Гвардии лейтенант Ушаков Петр Иванович[65] только в одном бою под Прохоровкой сжег два «тигра» и один подавил. Кроме того, имеет на своем боевом счету несколько уничтоженных пушек, много автомашин и пехоты. Награжден орденом Красного знамени.

Гвардии мл. сержант Ковалев Василий Семенович, разведчик бригады. Сейчас послан на учебу. За одну свою операцию — смелый рейд в тыл противника километров за 20, он взорвал железнодорожный мост. Он имел с собой группу разведчиков, взрывчатое вещество. Мост был взорван у станции Боромля. Без потерь они вернулись в часть. Ковалев был награжден орденом Красной звезды[66].

В первой атаке на Прохоровском плацдарме в танк Кондратьева попал вражеский снаряд и вывел из строя шаровую установку лобового пулемета, открылся и застопорился люк механика-водителя. Но экипаж все же сражался и при открытом люке и без одного пулемета и продолжал успешно вести огонь по врагу. В первой атаке был уничтожен один средний танк и одна пушка противника. Когда у танка Кондратьева была разбита одна гусеница, они тоже не растерялись и продолжали вести огонь, маневрируя на одной гусенице. После окончания атаки танкисты вывели танк в укрытие, натянули гусеницу, а затем под прикрытием темноты вытянули с поля боя еще два наших подбитых танка. И только тогда уехали. На третий день, восстановивши свой танк, экипаж снова пошел в бой, уничтожил три вражеских пушки с прислугой. <...>

За время боев на Прохоровском плацдарме в бригаде принято было в комсомол 48 человек, и из числа комсомольцев рекомендовано в партию 100 человек. За период боев награждено 97 комсомольцев»[67].

Из стенограммы беседы с гвардии подполковником Щукиным Иваном Ивановичем, начальником политотдела 28-й гвардейской (ранее 58-й) мотострелковой бригады 8-го гвардейской (ранее 2-го) танкового корпуса:

---

[65] К сожалению, наградной лист на Ушакова П.И. о награждении его орденом Красного Знамени нами не найден.

[66] Боромля — железнодорожная станция в Тростянецком районе Сумской области. Здесь Б.Н. Мойсюк вспоминает уже не бои под Прохоровкой, а освобождение левобережной Украины, где отличился разведчик бригады В.С. Ковалев.

[67] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Оп. 118. Д. 8. Л. 1—2. Такой же скромностью отличался и помощник начальника политотдела бригады по комсомолу Б.Н. Мойсюк, который ни слова не сказал сотрудникам Комиссии о своем участии в боях. За бои под Прохоровкой Мойсюк был награжден медалью «За отвагу». Из наградного листа: «Тов. Мойсюк в боях за населенные пункты совх. Комсомолец, Сторожевое, Ямы показал стойкость и мужество. 11 июля, когда противник атаковал наши позиции, т. Мойсюк, находясь в мотострелковом батальоне, воодушевлял бойцов и командиров стойко держать оборону. Т. Мойсюк взял винтовку и вместе с бойцами отражал атаку противника, личным своим примером увлекая бойцов и командиров. 12.7.1943 г., когда в батальоне иссякли боеприпасы, по своей личной инициативе в районе населенного пункта Ямы достал боеприпасы и под артминометным огнем и под массированной бомбежкой доставил на передовую линию одну повозку боеприпасов. Тов. Мойсюк правильно нацеливает комсомольские организации — комсомольцы показали героизм и отвагу. В последних боях из числа комсомольцев к правительственной награде представлено 47 [человек] <...>».

«После того, как немцы пошли на Курской дуге в наступление, нашему корпусу была поставлена задача форсированным маршем передвинуться туда и занять оборону. Обороняли мы самое острие клина Курской дуги. Тогда был приказ — любой ценой сдержать противника. Дрались там три корпуса, в том числе и наш. На самом острие находился наш батальон с артиллерийским дивизионом. Главный удар приняла на себя батарея Ажиппо. Борисов, будучи комсоргом, одновременно работал в этой батарее. Количество вражеской авиации там было огромное, летало по 200 самолетов одновременно. Одна партия самолетов уходит, другая прилетает. Расчет одной пушки был весь выведен из строя. Когда Борисов увидел такое положение, он попросил [разрешения] у командира батареи Ажиппо встать в качестве наводчика. Ажиппо ему разрешил, и Борисов здесь начал в упор расстреливать немецкие танки. В этом бою Борисов подбил из своего 76 мм орудия 7 «тигров» и был ранен, но он стоял у орудия до тех пор, пока не стал истекать кровью. Ранен он был в голову.

За этот героический поступок ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Сейчас он продолжает работать комсоргом дивизиона. Он очень хороший и энергичный паренек, много провел бесед, как он овладел своим орудием, чтобы без промаха бить по танкам, вообще делится опытом своей работы <...>»[68].

Из стенограммы беседы с гвардии капитаном Плахотой Григорием Федосеевичем, заместителем командира артдивизиона 28-й гвардейской (ранее 58-й) мотострелковой бригады 8-го (ранее 2-го) танкового корпуса:

«Я приехал под Прохоровку самый первый. Мы приехали туда из села Двулучное по дороге от Уразово. Мы стали в лесу. Тогда и началось немецкое наступление. Мы пополнились машинами, запаслись горючим. Я уже работал не в батарее, а в дивизионе, по строевой части. Мы направили 1-ю батарею для совместных действий с 169 танковой бригадой под Прохоровкой, так как наша бригада не могла вся выехать из-за [отсутствия] машин и из-за горючего. Это было ночью. С этой батареей ехал и я, как представитель от командования дивизиона. Пока вся бригада подъезжала, мы действовали с 169 танковой бригадой. Когда приехали остальные две батареи, 2-я и 3-я, я их не видел, так как они заняли огневые позиции правее нас, а на второй день я решил с ними связаться. Узнал, в каком они направлении, вызвал командиров батарей, дал им инструкции, как действовать совместно с бригадой танковой, и

[68] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Оп. 119. Д. 2. Л. 2—2об. За бои под Прохоровкой майор И.И. Щукин был награжден орденом Отечественной войны II степени. Из наградного листа: «В боях за Родину на белгородском направлении т. Щукин проявил храбрость и отвагу. Во время боев руководил и управлял боем по отражению атак танков и пехоты врага. Партийно-политической работой добился исключительной стойкости в боях бойцов и командиров бригады, благодаря чему противник понес большие потери в живой силе и технике. За время боев с 11 по 24 июля 1943 г. бригада уничтожила 60 немецких танков, из них 11 «тигров», 13 орудий, 42 автомашины, 34 миномета и много другой вражеской техники и оружия. За этот же период бригада истребила свыше 7000 гитлеровцев, продвинулась вперед на 30 км. Тов. Щукин с 11 по 19.7.43 г. лично сам руководил отражением двух контратак танков и пехоты врага в районе Правороть <...>».

пошел к командиру дивизиона. Это было примерно часов в 11. Отошел я примерно километра полтора. Хотя я шел наугад, но попал к своим двум батареям. Не доходя метров 300—400, я вижу, как на батарею, где был Борисов, пошли танки. Завязался бой. Здесь была и сильная бомбежка, а потом начался бой. Когда бомбили самолеты, мы идти не могли. Там была нескошенная рожь, и оттуда нас тоже обстреливали, так как там, по-видимому, сидели автоматчики противника. После бомбежки пошли в атаку немецкие «тигры» и средние танки. Их было около 80. Батарея открыла огонь и подбила тут 9 танков. Один Борисов со своим орудием подбил 7 «тигров». Всего было подбито 16 танков. Но на батарее было разбито три орудия. Действовало только одно орудие, из которого бил Борисов. Расчеты также были все выведены из строя. Остался один Борисов, да и то раненый. Одному заряжающему оторвало руку, другому три пальца и поранило лицо, он впоследствии умер.

Таким образом, в этом бою в основном отличилась 3-я батарея. Борисов получил звание Героя Советского Союза.

Он у нас — комсорг дивизиона. Но работал тогда наводчиком, так как наводчик был выведен также из строя.

Рядом была деревня Правороть. Мы пришли туда. В Васильевке, всего в 100 метрах от нас, был НП корпуса. Там шла очень сильная бомбежка. Наша батарея стояла на прямой наводке. Но особенно сильных схваток около Правороти не было. Правда, там одна наша батарея подбила два танка и била крепко с закрытых позиций. Но ничего выдающегося здесь не было. Мы даже говорили, что, если ничего выдающегося не было, то день зря прошел.

После того, как мы пришли в Васильевку, нам подбросили сил, так как немцы старались сомкнуть кольцо вокруг нас. Но это им не удалось. Наградили меня за Петровку, за то, что отбил контратаку, и второй раз, когда я действовал с танковой бригадой[69]. Правда, здесь я не думал, что останусь живым»[70].

Из стенограммы беседы с гвардии лейтенантом Ажиппо Павлом Ивановичем, командиром 1-й (ранее 3-й) батареи артдивизиона 28-й гвардейской (ранее 58-й) мотострелковой бригады 8-го гвардейского (ранее 2-го) танкового корпуса:

«Батарею я сколачивал в селе Двулучном. Принял я эту батарею еще во время зимней кампании [1943 г.], в период формировки. Я хорошо знал свой личный состав и надеялся на него. Большинство у меня сохранилось от зимних боев — до 35 человек. Причем это были отборные люди, на которых можно было положиться. На формировании я получил новые орудия. Из оккупированных районов пришли к нам молодые ребята с образованием, но я на них не очень надеялся. При формировании единственная задача была на опыте, который был [получен] в предшествующих боях, сколотить хорошую батарею. Командиры взводов у меня были тоже опытные люди, которые прошли

[69] Г.Ф. Плахота к этому времени был дважды награжден орденом Красной Звезды: первый раз за бои в районе села Петровка под Ворошиловградом в феврале 1943 г., а второй раз — за бои под Чугуевым и д. Пятницкое в марте того же года.

[70] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Оп. 119. Д. 6. Л. 2 об.—3.

большой опыт боевой работы и знали, как нужно учить людей. В моей батарее было 6—7 человек наводчиков, и только двух мы не могли научить быть наводчиками. Остальные все могли работать. Так что у каждого орудия у нас было по два наводчика. Как их потеряем — стрелять уже, значит, нельзя. Поэтому мы и постарались научить быть наводчиками всех.

Сколоченность батареи была хорошая. Это можно было видеть по боевой стрельбе. Моя батарея отстреливалась лучше всех, как с прямой наводки, так и с закрытых позиций. С такими работниками, испытанными уже в боях, я и поехал. Это была уже летняя кампания. Прибыли мы в село Красное. Там мы получили боевую задачу — занять оборону на рубеже от железной дороги вправо до совхоза «Комсомолец» и метров 300 в ширину фронта. Этот участок два или полтора километра был вперед Прохоровки. Я занял закрытые огневые позиции. Поддерживаемый нами батальон стоял во втором эшелоне. Но как только он переходит во второй эшелон, так мы [пере]давались в его распоряжение. Таким образом, сначала я очутился на закрытых позициях. Я подтянул связь и занял НП. Начали мы вести огонь по траншеям противника. Я со своего НП просматривал глубину балки. К часам 11—12 я насчитал у них более 40 танков, больше батальона автоматчиков. Я позвонил по телефону командиру дивизиона, что я наблюдаю 40 танков, в том числе 20 «тигров». А мы еще с ними не сталкивались. Но их видели только я и люди, находившиеся на НП. Я их вызвал и сказал: «Вот, смотрите — «тигры», передайте на огневые позиции. Передайте старшему лейтенанту Краснову, как старшему на батарее, чтобы он объявил, что перед нашим фронтом находятся «тигры»». А до этого мы подготавливались в том отношении, что изучались их уязвимые места. А вообще у нас люди танков не боялись, они их били, как орехи, никакой танкобоязни у них не было. И «тигры» на них тоже не подействовали. Мы учили людей с таким расчетом, что хотя «тигр» и последнее слово техники, но наше орудие их бьет, и все знали уязвимые места этих танков.

Примерно в два часа дня танки начали выходить на скат балки. Я бил с закрытых огневых позиций. Огонь был отсечным, который должен был отсекать пехоту от танков. Но, когда «тигры» подошли к нам на 1500 метров, я отнес свой НП. Так было и еще раз, когда они находились на 1200 метрах от батареи. Я перешел на батарею. Когда я перешел на батарею, там были видны все подступы. Я поднял все расчеты и показал им «тигров». Потом скомандовал: «По местам!». А перед этим я послал несколько человек за снарядами, так как машины стояли за батареей.

Немецкие танки пошли двумя направлениями. Первые три «тигра» пошли справа, на совхоз «Комсомолец», и встали к нам бортами. А остальные танки шли на нас фронтом. Особенно вырвался левый фланг, так как там была хорошая дорога. Я видел, что подпускать их близко при массовой атаке нельзя. И поэтому я открыл огонь с дистанции 1200 метров по тем танкам, которые шли к нам бортами. Били мы бронезажигательными снарядами, термитными. Батарея дала первый залп. Предварительно я оставил около орудия своих ко-

мандиров и сам встал у первого орудия. Старшим на батарее поставлен был на правом фланге старшина Плюхин[71], т.е. чтобы они вели огонь уже сами, так как положение было очень ответственное.

С первых трех-четырех выстрелов эти три танка были подбиты. Они шли в полном боевом порядке с задраенными люками. Мы ударили, а наш снаряд подбил гусеницу, я видел, как он летел. Только из третьего танка выскочили люди, а из тех двух никто не выскочил.

У первого орудия встал наводчиком старший сержант Борисов. У этого орудия у нас был неважный наводчик, а Борисов был комсорг. Но находился в моей батарее. Я его знал как одного из лучших наводчиков, которым он работал в зимнюю кампанию. Я предложил ему встать за панораму. Он встал. После того как мы подбили три танка, я стал вести огонь из одного орудия, а из остальных ведут командиры. Я распределил между ними группы танков противника. «Тигры» шли с левой стороны на мое орудие. За «тиграми» шли мелкие танки. Я открываю огонь по своей группе. Прицел уже меняем — 500—600—700 метров. Подбиваем первый, второй, третий танк, огонь идет очень быстро. Всего мы били минут 15. Я глянул в бинокль, вижу, что идут на нас еще три танка группой с левого фланга. Мы развернули быстро орудие, открываем огонь по этим танкам и подбиваем из них первый, потом второй, этот «тигр» загорается, подбиваем третий. Тогда заряжающий передает, что снарядов бронебойных уже нет, а остался еще один «тигр» с левого фланга. Тогда я говорю, [что] нужно переходить на осколочные. А у нас они уже были приготовлены. Когда мы открыли огонь осколочными по последнему танку, он подошел к нам почти в упор, мы в него стреляли с 150 метров. А четвертый танк зашел немного сбоку и начал стрелять по нас с левой стороны. Там росла высокая трава, и она мешала наводке по четвертому танку. Я показал Борисову, что нужно наводить по траве, а я буду корректировать, так как я стоял на бруствере во весь рост. Начинаем вести огонь. Но эти снаряды «тигра» не берут, так как он еще стоял к нам лбом. Но мы все же продолжали стрелять, думаем, что, может быть, хоть что-нибудь ему повредим. И, когда у нас остался один снаряд, «тигр» начал к нам пристреливаться. Дал один выстрел, второй снаряд попал в нашу пушку, она разбилась в прах. Я глянул — думаю, ну, весь расчет, значит, убит, так как они все лежали. Побежал к 2-му орудию. Развернули его, а оно стояло ниже и от него не было видно этого «тигра». Я приказал развернуться и дожидаться, может быть, «тигр» выйдет. Кроме того, начали уже просачиваться и автоматчики противника. Начинают «поливать» из автоматов и пулеметов. Трескотня началась ужасная. Расчет весь находился у орудия. Когда мы вели бой, взвод управления уже сматывал связь. Но наши люди показали себя исключительно стойко.

[71] *Плюхин Иван Иванович* (1906—?) — старшина, командир огневого взвода 3-й батареи артдивизиона 58-й мсбр. За бои под Прохоровкой 11 июля 1943 г. награжден орденом Красной Звезды. Из наградного листа: «В бою под совх. «Октябрьский» 11.07.43 г. старшина Плюхин И.И. командовал орудием, где был наводчиком мл. сержант Попов. В результате боя это орудие подбило 5 танков T-VI».

К тому «тигру», который находился слева, подошли еще два и начали обстреливать нашу батарею. С нескольких выстрелов они подбили наши два орудия. Осталось у нас только одно — третье правофланговое орудие. На его фланг были брошены автоматчики, и его расчет понес большие потери. Тяжело ранен был старшина Плюхин, ранен был наводчик. Большинство людей были тяжело ранены. Я приказал раненых отводить на машине. А остальных людей оставили, приказали взять противотанковые гранаты и оставаться в этих ровиках. Танки были уже напуганы и не шли, а били с места. После непродолжительной перестрелки, которую вело 3-е орудие, оно было также выведено из строя.

Около каждого орудия у нас стояло шесть человек, 7-й — командир. В первом орудии командир был старший сержант Григорьев[72], наводчиком был Борисов. Особенно здесь отличился заряжающий Суполдиаров[73]. Хорошо себя показали и вновь прибывшие, как стойкие, прекрасные бойцы, в частности, Литвинов[74]. Все люди были на своих местах. Правда, расчеты были уже неполные, так как я по два человека от орудия послал за боеприпасами.

Во втором орудии наводчиком был младший сержант Попов[75]. Командир орудия сержант Коровин[76], номера: Богуславский[77], Сатанов[78], Бояринцев[79].

В 3-м орудии наводчиком был старший сержант Арославов[80], командир — старший сержант Белошицкий[81], номера: Пономарев[82] и др.

После этого часть людей осталась с гранатами. Я приказал подвести еще одну машину, погрузить раненых. Но только наша первая машина зашевелилась, «тигр» сжег у нас две машины. А третий «ЗИС» из-под пушки остался

---

[72] Речь идет о *Григорьеве Иване Ивановиче* (1905—?) — в период боев под Прохоровкой сержант, командир орудия 3-й батареи артдивизиона 58-й мсбр.

[73] Информации нет.

[74] Информации нет.

[75] *Попов Александр Матвеевич* (1924—?) — мл. сержант, наводчик орудия 3-й батареи артдивизиона 58-й мсбр. За бои под Прохоровкой 11.07.1943 г. награжден орденом Отечественной войны I степени. Из наградного листа: «В бою под совх. «Октябрьский» 11.07.43 г., где был наводчиком, т. Попов подбил 5 танков T-VI».

[76] Информации нет.

[77] Богуславский погиб в боях под Прохоровкой. См. стенограмму беседы с Чертановым Е.

[78] Речь идет о *Сатанове Бисине Алдашовиче* (1916—?), казахе по национальности, в период боев под Прохоровкой рядовой, номер орудийного расчета артдивизиона 58-й мсбр.

[79] Правильно — *Боярышев Александр Яковлевич* (1908—?), в период боев под Прохоровкой рядовой, номер орудийного расчета артдивизиона 58-й мсбр.

[80] Правильно — *Арасланов Янгалли Нургалиевич* (1910—?), татарин по национальности, мл. сержант, наводчик орудия 3-й батареи артдивизиона 58-й мсбр. За бои под Прохоровкой 11.07.1943 г. награжден орденом Отечественной войны II степени. Из наградного листа: «В бою под свх. «Октябрьский» 11.07.43 г. Арасланов, будучи наводчиком орудия, имея ранение, не бросил своего поста и подбил 4 танка T-IV». Об этом эпизоде боя с участием Арасланова Я.Н. см. также стенограмму беседы с Чертановым Е.

[81] Правильно — *Белошадский Дмитрий Григорьевич* (1919—?) — ст. сержант, командир 2-го орудия 3-й батареи артдивизиона 58-й мсбр. За бои под Прохоровкой 11.07.1943 г. награжден орденом Отечественной войны II степени. Из наградного листа: «Ст. сержант Белошадский Д.Г. в бою под совх. «Октябрьский» 11.07.43 г. проявил мужество и отвагу. В бою орудие т. Белошадского подбило 4 танка T-IV, сам тов. Белошадский заменял выбывшего заряжающего».

[82] Речь идет о *Пономареве Федоре Дмитриевиче* (1912—?), в период боев под Прохоровкой рядовой, наводчик орудия 3-й батареи артдивизиона 58-й мсбр.

благодаря тому, что его закрыли ветками. На него я погрузил всех раненых, приказал сняться всем остальным во главе со старшим лейтенантом Красновым, отойти под Прохоровку.

В этих боях я потерял 9 человек убитыми и 12 ранеными, т.е. всего 21 человека. Первое орудие подбило у меня 7 «тигров», второе — 1 «тигр» и 4 [других] танка, 3-е орудие подбило 4 танка. Всего было подбито 16 танков, из них 8 «тигров».

За этот бой Борисов был представлен к званию Героя Советского Союза и получил его. Я получил орден Отечественной войны 2-й степени. Попов и Аросланов получили орден Отечественной войны 1-й степени. Белошицкий, Плюхин, Краснов получили орден Отечественной войны 2-й степени. Т.е. все участники боя были награждены. Были также награждены и бойцы взвода управления, разведчики и связисты.

Авиация там действовала со стороны противника страшной силой, ходили они буквально «каруселью» и беспрерывно нас обстреливали.

После того как мы их обстреляли, все танки повернули обратно. Остались тогда только одни «тигры»[83].

Из стенограммы беседы с гвардии старшим сержантом Героем Советского Союза Борисовым Михаилом Федоровичем, комсоргом артдивизиона 28-й гвардейской (ранее 58-й) мотострелковой бригады 8-го гвардейского (ранее 2-го) танкового корпуса[84]:

«Сначала мы были в Красном, под Прохоровкой. Часов в 10 мы поехали в Прохоровку и заняли там огневую позицию. Когда мы находились на формировании, у нас все время там проводились тактические занятия. Там же мы начали стрелять и с открытых позиций. Я однажды попросил командира батареи, чтобы он мне разрешил пострелять. Он мне разрешил. Я несколько раз выстрелил, а потом нам приказали прекратить огонь. Так как налетали на нас самолеты. Мы во время налетов накрывали орудие, а как самолеты улетят, опять открываем огонь.

Мы знали, что должны пойти танки. Так всегда и было. Сначала бомбит авиация, а потом идут танки. Слева от наших позиций была хорошая шоссейная дорога. Вот наблюдатель кричит: «Танки!» Я — к 3-му орудию. Танки были примерно от нас 1200 метров. Но мы не растерялись. Командир батареи Ажиппо встал возле моего орудия и в ходе боя указывал, по какому танку бить. Когда они были от нас километр — восемьсот метров, мы открыли огонь. Один танк загорелся, второй, третий. А в то время, как мы стреляли, они пошли слева. За высоткой, за батареей, как закричат: «Танки!» Командир батареи схватил одну станину в руки, наводчик Ходжаев[85] — другую станину, вовремя повер-

[83] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Оп. 119. Д. 8. Л. 1—3. За бои под Прохоровкой П.И. Ажиппо был награжден орденом Отечественной войны II степени. К сожалению, наградного листа на сайте «Подвиг народа» не оказалось.

[84] *Борисов Михаил Федорович* (1924—2010) — Герой Советского Союза (1944). На фронте с ноября 1941 г. Поединок артиллериста М.Ф. Борисова с немецкими «Тиграми» 11 июля 1943 г. ныне изображен на полотне в музее-диараме «Курская битва. Белгородское направление» в г. Белгороде.

[85] Информации нет.

нули орудие и опять стали бить. Так командир батареи все время и корректировал мою стрельбу. Только потом я увидел, что кругом нашего орудия были сплошь воронки. Но тогда я ничего не замечал, не видел даже разрывов снарядов. Одного у нас ранило. В это время подошел танк на 150 метров. Только я оглянулся, хотел выстрелить — пламя, и я уже больше ничего не помню. Меня отбросило. Оказывается, было прямое попадание в наше орудие. Меня ранило в голову, в спину и в ногу осколками. Одного у нас убило, другого ранило. Командир батареи говорит мне: «Отходи, как можешь». Я отошел, меня посадили в машину и отправили в санчасть, но не в свою уже, а в ближайшую. Там мне рану обработали и направили в госпиталь, на станцию Чернянка Курской области. Оттуда меня эвакуировали дальше. В тыл эвакуироваться я не хотел, так как если бы я ушел далеко, то в свою часть я мог бы больше не попасть. Я там пробыл до 15 числа. Рана еще не закрылась, но я выписался. Мы выписались с одним лейтенантом, он тоже еще хромал. Мы решили — зачем мы будем сидеть, [я] прихожу и говорю: «Выписывайте меня». Там была врач капитан. Она говорит, что еще рано мне выписываться. — «Ну, тогда я уйду без документа».

В конце концов, мне дали справку о ранении. Я прошел километра два. Садился на машины, чтобы подъехать — все равно куда, лишь бы на фронт. Потом спрашиваю дорогу на Прохоровку. Вижу, идет машина, везет хлеб. Мне разрешили на нее сесть. Я залез в кабину. Сидел-сидел, а потом спрашиваю: «Какой номер машины?». Мне говорят: «Г-6». — «Это второго танкового корпуса?» — «Да, второго». — «Ну вот, мне туда и нужно». — «А Вы откуда?» — «Из госпиталя». — «Как Ваша фамилия?». — «Борисов». — «Так это Вас ищут?». — «Ничего не знаю».

Привезли меня в политотдел. И там мне уже все рассказали, что я представлен к званию Героя Советского Союза. Оказывается, наш заместитель командира по политчасти поехал в госпиталь. Приезжает туда, а меня уже там нет. Ему там сказали, что меня эвакуировали дальше. Он решил, что возьмет горючее и поедет меня разыскивать. Приезжает он, а я уже сам приехал.

После этого меня долго не пускали в бой. Я был все время на кухне, а потом в санчасти. Потом мы пошли на формировку»[86].

Из стенограммы беседы с гвардии майором Шкуропатом Иваном Михайловичем, начальником артиллерии 28-й гвардейской (ранее 58-й) мотострелковой бригады 8-го гвардейского (ранее 2-го) танкового корпуса:

[86] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Оп. 119. Д. 9. Л. 1об.—2. Из наградного листа на присвоение М.Ф. Борисову звания Героя Советского Союза: «Гв. старший сержант Борисов М.Ф. — комсорг артиллерийского дивизиона 58 мотострелковой бригады. 11 июля 1943 г. в момент боя за свх. Октябрьский Прохоровского района Курской области был на огневой позиции батареи 76 мм пушек, где он ранее был наводчиком орудия. Противник предпринял атаку огневой позиции батареи 19 танками и вывел из строя весь расчет орудия. Борисов сам лично встал к орудию и, подпустив танки противника на близкое расстояние до 200 м, прямой наводкой подбил 7 танков противника типа «тигр», тем самым сорвал атаку танков противника. Только после тяжелого ранения и выхода пушки из строя гв. старший сержант Борисов был вынужден прекратить неравный бой <...>». Наградной лист был подписан командующим Воронежским фронтом Н.Ф. Ватутиным и членом военного совета фронта Н.С. Хрущевым.

«...Во время боев на Прохоровском плацдарме дивизион получил задачу поддерживать действия бригады и частей корпуса, занимавших оборону в районе совхоза «Комсомолец»—Сторожевое. 3-я батарея поддерживала действия 1 мотострелкового батальона, занимавшего оборону на самом ответственном участке вдоль железной дороги Прохоровка—Белгород.

Не успев окопаться, наши части сходу заняли огневые позиции. Противник с рассветом при поддержке крупных сил авиации повел решительное наступление на шоссейную и железную дорогу, имея целью, овладев Прохоровкой, наступать на Курск.

На расположение 3-й батареи одновременно наступало до 10 танков противника, в том числе тяжелые танки «Т-6» — «тигры». Командир батареи, старший лейтенант Ажиппо, правильно понял поставленную перед ним задачу, довел ее до всех своих подчиненных, и под его личным руководством батарея приняла тяжелый бой. Батарея подбила в этом бою 16 танков противника, потеряв сама три орудия от прямого попадания снарядов противника. Тов. Ажиппо с наводчиком Борисовым из одного орудия подбили в этом бою 7 «тигров». Противник, потеряв большое количество танков и живой силы, откатился на исходное положение.

2-я батарея совместно с 99 танковой бригадой занимала оборону на левом фланге нашего корпуса в районе Васильевка. Противник, потерпев поражение на главном направлении, перешел в контратаку в направлении села Васильевка. Части 99 танковой бригады были отрезаны от основных частей корпуса. В бою за село Васильевка 2-я батарея подбила 8 танков противника.

В боях на Прохоровском направлении, за Васильевку и за Прохоровку за три дня боев дивизион подбил до 40 немецких танков, потеряв при этом три орудия, которые были восстановлены на протяжении двух дней и вступили опять в бой.

В боях за Прохоровку отличился наводчик, ныне Герой Советского Союза, Борисов, командир 3-й батареи старший лейтенант Ажиппо, командир взвода Плюхин, командир взвода старший лейтенант Красноносов[87], наводчик Арусланов, командир орудия Белошицкий.

Во второй батарее отличился старший лейтенант Бондарев, старший лейтенант Дутов <...>»[88].

---

[87] *Красноносов Владимир Антонович* (1921—?) — лейтенант, командир взвода артдивизиона 58-й мсбр. За бои под Прохоровкой 11.07.1943 г. награжден орденом Отечественной войны II степени. Из наградного листа: «11 июля 1943 г. в районе совх. «Октябрьский» Курской обл. взвод лей-та Красноносова подбил 7 немецких танков. В результате атака 19-ти танков была отбита. Лейтенант Красноносов до полного отражения атаки руководил своим взводом. Своим мужеством на огневых позициях воодушевлял личный состав взвода».

[88] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Оп. 119. Д. 3. Л. 3 об.— 4 . За бои под Прохоровкой И.М. Шкуропат был награжден орденом Красной Звезды. Из наградного листа: «Майор Шкуропат, являясь начальником артиллерии бригады, в боях с немецкими оккупантами проявил себя храбрым, опытным и хладнокровным командиром-артиллеристом. Артиллерийские подразделения бригады, руководимые майором Шкуропат, являются гордостью всего личного состава части <...> В боях с немецкими захватчиками на белгородском направлении артиллеристы и мино-

Из стенограммы беседы с гвардии майором Вернигорой Петром Алексеевичем, заместителем начальника штаба по оперативной работе 28-й гвардейской (ранее 58-й) мотострелковой бригады 8-го гвардейского (ранее 2-го) танкового корпуса:

«<...> Бригада в составе 2 ТК после длительного периода обучения и доукомплектования материальной части личным составом была введена в бой. Бой был чрезвычайно ожесточенным — с наступающим на Белгородско-Курском направлении противником, на одном из самых ответственных и тяжелых участках Прохоровского плацдарма. Части бригады оседлали дорогу и шоссе на Прохоровку с запада (Белгород—Обоянь).

Своей стойкостью и упорством, не уступив ни пяди земли, измотав наступающего во много раз превосходящими силами противника, бригада решила исход немецкого наступления на этом участке. Противник начал массовое отступление, и в то же время началось наше наступление на Белгородско-Курском направлении.

К 4.00 11 июля согласно боевого приказа 2 ТК бригада заняла оборону западнее станции Прохоровка, не оставляя железной дороги и шоссе, с задачей, удерживая занимаемый рубеж, уничтожить наступающие части противника на подступах к ст. Прохоровка. Противник пытался любой ценой соединиться со своей южной группировкой через Прохоровку—Правороть и предпринял много атак с массированным огнем танков и авиации.

Отражая частые и мощные атаки противника, 11 июля артиллеристы бригады подбили 40 немецких танков. Наводчик Борисов, ныне Герой Советского Союза, подбил 7 танков типа «тигр».

С 11 по 20 июля 1943 г., отражая атаки противника и переходя в контратаки, части бригады обороняли станцию Прохоровка и деревню Правороть.

За время оборонительных боев бригада потеряла убитыми 183 человека и ранеными 633 человека, пропавшими без вести 214 человек. На одной из железнодорожных станций, в лесу, противник зажал один наш батальон. Там много людей погибло или было взято в плен, но мы их считаем пропавшими без вести.

Бригада уничтожила 4152 солдат и офицеров противника, подбила 49 средних и тяжелых танков противника.

Измотав основные силы наступающего противника, части бригады во взаимодействии с 26 и 99 танковыми бригадами перешли в наступление и к исходу 20 числа овладели дер. Ясная Поляна, хутор Калинин, Собачевский, Озеровский, Лучки.

Используя выгодный рубеж юго-западнее Лучки, противник подтянул свежие силы и закрепился, имея заранее подготовленную систему оборонительных сооружений. В течение дня два раза противник переходил в контратаки, которые были отбиты огнем частей бригады с большими потерями для противника.

метчики бригады с 9 июля по 25 июля 1943 г. подбили и уничтожили 38 танков, в том числе 11 танков типа «тигр», 14 орудий, 39 автомашин, много другой техники противника и более 800 солдат и офицеров. Майор Шкуропат в самые напряженные минуты боя беспрерывно находился на командном и наблюдательном пунктах, руководя артиллерийскими подразделениями, хладнокровно и уверенно выполняя приказы командования <...>».

Подтянув и перегруппировав силы, наши части с наступлением темноты 20 июля атаковали противника и овладели господствующими высотами юго-западнее Лучки — 246,3, 286,4. В этом бою огнем нашей артиллерии было подбито два танка и уничтожено до 50 человек солдат и офицеров противника. Наши потери — 29 человек.

Развивая наступление, части бригады 21/7 овладели Крапивинскими дворами. Противник занял оборонительный рубеж и оказывал сильное сопротивление. Противник предпринимал частые контратаки. Наши части по приказу командира 2 ТК перешли к временной обороне.

Таким образом, итоги летнего наступления [противника] 43 г. были сведены на нет в течение двух дней.

В наступательных боях с 20 по 30 июля 43 г. бригада потеряла 59 человек убитыми и 129 человек ранеными, 153 пропавшими без вести. Противник потерял 1509 солдат и офицеров, 6 танков, 7 орудий <...>»[89].

Из стенограммы беседы с гвардии капитаном Чертановым Ешеном, заместителем командира артдивизиона по политчасти 28-й гвардейской (ранее 58-й) мотострелковой бригады 8-го (ранее 2-го) танкового корпуса:

«<...> В июле месяце мы находились на Прохоровском плацдарме. Наибольшая опасность здесь угрожала 3-й батарее, которой командовал старший лейтенант тов. Ажиппо. В этом направлении шла большая группа танков. В этом неравном бою ни один боец не дрогнул. При умелом командовании тов. Ажиппо батарея подбила 16 танков, из них 8 «тигров». Здесь особенно отличился комсорг дивизиона Борисов, которому за эти бои было присвоено звание Героя Советского Союза. Отличился также командир взвода Плюхин, Арославов. Он был ранен, но с поля боя не уходил, и ушел в госпиталь только тогда, когда его ранило второй раз. Теперь он в связи с ранением демобилизован. Заряжающим там был по национальности казах Сополдиаров. Он был тоже тяжело ранен и в госпитале умер. Здесь же погиб и Богуславский, который отличился у совхоза «Челюскинец»[90].

После того, как у нас осталось только одно орудие, мы получили приказ сменить огневые позиции. Но атака танков противника была уже отбита <...>.

---

[89] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Оп. 119. Д. 4. Л. 3 об.—4. За бои под Прохоровкой П.А. Вернигора был награжден орденом Отечественной войны II степени. Из наградного листа: «Майор Вернигора в боях с 11 июля 43 г. по 25 июля 43 г. в Беленихинском районе Курской области проявил себя смелым, мужественным командиром, обладающим организационными способностями командира разведчика. Сам лично ходил в разведку, добывая ценные сведения о противнике, его расположении и его огневых средствах. Располагая данными сведениями, бригада перешла в наступление и, разгромив противника, отбросила его в исходное положение. 20 июля 43 г. юго-западнее д. Лучки Беленихинского района Курской области майор Вернигора в штабной немецкой машине захватил ценные документы — отчеты и оперативные карты противника, чем немало способствовал успеху 2 ТК <...>». К сожалению, П.А Вернигора 1921 г.р. не дожил до победы. Гвардии майор Вернигора 20 апреля 1945 г. руководил боем на ближних подступах к Берлину, где получил тяжелое ранение, и 22 апреля умер от ран. За последний в его жизни бой 11 мая 1945 г. он посмертно был награжден орденом Красного Знамени.

[90] Речь идет о боях в феврале 1943 г. под Ворошиловградом.

Во время боев коммунисты и комсомольцы играли авангардную роль. В партию вступали лучшие люди, писали самые разнообразные заявления. За время зимних и летних боев в партию принято кандидатами 100 с лишним человек, в комсомол 35 человек. Сейчас у нас партийная организация насчитывает 57 человек и 50 человек комсомольцев <...>»[91].

Из стенограммы беседы с гвардии сержантом Юрченко Григорием Ивановичем, командиром отделения разведки взвода управления 60-й гвардейской (ранее 169-й) танковой бригады 8-го гвардейского (ранее 2-го) танкового корпуса:

«После формирования мы поехали на Курскую дугу, левее Прохоровки, в район Сторожевое. Здесь действия наших разведчиков были уже настойчивее. Мы также установили группировку противника в районе Борисовки[92], совхоза «Комсомолец» и Виноградовка. При налетах авиации наша бригада держалась очень стойко.

В районе совхоза «Комсомолец» мы обнаружили танки. Днем нам не так легко удавалось обнаружить танки, приходилось выбирать район метров за семьсот, за километр.

Я был старшим группы, у меня было 4 человека. Здесь было донесение о том, что замечено 12 танков. Мы перешли через лес, Сторожевое, пересекли железнодорожную линию, пошли к лощине в направлении совхоза «Комсомолец». В группе у нас был один или два бинокля, мы в бинокли наблюдаем. Все это было днем. Когда мы произвели разведку методом наблюдения, мы заметили 12 танков. Затем в Ивановском поселке[93] утром мы пошли держать связь с 25-й гтбр[94]. Зашли в немецкий ход сообщения, причем с неосторожностью. Ход сообщения был очень длинный, связанный с оврагом, а мы шли по этому оврагу. Нас обстреляли, и один разведчик у нас погиб. Мы прошли по оврагу, потом вышли. Как только мы вышли, немцы по нас «сыпанули» из

---

[91] НА ИРИ РАН. Ф. 2 Оп. 119. Д. 6. Л. 2—2об. За бои под Прохоровкой парторг дивизиона Е. Чертанов был награжден орденом Красной Звезды. Из наградного листа: «В период боевых действий дивизии с 11 июля с/г. т. Чертанов все время находился на огневых позициях батарей, доводил до всего личного состава боевую задачу командования перед каждым боем и личным примером стойкости и мужества воодушевлял бойцов и командиров на боевые подвиги. Правильно организовал партийно-политическую работу в бою. Мобилизовал всех коммунистов на достижение отличного выполнения боевых заданий командования. Результатом хорошо поставленной партполитработы является то, что личный состав дивизиона дрался с врагом мужественно, проявляя исключительную стойкость и героизм. Комсорг дивизиона — коммунист гв. сержант Борисов, оставшись один из расчета, подбил 7 немецких танков типа «тигр». За время боев дивизион подбил 38 немецких танков, подавил огонь нескольких артиллерийских и минометных батарей противника и уничтожил много др. техники и живой силы противника. Тов. Чертанов в любой боевой обстановке систематически проводил работу по росту партии. За период боев с 11 июля в ряды большевистской партии в дивизионе принято 30 лучших бойцов и командиров, показавших образцы стойкости, мужества и отваги в борьбе с врагом».

[92] Здесь Юрченко ошибается. Такого населенного пункта в районе боевых действий 2-го тк под Прохоровкой не было.

[93] Правильно — Ивановский Выселок.

[94] Имеется в виду 25-я гвардейская танковая бригада 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса.

пулемета. Здесь мы вошли в воронку и там отсиделись, а потом уже дошли до 25 бригады.

Затем 8 июля в районе Борисовка[95] была атака, через Сторожевое, через железную дорогу. Здесь были большие силы авиации. Противник сжег у нас шесть танков. Мы действовали здесь с начальником разведки трое суток. Мы стояли возле этого района, не отступая. Бомбил противник нас очень сильно в течение всего времени двумя эскадрами «юнкерсов».

В нашу задачу входило доставлять сведения. Когда шел жаркий бой и только на одном гектаре было подбитых от 5 до 7 танков, то здесь мы доставляли сведения об их частях по убитым, по документам.

В течение летних боев наш взвод обеспечивал работу бригады, давал сведения о группировке противника, когда группировки немцев проходили близко от нашего расположения. Один раз немцы бросились в атаку через железную дорогу. И мы здесь следили за его артподготовкой и наблюдали за его атакой. Когда батальон Иршко[96] выдержал громадный налет самолетов, мы видели, как противник перешел в атаку. Когда он подошел к лесу, наши его отбили. На другой день он разрушил Сторожевое. Здесь мы действовали ночью. У нас был смелый разведчик Васильев, коммунист. Мы с ним подъехали к противнику метров на 50 — через железнодорожную насыпь — и установили группировку, установили его танковые силы, что он делает, куда он продвигается, и все доложили командованию <...>»[97].

Из стенограммы беседы с гвардии майором Бурменко Вильямином Давыдовичем, инструктором политотдела по агитации и пропаганде 60-й гвардейской (ранее 169-й) танковой бригады 8-го гвардейского (ранее 2-го) танкового корпуса:

«В селе Правороть Курской области мы похоронили майора Черного[98], одного из наших героев Прохоровского плацдарма, капитана Сухачева[99], майора

---

[95] Здесь Юрченко ошибается. Такого населенного пункта в районе боевых действий 2-го тк под Прохоровкой не было.

[96] Иршко Феодосий Степанович (1915—?) — капитан, командир мспб 169-й тбр. За бои под Прохоровкой награжден орденом Красной Звезды. Из наградного листа 15.07.1943 г.: «В боях за социалистическую Родину с немецкими захватчиками в р-не совхоза «Комсомолец», Ивановский выселок и Сторожевое с 8 июля по настоящее время капитан Иршко показал себя бесстрашным командиром. Умело управляет боем мотострелкового пулеметного батальона. В результате чего только за 5 дней боев уничтожено: танков — 4, пулеметов — 9, пушек — 3, минометов — 2 и до 500 солдат и офицеров противника. Благодаря личному героизму батальон в течение 3-х дней отражал многочисленные атаки противника».

[97] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Оп. 120. Д. 8. Л. 1—1об. За бои под Прохоровкой сержант Г.И. Юрченко был награжден медалью «За отвагу». Из наградного листа: «Тов. Юрченко смелый и решительный разведчик, неоднократно выполняя задание разведать силу противника, он проникал в расположение боевых порядков танков противника, устанавливая марки и количество их, и доносил командованию части точно и в срок, тем самым помогая разгадывать и уничтожать боевые порядки и задачу противника в районе совхоз Комсомолец—Сторожевое...».

[98] Речь идет о майоре *Черном Федоре Николаевиче*, 1911 г.р. В феврале 1943 г. — помощнике начальника штаба 26-й тбр.

[99] *Сухачев Александр Васильевич* (1915—1943) — капитан, помощник начальника политотдела по работе среди комсомольцев 169-й тбр. Погиб в боях под Прохоровкой 12.07.1943 г. Посмертно награжден орденом Красной Звезды. Из наградного листа: «Капитан Сухачев в боях с не-

Новикова[100], капитана Токаренко, который сгорел в танке, член партии с 20-го года, с высшим образованием, инженер Днепропетровского машиностроительного института.

Погиб у нас там и посмертно представленный к званию Героя Советского Союза Ириков[101], дважды орденоносец Алибеков[102]. На Прохоровском плацдарме погиб один из лучших парторгов роты, командир танкового взвода Павлюченко.

На Прохоровском плацдарме создалась такая обстановка, что 10 июля в районе Прохоровка—Васильевка немцы сосредоточили примерно 250 танков и большое количество пехоты. Под прикрытием значительного количества своей бомбардировочной авиации и истребителей они пытались прорваться в этот район, чтобы нарушить наши коммуникации и угрожать окружением нашей группировке на Курской дуге. Мы стояли на вершине клина, так как клин был вбит на железной дороге, соединяющей Курск и Орел... И мы оказались на вершине немецкого клина.

В течение 7[103], 8 и 9 июля мы вели непрерывные бои, переходили все время в контратаки, выбили немцев из населенных пунктов в том районе, в том числе из совхоза «Комсомолец», нанесли им большие потери. Но 10 июля разведка нам донесла, что противник сосредоточил там 250 танков, в основном «тигры», под прикрытием «фердинандов» и «пантер», значительные колонны пехоты, бомбардировочную авиацию (70—90 самолетов в один вылет). И мы получили указание от корпуса, что немцы имеют превосходящие силы, и нам нужно будет держаться насмерть и не сойти с места, так как от нас зависит судьба всей курской группировки.

Политотдел бригады выпустил немедленно листовки, что противник сосредоточил большое количество танков и пехоты и, тем не менее, нужно сто-

---

мецкими захватчиками в р-не совх. Комсомолец, Ивановский выселок и Сторожевое показал себя как один из храбрых, бесстрашных командиров. Работая помощником начальника политотдела, капитан Сухачев постоянно находился в боевых подразделениях частей бригады и личным примером воодушевлял личный состав на стойкость в отражении многочисленных атак противника. В результате части бригады упорно отражали атаки противника и нанесли большой урон технике и живой силе противника».

[100] *Новиков Николай Николаевич* (1912—1943) — майор, зам. начальника штаба по оперативной работе 169-й тбр. Погиб в боях под Прохоровкой 12.07.1943 г. Посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени. Из наградного листа: «В боях с немецкими захватчиками с 8 по 12 июля 1943 г. в р-не совхоза Комсомолец, Ивановский выселок и Сторожевое майор Новиков проявил себя как один из храбрых командиров. В тяжелой обстановке, когда ряд командиров частей были выведены из строя огнем противника, майор Новиков принял командование на себя, и ожесточенные атаки противника были отбиты с небольшими потерями наших частей».

[101] На самом деле мл. лейтенант *Николай Романович Ириков* (1921—1943) погиб 16 марта 1943 г. в районе села Каменная Яруга (Чугуевский район Харьковской области), за несколько месяцев до июльских боев под Прохоровкой. Звание Героя Советского Союза ему было присвоено 19 июня 1943 г.

[102] Речь идет об *Алибекове Азиме,* 1910 г.р., узбеке по национальности, ст. сержанте, механике-водителе танка Т-34 371-го танкового батальона 169-й тбр. В январе и марте 1943 г. был дважды награжден орденом Красной Звезды.

[103] 7 июля 1943 г. бригада была еще на марше по пути к Прохоровке.

ять и не оставить ни пяди рубежа, так как от нашей стойкости зависит оборона и, возможно, судьба нашей Родины.

Затем было составлено воззвание к коммунистам и комсомольцам: что обстановка чрезвычайно тяжелая, что в этой обстановке мы должны показать свою стойкость и преданность нашей Родине, нашей партии. Сталин требует не сходить с места, не оставить ни пяди занимаемого рубежа, стоять насмерть. Мобилизуйте свои силы, чтобы личный состав был проникнут сознанием своего долга.

В подразделения были посланы политработники и инструктора, были проведены своеобразные партсобрания без всякого, конечно, президиума и т.д. Вызовешь людей, расскажешь им и т.д.

Примерно в 11 часов дня начался бой. До этого времени была сильная обработка немецкой авиации. Наша авиация в этот день сильно поработала, причем очень она бомбила и наши порядки[104]. Стоял сплошной гул. Иногда не знаешь, от кого нужно прятаться — от своих или от чужих. <...>

Дрались мы с 11 утра и до темна, и Сторожевого немцам мы не отдали. 11 июля немцы снова переходят в атаку. Мы опять отбили их. А там не осталось ни одной хаты, воронка на воронке. Погорело много и их, и наших танков. Это был исключительно сильный танковый бой. Очень характерное было сообщение по радио английского радиокомментатора Вирта, что это был такой бой, которого не знает еще история. Это был сильнейший бой, даже по сравнению со сталинградскими боями. Немецкое радио сообщало, что за 10 июля было выпущено столько боеприпасов, сколько за всю польскую кампанию. А за 11 — столько, сколько было выпущено за всю французскую кампанию.

Но мы все это выдержали и из Сторожевого не ушли[105]. Тогда противник начал бомбить Правороть, за 4 км от Сторожевого. Там не было ни метра расстояния, чтобы не было воронки. Село было очень красивое, но оно буквально сравнялось с землей. Но мы все же не ушли.

И так длилось до 17 июля. Причем наши люди здесь впервые встретились с «тиграми», с «фердинандами». Сначала они произвели на наших людей ошеломляющее впечатление. Потом у нас один танкист на «Т-70» с 45 мм пушкой вступил в единоборство с «тигром». Конечно, он ничего не мог ему сделать, но потом все же с метров 40 дал, оттуда искры летят. И экипаж «тигра» выскакивает, так как ему показалось, что танк горит. А наши из пулемета экипаж расстреляли. Танк остался на поле боя. Это воодушевило наших бойцов. Наши танкисты увидели, что только трахни, и немцы оттуда бегут, и начали вступать с «тиграми» в бой.

---

[104] Ошибочный удар наших штурмовиков 9 июля 1943 г. по позициям полка подтверждается документами, в частности, посланной армейскому руководству шифрограммой: «С 7.00 до 9.00 9.7.43 г. до 60 Ил-6 бомбардировали боевые порядки 285, 295 сп 183 сд в пунктах: Васильевка, свх. Комсомолец, выс. 421.6, ущерб выясняется (...)». Цит. по: Лопуховский Л.Н. Указ. соч. С. 176.

[105] Здесь Бурменко ошибается. Вечером 12 июля 1943 г. части 169-й тбр, оборонявшие несколько дней х. Сторожевое, под натиском противника вынуждены были его оставить. См. публикуемую нами стенограмму беседы с Клиновым Ф.М.

Преимущество тигров заключается в том, что они могли бить на 1,5 км, а у нас преимущество в том, что у нас танк очень маневренный. И когда наш «Т-70» выступил в бой с двумя немецкими «тиграми», побил экипаж одного, а потом и второго, то после этого вступил в бой наш «Т-34». И с этого момента пошло — «не так страшен черт, как его малюют».

По этому вопросу была также написана листовка о единоборстве с «тигром» — «Схитрил, но вышел победителем». Таким образом, начали драться, и драться — с большим успехом.

В первый день получилось так, что, как появятся «тигры», так наши начинают пятиться назад, а потом уже и весь страх исчез. Наоборот, выйдет танк в сторонку, спрячется за дерево, чтобы его «тигр» не заметил, а «тигр» шел, и ему «давали жизни».

Очень интересно вступили в бой наши танкисты с «фердинандами». Посбивали у них очень много пушек — это их слабое место. Наши так и нацеливались. Как только подметил (в) панораму, так и сбил. А «фердинанды» чувствовали себя очень уверенно, его броню не берет даже и подкалиберный снаряд, он себе идет спокойно, но поворота у него нет. Он должен регулировать гусеницами, и так поворачивается. А когда он поворачивается, его хлопают по пушке — и все»[106].

Из стенограммы беседы с гвардии лейтенантом Станиновым Александром Зиновьевичем, командиром минометного взвода 60-й гвардейской (ранее 169-й) танковой бригады 8-го гвардейского (ранее 2-го) танкового корпуса:

«<...> После этого мы вступили в бой в июле — 8 числа — это был бой за Прохоровку, в совхозе «Комсомолец».

10 июля мы заняли оборону. Здесь я командовал стрелковым взводом. 10 июля сразу после сильной артподготовки и обработки авиацией, когда немцы пошли в атаку, мы с взводом заняли оборону. Моему взводу был придан один станковый пулемет.

Когда [немцы] подошли к нам метров на 200, мы открыли по ним огонь. Та цепь, которая шла, сразу залегла и рассыпалась. Они дальше не пошли, а пошли обходным путем, прорываясь справа и слева, и сомкнулись в совхозе «Комсомолец».

Потом пошли его танки. Из окопов наши бросились убегать. Получилось замешательство. Но, правда, у нас было убитых очень много. На меня шел «тигр». Дошел до моего окопа и начал стрелять. Он стоял минут 15, а я лежал под танком в окопе. Пехота немецкая прошла, так как меня не было видно под танком. А когда танк прошел, я вылез, и никого уже не было. Были наши побитые, 7 человек сдались в плен, а остальные наши побежали. Я вышел в лесок, но по нему уже пошли немцы. Я оказался в тылу и пошел по направлению «Комсомольца». А цепь немецкая идет впереди меня. Я пошел за ней. Навстречу мне идут еще люди. Оказывается, это наш лейтенант Гришин и три

[106] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Оп. 120. Д. 9. Л. 4—5об.

бойца. Мы приняли решение ожидать ночи в этом лесочке, так как днем выйти оттуда было нельзя. Познакомились с обстановкой. Танки наши отошли, но мы решили, что они далеко не отойдут, и я говорю, что ночью мы обязательно выйдем. Так мы и сделали. Там был овраг. Я смотрю, что сзади по оврагу идут немцы по одному человеку. А я стоял за промоиной. Я тут лег, ноги поджал. Они прошли, чуть на меня ногами не наступили. Потом по этому леску начала бить наша артиллерия. Немцы уже установили там свою артиллерию, и по ней наши били. Потом стали бить «катюши», снаряды рвались буквально метрах в двадцати.

Когда стало темнеть, я хотел найти путь из леса. Вышел я между немецких батарей и решил, что мы пойдем ползком и скроемся во ржи. Вернулся я за своими, и мы пошли. Я иду впереди, они за мной. Только мы вышли на опушку леса, как раз из одной батареи к другой идет немец. Мы встретились с ним вплотную. Было довольно темно. Он даже у нас что-то спросил и заметил что-то неладное. Закричал. Я своим крикнул: «Ко мне!». И мы поскорее пошли в противоположную сторону — на северную сторону. За мной побежал еще один мой связной. Я наткнулся на легковую немецкую машину, около которой стоял шофер. Он тоже растерялся и ничего не сделал. Я бросился в воронку, связной — за мной. Тогда немцы оцепили лесок и стали обстреливать его с мотоциклов. Наши трое там остались. Мы пошли вдвоем с этим связным. Нам нужно было пройти оборону переднего края. Когда я шел по путям мимо «Комсомольца», я там заметил трех человек. И они меня заметили. Они ко мне ползут. Но там нужно было быть очень осторожным. Я бросился бежать. Когда они поднялись, их оказалось очень много. Я бросился бежать по ржи. Попал я в расположение танков. Вижу, что танки немецкие. Деваться мне было некуда, и я пошел мимо них. Часовые там ходят. Один меня даже что-то спросил, я ему ничего не сказал, конечно, и пошел дальше. Он, по-видимому, решил, что это кто-нибудь из своих. Потом я пошел по их обороне. Здесь уже пришлось использовать и гранаты. Мне эти места были знакомы, так как мы начинали отсюда свои действия. Когда там собиралась кучка немцев, я бросал туда гранаты, они разбегались. И мы здесь вплотную подошли к своему батальону»[107].

Из стенограммы беседы с гвардии сержантом Синчуковым Василием Ивановичем, командиром отделения связи 60-й гвардейской (ранее 169-й) танковой бригады 8-го (ранее 2-го) танкового корпуса:

«<...> За Прохоровку я получил орден Красной Звезды[108]. Там же я был ранен.

Командование бригады твердо стояло на том, чтобы выполнить задание, которое бригаде было поручено. А для этого нужно было обеспечить подразделения проволочной связью, чтобы руководство было бы бесперебойным. У нас многие связисты за хорошую работу были удостоены правительствен-

[107] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Оп. 120. Д. 6. Л. 1 об.—2 об.
[108] Наградной лист на В.И. Синчукова нами не найден.

ной наградой. Роль наша заключалась в том, что, когда танки были замаскированы в овраге или кустах, с ними нужно было обеспечить связь. Причем одно средство связи командование не всегда удовлетворяет. Но у нас проволочная связь работала очень хорошо. Даже в самые тяжелые бои на Прохоровском плацдарме, когда за один день было выпущено больше снарядов, чем за всю польскую или французскую кампании, у немцев обстрел был чрезвычайно плотный, все простреливалось, мы должны были давать бесперебойную связь, так как от этого во многом зависел исход боя.

У меня был однажды такой случай. Бригада расположилась таким образом, что впереди были два танковых батальона, впереди них в стороне — мотострелковая бригада, тоже один батальон. Командование танкового батальона решило бросить вперед еще одну группу, даже впереди наших пехотных подразделений, так как нейтральная полоса была в этом месте порядочная. Командование поставило задачу, чтобы у этих головных танков, кроме радио, была бы и проволочная связь. Старшина Престинский[109], я и еще один товарищ получили задачу днем разыскать эти танки. Мы это сделали, разыскали с картой расположение [танков] и дали все данные в батальон связи. При нас там же убило командира батальона, заместителя его по политчасти. Но мы остались целыми. Потом мы должны были дать к ним связь. Я дежурил в 1-м батальоне на телефонной точке. Командование послало других людей — Петрова и других, которые должны были пойти ночью и дать эту связь. Они зашли сначала ко мне, я им все рассказал. Они походили-походили, но не нашли танков, а дело было очень срочное. На утро командование справляется — есть ли связь с дозорными танками, но, кроме радио, с ними связи не было. Командование стало требовать от нашего командира немедленного установления связи. Я слышу по телефону, что связь во что бы то ни стало требуют. Я доложил начальнику, что, так как это дело очень важное, то я берусь выполнить эту задачу и налажу связь. Командование разрешило мне это сделать. Я пошел, захватил катушки, провода, пошел туда, где был накануне. По дороге я нашел и тех двух товарищей — Петрова и другого. У них уже кончался провод: и назад они не идут, и вперед тоже идти не с чем. Я пришел со своей катушкой как раз вовремя, так как мы добавили провод, и дело пошло. Они сидели в окопе с концом одного провода. Я не мог предъявлять к ним каких-либо претензий, так как действительно трудно было что-либо сделать. Мы связали провод, стали мотать связь дальше и дали быстро связь до танков.

[109] *Престинский Николай Григорьевич* (1922—?) — ст. сержант, командир отделения телефонистов взвода связи роты управления 169-й тбр. За бои под Прохоровкой награжден орденом Красной Звезды. Из наградного листа: «Тов. Престинский в бою смел и решителен. Во время проведения боевых действий бригады в районе совх. Комсомолец, д. Сторожевое своевременно обеспечил связью КП бригады с подразделениями, тем самым дал возможность правильно управлять боем. Под сильной бомбежкой авиации противника, минометно-пулеметным огнем 10, 11, 12 июля тов. Престинский лично сам устранял порывы, не уходя из линии, а также руководил отделением. Тов. Престинский вынес из поля боя раненого телефониста, оказал ему первую помощь, а сам остался и продолжал исправлять порывы».

Выкопали окопчик. Телефонисты там расположились, связь есть. Это было оценено командованием, так как для него это было очень важно»[110].

Из стенограммы беседы с гвардии майором Клиновым Федором Михайловичем, начальником оперативного отдела штаба 60-й гвардейской (ранее 169-й) танковой бригады 8-го гвардейского (ранее 2-го) танкового корпуса:

«<...> 7 июля бригада получила приказ сосредоточиться из района Кукуевка Уразовского района [и] в районе боевых действий Правороть. 8 июля к 5.00 бригада сосредоточилась в этом районе. В 11 часов бригада получила боевой приказ наступать из района Сторожевое в направлении совхоз «Комсомолец», высота 258,2. К 14 часам бригада овладела этой высотой. Противник, разгадав наши замыслы, бросил большое соединение авиации на этом направлении, и весь остаток дня 8 июля противник сковывал наши части с воздуха. В этот день было противником сделано до 400 самолетовылетов. Таким образом, 8 июля противник задержал наше дальнейшее продвижение за высотой 258,2.

9 июля бригада получила задачу занять оборону в районе совхоз «Комсомолец», Ивановский выселок и не дать возможность дальнейшего продвижения противника в направлении Правороть, Прохоровка.

К 11 часам 9-го [июля] противник в направлении совхоза «Комсомолец» бросил до 60 танков и до двух полков пехоты. И одновременно из района Тетеревино бросил до 15 танков и до батальона пехоты в направлении Ивановский выселок, железнодорожные казармы, Сторожевое.

В течение дня 10 числа бригада вела сдерживающие оборонительные бои. Однако противник, имея превосходство сил в пехоте и танках, к 20.00 10-го [июля] до 15 танков и двумя батальонами пехоты вошел в район Ивановские выселки и в район железнодорожных казарм, овладев совхозом «Комсомолец».

В течение дня 11 июля противник стал в район совхоза «Комсомолец» подтягивать танки с мотопехотой. К тому времени на этом участке действовали танковые дивизии «Мертвая голова», «Райх».

Ввиду того, что противник подошел почти вплотную, оставаться на прежнем рубеже бригаде было очень невыгодно. Нужно было строить подвижную оборону, создавать танковые засады, и было принято решение мотострелковый батальон расположить в обороне северо-восточнее Ивановских выселок, восточнее железнодорожных казарм. Это примерно в двух км северо-восточнее этих пунктов. Было решено сделать танковые засады в районе южнее Сторожевое, на опушке леса, западнее Сторожевое.

К тому времени противник, ведя наступление в направлении Прохоровки, имея превосходство сил на участке соседа справа, т.е. 58-й гвардейской бригады, вышел в район совхоза «Сталинское отделение» и тем самым стал воздействовать на наш правый фланг.

[110] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Оп. 120. Д. 7. Л. 2 об. —3.

Часть автоматчиков просочилась в лес, севернее Сторожевого, угрожая захватом КП бригады. Однако бригада продолжала удерживать оборону в таких трудных условиях и скоротечности боя.

К 20 часам 12 июля противник из района Ивановских хуторов силой до 30 танков и до полка пехоты перешел в наступление на Сторожевое. Части бригады находились в засаде. Танковый батальон, подпустив танки противника на близкое расстояние до 200 метров, начал расстреливать в упор танки противника.

На этом участке, перед самым Сторожевым, нами было уничтожено танков «Т-4» — 8, «Т-6» («тигров») — 12, противотанковых орудий — 6, минометов — 15, ручных пулеметов — 18 и до 250 солдат и офицеров.

Ввиду превосходства сил противника и охватывающих действий его из направления Виноградовка и совхоз «Сталинское отделение» в 20.00 12 июля противнику удалось овладеть Сторожевым. Бригада к тому времени, потеряв большое количество материальной части в районе Сторожевое, была вынуждена отойти на участок два км восточнее Сторожевое и занять там оборону.

Дальнейшие бои на Прохоровском плацдарме носили изматывающий характер в отношении сил противника, т.е. противник все время старался бросать крупные силы, но наши части перемололи в этих боях всю его живую силу и технику, и, в течение восьми дней измотав его на этом участке фронта, 18 июля после этого сдерживающего большого боя перешли в наступление в направлении Виноградовка, Сторожевое, Ивановский выселок, Тетеревино.

Противник, понеся большие потери в людях и технике, начал отходить в южном направлении, создавая на отдельных участках узлы сопротивления и оказывая нам упорное сопротивление. Однако бригада, ломая сопротивление противника, к 19.00 20 июля овладела опорным пунктом Лучки, заняла оборону на южной окраине его. Но противник, прикрывая свою основную линию обороны, прежнюю линию, еще до его наступления 5 июля стремился на каждом участке создать мощное укрепление, минные поля, проволочные заграждения, основную свою силу оттягивал на старый рубеж.

20 июля бригада возобновила наступательные действия. К 20 часам овладела рубежом южнее 2 км Лучки. Противник начал поспешно отходить в направлении Смородино. Бои южнее Лучки носили ожесточенный характер. Действия танкистов были чрезвычайно смелые и мужественные. Танки врывались настолько стремительно в укрепления противника, что немцы подчас просто бросали оружие, пулеметы, артиллерию и бежали.

Здесь особенно отличился командир взвода лейтенант Левин[111]; механик-водитель старший сержант Романчишин, который уничтожил до 80 гит-

[111] *Левин Федор Дмитриевич* (1922—?) — лейтенант, командир танка Т-70 371-го танкового батальона 169-й тбр. За бои под Прохоровкой награжден орденом Красной Звезды. Из наградного листа: «В боях на Белгородском направлении в районе с. Смородино тов. Левин проявил отвагу и большевистскую мужественность. Своим танком подавил 2 пушки, взял 2-х пленных и уничтожил до 80 гитлеровцев».

леровцев, взял в плен двух; командир машины лейтенант Веселов[112], механик-водитель Косолапов, который уничтожил до 25 гитлеровцев и два танка; командир танка Кошкин[113] уничтожил огнем и гусеницами до 30 гитлеровцев, захватил трех пленных; старший лейтенант Борщов[114], командир танка, он разбил три пушки, уничтожил до 30 гитлеровцев.

Дальнейшие бои от Лучков бригада вела на белгородском направлении. Овладела она населенными пунктами Петровский, Смородино, Каменский, Глушинский. На участке Глушинский противник создал мощный узел сопротивления, минируя подходы противотанковыми минами и пехотными минами, построив сильные противотанковые препятствия, что затрудняло в дальнейшем движение бригады в этом направлении. С целью обхода этого узла сопротивления бригада к 5.00 26 июля была сосредоточена на южной опушке леса, полтора км севернее Крапивинские дворы с задачей во взаимодействии с 42 гвардейской стрелковой дивизией обойти узел сопротивления, развивать наступление в направлении Березов—Томаровка.

В течение 26—30 июля бригада вела наступательные действия, взаимодействуя с 42-й гсд, овладев высотой 233.3, 224.2, 215.4. К тому времени противник подтянул из района Томаровка свежие силы, и дальнейшее продвижение частей было приостановлено. Части бригады перешли к обороне <...>»[115].

Из стенограммы беседы с Юрченко Антониной Федоровной, радисткой 60-й гвардейской (ранее 169-й) танковой бригады 8-го (ранее 2-го) танкового корпуса:

---

[112] *Веселов Емельян Кириллович* (1922—?) — лейтенант, командир танка 371-го танкового батальона 169-й тбр. За бои под Прохоровкой награжден орденом Красной Звезды. Из наградного листа: «В районе д. Петровское Беленихинского района Курской обл. на Воронежском фронте 26.07.43 г. командир танка лейтенант Веселов уничтожил немецкий танк Т-4 и до 50 человек гитлеровцев».

[113] *Кошкин Валентин Афанасьевич* (1922—1943) — мл. лейтенант, командир танка Т-34 371-го танкового батальона 169-й тбр. Погиб в бою в районе с. Лучки 22.07.1943 г. Посмертно награжден орденом Отечественной войны II степени. Из наградного листа: «Будучи в боях на Белгородском направлении в районе с. Лучки, младший лейтенант тов. Кошкин лично своим танком уничтожил одну пушку, до 30 человек пехоты противника и захватил 3-х пленных. Тов. Кошкин проявил отвагу и большевистскую мужественность. Пал смертью храбрых в бою за социалистическую Родину».

[114] Правильно — *Борщев Яков Иванович* (1921—?) — ст. лейтенант, командир танковой роты танков Т-70 371-го танкового батальона 169-й тбр. За бои под Прохоровкой награжден орденом Отечественной войны II степени. Из наградного листа: «В боях на Белгородском направлении в р-не с. Лучки, Смородино старший лейтенант тов. Борщев проявил себя волевым командиром в руководстве танковой ротой. Лично своим танком подавил три пушки противника и уничтожил до 70 гитлеровцев». Как следует из этого же наградного листа, ранее 10.07.1943 г. Борщев Я.И. был ранен, 16.07.1943 г. награжден медалью «За отвагу».

[115] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Оп. 120. Д. 1. Л. 3—5. За бои под Прохоровкой капитан Ф.М. Клинов, помощник начальника штаба бригады по разведке, был награжден орденом Отечественной войны II степени. Из наградного листа: «Клинов в период формирования очень много уделял внимания в деле подготовки разведчиков взвода разведки. Во время боевых действий в районе совх. Комсомолец, Ивановский выселок, Сторожевое 8—14 июля 43 г. проявил себя храбрым командиром. Разведорганы бригады под его руководством работают хорошо. Тов. Клинов лично сам ходит в разведку и приносит ценные сведения о противнике, тем самым дает возможность правильно принимать решения командиру бригады. В разведке ведет себя смело и решительно <...>».

«<...> Была я и на Курской дуге. В бой мы вступили с 7 на 8 июля, числа 9—10 июля мы получили задачу приостановить наступление противника и отбросить его. Вступили мы в бой с марша. Наш штаб расположился на окраине этого же села Сторожевое, а наши передовые части были на другой окраине. Противник сосредоточил там большие силы, чтобы парализовать нас. Самолеты беспрерывно летали и бомбили расположение наших передовых частей. К нам долетали мины, у нас РСБ вышел из строя. Как раз дежурила я. Во время минометного обстрела перестала работать радиостанция — ни на прием, ни на передачу. Начальник связи и начальник радиостанции не знали, что делать. Так как я была дежурной, я предложила капитану, начальнику связи, пойти в танк комбрига и связаться с высшим хозяйством[116]. С этим начальником связи я была впервые в бою, и он не поверил мне, что я могу связаться, так как в танке была ультракоротковолновая станция, и до корпуса она не доставала. Конечно, я все же связалась, а радиостанция наша уехала в это время на ремонт, туда, где она была раньше. Но там ее покалечило минами, ни одного живого места не осталось. У нас в окопе дежурили телефонисты, там перебило всех. А я в танке сидела и работала полным ходом. Если у нас порывалась радиосвязь, то только из-за неисправности радиостанции, но мы выходили из положения и минут через 20 снова связывались, так как мы изучили уже почерк каждой радиостанции в сети, я связывалась и работала.

Никто нам в танке не говорит, никакой команды нет, но передовые части уже ушли и слышно уже гул немецких танков. Тогда мы немного отошли. Там был наш полковник Степанов[117]. Он с командиром подразделения начал обсуждать план дальнейшей работы, дальнейших действий. Я сижу в танке, работаю бесперебойно, вызываю кого нужно к микрофону корпуса. В это время танк наш заметили и начали бить из миномета по нему. У меня антенна слетела. Потом нам было приказано отойти немного в балку и замаскироваться.

На второй день пришла наша радиостанция, и я опять на ней поработала. Как раз к нам подошла какая-то гвардейская бригада[118], и она вступила с марша в бой. Но через два часа мы все отступили. Тогда мы стояли под Правоторью. Это было наше последнее отступление. Нас там очень сильно бомбили, слышно было только визг бомб. У меня надеты наушники, я слышу сигналы и свист бомб. Но мы уже привыкли к разным помехам. Здесь мы стояли пять дней. Это был жестокий бой. Немцы беспрерывно обстреливали нас из минометов и беспрерывно бомбили. Потом мы двинулись вперед, а немцы откатились тогда на 70 км[119]. Мы пошли прямо за ними маршем, и догнали их только у Лучков.

Я старалась всегда обеспечить бесперебойную связь со своими подразделениями, с корпусом.

---

[116] Так в документе. По всей видимости, имеется в виду штаб корпуса.

[117] Имеется в виду командир бригады Степанов И.Я.

[118] Скорее всего, 18-я или 29-я бригада 5-й гвардейской танковой армии Ротмистрова.

[119] Здесь явное преувеличение. С 17 июля 1943 г. немцы начали постепенно отводить свои части на прежние оборонительные позиции в район Белгорода. При этом следовавшие за ними советские войска вынуждены были преодолевать серьезное сопротивление противника, с огромным трудом продвинувшись вперед на несколько десятков километров.

В летних боях держали связь только мы и микрофоном, и ключами. Работали мы и с соседними дивизионами. Было три сети, и не было ни одного порыва. Если был, то минут на 20, не больше. <...>

Меня наградили медалью «За отвагу» за работу на Прохоровском плацдарме, наградили за то, что я поддерживала в самой тяжелой обстановке бесперебойную связь, нашла выход: села в танк и держала связь»[120].

Из стенограммы беседы с гвардии майором Максимовым Георгием Ивановичем, командиром моторизованного автоматного батальона 59-й гвардейской (ранее 99-й) танковой бригады 8-го гвардейского (ранее 2-го) танкового корпуса[121]:

«Батальон был сформирован из числа бывших в плену и окружении, и с этими людьми нам пришлось проработать три месяца. Мы делали марши по 100—150 км. Мы изучили народ, народ был нехороший, враждебно настроенный, и даже были шпионы, двух человек мы разоблачили, отсеяли еще пять человек с антисоветскими настроениями. Большая работа была проведена партийным аппаратом в этом отношении.

Таким образом, мы имели возможность хорошо подготовить свой состав, так как формировались летом, обучали их на местности и т.д.

Мы выступили в бой 8 июля прямо с марша в районе совхоза «Комсомолец». Роты ехали десантом на танках. Первый танковый батальон заблудился, не пошел в направлении маршрута и подставил, таким образом, свой левый фланг немцам. Там же была и танковая рота — командир роты лейтенант Прокопец[122]. Они спешились и пошли в атаку на немцев. Это было буквально в 80 метрах. Взвод лейтенанта Козорезова[123] ворвался в окопы немцев, завязалась рукопаш-

[120] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Оп. 120. Д. 10. Л. 1 об.—2. За бои под Прохоровкой А.Ф. Юрченко была награждена медалью «За отвагу». Из наградного листа: «Младший сержант Юрченко, работая радиотелеграфистом, показала себя в бою за социалистическую родину с немецкими захватчиками смелой и отважной, несмотря на сильную бомбежку авиации противника, т. Юрченко держит бесперебойную связь по радио со штабом корпуса. Она быстро принимает и передает боевые приказы командованию роты <...>». К сожалению, Антонина Федоровна Юрченко (1923—1945) не дожила до Победы всего несколько месяцев. Она погибла 31.01.1945 г. в Восточной Пруссии.

[121] *Максимов Георгий Иванович* (1916—1980) — в период боев на Курской дуге майор, командир мотострелкового пулеметного батальона 99-й танковой бригады. За успешное форсирование Днепра в ночь с 23 на 24 сентября 1943 г. и захват плацдарма на западном берегу реки в районе с. Зарубинцы Каневского района Максимову Г.И. 3 июня 1944 г. было присвоено звание Героя Советского Союза.

[122] *Прокопец Алексей Яковлевич* (1920—?) — лейтенант, командир танко-десантной роты 99-й тбр. За бои под Прохоровкой награжден орденом Красной Звезды. Из наградного листа: «В боях за высоту 255,9 8.07.43 г. командир танко-десантной роты автоматчиков тов. Прокопец, действуя танковым десантом роты, умело организовал бой в траншеях противника. С группой своих бойцов в завязавшемся бою в траншее тов. Прокопец уничтожил до взвода пехоты противника, один расчет ручного пулемета. Тов. Прокопец своим личным подвигом воодушевлял личный состав роты на выполнение поставленной задачи и совершение боевых подвигов, в результате чего задача, поставленная роте, была выполнена».

[123] *Козорезов Василий Назарович* (1923—?) — лейтенант, командир взвода автоматчиков 99-й тбр. За бои под Прохоровкой награжден орденом Красной Звезды. Из наградного листа: «8 и 9.07.43 г. в боях за высоту 255,9 взвод лейтенанта Козорезова ворвался в окопы противника, ведя бой с немецкими автоматчиками в полу окружении. В результате боя уничтожено до взвода пехоты противника, один ручной пулемет. Тов. Козорезов своим личным примером увлекал бойцов взвода на выполнение поставленной задачи и совершение боевых подвигов, где сам лично уничтожил до 30 гитлеровцев. В этих боях был ранен».

ная схватка. До 40 немцев было убито в траншее. Одного притащили уже полумертвого, как языка. После этого танки отошли в совхоз, так как сбились с пути. Я связался с командиром бригады по радио и получил приказ отвести людей в район 2-го батальона, где я и сконцентрировал все батальоны. На другой день у немцев работала авиация, они сделали 1000 самолетовылетов, буквально не давали нам подняться. Здесь я потерял около 10—15% личного состава.

Двое суток мы продержались в совхозе «Комсомолец». Было приказано форсированным маршем войти в район ...[124], куда мы вошли ночью и там заняли оборону. Оборона была исключительно удачной, которая нам позволяла отбивать по 1—15 танковых и пехотных атак. Мы организовали фланкирующий и кинжальный огонь, и хорошо было организовано взаимодействие. Связь с соседями также была установлена. Были установлены кочующие огневые противотанковые точки.

На второй день немцы бомбили нас примерно 20 самолетами, и после этого пошли в атаку 4 «тигра» и 6 средних танков. Это было числа 18 июля[125]. Два танка были сразу же подбиты противотанковыми батареями, один «тигр» был подбит танкистами, пехоту мы отсекли от танков и часть уничтожили, а часть повернулась обратно. Таким образом, атака немцев захлебнулась. В 16.00 немцы бомбили опять и опять возобновили атаку с двух сторон пехотой и танками. Танками они зашли на траншеи, 1-й взвод он давил гусеницами. Два «тигра» наши танкисты подбили. Парторг пехотного полка, лейтенант Кириллов, поднял свой взвод, с песней ринулся прямо в атаку. Атака немцев была отбита.

После этого на второй день немцы пускают до 20 танков, до полка пехоты. Танки опять проходят через мои боевые порядки и обстреливают пехоту ружейным и пулеметным огнем. Соседний пехотный полк не удержался и отошел. Мне докладывают, что положение безвыходное: или нужно отходить, или мы понесем большие потери. Я связываюсь с командиром бригады, сажаю свои взвода на танки, которые дал командир бригады, и ударяю по правому флангу противника, по его пехоте. Таким образом, я восстановил свое положение, поднял соседнюю пехоту, ударил его танкам во фланг, и три танка немцев сразу же загорелись. Остальные повернули обратно. Там у них были только средние танки и самоходные пушки.

После этого нас перевели под Правороть <...>»[126].

Из стенограммы беседы с гвардии старшим лейтенантом Потаповым Василием Абрамовичем, командиром танкового батальона 59-й гвардейской (ранее 99-й) танковой бригады 8-го гвардейского (ранее 2-го) танкового корпуса[127]:

---

[124] Название населенного пункта в тексте неразборчиво.

[125] Здесь Г.В. Максимов ошибается. Речь, скорее всего, идет о событиях 10—13 июля 1943 г., когда бригада занимала оборонительные рубежи.

[126] НА ИРИ РАН. Оп. 122. Д. 1. Л. 3 об.—4. Из наградного листа на присвоение звания Героя Советского Союза Г.И. Максимову: «В боях на Прохоровском плацдарме, при взятии городов Лебедин, Лубны, Переяславль-Хмельницкий и др. населенных пунктов мотострелковый пулеметный батальон был в первых рядах <...>».

[127] *Потапов Василий Абрамович* (1918—1996) — в период боев на Курской дуге старший лейтенант, командир батальона 99-й тбр. За успешное форсирование Днепра 25 сентября 1943 г.

«Во время боев на Прохоровском плацдарме я был командиром танковой роты. Мы вели около Васильевки оборонительные бои. Стояли мы на левом фланге бригады, и отбили мы пять атак «тигров» и «пантер». За день боев я лично подбил из своего танка два «тигра», рота подбила 10 «тигров», подбили бронетранспортеры. Били мы из засады. Противник нас обошел и шел целыми колоннами. Здесь были исключительно напряженные бои. Я из своего танка расстрелял три боекомплекта, т.е. выпустил около 400 снарядов[128]. Здесь мы уничтожили до роты пехоты противника. Весь личный состав дрался прекрасно, несмотря на то, что нас беспрерывно бомбила авиация. Если даже рядом горит машина, никто даже не думал уходить. Вечером мы получили приказ перейти в другой район. Это было 9 июля <...>»[129].

Из стенограммы беседы с гвардии старшиной Деминым Степаном Дмитриевичем, старшиной мотострелковой роты 59-й гвардейской (ранее 99-й) танковой бригады 8-го гвардейского (ранее 2-го) танкового корпуса:

«Начиная с 9 июля, мы заняли оборону в с. Васильевка на белгородском направлении. Нам было приказано не допустить немцев в село. Когда немцы стали заходить, соседняя с нами часть отошла. Только мы хотели выступить, немцы подтянули танки, пехоту и крепко обстреляли наши траншеи. Из строя вышел командир роты, командир взвода. Я был командиром пулеметного взвода, и мне пришлось командовать всей ротой. Немцы продвинулись здесь метров 200 и даже отчасти прорвались с фланга в траншеи. Мы открыли огонь. Здесь их было уничтожено человек 90. Эта атака была отбита. Потом они вторично пошли. Вообще они применяют психические атаки. Они поднялись и пошли во весь рост, кричали что-то по-своему, а другие шли молча. Но для нашего оружия психическая атака — самое хорошее дело, у нас патронов хватит. Шли они в эту атаку три раза и потеряли не меньше 200 человек.

Потом мы получили приказ отойти. Вторым ударом я их опять выбил из села и занял свою первоначальную позицию. Здесь уже подошли и танки. Это было 11 июля <...>»[130].

и захват плацдарма на западном берегу реки в районе с. Ходоров Переяслав-Хмельницкого района Потапову В.А. 3 июня 1944 г. было присвоено звание Героя Советского Союза.

[128] На самом деле стандартный боекомплект танка Т-34 — 100 снарядов.

[129] НА ИРИ РАН. Оп. 122. Д. 2. Л. 1. За бои под Прохоровкой В.А. Потапов был награжден орденом Красного Знамени. Из наградного листа: «<...> с 8 по 13.7.43 г. тов. Потапов умело руководил ротой, своим примером стойкости и отваги служил для всего личного состава. 10 и 11.7.43 г. в районе с. Михайловка, Васильевка рота т. Потапова отражала неоднократные атаки противника и нанесла ему следующий урон: подбито и уничтожено 3 тяжелых танка, 7 средних танков, 2 мин. батареи, 3 автомашины и до 250 человек пехоты. В этих боях сам лично тов. Потапов подбил 2 тяжелых танка и до 50 гитлеровцев <...>».

[130] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Оп. 122. Д. 7. Л. 1. За бои под Прохоровкой сержант С.Д. Демин был награжден медалью «За отвагу». Из наградного листа: «В боях за с. Васильевка 10.07.43 г. т. Демин показал себя смелым и отважным командиром отделения. Когда командир взвода был ранен, т. Демин командование взводом принял на себя и своим личным примером воодушевлял бойцов взвода на выполнение поставленной задачи и совершение героических подвигов. В этих боях он уничтожил до 30 гитлеровцев и, будучи раненым, поля боя не оставил, а продолжал командовать взводом <...>».

Из стенограммы беседы с гвардии капитаном Козленковым Федором Васильевичем, начальником химической службы 59-й гвардейской (ранее 99-й) танковой бригады 8-го (ранее 2-го) танкового корпуса:

«<...> 8 июля после марша в 4.00 бригада сосредоточилась в селе Призначное, имея задачу быть готовой контратаковать противника в направлении Прохоровка. В 14.00 части бригады перешли в наступление в направлении отметки 258.2 — Тетеревино—Лучки. Бригада находилась во втором эшелоне. 2 ТК имел боевой порядок два эшелона. В первом эшелоне были танки «Т-34», во втором «Т-70». При достижении 169-й танковой бригадой совхоза «Комсомолец» противник встретил ее сильным артиллерийским и минометным огнем. Одновременно начался массовый налет авиации противника. Здесь наши танкисты впервые встретились с «тиграми» («Т-6») и противотанковыми самолетами «Ю-87». Они имеют две 37 мм пушки специально противотанковые и пикируют обычно на заднюю часть танка.

По мере продвижения бригад сопротивление противника усиливалось. Вскрывались новые арт. и мин. батареи, танки, закопанные в землю. Авиация противника увеличила число самолетовылетов, и к 18.00 атаки с воздуха перешли в беспрерывное нападение. В течение 4-х часов с 14 до 18 было зарегистрировано около 500 [самолетовылетов].

Бригада двигалась за 169-й и 26-й бригадой на северо-западные скаты высоты 258,2, где встретила сильный огонь противника с высот 224,5 и 258,2. Танки остановились, пехота сошла с танков, и начался жестокий бой, который продолжался до поздней ночи. В 21.00 8 июля штаб бригады получил боевое распоряжение закрепиться на достигнутых рубежах. Танки, артиллерию и мотопехоту было приказано глубоко закопать в землю, с тем, чтобы с утра 9 июля продолжать выполнять задачу, поставленную накануне.

В течение всего 9 июля шел жаркий бой в районе высоты 258,2. Обе стороны, неся большие потери в живой силе и технике, не продвигались ни на шаг. В ночь с 10 на 11 бригаде было приказано выйти в район Васильевка—Михайловка. В этом районе бригада получила приказ занять жесткую оборону. МСПБ[131] занял оборону на северо-западной окраине Васильевки. 2-й тб занял оборону на северо-западной окраине Андреевки. 1-й тб был оставлен в качестве резерва командира бригады в селе Михайловке.

Пленные, захваченные в этом районе, показали, что 3-й немецкий мотополк дивизии СС «Тотенкопф» имеет задачей наступать на Васильевку и, заняв ее, в ней укрепиться. Полк имеет поддержку 40 танков, из которых 10 «тигров». Утром 11 июля разведкой было установлено накопление танков и пехоты противника в лощинах и оврагах юго-западнее Васильевки. В ночь с 10 на 11 июля командир бригады получил радиограмму 2 ТК, в которой говорилось о важности рубежа обороны и необходимости отстаивать его любыми средствами. «Умереть, но не пропустить врага», — таков был приказ.

[131] Мотострелковый пулеметный батальон.

Утром 10 июля противник вел разведку боем мелкими группами танков и пехоты, а в 17.00 10-го июля предпринял одну за другой атаки. В атаке участвовали танки, артиллерия, самоходные пушки и пехота. С воздуха атаку прикрывала их авиация. Части бригады обе атаки отбили успешно, нанеся противнику большие потери в людях и технике.

Утром 11/7 противник предпринял атаку в направлении Васильевка и совхоз «Комсомолец». Атаке предшествовал сильный налет авиации противника на наши боевые порядки танков и пехоты. Артиллерийская подготовка, последовавшая за налетом авиации, продолжалась полтора часа. В атаку шла пехота, за ней танки с самоходной артиллерией на флангах.

Завязался жаркий бой, который длился 16 часов. В 7.00 противник, усилив наступающую пехоту танками, ворвался в Васильевку и начал продвигаться вперед. Танки противника, прорвавшись через боевые порядки нашей пехоты, обстреливались с фронта и тыла. Однако опасность для Васильевки становилась все реальнее. Командир бригады решил контратаковать противника резервом танков с десантом. Контратакой руководил начальник штаба, майор Осипов[132] и зам. нач. штаба по опер. работе, майор Бобров[133], офицер связи старший лейтенант Хлопуновский[134]. Тов. Хлопуновский первый с группой танков ворвался в Васильевку, расстрелял с ходу танки и пехоту противника. Контратака резерва была настолько неожиданной для противника, что он быстро стал поворачивать [назад].

---

[132] *Осипов Андрей Никифорович* (1911—?) — майор, начальник штаба 99-й тбр. За бои под Прохоровкой награжден орденом Отечественной войны I степени. Из наградного листа: «Тов. Осипов, работая начальником штаба бригады, на всем протяжении боевых действий умело организовал работу штаба. Все время находясь на передовой, умело организовывал танковые атаки и взаимодействие частей по разгрому немецко-фашистских захватчиков. Так, например, 10—11.07.43 г. в с. Михайловка, Васильевка, когда противник входил на окраину этих сел, тов. Осипов, действуя с танками 289 танкового батальона, организовал и лично руководил боем. После упорных боев противник был выбит, при этом было уничтожено до 250 гитлеровцев. 14.07.43 г. в боях за с. Правороть тов. Осипов организовал взаимодействие танков, артиллерии и пехоты, лично руководил боем одной из групп, и после ожесточенных боев атаки противника были отбиты, при этом было уничтожено до 300 гитлеровцев и 5 средних танков».

[133] *Бобров Ефим Фомич* (1913—?) — майор, заместитель начальника штаба 99-й тбр. За бои под Прохоровкой был награжден орденом Красного Знамени. Из наградного листа: «10.07.43 г. бригада вела оборонительные бои за с. Васильевку. В критический момент, когда танки противника с автоматчиками ворвались на окраину села, пехота начала панически бежать, наши танки попятились назад, артиллерия начала сниматься с огневых позиций, майору Боброву было приказано восстановить положение. Тов. Бобров повел танки вперед, повернул обратно пехоту и артиллерию. В результате отважных действий майора Боброва, под ураганным огнем и налетах авиации, было восстановлено положение. Под его руководством части заняли с. Васильевку, оттеснив противника на прежние рубежи. Решительным и смелым боевым подвигом Боброва бригада нанесла большие потери в живой силе и технике противника».

[134] *Хлопуновский Василий Фомич* (1915—?) — ст. лейтенант, офицер связи штаба 99-й тбр. За бои под Прохоровкой награжден орденом Красного Знамени. Из наградного листа: «10.07.43 г. на окраину с. Васильевка ворвались танки и автоматчики противника. Создалась критическая обстановка. Наша пехота, танки и артиллерия стали отходить. Тов. Хлопуновскому было приказано восстановить положение. Он сам сел на танк, ворвался в боевые порядки наступающего противника, открыл из танка огонь, расстроил боевые порядки противника, уничтожил до 50 гитлеровцев, в результате танки противника повернули обратно. Положение было восстановлено. В этом бою тов. Хлопуновский был тяжело ранен».

Здесь нельзя не отметить замечательную командирскую стойкость и мужество старшего лейтенанта Терентьева (командир роты средних танков)[135]. Он лично из своего танка подбил 4 средних танка противника. И когда был уже тяжело ранен, истекая кровью, он подбил 5-й танк, тяжелый.

Замечательно вели себя автоматчики мспб[136]. Здесь отличился командир роты автоматчиков лейтенант Кириллов.

На рубеж обороны бригады противник не пошел. Однако он имел успех на рубеже 169 и 26 тбр, где он потеснил наши бригады и вышел к совхозу «Сталинское отделение», тем самым угрожая ударом с тыла и во фланг 99 и 159 мотобригаде.

В этих боях бригада нанесла противнику следующие потери: уничтожила солдат и офицеров около 1000. Уничтожила средних танков — 14, тяжелых — 6, самоходных орудий — 8, 25 пулеметов, 4 миномета, 2 бронетранспортера. Захвачено в плен 6 человек.

Не жалея техники и живой силы, противник продолжал сосредотачивать свои танки и пехоту с целью наступательных операций в направлении на город Курск. Бригада по приказу штаба корпуса в ночь с 11 на 12 июля снялась с района Васильевка и Михайловка и сосредоточилась в с. Правороть. С 12 по 20 июля части бригады вели жестокие оборонительные бои в районе Правороть. За это время бригада уничтожила 16 средних танков, 6 тяжелых танков, различных орудий — 4, солдат и офицеров около 600 человек.

20 июля бригада получила приказ наступать в общем направлении Правороть, Сторожевое, Ивановский выселок, Беленихино, Калинин, Собачевский, Лучки с задачей овладеть Лучками. В 14.00 бригада выступила на выполнение задачи. После непродолжительных боев бригада вместе с другими частями корпуса заняла Лучки. Бригада за день продвинулась вперед на 20 км.

Противник упорно сопротивлялся. Он организовал сильное огневое сопротивление на высотах 246,3 и лес южнее этой высоты. После решительных действий бригады и других частей корпуса противник был выбит с высоты. Части бригады преследовали противника и утром 22 июля заняли Крапивинские дворы. Наступательные действия с этого рубежа встретили особенно сильное сопротивление противника — из района высот 244.7, 244.2, 224.2 и лес Журавлиный. С каждым километром продвижение вперед для частей бригады становилось труднее, все больше и больше встречались минные поля противника. Противник минировал и дороги, балки, высоты, деревья, дома. <...>

---

[135] *Терентьев Евгений Васильевич* (1921—?) — ст. лейтенант, командир роты средних танков 99-й тбр. За бои под Прохоровкой награжден орденом Ленина. Из наградного листа: «10.07.43 г. во время боев в районе с. Васильевка тов. Терентьев искусно командовал своей танковой ротой и вел губительный огонь по атакующему противнику. В этом бою он уничтожил один танк Т-6 и (четыре) средних танка, одну противотанковую пушку, три автомашины «Фиат» с боеприпасами, уничтожил и рассеял до 100 человек пехоты, обстрелял колонну автомашин с пехотой противника, где сжег 7 автомашин. Своими самоотверженными действиями тов. Терентьев поддержал мотопехоту, что дало возможность удержать занимаемый рубеж обороны. В этом бою тов. Терентьев был ранен».

[136] Мотострелковый пехотный батальон.

В течение второй половины дня 22 июля шел жаркий бой. Части бригады достигли высоты 218,9, встретили минометный и артиллерийский огонь. На этом рубеже бригада перешла к обороне <...>»[137].

Из стенограммы беседы с гвардии капитаном Гайдаровым Иваном Петровичем, заместителем командира по политической части 73-й подвижной ремонтной базы 8-го гвардейского (ранее 2-го) танкового корпуса:

«В Прохоровке был целый ряд наглядных уроков. Здесь были большие танковые бои, и много танков вышло из строя. Нужно было производить много мелкого ремонта. Но было очень трудно с запасными частями. Мы попытались подъехать к передовой, чтобы снять там с подбитых танков нужные нам запасные части, но нас туда не пустили, так как на машинах туда совершенно подъехать было нельзя: шел сильный обстрел. Тогда мы решили дожидаться вечера и вечером подползли к сожженным танкам, вытащили на себе тяжелые части, в частности, такие части, как каток. Это очень тяжелая часть. В обыкновенной обстановке ее ни за что не поднять двоим людям, но здесь мы ее как будто бы свободно тащили. Таким путем мы обеспечили себя запасными частями для 4-х боевых машин. Через несколько часов 4 тридцатьчетверки были исправлены и пущены в бой. Здесь отличились бригады Павленкова[138], Пакшина[139] — по 4 человека.

---

[137] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Оп. 122. Д. 5. Л. 5—6 об.

[138] *Павленко Иван Егорович* (1920—?) — старшина технической службы, бригадир по ремонту 73-й передвижной ремонтной базы (ПРБ) 2-го танкового корпуса. За бои под Прохоровкой награжден орденом Красной Звезды. Из наградного листа: «Старшина Павленко И.Е. во время боев 2 тк, выполняя боевую задачу по ремонту боевых машин, проявил себя смелым и решительным воином. В период ремонта в районе Гусек-Погорелое Павленко потребовались для восстановления боевых машин запчасти. Павленко с Нежутой выехали на поле боя и из-под обстрела противника сняли с горелого танка Т-34 ходовую часть, чем восстановили 5 машин Т-34. В районе Правороти восстановили 3 машины Т-34, для которых запчасти доставались с поля боя. В хуторе Холодном бригада Павленко заменила башню Т-34, заменила несколько пушек и всю эту трудоемкую работу проделали вручную, не считаясь ни с какими трудностями. Всего Павленко со свое бригадой сделали 10 танков Т-34». В сентябре 1943 г. Павленко И.Е. был награжден орденом Отечественной войны II степени. Из наградного листа: «Старшина Павленко, состоя на должности командира отделения монтажных работ, за время боев частей 2 тк на Воронежском фронте проявил подлинный трудовой героизм и беззаветную преданность Родине. Отделение т. Павленко по количеству произведенных ремонтов и их качеству заняло первое место среди ремонтных бригад ПРБ, отремонтировав за 2 месяца 40 боевых машин, из них 21 в последнем месяце. Самые сложные ремонты поручаются бригаде т. Павленко, и он всегда с честью с ними справляется. В полевых условиях т. Павленко производил капитальные ремонты средних танков, которые ранее производились в заводских условиях. Тов. Павленко своими знаниями и личным примером самоотверженного отношения к труду вдохновляет всю бригаду на трудовые подвиги. Тов. Павленко проявил в этих боях личное мужество».

[139] *Пакшин Василий Александрович* (1910—?) — ст. сержант, бригадир по ремонту 73-й ПРБ 2 тк. За бои под Прохоровкой награжден орденом Красной Звезды. Из наградного листа: «Ст. сержант Пакшин В.А., работая бригадиром по ремонту боевых машин, за время участия 2 тк в боях на Белгородском направлении проявил себя действительным патриотом нашей Родины. Когда он был оставлен восстанавливать 2 (танка) Т-34 в Короче, то тов. Пакшин, не взирая на трудоемкую работу и переезды за моторами, за четыре с половиной дня восстановил 2 танка Т-34. Придя на сборный пункт аварийных машин, тов. Пакшин сколотил бригаду так, чтобы догнать другие бригады, на которые с первых дней легла вся тяжесть ремонта. И действительно, бригада тов. Пакшина имеет 16 отремонтированных танков Т-34, из которых 9 машин отремонтировано средним ремонтом». В сентябре 1943 г. Пакшин В.А. был награж-

В одном месте было обнаружено 4 подбитых танка. Ввиду того, что мы были заняты на других участках, мы их передали армейским ремонтным частям. Они поехали туда, но противник держал эти танки все время под обстрелом. Экипажи находились в танках. Армейские части отказались их ремонтировать. Сообщают мне. Я посылаю туда Пакшина, Павленко — коммуниста и ставлю вопрос — во что бы то ни стало это дело устроить: оставить свои машины, пойти туда и выяснить. На машинах, конечно, было подъехать туда нельзя. Но вечером они все же ухитрились туда подъехать, замаскировали машины. Утром я к ним также подъехал, и машины были, несмотря ни на что, отремонтированы. А противник находился в 200 метрах. И все эти 4 машины прямо с того пункта и пошли в атаку и оттеснили противника. Во время ремонта, когда противник обстреливал танки и ремонтирующие бригады, наши танки вели по нему ответный огонь. Смотришь, откуда противник ведет огонь, говоришь командиру танка, ну, они и влепят. <...>

Всего, начиная с Прохоровки и до Вел. Букрина, база восстановила 337 боевых машин, т.е. два раза корпус был сформирован. По фронту мы взяли первенство. Всего мы получили 421 премию за свою работу. Производили мы и крупный ремонт, который в наших условиях никто не делал, причем без специальных приспособлений. Вручную. Например, меняли башни. Меняли десятки пушек, которые, [как] считалось, в полевых условиях менять невозможно, так как пушка на заводе устанавливается через башню, нужно поднимать башню и вставлять туда пушку. И люди это делали. Например, бригада Павленкова меняла мотор, вставляла бортовые катки, и все это делалось за 14—15 часов, и машина шла в бой.

Под Прохоровкой было подбито много танков других соединений. Я посмотрел на них, думаю, может быть их восстановить? Мы подобрали таких 4 машины, восстановили и дали своим разведчикам. И они дошли на них до Днепра. Например, были такие, у которых днище было вырвано миной, тогда мы брали днище от другого танка, приваривали его к этому, т.е. восстанавливали танк, и он шел опять в бой»[140].

Из стенограммы беседы с гвардии старшиной технической службы Батыревым Ефимом Никаноровичем, бригадиром 73-й подвижной ремонтной базы 8-го гвардейского (ранее 2-го) танкового корпуса:

«<...> Особенно много мне досталось в Короче. Там с марша наше соединение вступило в бой. И во время марша были технические неполадки. На-

ден медалью «За отвагу». Из наградного листа: «Ст. сержант Пакшин В.А., работая командиром отделения по ремонту боевых машин, за время боев частей 2 тк на Воронежском фронте показал себя хорошим организатором-ремонтником по выполнению заданий командования. Отделение тов. Пакшина за 2 месяца отремонтировало 33 боевых машины, из которых большинство является средний ремонт, и одна машина отремонтирована капитальным ремонтом. Вся эта работа проделывалась вручную в полевых условиях, а также некоторые танки ремонтировались в непосредственной близости от переднего края обороны противника. Отделение т. Пакшина выполняет задания командования в срок и даже раньше срока, не считаясь ни со временем, и (ни) с трудностями работы».

[140] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Оп. 122. Д. 8. Л. 2 об.—3 об.

пример, в одной машине сгорела головка блока, в другой затек вертикальный валек, в третьей порвало катер и т.д. Все это были трудоемкие работы. Здесь бригада Пакшина мне была дана в помощь, и я восстановил в тот момент 2 машины в течение трех дней. Вообще по пути мы работали день и ночь. Три дня и три ночи мы буквально не спали. У людей от бессонницы заболели уже глаза. Ночью приходилось работать с лампочкой, а немцы кругом так и жужжат.

Тут мне опять попался «КВ», и я его восстановил. А потом мы уже догнали свою базу <...>.

С 5 июля по 7 ноября командование меня наградило двумя орденами — Красной Звезды и Отечественной войны 2-й степени. Всего я восстановил 54 машины»[141].

Из стенограммы беседы с гвардии старшиной технической службы Жидко Григорием Титовичем, бригадиром 73-й подвижной ремонтной базы 8-го гвардейского (ранее 2-го) танкового корпуса:

«Во время Прохоровских боев мне с бригадой пришлось работать в Правороте. Танки корпуса были рассыпаны, и моей бригаде пришлось выскочить в Правороть. Работать там было очень трудно — все время под огнем, частей запасных у нас не было, приходилось доставать, где хочешь. Наша часть в тот момент немного отошла, и непосредственно за Правороть были уже немцы. Под горой у нас стоял танк, с которого нужно было снять катки. Со мной из командного состава был старший лейтенант Мисюра[142], из [рядовых] людей были Блевченко[143],

[141] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Оп. 117. Д. 8. Л. 4—4об. За успешный ремонт танков в ходе боев под Прохоровкой Е.Н. Батырев был награжден двумя орденами Красной Звезды. Из первого наградного листа: «Старшина Батырев Е.Н., работая бригадиром по ремонту «Т-34», показал себя преданным делу, знающим, решительным и смелым командиром. Бригаде т. Батырева приходилось проводить ремонт в самой сложной обстановке, причем неоднократно детали для ремонта вывозились с поля боя с подбитых танков под огнем противника. За время боев частей 2 ТК на белгородском направлении т. Батырев со своей бригадой восстановил 16 танков «Т-34» и 2 танка «Т-70», производя в большинстве из них сложные ремонты с заменой моторов и коробок, перемены передач. Тов. Батырев добился отличного качества ремонта, за что имеет его бригада ряд благодарностей от командования, а также положительных отзывов командования линейных частей <...>». Из второго наградного листа: «Отделением т. Батырева за два месяца восстановлено 35 средних танков, в том числе в последнем месяце 17 боевых машин. Из этого количества произведено много сложных ремонтов. Тов. Батырев и его бригада, выполняя срочные задания, работают, не считаясь со временем и усталостью <...>».

[142] *Мисюра Григорий Степанович* (1917—?) — ст. техник-лейтенант, командир ОТК 73-й ПРБ 2 тк. За бои под Прохоровкой был награжден медалью «За боевые заслуги». Из наградного листа: «Ст. техник-лейтенант Мисюра Г.С. за время нахождения 2 тк в боях, выполняя боевую задачу по ремонту боевых машин, показал себя смелым, решительным, инициативным командиром. Находясь в районе Гусек-Погорелое, за два дня восстановил шесть Т-34 со средним ремонтом, не имея запасных частей, каковые ему приходилось доставлять с поля боя в непосредственной близости от противника. В районе Правороть Мисюра, не взирая на обстрел противника, восстановил пять Т-34 за счет хорошей организованности и своевременного обеспечения рем. бригады необходимыми запчастями, обеспечил быстрый ремонт боевых машин».

[143] Ошибка записи со слуха. Правильно — *Клевченко Федор Васильевич* (1918—?) — сержант техслужбы, слесарь-монтажник 73-й ПРБ 2 тк. За бои под Прохоровкой награжден медалью «За отвагу». Из наградного листа: «Сержант Клевченко Ф.В., работая слесарем по ремонту боевых машин, в период боев 2 тк показал себя смелым, решительным и мужественным воином. Ремонтируя боевые машины Т-34 в районе Гусек-Погорелое и Правороть, ему потребовались

Чернышев[144], Черемнов[145]. Машина была сожжена, а катки были целы, и нам нужно было разъединить [их] и согнать ее с места. Мы с помощью ломиков сдвинули ее с места, потом нам уже можно было снять катки. Здесь нас так обстреляли, что пришлось проводить работу как можно скорее. Это было рано утром, на заре. Свою машину мы оставили в стороне, хотя он и ее обстреливал, только не попал. Но, когда мы катки стали грузить на машину, то они начали очень сильный обстрел из артиллерии и минометов. Мы спрячемся за танк, кончится обстрел — снова принимаемся за работу. Так, в конце концов, все же мы катки сняли и погрузили на машину. После этого нужно было восстановить танки. Мы эти танки — четыре «Т-34» — восстановили, и пошли они в бой.

В районе Красное мы также восстановили три танка. Наша часть туда подошла, но пехоты еще не было. Здесь стояли три подбитых наших танка, и нужно было их отремонтировать. Работа была не очень большая, но уйти они не могли без этого ремонта. Мы туда поехали, восстановили эти три танка прямо на месте. <...>

запчасти для восстановления боевых машин. Он совместно с Жидко и Чернышовым выехал на поле боя и под огнем противника снял необходимые запчасти, как-то: бортовые передачи, ведущие колеса и поддерживающие катки. Когда противник открыл и по ним и по танку минометный огонь, то они, лежа, укатили все запчасти в укрытие и погрузили их на машину. Чем и отремонтировали 7 танков Т-34». Второй медалью «За отвагу» Клевченко был награжден в сентябре 1943 г. Из наградного листа: «Сержант Клевченко, находясь на должности слесаря-монтажника ПРБ, за время боев частей 2 тк на Воронежском фронте показал образцы работы по ремонту боевых машин. Выполнению своего долга тов. Клевченко отдает все свои силы, выполняя порученные ему работы добросовестно, быстро, хорошего качества. За два месяца тов. Клевченко в составе своей бригады отремонтировал 36 танков, в т.ч. 16 танков в последнем месяце. Тов. Клевченко подлинно патриотическим отношением к своим обязанностям вдохновляет на трудовые подвиги весь личный состав ремонтной бригады». Уже после окончания войны, 31 мая 1945 г., Клевченко Ф.В. был награжден орденом Отечественной войны II степени. В наградном листе указывалось следующее: «Гв. старшина Клевченко Федор Васильевич, командир отделения демонтажных работ 73 подвижной т.р. базы 8 гтк. Тов. Клевченко со дня организации базы является бригадиром, его бригада впервые отличилась в боях под Курском. С тех пор тов. Клевченко на протяжении почти трех лет является бригадиром ремонтной бригады. За это время отремонтировано свыше сотни танков и самоходных орудий. Лучший мастер особенно хорошо знает танк М-4-А-2. Ему принадлежит инициатива в переделке двигателя «Джемси» с сухого на мокрый, и наоборот, что значительно облегчило положение с заменой двигателя танка».

[144] *Чернышев Василий Макарович* (1913—?) — сержант, слесарь-монтажник 73-й ПРБ 2 тк. За бои под Прохоровкой был награжден медалью «За боевые заслуги». Из наградного листа: «Сержант Чернышев В.М., работая слесарем по ремонту боевых машин, во время боев 2 тк показал себя смелым, решительным и настойчивым. Во время ремонта потребовались запчасти для восстановления боевых машин. Сержант Чернышев совместно с Жидко и Клевченко выехал на поле боя и под огнем противника поснимали с горелого танка Т-34 запчасти, который находился в 80—100 метрах от противника. Когда они были замечены, то по ним открыли минометный огонь. Чернышев не сбежал и не бросил запчасти, а смело их перекатывал в укрытие на машину. Этими запчастями были восстановлены 7 танков Т-34».

[145] *Черемнов Андрей Федорович* (1911—?) — рядовой, слесарь-монтажник 73 ПРБ 2 тк. За бои под Прохоровкой награжден медалью «За боевые заслуги». Из наградного листа: «Красноармеец Черемнов, работая слесарем-монтажником, за период боев частей 2 тк на Белгородском и Харьковском направлениях при выполнении боевых заданий по ремонту танков проявил себя смелым, решительным, знающим свое дело ремонтником. Тов. Черемнов отдает все свои силы делу восстановления боевой матчасти, не считаясь со временем. В составе бригады т. Черемнов принимал участие в ремонте 25 боевых машин. Тов. Черемнов неоднократно выезжал с бригадой на передовую линию, где работал под артиллерийским огнем неприятеля».

За период Прохоровских боев у меня 37 отремонтированных танков. Потом я уехал по приему танков. А всего, конечно, танков восстановлено больше»[146].

Из стенограммы беседы с гвардии майором Житковым Константином Алексеевичем, помощником командира по технической части 59-й гвардейской танковой бригады 8-го гвардейского (ранее 2-го) танкового корпуса:

«<...> Перед Прохоровкой есть населенный пункт Правороть. Мы там вели ремонт, а потом вынуждены были занять оборону, когда немцы начали нас контратаковать. Кроме того, нас беспрерывно бомбила авиация. У нас вышло из строя порядочное количество танков. Здесь Зотов отремонтировал один танк в течение 6 часов. Не отходя от машины, несмотря ни на какие бомбежки и обстрелы. Он очень хороший специалист по насосам. Потапенко[147] и Остапенко[148] сделали текущий ремонт трех танков. В той же Правороти у нас отремонтировали и «Т-70» Курапов[149] и Анто-

[146] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Оп. 117. Д. 8. Л. 5. За успешный ремонт танков в ходе боев под Прохоровкой Г.Т. Жидко был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». Из первого наградного листа: «Старший сержант Жидко Г.Т. во время боев 2 ТК, выполняя боевое задание по ремонту боевых машин, за шесть дней отремонтировал 12 танков «Т-34», из которых 10 штук прямо около передовой в районе Гусек-Погорелое и Правороть. Для этих машин Жидко неоднократно приходилось выезжать на поле боя и под огнем противника доставать запчасти. Както Жидко, Чернышев, Клевченко поснимали бортовые ведущие колеса, поддерживающие катки, топливный насос с танка, который находился в 80—100 м от противника. Когда противник открыл огонь по ним из миномета, они смело перекатили запчасти в укрытие и потом погрузили их на машину. Этими запчастями восстановили 7 танков «Т-34» <...>». Из второго наградного листа: «<...> За 2 месяца бригада Жидко отремонтировала 36 танков «Т-34», из которых 19 танков [со] средним ремонтом. Не считаясь со временем, сном и условиями работы, бригада Жидко задания командования выполняет в срок и хорошего качества <...>».

[147] *Потапенко Александр Яковлевич* (1913—?) — ст. сержант, бригадир по ремонту боевых машин роты технического обслуживания (РТО) 99-й тбр. За бои под Прохоровкой награжден орденом Отечественной войны II степени. Из наградного листа: «Тов. Потапенко было приказано восстановить три танка Т-34, находящиеся в обороне с. Правороть 15.07.43 г., как огневые точки. Под сильным артиллерийским огнем и налетами авиации противника тов. Потапенко сам лично поднес (к) танкам необходимые запасные части и приступил к восстановлению. Несмотря на то, что танки имели сильное повреждение и требовали ремонта в армейских мастерских, тов. Потапенко приложил все свои знания и умение работать, и все три танка восстановил в кратчайший срок, чем обеспечил выполнение поставленной задачи в отражении наступающих войск противника».

[148] *Остапенко Иван Семенович* (1912—?) — сержант, слесарь по ремонту боевых машин роты технического обслуживания (РТО) 99-й тбр. За бои под Прохоровкой награжден медалью «За отвагу». Из наградного листа: «В боях за с. Правороть 16.07.43 г. тов. Остапенко получил приказание восстановить на передовой линии подбитый танк Т-34. Под минометным и артиллерийским огнем он пробрался к поврежденному танку, забрав с собой необходимые запчасти и инструмент. Несмотря на сложную обстановку, тов. Остапенко смелым и решительным действием и приложением знаний восстановил танк в короткое время, имевший серьезные повреждения».

[149] *Курапов Константин Васильевич* (1912—?) — сержант, бригадир по ремонту боевых машин роты технического обслуживания (РТО) 99-й тбр. За бои под Прохоровкой награжден медалью «За боевые заслуги». Из наградного листа: «Тов. Курапов смелый и решительный ремонтник боевых машин. В самой сложной обстановке его всегда можно видеть на передовой линии, где он прилагает все старания и умение в приведение материальной части в надлежащий порядок. В с. Васильевка 11.07.43 г. под сильным минометно-артиллерийским обстрелом и налетом авиации противника тов. Курапов восстановил танк Т-34 и пустил его в строй, чем обеспечил отражение наступающих танков и пехоты противника, выполнение поставленной задачи и удержание своего рубежа».

нов[150]. У нас в засаде было подбито два танка, и эти товарищи сумели в течение ночи восстановить их. За это они были награждены медалью «За боевые заслуги» . <...>

В районе Прохоровки, около Васильевки, бригада наша вела тяжелые бои. Противник ходил по пять раз в день в контратаки. Мы здесь уже держали оборону, удерживали свой рубеж и также ходили в контратаку. У противника там была исключительно сильная огневая система. Приходилось наши подбитые танки выводить с бугра под горку. За одним танком, который стоял на горке, я послал техника Базилевского. Во время эвакуации танка его тяжело ранило, оторвало ему обе ноги, но все же он этот танк эвакуировал <...>»[151].

Из стенограммы беседы с гвардии старшим лейтенантом Ивановым Сергеем Васильевичем, начальником штаба 125-го отдельного гвардейского саперного батальона 8-го гвардейского (ранее 2-го) танкового корпуса:

«В тот момент, когда противник бросил на Прохоровку свои крупные силы, корпусу было приказано выдвинуться на Прохоровский плацдарм, юго-западнее Прохоровки, и принять на себя главный удар, с задачей остановить группировку противника, измотать его и ослабить его силы. Продвижения вперед как будто бы в этом разрезе не замечалось.

До этого в корпусе не было отдельного саперного батальона, и поэтому весьма возможно, что командование смотрело на саперный батальон, приданный корпусу впервые, как на такую силу, которая может только строить, минировать, разминировать, но в основном в боевых действиях участвовать не будет. Поэтому нам здесь же сходу пришлось ознакомиться с танковыми частями, причем знакомиться с ними в боевой обстановке. Мы знали, конечно, очень мало, и нам была поставлена задача придать каждой танковой бригаде по одной саперной роте, чтобы полностью в инженерном отношении обеспечить их боевые действия. Что будут делать эти роты, никто себе в первый момент ясно не представлял. Правда, перед этим, когда мы стояли еще на отдыхе, было совещание начальников штабов, и был там разговор. И я там выступал и доказывал, что нам нужно вести учения совместно. Но этот вопрос так и остался открытым. Пытались мы провести только одно совместное учение. Поэтому никто не представлял, что будут делать саперные роты с танками.

9 июля на рассвете мы передали все свои роты в танковые бригады, оставив себе одну роту в резерве, причем не зная, куда эти роты будут направлены, может быть, даже и в бой, мы их отправили в 70%-м составе, а 30%

[150] *Антонов Дмитрий Николаевич* (1918—?) — сержант, слесарь-монтажник по ремонту боевых машин роты технического обслуживания (РТО) 99-й тбр. За бои под Прохоровкой награжден медалью «За боевые заслуги». Из наградного листа: «Тов. Антонов много уделяет времени и своих знаний восстановлению боевых машин. Несмотря на сложную обстановку, тов. Антонов восстанавливает боевую материальную часть непосредственно на передовой линии. Так, в районе с. Михайловка 11.07.43 г. им был восстановлен танк Т-70 под сильным обстрелом и налетами авиации противника. Всего за время боев с 8.07.43 г. тов. Антоновым восстановлено пять танков Т-34 и один танк Т-70».

[151] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Оп. 117. Д. 8. Л. 6—6 об.

оставили у себя в резерве. Роты разбились на три части. Одна рота встала юго-западнее Прохоровки, в селе Сторожевое. Вторая рота тоже была недалеко от нее, а одна рота пошла в с. Васильевка.

В первый же день немцы предприняли атаку с основным ударом на Сторожевое. Задача наших сапер заключалась в том, чтобы поставить минные поля, преградить противнику проход по танкодоступным местам. А там была местность пересеченная, с оврагами. Наши танки пошли в контратаку, а потом отошли и встали в оборону. Здесь сразу же сказалось то, что мы, саперы, были мало сработаны с танкистами. Саперам в дневных условиях приходилось танки закапывать, так как противник превосходил нас численностью в несколько раз. А это для саперов было тяжелое дело. В ночь с 9 на 10 июля продолжалось это же закапывание танков, а так как танковый корпус не весь был в действии, то в ту же ночь один взвод сапер под командованием гвардии старшего лейтенанта Сергеева[152] был отправлен с задачей заминировать пути отхода группе немецких танков, стоящих дальше, т.е. за линией нашей обороны. Это был самый центральный участок, правее Сторожевого, в 100 метрах в направлении на Виноградовку.

Таким образом, нужно было заминировать возможное направление атаки танков противника.

Это были первые боевые действия без поддержки автоматчиков. Задача была выполнена без потерь.

В ту же ночь на правом фланге под селом Васильевка разведчики отметили движение немцев. Там также ожидался удар, но так как Васильевка стоит на правом берегу реки, а немцы были на левом, то там группа саперов из подразделения получила задачу заминировать мост, который там был, и танкодоступные места.

Только закончили минирование, перед рассветом получили приказ о наступлении. Это было 10 июля, и в этот день нужно было через это же свое минное поле провести срочно танки, т.е. делать под огнем противника проходы в своих же минных полях. Автоматчики противника в тот момент подошли уже к нам вплотную.

К 11 июля особых изменений в расположении наших частей не было. Корпус стоял в обороне и отбивал только атаки противника. Правда, наши танки меняли позицию. Постреляют немного в одном месте, потом переходят в другое. Задача саперов заключалась в том, чтобы немедленно танки маскировать. Были у нас в тот момент и жертвы, так как все это делалось под интенсивным огнем противника.

12 июля противник настолько усилил свое давление, что подразделения нашей 4-й роты вместе с 26-й, а ныне 58-й танковой бригадой были от нас оторваны, и мы с ними имели только радиосвязь. В этот момент было настолько высоко требование в быстром передвижении танков, что этот 70%-й

[152] Стенограмма беседы с П.Т. Сергеевым публикуется ниже по тексту.

состав рот обеспечить танковые бригады не мог. Мы вынуждены были пустить свой резерв, который мы до тех пор сохраняли.

Часам к 12-ти 12 июля противник немного потеснил наши части. Мы по приказу командования, как резерв командира корпуса, выслали одну свою остававшуюся у нас роту в село Правороть; это была 3-я рота. Противник подошел вплотную к этому селу.

На левом фланге наши части начали продвигаться, и в ночь с 12 на 13 июля нашему батальону было дано задание подготовить проходы в минных полях противника, о которых, правда, у нас имелось смутное представление в этом районе: Виноградовка — южнее Правороти и юго-западнее Прохоровки. Там нашими частями намечался контрудар. Старые карты еще времен нашей старой обороны показывали, что там имеется большое количество наших минных полей. Причем нам не было известно, сняты ли они противником или нет. Кроме того, сама местность говорила о том, что противник обязательно будет минировать. И действительно, высланная разведка установила, что очень много минных полей. Ночью разминировать их нам не удалось. Мы добрались туда только к рассвету. Но задача была поставлена такая, что нам нужно было во что бы то ни стало днем снять все мины. Так и пришлось саперам работать при дневном свете. Там у нас было очень тяжелое положение, тем паче, что поддержки саперному батальону дано не было, и мы были вынуждены прикрывать себя сами, т.е. сами воевать и сами снимать минные поля. Да и дать нам тогда танков не могли, так как все они были заняты на отражении атаки противника против Правороти, а здесь также нужно было подготовить место для переброски бригады.

Подробно об этом лучше расскажет капитан Сергеев, командир 1-й роты.

Капитан Сергеев[153]: Пришли мы туда утром. В моей роте было три взвода, потом мне был придан 2-й и 3-й взвод. Дана мне была схема минных полей. Причем схема была неточная. Там было много полей и наших, и противника. В этом блоке должна была наступать наша 99 (ныне 59-я гвардейская) танковая бригада. Мне было приказано расчистить проход в минных полях, чтобы можно было нанести фронтальный удар на Виноградовку.

Мы двинулись ночью, и пока мы пришли на место, стало уже светать. На рассвете мы начали разминировать поля. Наши мины были частью извлечены, а частью подорваны. Мы все это проделали и подошли к Виноградовке,

[153] *Сергеев Павел Тимофеевич* (1910—?) — в период боев на Курской дуге старший лейтенант, командир минно-инженерной роты 174-го отдельного саперного батальона (ОСБ) 2 тк. За бои под Прохоровкой награжден орденом Красной Звезды. Из наградного листа: «Тов. Сергеев П.Т. состоит в батальоне в должности командира инженерно-минной роты с момента формирования. За выполнение боевых заданий его ротой ранее награжден медалью «За боевые заслуги». В боях в районе с. Виноградовка 18—19.07.43 г. со своей ротой в дневное время под сильным перекрестным ружейно-пулеметным и минометным огнем своей ротой обеспечил снятие минного поля в 200 мин и проделывание проходов в проволочных заграждениях, руководя своими подразделениями непосредственно на месте. За проявленное геройство, доблесть и высокие волевые качества командира достоин правительственной награды».

примерно метров за 300. Там стоял немецкий подорванный танк, в котором сидели немецкие автоматчики и стреляли без конца по нашим саперам. Но так или иначе проход был проделан, правда, мы потеряли при этом 8 человек бойцов и младших командиров. Сержант Таранцев[154] был в этот момент ранен, но отказался уйти с поля боя. Ранен, правда, он был легко, в спину осколком. Хорошо работал Сидорец[155], снял много своих и немецких мин. Также исключительно мужественно вел себя сапер Набочко[156]. Все они получили орден «Красной звезды».

Старший лейтенант Иванов Сергей Васильевич (продолжает рассказ): В тот момент под напором противника пехота других наших стрелковых частей в одном месте стала откатываться. Нашим саперам была поставлена неожиданная задача — вступить в бой в качестве заградотряда. И здесь получилось довольно серьезное дело, так как с этой отходящей отдельными группами пехотой стали просачиваться и отдельные автоматчики противника. Перед этим нашим заградотрядом была поставлена задача остановить пехоту, сколотить из нее боеспособные группы и вернуть их обратно. А в то же время саперы должны были бороться и с отдельными группами автоматчиков, проникшими в нашу оборону. Мы с этой задачей справились неплохо.

Таким образом, положение в течение 13 июля несколько уравнялось.

---

[154] *Таранцев Федор Павлович* (1896—?) — старший сержант, командир 2-го отделения 2-го взвода 1-й минно-инженерной роты 174-го ОСБ 2 тк. За бои под Прохоровкой награжден орденом Красной Звезды. Из наградного листа: «Тов. Таранцев Ф.П. состоит в батальоне с момента его формирования и за это время неоднократно выполнял боевые задачи, за выполнение которых ранее награжден медалью «За боевые заслуги». В бою в р-не Виноградовка 17.—18. (июля 1943 г.) т. Таранцеву было дано задание в дневных условиях проделать проходы в минных полях. Вскоре после начала разминирования т. Таранцев, находясь под интенсивным минометным огнем противника, был ранен осколком мины, но на указания командира взвода отползти в укрытое место ответил отказом, сказав, что «место командира в своем отделении». Оказав себе первую помощь перевязкой, тов. Таранцев продолжал работу по разминированию проходов, увлекая за собой своих бойцов. Тов. Таранцев не оставил поле боя до полного выполнения поставленной задачи. Тов. Таранцев при выполнении задачи проявил геройство и доблесть и достоин правительственной награды».

[155] *Сидорец Мирон Кириллович* (1894—?) — ефрейтор, сапер минно-инженерной роты 174-го ОСБ 2 тк. За бои под Прохоровкой награжден медалью «За боевые заслуги». Из наградного листа: «Тов. Сидорец М.К. неоднократно участвовал в боях, где показал свою стойкость, дисциплинированность и преданность в защите Родины <...>». Позже, в августе 1944 г., Сидорец М.К. будет награжден орденом Красной Звезды. Из наградного листа: «Тов. Сидорец М.К. постоянно участвует в боях. За выполнение боевых заданий командования на Прохоровском плацдарме награжден медалью «За боевые заслуги» <...>».

[156] Правильно — *Набойчик Иван Адамович* (1899—?) — мл. сержант, фиксатор-минер 1-й роты 174-го ОСБ 2 тк. За бои под Прохоровкой награжден орденом Красной Звезды. Из наградного листа: «Тов. Набойчик И.А. в период боя под Виноградовкой 17—18 июля было поручено провести разминирование поля и ограждение проходов для пропуска танков в атаку. По условиям боя разминирование пришлось вести в дневное время, на открытой местности, хорошо прикрытой перекрестным огнем противника. Несмотря на все крайне тяжелые для минирования условия, т. Набойчик своим личным примером увлек за собой бойцов своего отделения. Руководя отделением, т. Набойчик сам лично снял и обезвредил 7 мин. Порученное ему задание было выполнено в установленный срок, несмотря на то, что все время противник ураганным огнем из минометов и пулеметов пытался отбить сапер с минного поля. Тов. Набойчик при выполнении задачи проявил геройство и доблесть».

В течение 14—15 июля особых изменений не произошло. Шли усиленные бои. Наши саперы все время закапывали танки, которые меняли свои позиции. Но противник в тот момент бросил большую группу танков. Правда, атаки шли в дневное время, ночью он нас не трогал. Так продолжалось до 16 июля. Особых изменений здесь не было, шли все время бои: то немцы бросают группу танков, и наши контратакуют, то наши дают небольшой выпад, чтобы вклиниться в расположение противника и выманить немцев из засады, чтобы легче было их бить. Наши саперы все время и здесь закапывали танки. Причем каждую ночь на всех танкодоступных местах восстанавливались минные поля, а к рассвету снимались, чтобы дать возможность нашим танкам идти вперед. Так что днем саперы вели работу по закапыванию танков, а ночью минировали. Люди не спали по 2—3 суток.

Переломный момент у нас был 17 июля. В 10 часов вечера 16-го нам был дан приказ: в час ночи на 17-е наша авиация должна будет обрабатывать передний край противника и в основном бомбить район Виноградовки, чтобы дать возможность нашему корпусу перейти в наступление и ударить в правый фланг противника (от нас он был левый). Перед нашим батальоном была поставлена задача выложить свето-сигналы за передним краем нашей обороны, чтобы авиация узнала нашу оборону. Расстояние было указано наивозможно длинное, т.е., как можно дальше нужно было вынести сигналы за свой край, т.е. примерно на 100 метров подобраться к противнику и выложить там костры. В одном месте могли быть выложены костры немного дальше, в другом — немного ближе.

Кроме того, мы должны были выложить световые сигналы и в направлении на Виноградовку. Я себе подсчитал азимут направления, дал все это командирам роты, и было выложено два сигнала: один в виде буквы «т» на юго-западной окраине Красное, в направлении [на] Виноградовку, и второй расположен в виде стрел. Были выкопаны ямы, туда положены дрова, залиты бензином и зажжены. Этот сигнал мы должны были дать в 12.00 [ночи]. Для этого использовали дерево с разрушенных зданий, все приготовили, выложили и зажгли. И наша авиация в ту ночь работала очень хорошо.

На следующий день, 17-го, наши части двинулись вперед. Было взято село Виноградовка, а минные поля противника были сняты еще ранее, так что проходы были уже готовы. Раньше мы там не могли наступать, так как были большие силы противника. Но потом он вынужден был отойти, и наши части прошли очень удачно. Те места, где противник нас потеснил в районе Сторожевого и Правороти, опять находились в наших руках. В районе села Васильевка противник тоже был оттеснен. Так продолжалось до 20 июля. Все было настолько спокойно, что нам даже разрешили на один день отозвать по одному взводу. Но мы все же решили их не отзывать, думали, что они там и отдохнут, у себя на месте.

21 июля части корпуса перешли в наступление — ударили через Виноградовку на Лески, на Собачевку. А к исходу дня наши части достигли уже Собачевки. Ночь мы там простояли. Кругом была масса минных полей. Здесь у нас

погибли два командира роты, которые там действовали. Трудно сказать, что там было, но в общем были сплошные минные поля, сплошная полоса минных заграждений противника. Они дошли до того здесь, что даже фруктовые деревья были заминированы. Достаточно было сорвать яблоко, чтобы получить в себя серию других «яблочек».

Корпус здесь начал продвигаться все время вперед, делая по 20—30 км в сутки. Перед саперами стояла такая задача — работать все время с минными заграждениями противника. Кроме того, приходя на место, саперы должны были все же закапывать немедленно всю боевую технику в землю на случай налета авиации противника, немедленно строить укрытия и блиндажи для личного состава.

Таким образом, работы было очень много. Днем отдыхать людям было некогда, так как шли вперед с боями. А ночью нужно было вести работу по закапыванию. А кроме того, нужно было обеспечить наши части от «сюрпризов», так как всюду и везде было много таких «сюрпризов».

К исходу 23 июля части корпуса подошли к месту летнего наступления противника, т.е. противник был выбит из всех мест, занятых им временно в начале наступления. Наши части не дошли до положенной полосы километра на два, так как противник здесь понаделал громадное количество минных полей. Причем он использовал и наши минные поля, только взрыватели были поставлены немецкие, а мины были наши. Это — район Крапивинских дворов. Здесь у нас подорвался на «сюрпризах» командир 2-й роты, а другой был ранен, но потом он вернулся в строй. Так что мы там тоже имели большие потери.

Здесь наши части стремились найти слабое место противника, чтобы прорвать его оборону. И не было дня, чтобы части корпуса не пытались бы наносить противнику удары. А чтобы подготовить удар, за ночь необходимо было каждый раз устроить наблюдательный пункт или командный пункт для командира корпуса, подготовить проходы в минных полях. Поэтому каждый день аккуратно у нас строились НП или КП для оперативной группы, и каждую ночь вперед того места, где намечался удар, нужно было снимать целые серии мин, проводить инженерную боевую разведку. В этом направлении больше всего досталось гвардии старшему лейтенанту Добрянскому[157]. Там,

[157] *Добрянский Олег Владимирович* (1918—?) — старший лейтенант, командир 3-й роты 174-го ОСБ 2 тк. В боях под Прохоровкой награжден орденом Красной Звезды. Из наградного листа: «Тов. Добрянский переведен в батальон с должности командира 92-й отд. инженерно-минной роты. Приняв саперную роту, в период горячих боев в р-не Смородино т. Добрянский своим руководством обеспечил инженерным обеспечением наступающие танковые бригады. Лично присутствуя на всех ответственных участках, руководил обезвреживанием минных полей за передним краем, организовал вывоз из-за переднего края подорвавшихся на минах противника танков, проявляя доблесть и мужество, личным примером мобилизуя бойцов на выполнение задания». В августе 1944 г. Добрянский О.В. будет награжден орденом Красного Знамени. Из наградного листа: «Тов. Добрянский состоит в батальоне с июня 1943 г. За время пребывания показал себя волевым, храбрым, мужественным и отважным офицером, способным выполнить любое боевое задание командования. В боях на Прохоровском плацдарме летом 43 г. умело организовывал и руководил инженерным обеспечением наступающих частей, за что был трижды награжден правительственными наградами <...>».

где он был, им было снято баснословное число мин. Были случаи, когда один человек за ночь снимал около 300 мин. Причем все делалось под огнем противника. Там же у нас выполнялась вновь появившаяся задача по вытаскиванию с поля боя подорвавшихся на минах наших танков. Все это делалось под носом у противника. Причем было так, что нам дали транспортный танк, который должен был тащить [подбитые танки]. У нас с того момента пошла поговорка, что танкисты — под броней, а саперы — на броне.

24 июля наши части заняли прежние позиции, которые занимали до наступления немцев. Немцы были выбиты на свои исходные позиции. Кое-где немцам удалось удержаться впереди своих позиций на 1—2 километра и то только благодаря тому, что они использовали наши минные поля, переставив их по-своему. Здесь работали все наши роты по снятию этих минных полей. Но больших возможностей для сильного броска здесь не было. Было маленькое продвижение вперед — половина — один километр, немцы здесь очень крепко зацепились.

В основном первый период борьбы за Прохоровский плацдарм — изматывание противника, остановка противника и переход в контратаку — закончился. В последующие дни наш батальон работал по снятию минных полей и извлечению подорвавшихся танков.

Так что здесь наша миссия, на этом участке, окончилась.

На «сюрпризах» подорвалось 4 танкиста, один младший командир, один младший лейтенант — всего 6 человек, из них один сапер. Первый случай был на фруктовом дереве, мы сразу же обратили на это внимание.

Вытащили мы 9 подорванных наших танков.

После этого нас перебросили в район Красной Яруги, где намечался прорыв обороны противника, удар ему в тыл <...>»[158].

[158] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Оп. 121. Д. 1. Л. 1—4. За бои под Прохоровкой С.В. Иванов был награжден орденом Красной Звезды. Из наградного листа: «Тов. Иванов Сергей Васильевич за время службы в батальоне проявил себя волевым командиром и хорошим организатором по обеспечению выполнения боевых заданий, за что награжден медалью «За боевые заслуги». Начиная с 8.07.43 г. Иванов принимает самое энергичное участие по организации и обеспечению выполнения боевых заданий ротами, действующими в составе танковых бригад 2-го ТК, в результате чего все задания командования танковых бригад саперными ротами выполнялись четко, быстро, как минирование, разминирование, так и инженерное задание по сохранению материальной части танковых бригад <...>».

Приложение I
Инструктивно-методические материалы Комиссии по истории Великой Отечественной войны

Документ № 1
Инструкция по составлению Хроники части или соединения [около 1942 г.]

Хроника по истории дивизии составляется систематически изо дня в день работником, специально выделенной для этой работы начальником подиво[1].

Для составления хроники необходимо пользоваться следующими источниками.

Материалы штаба: оперативные донесения и сводки, дневники боевых действий, рапорты, приказы.

Материалы политотдела: политдонесения, протоколы партийных и комсомольских собраний, сводки.

Также необходимо иметь газетные материалы: дивизионную газету, бюллетени, листовки, боевые листки отдельных подразделений. Можно использовать письма на фронт и в тыл, и т.д.

Из всей суммы фактов и событий, происшедших за день, составители должны выбрать наиболее яркое, характерное, существенное, относящееся к боевым операциям, учебе или жизни соединения и к отдельным людям.

Составители хроники должны придерживаться следующих правил:

Хроника должна строиться на документальном материале, каждый факт должен аргументироваться.

После изложения факта необходимо указать источник. Например: приказ командира дивизии № ..., политдонесение мл. политрука такого-то от такого-то числа, газета № ..., воспоминание, устный рассказ и т.п.

Особенно важна конкретность и фактическая обоснованность изложения, запись основных боевых действий, самых ярких событий, героических подвигов людей. Некоторые факты и события могут быть записаны со слов участников, но тогда необходимо особо записать воспоминание, рассказ участника боевых действий.

Хроника дает канву, основной костяк для разработки в ближайшее время боевой истории соединения.

Составление хроники является основой для будущей истории дивизии.

---

[1] Так в тексте.

Весь материал, на основании которого составляется хроника, должен особо храниться. Один экземпляр всех материалов необходимо пересылать в Комиссию по составлению истории отечественной войны (адрес: Москва, ул. Коминтерна, 9)[2].

Документ № 2.
Проект инструкции воинским частям о составлении их истории [конец 1942 г.]

Большевистская партия всегда уделяла большое внимание передаче славных боевых традиций русского народа и русского оружия. Эти традиции вдохновляют в борьбе с врагом, учат замечательной науке побеждать.

Недаром, выступая на историческом параде 7 ноября 1941 г. товарищ Сталин закончил свою речь призывом к народу и Красной Армии: «Пусть вдохновляется вас в этой борьбе мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова»!

Учреждение орденов Александра Невского, Суворова и Кутузова для командиров Красной Армии — яркий показатель глубокого уважения нашего народа к своей замечательной и поучительной истории.

В годы отечественной войны[3] против интервентов и белогвардейцев, отстаивая независимость и свободу социалистического общества, рожденная в боях молодая Красная Армия показала невиданные образцы мужества и отваги.

Создание истории частей Красной Армии было тогда невозможно в пылу и в огне сражений: не хватало людей, времени и средств. Но уже тогда чувствовалась насущная необходимость сохранить боевой опыт и создать истории воинских соединений.

Красноречиво говорит об этом следующий документ: «Из обращения политотдела IX Кубанской армии к бойцам и командирам (1920 г.): «Товарищи! <...> До сих пор история политической работы и политической жизни в Красной Армии не записана. Точно так же нет письменных свидетельств о героизме, об отдельных моментах жизни армии, о переживаниях и настроениях ее, которые могли бы дать нам представление о великой революции в психике народных масс. Между тем — это нужно знать нам для нашей работы, особенно нужно теперь, когда мы уже не одиноки, когда выступающий на [путь] активной вооруженной борьбы с капиталом международный рабочий класс настоятельно нуждается в том опыте, который приобретен нами ценой ошибок и жизненных уроков.

---

[2] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Д. 7. Л. 19.

[3] Имеется в виду Гражданская война.

Нужна работа собирания материалов по истории нашей армии и к этой работе призывает вас, дороги товарищи, Политический отдел IX армии.

Историческая работа начинается у нас только теперь. Много времени пропущено. Сама она трудна, нет работников, ее можно вести только в политотделе. Но для исторической работы нужны материалы, которые напрасно гибнут в станицах, хуторах и частях войск.

Поэтому наше участие в ней может и должно выразиться только в собирании всевозможных белогвардейских изданий, в собирании заметок, воспоминаний, впечатлений, описаний быта, жизни и нравов частей Красной Армии и т.д. и передаче всего этого материала в политотдел своей дивизии. Эту работу вы должны проводить с полным пониманием ее важности и серьезности. Все должны быть привлечены к ней в порядке товарищеской и партийной дисциплины. Только общими усилиями и стараниями нам удастся восстановить историю политической и просветительной работы в Красной Армии и передать все наши знания, умение и опыт спешащему нам на помощь пролетариату всего мира.

ЗА РАБОТУ, ТОВАРИЩИ!» (Листовки гражданской войны, стр. 105).

[Далее цитата из Ленина]

По инициативе А.М. Горького советские ученые приступили к собиранию многочисленных материалов и документов и составлению истории гражданской войны. Эта большая работа ведется и сейчас.

Герои гражданской войны оставили в сердцах народов нашей страны немеркнущую память о своих беспримерных подвигах.

Эти подвиги должны быть известны новому поколению бойцов. [Далее цитата из речи М.В. Фрунзе.]

18 месяцев на гигантских полях сражений от Баренцева до Черного моря ведет Красная Армия и весь советский народ невиданную в истории битву против гитлеровской бандитской армии и ее вассалов. Весь мир с затаенным дыханием следит за исходом войны. Справедливые священные цели Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских оккупантов вдохновляют наших людей на мужество и доблесть, на непревзойденные героические подвиги.

Каждый день, каждый час борьбы вписывает новые прекрасные страницы в историю Отечественной войны. «Героические защитники Москвы и Тулы, Одессы, Севастополя, Ленинграда и Сталинграда показали образцы беззаветной храбрости, железной дисциплины, стойкости и умения побеждать. По этим героям равняется вся наша Красная Армия», — гласит приказ товарища Сталина 7 ноября 1942 года.

Боевые дела частей Красной Армии и ВМФ должны быть записаны! В каждой воинской части накоплялись боевые традиции и опыт. В каждом подразделении есть свои герои. Светлая память о погибших должна вечно жить в сердцах и вдохновлять на борьбу.

Надо во что бы то ни стало добиться того, чтобы все гвардейские части и каждая дивизия имела записанную боевую историю. Это является большим

и важным делом сегодняшнего дня, так как история воинского соединения и части — прекрасный материал для воспитания бойцов, для передачи опыта, знаний, боевых традиций. Это поможет составлению большой истории Великой Отечественной войны в будущем, после победы. [Далее цитата из выступления М.И. Калинина, опубликованного в Красной звезде от 30 ноября 1940 г. о необходимости знать и иметь боевую историю полков.] [Далее цитируется передовая «Правды» от 13 февраля 1943 г. «Выше знамя боевых традиций»: «...Бойцы должны знать героическое прошлое своей части...»]

* * *

Многие части Красной Армии, Военно-Морского и Военно-Воздушного флота уже приступили к сбору материалов и созданию своих историй. Но в большинстве случаев это большое и нужное дело не развернуто, а политработники проявляют к нему равнодушие.

Перед каждой частью Красной Армии стоит задача создать свою боевую историю и использовать ее для вооружения своих бойцов, командиров и политработников. Эта важная задача требует большой, вдумчивой и кропотливой работы.

Наша история создается и пишется одновременно. В этом — трудность, ибо не все еще известно, не все следует раскрывать. Но в этом — большие преимущества: события близки, много активных участников поделятся своими воспоминаниями, отсюда большая достоверность и правдивость в изложении. Это позволяет также сделать историю части творчеством боевого коллектива.

Создавать писаную историю наиболее целесообразно в масштабах дивизии. Для этой работы, согласно приказу командования, выделяется комиссия в составе 5 человек: нач. штаба, нач. политотдела дивизии, представители газеты и двух бойцов и командиров. В Комиссии утверждается ответственный секретарь.

Работа Комиссии должна проходить в тесном контакте со всем политаппаратом политотдела и редакции дивизионной газеты, а также политработники в ротах, батальонах, полках и батареях, активным привлечением редакторов газет и боевых листков. К этой работе должны быть широко привлечены бойцы, командиры и политработники части.

Вся работа по истории дивизии делится на три этапа:

1. Собирание материалов по истории боевого пути части.
2. Написание истории.
3. Составление ежедневной исторической хроники.

Собирание материалов по истории боевого пути части.

Для истории боевого пути части следует собрать большой документальный и иллюстративный материал, который бы правдиво и полно отражал полнокровную и многогранную жизнь части.

I. Оперативные документы дивизии. <...>

II. Материалы печати. <...>

III. Рассказы участников боев.

1. Необходимо записать живые рассказы отдельных командиров, политработников, бойцов об отдельных боевых эпизодах, целых периодах жизни, встречах, мыслях, чувствах и т.д.

а) Эту работу надо проводить по заранее намеченному плану. Рекомендуется сначала записать рассказ командира и нач. штаба для получения канвы, основы всех действий части. Затем по определенному плану записать особо отличившихся героев, бойцов, командиров и политработников, стараясь избежать повторений.

б) При рассказах добиться возможно более полного и правдивого освещения фактов и событий с уточнением хронологических дат, названий мест.

в) Не забывать записать основные данные о каждом рассказчике: краткие данные с указанием даты и места рождения, имени, отчества, домашнего адреса, партийности и работы до войны. В отдельных случаях (в случае особого интереса) — биографию записать подробно.

Данную работу производить лучше всего с помощью стенографирования, а в случае отсутствия стенографистки, краткой записи от руки. Если позволит обстановка, следует запись прочитать рассказчику и подписаться ему. Надо указать, кто, когда и где произвел запись.

2) Необходимо собрать записи и заметки отдельных товарищей на любую «вольную» тему, относящуюся к истории части (боевой эпизод, рассказ о какой-либо встрече, о противнике, о боевом друге и т.д.).

Особое внимание уделить сохранению памяти погибших героев. Отдельно и особо записать рассказы о погибших их боевых друзей, подчиненных, командиров, свидетелей их подвигов и гибели, стараясь наиболее полно сохранить их славный образ.

IV. Документы политической работы части. <...>

V. Наградные листы, благодарности, поощрения.

VI. Сведения о противнике и зверствах фашистов.

Необходимо отобрать наиболее интересные, характеризующие лицо врага на разных этапах борьбы документы.

а) Протоколы допросов военнопленных.

б) Письма, фото, документы, оперативные карты, найденные у убитых немцев.

в) Акты о зверствах фашистов, составленные при освобождении населенных пунктов.

г) Рассказы местного населения о жизни во время немецко-фашистской оккупации деревни, села, города.

д) Фотографии, документы, объявления, рисующие лицо врага.

VII. Связь фронта и тыла. <...>

VIII. Связь с партизанами. <...>

IX. Документы ревтребунала (по выбору).

X. Специально собрать и выделить все материалы о Героях Советского Союза данной части и всех, награжденных орденом Ленина (списки, наградные

листы, фото, записи рассказов их самих и о них, описание боевых эпизодов, письма и т.д.

XI. Фотоиллюстративный материал. <...>

XII. Песни, стихи, рассказы, частушки, сказки, сочиненные в дивизии (или ее подразделении) об ее людях.

Все материалы необходимо хранить в секретном порядке. Для обеспечения работы над ними следует их четко систематизировать и сделать соответствующую опись.

По специальной договоренности с командованием Комиссия по истории Великой Отечественной войны может взять на себя хранение собранных соединениями, частью материалов и документов в секретном хранилище Комиссии.

II. Написание истории.

Когда материал собран, можно приступить к написанию истории.

История каждой части, естественно, не может быть написана по единому плану или рецепту. Каждая часть имеет свою специфику, свои особенности, свое лицо.

1. Можно представить историю части в виде связанного единого рассказа, хронологически и логически последовательного, документально обоснованного, разворачивающего картину боевой жизни части.
2. Можно составить сборник рассказов о героях части.
3. Наконец, можно рассказать лишь особо интересные боевые эпизоды и показать людей, отличившихся в них.

Мы рекомендуем первый вариант.

Не зная каждого данного материала, трудно наметить план и построение такой книги.

Можно определить лишь круг вопросов, необходимых и обязательных для освещения, и методы обобщения материала, безусловно, приемлемо[4].

1. Необходимо осветить начало, формирование части, ее боевую учебу, первые встречи с противником и их уроки.
2. Вооруженные части и овладение боевой техникой на разных этапах боевого пути части. Снайперское движение. Движение истребителей и т.д.
3. Выполнение дивизией Сталина № 55, № 130 о боевых порядках и др.
4. Пополнения в рядовом и командном составе дивизии. Работы с новым пополнением и его обучение.
5. Роль руководства дивизии в разработке оперативных задач и ведении дела.
6. Ведущее место в истории части должны занять основные подразделения (стрелковые, затем артиллерийские).

Но нельзя забывать о всех приданных подразделениях. Необходимо указать также их роль, место и значение, показать взаимодействие. Не забыть

[4] Так в тексте.

также действий отдельных мелких подразделений: саперов, медсанбата, ремонтно-восстановительных мастерских, обоза и т.д.

7. Поставить задачей описание всех значительных и важных боевых операций. Хорошо бы было дать полную картину хотя бы одного большого боя (действия основных подразделений, боевые эпизоды и т.д.).
8. Показывая бой или отдельные эпизоды, стараться вскрыть причины героизма людей, как массового, так и отдельных бойцов и командиров. Показать живого человека, его мысли, чувства, переживания, а в связи с этим его роль и место в бою.
9. Не отрывать партийно-политическую работу части от общего изложения. Показать ее в действии, в бою, органически связанной со всей боевой работой части.
10. Не замазывать трудности и недостатки. Не лакировать действительность. Помнить указание товарища Сталина, что «Только в борьбе с трудностями куются настоящие кадры».
11. Показать быт своей части (ее жизнь, досуг, связь с тылом, переписку, горе и радости).
12. Во всем изложении соблюдать строгую историческую правдивость. Тщательно проверять перекрестным допросом людей и документов все события, все даты, имена и факты.

Объем написанной истории дивизии может быть различным. Книга должна быть написана просто, живо и ярко, так как ее задача — служить прежде всего для воспитания нового поколения бойцов части.

III. Составление ежедневной хроники.

История части написана, но война продолжается, и ее люди[5] выполняют новые задачи, совершают новые подвиги. Комиссии по истории необходимо продолжать сбор материалов повседневно. Для облегчения всей работы в дальнейшем, для лучшего и скорейшего обобщения материала рекомендуется составлять на основе имеющегося материала ежедневную хронику по истории части.

Хроника по истории дивизии составляется систематически изо дня в день работниками, специально выделенными для этой работы.

Из всей суммы фактов и событий, происшедших за день, составители должны выбрать наиболее яркое, характерное, существенное, относящееся к боевым операциям, учебе или жизни соединения и отдельным лицам и являющееся решающим на этот день[6].

[5] Так в тексте.
[6] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Д. 7. Л. 34—41.

Документ № 3.
Инструкция о работе Комиссий национальных республик и областей по истории Великой Отечественной войны [1942 г.]

На Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) возложена задача организовать собирание материалов по истории Великой Отечественной войны советского народа против германского фашизма. С этой целью создана при Президиуме Академии Наук Комиссия по истории Великой Отечественной войны. Рекомендуется при ЦК компартий союзных республик и обкомах ЦК ВКП(б) на местах создавать Комиссии для собирания материалов по истории Великой Отечественной войны.

I. Задачи и состав Комиссий.

1. В задачу комиссий входит:

а. Собирание материалов, как-то: рассказы активных участников борьбы и строительства, рассказы героев, дневники, документы и т.п.

б. Собирание всего печатного и газетного материала — брошюр, листовок, фотодокументов и т.д.

Своевременный подбор таких материалов — документов, описание героических подвигов на фронте и примеров трудового героизма в тылу — уже сейчас является чрезвычайно важным средством нашей пропаганды и агитации, а, с другой стороны, позволит создать действительную историю нашей великой отечественной войны, в том числе историю отдельных республик.

2. Комиссии по собиранию материалов по истории Великой Отечественной войны создаются при ЦК компартий союзных республик и обкомах ВКП(б) в составе пяти человек, во главе с секретарем обкома по пропаганде. При комиссиях особый рабочий аппарат не создается, но желательно возложить организацию работы комиссии на одного из инструкторов обкома ВКП(б).

3. Комиссия опирается в своей работе по собиранию материалов, прежде всего, на соответствующие научно-исследовательские учреждения — кафедры вузов, местные архивы, филиалы Академии наук и т.д. Кроме того, комиссии по мере надобности привлекают партийно-комсомольскую общественность и печать — редакции газет и журналов.

II. Содержание работы комиссии.

Разумеется, конкретные условия той или другой республики требуют особой тематики. Например, прифронтовые республики или обкомы могут заниматься историей партизанского движения. Республика или обком, удаленные от фронта, занимаются теми вопросами, которые больше всего характеризуют работу республики или области в период отечественной войны.

Укажем примерный список тем, по которым может происходить собирание материалов.

1. Герои Советского Союза и Герои Отечественной войны данной республики или области.

Комиссия записывает рассказы Героев Советского Союза, их родных, товарищей по работе, собирают материал, который позволяет написать и издать очерк о данном герое.

К сведению комиссий: Комиссия в Москве будет издавать сборник о Героях Советского Союза, куда войдет и материал, собранный ими. Областные комиссии пересылают в копиях весь собранный материал о Героях Советского Союза в Центральную Комиссию.

2. Комиссии собирают материал по истории дивизий, сформировавшихся в данной республике или в данной области, носящих имя данной республики или области (например, 3-я гвардейская Уральская дивизия, Н-ская дивизия им. Фрунзе и т.д.). При собирании материалов необходимо зафиксировать воспоминания и сообщения командиров, политических работников, бойцов и товарищей, награжденных орденами.

Необходимо собирать материалы о связи республики и области с данной частью: посылка писем в часть, отправка подарков и т.п.; [1 слово не читается, возможно, «запись»] делегаций, посетивших части и т.д.

3. Перестройка промышленности и сельского хозяйства для нужд обороны страны. Работа эвакуированных предприятий. Трудовой героизм рабочих, колхозников, служащих, советской интеллигенции. Соцсоревнование на предприятиях, в колхозах, учреждениях. Показ лучших людей тыла, стахановцев военного времени, героев социалистического труда.

Комиссии могут создавать истории отдельных выдающихся предприятий: в каких условиях они работали, кто отличился, как поставлена партийно-массовая работа и т.п. Разумеется, при создании истории того или иного предприятия нужно соблюдать конспирацию, не называть, что производит данное предприятие, не рассказывать, какие люди при этом выдвинуты... и т.п.

4. Помощь населения фронту. Сбор средств в фонд обороны, сбор теплых вещей для фронта, отправка посылок бойцам, движение доноров, усыновление детей и сирот, обездоленных фашистскими варварами. Помощь районам и городам, временно захваченным фашистами, затем освобожденным Красной Армией и т.д.

5. Наука и культура республики или области в период Великой Отечественной войны. Посылка бригад на фронт и т.д.

6. Работы партийных, советских, профессиональных, комсомольских организаций по мобилизации всех ресурсов для дела обороны страны, по перестройке работы республики или области на военный лад.

Сюда входит создание народного ополчения, формирование добровольческих частей, посылка на фронт коммунистов, комсомольцев и т.п. Может быть составлена история какого-нибудь района, промышленного или сельскохозяйственного, в которой показать, как происходила перестройка.

7. Составление хроники событий и картотеки о важнейших событиях из жизни и деятельности данной республики и области.

Комиссия собирает весь печатный материал. На основании собранного материала может быть составлена хроника событий. Желательно также собирать газетный материал или в виде вырезок, или в виде специально составленной картотеки.

III. Организация работы.

1. Комиссия выделяет на наиболее важных предприятиях или в [районах] особых товарищей, которые являются уполномоченными комиссии по сбору материала и опираются в своей работе на партийно-комсомольский актив и общественность района, предприятия, учреждения.

2. Наиболее яркие и интересные материалы, имеющие общесоюзное значение, комиссии направляют в Центральную комиссию в Москву. Все местные издания местных комиссий — брошюры, сборники и т.д., статьи в газетах систематически направляются в нескольких экземплярах в Центральную комиссию.

3. Комиссии составляют план своей работы на определенный отрезок времени, устанавливают сроки окончания тех или иных разделов работы, сроки выпуска отдельных изданий и намечают товарищей, ответственных за выполнение работы.

4. Комиссии республик или областей после их оформления устанавливают тесную связь с Центральной комиссией.

Адрес Центральной комиссии: Москва, ул. Коминтерна, 9, Комиссия по истории Великой отечественной войны[7].

Документ № 4. Инструкция «О порядке хранения и пользования материалами и документами в Комиссии по истории Великой Отечественной войны». 1942 г.

1. В целях упорядочения хранения и пользования материалами и документами всеми сотрудниками Секретариата «ИГВ» и Комиссии по «ИОВ», имеющим у себя стенограммы, записи, дневники, приказы, боевые распоряжения, протоколы, газеты, листовки, плакаты, письма, фото и др. материалы по истории Отечественной войны, воинских частей, партизанскому движению, зверствам фашистов, необходимо сдать их по описи в фонд тов. Еловцан.

2. Впредь при получении сотрудниками перечисленных в п. 1 материалов и документов сдавать их немедленно по описи в фонд.

[7] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Д. 8. Л. 1—2.

3. Пользование секретными материалами для научной работы допускается только с письменного разрешения Зам. председателя Комиссии «ИОВ» и заместителя ответственного секретаря редакции «ИГВ» и ученого секретаря Комиссии «ИОВ».

4. Все материалы и документы для научной работы выдаются зав. фондом тов. Еловцан с 9—10 час. утра ежедневно с отметкой в особой книге. В конце рабочего дня сотрудник, получивший тот или иной документ, должен вернуть его зав. фондом.

5. Материалы, необходимые сотрудникам для работы после 6 час. вечера, выдаются по разрешению руководящих лиц, указанных в п. 3. По окончании работы сотрудник сдает все материалы ответственному дежурному. Ответственный дежурный хранит эти материалы в спец. шкафу.

6. Хранение сотрудниками секретных документов и материалов категорически воспрещено.

7. Расшифровку стенограмм производить только в помещении Комиссии «ИОВ». Стенограмма постранично нумеруется и сдается научным сотрудником зав. архивным фондом, который хранит ее и выдает для расшифровки стенографистке, в конце рабочего дня стенограмма и расшифрованный материал возвращается зав. фондом. Зав. фондом после выборочной проверки расшифрованной стенограммы уничтожает ее. При стенографировании после рабочего дня материал сдается ответственному дежурному.

8. Для хранения указанных материалов закрепить под фонд специальную комнату № 3 и четыре несгораемых шкафа.

9. Обязать зав. архивным фондом по окончании работ пломбировать шкафы. Вменить в обязанность ответственным дежурным при вступлении на дежурство проверять пломбы на шкафах фонда[8].

Документ № 5.
Инструкция «О порядке хранения и пользования материалами и документами в Комиссии по истории Великой Отечественной войны». 1944 – 1945 гг.

I. Систематизация материала

Все материалы, поступающие в архив Комиссии ИОВ просматриваются сотрудниками архива, определяют тематику материала и относят его к определенному разделу и фонду. Материалы систематизируются по следующим разделам:

Раздел I — Воинские части

Раздел II — Партизанское движение

[8] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Дело 7. Л. 20. Без даты.

Раздел III — Оборона городов и отдельные операции
Раздел IV — Герои Советского Союза
Раздел V — Военная экономика и восстановление хозяйства
Раздел VI — Оккупационный режим
Раздел VII — Культура и быт
Раздел VIII — Национальные республики
Раздел IX — Оборона Москвы
Раздел X — Разные материалы
Раздел I фондируются по отдельным воинским частям или соединениям.
Раздел II фондируется по областям или республикам.
Раздел III фондируется по городам или операциям.
Раздел IV составляет один фонд; на каждого Героя Советского Союза заводится отдельное дело.
Раздел V фондируется по предприятиям.
Раздел VI фондируется по городам, областям или республикам.
Раздел VII фондируется тематически.
Раздел VIII фондируется по нац. республикам.
Раздел IX фондируется по районам.
Раздел X фондируется тематически.

Каждая стенограмма рассказа, воспоминание или очерк, как правило, образуют отдельное дело. В некоторых случаях (например, при наличии нескольких небольших и объединенных тематически стенограмм, очерков и т.п.) материалы объединяются в одно дело и получают общий номер. Материалы одного и того же автора, разные по времени получения или по характеру (например, стенограмма и воспоминания), но общие по тематике, объединяются под одним номером с буквенными подразделениями. Документы, как правило, объединяются в группы по тематическому принципу: такая группа составляет одно дело. Документы типа докладных записок и отчетов образуют отдельные дела.

Если дело документов дополняет другое дело документов или имеющуюся в фонде стенограмму, то такие дела также получают общий номер, но разные буквенные подномера.

Если материал имеет отношение не к одному, а к двум или нескольким разделам или фондам, то он поступает в каждый из этих фондов или в описи соответствующего фонда делается оговорка о наличии материала в другом фонде.

II. Инвентаризация материала

Все материалы, поступающие в архив комиссии ИВОВ, кроме газет, листовок, карт и т.п. заносятся в инвентарную книгу.

В инвентарную книгу записываются: а) дата поступления материала, б) инвентарный номер, в) подробное наименование материала (характер материала, занимаемая должность, звание, фамилия и инициалы автора, тематика

материала), г) количество печатных страниц, д) количество экземпляров, е) откуда или от кого получен материал (для стенограмм указывается фамилия сотрудника, проводившего беседу), ж) индекс раздела и фонда, в который отнесен материал.

Запись материала в инвентарную книгу проводится в день получения или не позднее следующего дня, если материал получен вечером.

III. Оформление материала

Материалы, поступающие в архив Комиссии ИВОВ, оформляются в двух экземплярах.

Материал проходит следующие стадии обработки:

а) каждое дело подшивается в отдельную твердую обложку. На обложке указывается: инвентарный номер материала (сверху слева), номер дела (сверху справа), подробное наименование материала — характер материала, занимаемая должность, звание, фамилия и инициалы автора, тематика материала (в середине обложки), раздел и фонд (внизу слева), и количество листов (внизу справа).

На вторых экземплярах над обозначением количества листов делается отметка: «2-й экземпляр». Кроме того, над номером дела ставится штамп «для служебного пользования», «секретно» и т.п.

б) листы дела нумеруются цветным карандашом; в конце дела к обложке приклеивается заверитель, на котором указывается количество листов в деле, чем (карандашом или чернилами) произведена нумерация и подпись сотрудника, пронумеровавшего дело.

в) Дело вносится в опись соответствующего фонда.

г) На фамилию автора составляется авторская карточка.

д) После этого дело кладется в папку данного фонда.

Оформление материала производится в течение трех дней, считая со дня получения материала. <...>».

В данной инструкции были прописаны также: учет (составление описей на все собранные материалы), научно-справочный аппарат (картотеки), порядок хранения и использования архивных материалов в читальном зале архива, в том числе газет, листовок и карт. Наконец, прописан порядок составления отчетов сотрудниками архива Комиссии (ежемесячных, квартальных и годовых), в которых они должны были указывать количество, поступивших в архив стенограмм[9].

По словам И.И. Минца, «трудность состоит в том, чтобы суметь отобрать наиболее ценное из этих исторических документов, а затем приступить к изданию наиболее ценных из этих документов, приступить к объяснению событий, происшедших недавно, и, с другой стороны, помочь всем будущим ученым»[10].

[9] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. Папка без номера. Листы без пагинации.
[10] АРАН. Ф. 2. Оп. 4. Д. 35. Л. 193.

Приложение II
Каталог описей и материалов фонда Комиссии по истории Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Академии наук СССР, поступивших в Научный архив Института российской истории РАН

По состоянию на 2015 г. фонд Комиссии включает в себя 14 тематических разделов, состоящих из 479 описей, в которые включены 16143 единицы хранения (дела), а также 41 тематическая картотека.

Раздел I. «История воинских частей и подразделений»

Состав: 260 описей, 1793 единицы хранения.

Раздел содержит материалы о деятельности армий, дивизий, полков, участвовавших в сражениях Великой Отечественной войны. Подавляющая часть документов посвящена воинским формированиям, принимавшим участие в Московской битве, в боях за Сталинград и на Курской дуге. Встречаются описания боевого пути подразделений, участвовавших в менее известных эпизодах войны.

Лучше других представлены: история 4-го Украинского фронта (ранее — Юго-Восточного, Сталинградского, Южного), история армий — 1-й ударной, Приморской, 16, 24, 51, 60, 62, 64-й армии, 8-й воздушной армии; история корпусов — 3-го гвардейского Сталинградского механизированного, 3-го гвардейского стрелкового, 4-го танкового, 5-го гвардейского казачьего кавалерийского Донско-Будапештского Краснознаменного, 130-го Латышского стрелкового.

Имеется также около 40 историй дивизий и около 30 историй полков, в большинстве авиационных и стрелковых. Значительный интерес представляют документы по истории ополчения г. Москвы. В разделе по истории воинских частей содержится незначительное количество материалов по истории Военно-Морского флота, а именно: Волжской военной флотилии, подводных лодок Северного флота, крейсера «Красный Кавказ» и др.

В раздел включены документы военно-оперативного характера (приказы, распоряжения, донесения, рапорты, сводки и журналы и схемы боевых действий). Значительный интерес представляют стенограммы бесед с командирами и рядовыми бойцами, в которых отражены их непосредственные впечатления и переживания, воспоминания участников войны, письма, литературные произведения бойцов, фольклорный материал.

Опись 1. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 12-го гвардейского истребительного авиационного полка. 1941—1942 гг. 19 ед. хр.
Опись 2. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 16-го истребительного авиационного полка. 1942 г. 3 ед. хр.
Опись 3. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 27-го истребительного авиационного полка. 1942 г. 3 ед. хр.
Опись 4. Краткая боевая история 21-го гвардейского истребительного авиационного полка. 1942 г. 1 ед. хр.
Опись 5. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 126-го истребительного авиационного полка. 1941—1942 гг. 3 ед. хр.
Опись 6. Краткая история 57-й авиационной дивизии. 1942 г. 1 ед. хр.
Опись 7. Стенограммы бесед с военнослужащими 34-го авиационного полка. 1942 г. 2 ед. хр.
Опись 8. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 28-го авиационного полка. 1942 г. 2 ед. хр.
Опись 9. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 562-го истребительного авиационного полка. 1942 г. 2 ед. хр.
Опись 10. Краткая история 177-го истребительного авиационного полка. 1942 г. 1 ед. хр.
Опись 11. Краткая история 287-го истребительного авиационного полка. 1942 г. 1 ед. хр.
Опись 12. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 1-й Московской гвардейской мотострелковой дивизии. 1941—1942, 1944—1945 гг. 35 ед. хр.
Опись 13. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 22-й танковой бригады. 1941—1943 гг. 14 ед. хр.
Опись 14. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 173-й стрелковой дивизии. 1942—1944, 1947 гг. 10 ед. хр.
Опись 15. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории Отдельного особого батальона Военного совета. 1941—1942 гг. 7 ед. хр.
Опись 16. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 43-й гвардейской Латышской стрелковой дивизии. 1941—1943, 1945—1946 гг. 57 ед. хр.
Опись 17. Материалы по истории 1-го гвардейского мотоциклетного полка. 1941—1943 гг. 5 ед. хр.
Опись 18. Стенограммы бесед с военнослужащими 22-го отдельного дивизиона бронепоездов. Б/д. 1 ед. хр.
Опись 20[1]. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 4-го гвардейского минометного дивизиона. 1941—1942 гг. 2 ед. хр.
Опись 21. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 5-й армии. 1942 г. 4 ед. хр.
Опись 22. Стенограммы бесед с военнослужащими 19-й стрелковой дивизии. 1942, 1944 гг. 4 ед. хр.
Опись 23. Стенограмма беседы с полковником М.Э. Москалик из 75-й кавалерийской дивизии. 1942 г. 1 ед. хр.
Опись 24 Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 54-го кавалерийского полка. 1942 г. 4 ед. хр.
Опись 25. Стенограмма беседы с военнослужащими 1-й маневренной воздушно-десантной бригады. 1942 г. 1 ед. хр.
Опись 26. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 33-й танковой бригады. 1941—1942 гг. 8 ед. хр.
Опись 27. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 84-й гвардейской стрелковой дивизии. 1941—1947 гг. 43 ед. хр.
Опись 28. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 8-й стрелковой дивизии им. Панфилова. 1942, 1944, 1946—1947 гг. 36 ед. хр.
Опись 29. Стенограмма беседы с подполковником С.В. Резниковым из 4-й кавалерийской дивизии им. Доватора. 1945 г. 1 ед. хр.
Опись 30. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 18-й дивизии народного ополчения Ленинградского района (11-я гвардейская стрелковая дивизия). 1942—1945 гг. 34 ед. хр.

[1] Материалы некоторых описей в полном составе в советский период были переданы в Центральный архив Министерства обороны, в том числе дела из описей № 19, 32, 92, 213, 231.

Опись 31. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 284-й стрелковой дивизии (79-я гвардейская стрелковая дивизия). 1941—1943 гг. 25 ед. хр.

Опись 33. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 35-й гвардейской стрелковой дивизии. 1942—1943 гг. 8 ед. хр.

Опись 34. Краткая история 1-й гвардейской стрелковой дивизии. 1942 г. 1 ед. хр.

Опись 35. Материалы по истории 176-го зенитно-артиллерийского полка. 1942 г. 1 ед. хр.

Опись 36. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 1-й гвардейской танковой бригады. 1941—1943 гг. 109 ед. хр.

Опись 37а. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 3-й Московской коммунистической стрелковой дивизии (130-я стрелковая дивизия, 53-я гвардейская стрелковая дивизия). 1942—1945 гг. 1942—1945, 1947 гг. 20 ед. хр.

Опись 37б. Стенограммы бесед с военнослужащими 3-й Московской коммунистической стрелковой дивизии (130-я стрелковая дивизия, 53-я гвардейская стрелковая дивизия). 1941—1943 гг. 77 ед. хр.

Опись 38. Материалы по истории 42-го Краснознаменного отдельного мотоинженерного батальона. 1941—1943 гг. 2 ед. хр.

Опись 39. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 1-го Краснознаменного ордена Ленина гвардейского истребительного авиаполка. 1943 г. 5 ед. хр.

Опись 40. Материалы по истории 665-го батальона аэродромного обслуживания. 1941—1943 гг. 43 ед. хр.

Опись 41. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 6-й дивизии народного ополчения (160-я стрелковая дивизия). 1941—1945 гг. 39 ед. хр.

Опись 42. Стенограммы бесед с военнослужащими 29-й гвардейской стрелковой дивизии. 1942—1945 гг. 12 ед. хр.

Опись 43. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 5-й дивизии народного ополчения (113-я стрелковая дивизия). 1943—1944 гг. 4 ед. хр.

Опись 44. Стенограмма беседы с начальником штаба 6-го истребительного авиакорпуса полковником И.П. Комаровым. 1943 г. 1 ед. хр.

Опись 45. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 8-й дивизии народного ополчения Краснопресненского района. 1943—1945, 1961 гг. 8 ед. хр.

Опись 46. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 3-й авиационной дивизии дальнего действия (1-я гвардейская авиационная дивизия дальнего действия). 1941—1943 гг. 17 ед. хр.

Опись 47. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 67-го артиллерийского полка. 1941—1943 гг. 3 ед. хр.

Опись 48. Стенограммы бесед с военнослужащими 45-й авиадивизии дальнего действия. 1943 г. 3 ед. хр.

Опись 49. Стенограммы бесед с военнослужащими 1-го гвардейского конного корпуса генерал-лейтенанта Белова. 1941—1943 гг. 4 ед. хр.

Опись 50. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории Курсантского полка Московского пехотного училища им. Верховного совета. 1943 г. 7 ед. хр.

Опись 51. Материалы по истории 24-й кавалерийской дивизии им. Тимошенко. 1943 г. 1 ед. хр.

Опись 52. Стенограммы бесед с военнослужащими 62-й армии. 1943 г. 5 ед. хр.

Опись 53. Стенограммы бесед с военнослужащими 39-й гвардейской стрелковой дивизии. 1943 г. 11 ед. хр.

Опись 54. Стенограммы бесед с военнослужащими 45-й стрелковой дивизии (74-я гвардейская стрелковая дивизия). 1943 г. 4 ед. хр.

Опись 55. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 64-й армии. 1942—1943 гг. 8 ед. хр.

Опись 56. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 38-й стрелковой бригады (7-я гвардейская мотострелковая бригада). 1943 г. 17 ед. хр.

Опись 57. Стенограммы бесед с военнослужащими 36-й гвардейской стрелковой дивизии. 1943 г. 5 ед. хр.

Опись 58. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 38-й стрелковой дивизии 64-й армии (73-я гвардейская стрелковая дивизия). 1943, 1974—1975 гг. 58 ед. хр.

Опись 59. Стенограммы бесед с военнослужащими 102-й истребительной авиадивизии. 1943 г. 3 ед. хр.

Опись 60. Краткая история 244-й стрелковой дивизии. 1942 г. 1 ед. хр.

Опись 61. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 864-го зенитно-артиллерийского полка. 1942—1943 гг. 2 ед. хр.
Опись 62. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 862-го зенитно-артиллерийского полка. 1943 г. 4 ед. хр.
Опись 63. Стенограмма беседы с военнослужащими 1-го зенитно-пулеметного полка. 1943 г. 1 ед. хр.
Опись 64. Материалы по истории Северного морского флота. 1943 г. 3 ед. хр.
Опись 65. Стенограммы бесед с военнослужащими Черноморского флота и материалы по истории боевых действий в акватории Черного моря. 1941, 1943, 1945 гг. 46 ед. хр.
Опись 66. Стенограммы бесед с военнослужащими 7-й дивизии народного ополчения Бауманского района г. Москвы. 1943—1944 гг. 2 ед. хр.
Опись 67. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 13-й дивизии народного ополчения (140-я стрелковая дивизия) 32-й армии. 1941—1942, 1947 гг. 17 ед. хр.
Опись 68. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 17-й дивизии народного ополчения Москворецкого района. 1942—1945, 1947 гг. 18 ед. хр.
Опись 69. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 1-й дивизии народного ополчения Ленинского района (60-я стрелковая дивизия). 1942—1945 гг. 39 ед. хр.
Опись 70. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 9-й дивизии народного ополчения (139-я стрелковая дивизия). 1943—1944 гг. 6 ед. хр.
Опись 71. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 308-й стрелковой дивизии. 1943 г. 18 ед. хр.
Опись 72. Стенограмма беседы с военнослужащими 138-й стрелковой дивизии (70-я гвардейская стрелковая дивизия). 1943 г. 1 ед. хр.
Опись 73. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 204-й стрелковой дивизии. 1942—1943 гг. 3 ед. хр.
Опись 74. Стенограммы бесед с военнослужащими 13-й гвардейской стрелковой дивизии. 1943 г. 4 ед. хр.
Опись 75. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 63-й стрелковой дивизии (52-я гвардейская стрелковая дивизия). 1942—1943 гг. 2 ед. хр.
Опись 76. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 4-го механизированного корпуса (3-й гвардейский механизированный корпус). 1943, 1945 гг. 3 ед. хр.
Опись 77. Стенограммы бесед с военнослужащими 87-й стрелковой дивизии. 1944 г. 2 ед. хр.
Опись 78. Материалы по истории 2-го гвардейского артиллерийского полка. 1943 г. 4 ед. хр.
Опись 79. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 3-й гвардейской истребительной авиадивизии. 1942—1943 гг. 8 ед. хр.
Опись 80. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории Волжской флотилии. 1942—1943 гг. 46 ед. хр.
Опись 81. Стенограммы бесед с военнослужащими 33-й армии. 1943—1947 гг. 10 ед. хр.
Опись 82. Стенограммы бесед с военнослужащими 63-й армии. 1943 г. 4 ед. хр.
Опись 83. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 2-й Московской коммунистической стрелковой дивизии (129-я Орловская стрелковая дивизия). 1941—1944 гг. 9 ед. хр.
Опись 84. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 5-й Орловской стрелковой дивизии 63-й армии. 1943 г. 5 ед. хр.
Опись 85. Стенограммы бесед с военнослужащими 41-й стрелковой дивизии 63-й армии. 1943 г. 2 ед. хр.
Опись 86. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 348-й стрелковой дивизии. 1943—1944 г. 4 ед. хр.
Опись 87. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 18-й армии (176-я и 318-я стрелковые дивизии). 1943—1944 гг. 2 ед. хр.
Опись 88. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 60-й армии. 1942—1944 гг. 18 ед. хр.
Опись 89. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 121-й стрелковой дивизии 60-й армии. 1943 г. 5 ед. хр.
Опись 90. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 141-й стрелковой дивизии 60-й армии. 1943 г. 9 ед. хр.
Опись 91. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 129-й стрелковой бригады 60-й армии. 1943 г. 3 ед. хр.

Опись 93. Стенограмма беседы с военнослужащими 64-й бригады морской пехоты. 1943 г. 1 ед. хр.
Опись 94. Краткая история 71-го истребительного авиаполка ВВС Балтийского флота. 1942 г. 1 ед. хр.
Опись 95. Стенограмма беседы с командиром 29-й гвардейской Харьковской стрелковой дивизии генерал-майором Г.М. Чурмаевым. 1943 г. 1 ед. хр.
Опись 96. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 299-й Харьковской стрелковой дивизии. 1943, 1946 гг. 8 ед. хр.
Опись 97. Стенограмма беседы с военнослужащими 1-го гвардейского механизированного корпуса. 1943 г. 1 ед. хр.
Опись 98. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 290-го Новороссийского полка НКВД. 1943 г. 4 ед. хр.
Опись 99. Материалы по истории 8-го отдельного восстановительного железнодорожного батальона 6-й железнодорожной бригады. 1943 г. 2 ед. хр.
Опись 100. Краткая история 153-й стрелковой дивизии (3-я гвардейская стрелковая дивизия). 1942 г. 1 ед. хр.
Опись 101. Стенограммы бесед с военнослужащими штаба и материалы по истории 4-го Украинского фронта. 1944 г. 3 ед. хр.
Опись 102. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 51-й стрелковой армии. 1944—1945 гг. 16 ед. хр.
Опись 103. Стенограммы бесед с военнослужащими 315-й стрелковой дивизии. 1944 г. 9 ед. хр.
Опись 104. Стенограммы бесед с военнослужащими 216-й стрелковой дивизии 10-го корпуса. 1944 г. 6 ед. хр.
Опись 105. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 91-й стрелковой дивизии 10-го корпуса. 1944 г. 3 ед. хр.
Опись 106. Стенограммы бесед с военнослужащими 126-й стрелковой дивизии. 1944 г. 8 ед. хр.
Опись 107. Стенограммы бесед с военнослужащими 54-го корпуса 51-й армии. 1944 г. 3 ед. хр.
Опись 108. Стенограммы бесед с военнослужащими 12-й штурмовой инженерно-саперной бригады 51-й армии. 1944 г. 4 ед. хр.
Опись 109. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 2-й гвардейской стрелковой армии. 1944—1946 гг. 4 ед. хр.
Опись 110. Стенограммы бесед с военнослужащими 8-й гвардейской воздушной армии. 1944 г. 3 ед. хр.
Опись 111. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 1-й гвардейской Сталинградской штурмовой авиадивизии. 1944 г. 6 ед. хр.
Опись 112. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 2-й учебной бригады гвардейских минометных частей. 1942—1945 гг. 4 ед. хр.
Опись 113. История боевого пути 3-го гвардейского стрелкового корпуса. 1945 г. 3 ед. хр.
Опись 114. Краткая история 23-й гвардейской Ельнинской отдельной танковой бригады. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 115. Стенограмма беседы с командиром 70-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майором И.А.Гусевым. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 116. Краткая история 8-го отдельного восстановительного железнодорожного батальона. 1948 г. 1 ед. хр.
Опись 117. Стенограммы бесед с военнослужащими 2-го танкового корпуса (8-й гвардейский танковый корпус). 1944 г. 7 ед. хр.
Опись 118. Стенограммы бесед с военнослужащими 58-й танковой бригады 8-го гвардейского танкового корпуса. 1944 г. 9 ед. хр.
Опись 119. Стенограммы бесед с военнослужащими 28-й мотострелковой бригады 8-го гвардейского танкового корпуса. 1944 г. 10 ед. хр.
Опись 120. Стенограммы бесед с военнослужащими 60-й танковой бригады 8-го гвардейского танкового корпуса. 1944 г. 11 ед. хр.
Опись 121. Стенограмма беседы с военнослужащими 125-го отдельного саперного батальона 8-го гвардейского танкового корпуса. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 122. Стенограммы бесед с военнослужащими 59-й танковой бригады 8-го гвардейского танкового корпуса. 1944 г. 7 ед. хр.
Опись 123. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 322-й Житомирской стрелковой дивизии 60-й армии. 1942—1944 гг. 15 ед. хр.

Опись 124. Стенограммы бесед с военнослужащими 148-й стрелковой дивизии 60-й армии. 1944 г. 5 ед. хр.
Опись 125. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 15-го стрелкового корпуса 60-й армии. 1944 г. 6 ед. хр.
Опись 126. Материалы по истории 14-й истребительной бригады 60-й армии. 1943 г. 1 ед. хр.
Опись 127. Материалы по истории 1284-й отдельной стрелковой бригады 60-й армии. 1943 г. 1 ед. хр.
Опись 128. Стенограммы бесед с военнослужащими 9-го гвардейского особого батальона минеров. 1944, 1948 гг. 10 ед. хр.
Опись 129. Стенограммы бесед с военнослужащими 347-й Краснознаменной Мелитопольской стрелковой дивизии. 1944 г. 3 ед. хр.
Опись 130. Стенограмма беседы с военнослужащими 10-го корпуса 51-й армии. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 131. Стенограммы бесед с военнослужащими 393-го отдельного Новороссийского батальона. 1944—1945 гг. 6 ед. хр.
Опись 132. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 16-й армии (11-й гвардейской армии). 1943—1945 гг. 16 ед. хр.
Опись 133. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 9-й гвардейской Краснознаменной стрелковой дивизии. 1943—1944 гг. 5 ед. хр.
Опись 134. Материалы по истории 87-го стрелкового полка 26-й Сталинской дивизии 5-й ударной армии. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 135. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 30-й гвардейской Краснознаменной стрелковой дивизии 10-й гвардейской армии. 1944 г. 5 ед. хр.
Опись 136. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 9-й гвардейской истребительной авиадивизии. 1944—1945 гг. 21 ед. хр.
Опись 137. Материалы по истории 23-й танковой бригады. 1941—1942 гг. 2 ед. хр.
Опись 138. Стенограмма беседы с военнослужащими 12-й гвардейской стрелковой дивизии. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 139. Стенограммы бесед с военнослужащими 386-го отдельного Краснознаменного батальона морской пехоты. 1945 г. 3 ед. хр.
Опись 140. Стенограмма беседы с военнослужащими 17-й танковой бригады. 1945 г. 1 ед. хр.
Опись 141. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 185-й стрелковой дивизии. 1944 г. 2 ед. хр.
Опись 142. Стенограмма беседы с военнослужащими 31-й кавалерийской дивизии. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 143. Стенограммы бесед с военнослужащими 144-й стрелковой дивизии. 1944 г. 3 ед. хр.
Опись 144. Стенограмма беседы с военнослужащими 31-й танковой бригады. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 145. Стенограмма беседы с военнослужащими 2-й Краснознаменной танковой бригады. 1945 г. 1 ед. хр.
Опись 146. Стенограмма беседы с военнослужащими 107-й танковой дивизии. 1945 г. 1 ед. хр.
Опись 147. Стенограмма беседы с военнослужащими 112-й танковой дивизии. 1945 г. 1 ед. хр.
Опись 148. Стенограмма беседы с военнослужащими 146-й стрелковой бригады 1-й ударной армии. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 149. Стенограмма беседы с военнослужащими 12-й танковой дивизии. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 150. Стенограммы бесед с военнослужащими 18-й танковой бригады (42-й гвардейский танковый батальон). 1944 г. 2 ед. хр.
Опись 151. Стенограмма беседы с военнослужащими 340-й стрелковой дивизии. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 152. Стенограмма беседы с военнослужащими 44-й кавалерийской дивизии. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 153. Стенограмма беседы с военнослужащими 15-й отдельного автотранспортного полка. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 154. Стенограмма беседы с военнослужащими 11-й танковой бригады. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 155. Стенограмма беседы с военнослужащими 415-й стрелковой дивизии. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 156. Стенограмма беседы с военнослужащими 336-й стрелковой дивизии. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 157. Стенограммы бесед с военнослужащими 82-й стрелковой механизированной дивизии. 1944—1945 гг. 2 ед. хр.
Опись 158. Материалы по истории 290-й стрелковой дивизии. 1941—1942 гг. 1 ед. хр.
Опись 159. Стенограмма беседы с военнослужащими 144-й отдельной стрелковой бригады. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 160. Стенограмма беседы с военнослужащими 43-й курсантской стрелковой бригады. 1944 г. 1 ед. хр.

Опись 161. Стенограмма беседы с военнослужащими 194-й стрелковой дивизии. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 162. Стенограмма беседы с военнослужащими 26-й танковой дивизии. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 163. Стенограмма беседы с военнослужащими 26-й танковой бригады. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 164. Стенограммы бесед с военнослужащими 93-й стрелковой дивизии 43-й армии (26-я гвардейская Восточно-Сибирская дивизия). 1944—1945 гг. 8 ед. хр.
Опись 165. Стенограмма беседы с военнослужащими 430-го гаубичного артиллерийского полка. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 166. Стенограмма беседы с военнослужащими 32-й отдельной танковой бригады. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 167. Стенограмма беседы с военнослужащими 6-й гвардейской стрелковой дивизии. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 168. Стенограмма беседы с военнослужащими 360-й стрелковой дивизии. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 169. Стенограммы бесед с военнослужащими 338-й стрелковой дивизии. 1944—1945 гг. 2 ед. хр.
Опись 170. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 58-й танковой дивизии. 1942, 1944 гг. 3 ед. хр.
Опись 171. Стенограмма беседы с военнослужащими 56-й отдельной стрелковой бригады 1-й ударной армии. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 172. Стенограмма беседы с военнослужащими 246-го отдельного саперного батальона. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 173. Стенограмма беседы с военнослужащими 10-го танкового (2-го механизированного) корпуса. 1945 г. 1 ед. хр.
Опись 174. Стенограммы бесед с военнослужащими 43-й армии. 1944 г. 3 ед. хр.
Опись 175. Стенограмма беседы с военнослужащими 5-го отдельного лыжного батальона. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 176. Стенограмма беседы с военнослужащими 330-й стрелковой дивизии. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 177. Стенограмма беседы с военнослужащим 222-й стрелковой дивизии. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 178. Стенограмма беседы с военнослужащими 19-й танковой бригады. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 179. Стенограммы бесед с военнослужащими 352-й стрелковой дивизии 60-й армии. 1944 г. 2 ед. хр.
Опись 180. Стенограмма беседы с военнослужащими 53-й кавалерийской дивизии. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 181. Стенограмма беседы с военнослужащими 17-й отдельной курсантской бригады. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 182. Стенограмма беседы с военнослужащими 133-й стрелковой дивизии. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 183. Стенограмма беседы с военнослужащими 69-й мотострелковой дивизии. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 184. Стенограмма беседы с военнослужащими 2-й Московской коммунистической стрелковой дивизии (129-я Орловская стрелковая дивизия). 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 185. Стенограмма беседы с военнослужащими отдельного ремонтного батальона 1-й ударной армии. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 186. Стенограмма беседы с военнослужащими 371-й стрелковой дивизии 30-й армии. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 187. Стенограмма беседы с военнослужащими 30-й армии (10-я гвардейская армия). 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 188. Стенограмма беседы с военнослужащими 19-го гвардейского корпуса 10-й гвардейской армии. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 189. Стенограммы бесед с офицерами связи командующего Западного фронта Г.К. Жукова. 1942, 1944—1945 гг. 4 ед. хр.
Опись 190. Стенограмма беседы с военнослужащими 52-й гвардейской стрелковой дивизии. 1945 г. 1 ед. хр.
Опись 191. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 47-го гвардейского минометного полка. 1943—1944 гг. 3 ед. хр.
Опись 192. Стенограмма беседы с военнослужащим 69-й моторизированной дивизии (107-я танковая дивизия, 107-я мотострелковая дивизия, 2-я гвардейская мотострелковая дивизия, 49-я гвардейская стрелковая дивизия). 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 193. Стенограмма беседы с офицерами штаба 30-й армии. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 194. Стенограмма беседы с военнослужащими 239-й стрелковой дивизии 1-й ударной армии. 1944 г. 1 ед. хр.

Опись 195. Стенограммы бесед с военнослужащими 36-й саперной бригады (14-я Новгород-Северская инженерно-саперная бригада РГК). 1942—1944 гг. 18 ед. хр.
Опись 196. Стенограмма беседы с военнослужащими 46-й отдельной огнеметной роты. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 197. Краткая история 15-й стрелковой дивизии. 1942 г. 1 ед. хр.
Опись 198. Стенограммы бесед с военнослужащими 20-й армии. 1944—1945 гг. 3 ед. хр.
Опись 199. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 1-й ударной армии. 1942, 1944 гг. 2 ед. хр.
Опись 200. Стенограмма беседы с военнослужащими 108-го отдельного стрелкового полка. 1945 г. 1 ед. хр.
Опись 201. Стенограмма беседы с военнослужащими 1170-го стрелкового полка 348-й стрелковой дивизии 30-й армии. 1945 г. 1 ед. хр.
Опись 202. Стенограммы бесед с военнослужащими Подольского пехотного училища. 1945 г. 2 ед. хр.
Опись 203. Стенограмма беседы с военнослужащими 60-й отдельной стрелковой курсантской бригады 5-й армии. 1945 г. 1 ед. хр.
Опись 204. Стенограмма беседы с военнослужащим 70-го полка (в составе дивизии НКВД). 1945 г. 1 ед. хр.
Опись 205. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 54-й армии. 1945 г. 2 ед. хр.
Опись 206. Материалы по истории 350-й Житомирской стрелковой дивизии. 1945 г. 1 ед. хр.
Опись 207. Стенограммы бесед с военнослужащими 5-й гвардейской стрелковой дивизии. 1945 г. 11 ед. хр.
Опись 208. Стенограммы бесед с военнослужащими 16-й гвардейской стрелковой дивизии. 1945 г. 4 ед. хр.
Опись 209. Стенограммы бесед с военнослужащими 66-й инженерно-саперной бригады. 1945 г. 4 ед. хр.
Опись 210. Стенограмма беседы с военнослужащими 330-го отдельного артиллерийского дивизиона особой мощности. 1945 г. 1 ед. хр.
Опись 211. Стенограмма беседы с военнослужащими 551-го армейского истребительного противотанкового артиллерийского полка. 1945 г. 1 ед. хр.
Опись 212. Стенограммы бесед с военнослужащими 545-го артиллерийского минометного полка. 1945 г. 5 ед. хр.
Опись 214. Материалы по истории 13-й армии. 1945 г. 2 ед. хр.
Опись 215. Стенограммы бесед с военнослужащими Балтийского флота. 1945—1946 гг. 22 ед. хр.
Опись 216. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 46-го гвардейского ночного бомбардировочного авиаполка. 1943—1947 гг. 28 ед. хр.
Опись 217. Материалы по истории 23-й дивизии войск НКВД по охране железных дорог. 1941—1944 гг. 14 ед. хр.
Опись 218. Стенограмма беседы с военнослужащими 18-й отдельной морской разведывательной авиаэскадры. 1945 г. 1 ед. хр.
Опись 219. Материалы по истории 107-й стрелковой дивизии. 1943 г. 2 ед. хр.
Опись 220. Краткая история 124-й танковой бригады. 1945 г. 1 ед. хр.
Опись 221. Краткая история 81-го запасного стрелкового полка. 1945 г. 1 ед. хр.
Опись 222. Стенограмма беседы с военнослужащими 59-й армии. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 223. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 130-го Латышского стрелкового корпуса. 1945 г. 11 ед. хр.
Опись 224. Стенограммы бесед с военнослужащими 308-й Латышской стрелковой дивизии 130-го стрелкового корпуса. 1945 г. 6 ед. хр.
Опись 225. История 89-й гвардейской стрелковой дивизии. Б/д. 1 ед. хр.
Опись 226. Стенограммы бесед с военнослужащими 36-го стрелкового гвардейского корпуса 11-й армии. 1945 г. 4 ед. хр.
Опись 227. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 83-й стрелковой Городокской дивизии 11-й армии. 1944—1945 гг. 20 ед. хр.
Опись 228. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 31-й гвардейской стрелковой дивизии 11-й армии. 1944—1945 гг. 4 ед. хр.
Опись 229. Стенограммы бесед с военнослужащими 16-го гвардейского стрелкового корпуса. 1945 г. 3 ед. хр.

Опись 230. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 18-й гвардейской стрелковой дивизии. 1945—1947 гг. 11 ед. хр.
Опись 232. Материалы по истории 5-й гвардейской армии. 1942, 1944 гг. 2 ед. хр.
Опись 233. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 125-го гвардейского бомбардировочного полка им. Марины Расковой. 1945—1946 гг. 6 ед. хр.
Опись 234. Стенограммы бесед с военнослужащими 9-й Краснодарской пластунской дивизии. 1946 г. 9 ед. хр.
Опись 235. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса. 1941—1947, 1949 гг. 80 ед. хр.
Опись 236. Стенограммы бесед с военнослужащими 5-го гвардейского Донского казачьего корпуса. 1946 г. 2 ед. хр.
Опись 237. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории различных подразделений. 1942, 1945—1947 гг. 10 ед. хр.
Опись 238. Стенограмма беседы с военнослужащими 174-й стрелковой дивизии (20-я гвардейская). 1946 г. 1 ед. хр.
Опись 239. Стенограмма беседы с военнослужащими 1-го гвардейского артиллерийского дивизиона. 1946 г. 1 ед. хр.
Опись 240. Стенограмма беседы с военнослужащими 940-го артполка 69-й армии. 1946 г. 1 ед. хр.
Опись 241. Стенограмма беседы с военнослужащими 32-й гаубичной бригады 12-го артиллерийского дивизиона 4-го артиллерийского корпуса прорыва. 1946 г. 1 ед. хр.
Опись 242. Стенограмма беседы с военнослужащими 31-й стрелковой дивизии. 1946 г. 1 ед. хр.
Опись 243. Стенограмма беседы с военнослужащими 67-й гаубичной артиллерийской бригады. 1946 г. 1 ед. хр.
Опись 244. Стенограмма беседы с военнослужащими 15-й артиллерийской дивизии. 1946 г. 1 ед. хр.
Опись 245. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 6-й армии. 1942, 1946 гг. 3 ед. хр.
Опись 246. Стенограмма беседы с военнослужащими 989-го гаубичного артполка. 1946 г. 1 ед. хр.
Опись 247. Стенограмма беседы с военнослужащими 23-го танкового корпуса. 1946 г. 1 ед. хр.
Опись 248. Стенограмма беседы с военнослужащими 49-й армии. 1946 г. 1 ед. хр.
Опись 249. Материалы по истории 2-го гвардейского корпуса 3-й гвардейской кавалерийской дивизии. 1942 г. 1 ед. хр.
Опись 250. Стенограмма беседы с заместителем начальника штаба артиллерии 2-го Дальневосточного фронта полковником А.М. Уманским. 1946 г. 1 ед. хр.
Опись 251. Краткая история Осовецкого полка Верхнеднепровской дивизии. 1946 г. 1 ед. хр.
Опись 252. Стенограмма беседы с военнослужащими 7-й воздушно-десантной бригады. 1946 г. 1 ед. хр.
Опись 253. Материалы по истории 150-й Идрицко-Берлинской ордена Кутузова II степени стрелковой дивизии. 1945—1946 гг. 2 ед. хр.
Опись 254. Стенограмма беседы с военнослужащими Приморской армии. 1946 г. 1 ед. хр.
Опись 255. Стенограммы бесед с военнослужащими истребительного батальона Первомайского района г. Москвы. 1947 г. 13 ед. хр.
Опись 256. Материалы по истории 136-й отдельной стрелковой бригады. 1943, 1948 гг. 2 ед. хр.
Опись 257. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 9-й армии. 1941—1942 гг. 13 ед. хр.
Опись 258. Материалы по истории 66-й армии. 1942—1944 г. 7 ед. хр.
Опись 259. Стенограммы бесед с военнослужащими и материалы по истории 333-го гвардейского стрелкового полка 117-й гвардейской Бердичевской стрелковой дивизии. 1941—1946 гг. 6 ед. хр.
Опись 260. Материалы по истории 69-й армии (4-я гвардейская). 1945 г. 1 ед. хр.
Опись 261. Материалы по истории курсов младших лейтенантов Северо-Западного фронта. 1942 г. 1 ед. хр.
Опись 262. Материалы по истории 92-й отдельной особой морской бригады 62-й армии Сталинградского фронта. 1971 г. 1 ед. хр.
Опись 263. Материалы по истории 21-го отдельного учебно-танкового батальона. 1975 г. 1 ед. хр.
Опись 264. Воспоминания фронтовика-пехотинца М.Ф. Иванова. «Солдаты переднего края» (20 очерков). 1 ед. хр.

Раздел II. «История партизанского движения»

Состав: 22 описи, 1385 единиц хранения.

Документы сгруппированы по географическому принципу (по областям и регионам СССР). Представлены материалы по партизанскому движению в Московской, Ленинградской, Тульской, Смоленской, Орловской, Брянской, Калининской областях; в Карелии, Крыму, на Северном Кавказе; на Украине, в Белоруссии, Литве, Латвии, Эстонии, Молдавии. Наибольшее количество документов собрано о партизанском отряде Бати (так партизаны звали своего командира Н.З. Коляду, 1891—1955 гг.), действовавшем на Смоленщине.

В разделе хранятся ценные документы, касающиеся партизанского движения: делопроизводственные документы партизанских частей и военных частей, с которыми они находились в тесном контакте, донесения партизанских отрядов, сведения о персональном составе и вооружении партизанских формирований и т.д. Центральное место в фонде занимают записи бесед с участниками партизанского движения. Всего было опрошено 339 человек. Существенным дополнением к записям являются дневники и письма партизан, автобиографии и биографии, докладные записки, справки и описание операций, листовки, подпольные газеты и рукописные журналы, очерки и статьи о действиях партизан, фольклорные материалы. Данные источники отражают отношения разных социальных групп населения к войне, немецким оккупационным войскам и т.д., раскрывают психологию участников партизанского движения в условиях боевых действий, показывают их повседневный быт.

Опись 1. Материалы о партизанском движении в Московской области. 50 ед. хр.
Опись 2. Материалы о партизанском движении в Смоленской области. 124 ед. хр.
Опись 3. Материалы о партизанском движении в Ленинградской области. 22 ед. хр.
Опись 4. Материалы о партизанском движении в Белоруссии. 336 ед. хр.
Опись 5. Материалы о партизанском движении в Тульской области. 6 ед. хр.
Опись 6. Материалы о партизанском движении в Орловской области. 94 ед. хр.
Опись 7. Материалы о партизанском движении в Калининской области. 16 ед. хр.
Опись 8. Материалы о партизанском движении на Северном Кавказе. 21 ед. хр.
Опись 9. Материалы о партизанском движении на Украине. 405 ед. хр.
Опись 10. Материалы о партизанском движении в Крыму. 56 ед. хр.
Опись 11. Материалы о партизанском движении в Карелии. 18 ед. хр.
Опись 12. Материалы штаба партизанского движения Западного фронта. 15 ед. хр.
Опись 13. Материалы о партизанском движении в Литве. 7 ед. хр.
Опись 14. Материалы о партизанском движении в Латвии. 17 ед. хр.
Опись 15. Материалы о партизанском движении в Эстонии. 7 ед. хр.
Опись 16. Материалы о партизанском движении в Чехословакии. 6 ед. хр.
Опись 17. Материалы о партизанском движении в Молдавии. 17 ед. хр.
Опись 18. Материалы о партизанском движении в Западной Европе. 1 ед. хр.
Опись 19. Материалы отряда особого назначения НКВД. 29 ед. хр.
Опись 20. Разные материалы о партизанском движении. 9 ед. хр.
Опись 21. Материалы о партизанском движении в Брянской области. 11 ед. хр.
Опись 22. Материалы партизанской бригады «Бати». 118 ед. хр.

Раздел III. «Оборона городов»

Состав: 18 описей, 648 единиц хранения.

Документы сгруппированы по территориальному принципу. Самым крупным комплексом являются материалы по обороне Сталинграда (185 дел): стенограммы бесед, документы оперативного характера, освещающие действия армий, участвовавших в битве. Документы по обороне Севастополя включают 100 дел. Бои за другие города (Одессу, Курск, Харьков, Ленинград, Донбасс, Брест, Краснодар, Гомель и др.) представлены фрагментарно. В разделе имеются материалы о штурме Бранденбурга и Берлина.

Опись 1. Материалы по обороне Ленинграда. 1942—1945 гг. 15 ед. хр.
Опись 2. Материалы по обороне Одессы. 1941—1944 гг. 50 ед. хр.
Опись 3. Материалы по обороне Севастополя. 1941—1946, 1954 гг. 112 ед. хр.
Опись 4. Материалы по обороне Тулы. 1942 г. 3 ед. хр.
Опись 5. Материалы по обороне Сталинграда. 1941—1946 гг. 183 ед. хр.
Опись 6. Материалы по обороне острова Ханко. 1941, 1943 гг. 6 ед. хр.
Опись 7. Материалы по обороне Харькова. 1941—1943 гг. 10 ед. хр.
Опись 8. Материалы по обороне Смоленска. 1943 г. 1 ед. хр.
Опись 9. Материалы по обороне Донбасса. 1944 г. 6 ед. хр.
Опись 10. Материалы по обороне Бреста. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 11. Материалы по обороне Крыма. 1944—1945 гг. 2 ед. хр.
Опись 12. Материалы по обороне Краснодара. 1941 г. 1 ед. хр.
Опись 13. Материалы по обороне Гомеля. 1946 г. 1 ед. хр.
Опись 14. Материалы о штурме Бранденбурга. 1941—1946, 1948 гг. 2 ед. хр.
Опись 15. Материалы о штурме Берлина. 1945 г. 71 ед. хр.
Опись 16. Материалы по обороне Курска. 1943 г. 82 ед. хр.
Опись 17. Материалы по обороне Москвы. 1966—1967 гг. 101 ед. хр.
Опись 18. Разные материалы по обороне городов. Б/д. 1 ед. хр.

Раздел IV. «Стенограммы бесед и материалы о Героях Советского Союза»

Состав: 1 опись, 7240 единиц хранения. 1941—1948 гг.

Основой блок раздела — записи бесед с Героями Советского Союза и их сослуживцами, а также материалы периодической печати, освещающие их подвиги. В дела включены наградные листы и письма. Материалы раздела систематизированы в картотеке записей бесед с Героями Советского Союза. Дела расположены по алфавиту фамилий. Отдельно представлены женщины, удостоенные этого высокого звания, а также дважды и трижды Герои Советского Союза.

Раздел V. «Тыл, военная экономика»

Состав: 53 описи, 677 единиц хранения.

Раздел содержит коллекцию стенограмм бесед с деятелями профсоюзов, руководителями предприятий, партийными и комсомольскими руководителями, инженерным и техническим персоналом предприятий, а также с рядовыми работниками. Он включает материалы по 30 оборонным заводам Москвы (ЗИС, СВАРЗ, «Шарикоподшипник», им. Владимира Ильича, «Красный пролетарий», фабрики «Рот-фронт», «Трехгорная мануфактура» и т.д.), а также Подмосковья, Поволжья, Урала и Сибири, Казани, по эвакуированным заводам Киева и Минска и т.д. Также имеются копии документов из архивов предприятий военных лет. Наибольшее количество документов в фонде относится к истории комбината «Трехгорная мануфактура» и Подмосковного угольного бассейна.

Работа сельского хозяйства военных лет представлена крайне скудно. Небольшое количество материалов посвящено работе колхозов Московской и Алма-Атинской областей.

Опись 1. Материалы по истории завода «Красный пролетарий». 1942, 1944, 1946 гг. 4 ед. хр.
Опись 2. Материалы по истории завода № 23 (22). 1942 г. 1 ед. хр.
Опись 3. Материалы по истории завода им. Сталина в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. 1942—1943 гг. 4 ед. хр.
Опись 4. Материалы по истории фабрики «Рот-Фронт». 1942 г. 1 ед. хр.
Опись 5. Материалы по истории Сокольнического вагоноремонтно-строительного завода (СВАРЗ). 1943 г. 1 ед. хр.
Опись 6. Материалы по истории ремесленных училищ. 1943 г. 1 ед. хр.
Опись 7. Материалы по истории завода № 22 Наркомата авиационной промышленности (г. Казань). 1943 г. 22 ед. хр.
Опись 8. Материалы по истории завода № 1 (30). 1943—1944 гг. 9 ед. хр.
Опись 9. Материалы по истории завода шарикоподшипников. 1941—1945 гг. 12 ед. хр.
Опись 10. Материалы по истории завода им. Ильича. 1943 г. 4 ед. хр.
Опись 11. Материалы по истории медеплавильного завода им. Молотова. 1942—1944 гг. 5 ед. хр.
Опись 12. Материалы по истории Московского инструментального завода. 1943—1944 гг. 2 ед. хр.
Опись 13. Материалы по истории Ленинской железной дороги. 1942—1944 гг. 25 ед. хр.
Опись 14. Материалы по истории завода автоприцепов. 1943—1944 гг. 4 ед. хр.
Опись 15. Материалы по военной экономике. 1943—1946 гг. 13 ед. хр.
Опись 16. Материалы по истории Урала. 1943 г. 9 ед. хр.
Опись 17. Материалы по истории Донецкого (г. Сталино) металлургического завода им. Сталина. 1944, 1946 гг. 3 ед. хр.
Опись 18. Материалы по истории Донбасса. 1943—1945, 1947—1948 гг. 25 ед. хр.
Опись 19. Стенограммы бесед и материалы о Героях Социалистического труда. 1943—1945 гг. 27 ед. хр.
Опись 20. Материалы по истории Октябрьской железной дороги. 1941—1943 гг. 4 ед. хр.
Опись 21. Материалы по истории завода «Ленкузня» (г. Киев). 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 22. Материалы по истории завода «Каучук». 1944 г. 2 ед. хр.
Опись 23. Материалы по истории Дорогомиловского химического завода. 1941, 1944 гг. 7 ед. хр.
Опись 24. Материалы по истории хлебозавода «Автомат» (г. Минск). 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 25. Материалы по истории ситценабивной фабрики им. Свердлова. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 26. Материалы по истории комбината твердых сплавов. 1944 г. 14 ед. хр.
Опись 27. Материалы по истории Подмосковного угольного бассейна. 1941—1946 гг. 140 ед. хр.
Опись 28. Материалы по истории Бутырского химического завода. 1944 г. 1 ед. хр.

Опись 29. Материалы по истории металло-штамповочного завода. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 30. Материалы по истории завода «Серп и Молот». 1944—1945, 1947 гг. 26 ед. хр.
Опись 31. Материалы по истории завода № 381. 1942, 1944—1945 гг. 9 ед. хр.
Опись 32. Материалы по истории завода № 151. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 33. Материалы по истории завода № 451. 1944 г. 2 ед. хр.
Опись 34. Материалы по истории завода № 8 «Метростроя». 1944 г. 2 ед. хр.
Опись 35. Материалы по истории комбината «Трехгорная мануфактура». 1923, 1943—1947 гг. 85 ед. хр.
Опись 36. Материалы по истории Краматорского металлургического завода. 1944 г. 9 ед. хр.
Опись 37. Материалы по истории Новокраматорского машиностроительного завода им. Сталина. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 38. Материалы по истории коксохимического завода. 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 39. Материалы по истории Константиновского металлургического завода им. Фрунзе (Донбасс). 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 40. Материалы по истории колхоза им. Сталина (Алма-Атинская область). 1943 г. 2 ед. хр.
Опись 41. Материалы по истории завода «Красная труба». 1944 г. 1 ед. хр.
Опись 42. Материалы по истории Енакиевского металлургического завода. 1945 г. 1 ед. хр.
Опись 43. Материалы по истории Кадиевского коксохимического завода. Б/д. 1 ед. хр.
Опись 44. Материалы по истории фабрики им. Фрунзе. 1941—1944, 1947 гг. 25 ед. хр.
Опись 45. Материалы по истории завода № 45. 1945 г. 27 ед. хр.
Опись 46. Материалы по истории колхозов. 1946 г. 5 ед. хр.
Опись 47. Материалы по истории комбината «Красная Роза». 1942—1947 гг. 43 ед. хр.
Опись 48. Материалы по истории 1-го Московского авторемонтного завода. Б/д. 1 ед. хр.
Опись 49. Материалы по истории фабрики «Красные текстильщики». 1941—1945, 1947 гг. 29 ед. хр.
Опись 50. Материалы по истории Государственной автономной прядильно-ткацкой фабрики им. Фрунзе. 1947—1948 гг. 33 ед. хр.
Опись 51. Материалы по истории фабрики «Парижская коммуна». 1947 г. 2 ед. хр.
Опись 52. Материалы по истории комбината им. Калинина. 1944, 1946—1948 гг. 25 ед. хр.
Опись 53. Материалы по истории завода № 24 им. Фрунзе Наркомата авиационной промышленности СССР. Б/д. 1 ед. хр.

Раздел VI. «Оккупационный режим немецко-фашистских захватчиков»

Состав: 24 описи, 711 единиц хранения.

Документы систематизированы по географическому принципу. Раздел включает материалы по деятельности оккупационных сил на Украине, в Белоруссии, Латвии, Эстонии, Молдавии, на Северном Кавказе, в Крыму и Донбассе, а также в Московской, Смоленской, Тульской, Курской областях и в отдельных городах — Киеве, Одессе, Харькове, Львове, Барановичах, Бресте и др. Отдельную группу составляют документы подпольных организаций советских граждан, действовавших на территории Германии. Имеются акты с оценкой ущерба, причиненного отечественным памятникам культуры немецкими оккупантами. Значительный пласт источников составляют стенограммы бесед с местными жителями — жертвами и свидетелями оккупационного режима, письма советских граждан, угнанных на работу в Германию, статистические данные о восстановлении разрушенных районов. Кроме того, в разделе отложились некоторые документы оккупационных режимов, включая приказы и распоряжения местному населению, немецкие и коллаборациони-

стские пропагандистские газеты, памятки немецким солдатам, фотографии немецких солдат; документы о подпольных организациях, дневники, стихи. Интерес представляют документы, предназначенные для сборника воспоминаний бывших узников лагеря «Равенсбрюк» — женского концентрационного лагеря на территории Германии, существовавшего с 1939 г. по 1945 г.

Опись 1. Материалы по оккупационному режиму немецко-фашистских захватчиков в Московской области. 1941—1944 гг. 42 ед. хр.
Опись 2. Материалы по оккупационному режиму немецко-фашистских захватчиков в Смоленской области. 1941—1943 гг. 36 ед. хр.
Опись 3. Материалы по оккупационному режиму немецко-фашистских захватчиков в Тульской области. 1942—1943 гг. 8 ед. хр.
Опись 4. Материалы по оккупационному режиму немецко-фашистских захватчиков в усадьбе «Ясная поляна». 1941—1942 гг. 9 ед. хр.
Опись 5. Материалы по оккупационному режиму немецко-фашистских захватчиков в Белоруссии. 1942—1946 гг. 40 ед. хр.
Опись 6. Материалы по оккупационному режиму немецко-фашистских захватчиков в г. Харькове. 1943—1944 гг. 71 ед. хр.
Опись 7. Материалы по оккупационному режиму немецко-фашистских захватчиков в Курской области. 1943 г. 1 ед. хр.
Опись 8. Материалы по оккупационному режиму немецко-фашистских захватчиков в разных регионах страны. 1940—1945 гг. 51 ед. хр.
Опись 9. Материалы по оккупационному режиму немецко-фашистских захватчиков на Украине. 1942—1946 гг. 29 ед. хр.
Опись 10. Материалы по оккупационному режиму немецко-фашистских захватчиков в г. Киеве. 1943—1944 гг. 33 ед. хр.
Опись 11. Материалы по оккупационному режиму немецко-фашистских захватчиков в г. Мелитополе. 1941—1942, 1944 гг. 11 ед. хр.
Опись 12. Материалы по оккупационному режиму немецко-фашистских захватчиков в Донбассе. 1941—1945 гг. 47 ед. хр.
Опись 13. Материалы по оккупационному режиму немецко-фашистских захватчиков в Крыму. 1942—1944, 1946 гг. 33 ед. хр.
Опись 14. Материалы по оккупационному режиму немецко-фашистских захватчиков в г. Одессе. 1944—1945 гг. 48 ед. хр.
Опись 15. Материалы по оккупационному режиму немецко-фашистских захватчиков в г. Минске. 1942—1945 гг. 56 ед. хр.
Опись 16. Материалы по оккупационному режиму немецко-фашистских захватчиков в г. Бресте. 1944 г. 11 ед. хр.
Опись 17. Материалы по оккупационному режиму немецко-фашистских захватчиков в г. Барановичи. 1944—1945 гг. 20 ед. хр.
Опись 18. Материалы по оккупационному режиму немецко-фашистских захватчиков в г. Львове. 1943—1944 гг. 4 ед. хр.
Опись 19. Материалы по оккупационному режиму немецко-фашистских захватчиков в Латвийской ССР. 1944—1945 гг. 15 ед. хр.
Опись 20. Материалы по оккупационному режиму немецко-фашистских захватчиков в Эстонии. 1942, 1945 гг. 36 ед. хр.
Опись 21. Материалы по оккупационному режиму немецко-фашистских захватчиков в Молдавии. 1941, 1944—1945 гг. 23 ед. хр.
Опись 22. Материалы по деятельности подпольных организаций советских граждан в Германии. 1942—1947, 1949 гг. 30 ед. хр.
Опись 23. Материалы по оккупационному режиму немецко-фашистских захватчиков на Северном Кавказе. 1945 г. 14 ед. хр.
Опись 24. Материалы сборника «Воспоминания бывших узниц лагеря «Равенсбрюк». 1961—1967, 1986 гг. 43 ед. хр.

Раздел VII. «Национальные республики в годы Великой Отечественной войны»

Состав: 11 описей, 49 единиц хранения.

Материалы раздела носят фрагментарный характер. Имеются документы об участии в войне солдат из Азербайджана, Армении, Казахстана, Узбекистана и Туркмении. Содержится информация об участии женщин Узбекистана в боевых действиях. Отдельные группы источников составляют письма с фронта, выписки из газет и др.

Опись 1. Материалы об участии Белоруссии в Великой Отечественной войне. 1 ед. хр.
Опись 2. Материалы об участии Азербайджана в Великой Отечественной войне. 6 ед. хр.
Опись 3. Материалы об участии Армении в Великой Отечественной войне. 9 ед. хр.
Опись 4. Материалы об участии Грузии в Великой Отечественной войне. 6 ед. хр.
Опись 5. Материалы об участии Казахстана в Великой Отечественной войне. 12 ед. хр.
Опись 6. Материалы об участии Киргизии в Великой Отечественной войне. 1 ед. хр.
Опись 7. Материалы об участии Татарии в Великой Отечественной войне. 1 ед. хр.
Опись 8. Материалы об участии Узбекистана в Великой Отечественной войне. 3 ед. хр.
Опись 9. Материалы об участии Карело-Финской ССР в Великой Отечественной войне. 1 ед. хр.
Опись 10. Материалы об участии Туркмении в Великой Отечественной войне. 6 ед. хр.
Опись 11. Материалы об участии РСФСР в Великой Отечественной войне. 3 ед. хр.

Раздел VIII. «Культура и быт в годы войны»

Состав: 8 описей, 52 единицы хранения.

Раздел содержит записи интервью с работниками некоторых московских вузов (в том числе Московского педагогического института и МГУ им. М.В. Ломоносова), научно-исследовательских институтов, музеев (Государственного исторического музея, Музея им. Л.Н. Толстого и Музея нового западного искусства) и библиотек (Государственной библиотеки им В.И. Ленина, Государственной публичной исторической библиотеки). Небольшое количество документов отражают деятельность московских школ во время войны.

Опись 1. Материалы о положении детей в годы войны. 7 ед. хр.
Опись 2. Материалы о деятельности работников искусства в годы войны. 19 ед. хр.
Опись 3. Материалы о деятельности и положении советских ученых в годы войны. 4 ед. хр.
Опись 4. Материалы о работе ВУЗов в годы войны. 10 ед. хр.
Опись 5. Материалы о деятельности советских писателей в годы войны. 2 ед. хр.
Опись 6. Материалы, отражающие бытовую жизнь Москвы. 2 ед. хр.
Опись 7. Материалы о деятельности музеев в годы войны. 4 ед. хр.
Опись 8. Материалы о деятельности библиотек в годы войны. 4 ед. хр.

Раздел IX. «Материалы по истории обороны Москвы»

Состав: 41 опись, 418 единиц хранения.

Раздел содержит записи рассказов организаторов и участников обороны Москвы. Документы систематизированы по районам Москвы и Подмосковья. Особый интерес представляют материалы, освещающие деятельность народного ополчения. Они включают воспоминания и дневники, отчеты о формировании и организации дивизий народного ополчения и коммунистических батальонов, списки ополченцев, выписки из газет. Имеются документы по работе ПВО различных районов Москвы, о строительстве оборонительных сооружений. Отдельные коллекции материалов — документы по обороне Серпухова и Каширы.

Опись 1. Материалы по противовоздушной обороне г. Москвы. 18 ед. хр.
Опись 2. Материалы по деятельности Дзержинского райкома ВКП(б) г. Москвы. 20 ед. хр.
Опись 3. Материалы по деятельности Калининского райкома ВКП(б) г. Москвы. 6 ед. хр.
Опись 4. Материалы по деятельности Киевского райкома ВКП(б) г. Москвы. 12 ед. хр.
Опись 5. Материалы по деятельности Кировского райкома ВКП(б) г. Москвы. 16 ед. хр.
Опись 6. Материалы по деятельности Краснопресненского райкома ВКП(б) г. Москвы. 5 ед. хр.
Опись 7. Материалы по деятельности Ленинского райкома ВКП(б) г. Москвы. 28 ед. хр.
Опись 8. Материалы по деятельности Ленинградского райкома ВКП(б) г. Москвы. 64 ед. хр.
Опись 9. Материалы по деятельности Москворецкого райкома ВКП(б) г. Москвы. 21 ед. хр.
Опись 10. Материалы по деятельности Ростокинского райкома ВКП(б) г. Москвы. 11 ед. хр.
Опись 11. Материалы по деятельности Тимирязевского райкома ВКП(б) г. Москвы. 11 ед. хр.
Опись 12. Материалы по деятельности Фрунзенского райкома ВКП(б) г. Москвы. 6 ед. хр.
Опись 13. Воспоминания участников обороны Москвы. 6 ед. хр.
Опись 14. Материалы по деятельности Свердловского райкома ВКП(б) г. Москвы. 13 ед. хр.
Опись 15. Материалы по деятельности Октябрьского райкома ВКП(б) г. Москвы. 2 ед. хр.
Опись 16. Материалы по деятельности Пролетарского райкома ВКП(б) г. Москвы. 5 ед. хр.
Опись 17. Материалы по деятельности Железнодорожного райкома ВКП(б) г. Москвы. 7 ед. хр.
Опись 18. Материалы по деятельности Сокольнического райкома ВКП(б) г. Москвы. 3 ед. хр.
Опись 19. Материалы по деятельности Советского райкома ВКП(б) г. Москвы. 4 ед. хр.
Опись 20. Материалы по деятельности Куйбышевского райкома ВКП(б) г. Москвы. 17 ед. хр.
Опись 21. Материалы по строительству оборонительных рубежей вокруг Москвы. 31 ед. хр.
Опись 22. Материалы по деятельности Красногвардейского райкома ВКП(б) г. Москвы. 3 ед. хр.
Опись 23. Материалы по деятельности Орехово-Зуевского горкома ВКП(б). 2 ед. хр.
Опись 24. Материалы по деятельности Бауманского райкома ВКП(б) г. Москвы. 3 ед. хр.
Опись 25. Материалы по деятельности Первомайского райкома ВКП(б) г. Москвы. 21 ед. хр.
Опись 26. Материалы по деятельности Коминтерновского райкома ВКП(б) г. Москвы. 3 ед. хр.
Опись 27. Материалы Народного ополчения. 4 ед. хр.
Опись 28. Материалы по деятельности Моссовета. 2 ед. хр.
Опись 29. Материалы по деятельности Молотовского райкома ВКП(б) г. Москвы. 1 ед. хр.
Опись 30. Материалы по деятельности Таганского райкома ВКП(б) г. Москвы. 2 ед. хр.
Опись 31. Материалы по деятельности Московского метрополитена. 16 ед. хр.
Опись 32. Материалы по деятельности Каширского горкома ВКП(б). 7 ед. хр.
Опись 33. Материалы по деятельности Серпуховского горкома ВКП(б). 4 ед. хр.
Опись 34. Материалы по деятельности Дмитровского горкома ВКП(б). 10 ед. хр.
Опись 35. Материалы по деятельности Сталинского райкома ВКП(б) г. Москвы. 1 ед. хр.
Опись 36. Общемосковские материалы. 4 ед. хр.
Опись 37. Разные материалы. 4 ед. хр.
Опись 38. Статьи и очерки. 15 ед. хр.
Опись 39. Материалы по деятельности Коломенского горкома ВКП(б). 6 ед. хр.
Опись 40. Материалы по деятельности Ленинского района Московской области. 1 ед. хр.
Опись 41. Материалы по деятельности Кунцевского горкома ВКП(б). 3 ед. хр.

Раздел X. «Отдельные документы, не вошедшие в другие разделы»

Состав: 9 описей, 156 единиц хранения.

В разделе содержатся материалы, по тем или иным причинам не вошедшие в тематические разделы фонда. Здесь представлены сборники статей и воспоминаний, подготовленных Комиссией, письма и воспоминания участников войны, материалы Всеславянского комитета и Движения Сопротивления, материалы об эвакуации населения, о деятельности народного ополчения Монгольской Народной Республики, материалы полевого управления Украинского фронта и т.д. Отдельную группу составляют документы, посвященные проблеме «женщины в годы войны».

Опись 1. Материалы сборника Л. Зак «Мы слышали Сталина» и воспоминания о тов. Сталине. 21 ед. хр.
Опись 2. Воспоминания участников Великой Отечественной войны и сотрудников Института истории СССР АН СССР. 15 ед. хр.
Опись 3. Сборники, очерки, статьи и письма. 34 ед. хр.
Опись 4. Материалы по истории народного ополчения Монгольской Народной Республики. 1 ед. хр.
Опись 5. Материалы эвакуации населения г. Арзамас. 1 ед. хр.
Опись 6. Материалы полевого управления Украинского фронта. 1 ед. хр.
Опись 7. Материалы о положении и деятельности женщины в годы Великой Отечественной войны. 79 ед. хр.
Опись 8. Материалы Всеславянского комитета. 3 ед. хр.
Опись 9. Материалы движения Сопротивления. 1 ед. хр.

Раздел XI. «Фототеки Героев Советского Союза и тематические фототеки»

Состав: 2 описи, 1585 единиц хранения.

Раздел включает фотодокументы. Он состоит из двух частей: фототеки Героев Советского Союза и тематической фототеки. Всего в разделе имеется 33 458 фотографий, к сожалению, не всегда высокого качества.

Опись 1. Фотографии Героев Советского Союза. 1457 ед. хр.
Опись 2. Тематическая фототека. 128 ед. хр.

Раздел XII. «Трофейные документы»

Состав: 1 опись, 29 единиц хранения.

В раздел входят документы верховного командования германских войск, немецкие воззвания, плакаты, бюллетени, документы оккупационных властей. Первоначально эта коллекция документов была более существенна. В ходе работы Комиссии Минца в военный период были собраны коллекции

немецких листовок, газет и пропагандистских плакатов оккупационных властей, периодические издания коллаборационистов, фотографии немецких солдат и т.д. Большинство этих документов были засекречены, после войны значительная часть коллекции была передана в другие архивы.

Раздел XIII. «Газеты, вырезки, листовки, бюллетени по истории Великой Отечественной войны»

Состав: 28 описей, 1353 единицы хранения, 41 ящик карточек, 41 картотека.

Раздел содержит печатный материал, изданный в СССР во время войны. Это плакаты, брошюры, листовки, бюллетени, газеты воинских частей, книги, информбюллетени, разного рода гражданские периодические издания, обращения, воззвания. Имеются печатные материалы, предназначенные для пропаганды среди фашистских войск, на немецком и других языках. Значительный интерес представляет досье газетных вырезок по различным сторонам военного времени. Особую часть раздела составляют картотеки «Летопись обороны Москвы», «Указатели к приказам Верховного командования», «Картотека сводок Совинформбюро», «Картотека Героев Советского Союза», «Библиография Героев Советского Союза».

Опись 1. Досье газетных вырезок за 1943—1945 гг. 542 ед. хр.
Опись 2. Досье газетных вырезок по истории обороны Москвы. 1941—1942 гг. 97 ед. хр.
Опись 3. Досье газетных вырезок по истории битвы за Сталинград. 1942—1945 гг. 70 ед. хр.
Опись 4. Досье газетных вырезок по истории партизанского движения. 1941—1945 гг. 57 ед. хр.
Опись 5. Досье газетных вырезок с текстами указов и постановлений правительства. 1941—1945 гг. 73 ед. хр.
Опись 6. Досье газетных вырезок по истории строительства новых предприятий в годы Великой Отечественной войны. 1942—1945 гг. 26 ед. хр.
Опись 7. Картотека основных дат по истории Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. 10 ящиков карточек.
Опись 8. Картотека «Хроники Обороны Москвы». 1941—1944 гг. 12 ящиков, 10 556 карточек.
Опись 9. Указатели к Приказам Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина. 21.01.1943—03.09.1945 г. 12 ед. хр.
Опись 10. Картотека на Героев Советского Союза. 1941—1945 гг. 19 ящиков карточек.
Опись 11. Библиографические списки. 1941—1945 гг. 75 ед. хр.
Опись 12. Досье газетных вырезок по истории Великой Отечественной войны (подготовлены Справочной редакцией ТАСС). 1941—1945 гг. 109 ед. хр.
Опись 13. Досье газетных вырезок П.Н. Миллера. 1941—1943 гг. 226 ед. хр.
Опись 14. Очерки о Героях Советского Союза. 1941—1945 гг. 66 ед. хр.
Описи 15—27. Коллекции газет, листовок, брошюр периода Великой Отечественной войны. Не разобрано.
Опись 28. Картотеки Комиссии по истории Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. 41 единица.

Раздел XIV. Делопроизводство Комиссии по истории Великой Отечественной войны

Состав: 1 опись, 46 единиц хранения. 1941—1948 гг.

Раздел содержит организационно-управленческую документацию Комиссии по истории Великой Отечественной войны при Академии наук СССР, отражающую основные направления и этапы ее деятельности.

Научное издание

Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне

На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941—1945 гг.

Макет и оформление *Ю.В. Балабанов*

Подписано в печать 15.10.15 Формат 70×100/16. Заказ № 139.
Тираж 500 экз. 24 п.л. 26,8 уч.-изд. л.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в Публичном акционерном обществе
«Т8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (495) 221-89-80

По издательским вопросам обращаться:
«Центр гуманитарных инициатив»
e-mail: unikniga@yandex.ru. Руководитель центра П.В. Соснов

Комплектование библиотек, оптовая продажа в России и странах СНГ
ООО «Университетская книга-СПб».

«Университетская книга-СПб» предлагает книготорговым организациям, библиотекам и простым читателям широкий ассортимент книг по всему спектру гуманитарных наук – философии, филологии, лингвистики, истории, социологии и политологии. Вы можете приобрести у нас по издательским ценам продукцию ведущих научно-гуманитарных издательств России.

Контакты:
в Санкт-Петербурге: Тел. (812)640-08-71, e-mail: uknigal@westcall.net
в Москве: ООО «Университетская книга-СПб». Тел. (495)915-32-84,
e-mail: ukniga-m@libfl.ru

Книжные новинки издательства всегда представлены
в киоске Государственного института искусствознания:
Москва, Большой Козицкий переулок, д. 5 (ст. метро «Чеховская»,
выход в сторону Музыкального театра им. К.С. Станиславского
и В.И. Немировича-Данченко).
Тел./факс: (495) 692-29-39, e-mail: kiosk_gii@sias.ru

Рассылка по России:
Интернет-магазин Лабиринт.ру: http://www.labirint.ru/

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА